

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Фомина Татьяна Юрьевна

РУССКИЕ ЕПИСКОПИИ X–XIII ВВ.:
СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук,
профессор Л.В. Мининкова

Казань – 2020

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Источники и историография	21
1.1. Источники	21
1.2. Историография	41
Глава 2. Каноническое положение и социальный статус русского епископата	72
2.1. Условия возникновения епископских центров на Руси	72
2.2. Структура архиерейского управления	103
2.3. Подбор кандидатов и порядок их поставления на архиерейские должности	128
2.4. Место епископата в социально-политической структуре древнерусского общества	163
Глава 3. Управление епископскими округами в X–XIII вв.	180
3.1. Русские епископы и мирское духовенство	180
3.2. Архиерейская власть и монастыри	192
3.3. Принципы реализации канонической власти епископата	204
3.4. Экономические основы существования епископских округов	220
Глава 4. Русские епископии в структуре Киевской митрополии	238
4.1. Северо-Западные епископии (Новгородская)	238
4.2. Западные епископии (Белгородская, Туровская, Полоцкая, Смоленская)	280
4.3. Юго-Западные епископии (Владимиро-Волынская, Юрьевская/Каневская, Перемышльская, Галицкая, Угровская/Холмская)	317
4.4. Северо-Восточные епископии (Ростовская, Рязанская, Владимиро-Суздальская, Тверская)	332
4.5. Юго-Восточные епископии (Черниговская, Переяславская, Сарская)	366
Заключение	393

Список сокращений и условных обозначений	400
Список использованных источников и литературы	402
Приложение	507

Введение

Актуальность темы исследования в том, что ее комплексное исследование позволяет получить более полное, всестороннее и глубокое представление о процессе формирования церковной структуры на начальном этапе развития христианской церкви на Руси. Одним из значимых звеньев данной структуры были епископы. Являясь частью высшей церковной иерархии, епископат был более связан с низовым церковным клиром и прихожанами, чем митрополичья власть. От него в значительной степени зависели успехи политической власти в распространении и укреплении христианства в стране. Епископы осуществляли организацию церковного управления на территории русских земель, и вместе с тем были тесно связаны с княжеской властью, а, следовательно, вносили свой вклад в утверждение на Руси не только христианства, но и государственных начал.

Анализ деятельности епископата позволит осветить вопросы, значимые для понимания не только процесса распространения на Руси христианства, но и самой политической организации общества, его особенностей. Это касается возникновения, становления и развития церковной организации, принципов формирования и функционирования архиерейского управления, особенностей реализации епископской власти на территории русских княжеств. То же самое относится к вопросу о том, как догматические и канонические истоки епископской власти в христианской церкви оказывали свое воздействие на формирование государственной идеологии, церковной структуры и епископата в первые века после принятия Русью христианства, как соотносились между собой вселенские и нарождавшиеся местные традиции. В ходе анализа положения епископата и епископской власти на Руси возможно разрешение целого комплекса вопросов, относящихся к истории русской церкви того времени. Это предпосылки возникновения церковной иерархии и структуры церковного управления на Руси, отношения между церковью и государственной властью в русских землях, а также место

епископата в социальной структуре древнерусского общества. Изучение канонического, политического и социального статуса русского епископата и епископской власти позволяет не только глубже уяснить положение христианской церкви в обществе и государстве, но и проанализировать динамику развития самой церковной организации на протяжении X–XIII вв., выявить особенности ее функционирования в различных землях Руси и тем самым уточнить представление об особенностях исторического развития древнерусского государства.

Сложность и многогранность проблемы требует пояснения *терминологии*, используемой в исследовании. Представляется необходимым уточнение смысла отдельных терминов, определение смысловой нагрузки понятий, которые встречаются в научной литературе, посвященной роли церкви в общественно-политическом развитии Руси. Важнейший для него термин «церковь». Со времени правления Владимира Святославича церковь способствовала политике объединения Руси, следовательно данный термин может использоваться как понятие собирательное, и обозначать религиозную структуру в целом¹. В контексте данного исследования понятия «*церковь*», «*русская церковь*», «*древнерусская церковная организация*» используются как равнозначные. Под ними подразумевается иерархический институт, представленный различными степенями церковной иерархии, структурой управления, наделенной определенным кругом полномочий, прав и обязанностей.

В качестве обобщающих терминов, применяемых в отношении высшей церковной иерархии, в исследовании употребляются понятия «*архиереи*» или «*епископат*». Они традиционно применяются к священнослужителям третьей, высшей степени священства (митрополиты, архиепископы, епископы), так же как «*архипастырь*», «*епископ*» или «*святитель*». Именование епископ (греч. *episcopus*) используется в отношении лиц, занимающих церковно иерархическую ступень выше диакона и иерея. На

¹ Любак А. Мысли о Церкви. Милан; М., 1994. С. 70–75.

Руси епископы возглавляли церковные округа, рукополагали священников, совершали богослужение, заботились о духовном просвещении паствы.

Другим немаловажным моментом при рассмотрении истории русской церкви X–XIII вв. является уточнение понятий «*епархия*» и «*епископия*». Епархия представляет собой территориально очерченный церковный округ, с развернутой структурой управления, с находящимся в подчинении епископа приходами и монастырскими обителями. Оно отличается от понятия «*епископия*». Под епископией понимается епископский центр и отождествляемая с ним территория (округ), управляемая епископом, либо церковь, где находился архиерей¹. Для периода X–XIII вв. сложно определить границы епископских округов, т.к. территория епископии формально должна была совпадать с землями подвластными удельным князьям, однако некоторые церкви и монастыри в пределах епископии, имевшие патрона и/или ктитора либо управляемые общиной верующих, могли не находиться в подчинении правящего архиерея, т.к. становление епархиального управления на Руси произошло не ранее XVI в². Таким образом, для периода X–XIII вв. термины «*епископия*» и «*епископский округ*», как территории подвластные епископу, «*епископский центр*», как место нахождения правящего архиерея в исследовании используются как равнозначные³.

Степень изученности темы. Развитие суждений отечественных и зарубежных исследователей по различным аспектам темы диссертации представлено во втором параграфе первой главы, где отмечается что историками заложены основы для изучения епископской власти и русских епископий X–XIII вв. Данные проблемы затрагивались в научных работах, но лишь как значимый раздел истории Руси и ее церковных институтов. Даже в специальных исследованиях не привлекался весь комплекс сохранившихся до наших дней исторических источников. В историографии последних

¹ Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1910. С. 86.

² Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 2004. С. 102–122.

³ Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 37.

нескольких десятков лет вопросам истории церкви стало уделяться несравненно большее внимание, тем не менее, обобщающих исследований, посвященных древнерусскому епископату и епископским центрам, до сих пор не было создано.

Следовательно, *объектом* исследования являются церковно-политические отношения в период становления государственных институтов Руси, *предметом* - роль епископской власти на Руси, ее место в системе общественных отношений древнерусского социума и деятельность русских епископов указанного времени.

Цель: комплексная характеристика центров епископской власти и деятельности епископов на Руси в X-XIII вв.

Задачи:

- определить каноническое и социальное положение русского епископата, выявить его место в структуре древнерусского общества и в системе внутрицерковных отношений;
- рассмотреть порядок и традиции поставления епископов на кафедру и отрешения от нее, определить принципы подбора кандидатов на епископские кафедры, механизмы осуществления епископской власти в пределах епископии;
- выявить характер и особенности управления епископиями, способы реализации канонического права древнерусским епископатом;
- определить экономические основы существования епископской власти на Руси;
- проследить этапы становления и развития епископий в русских землях в X-XIII вв.

Хронологические рамки исследования.

В качестве отправной точки исследования принята дата крещения Руси, т.е. конец 80-х гг. X в. когда с принятием христианской религии Владимиром Святославичем и политической элитой русского общества создаются предпосылки формирования церковной организации. На Русь

прибыло византийское духовенство, которое поддержало намерение княжеской власти распространить христианство на подвластные территории. Византийскими священниками были привнесены не только богослужебные традиции, каноническая литература, церковная утварь, но и основы формирования духовной иерархии. Все это способствовало возникновению на территории Киевской митрополии епископских центров (епископий).

Верхней хронологической границей определен конец XIII в. К этому времени решением Владимирского собора 1274 г. были сформированы канонические основы и новая структура митрополии. В условиях раздробленности два политических центра Литва и Северо-Восточная Русь стремились подчинить русские земли. Киевские митрополиты склонились к поддержке княжеской власти Северо-Восточной Руси. Следствием произошедших политических и внутрицерковных изменений становится перенос в 1299 г. резиденции киевских митрополитов из Киева во Владимир-на-Клязьме. К концу XIII в. восстанавливается разрушенная в ходе монгольского нашествия церковная организация, в условиях ослабления политической власти церковь все меньше контролируется княжеской элитой. В сложный для Руси период княжеских усобиц и ордынского владычества церковная структура становится основой для сохранения духовного единства русских земель, а позднее для формирования будущего единого централизованного государства.

Географические рамки исследования. Период с конца X до конца XIII вв. – это сложный и неоднозначный процесс становления территории русского государства, границы которого претерпевали значительные изменения в условиях традиций лествичного престолонаследия рода Рюриковичей, в результате межкняжеских конфликтов, присоединения и отторжения завоеванных территорий. В исследовании географические рамки охватывают территорию Киевской Руси со времени принятия христианства при князе Владимире Святославиче, а также русские княжества и земли, в

которых формировались и существовали епископии под властью киевского митрополита до конца XIII в.

Древнейшая Новгородская епископия охватывала северо-западные территории древнерусского государства. На западе Руси были первоначально были сформированы Белгородская и Туровская кафедры, с начала XII в. упоминается Полоцкая епископия. Около 1137 г. была основана Смоленская кафедра, территориально выделенная из Переяславской епископии. В числе юго-западных епископий первой по времени создания является Владимиро-Волынская, кратковременно упоминаются Перемышльская и Галицкая кафедры. На протяжении XI-XII вв. епископский центр в Юрьеве был перенесен в города Святополч (Витичев), затем Канев, а Угровская кафедра в г. Холм. Ростовская кафедра располагалась на северо-восточных границах древнерусского государства, в начале XIII в. на карте появились еще три епископии – территория Рязанской кафедры была выделена из Черниговской, Владимиро-Суздальской из Ростовской, Тверской из Полоцкой епископии. К Юго-Восточным епископским центрам относятся Черниговская и Переяславская кафедры, а также основанная в 60-е гг. XIII в. Сарская епископия.

Источниковая основа исследования определена, главным образом, корпусом опубликованных и неопубликованных письменных источников. Сложность изучения епископальной структуры и архиерейской власти X–XIII вв. связана с тем, что источники представляют фрагментарные сведения о церковной жизни Руси. Значительная их часть представлена нарративными материалами и легендарно-мифологической традицией, сложившейся в XIV–XVI вв., а также немногочисленными сведениями зарубежных источников. Определению видовой принадлежности привлеченных отечественных и зарубежных исторических источников, выявлению объема, степени достоверности и значимости, содержащейся в них информации, посвящен первый параграф первой главы. В корпусе письменных источников выделены четыре группы памятников: законодательные (уставы, грамоты, кормчие

книги, решения поместных соборов и др), актовые материалы, литературные памятники (послания, поучения, проповеди, сказания, повести, жития святых), нарративные источники (летописи, хроники, истории).

Анализ всей совокупности известных отечественных и зарубежных исторических источников позволяет выявить условия возникновения епископских центров, выделить этапы формирования архиерейского управления, определить принципы подбора кандидатов и порядок их поставления на архиерейские должности, охарактеризовать каноническое положение и социальный статус русского епископата, особенности реализации епископской власти и управления церковными округами, проанализировать процесс становления и развития русских епископий в структуре Киевской митрополии.

Научно-теоретическая (методологическая) основа исследования.

Теоретической основой исследования является признание ведущей роли духовно-религиозных факторов развития общества в средние века, когда религиозное обоснование получали духовная культура, политическая система и общественная структура. Как справедливо подчеркивал А.Я. Гуревич, исходившее от церкви христианское «богословие давало средневековому обществу не только «наивысшее обобщение», но и «санкции», оправдание и освящение»¹. М. Блок объяснял такое положение церкви в средневековом обществе тем, что «страх перед адом был одним из великих социальных актов своего времени»². Поэтому высокое положение церкви в обществе являлось одним из доминантных признаков принадлежности его к средневековому миру. Это относилось и к русскому обществу X–XIII вв. Само средневековое общество структурировалось по иерархическому принципу, что касалось и христианской церкви, в которой епископы составляли одну из высших иерархических ступеней. Через епископат высшая церковная власть осуществляла связь с приходским

¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 12.

² Блок М. Феодалное общество. М., 2003. С. 92.

духовенством и низшим церковным клиром. Важнейшей особенностью положения епископов в структуре христианской церкви было обеспечение единства церковной организации в целом и ее связи с верующими мирянами. Следовательно, изучение епископской власти позволяет глубже рассмотреть проблему становления и развития древнерусского общества и государства, в том числе с учетом влияния восточных и западных соседей Руси.

Методологическую основу исследования составляют принципы объективности, историзма и системности. Принцип объективности основан на использовании всех сведений исторических источников, относящихся к епископским центрам Древней Руси, сопоставлении их со сведениями о формировании архиерейской власти на начальной стадии истории христианской церкви на Руси, выявлении степени достоверности сохранившихся известий о древнерусских епископиях и епископской власти.

Историзм как достижение исторической мысли, начиная с эпохи романтизма, направляет исследователя на четкое уяснение исторических и культурных особенностей изучаемой эпохи и самих исторических феноменов. Как отмечал Б.Г. Могильницкий, историзм – «принцип научного познания, требующий изучения всякого общественно-исторического явления в его конкретно-исторической обусловленности и развитии (изменении)»¹. Исторический подход к исследованию епископской власти и епископских центров на Руси требует учитывать культурно-исторические условия, вызывавшие их появление и существование. Опора на него предполагает также выявление особенностей, которые отличали центры епископской власти на территории отдельных русских княжеств, с учетом культурно-исторических особенностей этих земель.

Принцип системности, который основан на единстве единичного, особенного и общего², предполагает взгляд на исследуемые культурно-исторические явления и процессы с точки зрения того, какое место они

¹ Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989. С. 85.

² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 183.

занимали в системе отношений своего времени. Для епископата имели значение общественно-политические и внутрицерковные отношения, которые предопределяли появление на Руси архиерейской власти и епископских центров, их место в системе политической власти в русских землях.

Принцип лингвизма, характерный для современного исторического познания, предполагает учет лингвистического материала, отдельных лексем и оборотов, как реальности, отражающей формирование установлений новой церковной традиции, которая принималась в русских епископиях. Данный принцип используется при изучении особенностей формирования и применения целого ряда терминов, возникших в древнерусской духовной традиции для передачи названий церковных институтов или обрядовых особенностей (рукоположение, поставление, владыка и др).

Принцип интертекстуальности распространен в исследованиях, в которых в качестве источников используются произведения литературы. Это в самой значительной степени относится к произведениям средневековой эпохи. За последнее время примером опоры на этот принцип является исследование И.Н. Данилевским текста такого литературного произведения, как Повесть временных лет. Этот принцип требует выявления диалогического взаимодействия текстов в процессе их функционирования, и, следовательно, использование метода сравнительно-текстологического исследования путем сличения текстов и уяснение их внутренних смыслов на основе учета того, с какими более ранними текстами, или с каким интертекстом, мог быть знаком автор позднейшего текста¹. В рамках данной работы опора на этот принцип предполагает выявление роли Священного Писания как интертекста для положений, содержащихся в летописных источниках и сочинениях церковных авторов (Константинопольского патриарха Луки Хрисоверга, Киевского митрополита Илариона, епископа Кирилла Туровского, Владимирского и Суздальского епископа Симона и др).

¹ Данилевский И.Н. Историческая текстология. М., 2018. С.146-148, 224-227.

Методы исследования

Опора на указанные принципы предполагает использование общенаучного метода структурного и функционального анализа и специальных методов исторического исследования. Метод структурного и функционального анализа дает возможность выявить положение епископий древнерусского периода как одной из структур в складывавшейся большой системе христианской церкви Руси. Функциональный анализ позволяет выявить место епископий и епископов как структуры, выполнявшей свои разнообразные функции во внутренней жизни церкви и в отношениях церкви с княжеской светской властью и разными слоями древнерусского общества. Историко-генетический метод используется при анализе известий исторических источников для понимания процесса становления епископий и епископской власти на Руси. Историко-сравнительный метод позволяет не только сопоставить положение епископских кафедр в русских землях и выделить их особенности, но и понять, какие условия, складывавшиеся в этих землях, оказывали воздействие на формирование структуры местных епископий. Историко-системный метод применяется для определения места русских епископий в рамках системы, которую представляла собой церковь после принятия на Руси христианства. Поскольку работа носит реконструктивный характер и направлена на выявление событий и процессов, относящихся к епископиям Древней Руси как части церковной жизни страны того времени, используется историко-типологический метод как метод исторической реконструкции. При использовании этого метода «тесно взаимосвязаны единичное, особенное, общее и всеобщее»¹, что позволяет уяснить соотношение особенностей епископий Киевской Руси и общих черт епископий как одной из структур христианской церкви, сложившейся с самых ранних периодов истории христианства, позволявшей церкви осуществлять церковное управление на определенной территории и удовлетворять религиозные потребности проживавшего на ней населения.

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 176.

Благодаря этому более конкретно и глубоко обеспечивается понимание особенностей утверждения на Руси христианской церкви, формирование ее как целостной системы и включения христианской церкви в русском обществе и государстве раннесредневекового времени.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- проведен анализ предпосылок возникновения на Руси епископских кафедр и влияния Византии, Западной Европы и Болгарии на становление древнерусской церковной иерархии; прослежена и конкретизирована роль княжеской власти в процессе организации ряда епископских центров на Руси до конца XIII в.;
- прослежена и доказана тесная связь возникновения и развития епископий с политическими процессами в русских княжествах и землях;
- доказано, что критерии подбора кандидатов на епископские кафедры и система управления церковными округами не всегда соответствовала каноническим требованиям, вступление архиереев в сан предполагало светскую и церковную инвеституру, экономические основы существования епископской власти в русских землях определялись особенностями взаимодействия княжеской и церковной власти;
- уточнен конкретный объем канонических полномочий епископов, особенности управления епископиями и принципы организации епископской власти в русских землях в X–XIII вв.;
- в опубликованных и неопубликованных источниках выявлены сведения, которые позволили реконструировать процесс возникновения, становления и развития епископской власти на Руси;
- скорректированы сложившиеся в светской и церковной историографии представления о характере церковно-государственных и внутрицерковных отношений, принципах формирования архиерейского управления;
- впервые в рамках одного исследования представлена реконструкция структуры архиерейской власти, объема ее канонических полномочий, принципов подбора епископских кадров и их инвеституры, особенностей

взаимоотношений епископата с мирским духовенством и монашествующими, а также особенности становления и развития русских епископий в X-XIII вв.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 07.00.02 – Отечественная история; в частности следующим областям исследования: п. 2 (Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности), п. 4 (История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов), п. 7 (История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности), п. 11 (Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны), п. 12 (История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов), п. 13 (История взаимоотношений государства и религиозных конфессий), п. 17 (Личность в российской истории, ее персоналии), п. 22 (Интеллектуальная история России), п. 25. (История государственной и общественной идеологии, общественных настроений и общественного мнения).

Положения, выносимые на защиту:

1. До принятия христианства на Руси существовали христианские общины и церкви, но единая церковная организация и иерархия отсутствовали. Принятие христианства при князе Владимире Святославиче создавало важнейшую предпосылку возникновения церковной организации и епископских кафедр как ее существенного элемента.
2. На формирование русского епископата и епископий в русских землях оказывала влияние каноническая церковная традиция, византийское церковное право, практика существования епископской власти в Византии и в южнославянских странах. Формирование епископата определялось интересами княжеской власти на Руси, стремившейся к закреплению позиций христианской церкви в стране и влиянию на церковь через ее структуры, в том числе через епископат.

3. Возникновение епископских кафедр в русских землях определялось процессом политического дробления страны, формирования самостоятельных княжеств, интересами местной княжеской власти и боярской элиты, для которых наличие епископской кафедры в княжестве являлось одним из признаков политического суверенитета.

4. Епископат играл значительную роль в общественно-политической жизни Руси, к концу XIII в. архиереи стали частью правящей элиты. Епископы обеспечивали поддержку решений политической власти, разрешали межкняжеские конфликты.

5. Экономические основы существования епископий были заложены первоначально княжеской властью, позднее церковные доходы формировались за счет пожалований мирян и собственных доходов церкви. С середины XIII в. росту материальных ресурсов способствовало освобождение русской церкви от оплаты ордынского выхода.

6. Количество епископий на протяжении длительного периода до конца XIII в. и территориальные рубежи святительской власти неоднократно менялись, что объяснялось нестабильностью внутривластной ситуации на Руси, изменениями границ русских княжеств.

7. Процедура возведения епископов в сан имела свои особенности в различные периоды развития русской церковной организации и была тесно связана с процедурой светской инвеституры. Объём канонических и иных прав епископов не был постоянным и зависел от особенностей церковно-государственных отношений в различных русских княжествах.

Степень достоверности и апробация результатов, публикации по теме диссертации.

Степень достоверности результатов проведенного исследования обеспечивается анализом историографии проблемы, широкой источниковой базой (законодательные, акты, литературные, нарративные источники) и применением комплекса общенаучных и собственно исторических методов исследования, соответствующих поставленным цели и задачам работы.

Основные выводы и положения диссертации представлены в двух монографиях (общим объемом 27,3 п.л.), 22 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (общим объемом 12,4 п.л.), 1 статье, опубликованной в научном издании, входящем в библиографическую и реферативную базу данных Scopus (0,5 п.л.), а также в 29 публикациях в профессиональных научных изданиях (общим объемом 16,96 п.л.). Результаты диссертационного исследования получили апробацию в докладах и сообщениях на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, в числе которых: «Христианское просвещение и русская культура» (Йошкар-Ола, 2008, 2009), «Седьмые Каптеревские чтения (Москва, 2009), «Третьи лихудовские чтения» (Великий Новгород, 2010), «Церковь в истории и культуре России» (Киров/Вятка, 2010), «III Исторические чтения Томского государственного педагогического университета» (Томск, 2010), «Историк в России: между прошлым и будущим» (Москва, 2010), «Новгородика-2010. Вечевой Новгород» (Санкт-Петербург, Великий Новгород, 2010), «Современные проблемы изучения истории Церкви» (Москва, 2011), «Postępy w nauce wostatnich latach. Nowy chrozwiązania» (Варшава, 2012), «Новгородика–2012: у истоков российской государственности» (Великий Новгород, 2012), «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 2013), «Духовная жизнь региональных сообществ: история, традиции, современность» (Казань, 2013), «Историческое повествование в средневековой России: к 450-летию Степенной книги» (Санкт-Петербург, 2013), «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации» (Санкт-Петербург, 2015), «Актуальные проблемы источниковедения» (Витебск, 2015), «Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму» (Великий Новгород, 2015), «Церковь. Богословие. История» (Екатеринбург, 2015), «Обретение святых» (Киров/Вятка, 2016), «Власть и церковь в Древней Руси: события, личности, идеи» (Санкт-Петербург, 2017), «Воронеж – форпост Российского

государства» (Воронеж, 2017), «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия» (Санкт-Петербург, 2018) и других.

Рукопись диссертации была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры отечественной истории Института международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, а также списка использованных сокращений и условных обозначений, приложения.

Первая глава «Источники и историография» состоит из двух параграфов. В первом из них представлена источниковая основа исследования. Определен круг письменных исторических источников, выделены четыре основные группы – законодательные, актовые, литературные, нарративные и вещественных памятников. Выявлена степень информативности сохранившихся в них сведений о епископской власти на Руси в таких аспектах как становление и развитие древнерусской церковной организации, канонические основы ее существования, социально-политический статус архиереев, история епископских округов в X–XIII вв. Во втором параграфе историография вопроса изложена по проблемно-хронологическому принципу. В отечественной историографии выделяются дооктябрьский, советский и постсоветский периоды. При анализе трудов отечественных и зарубежных ученых выделяются общеисторические исследования, работы, посвященные истории русской церкви, специальные публикации, где рассмотрены различные аспекты становления и развития архиерейской власти и епископских центров Руси X–XIII вв.

Вторая глава «Каноническое положение и социальный статус русского епископата» содержит четыре параграфа, в которых анализируются

епископская власть и структура управления Руси с точки зрения ее соответствия христианской канонической традиции. В первом параграфе выявляются внутривластные предпосылки и внешнее влияние Западных и Восточных государств на процесс принятия христианства и, как следствие, возникновение церковной иерархии на территории Руси. Во втором параграфе реконструирована структура архиерейского управления Киевской митрополии, проанализировано ее соответствие церковно-правовым традициям, выявлены характерные особенности. Третий параграф посвящен изучению сформировавшихся на протяжении X–XIII вв. традиций избрания и рукоположения кандидатов в епископы, выявлению региональных особенностей данной процедуры в русских княжествах и землях. В четвертом параграфе прослеживается динамика изменения социально-политического статуса русского епископата на протяжении X–XIII вв., особенности положения архиереев-«греков» и кандидатов, возведенных из местного духовенства, в социальной структуре русских княжеств.

Третья глава, состоящая из четырех параграфов, раскрывает практические аспекты управления епископскими округами в X–XIII вв. В первом параграфе выявлены особенности реализации епископской власти в отношении мирского духовенства, проанализированы проблемы подбора священнических кадров и регулирования богослужебной практики. Во втором параграфе рассмотрены проблемы подчинения монастырских обителей архиерейской власти, особенности практики рукоположения игуменов. Третий параграф посвящен анализу степени полноты реализации власти русским епископатом на территории своего округа в соответствии с каноническими традициями. Источники доходов епископских кафедр и условия распоряжения ими выявлены в четвертом параграфе.

Четвертая глава содержит пять параграфов в которых рассматриваются этапы становления и развития русских епископий в структуре Киевской митрополии X–XIII вв по таким критериям как время и условия возникновения кафедры, перечень и периоды правления архиереев, их

святительская и политическая деятельность, особенности взаимоотношений с княжеской властью, участие в внутрицерковной жизни.

Диссертация завершается Заключением, в котором подведены итоги исследования и намечены пути дальнейшего изучения поставленной проблемы.

Глава 1 Источники и историография

1.1 Источники

Источниковая основа изучения епископской власти и древнерусских епископских центров относится главным образом к типу письменных источников, характеризующих различные стороны церковной жизни Руси X–XIII вв. Источники другого типа – вещественные, к которым относятся артефакты, непосредственно связанные с русскими архиереями рассматриваемого периода. В корпусе письменных источников можно выделить четыре группы: законодательные (уставы, грамоты, кормчие книги, решениями поместных соборов и др), актовые материалы, литературные памятники (послания, поучения, проповеди, сказания, повести, жития святых), нарративные источники (летописи, хроники, истории).

Первую группу источников представляют законодательные памятники, относящиеся к светскому и церковному праву. К источникам светского права относятся княжеские церковные уставы и грамоты светских правителей, в которых сохранились сведения об основании епископий, создании материального обеспечения кафедр, княжеских ограничениях власти епископата в отношении церквей и монастырей окормливаемого округа. Общие сведения о взаимоотношениях светских властей и церкви, в том числе, по вопросам, связанным с предпосылками создания епископских кафедр на Руси и появления русского епископата, дают княжеские церковные уставы.

В Уставе князя Владимира Святославича¹ приводится перечень церковных людей, подчиненных архиереям, и список прецедентов, касающихся преимущественно морально-нравственных и семейных вопросов, отнесенных к ведению епископского суда. В различных редакциях Устава упоминаются имена киевских митрополитов Михаила и Леона.

¹ Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я.Н. Щапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 12–84.

Другой Устав об основании Туровской епископии¹, создание которой также связывается с деятельностью князя Владимира Святославича, содержит время основания диоцеза, определяет территорию, подчиненную туровскому епископу, перечень и источники материального обеспечения кафедры. Устав князя Ярослава Владимировича² представляет собой, сложенный на основе Номоканона совместно с киевским митрополитом Иларионом, кодекс семейного и брачного права. Рассмотрение данных вопросов было отнесено к юрисдикции церкви, но под контролем княжеской власти, и оговорена сумма денежных отчислений в пользу епископа при рассмотрении конкретных дел.

В грамотах новгородских князей оговорены материальные основы существования церковной организации. Так, уставная грамота Святослава Ольговича³ закрепляла порядок и объем денежных поступлений на содержание новгородской кафедры, которые складывались из дани, вир и продаж всего, что входило в «княж двор», а также поступлений от онежских и заволочских земель. Уставы новгородского князя Всеволода Мстиславича содержали сведения об источниках епископских доходов, которые князь передавал епископу, в том числе для обеспечения поддержки решений политической власти. Устав о церковных судах⁴ подтверждал поступление в пользу церкви княжеской десятины, установленной Владимиром Святославичем, доходов от церковного суда, список рассматриваемых прецедентов которого значительно расширен. Увеличен перечень церковных людей, подвластных епископу. В Уставе Всеволода Мстиславича церкви

¹ О поставлении Туровской епископии // *Щапов Я.Н.* Туровские уставы XIV в. о десятине // АЕ за 1964 г. С. 271–272.

² Устав князя Ярослава о церковных судах // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / Изд. подг. Я.Н. Щапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 85–139.

³ Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/1137 г. о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* С. 147–148.

⁴ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* С. 153–158.

Иоанна Предтечи на Опоках¹ оговаривается время церковной службы и размер вознаграждения новгородскому епископу.

Наряду с церковными княжескими уставами сведения о положении церкви и о формировании епископата дают княжеские грамоты. Комплекс разновременных княжеских грамот связан с учреждением Смоленской епископии. В уставной и жалованной грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича² устанавливались суммы отчислений кафедральной церкви Богородицы и епископу от княжеской десятины погостов и сел, а также судебные прецеденты, отнесенные к ведению епископского суда. Согласно Жалованной записи Ростислава Мстиславича³ кафедре передавался «холм» для строительства епископской резиденции. Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли⁴ содержала перечень погородья в гривнах, кунах и лисицах. Подтвердительная грамота епископа Мануила⁵ представляла собой уникальный источник в котором претендент на Смоленскую кафедру, ссылаясь на решение Киевского князя и Киевского митрополита, собственноручно подтверждал свои полномочия.

Нормативное значение имели памятники не только светского, но и церковного права, к ним относятся памятники канонического права. Это комплекс церковноправовых норм, регулирующих правила веры и христианской жизни, в основе которых лежат библейские тексты, правила святых апостолов, решения вселенских и поместных соборов, труды отцов церкви. Комплекс древнерусских канонических памятников представлен Кормчими книгами, решениями поместных соборов, церковными уставами,

¹ Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 160–165.

² Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 140–145.

³ Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 146.

⁴ Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 146.

⁵ Подтвердительная грамота епископа Мануила // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 145.

вопрошаниями, посланиями церковных иерархов, синодиками. В них нашли отражение процедура подбора и рукоположения архиерейских кадров, условия принятия сана, требования к личным качествам претендентов, практика совершения литургии и других церковных таинств, соблюдение верующими правил поста и подготовки к исповеди, регулирование нравственных норм поведения мирян в повседневной жизни с точки зрения христианских канонов.

Древнерусские Кормчие книги ведут свое происхождение от византийских Номоканонов и содержат регламентацию церковного управления и суда. В ранней славянской, или Ефремовской, Кормчей (XII в)¹, регламентировалась процедура избрания епископов. Она была одноступенной – будущий архиерей на вдовствующую кафедру избирался в течение трех месяцев общим голосованием епископов и утверждался митрополитом. В тексте не оговаривалось число кандидатов, претендующих на кафедру, а в отношении процедуры использовался термин «поставлять». Отсутствие комментариев к чину избрания и рукоположения позволяло свободно толковать исполнение канона. Мазуринская Кормчая² определяла наряду с коллегиальным избранием будущего архиерея (митрополит и окрестные епископы), единоличное право митрополита на поставление епископа, а также процедуру избрания ставленника светскими лицами. Новгородская софийская (или синодальная) Кормчая конца XIII в. была дополнена статьями из Русской правды, Уставами князей Владимира и Ярослава, правилами Владимирского собора 1274 г.³

¹ Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 1–2. 464 с.

² Мазуринская Кормчая: Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование и тексты / Изд. подг. Е.В. Белякова, К. Илиевская, О.А. Князевская, Е.И. Соколова, И.П. Старостина, Я.Н. Шапов. М., 2002. 855 с.

³ Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2006. Вып. 1. 589 с.

Решения поместных соборов представляли собой постановления собрания епископов митрополии, обязательные для исполнения на подвластной им территории. К числу решений русских поместных соборов относятся «Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II»¹, принятые в 1274 г. Решения Владимирского собора регламентировали порядок богослужения, налагали запрет на поставление в сан «по мзде», осуждали пережитки языческих обрядов (кулачные бои, выбор невест, русалии).

Одним из способов разрешения практических вопросов церковной жизни и богослужения на Руси была вопросно-ответная форма – вопрошания. К 1080–1089 гг. относится первое русское вопрошание – «Канонические ответы митрополита Иоанна II» черноризцу Якову², где помимо практических вопросов церковного служения, регламентации бытовой и семейной жизни мирян, обсуждался вопрос: что делать если епископы митрополита не слушаются. Главе поместной церкви рекомендовалось «поучати» епископов «отеческим наказанием». В ответах Киевского митрополита Георгия на вопросы игумена Германа³ оговаривались практические рекомендации по совершению таинства крещения, покаяния, наложения епитимьи, подготовки к богослужению, действия епископа во время службы, правила совершения монашеского пострига, чины рукоположения попа и епископа. В ответах Георгия впервые упоминались домовые церкви. Сарайский епископ Феогност обращался за разъяснениями к константинопольскому патриаршему собору по вопросу особенностей совершения священных обрядов в степи, вне церковных сооружений, канонические ответы из Византии датированы 1276 г.⁴ В

¹ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 84–102.

² Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 1–20.

³ Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 211–262.

⁴ 1276 г. августа 12. Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. С. 130–140.

ответах епископа Нифонта и других церковных лиц Кирику Новгородцу, Савве и Илье¹ прослеживается попытка унифицировать практику церковной службы на территории Новгородской епископии. Источник содержит сведения об архиерейском служении и быте, реализации епископской власти в отношении подвластного мирского духовенства и монашествующих, характеризует проникновение христианской морали и обрядов в повседневную жизнь духовенства и мирян.

К числу канонических источников относятся перечни и синодики. В Византийских notiциях помещены перечни митрополий и епископий Константинопольского патриархата, в том числе расположенных на территории Руси². Синодики (помянники) церквей и монастырей³ содержат имена правящих архиереев и последовательность их пребывания на кафедре, составленные в том числе для поминания усопших епископов во время богослужения. Так в рамках исследования были использованы неопубликованные Синодики Спасского монастыря и церкви Рождества Христова, находящиеся в архиве Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника. Анализ Помянников ростовских епископов, помещенных на Л. 98 № 15585. об. и Л. 31 об. № 15427 позволил поставить под сомнение не только достоверность житийных сведений о Леонтии Ростовском, но и представленный перечень правивших ростовских архиереев.

Древнерусские канонические источники позволяют определить особенности бытования общехристианских норм на Руси, проследить применение христианских канонов при рукоположении епископов, выявить особенности толкования канонов на территории Руси и оценить попытки

¹ Вопрошание Кириково // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 413–429. (далее – Вопрошание Кириково)

² *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: texte critique, introduction et notes. P., 1981. С. 342–344, 348–350, 380–382.

³ Помянник смоленских епископов XVI в. // *Горский А.В. Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III. Ч. I. С. 224; Синодик Ярославского Спасского монастыря // Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник (далее - ЯИАМЗ). № 15585. Л. 98 об.; Синодик ярославской церкви Рождества Христова // ЯИАМЗ. № 15427. Л. 31 об.

регулирования, унификации и контроля богослужебной практики епископами в рамках своих округов.

Вторую группу источников составляют акты материалы, правовые документы, закрепляющие договор между субъектом публичной власти и частным лицом, либо между частными лицами. В древнерусских актах сохранились сведения об источниках материального обеспечения кафедр, монастырей, церквей. Купчая Антония Римлянина¹ является актовым источником, который подтверждает что «сия земля», принадлежащая Антониеву монастырю, куплена у Ивановых посадничьих детей Смехна и Прохна за сто рублей. В берестяных грамотах Великого Новгорода и Смоленска содержатся многочисленные заказы на написание икон². Согласно берестяной грамоте № 247 сообщается что в ходе рассмотрения дела о ложном обвинении в грабеже «с этого смерда епископ должен получить [такую-то сумму]»³. Следовательно, акты материалы позволяют проанализировать процесс формирования церковной собственности и выявить источники поступающих епископу доходов.

Третья группа источников, представлена литературными памятниками. К ним относятся послания/поучения/проповеди архиереев, обращенные к духовенству и пастве, которые служили для регулирования канонической практики на территории подвластного округа. В послании Византийского патриарха Фотия (867 г) к восточным архиерейским престолом⁴ сообщалось, что «росы» приняли направленного к ним епископа.

¹ Купчая Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.-Л., 1949. С. 159–161.

² Берестяные грамоты №559, 560, 561, 602 (1140–1160 гг), 504, 506, 508, 523, 551 (1160–1180 гг.), 522, 541, 542, 544, 545, 553, 554, 555, 557, 595 (1180–1200 гг), №10 (Смоленск, 1200-1220 гг) // URL: <http://gramoty.ru/> (дата обращения 21.01.2019)

³ Берестяная грамота №247 (1025–1050 гг) // URL: <http://gramoty.ru/index.php?no=247&act=full&key=bb> (дата обращения 21.01.2019)

⁴ Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского, к восточным архиерейским престолом, а именно – Александрийскому и прочая // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2010. Т. 2. Византийские источники. С. 132.

Послание Константинопольского патриарха Луки Хрисоверга¹ было адресовано не только Владимирскому князю Андрею Юрьевичу Боголюбскому, но и киевскому князю Мстиславу Изяславичу, а также всему русскому епископату. Текст документа свидетельствовал о намерении князя Андрея Юрьевича создать на подвластной территории митрополию и поставить во главе владыку Федора, кандидатура которого не была поддержана Константинопольским патриархом. Грамота Константинопольского патриарха Германа II Киевскому митрополиту Кириллу I² содержала решение церковного собора, который установил запрет на поставление в священный сан рабов, в том числе в епископское достоинство, и декларировал неприкосновенность церковных судов и имуществ «от благочестивых князей и старейшинствующих».

Одним из ранних древнерусских памятников учительной литературы является послание митрополита Леонтия «Об опресноках»³. Единого мнения в историографии относительно автора послания не сформировано, предполагается что это второй (либо первый) киевский митрополит Леон(т), упоминаемый в Никоновском своде под 991 г. В источнике помимо дискуссии об опресноках также рассматривались вопросы субботного поста, совершение полной литургии во время великого поста, условия безбрачия священников и запрет на употребление «удавленины» в пищу. «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона⁴ представляет собой проповедь, в которой возносится хвала Владимиру Святославичу как князю принявшему христианство и распространившему божью веру на подвластной территории, благодаря ему Русь вошла в семью христианских народов. Иларион, прославляя достоинства Владимира Святославича, представляет

¹ Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому // РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 63–76.

² Грамота Константинопольского патриарха Германа II к митрополиту всея Руси Кириллу I о непосвящении рабов в священный сан и неприкосновенности имуществ и судов церковных // РИБ. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 79–84.

³ *Леонтий, митр.* Об опресноках // *Бенешевич В.Н.* Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1. Пг., 1920. № 2. С. 73–101.

⁴ *Иларион, св. митр.* Слово о Законе и Благодати / сост. В.Я. Дерягина. М., 1994. 146 с.

его деяния как пример, образец христианского правителя для князей, правивших в середине XI в. Поучения митрополита Никифора¹ посвящены раскрытию глубокого смысла христианского поста, причин разделения церквей на восточную и западную, предостережениям о грехе впадения в «латинство». Послание митрополита-русина Климента Смолятича² представляет собой толкование Священного Писания в котором доказывается необходимость духовного воспитания христианина.

Разъяснения Новгородского архиепископа Ильи и неизвестного Белгородского епископа³ были даны священникам относительно двух казусов при совершении литургии – если перед церковной службой забыли в священный сосуд влить воды или вина и если мыши погрызли просфору на дискосе⁴. Среди произведений Кирилла Туровского необходимо выделить «Притчу о человеческой душе и теле»⁵. Она была адресована князю Андрею Боголюбскому и епископу Федору (Феодорцу), которые по мнению автора в своих деяниях уподоблялись слепцу и хромцу. В «Слове о бельцах и монашестве»⁶ в форме проповеди Кирилл Туровский призывал духовенство к нравственной чистоте и истинной вере, рассматривал монашество как высший христианский подвиг.

¹ Поучения Никифора Владимиру Мономаху, Ярославу Муромскому и неизвестному князю // Митрополит Никифор / подг. текстов В.В. Милькова и С.В. Мильковой. СПб., 2007. С. 111–117, 137–139, 165–170.

² Послание Климента, митрополита русского, написанное к Фоме, истолкованное монахом Афонасием // *Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие древней Руси. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 140–148.

³ Илья архиепискуп Новгородский исправил с Белгородским епископом // *Калайдович К.* Памятники российской словесности XII в. М., 1821. С. 221–224.

⁴ Дискос (от греч. δίσκος — блюдо, тарелка, диск) – небольшое блюдо на особой подставке, которое используется во время богослужения. Просфора - богослужебный литургический хлеб, употребляемый в православии для таинства причащения и для поминания живых и мёртвых.

⁵ Кирилла-монаха притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении. Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова и Н. В. Понырко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. 687 с URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936> дата обращения 25.02.2017

⁶ Слово о бельцах и монашестве. Рассказ многогрешного инока Кирилла Печерскому игумену Василию о человеке бельце и чернечестве, и о душе, и о покаянии. Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова и Н. В. Понырко // БЛДР. СПб., 1997. Т. 4. 687 с URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936> дата обращения 25.02.2017

В послании Владимирского и Суздальского епископа Симона к печерскому иноку Поликарпу¹ содержались сведения о воспитанниках обители, рукоположенных в епископы русских княжеств. По подсчетам Симона, начиная с Леонтия Ростовского, который был первым «вознесенным от глубины пещерной на высоту святительских престолов» их было около пятидесяти. Епископ также сообщал о богатствах подвластной ему кафедры, многочисленных городах и селах. Симон, вопреки желанию Поликарпа, считал его недостойным архиерейского сана и призывал не расставаться с тихой и безмятежной монастырской жизнью. Послание Симона Верхуслане-Анастасии Всеволодовне² содержало уникальное известие о желании княгини купить епископский сан, потратив до «1000 сребра», для инок Поликарпа, который, вероятно, был ее духовником. Духовная Антония Римлянина³ налагала запрет на вмешательство новгородского епископа или князя в дела автономного монастыря, чтобы обитель не возглавили игумены «по мзде». Данный тип источников характеризует особенности регулирования церковной жизни архиереями на территории подвластных округов, практику толкования и применения канонических норм древнерусским духовенством.

К литературным произведениям относятся сказания, повести, жития святых, которые сохранили сведения о святительской и строительной деятельности русских архиереев X–XIII вв., связанных с ними чудесных событиях. Комплекс литературных памятников содержит легендарные известия о новгородских архиереях⁴. Сказание о битве новгородцев с суздальцами (1170 г) свидетельствует, что именно благодаря молитве

¹ Послание преподобного отца нашего Симона, епископа Владимирского и Суздальского, к блаженному Поликарпу, черноризцу печерскому, который тогда не был еще архимандритом // Киево-Печерский Патерик. М., 2012. С. 387–415.

² Послание Симона, епископа владимирского, княгине Верхуслане-Анастасии Всеволодовне // Киево-Печерский Патерик // ПЛДР. М., 1980. XII век. С. 480–482.

³ Духовная Антония Римлянина // Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси С. 106–107.

⁴ Сказание о битве новгородцев с суздальцами. Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе. Повесть о Благовещенской церкви // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 444–462.

владыки Иоанна и заступничеству иконы Богоматерь Знамение новгородцы одержали победу в данном сражении. Другая повесть сообщает об искушении бесом Иоанна Новгородского, который оказался крепок в вере и сумел на бесе верхом посетить Иерусалим. Третий источник «Сказание о Благовещенской церкви» повествует о строительстве братьями Григорием и Иоанном, впоследствии возглавившим новгородскую кафедру, Благовещенского монастыря и чудесном обретении золота и серебра для завершения каменной церкви. Согласно «Путешествию Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия»¹ новгородец Добрыня Ядрейкович совершил паломничество в Константинополь, откуда привез частичку гроба Господня, а после изгнания владыки Митрофана был поставлен на Новгородскую кафедру под именем Антоний. На основании «Слова о Мартине монахе, что пребывал в Турове...» восстанавливаются имена трех Туровских архиереев Симеона, Игнатия и Иоакима, предположительно возглавлявших епископию в 20–40 гг. XII в.²

Архиерейское служение характеризуют жития святых. Время составления значительной части житий епископов X–XIII вв. относится к гораздо более позднему периоду. Еще В.О. Ключевским были отмечены особенности данного вида исторических источников: установленные каноны представления биографии святого (рождение от благочестивых родителей, решение посвятить себя служению Богу, подвижничество, совершение прижизненных и посмертных чудес и исцелений и др.), условность и схематичность представленного образа³. Жития сохранили сведения о социальном происхождении святых, их жизни до принятия архиерейского сана, обстоятельствах вступления в сан, архиерейском служении на территории своего округа.

¹ Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия / Предисл. и примеч. П. Савvaitова. СПб., 1872. Стб. 13–174.

² Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове // БЛДР. СПб., 2003. Т. 12. 624 с. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10110> дата обращения 25.02.2017

³ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С. 12.

В составе Киево-Печерского Патерика¹ сохранились жития иноков и игуменов, позднее возшедших на архиерейские кафедры. В житии преподобного Стефана сообщается, что он был поставлен на Владимирскую кафедру из игуменов Печерского монастыря. Инок Ефрем, рукоположенный в переяславские архиереи, развернул активную строительную деятельность на территории своего округа. Согласно житию, печерский инок Исая, взойдя на Ростовскую кафедру, вел борьбу с язычеством. Затворник Никита, позднее возглавивший новгородскую епископию, был прельщен дьяволом и признавал лишь Ветхий завет, печеряне молитвой изгоняли из него беса. Владимирский и Суздальский епископ Симон прославлялся как создатель житий печерских святых.

В житийных памятниках также сохранились уникальные сведения. В житии Кирилла Туровского сообщается, что происходил он из богатого и уважаемого рода и возшел на кафедру из местного духовенства «молением» князя и горожан². Авраамию Ростовскому приписывалось основание мужского Богоявленского монастыря³. В житии Леонтия Ростовского повествовалось о сложностях начального периода христианизации⁴. Исая Ростовский принял постриг в Киево-Печерском монастыре, затем был рукоположен игуменом Дмитриевского монастыря под Киевом и наконец, возглавил епископию в Ростове, но сохранил связь с родной обителью и присутствовал при перенесении мощей преподобного Феодосия Печерского⁵.

Ряд важных свидетельств сохранили жития мучеников и монашествующих. В житии князей Бориса и Глеба Киевский митрополит

¹ Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры. М., 2012. 432 с.

² Житие Кирилла Туровского // *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 62–64.

³ Житие Авраамия Ростовского // *Державина Е.И., Дубовицкий А.Б.* Житие Авраамия Ростовского // *Русская речь.* 2014. № 2. С. 75–84.

⁴ *Титов А.А.* Житие св. Леонтия епископа Ростовскаго. Со списка, сделанного О.М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Новоезерскому монастырю. Ярославль, 1892. 22 с.

⁵ Житие и жизнь иже во святых отца нашего Исая епископа Ростовскаго чудотворца // *БЛДР.* СПб., 2003. Т. 12. С. 256–258.

Иоанн именовался архиепископом¹. Согласно житию преподобной Евфросинии² полоцкий епископ Илья передал ей, дочери князя Святослава Всеславича, «сельцо» для создания Спасо-Преображенского монастыря. Житие Авраамия Смоленского³ повествовало о гонениях на подвижника, обвиненного в ереси, чтении голубиных книг и блуде, однако «владычный» суд во главе с епископом Игнатием не нашел за Авраамом никакой вины. Приведенные примеры позволяют охарактеризовать принципы подбора архиерейских кадров, выявить особенности церковно-государственных и внутрицерковных отношений на Руси в X–XIII вв., однако сведения житий могут быть привлечены в исследовании лишь в качестве дополнительных источников, которые нуждаются в обстоятельной проверке и анализе.

Литературные произведения церковного происхождения позволяют определить роль архиереев в политических событиях русских княжеств, формировании церковной структуры и обретении местночтимых святынь.

Четвертая группа памятников представлена нарративными источниками. Значительный комплекс известий, характеризующих древнерусскую епископальную структуру и деятельность правивших архиереев содержат летописные своды⁴. Летописи позволяют установить время и обстоятельства возникновения епископских центров. Погодные записи содержат имена епископов, краткие характеристики их личности, время их поставления/изгнания/преставления, материалы об участии архиереев в церковных и политических событиях, сведения о строительстве и

¹ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. подг. Д.И. Абрамович. Пг., 1916. С. 17–19, 53–59.

² Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игумении <монастыря> Спасо-Вседержителя и пречистой его матери, что в граде Полоцке // БЛДР. СПб., 2003. Т. 12. 624 с. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10128>. дата обращения 25.10.2018.

³ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. СПб., 2003. Т. 5. С. 30–65.

⁴ «Составляя свой свод, летописец заботился прежде всего о том, чтобы получить в свои руки труды своих предшественников – таких же летописцев, затем исторические документы – договоры, послания, завещания князей, исторические повести, жития русских святых и т.д., и т.п.» (Лихачев Д.С. Повесть временных лет (историко-культурный очерк) // Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950. Ч. 2: Приложения. С. 41)

освещении архиереями храмов и монастырей, пожалованиях князей и мирян в пользу церкви.

Исследование осуществлялось, главным образом, на материале ранних летописных источников, которые по времени создания максимально приближены к изучаемому периоду. Известия памятников позднего русского летописания привлекались с точки зрения уникальных сведений либо для уточнения отдельных аспектов исследования, проведения аналогий, формулировки гипотез. Летописные записи представляют различную степень полноты фиксируемых событий и сведений, поэтому необходимо учитывать всю совокупность исторических фактов для анализа и реконструкции епископальной структуры и архиерейской власти Руси X–XIII вв. Особенностью летописных сводов является разнообразие содержания данного вида памятников, которые включают помимо хроникальных (погодных) записей, документы, самостоятельные литературные произведения, записи фольклорного материала¹.

Древнейшим из дошедших до наших дней летописных сводов является Лаврентьевская летопись². Она известна в единственном пергаментном списке (РНБ, F.IV.2) и датируется 1377 г. В ее составе сохранилась Повесть временных лет (завершается 1110 г), которая своим происхождением связана с Киево-Печерским и Выдубицким монастырями. С 1110 до 1161 гг. преобладают южнорусские известия. События преимущественно Владимиро-Суздальской Руси содержатся под 1164–1304 гг. Повесть временных лет сохранила комплекс ранних свидетельств о предпосылках и становлении древнерусской церковной иерархии. В ней помещены договор князя Игоря с Византией, в котором впервые упоминается о христианах в княжеском окружении, сюжет об «испытании вер» Владимиром Святославичем, его крещении и мерах по распространению новой религии. Под 1039 г. помещено

¹ Данилевский И.Н. Летописание // Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. С. 172.

² Полное собрание русских летописей. Л., 1926–1928. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 379 с. (далее – ПСРЛ. Т. 1)

первое летописное упоминание главы древнерусской церкви - митрополита Феопемпта. Свод позволяет определить имена правящих русских архиереев, в некоторых случаях время и последовательность их пребывания на кафедре. В Лаврентьевской летописи содержатся сведения о взаимоотношениях епископов с политической властью, дипломатических миссиях архиереев по примирению князей. Описаны события периода монгольского нашествия и последующая деятельность архиереев Северо-Восточной Руси по восстановлению епископских центров.

Ипатьевская летопись охватывает период до 1292 г., самый ранний ее список относится к XV в¹. Также как Лаврентьевский свод она начинается с Повести временных лет (до 1118 г), затем помещены Киевская (1119–1200 гг) и Галицко-Волынская (1202–1292 гг) летописи. Цитирование летописи осуществляется по академическому изданию 1908 г., подготовленному под редакцией А.А. Шахматова «по правилам точной передачи оригинала средствами гражданской азбуки»². Свод содержит преимущественно княжеское летописание, известия Киевского княжества, Переяславля Южного и Чернигова. По наблюдению В.И. Пановой, за период с 1118 по 1198 г. в источнике упоминается 13 епископов имена которых отсутствуют в Лаврентьевской летописи³. Летопись сохранила сведения о поставлении епископов и их смерти. В погодных записях прослеживаются взаимоотношения архиереев с правящими князьями. Ипатьевская летопись содержит подробный рассказ о расправе Киевского митрополита Константина над епископом Федором (Феодорцом). Галицко-Волынская летопись, представляющая собой княжеское летописание, крайне скупо отражает события церковной истории.

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 638 с. (далее – ПСРЛ. Т. 2)

² Шахматов А.А. Предисловие // ПСРЛ. Т. 2. С. XVI.

³ Панова В.И. Ипатьевская летопись как источник для изучения православного духовенства Руси в XII веке. С. 12.

Новгородская первая летопись сохранилась в двух редакциях (изводах)¹. Новгородская первая летопись старшего извода представлена в единственном Синодальном харатейном (пергаментном) списке XIII–XIV вв. (ГИМ, Синодальное собр., № 786)², младший извод летописи относится к XV в. и известен в 8 списках. Цитирование осуществляется по изданию 1950 г. подготовленному А.Н. Насоновым. Д.С. Лихачев охарактеризовал данное издание как исчерпывающее по привлеченным спискам и по своему плану наиболее отвечающее требованиям науки о летописании³.

В основе Новгородской первой летописи лежит местное летописание. Многочисленные записи о церковном строительстве и событиях епископской кафедры, свидетельствуют о том, что летопись создана при архиерейском дворе с привлечением сведений из летописания новгородских церквей. Синодальный список содержит известия о строительстве церквей в Людином конце Новгорода и Аркажском монастыре, не сохранившиеся в других памятниках новгородского летописания. Достаточно полно освещаются процедура избрания местных владык, их «введение в сени», условия рукоположения в сан киевским митрополитом, обстоятельства судебных разбирательств с участием архиереев, прецеденты их отрешения от кафедры, изгнания, смещения. К числу уникальных относятся известия под 1077 и 1109 гг. в которых владыки Федор и Никита названы архиепископами. Под 989 г. помещены перечень новгородских архиепископов и список русских епископий.

В работе были привлечены известия поздних летописей. Они содержат ряд сведений, не нашедших отражения в других летописных сводах, в основу которых могли быть положены источники, не сохранившиеся до наших дней.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. 640 с. (далее – НПЛ)

² Начало свода утрачено, повествование начинается с середины статьи 1016 г., завершается изложение 30-ми гг. XIV в.

³ Лихачев Д.С. [Рецензия] // ВИ. 1951. № 5. С. 107.

Летопись Авраамки¹ содержит целый комплекс уникальных записей о церковном строительстве в Великом Новгороде. Так под 6506 г. помещено единственное летописное известие об основании новгородским епископом Акимом Десятинного монастыря². В Летописи Авраамки сохранилась ссылка на использование ранних летописных памятников – «слышахомъ отъ древнихъ повѣдающа писаниі, наче же извѣстныхъ внимахомъ почитающе старыя лѣтописца»³.

К комплексу Новгородско-Софийских летописных памятников относятся Новгородская четвертая, Софийская первая и Новгородская Карамзинская летописи⁴, которые содержат редакцию Повести временных лет, читающуюся в Ипатьевском и Лаврентьевском сводах, а также ряд уникальных известий. Так в Новгородской четвертой летописи под 897 г. помещен перечень русских епископий, а под 1058 г. сохранилось Поучение новгородского епископа Луки к братии.

Различные стороны архиерейского служения на территории древнерусских епископий характеризуют сведения поздних летописных источников XVI–XVII вв.⁵ Среди них значительный интерес имеют сведения

¹ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 16: Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. I–XII. 240 с. (далее – ПСРЛ. Т. 16) Свод представляет собой сборник, составленный в 1495 г. в по повелению смоленского епископа Иосифа Солтана. В начальной части летописи до 1309 г. представлен Краткий новгородский летописец, основанный на Новгородской четвертой летописи и соединенный с известиями Сокращенного свода конца XV в.

² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 40.

³ Там же. Стб. 173.

⁴ Полное собрание русских летописей. Пг., 1915. Т. 4: Новгородская четвертая летопись. Ч. 1. 320 с. (далее – ПСРЛ. Т. 4); Полное собрание русских летописей. М., 2000. – Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. Ч. 1. 320 с. (далее – ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1); Полное собрание русских летописей. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. 221 с.

⁵ Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. 358 с. (далее – ПСРЛ. Т. 7); Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. Т. 22: Русский Хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. 578 с. (далее – ПСРЛ. Т. 22); Полное собрание русских летописей. М.; 2004. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. 488 с. (далее – ПСРЛ. Т. 25); Полное собрание русских летописей. М., 2009. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). 272 с. (далее – ПСРЛ. Т. 30); Новгородские летописи: (Так названные новгородская вторая и новгородская третья летописи). СПб., 1879. 24, 488, 113 с. (далее – НЛ).

Патриаршей Никоновской летописи¹, составленной при митрополичей кафедре в Москве в конце 20-х гг. XVI в. (РГАДА, Ф. 201, № 163), где сохранились уникальные сведения о первом русском митрополите Михаиле, предположительно направленном к Владимиру Святославичу Константинопольским патриархом Фотием, следующим за Михаилом митрополите Леонте и якобы поставленных им епископах, приходивших на Русь посланцами Папы Римского (979, 1091, 1169 гг.). Под 1160 г. помещено послание патриарха Луки Хрисоверга к князю Андрею Боголюбскому. Только Никоновская летопись объясняет причину поставления в 1051 г. Киевского митрополита-«русина» Илариона «бранями и нестроениями» в отношениях с Константинополем. Никоновский свод был положен в основу Степенной книги², где изложение русской истории разбито на 17 степеней, в которых излагается биографии князей, сведения о митрополитах и святых.

Следовательно, летописные известия содержат сведения о условиях организации и распределения епископских округов, принципах и полноте реализации архиерейской власти в отношении окормляемого округа, особенностях подбора кадров и процедуре избрания/рукоположения епископов в сан, о социальном статусе правящих архиереев, особенностях церковно-государственных отношений в русских княжествах, межличностных взаимоотношений святителей с князьями, позволяют проследить развитие русских епископий путем анализа деятельности правивших архиереев и динамики формирования древнерусской епископальной структуры и управления.

Зарубежные повествовательные источники (хроники, истории) сообщают о попытках создания на территории русских княжеств епископий, канонически подчиненных западным и восточным кафедрам, о направлении

¹ Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 288 с. (далее – ПСРЛ. Т. 9) В основу Никоновского свода положены Иоасафовская летопись, Новгородская пятая летопись и Хронограф редакции 1512 г.

² Полное собрание русских летописей. СПб., 1908–1913. Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Вып. 1. 719 с. (далее – ПСРЛ. Т. 21)

на архиерейское служение лиц с целью создания епископских центров. Источники позволяют установить время и условия пребывания христианских миссий на территории Руси, имена лиц их возглавляющих, отношение княжеской власти к прибывшим миссионерам.

В «Жизнеописании византийских царей» продолжателя Феофана под 874 г. помещено свидетельство об обращении русов в христианство¹. Из содержания Кратких византийских хроник известно, что в царствование Василия I Македонянина в 881/882 г. крещеному народу росов был направлен архиерей². Константин Багрянородный в книге «О церемониях»³ описал пребывание княгини Ольги при императорском дворе (957 г) и сообщал, что она приняла крещение из рук императора и патриарха и имела в своем окружении священника. Хроника Регинона Прюмского⁴ сохранила свидетельство о посольстве «ругов» к королю Оттону I с просьбой назначить епископа и священников, об изгнании прибывшего в Киев епископа Адальберта. В хронике Титмара Мерзебургского⁵ помещено уникальное известие о свадьбе туровского князя Святополка Владимировича с дочерью Болеслава Польского, и приезде в связи с данным событием на Русь святителя Рейнберна. Автор называет Рейнберна главой русской церковной организации в сане архиепископа и сообщает, что архиерей был обвинён в заговоре против Владимира Святославича и умер в заточении. В Истории Йахьи Антиохийского сообщается, что царем Василием к князю Владимиру Святославичу были направлены митрополиты и епископы, которые

¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я.Н. Любарский. СПб., 2009. С. 213–214.

² Малые (краткие) хроники. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2010. Т. 2. Византийские источники. С. 184–185; Schreiner P. Die Byzantinischen Kleinchroniken, 1 Teil (Einleitung und Text). Wien, 1975. P. 606.

³ Константина, христолюбивого во Христе самом вечном царе василевса, сына мудрейшего и приснопамятного василевса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2010. Т. 2. Византийские источники. С. 143–146.

⁴ Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением // Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарии. М., 1993. С. 101–130.

⁵ Титмар Мерзебургский Хроника / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. М., 2009. 254 с.

«окрестили царя и всех, кого обнимали его земли»¹. Хроника Генриха Латвийского² свидетельствует о том, что в первой трети XIII в. полоцкими и смоленскими князьями поддерживались тесные контакты с рижскими епископами, которых они называли своими духовными отцами.

Следовательно, на основе сведений зарубежных нарративных источников можно сделать вывод о попытках западной и восточной церковью распространить свое религиозное влияние на политическую элиту русских княжеств и население подвластной им территории. Духовенство, находящееся под юрисдикцией различных христианских центров, оказывало влияние на формирование церковно-государственных отношений и древнерусской системы епископального управления.

В исследовании также привлекались *вещественные источники*. Сфрагистические памятники³ представлены печатями и буллами русских архиереев X–XIII вв., которые отражали их статус в церковной иерархии. Епископские печати содержали лики небесных патронов, со второй половины XI в. символом святительской власти стал лик Богоматери.

Таким образом, комплекс исторических источников позволил выявить предпосылки возникновения епископских центров на Руси, структуру архиерейского управления, сложившуюся на протяжении X–XIII вв., определить принципы подбора кандидатов и порядок их поставления на архиерейские должности, охарактеризовать каноническое положение и социальный статус русского епископата, особенности реализации епископской власти и управления церковными округами, проанализировать процесс становления и развития русских епископий в структуре киевской митрополии.

¹ *Йахья Антиохийский* История // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2009. Т. 3. Восточные источники. С. 105–106.

² *Генрих Латвийский* Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.-Л., 1938. URL: <http://www.junik.lv/~link/livonia/chronicles/henricus/index.htm> дата обращения 30.08.2018

³ *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 53–54, 176–177.

1.2 Историография

История епископских центров с конца X по XIII вв. составляет существенную часть истории христианской церкви на Руси. В исследованиях по истории древнерусской церкви рассматривались проблемы становления и развития русских епископий и архиерейской власти. Внимание, которое уделялось этим вопросам научным сообществом, было не одинаковым. В историографии, посвященной древнерусским епископским центрам, выделяются три группы работ. В общих исследованиях, относящихся к истории Древней Руси, имеются лишь отдельные упоминания о епископах и епископских центрах. Труды, темой которых были различные стороны церковной истории, содержат более полные сведения по данному вопросу. Наконец, имеются специальные исследования, посвященные епископским кафедрам, отдельным аспектам поставления и деятельности древнерусских епископов. В ходе изучения отечественной историографии традиционно выделяются дооктябрьский, советский и постсоветский периоды.

Хронологически первый период - *дооктябрьская историография* - охватывает время с XVIII в. до 1917 г. Одним из ранних *обобщающих исследований* где была затронута тема епископской власти и древнерусских епископских центров стала «История Российская с самых древнейших времен» В.Н. Татищева. Исследователь в ходе анализа закономерностей государственного развития Руси рассматривал церковную иерархию как опору государственной власти, т.к. согласно христианскому учению архипастыри призваны наставлять и вести за собой мирян¹. В.Н. Татищев полагал, что русская митрополия была создана сразу после крещения Руси в 988 г., а с 991 г. были учреждены 13 русских епископий. Четыре епископа, прибывших из «Булгарии и Константинополя» были определены в Великую Русь, Новгород, Белую Русь – Ростов, Червонную Русь – Владимир, в 992 г. в

¹ *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2. С. 565.

Чернигов, Белгород, Переяславль, Юрьев, затем в Смоленск (1137), Полоцк (1145), Туров (1146), Галич Червонной Руси (1165), Рязань (1192), Суздаль (1214)¹.

М.В. Ломоносов в «Древней российской истории» принятие христианства Владимиром Святославичем, крещение первым киевским митрополитом Михаилом окружения князя, насильственное свержение идолов в Новгороде, рассматривал как необходимые шаги по укреплению княжеской власти. По мнению М.В. Ломоносова, восточное христианство широко распространилось и твердо «вкоренилось» в России после того как митрополитом Леонтием были поставлены епископы - Иоаким в Новгород и Псков, в Чернигов Неофит, в Ростов Федор². В работе М.М. Щербатова ярко отразились черты эпохи Просвещения, исторические события рассматривались как отражение идей и нравов, господствовавших в обществе. Становление церковной организации и учреждение русских епископий анализировались ученым лишь в контексте деятельности княжеской власти³.

Епископская власть Н.М. Карамзиным представлена с позиции морально-нравственной оценки событий. Он отмечал, что духовенство «участвовало в делах правления», «владело селами», пользовалось «исключительным правом судебным без сношения с гражданской властью; под главным ведомством Митрополита судили Иереев, Монахов и все церковные преступления, наказывая виновных эпитимиями»⁴. В XIII в. на Руси пользовались переводом греческого Номоканона. Архиереям, отмечал Н.М. Карамзин, «были обыкновенно поручаемы государственные мирные

¹ *Татищев В.Н.* История Российская. С. 572.

² *Ломоносов М.В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. СПб., 1766. С. 118–122.

³ *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1. С. 271–276, 279.

⁴ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1818. Т. 3. С. 159–160.

переговоры», а епископы, избираемые «князем и народом, в случае неудовольствия могли ими быть изгнаны»¹.

Один из основателей государственной школы в российской историографии С.М. Соловьев обращал внимание на подвижнический характер деятельности епископата и его влияние на нравы славяноруссов². Характеристика древнерусской церковной организации в работах В.О. Ключевского осуществлялась на основе княжеских уставов³. Таким образом, в указанных сочинениях формирование древнерусской церковной организации рассматривалось в контексте исторического развития российского государства, а деятельность архиереев освещалась с позиции церковно-государственных отношений и пастырского служения.

Ко второй группе работ относятся труды архиепископа Филарета (Гумилевского)⁴, митрополита Макария (Булгакова)⁵, которые попытались сформулировать позицию официальной церкви в отношении ее истории и сформировать в обществе единый взгляд на церковно-исторические процессы. Так, Макарий (Булгаков) стремился систематизировать сведения об избрании и поставлении новгородских архиепископов, их взаимоотношениях с киевскими митрополитами, подвластным духовенством и паствой, определить роль владыки в политической жизни Новгородской земли и выявить источники церковных доходов⁶. Он отмечал, что избрание новгородских архиереев в середине XII–XV вв. осуществлялось не киевским митрополитом с собором епископов, а зависело от воли «самых новгородцев и от их веча», кандидатуры подбирались из игуменов, иеромонахов, «простых чернецов» и белого духовенства⁷. В то же время нельзя полностью согласиться с утверждением автора, что в целом управление русскими

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3. С. 159–160.

² Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Т. 1. Гл. 8.

³ Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1987. Т. 1. С. 255–274.

⁴ Филарет, еп. Черниговский. История Русской Церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия Монголов (988–1237). Харьков, 1849. 270 с.

⁵ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. СПб., 1866. Т. 5. Кн. 2.

⁶ Там же. С. 101–117.

⁷ Там же. С. 101, 104.

епархиями осуществлялось «без сомнения, по общим законам отечественной церкви»¹.

Аналогичные подходы к оценке деятельности древнерусского епископата преобладали в учебниках по церковной истории П.В. Знаменского, П.И. Малицкого, А.П. Доброклонского². В них представлено в общих чертах развитие русской церкви, обоснована святость церковных институтов и их соответствие каноническим традициям, а также содержатся важные замечания относительно условий возникновения епископских центров Руси X–XIII вв. По мнению П.В. Знаменского, «епархиальное деление русской церкви большей частью совпадало с удельным делением Руси. Всех епархий к половине XIII в. было 15... Новый удел, выделившись из старого, стремился сделаться самостоятельным и в церковном отношении, завести у себя особую епархию, потому что гражданская самостоятельность без церковной была неполной»³. Однако спорными представляется целый ряд утверждений, например, то, что «первые епископы не только поставлялись, но и избирались в Греции»⁴, само «епархиальное управление» было «вполне организовано» уже при митрополите Леонтии⁵, «учреждение епископских кафедр Переяславской, Белгородской и Юрьевской неподалеку от Киева, вероятно, допущено в тех видах, чтобы митрополит по важным вопросам мог без замедления совещаться с епископами, собирая их в Киев»⁶, а новгородские архиереи Илья и Гавриил были поставлены из белого духовенства, без предварительного пострижения в монашество⁷. Данные положения не находят убедительного подтверждения в исторических источниках.

¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. 5. Кн. 2. С. 118.

² Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Минск, 2006. 575 с; Малицкий П.И. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2000. 464 с; Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 2001. 936 с.

³ Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. С. 29–30.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Малицкий П.И. Руководство по истории Русской Церкви. С. 40.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Там же.

Одним из первых исследований, в котором были систематизированы сведения о русских епископиях и известия о деятельности правивших архиереев, стала «История российской иерархии» Амвросия (Орнатского)¹. К сожалению, представленные автором материалы основывались на некритическом пересказе содержания письменных источников, содержали многочисленные неточности, а порой и откровенные домыслы исследователя. Сведения о поставлении на русские кафедры епископов Амвросием интерпретировались как дата их хиротонии, хотя известно, что в древнерусской практике рукоположения могли совершаться позднее избрания. Так в летописании под 1072 г. епископ Петр Переяславский указан в числе участников процедуры перенесения мощей Бориса и Глеба. К этому же году Амвросий (Орнатский) автоматически относил его возведение в сан. Предполагаемой датой кончины Петра исследователь называет 1092 г., т.к. под этим годом при перенесении мощей Феодосия Печерского впервые упоминается следующий переяславский архиерей – Ефрем². К числу домыслов исследователя следует отнести и сведения о том, что первый ростовский епископ Феодор был поставлен на кафедру в 992 г., но в том же году возвратился в Грецию³. Кропотливая работа Амвросия (Орнатского) по систематизации сведений о русских кафедрах и епископате была продолжена П.М. Строевым и Н.Н. Дурново⁴. Однако, издания указанных авторов также содержат многочисленные неточности, несут на себе печать религиозного сознания и идеализации процессов раннего периода истории русской церкви.

Специальные исследования представлены работами Е.Е. Голубинского, М.Д. Приселкова и историков русского церковного права второй половины XIX–начала XX вв. В разделе многотомного исследования по истории русской церкви Е.Е. Голубинского, посвященного епископам и

¹ Амвросий (Орнатский) История российской иерархии. М., 1807. Ч. 1. 677 с.

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 114.

⁴ Строев П.М. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. 1136 с; Н.Д. [Дурново Н.Н]. Девяностолетие русской иерархии 988–1888. Епархии и архиереи. М., 1888. 378 с.

епархиальному управлению, справедливо отмечается, что на этапе становления церковной организации Русь «не могла быть разделена на епархии в том смысле и таким образом, как это было в Греции»¹. Точную численность русских епископий во время княжения Владимира Святославича и последующий исторический период на основании летописных источников определить не представляется возможным², первые епископы «сполна все или же почти все были из Греков», позднее архиереи поставлялись из монашествующих «аристократического» и «невысокого происхождения и наделенных особенно ловкостью»³. Е.Е. Голубинским были систематизированы сведения о времени основания древнерусских кафедр и правящих архиереях, «записи о которых читаются в летописях и в других источниках более или менее достоверных», в примечаниях были помещены имена епископов, «известных по позднейшим каталогам и по другим позднейшим источникам или прямо недостоверным или ненадежным»⁴.

Вопросы поставления русских епископов в сан и реализации ими канонической власти в пределах своего округа были подняты П.П. Соколовым⁵, который отмечал, что на Руси традиции избрания и рукоположения епископата были восприняты из Византии, однако это произошло в то время, когда «закон Юстиниана и право Василик оставались уже лишь на бумаге. Оно уже не удовлетворяло ни требованиям византийского клира, ни требованиям византийского правительства», т.к. императоры напрямую диктовали решение соборов о кандидатуре будущих архиереев⁶. Данная практика вмешательства политической власти в избрание

¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 2002. Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома (далее Т. 1., Ч. 1) С. 332.

² Там же. С. 333–342.

³ Там же. С. 344–353.

⁴ Там же. С. 664–700.

⁵ Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. 577 с.

⁶ Там же. С. 9.

епископов на кафедру, а в некоторых случаях их непосредственное назначение имела место и на Руси¹.

В исследованиях второй половины XIX–начала XX вв. была сформулирована важная для изучения епископской власти проблема распространения и влияния христианских канонов и богослужебных традиций на церковную жизнь Руси X–XIII вв. Один из основателей науки церковного права в России Н.С. Суворов, признавая влияние Византии на формирование древнерусских церковных институтов, тем не менее полагал, что «начала, которых держались архиерейские чиновники в управлении и суде над церковными людьми, были, конечно, те же самые, каким следовали княжеские и царские чиновники»². А.П. Голубцов справедливо отмечал, что «полученный нами из Греции вместе с верою богослужебный обряд, оставаясь всегда верным своей первооснове, должен был так или иначе перерабатываться и изменяться, как и все, что живет историческою жизнью, принимать в себя новые формы и осложнения, оставлять подробности, не отвечавшие местным и новым церковно-религиозным потребностям»³. Данная точка зрения была поддержана М.Ф. Владимирским-Будановым, по мнению которого, «состав наших кормчих не вполне тождественен с греческими номоканонами», так как они были переработаны и приспособлены к «русскому праву»⁴.

Неоднозначно решался вопрос о времени и обстоятельствах появления на Руси Номоканона (Кормчих)⁵. Один из лучших знатоков канонического права того времени А.С. Павлов рассматривал три гипотезы появления Кормчих на Руси. 1. до середины XIII века «все епископы из русских

¹ Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. С. 12.

² Суворов Н.С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 126.

³ Голубцов А.П. Соборные Чиновники и особенности службы по ним. М., 1907. С. II.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995. С. 114.

⁵ См. дискуссию Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. Казань, 1869. С. 1–15.

пользовались греческим номоканоном в подлиннике»; 2. «архиереи управляли своими епархиями без всякого номоканона, в полном неведении законов церковного управления»; 3. русское духовенство изначально имело в своем распоряжении Славянскую Кормчую¹. Сам автор придерживался последнего положения. По его мнению, ссылки на церковные правила при поставлении на митрополичий престол Илариона и Климента Смолятича, а также необходимость принесения клятвы при вступлении в архиерейский сан о соблюдении постановлений Вселенской церкви позволяют говорить о распространении Славянской кормчей как минимум в среде русского епископата².

Историк русского права В.И. Сергеевич, признавая что «церковные суды руководились Кормчей»³, подчеркивал, что «церковные уставы, во-1-х, не перечисляют всех дел, которые подлежали суду церкви. Так они ничего не говорят о суде церкви. Во-2-х, к исключительно церковной подсудности уставы относят и такие дела, которые едва ли церковь ведала без содействия, а некоторые без конкуренции светских судов»⁴. Следовательно, по мнению автора, епископ «ведал церковным судом вместе с князем». Вместе с тем, В.И. Сергеевич считал, что «в древнее время подсудность княжеских и епископских судов едва ли могла быть строго разграничена»⁵.

М.Д. Приселковым была предпринята попытка «пересмотра некоторых сторон церковно-политической жизни Киевской Руси X–XII вв» с учетом «новых и важных результатов», сделанных в области летописания А.А. Шахматовым⁶. В «Очерках по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв» М.Д. Приселковым обосновывалась гипотеза об изначальном подчинении церковной организации Руси Охридской епископии и ее

¹ Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский Номоканон. С. 7–9.

² Там же. С.8–9.

³ Сергеевич В.И. Лекции по истории русского права. СПб., 1889–1890. С. 674.

⁴ Там же. С. 671.

⁵ Там же. С. 672, 674.

⁶ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. XIV.

переходе в 1037 г. в состав Константинопольского патриархата¹. Отмечалась «разница воззрений греков и русских на отношении Киевской митрополии к патриарху. Первые видели в русской церкви обычную митрополию и желали уравнивать ее в церковных порядках с другими митрополиями патриархата; последние же считали свою церковь особой церковью лишь во временной опеке церкви-матери и дорожили всеми мелочами церковного обихода, как чертами индивидуального характера»².

Таким образом, в исследованиях до 1917 г. были обобщены и систематизированы сведения о епископской власти и русских епископиях X–XIII вв., был накоплен важный фактический материал. Научные труды носили описательный характер, сведения источников не всегда подвергались критическому анализу. Концептуальной основой исследований дооктябрьского периода была убежденность в святости церковных институтов и духовенства, отражающая религиозное сознание авторов.

В *советской историографии* древнерусская духовная иерархия исследовалась в контексте церковно-государственных и экономических отношений эпохи средневековья. Епископская власть и епископские центры X–XIII вв. находились на периферии исследовательского интереса и затрагивались, главным образом, в *работах общего характера*. Так, принятие православной веры от Византии и последующее формирование церковной иерархии, по мнению Б.Д. Грекова, «было подготовлено всей предшествовавшей историей восточного славянства и Руси»³. При этом он не отрицал участия «западных соседей Руси в попытке привлечения ее на свою сторону»⁴. Поэтому «христианство, заимствованное от греков и в то же самое время не отмежёванное полностью от Запада, оказалось в конечном счете ни византийским, ни римским, а русским»⁵. Данная точка зрения была

¹ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 77.

² Там же. С. 405.

³ *Греков Б.Д.* Культура Древней Руси. М.; Л., 1944. С. 28.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 33.

поддержана В.В. Мавродиным, который отмечал, что «византийское православие на русской почве приобрело особенный характер, было амальгамировано язычеством, окрасилось в русские тона, приобрело национальный характер»¹.

Выбор христианской религии и последующее развитие церковной структуры изучались советскими исследователями в контексте процесса укрепления положения княжеской власти в условиях феодального русского общества. «Недостаточность проведённой реформы языческой религии, необходимость кардинального решения вопроса о религиозной оболочке новой идеологии, идеологии складывающегося феодального общества и государства – всё это Владимиром было осознано задолго до того, как состоялось официальное крещение Руси», – писал В.В. Мавродин. «Вслед за церковной организацией появились церковное законодательство, «церковные люди», установлены были доходы церковной организации. Церковь сливалась с государством, верой и правдой служила князю», она «проповедывала извечность деления на господ и рабов и требовала подчинения последних первым»².

В связи с празднованием 1000-летия крещения Руси в советской историографии значительно увеличилось число *исследований, посвященных церковной тематике*. Помимо анализа причин принятия и условий распространения христианской религии, исследователями поднимались вопросы становления епископальной структуры, реализации архиерейской власти, материальных основ ее существования³. Выделяя такие источники

¹ Мавродин В.В. Древняя Русь. М., 1946. С. 211.

² Там же. С.211, 215, 221.

³ Оргииш В.П. Древняя Русь. Образование киевского государства и введение христианства. Минск, 1988. 150 с; Дулуман Е.К. Глушак А.С. Введение христианства на Руси: легенды, события факты. Симферополь, 1988. 184 с; Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. 334 с; Новосельцев А.П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи. // История СССР. 1988. № 4. С. 97–122; Филист Г.М. Введение христианства на Руси: Предпосылки, обстоятельства, последствия. Минск, 1988. 254 с; Он же. К вопросу о путях проникновения христианства на Русь // Вопросы научного атеизма. Вып. 37. М., 1988. С. 30–49.

доходов архиерейской власти как десятина, епископские суды, торговые платежи, «кормление» с городов и сел, «поставление в священнослужители». И.Я. Фроянов отмечал, что во второй половине XI–XII вв. землевладение не стало основным источником доходов, т.к. было «незначительным, слаборазвитым»¹. О.М. Рапов подчеркивал зависимость духовенства от политической власти: «христианские священнослужители оказались в фактическом подчинении у крупных светских феодалов и, как правило, становились послушными проводниками их воли. Великие русские князья, также, как и князья удельные, получили право вмешиваться в церковные дела. Они определяли на церковные посты верных им людей, лишали непослушных епископов их епархий, иногда даже устраивали над ними свои суды»². В то же время благодаря княжеской власти «высшие представители церкви стали участвовать в политической жизни Руси. Они заседали в княжеских советах, сотрудничали с князьями в деле создания общерусского законодательства, в частности церковных уставов. Церковные иерархи также получили право осуществлять собственные суды над жителями страны»³.

Церковная историография рассматривала становление и развитие древнерусской духовной иерархии как части Константинопольского патриархата, отмечая заслуги епископата в просветительской деятельности, строительстве/освещении храмов и монастырей, выполнении посольских функций и др⁴. П. Имшенник подчеркивал многогранность деятельности архиереев «не только в ревностном служении Церкви, но и в упорной борьбе по укреплению начал русской государственности, и стремлении создать

¹ Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. С. 260–268.

² Рапов О.Н. Русская Церковь в IX–1-й трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 373.

³ Рапов О.Н. Русская Церковь в IX–1-й трети XII в. С. 374.

⁴ Имшенник П. Высшая церковная иерархия в Древней Руси // Журнал Московской патриархии. 1948. №10. С. 59–73; Прохоров Е. Новгородская епархия в домонгольский период: курсовое (дипломное) сочинение по кафедре истории Русской Церкви. Загорск, 1960. 137 с; Родионов А. XII столетие в истории Туровской епархии. курсовое (дипломное) сочинение. МДА, 1966; Мельничук А. Епархии Русской Церкви и выдающиеся иерархи домонгольского периода. МДА, 1979.

такую форму государственного устройства и такую организацию русского общества, о чем мечтали лучшие умы наших предков, и что получило реальное осуществление только в наше время – в Сталинскую эпоху»¹. В советский период был создан фундаментальный труд Мануила (Лемешевского), обобщающий сведения о русских архиереях в исторических источниках. Автор продолжил работу исследователей XIX–начала XX вв. (Амвросия (Орнатского), митр. Макария (Булгакова), П.М. Строева, и др). Многочисленные неточности и попытки придать начальному периоду истории русской церкви черты регулярной церковной организации снижают научную ценность исследования². Данный труд был подготовлен автором к 1965 г., однако был опубликован в 3-х томах лишь в 2002–2004 гг.

В специальных исследованиях Я.Н. Щапова на основе, главным образом, княжеских уставов домонгольского периода были выявлены принципы взаимодействия государственных и церковных институтов Руси³. Ученый отмечал, что «церковная организация выполняла ряд государственных функций и была, следовательно, частью государственного аппарата, а государственная, княжеская власть содержала церковную организацию на свои средства»⁴. Исследователем были проанализированы условия формирования и развития церковно-административной структуры и управления. По его мнению, «церковная организация Руси взяла на себя

¹ *Имшенник П.* Высшая церковная иерархия в Древней Руси. С. 73.

² *Мануил (Лемешевский)* Русские православные иерархи 992–1892. М., 2002–2004. Т. 1–3.

³ *Щапов Я.Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // АЕ за 1962. М., 1963. С. 37–47; *Он же.* Церковь в системе государственной власти Древней Руси // *Новосельцев А.П.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. 475 с; *Он же.* Древнерусские княжеские Уставы и церковь в феодальном развитии Руси в X–XIV вв. // *История СССР.* 1970. № 3. С. 123–126; *Он же.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // *Византийский временник.* М., 1971. Т. 31. С. 71–78; *Он же.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. М., 1972. 166 с; *Он же.* К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII–XIV вв. // *Польша и Русь.* М., 1974. С. 172–189; *Он же.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. 240 с; *Он же.* Государство и церковь в Древней Руси (конец X–первая половина XIII в.) // *Введение христианства на Руси.* М., 1987. С. 124–137; *Он же.* Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. 232 с.

⁴ *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. С. 3.

административные и судебные функции в политических центрах, где были учреждены епископии»¹. Церковные чиновники и княжеские люди занимались вместе с епископами «не только проведением христианизации, организацией епархий, постройкой церквей, но и снабжением епископий десятиной, исполнением церковных наказаний по нормам нового церковного права»². Я.Н. Щаповым на основе летописных источников в хронологическом порядке были составлены перечни правивших архиереев русских епископий с конца X до середины XIII вв.³

Анализируя процедуру поставления архиереев на кафедру Великого Новгорода в XII–XIII вв., Н.Л. Подвигина отмечала, что «архиепископа не выбирали в прямом смысле этого слова». «Кандидатуры нового владыки, даже если их было несколько, представлялись на утверждение веча по достижении известных соглашений между игуменами, софиянами, попами и прочими представителями духовенства», а новгородское вече лишь «санкционировало избрание человека, который должен был тянуть жребий, и утверждало избранного таким образом владыку»⁴. А.С. Хорошев пришел к выводу, что относительная церковная независимость Великого Новгорода от Киевского митрополита была частью «борьбы за автономию республики»⁵. Исследователем также проанализированы летописные списки, содержащие перечень новгородских архиереев⁶.

Л.В. Алексеев в рамках изучения истории смоленской земли в IX–XIII вв., отмечал, что до 1136 г. (когда была образована епископская кафедра в Смоленске) данная территория входила в состав Переяславской епископии. Исследователь, указывая на рост доходов Смоленской епископии с момента основания и до 1211 г., подчеркивал, что суммы «почестья» с княжеских

¹ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. С. 69–70.

² Там же.

³ Там же. С. 207–213.

⁴ Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976. С. 84.

⁵ Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 218.

⁶ Он же. Летописные списки новгородских владык // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 127–142.

городов были крайне незначительными, а «основным доходом епископии была, видимо, десятина от даней»¹.

Таким образом, в исследованиях советского периода изучение епископальной структуры Руси осуществлялось с позиции классового (марксистского) подхода. Советскими историками возникновение и становление церковной иерархии Руси рассматривалось как часть государственной политики по укреплению княжеской власти. Князья использовали епископат как идеологическую опору, обеспечив церквям материальное содержание и социальное положение в древнерусском обществе.

В *постсоветской историографии* последнего десятилетия XX–начала XXI вв. сформировались новые методологические подходы к анализу и интерпретации исторических фактов, характеризующих процесс становления и развития епископальной структуры Руси в X–XIII вв. Проблемы изучения раннего периода истории русской церкви затрагиваются в работах светских и церковных исследователей.

В *обобщающей работе* В.Я. Петрухина, на основе новейших археологических данных, уточняются сведения о начальном этапе русской церковной истории². По мнению автора, в период княжения Владимира Святославича учреждение епископии было возможно лишь в Белгороде под Киевом. Грамота об основании кафедры в Турове относилась к событию 1005/06 г., но известна она лишь в списке XVII века. Епископия также могла появиться в Переяславле, – отмечал В.Я. Петрухин. В XI в. после вокняжения Всеволода Ярославича (с 1054 г.) город стал значительным церковным центром. Следовательно, определенно о ранней истории киевской

¹ Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии в IX–XIII вв. М., 1980. С. 240–242.

² Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995. 322 с; *Он же*. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. Древняя Русь. С. 13–412; *Он же*. Христианство на Руси во второй половине X–первой половине XI вв. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 60–132.

митрополии можно говорить только после 1036 г., со времени «достижения Ярославом единовластия в Русской земле»¹. В то же время Петрухин не исключал и западного влияния на Русь, т.к. одновременно «в ближней к Киеву земле печенегов миссионерскую деятельность продолжали «немцы». Он полагал, что «епископ Бруно Кверфуртский, проповедовавший у печенегов, мог около 1008 г. получить на это разрешение у князя Владимира, а значит не только представлял интересы Руси, но и возможно напрямую подчинялся киевскому митрополиту»².

В *церковной историографии* первых десятилетий XXI в. комплекс исследований посвящен изучению богослужебных традиций. А.М. Пентковский отмечал, что «на Руси соборно-приходское богослужение не имело ни устойчивых традиций, ни многовековой истории». Поэтому автор предполагал, что «кафедральный обряд представлял собой адаптированную версию обряда монастырского». Это обусловлено «монашеской христианизацией Древней Руси»³. Последующее развитие практики соборно-приходского богослужения автор пытался связывать с деятельностью епископата⁴.

В.И. Петрушко идеализировались процессы раннего периода истории русской церкви. Исследователь справедливо полагал, что в начале христианизации Руси «малое число епархий было вполне оправданным». Однако, нельзя согласиться с заключением, что «уже к концу XI столетия, главным образом, благодаря деятельности Ярослава Мудрого, практически все городское население и значительная часть сельского уже были крещены». Спорным является утверждение автора «об исключительно высоком положении епископа, его престиже». По мнению В.И. Петрушко, «епископ

¹ *Петрухин В.Я.* Христианство на Руси во второй половине X–первой половине XI вв. С. 116.

² Там же. С. 89.

³ *Пентковский А.М.* Литургические реформы в истории Русской Церкви и их характерные особенности // ЖМП. 2001. № 1. С. 72–80.

⁴ *Он же.* Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы // ЖМП. 2001. № 4. С. 70–78.

на Руси, вознесенный на немыслимую для Византии социальную высоту, во многом оказался оторванным от пастырского попечения о своей гигантской епархии»¹.

Позиция церковной историографии в отношении реализации норм канонического права древнерусским епископатам представлена в трудах протоиерея Владислава Цыпина². Автор подчеркивал, что русская церковь «как автономная митрополия Константинопольского Патриархата... осуществляла свою суверенную законодательную деятельность в пределах этой автономии. Местными органами церковного правотворчества в первую очередь были соборы»³. Данное утверждение никак не может быть отнесено к древнерусскому периоду церковной истории, т.к. «законодательное» регулирование существования русской церкви осуществлялось, прежде всего, княжеской властью, известные «установления» представителей епископата на соборах 1051 и 1147 гг. ставили своей целью избрание и утверждение Киевских митрополитов.

В первые десятилетия XXI в. были подготовлены специальные церковные и академические энциклопедические издания. С 2000 г. и до настоящего времени продолжается публикация «Православной энциклопедии». В изданных томах представлены статьи Я.Н. Шапова, А.В. Назаренко, А.А. Турилова, М.В. Печникова и др., посвященные историческому развитию отдельных русских епископских кафедр и деятельности правящих архиереев⁴. В статьях Л.В. Столяровой, написанных для академического издания энциклопедии «Древняя Русь в Средневековом

¹ *Петрушко В.И.* История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества. М., 2005. 358 с.

² *Цыпин В.А.* Курс церковного права. Клин, 2004. 703 с; *Он же.* Каноническое право. М., 2009. 864 с.

³ *Цыпин В.А.* Каноническое право. С. 227.

⁴ Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2000–2018. Т. 1–50.

мире», систематизированы сведения о русских епископиях¹ и архиереях до середины XIII в.². В этом же издании помещена сводная таблица, подготовленная Ю.А. Артамоновым, которая содержала сведения о времени возникновения епископий домонгольского периода и кафедральных храмах на их территории³.

Специальным проблемам анализа епископальной структуры Руси посвящены работы А.В. Назаренко, который в результате изучения «официального константинопольского перечня русских епархий конца 1170-х гг.» пришел к выводу, что «основная масса кафедр домонгольского времени (8 из 12) возникла в первые шестьдесят лет существования киевской митрополии, в княжение первых и главных устроителей церкви на Руси – Владимира Святого и его сына Ярослава Мудрого»⁴. Анализируя проблему русских титулярных митрополий эпохи Ярославичей, исследователь отмечал, что на территории Византийского патриархата митрополии «возникали в результате присвоения почетного отличия кафедре, а не отдельному епископу»⁵. Если черниговский и переяславский митрополиты ранее были епископами, подчиненными «одному из «обычных» митрополитов», то их должен был рукополагать в сан один из вышестоящих архиереев, данное таинство мог осуществить только киевский митрополит, а это означает, - писал А.В. Назаренко, - что данные иерархи оставались в его подчинении, хотя древнерусские источники об этом факте умалчивают⁶.

В ходе постатейного анализа Ипатьевской летописи В.И. Пановой выявлен комплекс известий, характеризующих особенности рукоположения

¹ Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. ИВИ РАН; под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014. С. 58, 139, 140, 169-170, 358, 469, 594, 600, 636, 705.

² Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. С. 24, 31, 107, 221, 221, 313, 341, 344, 474-476, 490, 500, 541, 542, 543, 577, 641, 738, 841, 843.

³ Артамонов Ю.А. Епархии Киевской митрополии // Древняя Русь в средневековом мире. С. 945.

⁴ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 195.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ Там же. С. 224, 227.

епископата в сан¹. Автор отмечала, что в источнике отсутствуют «описания обряда поставления епископа на кафедру», а «выражение летописца о поставлении епископов киевским князем нельзя понимать буквально». Церковный обряд, по мнению В.И. Пановой, «проводился главным иерархом Киевской митрополии», летописец лишь «подчеркивал выбор лица приемлемого для князя»². Согласно наблюдениям В.И. Пановой, примерно до 80-х гг. XII в. в Ипатьевской летописи прослеживаются известия об участии епископов в гражданских делах, взаимоотношения между епископами и митрополитами не зафиксированы, за исключением конфликта по кандидатуре Климента Смолятича, отсутствуют сведения об отношениях епископа с мирянами³.

Изучение содержания княжеских уставов X–XII вв. позволило Н.Б. Колесову сделать вывод, что благодаря данным документам была выстроена целая «система материального обеспечения церкви, в основе которой лежал принцип передачи церкви части княжеских доходов»⁴. Исследователь подчеркивал, что «в данный период церковная организация оказалась в полной экономической зависимости от государственной власти, что, в свою очередь, предопределило превращение православной церкви в специфичную, но все же часть государственного аппарата»⁵. Княжеские уставы базировались на общих основаниях, закладывали правовую основу материального обеспечения церкви, различия в содержании «с одной стороны, были связаны с расхождениями во времени их появления, с другой – разными поставленными перед ними задачами»⁶.

¹ *Панова В.И.* Ипатьевская летопись как источник для изучения православного духовенства Руси в XII веке: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 511 с.

² *Панова В.И.* Ипатьевская летопись как источник... С. 13.

³ Там же. С. 14

⁴ *Колесов Н.Б.* Княжеские уставы X–XII вв. как правовая основа материального обеспечения собственности русской православной церкви // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 4 (5). С. 148.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Там же.

В ходе исследования «Вопрошания Кирика Новгородца» В.В. Мильковым, Р.А. Симоновым, В.О. Парфененковым были выявлены особенности реализации архиерейской власти в отношении подвластного клира и влияние епископата на формирование традиций богослужения, исполнения треб, повседневную христианскую культуру Новгородской земли¹. В комментариях к тексту памятника анализировались установления и разъяснения епископа Нифонта и иных духовных лиц о практике совершения проскомидии, причастия, крещения, и др. с точки зрения богослужебной практики XII в. и ее соответствия каноническим нормам².

В коллективной монографии Е.В. Беляковой, Л.В. Мошковой, Т.А. Опариной на основании комплексного изучения рукописной традиции Кормчих книг, проанализированы условия их бытования и связи с церковными кафедрами и монастырями³. К.В. Вершинин рассматривал вопрос об источниках, составителе «Мерила Праведного» и рецепции византийского права на Руси⁴. Чин избрания и поставления древнерусских епископов на основе Кормчих книг был рассмотрен в исследованиях С.В. Богданова, М.В. Корогодиной, Е.В. Беляковой, которые справедливо указывали, что он сложился на Руси лишь к концу XV в⁵. Характерными чертами периода X–XIII вв., по их мнению, являлись несформированность

¹ *Парфененков В.О.* Древнерусское сочинение XII века «Вопрошание Кирика»: история текста: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 18 с; *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. М., 2011. Вып. 7. 544 с.

² *Гайденок П.И., Макаров А.И., Мильков В.В.* Комментарии // *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. С. 429–473.

³ *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.–СПб., 2017. 496 с.

⁴ *Вершинин К.В.* Мерило праведное и особенности рецепции византийского права на Руси // *Исторический вестник.* 2016. Т. 17. № 164. С. 100–135; *Он же.* Об одном источнике мерила праведного и кормчей // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017. № 1 (67). С. 5–8; *Он же.* Еще раз о составителе мерила праведного // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2017. № 1. С. 12–19.

⁵ *Богданов С.В.* Отрывок Чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей Новгородско-Софийского круга // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2010. № 4 (42). С. 240–253; *Белякова Е.В.* Замечания к полемике о Чине поставления епископов // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2011. № 2 (44). С. 118–119; *Корогодина М.В.* Чин избрания и поставления епископов и канонические книги // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2011. № 2 (44). С. 113–117.

традиций поставления епископов в сан, наличие региональных особенностей проведения данной процедуры. В.Н. Руденко реконструировал чин избрания русских епископов с помощью жребия, который был характерен для восточного христианства¹. Автор полагал, что избрание по жребию архиепископов Великого Новгорода «имело большое символическое значение» и способствовало укреплению церковно-административной и политической автономии города².

Б.И. Чибисовым на основе анализа Ефремовской Кормчей (XII в), Кормчей книги Мазуринской редакции времени митрополитов Киприана и Фотия, Новгородской Синодальной Кормчей книги (1282 г) и Рашской Кормчей книги (1305 г) определена «эволюция канонов относительно избрания и поставления иерархов» на Руси³. Согласно тексту ранней Ефремовской Кормчей, избрание епископа происходило «общим голосованием епископов» и утверждалось митрополитом⁴. Б.И. Чибисов предполагал, что «теоретически, процедура поставления епископов на кафедры в Киевской митрополии должна была меняться вместе с изменением содержания Кормчих книг»⁵. Однако «практика, основанная на Ефремовской Кормчей, позволявшая свободное (в рамках правил соборов и святых отцов) толкование норм и поэтому не имевшая четких предписаний, оставалась устойчивой даже в условиях появления новых Кормчих книг»⁶.

Печниковым М.В. были выявлены условия подбора архиереев на новгородскую кафедру в конце X–середине XII в., рассматривалась практика святительской деятельности епископов – воспитанников Киево-Печерского

¹ Руденко В.Н. Избрание по жребию церковных иерархов // ВИ. 2008. № 4. С. 132.

² Там же. С. 135.

³ Чибисов Б.И. Избрание епископов на Руси: церковная практика (середина XII–первая треть XV вв). Saarbrücken, 2012. 117 с; *Он же*. Избрание епископов на Руси: каноны и практика (XII–первая треть XV в) // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 29–42.

⁴ Чибисов Б.И. Избрание епископов на Руси: каноны и практика (XII–первая треть XV в). С. 32.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 40.

монастыря (Германа, Никиты, Нифонта)¹. По мнению А.Е. Мусина, особое положение Новгорода «в составе древнерусской федерации» проявилось в стремлении местных архиереев к независимости от Киевской митрополии. Ответной реакцией митрополитов-греков стало устранение неугодных епископов, жертвами могли стать «Лука, Стефан и Герман (в 1055, 1068 и 1095 гг. соответственно)»².

Современный украинский исследователь А.П. Толочко подверг сомнению достоверность летописных сведений об основании Холмской епископии в период княжения Даниила Романовича. Автор датировал данное событие периодом с 1289 по 1328 гг.³ Время и условия становления Галицкой епископии изучены И. Скочилясом, М.А. Несиным, В.Ф. Смакоузом⁴. Возникновение Галицкой епископии исследователи относят ко времени княжения Владимира Володаревича, т.е. к началу 40-х годов XII в.

П.И. Гайденко, анализируя критерии выбора кандидатов на архиерейские должности, пришел к выводу, что на протяжении конца X–второй половины XII в. они претерпевали изменения. Решающее значение имели личные качества будущего архипастыря, предпочтение отдавалось монашествующим, а «среди иноков наибольшими симпатиями пользовались бывшие затворники». Кандидаты должны были соответствовать целому

¹ Печников М.В. «А се новгородский епископы»: спорные вопросы ранней церковной истории Новгорода (конец X–70-е гг. XI в.) // Вестник церковной истории. 2015. № 3–4 (39–40). С. 207–274; Он же. Новгородская епископия в конце XI–1-й трети XII в.: печерские постриженники на севере Руси и начало эпохи политических преобразований // Вестник церковной истории. 2016. № 3–4 (43–44). С. 165–213; Он же. Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.) // Вестник церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 237–278.

² Мусин А.Е. Загадки Дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2016. С. 56–57.

³ Толочко А.П. Основание Холмской епископии // Palaeoslavica. 2017. № XXV/1. PP. 266–272.

⁴ Скочиляс І. Заснування Галицької єпархії в середині XII століття: спроба нової інтерпретації проблеми // Studia z dziejów i tradycji metropolii kijowskiej XII–XIX wieku / Red. A. Gil. Lublin, 2009; Його ж. Галицька (Львівська) єпархія XII–XVIII ст.: організаційна структура та правовий статус. Львів, 2010. С. 147–156; Його ж. Галицька (Львівська) єпархія XII–XVIII ст.: Організаційна структура та правовий статус. Л., 2010. 831 с; Несин М.А. Возникновение Галицкой епархии в XII в. // Русин. 2013. № 4/34. С. 134–143; Смакоуз (Иов) В.Ф. Галицкая Русь – земля святая (краткий патерик Галицких святых) // Русин. 2013. № 2 (32). С. 84–120.

комплексу морально-этических и социально-политических требований. С середины XII в. «наблюдается едва ли не общерусская тенденция участия земель в выборе своих епископов», поэтому закономерным является «желание видеть на кафедре лицо, разделяющее нужды и чаяния городов»¹.

П.И. Гайдено в соавторстве с В.Г. Филипповым рассмотрены основы материального положения древнерусской церкви². По их мнению, княжеские уставы, передающие епископским кафедрам часть княжеских материальных и земельных ресурсов, предполагали не владение, а лишь распоряжение данным видом княжеской собственности, следовательно, владельческие права церкви в отношении них были достаточно ограниченными³. Исследователями обстоятельно изучены различные аспекты архиерейских взаимоотношений на Руси, в том числе внутрицерковные конфликты и суды, определена их типология, причины, способы разрешения⁴. Внутрицерковные суды, по мнению авторов, «больше напоминали расправы за действия, которые угрожали материальному благосостоянию конкретных иерархов или их авторитету. Однако официальные обвинения сводились к каноническим

¹ *Гайдено П.И.* Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества // *Христианское чтение.* 2013. № 1. С. 221.

² *Гайдено П.И., Филиппов В.Г.* К вопросу о церковной собственности и церковных доходах в Киевской Руси (постановка проблемы) // *Финно–угры – славяне – тюрки: Опыт взаимодействия (традиции и новации): Сборник материалов Всероссийской научной конференции.* Ижевск, 2009. С. 624–631; *Гайдено П.И.* О епископских монастырях и о правах архиереев в отношении монастырей Киевской Руси // *Rossica Antiqua.* 2016. № 1–2 (13). С. 3–27.

³ *Гайдено П.И.* Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // *Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 85–89.

⁴ *Гайдено П.И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг) // *Каптеревские чтения.* 7 / отв. ред. М. В. Бибииков. М., 2009. С. 53–63; *Гайдено П.И., Филиппов В.Г.* Церковные суды в Древней Руси (XI–середины XIII века): несколько наблюдений // *Вестник Челябинского государственного университета: История.* Вып. 45. 2011. № 12 (227). С. 106–116; *Они же.* Внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси: причины возникновения и способы преодоления // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии.* 2012. Вып. 2 (4). С. 40–59; *Гайдено П.И.* О праве суда над епископатом на Руси (XI–XIII вв.). Постановка проблемы // *Христианское чтение.* 2020. № 1. С. 90–108.

заблуждениям и еретичеству, которые в большинстве случаев никак не прослеживаются и ничем не подтверждаются»¹.

В качестве самостоятельной исследовательской проблемы П.И. Гайденко выделены способы репрезентации архиерейской власти и особенности самосознания представителей высшего духовенства на Руси в XI–середине XIII вв.². Анализ источников, отмечает Гайденко, показывает, что «подавляющее число архипастырей дорожили своим священным саном, титулами и знаками отличия», очевидна и «убежденность епископов в обладании апостольской харизмой и властью, воспринятой непосредственно от самого Господа»³.

Изучение проблемы архиерейского судопроизводства осуществлялось в рамках междисциплинарного подхода в работах Т.И. Честных, В.А. Глухова, В.Е. Рубаника, Ю.В. Оспенникова и др.⁴. Казанцев Д.А. прослеживал взаимное влияние светской и духовной власти на Руси и отмечал, что князья «призывали духовенство к участию в управлении и сами вмешивались в

¹ Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI–середины XIII века): несколько наблюдений. С. 112.

² Гайденко П.И. Самосознание епископов XI–середины XIII века // Вестник Тверского гос. университета. Серия «История». 2013. Вып. 4. С. 133–149; *Он же*. Церковная титулатура в домонгольской Руси: историко-культурные параллели // Историческая память и диалог культур: Сборник материалов Международной молодёжной научной школы. 5–6 сентября 2012 г. В 3 т. / под ред. О.Н. Коршуновой и др. Казань, 2013. Т. 2. С. 36–46; *Он же*. Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси: буллы, верительные документы, сан, титулы // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 56. 2013. № 18 (309). С. 68–78.

³ Гайденко П.И. Самосознание епископов XI–середины XIII века. С. 134, 143.

⁴ Честных Т.И. Суд и процесс в Киевской Руси в XI–XII вв. // История судебных учреждений России: сборник обзоров и рефератов. М., 2004. С. 77–97; *Он же*. Правосудие Древней Руси. М., 2005. 148 с; Глухов В.А. Нормативно-правовая регламентация уголовных наказаний в Древней Руси. Псков, 2005. С. 12–13; Оспенников Ю.В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв. М., 2011. 408 с; Афанасьева В.И. История государства и права России (IX–1917 г). М., 2012. 352 с; Георгиевский Э.В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси. М., 2013. 232 с; *Он же*. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права. М., 2013. 320 с; *Он же*. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию. М., 2014. 336 с; Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни. М., 2013. 344 с; Казанцев Д.А. Статус государя на Руси и в Византии: общее и особенное в практике и доктрине (конец IX–начало XVI в.). М., 2014. 200 с.

решение церковных вопросов»¹. Исключением был Новгород, где архиерей обладал духовным авторитетом, который «позволил ему занять ключевое место в системе органов управления Новгородской вечевой республикой»². Д.А. Казанцев раскрыл роль церковных институтов в период междоусобиц на Руси, когда церковь «направляла свои усилия не на завоевание политической власти, а на преодоление раздробленности и смягчение негативных ее последствий»³.

Согласно классификации Э.В. Георгиевского, юрисдикция церковного архиерейского суда осуществлялась дифференцированно «во-первых, по объекту преступного посягательства, во-вторых, по объекту возможного посягательства, в-третьих, по территориальному принципу»⁴. Особенностью древнерусской церковной судебной системы, по мнению автора, было использование принципов «индивидуализации наказания» и формирование перечня обстоятельств, смягчающих размер наказания (искреннее покаяние, состояние опьянения, сиротство, «вид преступного посягательства, характер и степень тяжести, а также способ его совершения»)⁵.

В.Е. Рубаник пришел к выводу, что судопроизводство было одной из главных статей княжеских и церковных доходов. «Вся административная и судебная власть находилась в руках епархиальных архиереев и церковных клириков»⁶. В суде князь и владыка выступали в качестве общественных обвинителей. «Церковные наказания (епитимьи) налагались духовными лицами, а штрафы взимали архиерейские чиновники»⁷. Исполнением приговоров, вынесенных церковным судом, занималась как духовная, так и светская власть⁸.

¹ Казанцев Д.А. Статус государя на Руси и в Византии. С. 114.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Георгиевский Э.В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов. С. 130.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ Рубаник В.Е. Государство, право и суд в Киевской Руси. С. 323.

⁷ Там же. С. 320.

⁸ Там же.

В отечественной историографии последних нескольких десятков лет вопросам истории епископской власти и русских епископий X–XIII вв. стало уделяться несравненно большее внимание. Комплексный анализ исторических источников позволил проследить изменения в процедуре избрания и рукоположения епископата на протяжении изучаемого периода, процесс формирования корпуса канонической литературы на Руси, особенности взаимоотношений архиереев с паствой и клиром, проанализировать источники церковных доходов. В рамках междисциплинарного подхода изучена практика архиерейского судопроизводства.

Историки русского зарубежья также рассматривали отдельные аспекты церковного развития и архиерейского служения на Руси. А.В. Карташов, русский православный историк и богослов, в «Очерках по истории Русской Церкви» сравнивал численность епископских кафедр в Византии и на Руси. Если в Византии насчитывалось «около 1000 городских епископий», то на Руси возникли лишь единицы, так как города «по малому числу жителей и по роду жизни были просто деревнями, неспособными обеспечить содержание особой епископской кафедры». Необходимо учитывать и то обстоятельство, – отмечал автор, – что «при открытии русской церкви к небольшому числу епископов, какое уделили нам болгары и греки, Владимир мог присоединить очень немногих кандидатов, достойных быть архиереями». А те «немногие лица» которые обрели архиерейское достоинство ревниво оберегали «границы своих владений, противодействуя дальнейшему дроблению епархий»¹.

На особый характер церковно-государственных отношений Руси обращал внимание Н.Д. Тальберг, преподаватель семинарии Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США). Он отмечал, что «князья, начиная с Владимира, сами призывали митрополитов и епископов к участию в государственных делах; на княжеских советах и съездах на первом месте,

¹ *Карташов А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т. 1. С. 189.

после князей, было духовенство». Но русская церковная иерархия «не воспользовалась выгодами своего положения для того, чтобы создать для себя в создававшемся государстве самостоятельное церковно-политическое могущество». Она направила свои усилия «на устроение государства, на воспитание и укрепление в нем слабой сначала княжеской власти»¹.

В монографии члена епархиального совета Монреальской и Канадской епархии Русской Православной Церкви за границей Н.Н. Воейкова высказывалась мысль об изначально упорядоченной структуре церковной организации Руси и отмечалось, что «власть киевского митрополита простиралась на всю страну, главными центрами которой становились города и области, просвещенные миссионерами; там возникали новые епархии по указам митрополита»².

В зарубежной историографии затрагивались различные аспекты изучения епископской власти и русских епископий X–XIII вв. Внимание уделялось предпосылкам возникновения церковной организации у восточнославянских народов³. Значимой для западных ученых стала дискуссия о путях и формах «византинизации» Руси, о том, каким образом византийский опыт был использован при формировании древнерусской церковной структуры. Д. Оболенский настаивал на вторичности русских церковных институтов по отношению к византийской модели⁴. Э. Хеш указывал на «внутреннюю готовность» Руси к восприятию византийского опыта. По его мнению, эта традиция «государственной церковности» сформировалась благодаря сильной княжеской власти⁵. Х. Рюс поддерживал

¹ Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. Джорданвилль, 1959. 925 с.

² Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Jordanville (N. Y.), 1983. 656 с.

³ Geanakoplos D.J. Byzantium: Church, Society, and Civilization Seen through Contemporary. The University of Chicago Press, Chicago et Londres 1986. 485 p; Lynch J.H. The Medieval Church: A Brief History. Routledge, 1992. 400 p; Hussey J. M., Louth A. The Orthodox Church in the Byzantine Empire Oxford. University press, 2010. 435 p.

⁴ Obolensky D. The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. N.Y.; Wash. : Praeger, 1971. XIV, 445 p; *Ibid.* Byzantium and the Slavs. Crestwood, NY: St Vladimir's Seminary Press, 1994.

⁵ Hesch E. Orthodoxie und Haresie im alten Russland. Wiesbaden, 1975. (Schriften zur Geistesgeschichte ostlichen Europs, 7). S. 144–145.

мнение Э. Хеша. Утверждение киевским князем поставляемых в Константинополе митрополитов, светская инвеститура епископов, невмешательство церкви в государственные дела свидетельствовали о существовании на Руси «государственной церкви» (Staatskirche) по образцу «византийских порядков». Однако ориентация на греческо-православный духовный мир (Geistwelt) не привела к разрыву с Европой. Даже раскол между Римом и Византией (1054 г) никоим образом не привел Киевскую Русь к изоляции от латинского Запада¹.

Процесс христианизации и развития церковных институтов Руси анализировался в исследовании И. Хаманта². А.В. Поппе при изучении проблематики крещения Руси акцентировал внимание на выявлении внутренних причин, предпосылок, движущих сил и факторов христианизации³. Немецкий исследователь Л. Мюллер видел в утверждении христианства на Руси целенаправленный процесс, обусловленный жизненными потребностями молодого русского государства⁴.

Известный славист В. Водов представлял становление «русского христианства» как процесс формирования новой социальной и культурной общности⁵. Европейскими исследователями были изучены известия об отдельных епископиях и архиепископиях (Аланской, Боспорской, Никопсийской) на территориях, которые в дальнейшем, в XVIII в. оказались в сфере влияния Русской Православной церкви, поэтому рассматривались

¹ Handbuch der Geschichte Russlands / Hrsg. Von Hellmann M. et. al. Stuttgart: Hiersemann, 1976–1989. Bd 1, Iffg. 1–15: Vonder Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum / Hrsg. Von Hellmann M. S. 310.

² Hamant Y. Christianization of Ancient Russia: A Millennium 988–1988. Paris, 1992. 337 p.

³ Poppe A. Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. 252 s.

⁴ Müller L. Die Taufe Russlands: Die Frühgeschichte des russischen Christentums bis zum Jahre 988. München, 1987. 132 s; Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования / Сост. Л.И. Сазонова. Авторизованные переводы с немецкого языка. М., 2000. 432 с.

⁵ Vodoff V. Naissance de la chretienterusse; La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) etsescjnsequences (XI–XIII siecles). P., 1988. P. 126.

авторами как «предтечи» крещения Руси и «провозвестники» русского православия¹.

В трудах С. Франклина поднималась проблема влияния византийской императорской и церковной власти на процесс государственного развития Руси. Ученый отмечал, что в результате перевода византийских текстов на русский язык получился продукт «мистрансляции», т.е. «искаженного перевода»². Поэтому содержание переводных хроник, по мнению С. Франклина и Уолтера К. Хенека, не получило распространения у русских книжников. Ни византийские, ни древнерусские источники не отражали реального характера отношений между двумя государствами³. При этом киевский клир, подобно византийскому, осознавал, что многие законы, в которых он был заинтересован, могли быть проведены в жизнь только благодаря государственным институтам. Поэтому русское духовенство не стремилось уменьшить власть великих князей, а лишь укрепляло свой политический статус и материальное положение⁴.

А.В. Поппе уточнил численность и время создания русских епископий, восстановил списки архиереев домонгольской Руси, систематизировал сведения об их деятельности⁵. Исследователь полагал, что к 60-м годам XII в.

¹ *Vailhe S. Alanie // Dictionnaire de Histoire et de Geographie Ecclesiastique. T.1. Paris, 1909. P. 1335–1338; Mansi J.D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collection. 1758–1798. Graz, 1960–1962. T. VIII. P. 877–878; Поннэ А.В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии. // Византийский временник. М., 1968. Вып. 28. С. 85–108; 1969. Вып. 29. С. 95–104; Hierarchia ecclesiae orientalis. Vol.1 / A cura di G. Fedalto. Padova, 1988. Vol. 1. P. 406.*

² *Franklin S. The Reception of the Byzantine Culture by the Slavs // The 17th International Byzantine Congress: Major papers. N.Y., 1986. P. 384–385.*

³ *Hanak W.K. The Impact of the Byzantine imperial thought upon Vladimirian-Iaroslavian Russian. Tempe, s.a. P. 117–129. Отд. оттиски из: Byzantine Studies / Etudes Byzantine, Vol. 8, 11, 12, (1981, 1984, 1985)*

⁴ *Hanak W.K. The Impact of the Byzantine imperial thought upon Vladimirian-Iaroslavian Russian. С. 124.*

⁵ *Poppe A. The Original Status of the Old-Russian Church // Acta Poloniae historica. Warszawa, 1967. T. 39. P. 5–45; Ibid. Państwo i Kościółna Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. 252 s; Он же. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. М., 1968. Вып. 28. С. 85–108; 1969. Вып. 29. С. 95–104; Он же. Русско-византийские отношения в середине XI в. // История СССР. М., 1970. № 3. С. 122–128; Он же. Истоки церковной организации древнерусского государства. Киев, 1972. 356 с; Ibid. La tentative de reforme ecclesiatique en Russie au milieu du XI e siècle // Acta*

русская церковная провинция состояла из 12 диоцезов: центра митрополии – Киева и 11 епископий. Белгородская, Новгородская, Переяславская, Черниговская епископии были созданы при Владимире Святославиче. Остальные – в Полоцке, Владимире, Суздале, Турове, Каневе, Смоленске и Галиче – в период между 990–1170 гг. Епископии возникли в крупнейших политических и экономических центрах Руси, где христианские общины появились в результате тесных торговых контактов с Византией. При этом русская церковь, по мнению А. Поппе, с первых своих шагов стала составной частью государственной организации.

В 1981 г. французским византинистом, историком церкви Ж. Даррузесом были опубликованы перечни епархий Константинопольского патриархата, в том числе ранее не известные списки XI–XII вв., что позволило зарубежным и отечественным исследователям уточнить время и порядок возникновения древнерусских кафедр, а также их место в церковной структуре Византийской империи¹. В. Водов полагал, что киевская митрополия занимала скромное место среди десятков византийских митрополий. Однако благодаря политической независимости и географической удаленности Руси ее церковь вела существование близкое к автокефалии. Самым существенным в политической реальности Руси ученый называл зависимость, в том числе экономическую, епископа диоцеза от князя или местной аристократии², не исключая внешних влияний на церковно-

Poloniaehistorica. Warszawa, 1972. Т. 25. Р. 5–31; *Он же*. О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь 988–989 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История, 1978. № 9. С. 45–58; *Он же*. Политический фон крещения Руси (Русско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. М., 1990. 320 с; *Он же*. Митрополиты и князья Киевской Руси. // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 443–471; *Он же*. Владимир Святой: У истоков церковного прославления. // Факты и знаки: исследования по семиотике истории. / Под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. М., 2008. Вып. 1. С. 40–107.

¹ *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: texte critique, introduction et notes. P., 1981. С. 342–344, 348–350, 380–382.

² *Vodoff V.* Naissance de la chretienterusse; La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) etsescjnsequences (XI–XIII siecles). P., 1988. P. 126.

политическую и каноническую ситуацию в различных русских землях¹. Данной точки зрения придерживался и М. Пол, анализирувавший динамику и причины изменений в процедуре избрания архиереев Великого Новгорода на протяжении 1156–1478 гг.²

Немецкий церковный историк и теолог Г. Подскальски в ходе анализа памятников оригинальной (т.е. непередаваемой) древнерусской литературы, теологической по своим функциям (проповеди, жития, литургия и др.), церковно-назидательных произведений, книги паломничеств, рассматривал не только становление древнерусской церкви как института, но и процесс утверждения христианства как системы мировоззрения и господствующей идеологии³. Особенности «греческого» влияния на практику богослужения в Древней Руси прослеживаются в статье Ж. Жоанне⁴.

Следовательно, в работах историков русского зарубежья и зарубежной историографии были рассмотрены лишь отдельные аспекты становления и развития епископских центров и архиерейской власти Руси в X–XIII вв., в частности определено место и роль христианской церкви в древнерусском обществе, влияние Византии на формирование церковной структуры и канонических традиций Древней Руси.

Таким образом, в результате анализа историографии, посвященной епископским центрам и архиерейской власти Руси в X–XIII вв., могут быть подведены определенные итоги. Данная проблема в трудах отечественных и зарубежных исследователей признавалась значимой для изучения истории средневековья, определения места и роли христианской церкви в

¹ *Водов В.* Еще один след западного влияния в Вопрошении Кирика Новгородского? // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Шапов. М., 2005. С. 134–138.

² *Paul Michael C.* Episcopal Election in Novgorod, Russia 1156–1478 // *Church history: Studies in Christianity and Culture* 72. №2 (June 2003). С. 251–275.

³ *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 г). СПб., 1996. Т. 1. 572 с; *Он же.* Запад и Восток // Страницы: Богословие, культура, образование. Журнал Библейского богословского института св. апостола Андрея. 2000. Т. 5. Вып. 4. С. 554–565.

⁴ *Жоанне Ж.* Неизданные греческие источники октябрьской служебной минеи 1096 г. (греко-славянское издание) // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Шапов. М., 2005. С. 62–73.

древнерусском обществе. Учеными отмечалось влияние Византии, Западной Европы, Болгарии на возникновение древнерусской церковной иерархии, в общих чертах определялась структура архиерейского управления X–XIII вв. Значительное внимание уделялось социально-политическому положению архиереев в общественной структуре Руси. Подчеркивалось, что епископы принадлежали к элите древнерусского общества, высшее духовенство являлось частью государственного аппарата и зависело от княжеской власти. Выявлялось материальное положение епископских кафедр, источники и особенности формирования церковных доходов.

В то же время остались вопросы, которые требуют дальнейшего комплексного исследования. Более определенно необходимо проанализировать этапы формирования и становления церковного территориального управления значительного числа епископий Киевской митрополии. Требуется обстоятельное изучение процесса складывания особенностей развития церковных округов. Это предполагает выявление особенностей архиерейской инвеституры, определение не только места архиереев в социальной структуре древнерусского общества, но и анализа изменений их социального статуса в данных хронологических границах с учетом специфики политического развития русских земель. Нуждаются в обстоятельном изучении особенности реализации епископской святытельской власти в отношении подвластного клира и мирян, степень ее полноты на территории окормляемого округа.

Глава 2 Каноническое положение и социальный статус русского епископата

2.1 Условия возникновения епископских центров на Руси

Вопрос появления церковной иерархии у восточных славян относится к числу дискуссионных проблем истории русской церкви. Это связано с тем, что предпосылками формирования церковной структуры явился целый комплекс внешних и внутренних условий и обстоятельств, способствовавших выбору христианства как государственной религии, развитию церковных институтов, приведших к возникновению в составе Киевской митрополии епископских центров. В IX–X вв. славянские племена с юга и запада граничили с христианскими государствами, активно выстраивали с ними политические и экономические отношения. Представители Западной и Восточной церкви стремились использовать эти контакты, в том числе, с целью расширения религиозного влияния в регионе.

Попытки включения территории Руси в орбиту христианского влияния Константинополя нашли отражение в целом ряде исторических источников. Сохранились сведения о направлении византийским патриархом Фотием (858–867, 877–886 гг.) в Хазарию и Русь епископа для организации там церковной иерархии. В окружном послании Фотий (867 г.) сообщал, что росы «приняли у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды»¹. Достоверность данного известия

¹ Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского, к восточным архиерейским престолом, а именно – Александрийскому и прочая. С. 132. Это свидетельство трактовалось неоднозначно в отечественной науке. Часть исследователей, преимущественно церковных, воспринимала данное известие как исторический факт, другие ставили под сомнение его достоверность. В частности, А.Г. Кузьмин считал, что Фотий имел в виду совсем другую Русь, вовсе не Киевскую (*Кузьмин А.Г.* Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 111–124), т.к. отождествление упоминаемого в источнике народа с восточнославянскими племенами относилось к XVI веку (ПСРЛ. Т. 9. С. 13; ПСРЛ. Т. 22. С. 352–353). Дискуссия также разгорелась вокруг личности первого церковного иерарха, имя которого, направивший его патриарх Фотий, не называл. В.И. Ламанский осуществление данной миссии приписывал Константину Философу (*Ламанский В.И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник: Критические заметки. Пг., 1915. С.

справедливо вызывает сомнения у исследователей, т.к. для непризнанного Римом патриарха-схизматика Фотия сообщение об успешной миссии по крещению русов могло быть одним из аргументов в борьбе с правомочным «кафолическим патриархом» Игнатием.

Другое свидетельство об обращении русов в христианство при патриархе Игнатии помещено у «продолжателя Феофана» под 874 г.¹. Сообщения об успехах христианизации славянских племен во второй трети IX в., безусловно, сильно преувеличены, но миссионерскую деятельность константинопольского патриархата с целью крещения восточнославянского населения и последующего включения данной территории в структуру церковного управления Византии можно расценивать как внешние предпосылки возникновения церковной иерархии на Руси.

В этом же контексте следует рассматривать деятельность славянских просветителей Кирилла и Мефодия², упоминание которых в позднем русском летописании послужило причиной острой научной дискуссии³.

74–76), в то время как Н.Н. Воейков – некоему епископу Алексею, который, по мнению исследователя, крестил в 865 г. князей Аскольда и Дира вместе со «многими киевлянами» (*Воейков Н.Н.* Церковь, Русь и Рим. Минск, 2000. С. 254). Другой историк церкви А.В. Карташев (*Карташев А.В.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1992. С. 134–138), связывал события «Фотиева» крещения с именем митрополита Михаила, известного из летописных источников (ПСРЛ. Т. 9. С. 57, 63–64; ПСРЛ. Т. 21. С. 11). Однако Т.В. Барсов обращал внимание, что какие-либо убедительные сведения о том, «остался ли в среде русских крестивший их епископ или он, исполнив ближайшую миссию, возвратился в своё отечество» не сохранились (*Барсов Т.В.* Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. СПб., 1878. С. 299). Нельзя не согласиться с оценкой ситуации М.Д. Приселковым, который констатировал, что выводы церковных историографов о личности первоиерарха являются следствием «искусственных попыток» воссоздания нашего церковного прошлого (*Присёлков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 29–31). Современный украинский исследователь В.М. Рычка также отказывался признавать церковные «реконструкции» соответствующими историческим реалиям (*Ричка В.М.* Княгиня Ольга. Київ, 2004. С. 36).

¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. С. 213–214.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 16–17.

³ *Добровский И.* Кирилл и Мефодий, словенские первоучители / Историко-критическое исследование Иосифа Добровского. Перевод с немецкого М.П. Погодина. М., 1825. 150 с; *Лавровский Н.А.* Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современною им историею церковных несогласий между Востоком и Западом. Харьков, 1863. 588 с; *Бодянский О.М.* Кирилл и Мефодий. Собрание памятников, о деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся. // ЧОИДР. 1863. Кн. II, апрель–июнь. Отд. III. С. I–IV, 1–224; 1864. Кн. II, апрель–июнь. С.

Исследователями выдвинуто несколько гипотез. В работе И.Ф. Оксюка было высказано крайне смелое суждение о том, что якобы возникшая в результате деятельности Солунских братьев община стала прямой предшественницей киевской епископии¹. По мнению другого украинского церковного исследователя В.Е. Рожко², Кирилл и Мефодий действовали не на юге будущей Руси, а на её западе, где учениками святого Мефодия была учреждена Владимирская (Ладомирская) епископская кафедра³. Как справедливо отметил П.И. Гайденко, подобные выводы выстроены на некритическом домысливании скурых сообщений одной из венгерских летописей и субъективной интерпретации результатов археологических раскопок⁴.

Достоверные известия о миссионерской деятельности Солунских братьев на территории Руси не сохранились, следует согласиться с мнением значительного числа церковных и светских исследователей, что усилия Кирилла и Мефодия по созданию епископий на славянских землях, благословленные папой Римским и/или германским императором,

225–398; 1865. Кн. I, январь–март. С. 1–96; Кн. II, апрель–июнь. С. 1–64; 1866. Кн. II, апрель–июнь. С. 64–152; *Бильбасов В.А.* Кирилл и Мефодий по документальным источникам. СПб., 1868. 181 с; *Беляев И.Д.* Святые Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий, учителя славянские. М., 1885. 29 с; *Голубинский Е.Е.* Святые Кирилл и Мефодий, первоучители славянские. М., 1885. 69 с; *Де-Витте Е.И.* Св. первоучители славянские Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России. Очерк. СПб., 1908. 97 с; *Ламанский В.И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозноэпическое произведение и как исторический источник: Критические заметки. Пг., 1915. 262 с; *Obolensky D.* The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. N.Y.; Wash. : Praeger, 1971. XIV, 445 p; *Петров А.В.* Славянская миссия Кирилла и Мефодия и русская культура // Государство, общество, архивы в истории России / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко. СПб., 2009. С. 14–18.

¹ *Оксюк И.Ф.* Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад // БТ. М., 1987. Т. 28. С. 194.

² *Рожко В.Е.* Нарис історії Української Православної церкви на Волині (870–2000). Луцьк, 2001. С. 24–30.

³ В.Е. Рожко полагал, что она первоначально находилась за стенами города Владимира в районе современного урочища «Старая кафедра» и просуществовала до 981 г., когда Червенские города были завоёваны князем Владимиром Святославичем, однако «уже через 11 лет епископия была восстановлена» (*Рожко В.Е.* Нарис історії Української Православної церкви на Волині. С. 24–30).

⁴ *Гайденко П.И.* Становление высшего церковного управления в Древней Руси: дис. ... д-ра. ист. наук. М., 2011. С. 113 (примечания).

способствовали зарождению регулярной религиозной жизни в восточнославянском обществе¹.

Религиозное влияние на Русь оказывали и другие славянские государства – Болгария, Чехия, Моравия, которые к тому времени приняли христианство. В исследовании Г.Г. Литаврина высказывалась мысль о целенаправленной миссионерской деятельности болгарской церкви на территории Руси, как минимум со времени правления княгини Ольги². Успех болгарских миссионеров автор видел в том, что проповедь велась на славянском языке³. Проповедники обучали обращенных в христианство неопитов⁴ подобающему для верующих поведению, молитвам и принесли перевод текстов церковной службы⁵. В этой связи исключать религиозное влияние балканских государств, с которыми Русь поддерживала тесные политические и экономические связи, было бы неверно.

В 80-е гг. IX в. не ослабевало и миссионерское влияние Византии. Под 6390 (881/882) г. «Краткие хроники» сообщали о направлении в царствование Василия I Македонянина крещеному народу росов архиерея⁶. И хотя сведения о деятельности посланного Константинополем архипастыря, не сохранились, религиозная ситуация, вероятно, изменилась⁷. На территории Руси не только появилось население, исповедующее христианство, но и отдельные церковные постройки – церковь святого Николая, построенная в Киеве неким Олмой на месте погребения убитого князя Аскольда⁸. В

¹ *Флоря Б.Н.* Комментарии // Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. Б.Н. Флоры. М., 1981. С. 98–100.

² *Литаврин Г.Г.* Христианство в Болгарии в 927–1018 гг. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия // Отв. ред. Б.Н.Флоры. М., 2002. С. 174–176.

³ Там же. С. 174.

⁴ Неопит (от др.-греч. νεόφυτος — «недавно насаждённый») — новый приверженец (новообращённый) какой-нибудь религии, учения, общественного движения.

⁵ *Литаврин Г.Г.* Христианство в Болгарии в 927–1018 гг. С. 176.

⁶ Малые (краткие) хроники. С. 184–185.

⁷ *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* Организация церковной жизни Руси накануне крещения. Ч. 2. Церковная иерархия // Вестник НГПИ. Сб. научно-методических трудов. Набережные Челны, 2011. Вып. 19. С. 91–96.

⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 15.

середине X в. при киевской церкви святого Ильи уже существовала христианская община, которая могла состоять из принявших крещение послов и купцов князя Игоря Святославича¹.

Распространению новой веры в княжеском окружении способствовали многочисленные контакты Руси с христианскими государствами, в том числе целенаправленная религиозная политика Византии в отношении «варварских» народов. Константинополь использовал различные методы: от вынужденного нахождения «варваров» на территории византийских христианских обителей (для русских княжеских послов и купцов был определен монастырь святого Маммы²), до крещения правителей и их ближайшего окружения.

Предпосылки возникновения церковной иерархии на Руси с середины X в. складывались и в ходе прямых церковно-политических контактов Византии с представителями варяжской княжеской династии. В 957 г. княгиня Ольга посетила Константинополь³, где встретила с Византийским императором Константином VII Багрянородным (905–959 гг.)⁴. Русское посольство во главе с Ольгой, вероятно, должно было решить целый комплекс различных вопросов, касавшихся политических и экономических отношений с Константинополем. Византия также была заинтересована в сотрудничестве, в том числе, в военной сфере⁵.

Принятие христианской религии княгиней Ольгой было взаимовыгодным шагом. Не случайно таинство крещения было совершено константинопольским патриархом Полиевктом, и княгиня получила

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55.

² Там же. Стб. 49.

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 29.

⁴ Константин VII Багрянородный (905–959 гг.) в своей книге «О церемониях» подробно описал торжественные приемы 9 сентября и 18 октября 957 г., почести, оказанные русской делегации (более 60 человек) во главе с княгиней Ольгой (Константина, христоролюбивого во Христе самом вечном царе василевса, сына мудрейшего и приснопамятного василевса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение. С 143–146).

⁵ Византийская империя в этот период терпела поражения от арабов, поэтому была заинтересована в военной помощи наемных войск русов (*Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–начало XII вв). С. 211).

христианское имя Елена, которое носила супруга императора. Данный шаг свидетельствовал, что правительница Руси входила в духовную семью византийского императорского рода и становилась духовной дочерью Константина Багрянородного.

Однако последующие события показали, что согласия по церковным вопросам в ходе переговоров не было достигнуто. В частности, императором и патриархом не было принято решение о создании русской церковной организации, с Ольгой не был отправлен на Русь рукоположенный архиерей, как это происходило при крещении других «варварских» правителей. Возможно, это связано с тем, что Ольга приняла крещение как частное лицо, поэтому ей был назначен лишь пресвитер (священник), который и прибыл с ней в Киев.

После возвращения княгини Ольги из Византии сложились условия для активизации деятельности западноевропейских миссий на территории Руси. Около 959 г. княгиня обратилась к германскому императору Оттону I с просьбой «назначить их народу епископа и священников»¹. Ее решение было закономерным и оправданным, в большинстве стран Центральной и Восточной Европы принятие христианства происходило при решающей роли правителя по схожим сценариям.

Желание Ольги отвечало интересам германского императора. В 955 г. Оттон I получил от папы Римского Агапита II официальное разрешение «устраивать епископии так, как ему заблагорассудится»², а гамбургский и бременский архиепископ Адальдаг считался викарием папы Римского в Северной Европе. Именно Адальдаг по просьбе «королевы ругов» в 960 г. отправил с миссионерской целью на Русь монаха Майнцкого монастыря св. Альбана Либуция, который скончался, не успев выехать к месту назначения, 15 февраля 961 г. Вместо него во главе миссии был поставлен

¹ Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением. С. 107.

² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 294.

монах монастыря св. Максимиана в Трире Адальберт, известный как продолжатель Хроники Регинона¹.

Кандидат не горел желанием отправляться на Русь, однако вынужден был подчиниться. Получив поддержку от короля и значительное материальное обеспечение миссии, Адальберт прибыл в Киев, но «ни в чем не достиг успеха и увидел свое усердие напрасным»². В 962 г. на обратном пути в Германию миссия подверглась нападению, что дало основание Адальберту обвинить «королеву Руси» в коварстве³. Примечательно, что в Хронике он не сообщил подробностей своего пребывания в Киеве, вероятно, это объясняется провалом его миссионерской деятельности⁴, но считал, что создание русской епархии было изначально лишь обманом со стороны «ругов»⁵.

В историографии по-разному оценивается данное событие. Авторы католической энциклопедии видят причину неудачи миссии Адальберта в двухлетнем промедлении Оттона I с отправкой епископа⁶. По мнению К.А. Костромина, рукоположение старого или больного человека и задержка отправки миссии по непонятным причинам может свидетельствовать о том, что ее «не считали приоритетной или даже сколько-нибудь важной», а «полтора лет задержки могло быть вполне достаточно, чтобы Ольга отказалась от своих прежних планов»⁷. Нельзя исключать, что к этому времени состоялась передача власти от Ольги к

¹ Рыбаков В.В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии. М., 2008. С. 197–222.

² Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением. С. 108.

³ Там же.

⁴ Если учесть свидетельство Бруно Кверфуртского, то по пути на Русь Адальберт проезжал через Либице (столицу княжества Славниковцев к востоку от Праги), таким образом миссионер двигался по известному пути Регенсбург – Прага – Краков – Киев. (Назаренко А.В. Комментарии // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV. Западно-европейские источники. С. 48)

⁵ Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением. С. 108.

⁶ Католическая энциклопедия: А-З. М., 2002. Т. 1. С. 78.

⁷ Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 64–65.

Святославу, и княгиня уже не могла оказывать прежнее влияние на внутривосточные процессы¹.

Несмотря на неудачу миссии Адальберта, Оттон I не отказался от идеи основания восточной епископии. Архиепископ Охридский Дмитрий Хоматин писал, что император «имеет право решать споры между митрополитами, епископами и клириками и избирать на вакантные епископские кафедры. Он может возвысить епископские кафедры и епископов в достоинство митрополий и митрополитов»². В октябре 968 г., с санкции папы Иоанна XIII, Оттон I учредил на базе монастыря св. Маврикия в Магдебурге архиепископию, в задачу которой входила миссионерская деятельность на славянских землях, а именно восточнее рек Эльба и Зале³.

Архиепископом и митрополитом всего славянского народа, по совету майнцского архиепископа Хаттона, который являлся примасом (номинальным главой) германской церкви, был назначен упоминаемый выше Адальберт⁴. В грамоте Германского императора Оттона I говорилось, что Адальберта «направили в Рим для получения паллия от господина папы (Иоанна XIII – *Т.Ф.*). И дабы подкрепить и утвердить это наше избрание, направляем его к вашим милостям непременною желанием, чтобы он, по избрании всеми вами как подачей голоса, так и поднятием руки, воссел на своем престоле»⁵. Это первое документально зафиксированное свидетельство, когда, с соблюдением всех церковных формальностей, папой Римским на восточнославянские земли был назначен архиерей. Таким образом, во второй половине X столетия гипотетически появилась

¹ Мюллер Л.М. Понять Россию: историко-культурные исследования. С. 53.

² Цит. по: Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. В 2-х т. Париж, 1959 С. 342, 344. Французский исследователь Жильбер Дагрон использовал в отношении данного явления термин «цезаропапизм» (*Дагрон Ж. Восточный цезаропапизм. (история и критика одной концепции)* / Пер. С. А. Иванова. // GENNADIOΣ. М., 2000. С. 80–99).

³ Грамота Германского императора Оттона I об учреждении Магдебургской епископии. С. 41–43.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Там же. С. 43.

возможность организации на территории Руси епископии под властью архиепископа Магдебургского.

В летописи под 979 г. сохранилось лаконичное известие о приходе к князю Ярополку Святославичу послов «изъ Рима отъ папы»¹. Это еще одно свидетельство контактов Руси с представителями Западной церкви². Известно, что в 960–980 гг. западнорусские земли (Туров, Пинск) находились под властью польских князей из династии Пястов, в период правления которых осуществлялась христианизация славянских территорий по латинскому обряду³. Латинская миссия, охватывавшая все крупные города Польши, не могла не затронуть и турово-пинские земли. Следовательно, там должно было находиться латинское духовенство, подчиненное Гнезненской архиепархии⁴.

Данные сведения подтверждаются Титмаром Мерзебургским. Он сообщает о возглавлявшем западнорусскую епископию (с центром в Турове или Пинске) епископе Райнберне⁵, который, очевидно, получил от князя Владимира Святославича десятину, подтвержденную так называемой Туровской грамотой⁶. После смерти Райнберна в заточении есть все основания полагать, что епископия прекратила свое существование.

Вторая половина X в. была временем активной деятельности христианских миссионеров. Западная церковь под эгидой папского престола и при поддержке германских императоров активно направляла

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 39; А.В. Назаренко уточнил дату события, помещая его под 977 годом (*Назаренко А.В.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. М., 1991. С. 100).

² Мавродин В.В. отмечал, что христианство на Русь шло не только из Византии, но «и другим путём, с Запада. Достаточно указать на посольства Ольги и Ярополка к Оттону, приём Ярополком послов из Рима, от папы, отметить некоторые особенности русской православной церкви, сближающие её с западно-христианской (имена святых Капута, Албана, Олафа, Войтеха, Людмилы, мощи Климента в Киеве, праздник Николы вешнего)» (*Мавродин В.В.* Древняя Русь. С. 211).

³ *Черемин А.А.* Туровское княжество (X–XIV века). Минск, 2012. С. 19–20, 27–28.

⁴ *Костромин К, прот.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб., 2016. С. 104–114.

⁵ *Титмар Мерзебургский* Хроника. С. 162–163.

⁶ О поставлении Туровской епископии. С. 271–272.

проповедников в Саксонию, Скандинавию, Паннонию, Моравию, Хорватию и Польшу. Латинские миссионеры «проявляли больше гибкости и такта при общении с неопитами, особенно представителями правящего класса»¹. Миссионерская деятельность Запада сопровождалась учреждением архиепископий (как в Магдебурге) и епископий (как в Мейсене, Цейсе, Бранденбурге и других городах)².

Византийские миссии уступали римским в широте охвата территорий³, в проведении активной миссионерской проповеди⁴. Кроме того, как полагал С.А. Иванов, в восточной церкви крайне пренебрежительно относились к новообращенным, «вели себя весьма грубо» и «не готовы были поступиться ни единой буквой своего учения». Византийская церковь не пыталась помочь новокрещенным народам понять основы христианства, в частности, их катехизационные проповеди были «на редкость длинны, скучны и сложны для восприятия»⁵. Высокомерие византийцев по отношению к «варварам», основывалось на убежденности что из них все равно не получится «настоящих» христиан.

Восточная церковь значительно выигрывала по сравнению с римской, поскольку использовала славянскую культуру и язык для усиления своего

¹ *Иванов С.А.* Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев С. 26.

² *См. подробнее: Синайский А.Л.* Отношения древнерусской церкви и общества к латинскому Западу (католичество): (X–XV в): Церковно-исторический очерк. СПб., 1899. 162 с; *Кузнецова А.М.* Миссии латинской церкви: опыт христианского Запада и центральная и юго-восточная Европа на рубеже второго тысячелетия // Христианство в странах Восточной, юго-восточной и центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2002. С. 43–53; *Костромин К.А.* Крещение князя Владимира и Запад // Толерантность в России: вопросы истории и ответы современности. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 20 ноября 2008 г. / Сост. и общ. ред. А.Н. Долгенко. Волгоград, 2009. С. 53–55.

³ *Иванов С.А.* Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев. С. 11–31; *Он же.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 115–247; *Гийу А.* Византийская цивилизация / пер. с франц. Д. Лоевского; предисл. Р. Блока. Екатеринбург, 2005. 552 с; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 344.

⁴ *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в). С. 40.

⁵ *Иванов С.А.* Когда в Киеве появился первый христианский храм? // Славяне и их соседи. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. С. 11.

влияния через укрепление христианских обычаев. Сказались также традиционные политические и экономические связи Византии и Руси, которые позволяли удерживать восточнославянские земли в сфере религиозного влияния Константинопольского патриархата и во многом предопределили последующий выбор киевского князя Владимира Святославича.

В историографии также рассматривалось скандинавское влияние на формирование церковной иерархии Руси. Исследователи опирались на саги монаха Олда о проповеди конунга Олава Трюггвасона, который не только убеждал князя Владимира принять христианство, но и, согласно Большой саге, призвал на Русь некоего епископа Павла (Палла)¹. Вероятно это традиционное для саги «преувеличение роли главного героя, оказывавшегося центральной фигурой всех основных событий»². Сам факт встречи проповедника Олава с Владимиром Святославичем подтвердить или опровергнуть не представляется возможным, но и отрицать скандинавское влияния на первых представителей княжеского рода Рюриковичей тоже нельзя. В то же время мало вероятно, что норвежский конунг Олав Трюггвасон, который в последние годы X в., преодолевая отчаянное сопротивление соплеменников, сумел обратить в христианство лишь население Исландии³, смог оказать безусловное влияние на выбор князя Владимира Святославича, превзойдя усилия Западной и Восточной церкви.

В трудах церковных исследователей обращается внимание на религиозное влияние христианских общин Крыма и Северного Кавказа. В

¹ Джаксон Т.Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X–первой половины XI в. М., 2000. С. 47; Погодин А.Л. Варяжский период в жизни князя Владимира // Святой Креститель. Зарубежная Россия и святой Владимир: Из наследия русской эмиграции. М., 2000. С. 122.

² Петрухин В.Я. Христианство на Руси во второй половине X–первой половине XI вв. С. 80.

³ Матрусов Д.Н. Некоторые особенности христианизации Скандинавского региона // Богослов.ру Научный богословский портал URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1207353.html> дата обращения 25.09.2017.

работе В. Семенюка¹ и диссертации священника Е.С. Харина² они преподносятся как своего рода «провозвестники» русской церкви и государственности. Но еще в позапрошлом столетии митрополит Макарий был склонен говорить лишь о косвенной причастности древних епархий в Северном Причерноморье и на Кавказе к последовавшей позже христианизации соседних русских земель³, а британский русист Д. Оболенский отвергал этот тезис как лишенный убедительной аргументации⁴. В то же время нельзя полностью отрицать влияния причерноморских епархий в IX–X вв. на Русь⁵. Логично связывать это влияние с обстоятельствами крещения Владимира в Корсуни⁶. В частности, В.В. Мавродин предположил, что благодаря активным контактам Киевской Руси с Крымским полуостровом в Корсуни могла сложиться прорусская партия⁷. Однако разносторонние политические и экономические связи Руси с Крымом и Кавказом не дают основания говорить о появлении в результате этих взаимоотношений на восточнославянских землях епископской власти. Такие связи едва ли могли иметь какое-либо принципиальное значение для судеб язычества и христианства в землях Киевской Руси⁸.

Таким образом, проникновение христианской религии на территорию Древней Руси осуществлялось из различных регионов христианского мира, путем прямого и опосредованного влияния, через контакты с христианскими

¹ Семенюк В. Христианство на Руси от Зарождения первооснов государственности до князя Владимира. Курсовое (дипломное) сочинение по кафедре Истории Русской Церкви. Загорск, 1963. С. 4–52, 53–73.

² Харин Е.С. Древнерусское монашество в XI–XIII вв. С. 20–21.

³ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1994. Кн. 1. С. 83–160.

⁴ Obolensky D. The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. P. 198–199.

⁵ Иванов С.А. Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев. С. 9–34; Кабанец Е.П. Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX–X в. // Сугдейский сборник / гл. ред. Н.М. Куковальский, рец. С.Б. Сорочан и В.М. Рычка. Киев; Судаки, 2003. С. 83–100.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 53–55.

⁷ В.В. Мавродин, анализируя легендарные сказания о завоевании Корсуни Владимиром, сделал вывод о возможной славянизации клира столицы Северо-Причерноморской колонии Византии (Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. С. 239).

⁸ Гайденко П.И. Становление высшего церковного управления в Древней Руси. С. 115.

государствами и населением, знакомство с обрядовой стороной вероисповедания, создание условий для принятия таинства крещения, возможность обретения священника/пастыря. Это способствовало принятию христианства и формированию предпосылок будущей церковной организации на Руси. Несмотря на то, что формально христианская церковь не была расколота, правителям Руси предстояло сделать выбор между восточной и западной религиозными традициями. Князем Владимиром Святославичем был сделан выбор в пользу Византии, что и определило последующее политическое и религиозное развитие Древней Руси.

Внешние факторы, способствовавшие распространению христианского вероучения на территории Руси, активная миссионерская деятельность западной и восточной церквей, попытки создания церковных округов, безусловно, повлияли на процесс становления регулярной церковной жизни восточнославянского общества. Однако важнейшими условиями возникновения высшей церковной иерархии на территории Древнерусского государства стало складывание внутренних предпосылок принятия христианства, в их числе политические решения княжеской власти, приведшие к формированию Киевской митрополии и епископий в ее составе.

Процесс христианизации Руси был сложным, противоречивым и затянулся на несколько столетий. Самое раннее письменное свидетельство о христианах на территории Киевской Руси относится к 80-м гг. IX в. Это известие об Олме, построившем в 881/882 г. над могилой князя Аскольда церковь св. Николая¹. Летопись лишь фиксирует исторический факт, но ему должны были предшествовать события и сложиться определенные условия, при которых в Киеве мог беспрепятственно проживать некий Олма, исповедующий христианство, который, не вызвав недовольства со стороны городской общины и пришедшего к власти варяжского конунга Олега, на свои средства построил в предместье Киева, на так называемом Угорском

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 15.

урочище, христианскую церковь. Данные события свидетельствуют о том, что к этому времени в Киеве не только были знакомы с христианской религией, но и проявляли терпимость, как к соблюдению иных, не языческих обрядов, так и самому церковному строительству.

Более чем через полвека, согласно русско-византийскому договору (945 г) в Киеве при церкви святого Ильи уже существовала христианская община, состоящая из ближайшего окружения князя Игоря¹. Следовательно, при княжеском дворе сложился круг «светлейших» «под рукой его», открыто исповедующих христианство. Упомянувшиеся в договоре князя Игоря с Византией послы и купцы, принявшие христианство, не только пользовались одинаковыми правами с язычниками, но и могли по «вере своей» приносить клятву. Наличие церковных построек свидетельствует, что если не у всего населения города, то, как минимум у лиц из княжеского окружения были все условия для отправления христианских обрядов. По замечанию киевского летописца, «мнози бо бѣша варязи хрѣстьяне», а значит со стороны княжеской власти не было препятствий ни для принятия веры, ни для соблюдения обрядов.

Распространению христианства в среде русской знати способствовали тесные контакты с Константинополем. Согласно договору 945 г., в период пребывания княжеских послов и купцов в Византии в качестве резиденции им был определен монастырь святого Маммы². Нахождение русских послов и купцов на территории византийского монастыря способствовало знакомству с христианским вероучением и их крещению. Кроме того, к середине X в. в городской черте Киева сложилась хазарская община, компактное проживание единоверцев было повсеместной практикой средневековья³. Хазары исповедовали иудаизм, поэтому распространение религиозного учения на основе Ветхого завета в княжеской и дружинной

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55.

² Там же. Стб. 49.

³ Согласно сведениям летописца, церковь святого Ильи в Киеве находилась вблизи Хазарского квартала (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54).

среде могло произойти и благодаря их влиянию¹. Само наличие на территории Руси населения, исповедующего христианство, можно рассматривать как прямую предпосылку возникновения церковной иерархии.

Проникновение христианства на восточнославянские земли устойчиво связывалось с деятельностью княгини Ольги. При жизни князя Игоря и в первые годы после его смерти Ольга исповедовала язычество. Принятое ею в 957/958 г. из рук византийского императора и Константинопольского патриарха крещение следует рассматривать как осознанный шаг пришедшей к власти правительницы Руси², призванный укрепить торгово-экономические и внешнеполитические отношения с давним партнером. Поездка Ольги в Византию позволила познакомиться с практикой государственного управления, хозяйственного развития, достижениями культуры империи, особенностями повседневного быта населения и императорского двора. Принятие христианского вероучения привело к изменению статуса княжеской власти Древней Руси. Варяжская династия вошла в круг европейских правителей как богоизбранная, а население Руси стало частью семьи христианских народов. Данные обстоятельства, безусловно, можно рассматривать как политические предпосылки возникновения церковной иерархии на территории Древнерусского государства. Однако в окружении Ольги, согласно источникам, – сочинение Константина VII Багрянородного (905–959 гг)³ и летописное известие о погребении княгини⁴, – упоминаются духовные лица лишь в сане иерея⁵. Закономерно было бы ожидать, что после принятия крещения русской княгиней, должна была последовать христианизация

¹ Хайнман И. Еврейская диаспора и Русь. Иерусалим, 1983. С. 55–60.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 29.

³ В сочинении Константина Багрянородного в свите княгини упоминается священник Григорий. (Константина, христолюбивого во Христе самом вечном царе василевса, сына мудрейшего и приснопамятного василевса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение. С. 146)

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

⁵ Иерей (греч.) – священник, духовное лицо, посвященное во вторую степень священства.

подвластного ей населения страны и как следствие формирование церковной структуры, но ситуация сложилась иначе. Княгиня осталась недовольна результатами поездки в Константинополь, о чем она через год сказала послам, прибывшим из Византии в Киев¹. В числе возможных причин недовольствия Ольги могли быть: долгое ожидание разрешения русским кораблям войти в константинопольскую гавань, использование сокращенного ритуала в ходе императорского приема, уменьшение суммы подарков сопровождающим княгиню лицам на второй аудиенции, а также разногласия по вопросу создания и статуса будущей древнерусской церковной организации. Так или иначе, после возвращения Ольги религиозные институты на Руси не были сформированы². Вполне возможно, княгиня, также как другие восточнославянские государи того времени, искала максимальные политические и материальные выгоды в обмен на принятие христианства, но их не получила. Однако желание и политическая воля к осуществлению этого шага, несомненно, остались.

Спустя два года Ольга попыталась обрести епископскую кафедру с помощью западноевропейских соседей. С этой целью посольство «ругов» было отправлено к германскому императору Оттону I³. Однако прибытие западного священства на Русь во главе с епископом Адальбертом состоялось только в 962 г. Политическая ситуация в Киеве к этому времени претерпела значительные изменения. Ольга вынуждена была уступить управление государством Святославу, который, по словам летописца (964 г) «возмужал» не только в физическом, но и политическом смысле⁴. Передача власти от матери к сыну, очевидно, произошла мирно, но в результате смены курса усилилась языческая оппозиция. Кроме того, после смерти Константина Багрянородного, пришедшим к власти Романом II, сыном императора, были восстановлены дружественные отношения с Русью. В сложившихся

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 30.

² Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 297–303.

³ Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением. С. 108.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 64.

условиях Святослав сделал политический выбор в пользу военного и торгового сотрудничества с Византией, при сохранении традиционного языческого культа. Вероятно, именно по этой причине «не преуспела» миссия епископа Адальберта¹. Во всяком случае, приход к власти Святослава и изгнание западных миссионеров по времени совпадали. Адальберт необоснованно обвинял княгиню Ольгу в «притворстве»². Очевидно, в сложившейся ситуации, она уже не могла принимать подобных политических решений или, по крайней мере, влиять на них³. Необходимо также учитывать, что христианская церковь при Ольге не была еще формально расколота. Она представляла собой две разные религиозные и культурные традиции. Выбор религии политической властью Руси и в 60-е гг. X в. и в последующий период осуществлялся в условиях влияния множества политических, экономических, социальных и культурных факторов. Важно отметить, что для представителей правящего рода Рюриковичей и различных слоев населения сохранялась возможность личного религиозного выбора.

Христианство проникало на Русь достаточно мирно. Масштабных восстаний как в Чехии, Польше, Венгрии или Норвегии Русь не знала. Известий об изгнании или казнях верующих христиан источники не сохранили. Исключение составляет известие о варягах–христианах, отце и сыне, убитых в ходе городского восстания в Киеве в 983 г. Святослав вслед за дружиной был верен язычеству. Людей, желавших креститься, князь «не браняху но ругаху сѧ тому»⁴. Ольга продолжала исповедовать христианство и оказывала влияние как минимум на свое ближайшее окружение. Княгиня,

¹ Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением. С. 108.

² «Послы Елены, королевы ругов, ... явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников» (Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением. С. 107).

³ Мюллер Л.М. Понять Россию: историко-культурные исследования С. 53.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63.

имела при себе пресвитера¹, а, значит, должна была построить хотя бы домовую церковь для отправления обрядов и совершения таинств для себя и единоверцев, предпринимать возможные в ее ситуации усилия по распространению веры. Поэтому предполагаемое строительство по указанию Ольги храма в Пскове (на месте будущего Троицкого кремлевского собора)², можно рассматривать, как подготовку к прибытию ожидаемого из Византии или Восточно-франкского королевства христианского духовенства³. Следовательно, крещение Ольги и ее усилия по организации христианской жизни на Руси способствовали возникновению древнерусской церковной иерархии. Прослеживается религиозное влияние княгини и в кругу своей семьи, в частности, на ее внуков, сыновей Святослава – князей Ярополка, Олега и Владимира⁴.

Княжение Ярополка и Владимира стало временем, когда власти Руси необходимо было сделать выбор в пользу той или иной религии. Известно, что в 979 г. к князю Ярополку Святославичу прибыли послы «изъ Рима отъ папы»⁵. Исследователи не исключают возможность крещения князя представителями папской миссии⁶. Сообщают летописи и о «греховной»

¹ Константина, христоролюбивого во Христе самом вечном царе василевса, сына мудрейшего и приснопамятного василевса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение. С. 146; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

² Александров А.А. Ольгинская топонимика Пскова // Земля Псковская, древняя и современная. Тез. докладов к науч.–практ. конф. 1995/96 гг. Псков, 1996. С. 72–73.

³ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, М., 1995. С. 229–230; Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). С. 66.

⁴ В летописных известиях после передачи власти Святославу Ольга упоминается под 968 г. когда во время набега печенегов на Киев княгиня запирается в городе с тремя внуками (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 65–67). Безусловно, крещение внуков при язычнике Святославе вряд ли было возможным, но отрицать прямое религиозное влияние Ольги на членов своей семьи было бы не верно. Ведь при описании княжения Владимира Святославича встречаются упоминания «бабы Володимировой», как вдохновительницы и предшественницы деяний князя (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 108).

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 39.

⁶ Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.). С. 72. Позднее исследователь на основе анализа письменных свидетельств и археологических данных приходит к выводу, что «князья Олег и Ярополк были крещеными людьми» (Костромин К.А. Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. С. 14).

женитьбе Ярополка на «чернице Грекине»¹. Данные факты свидетельствуют о сложности религиозной ситуации при дворе киевских князей, но решение о христианизации не было принято, формирования церковной структуры не произошло.

Проблема выбора религии сохранялась и в период княжения Владимира Святославича. В Повести временных лет под 986 г. содержится известие о встрече князя Владимира Святославича с конфессиональными посольствами², известное в историографии как «испытание вер». Источник свидетельствует о знакомстве политической верхушки древней Руси с религиозной жизнью византийской и римской церкви³. Известны были на Руси, благодаря тесным торговым связям с Востоком, и особенности мусульманской религии⁴. В это время в Киеве уже существовала иудейская община⁵. Русь поддерживала тесные политические связи с хазарами, исповедовавшими иудаизм⁶, т.е. формально для политической элиты не было необходимости знакомиться с данными религиозными учениями⁷. В этой связи, отмечал В.Я. Петрухин, вряд ли возможно считать «испытание

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 78; ПСРЛ. Т. 9. С. 39.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85–107. А.Г. Кузьмин, относил время составления записи и ее помещение в летописный свод к 80-м годам XI в. (*Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 218, 356–357).

³ Примечательно, что в сюжете «испытания вер» князь Владимир отказал латинским проповедникам «от немец» со словами: «Идѣте ѡпать ѣко ѡцї наши сего не приаили» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85), т.е. имеется в виду что «латинскую» веру не приняли отец Владимира Святослав и отцы «старцы градские». Вероятно, данная фраза возможно является отголоском событий, связанных с изгнанием миссии архиепископа Адальберта.

⁴ См. подробнее: *Левицкий Т.* Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящиеся к раннему средневековью // *Сообщения польских ориенталистов.* М., 1961. Вып. 2. С. 45–60; *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // *Древнерусское государство и его международное значение.* М., 1965. С. 355–419.

⁵ Киевское письмо // *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* Т. III. Восточные источники. С. 174–176.

⁶ Кембриджский документ // *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* Т. III. Восточные источники. С. 177–184.

⁷ Житие Феодосия Печерского подтверждает данную точку зрения, сообщая что он имел обычай «часто вставать ночью и тайно ходить к иудеям и мужественно препираться с ними за Христа, укоряя и досажая им, нарицая их отступниками закона и богоубийцами» (Киево-Печерский патерик. С. 101).

вер» реально произошедшим историческим событием¹, но в летописном известии данный сюжет придает осмысленность и весомость выбору князя Владимира I. Это имеет логическое объяснение, т.к. вслед за решением князя о принятии христианства помещена Корсунская легенда.

В описании ключевых событий похода Владимира Святославича на Херсонес (988 г)² всячески подчеркивается самостоятельность решения князя о крещении. Так, получив известие от Анастаса Корсунянина о том, каким образом можно взять город, Владимир «возрѣвъ на ѿбо речѣ аще се сѧ сбуде и самъ сѧ крѣцю»³. В беседе с императорскими послами после взятия Корсуни князь говорит: «тако ѡко азъ крѣцюсѧ ѡко испитахъ преже сихъ дѣнии законъ вашъ и естъ ми любо вѣра ваша и служенье»⁴. Дискуссия о месте и обстоятельствах крещения Владимира в летописных источниках также имеет важное значение. Летописец настаивал на крещении князя в Корсунской церкви святого Василия, отрицая варианты принятия веры в Киеве или Василеве⁵. Исследователи по-разному комментировали данное известие⁶, но, вероятно, стоит согласиться с мнением В.В. Мавродина, который объяснял это «сознательным стремлением греческого духовенства на Руси в XI в., в руках которого чаще всего находилось летописание, приписать Византии

¹ *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. С. 234.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 110–122.

³ Там же. Стб. 110.

⁴ Там же. Стб. 111.

⁵ Там же. Стб. 112. См. подробнее: *Лихачев Д.С.* Комментарии // Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч. 1–2. М.; Л., 1950. Ч. 2. Приложения. С. 388.

⁶ См. дискуссию: *Лебедев Л.* О месте и времени Крещения князя Владимира и киевлян. // БТ. 1987. Т. 28. С. 91–101; *Филарет, митр.* Крещение святого князя Владимира и Русской земли // БТ. 1987. Т. 28. С. 33–51; *Он же.* Установление христианства на Руси // БТ. 1987. Т. 28. С. 26–32; *Новосельцев А.П.* Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи // История СССР. 1988. № 4. С. 97–122; *Филист Г.М.* Введение христианства на Руси: Предпосылки, обстоятельства, последствия. Минск, 1988. 254 с; *Он же.* К вопросу о путях проникновения христианства на Русь // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37. С. 30–49; *Шмурло Е.Ф.* Когда и где крестился Владимир Святой? // Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир: Из наследия русской эмиграции / сост. и авт. вступ. статьи М.Д. Филин. М., 2000. С. 17–58; *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. 576 с.

решающую роль в деле крещения киевского князя»¹. Результатом похода на Корсунь стало не только крещение князя и его ближайшего окружения, но и приход на Русь «корсуньских попов», обретение необходимой для осуществления церковных обрядов утвари, икон, святых мощей Климента и Фива², что стало основой для формирования древнерусской церковной структуры. Следующим этапом стало массовое крещение киевлян: «Володимиръ посла по всему граду глѣа аще не ѿбръщеться кто [заутра на] рѣцѣ бѣть ли ли оубогъ или нищъ ли работникъ противен мнѣ да будетъ»³. Крещение князей, «болъар» и сошедшихся к Подолу людей «бе-щисла» осуществляли попы «корсуньские» и попы «црѣцины»⁴, т.е. простые иереи. Представители высшей церковной иерархии не указаны ни в свите Владимира, ни царевны Анны.

В соответствии с христианской традицией духовенство Корсуни, находившееся в подчинении Константинополя, не было правомочно поставлять архипастырей на Русь. Однако именно «корсуняне» возглавили первые древнерусские церковные институты. Упоминаемому в Корсунской легенде Анастасу была вверена Десятинная церковь и ее казна⁵. Иоаким Корсунянин возшел на новгородскую кафедру⁶. Но принадлежность Анастаса к высшему духовенству не доказана, а святитель⁷ Иоаким именовался епископом лишь в поздних источниках⁸. Сведения Йахьи Антиохийского (ум. ок. 1066 г) о русском митрополите сразу после крещения также не находят подтверждения⁹. Отсутствие надежных свидетельств о

¹ *Мавродин В.В.* Древняя Русь. С. 213.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 117.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Стб. 121–122.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 64–65.

⁷ Святители (свт.) – епископы или архиереи, угодившие Богу своею праведною жизнью.

⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 64–65.

⁹ «И послал к нему [князю Владимиру – Т.Ф.] царь Василий в последствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого обнимали его земли» (Йахья Антиохийский История. С. 106) В исследовании Б.Д. Грекова относительно начального периода русской церковной истории сделан очень важный вывод: «мы точно не знаем на каких условиях выехало в русскую землю греческое духовенство при Владимире, но

первых киевских архиереях послужило основанием для разработки научной гипотезы об изначальной церковной независимости Руси от Византии¹.

Однако вслед за известиями поздней Никоновской летописи² церковные исследователи не могли допустить мысли об отсутствии церковно-административных связей крещеной Руси с Константинополем³. В частности, митрополит Макарий реконструировал последовательный ряд первых русских архипастырей следующим образом: Михаил (988–992), Леонтий (992–1008), Иоанн (1008–1035)⁴. Но А.В. Назаренко достаточно убедительно показал, что первые два архиерея – фигуры вымышленные⁵. Митрополиты Михаил и Леон(тий) впервые упоминались в «Уставе Владимира»⁶, причем на первое место ставился то один, то другой⁷. В поздней Патриаршей летописи под 988 г. митрополит Михаил охарактеризован весьма противоречиво: «учителень зѣло, и премудръ премного, и житіемъ великъ и крѣпокъ зѣло, родом Сиринь, тихъ убо бѣ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ премного; иногда же страшень и свирѣпъ,

имеем возможность убедиться, что уже Владимир и Ярослав приняли меры к созданию достаточного контингента образованных, в греческом понимании этого термина, людей, которые могли бы избавить его от необходимости обращаться всякий раз в Византию. Эти меры имели большой успех, и сын Владимира Ярослав уже мог сделать попытку заменить митрополита грека своим русским кандидатом» (*Греков Б.Д.* Культура Древней Руси. С. 34).

¹ В частности, М.Д. Приселков считал, что древнерусская церковная организация первоначально вошла в состав Охридской архиепископии и состояла из трёх епископий: киевской, новгородской и белгородской (*Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 28–38). Не исключали подобных обстоятельств А.В. Карташев и Е.Е. Голубинский (*Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. I. М., 1991. С. 159–161; *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 224–238). С критикой данного положения выступил А.А. Шахматов. (*Шахматов А.А.* Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни // Научный исторический журнал. СПб., 1914. Т. 2. Вып. 2. № 4. С. 30–60).

² ПСРЛ. Т. 9. С. 63–65, 69.

³ *Барсов Т.В.* Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью. СПб., 1878. С. 443–543; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. 1. С. 19–20.

⁴ *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Т. 1. С. 19–20.

⁵ *Назаренко А.В.* Архиереи Русской Православной Церкви (кон. X–сер. XIII в) // В кн.: *Макарий, митр.* История Русской церкви. Кн. II. С. 663.

⁶ ПСРЛ. Т. 21. Вып. 1. С. 113.

⁷ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 15, 16, 19, 22, 30.

егда время требоваше»¹ и ему же приписывалось крещение Великого Новгорода и Ростова². Прибытие митрополита Леона на Русь авторами Никоновского свода также связывалось с решением константинопольского патриарха Фотия³. К числу деяний святителя относилось поставление епископов Новгороду, Чернигову, Ростову, Владимиру, Белгороду, освящение десятинной церкви Пресвятой Богородицы⁴. Согласно Никоновской летописи, Леон посадил в темницу инока Андреяна скопца⁵. Ряд исследователей приписывали ему создание антилатинского послания, но оно не могло появиться ранее 1054 г.⁶ Третий митрополит, Иоанн, упомянут в Патриаршей летописи под 1008 г. в сведениях о строительстве церквей в Киеве и Переяславле, известии о предании князем Владимиром Святославичем разбойника Могута на поруки архиерею⁷. Примечательно, что в житии Бориса и Глеба Иоанн назван архиепископом⁸. Сведения о русском первоиерархе в сане архиепископа под 1018 г. сохранились и у Титмара Мерзебургского⁹. Однако и в современных исследованиях авторы, вслед за русскими источниками, продолжают называть Иоанна митрополитом¹⁰.

Византийские источники также указывали на существование среди кафедр константинопольского подчинения митрополии «Росия»¹¹. Как справедливо отметил А.С. Иванов, Русь с самого начала воспринималась греками в качестве «миссионерской епископии», т.к. фигурировала в notiциях Константинопольского патриархата без главного города¹². С

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 57.

² Там же. С. 63–64.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 64–65.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ *Roppe A. Państwoi Kościółna Rusi w XI wieku. S. 15–39; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг). С. 44.*

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 69.

⁸ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. С. 17–19, 53–59.

⁹ *Титмар Мерзебургский. Хроника. С. 187.*

¹⁰ *Купранис А.А. Печать Иоанна, митрополита России // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород, 1994. С. 207, 211.*

¹¹ *Darrouzès J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. P. 343, 349, 381, 388.*

¹² *Иванов С.А. Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев. С. 29.*

учетом очередности появления перечисленных митрополий, время создания «Росии», согласно трудам Никифора Каллиста, написанным в XIV в., относится ко времени до 997 г.¹. Сохранившиеся списки епархий, хотя и воспроизводят источники, составленные при Комнинах в 1170–1179 гг. и при Андронике Палеологе (1282–1328), но являются всего лишь поздней реконструкцией². И если, согласно спискам, учреждение русской митрополии произошло около 997 г., то в перечне по очередности возникновения русская кафедра поставлена лишь на 60-е место³. В то же время сохранились сведения о переводе на кафедру в «Росии» святителя Феофилакта, которого некоторые историки считают первым русским митрополитом⁴.

В качестве косвенного фактора, свидетельствующего о существовании Киевской митрополии, также можно рассматривать наличие кафедрального храма. Таковым принято считать Софийский собор в Киеве⁵. Под 1017 и 1037 гг. в Софийской первой, Новгородской первой и четвертой летописях помещены сведения об основании и завершении строительства данного храма⁶. Намерение удревнить строительство Софии Киевской справедливо оспаривается⁷. Одновременно с возведением кафедрального Софийского собора, в летописании упоминается имя святителя Феофемпта⁸. Именно его Новгородская первая летопись называет первым митрополитом⁹, что

¹ *Porpe A.* Państwo i Kościół na Rusi w XI wieku. S. 25–28; *Щанов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 26.

² Там же.

³ *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 219, 252.

⁴ *Porpe A.* The Original Status of the Old-Russian Church // *Acta Poloniae historica.* Warszawa, 1967. Т. 39. Р. 5–45; *Поппэ А.* Митрополиты Киевские и всея Руси. С. 192; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 48.

⁵ *Никитенко Н.Н.* Княжеский групповой портрет в Софии Киевской и время создания собора // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 237–244; *Она же.* Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской. Киев, 2004. С. 72–73, 88, 341.

⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 129, 177; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 108, 114; НПЛ. С. 15, 180.

⁷ *Поппэ А.* Граффіті й дата спорудження Софії Київської // *Український Історичний журнал.* 1968. № 9. С. 94–97.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 154; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 177; ПСРЛ. Т. 43. С. 53; ПСРЛ. Т. 9. С. 80.

⁹ НПЛ. С. 163.

подтверждают списки русских иерархов и данные сфрагистики¹. Таким образом, гипотезу о появлении Киевской митрополии одновременно с принятием христианства Владимиром Святославичем нельзя считать обоснованной. Акт крещения открывал лишь возможность для создания национальной церкви, с епархиальными институтами, управлением, клиром, богослужебной литературой. Становление древнерусской митрополии относится ко времени служения святителя Феопемпта. По мнению П.И. Гайденко, «скорее всего, за время с 988 по 1037 гг. церковная организация Киевской Руси пережила процесс преобразования от пресвитерской миссии до архиепископии»². Произошло это при поддержке княжеской власти, которая изначально заложила организационные и материальные основы существования древнерусской церковной организации. Согласно Повести временных лет Владимиром Святославичем церкви была передана десятина от княжеских имений³, а в последующих редакциях Устава появляется перечень прецедентов, подлежащих рассмотрению церковного суда, и список церковных людей, подвластных епископу⁴. Таким образом, в след за летописцем можно говорить о постепенном складывании организационной структуры и материального обеспечения древнерусских церковных институтов⁵.

Крайне противоречивы сведения о появлении епископата и епископских центров на территории Руси. В известиях о прибытии князя

¹ Я.Н. Щапов ввел в научный оборот перечень митрополитов, начинающийся с Феопемпта. Список перечня относится к последней четверти XV в. Он обнаружен исследователем в Польской Национальной библиотеке (Варшава, Библиотека Ординации Замойских №124. Л. 99а). Его составление датируется периодом между 1283–1308 гг. (Востоочнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной республики / Сост. Я.Н. Щапов. М., 1976. Вып. 1. С. 51; Вып. 2. С. 139; Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 106–107). Печать Феопемпта представлена под № 41 в издании В.Л. Янина (Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. С. 44, 174) Еще одна печать с его именем хранится в США (Янин В.Л., Гайдуков П.А. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. С. 27, 261).

² Гайденко П.И. Становление высшего церковного управления в Древней Руси. С. 148.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122–123.

⁴ Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных. С. 12–84.

⁵ Лихачев Д.С. Повесть временных лет (историко-культурный очерк). С. 63.

Владимира из Корсуни епископы не упомянуты, отсутствуют они и при освящении Десятинной церкви. Весьма показательны, что не указываются архиереи при погребении Владимира Святославича и Ярослава Мудрого. В Ипатьевской летописи с 988 по 1054 гг. епископы оказались отмеченными книжником только четыре раза: 1) при обращении к Владимиру в связи с умножением разбойников в русской земле¹; 2) в известии о поставлении епископом Великому Новгороду Луки Жидяты²; 3) в сообщении об «избиении епископов» во время мятежа в Лядской земле³; 4) под 1051 г., «постави Ярославъ Лариѡна митрополитомъ Руси стѣи Софѣи собравъ епѣпы»⁴. В этой связи возникают сомнения не только в существовании разветвленной епископской структуры на Руси, но и в статусе упомянутых летописцем церковных иерархов.

Поздний Никоновский свод под 990 г. сообщал о походе митрополита Михаила с шестью епископами «Фотиевыми», «з Добрынею дядей Володимеровымъ, и съ Анастасомъ» на Великий Новгород для сокрушения языческих идолов и обращения населения в христианство⁵. На следующий год с четырьмя епископами Михаил дошел до Ростова «учаше всѣх вѣровати», но епископа Ростовская земля в то лето не обрела⁶. Согласно летописи, утверждение кафедры здесь произошло только во время похода Владимира Святославича в Суздальскую землю, когда князь прибыл для крещения населения с двумя «епископами Фотиевыми». Одновременно был основан город Владимир на Клязьме и построена его первая деревянная церковь во имя пресвятой Богородицы⁷. Данные известия не дают ответа на целый ряд вопросов: Кем в действительности были «епископы Фотиевы»? Почему не все они удостоились участия в своеобразных «крестовых

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 112.

² Там же. Стб. 139.

³ Там же. Стб. 138.

⁴ Там же. Стб. 144.

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 63–64.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же.

походах»? Почему с каждым последующим «походом» их количество уменьшается? Можно было бы предположить, что они направлены Византией как миссионеры, и собственно территориальные округа для этих епископов должны были сформироваться в процессе христианизации древнерусских племен. Источники не сообщали о пришедшем на Русь духовенстве с намерением приобрести окормливаемый округ и обеспечить присоединение данных территорий к Константинопольскому патриархату. Согласно Никоновской летописи, в период княжения Владимира Святославича кафедры возникли в крупнейших (но не во всех) политических центрах Руси. Их организация осуществлялась при военной поддержке со стороны княжеской власти. Однако о деятельности данных епископий после крещения местного населения «огнем и мечом» источники умалчивают.

Под 992 г. в летописи сообщается о поставлении теперь уже митрополитом Леон(т)ом целой плеяды епископов: Новгороду и Пскову – Иоакима Корсунянина, Чернигову – Неофита, в Ростове – Федора, во Владимире – Стефана, в Белгороде – Никиту¹. Деятельность данных архиереев, за исключением Иоакима Корсунянина², тоже осталась неизвестной. Вероятно, причина в условиях возникновения епископских центров на Руси.

Согласно церковной практике, епископии традиционно возникали «из массы мелких общин, в результате чего формировалась одна обширная община с общиной большого города во главе»³. Апостольские правила говорили о необходимости разграничения церковных областей по этническому и территориальному принципу. Согласно 9-му правилу Антиохийского собора существование митрополичьих округов Византии должно было соответствовать административному делению империи на

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

² Новгородская первая летопись из всех перечисленных лиц подтверждает только архиерейский сан Иоакима, и под 989 г. именует его архиепископом (НПЛ. С. 159)

³ *Гидулянов П.В.* Митрополиты в первые три века христианства // Ученые записки имп. Московского университета Юридического факультета. М., 1905. Вып. 25. С. 25.

провинции, введенному в начале IV в¹. Однако формирование епископских центров в связи с ограниченностью масштабов христианизации и отсутствием условий формирования христианских общин в Киевской Руси было невозможно. Не имело древнерусское государство и четкого административного деления, процесс возникновения русских епископий был тесно связан с его политическим и административно-территориальным развитием.

В этой связи дискуссионным остается вопрос о времени зарождения и количестве русских кафедр. Среди епископий «Великороссии» Константинопольского патриархата в списке конца XII в., изготовленного в патриаршей канцелярии в последние годы правления императора Мануила I Комнина (1143–1180), перечислены: «1. Белгородская, 2. Новгородская, 3. Черниговская, 4. Полоцкая, 5. Владимирская, 6. Переяславская, 7. Суздальская, 8. Туровская, 9. Каневская, 10. Смоленская, 11. Галицкая»². Согласно византийской традиции, последовательность епископий в перечне совпадала с хронологической последовательностью их появления и статусом, занимаемым в церковной иерархии. Византийскому списку противоречит перечень, помещенный в Новгородской первой летописи под 989 г.: «новгородчкая архиепискупья, также черниговьская, переяславьска, бѣлогородчьская, володимирьская, юргевьская, ростовьская, полочьская, смоленьская, тѣврськая, рязаньская»³. В интерпретации этого списка и времени его составления у исследователей нет единого мнения⁴.

В трудах церковных историков достаточно уверенно и прямолинейно решался вопрос о появлении русских епископий. В трудах Амвросия (Орнатского)⁵ и митрополита Мануила (Лемешевского)⁶ первой по времени

¹ Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 25.

² Darrouzès J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. С. 367.

³ НПЛ. С. 164.

⁴ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. С. 62–69; Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 172–206.

⁵ Амвросий (Орнатский) Указ. соч.

⁶ Мануил (Лемешевский) Указ соч. Т. 1–3.

создания называется Владимирская епархия на Волыни (988 г). Возникновение Новгородской¹, Черниговской², Белгородской³ и Ростовской⁴ епископий относится к 992 г. Следующими в порядке появления кафедр названы епископ Туровский Фома (1005 г), переяславский святитель Николай (1054 г), а под 1068 г. – Николай Тмутараканский. Затем в качестве участников перенесения мощей Бориса и Глеба в 1072 г. называются епископы Михаил Порожский⁵, Иоанн Холмский⁶, Михаил Юрьевский⁷. По мнению церковных историков, в самом начале XII в. была основана Полоцкая кафедра (1105 г)⁸, тогда как Рязанская епископия была учреждена в 1198 г⁹, Владимирская в 1213–1214 гг¹⁰, Перемышльская в 1219–1220 гг., Смоленская в 1128 г¹¹ и Галицкая в первой половине XII в¹².

В комментированных списках русских первоиерархов, подготовленных М.Е. Губониным и коллективом авторов под руководством П.Н. Грюнберга, хронология появления русских епископий периода княжения Владимира Святославича представляется следующим образом: 1. Киевская (862 г); 2. Новгородская (991/992 г); 3. Ярославская (991/992 г); 4. Черниговская (991/992 г); 5. Белгородская/ Великобелгородская (991/992 г); 6. Владимиро-Волынская (991/992 г); 7. Туровская (1005(1072) г)¹³. Польским исследователем А. Поппе реконструкция епископских центров Руси осуществлена следующим образом: 1. Белгород близ Киева (988 г); 2. Новгород (988/990 г); 3. Чернигов (988 г); 4. Полоцк (988 г. или 1015/1024

¹ Амвросий (Орнатский) Указ. соч. С. 67; Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 1. С. 535.

² Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 2. С. 358.

³ Амвросий (Орнатский) Указ. соч. С. 222; Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 2. С. 370.

⁴ Амвросий (Орнатский) Указ. соч. С. 114; Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 3. С. 92.

⁵ Амвросий (Орнатский) Указ. соч. С. 224.

⁶ Там же. С. 227.

⁷ Там же. С. 223.

⁸ Там же. С. 228; Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 2. С. 308–309.

⁹ Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 1. С. 170.

¹⁰ Там же. Т. 3. С. 314.

¹¹ Амвросий (Орнатский) Указ. соч. С. 160; Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 1. С. 486.

¹² Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 1. С. 337.

¹³ История Иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки Иерархов по Епископским кафедрам с 862 года / под ред. П.Н. Грюнберг. М., 2006. С. 908.

г); 5. Переяславль (Русский) (988 г. или 1036 г)¹. Очевидные расхождения между источниками и построениями историков обусловлены особенностями делопроизводства древнерусской епископской канцелярии, в частности, тем, что на Руси, в отличие от Рима и Византии, так и не сложилась традиция ведения епископских листов². Характеризуя динамику возникновения епископских центров Древней Руси, в качестве первого этапа необходимо выделить период, когда усилиям легендарных митрополитов Михаила и Леон(т)а³ приписывается основание Новгородской, Черниговской, Белгородской, Владимирской и Ростовской епископий⁴. Следующий этап характеризуется основанием/существованием епископских центров в Турове (1005 г), Переяславле (1054 г), Тмутаракани (упоминается под 1068 г).

В развитии епископальной структуры Руси выделяются 70-90-е гг. XI в., когда факт существования епископии определяется на основе упоминаний правящих архиереев как участников общерусских церковно-политических событий: перенесения мощей Бориса и Глеба в 1072 г. (Петр Переяславский, Михаил Юрьевский⁵, Стефан Белгородский, Иоанн Холмский⁶); собрания воспитанников Киево-Печерской обители по случаю освящения церкви святой Богородицы в 1089 г. (Иван Черниговский, Исая Ростовский, Лука Белгородский, Антоний Юрьевский⁷), а также перенесения мощей преподобного Феодосия в 1091 г. (Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иван Черниговский, Марин Юрьевский)⁸. На завершающем

¹ *Понне А.В.* Карта Киевской митрополии и список ее епархий // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 443–445.

² «Повсеместное составление вслед за Римом епископских листов, посредством которых всякая более или менее выдающаяся христианская община желала исторически доказать непосредственное преемство своих епископов от какого-либо апостола» (*Гидулянов П.В.* Митрополиты в первые три века христианства. С. 128).

³ В след за аргументированным мнением М.Д. Приселкова мы полагаем, что имена митрополитов Михаила и Леон(т)а, сведения о которых читаются в тексте Никоновского свода следует считать «присочиненными» (*Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси 10–12 вв. С. 40).

⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 63–65.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 181; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 99–100.

⁷ Киево-Печерский Патерик. С. 120; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 211; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 202.

этапе формирования структуры Киевской митрополии были выделены Полоцкая (1105 г), Галицкая (первая половина XII в) и Смоленская (1137 г) епископии, в ходе укрепления политических позиций Северо-Восточной Руси возникли Рязанская (1198 г) и Владимирская (1213/1214 г) кафедры.

Следовательно, уже с 60-х гг. IX в. на Руси складывались внутренние предпосылки принятия христианства. Сначала это определялось веротерпимым отношением к христианам и церковному строительству. Затем связывалось с личным желанием княгини Ольги принять крещение и попытками обрести епископальную структуру с помощью Византии и Западной Европы. Владимиром Святославичем был сделан выбор в пользу христианства в его восточном варианте. Крещение князя и его ближайшего окружения, последующее распространение христианской религии, создание материальных основ ее существования сформировали предпосылки для становления церковного территориального управления на Руси. Процесс оформления организационной структуры древнерусской церкви был длительным и осуществлялся при поддержке княжеской власти. Данный период характеризовался нестабильностью численности русских епископий, краткостью и спорадичностью сведений о правящих архиереях, что позволяет сделать вывод о несформированности епархиальных структур на данном этапе развития церковной организации Руси. Объясняется это неустойчивостью территориальных границ русских княжеств (земель), недостаточной сформированностью самой политической структуры государства.

2.2 Структура архиерейского управления

Наличие церковной иерархии является одним из условий формирования епископальной структуры Древней Руси. Согласно христианской традиции, представители высшего церковного управления традиционно носили «сан, или титул пап, патриархов, католикосов, экзархов, примасов, митрополитов, архиепископов и хореепископов, они отличаются объемом реальной власти и титулярными отличиями и преимуществами»¹. На Руси в качестве основных исторически сложившихся видов (форм реализации) высшей церковной власти следует рассматривать саны митрополитов², архиепископов³ и епископов⁴.

Архиереи⁵, стоявшие во главе русской церкви X–XIII вв., традиционно носили титул митрополитов. «Слово «митрополит» встречается впервые в никейских канонах. В канонах антиохийского собора 341 г. присутствуют выражения «епископы коим вверены митрополии», «епископ митрополии», «митрополит». Смысл этих выражений одинаков. Из них видно, кого именно под словом митрополит понимает канон 4-й никейского собора. Митрополит – это есть епископ главного города гражданской провинции»⁶.

После официального принятия христианства на Руси церковные первоиерархи находились под властью константинопольских патриархов, но одновременно представляли интересы византийского императора в

¹ Цыпин В.А. Каноническое право. С. 296.

² Митрополит (греч. metropolitēs - человек из главного города), в Русской православной церкви священнослужитель высшей (третьей) степени.

³ Архиепископ (греч. ἀρχιεπίσκοπος — старший епископ, (греч. ἐπίσκοπος — наблюдатель, блюститель, епископ) – правительственная степень епископа, превышающая степень («обычного») епископа, но уступающая степени митрополита;

⁴ Епископ (греч. episkopos) - лицо, имеющее третью т.н. степень священства, высшую после диакона и иерея.

⁵ Архиерей, или иерарх, архипастырь, святитель – общие названия для священнослужителей высшей (третьей) степени церковной иерархии – епископов, архиепископов, митрополитов, экзархов и патриархов.

⁶ Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 266.

древнерусском государстве¹. Однако привести достаточные основания для данных положений в отношении первых русских митрополитов представляется достаточно сложной задачей.

Как указывалось выше, в среде историков русской церкви, опираясь на свидетельство позднейшей Никоновской летописи², первым русским митрополитом принято считать Михаила, якобы прибывшего к князю Владимиру Святославичу с греческими посланниками в 989 г.³. Следующий за Михаилом святитель Леонтий (Леон, Лев, Леонт), согласно исследованию В.А. Цыпина, «в некоторых греческих памятниках именовался архиепископом, что в титулатуре константинопольской церкви обозначало более высокий сан, чем сан митрополита»⁴. Не оспаривая особенностей соотнесения титулатур в церковной иерархии Византии и Руси, которые требуют отдельного самостоятельного исследования, представляется сомнительным, чтобы для русской церковной иерархии, переживающей период становления, константинопольский патриархат создавал особые условия развития и спустя два года повысил статус архиерея, назначенного на Русь⁵.

Деятельность еще одного легендарного митрополита Иоанна не нашла отражения в древнейших русских летописях. Предполагается, что именно в период его святительства на новгородском престоле находился Ефрем (1030–1035 гг), преемник и ученик епископа Иоакима Корсунянина, который так и не был рукоположен в святительский сан. Ярослав Мудрый в 1034 г. осуществил в Новгороде двойную кадровую перестановку, посадил князем

¹ Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV в. Киев, 1913. С. 12; Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века). С. 47.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 57.

³ Мануил (Лемешевский) Указ. соч. С. 334.

⁴ Цыпин В.А. Каноническое право. С. 299.

⁵ В. Водов отмечал, что именование главы русской церкви было неустойчивым в письменных памятниках изучаемой эпохи. Его называли как митрополитом, так и архиепископом и архипастырем (poimenarchos, proedros) (Vodoff V. Naissance de la chretiente russe; La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses consequences (XI-XIII siecles). P. 126).

своего сына Владимира и поставил епископом Луку Жидяту¹. Не исключено, что в сложных условиях христианизации страны епархиальное устройство территорий опережало организацию митрополичьей власти в русских землях.

Первым митрополитом на страницах древнейших русских летописей назван Феопемпт. Он упоминался под 1039 г., где говорилось об освящении церкви Пресвятой Богородицы, традиционно именуемой Десятинной². Затем вплоть до поставления Илариона деятельность митрополитов не нашла отражения в ранних письменных источниках.

В силу низкой достоверности известий до середины XI в. мы не можем охарактеризовать степень полноты реализации власти первыми русскими митрополитами. Можно лишь предполагать, что первоиерархи получали направление к месту служения из рук константинопольского патриарха. Исходя из высокой развитости обрядовой стороны и сформированности церковной иерархии Византии того периода, поставление киевских митрополитов должно было соответствовать каноническим церковным нормам и сопровождаться документальным подтверждением, а, следовательно, не могло вызывать сомнений в правомерности занятия «греками» русской кафедры³.

Церковная историография всячески подчеркивала причастность константинопольских патриархов к поставлению митрополитов на Русь⁴. Это правило в исследованиях по истории русской церкви распространялось даже на автокефальных архиереев. Нигде не зафиксирован факт поездки Илариона

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139.

² Там же. Стб. 142.

³ *Гайденко П.И.* Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси. С. 69–70.

⁴ Мануил (Лемешевский) приводит следующие сведения: Иоанн II митрополит Киевский в сан возведен Константинопольским патриархом Николаем Грамматиком (*Мануил (Лемешевский)*). Указ. соч. Т. 2. С. 26); Иоанн III возведен на Киевскую митрополию в Царьграде патриархом Константинопольским Николаем Грамматиком (Там же. Т. 2. С. 27); Никифор I прислан в Россию Константинопольским патриархом (Там же. Т. 2. С. 378); Михаил II в 1129 (или 1127 г) хиротонисан в Константинополе на Киевскую митрополию (Там же. Т. 2. С. 335) и др.

в Константинополь¹. Его полномочия закончились в 1054 г. со смертью его покровителя Ярослава Мудрого, т.к. в следующем году на Киевский престол прибыл грек Ефрем и учинил суд над другим ставленником князя Ярослава Владимировича – новгородским епископом Лукой Жидятой². В этой связи есть все основания считать поставление «русина» Илариона (1051 г.) результатом целенаправленной церковной политики киевского князя, а не попыткой русской церковной иерархии использовать канонические традиции для утверждения своей независимости от Константинополя. Сомнительно, что русская иерархия середины XI в. обладала столь высокой степенью зрелости для реализации такого ответственного шага.

Возможно, начальная организация русской церкви была не митрополичьей, а представляла собой пресвитерскую миссию. Первые годы функции архиерея мог выполнять кто-либо из корсунских попов, например, Анастас Корсунянин³. Попытку поставления митрополита-русина, видимо, следует связывать со стремлением княжеской власти к усилению собственных позиций и использованием ситуации «запаздывающего» прибытия митрополитов на киевскую кафедру.

Спустя век по инициативе князя Изяслава Мстиславича 27 июня 1147 г. во главе киевской митрополии был поставлен Климент Смолятич, полномочия которого получили подтверждение Собором русских епископов

¹ Церковная традиция утверждает, что священник княжеского села Берестова, Иларион, после принятия монашества в Киево-Печерском монастыре, в 1051 г. Собором русских архиереев был поставлен митрополитом Киевским и всея Руси, а позже был утвержден в этом сане Константинопольским патриархом (*Мануил (Лемешевский)*. Указ. соч. Т. 1. С. 502).

² ПСРЛ. Т. 9. С. 91.

³ Как верно указывал К.А. Костромин, «было бы более чем странно, если считать корсунское духовенство легитимно присланным из Византии на Русь греческим духовенством. Однако в Повести временных лет автор старательно проводит линию разграничения между имперским духовенством, попами царициными, и духовенством Херсонеса, попами корсунскими, которые и стали, по его мнению, основой церковной иерархии Руси. Если сопоставить эти два факта, неизбежен вывод: корсунское духовенство, привезенное на Русь, не было признано в Византии», но именно оно «организовало в Киеве то, что не смогли сделать потомки равноапостольного князя – автокефальную церковную организацию» (*Костромин К.А. Князь Владимир и истоки русской церковной традиции*. С. 97–98).

и были освящены главою святого Климента, папы Римского¹. Несмотря на возникшую в ходе собора дискуссию, черниговскому епископу Онуфрию, управлявшему делами митрополии после отъезда в Грецию митрополита Михаила (1145–1147 гг), удалось убедить присутствовавших архиереев в правомерности их шага. Непримируемую позицию заняли лишь Нифонт Новгородский и смоленский епископ Мануил, которые выступали не против кандидатуры Климента, а настаивали на необходимости ее утверждения византийским патриархом².

В истории русской церкви второй половины XII в. заслуживает внимания еще один прецедент – одновременное существование в эпоху Ярославичей наряду с Киевской, митрополий в Чернигове и Переяславле. По мнению А.В. Назаренко, предстоятели Чернигова и Переяславля «не являлись главами церковных округов (митрополий) и носили звание митрополита только в качестве почетного отличия, были титулярными митрополитами, но это почетное отличие принадлежало именно кафедре, а не тому или иному митрополиту»³. Но, с другой стороны, по его мнению, «большое число этих новых митрополитов имели прежде ранг автокефальных архиепископов, то есть епископов, исключенных из системы митрополичьих округов и подчиненных непосредственно патриарху»⁴.

Форма организации русской церкви зеркально отражала порядок, сложившийся на тот момент в политической сфере - «триумвират

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 172–173.

² *Филарет (Гумилевский)* Обзор русской духовной литературы. СПб. 1884. С. 32–33; *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 265–285; *Мануил (Лемешевский) митр.* Указ. соч. Т. 2. С. 417; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси. С. 195, 209; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 454–456; *Чичуров И.С.* Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (середина XI–начало XII в.) // *Russia mediaevalis* / Ed. J. Fennell, Ed. E. Hosch, Ed. L. Muller, Ed. A. Poppe. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1973. Tomus IX, 1. 1997. С. 43–53.

³ *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 223. Мнение о титулярности митрополичьего сана черниговского и переяславского архиереев было поставлено под сомнение П.И. Гайденом (*Гайдено П.И.* Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.). Казань, 2006. С. 84–115.

⁴ *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 223–224.

Ярославичей»¹. Видимо, византийскому патриарху пришлось считаться с политическими изменениями на Руси. Киевский митрополит Георгий отправился в Константинополь, как предполагается, для разрешения вопроса о сохранении в своей юрисдикции Черниговской и Переяславской епископий. Георгию очевидно не удалось отстоять свои права, на киевскую кафедру он не вернулся².

Титул архиепископа в русских источниках впервые встречается в Новгородской второй летописи под 989 г., в связи с поставлением «Новугороду Акима Корсунянина»³, который совместно с Добрыней крестил новгородцев «огнем и мечом», построил в Новгороде церковь святых Иоакима и Анны, тринадцатиглавый деревянный Софийский собор⁴. Другие летописные своды архиепископский статус Иоакима не подтверждают. В.Л. Янин и А.С. Хорошев полагали, что архиепископскую титулатуру, свойственную владыкам эпохи новгородской независимости, применяли к святителям и до церковной реформы в Новгороде⁵. Согласно исследованию А.А. Гиппиуса в Новгородской первой летописи все новгородские архиереи, за исключением Аркадия, именовались архиепископами⁶.

В западноевропейских источниках термин «архиепископ» в отношении главы русской церковной организации встречается в «Хронике Титмара Мерзебургского»⁷. А.В. Назаренко высказал предположение о

¹ О существовании митрополий в период «триумвирата Ярославичей» см.: *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 79–80; *Понне А.В.* Митрополиты Киевские и всея Руси // *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. С. 191–206. (Прил. 1); *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 53–56; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 207–245; *Гайденко П.И.* Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг). С. 84–115.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 174.

³ ПСРЛ. Т. 3. С. 1.

⁴ НПЛ. С. 159–160, 181.

⁵ *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси XI–XV вв. Т. 1. С. 56; *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 30–31.

⁶ *Гиппиус А.А.* К вопросу о времени учреждения Новгородской архиепископии // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции. М., 2019. С. 58.

⁷ Хроника Титмара Мерзебургского. С. 162–163.

равнозначности для западной традиции терминов «archiepiscopus» и «mitropolita»¹. Понимание термина «архиепископ» даже в церковной среде не однозначно.

В современной православной церкви архиепископы возглавляют поместные церкви (например, Кипрскую или Элладскую). В России до последнего времени этот титул был наградным и занимал промежуточное положение между епископом и митрополитом, т.е. фактически напрямую был связан с вопросом первенства кафедры среди прочих внутри митрополии, с явной претензией на автокефалию. Применительно к изучаемой эпохе, по замечанию современного исследователя истории церкви о. Константина (Костромина), титул «епископ» в отношении титула «архиепископ» был чем-то сродни титулу «король» по отношению к титулу «император». Казалось бы, иерархический уровень тот же, но титулование статуса чуть ниже.

Встает вопрос, в каком контексте и при каких обстоятельствах на Руси употреблялся термин «архиепископ»? Он фиксируется как письменными, так и археологическими источниками. В частности, новгородский владыка Нифонт именуется архиепископом не только в летописании², но и на антиминос³ 1148 г. из Николо-Дворищенского собора: «Жертвенник святого мученика Георгия священ от Нифонта архиепископа Новгородского повелением епископа Ростовского Нестора при благочестивем князе Георгии сыну Мономахову месяца сентября в 1 в лето 6657 индикта в 12»⁴. Духовный статус Нифонта подтверждают и именные буллы⁵. В середине XII в. он

¹ Назаренко А.В. Комментарии // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 5. Западноевропейские источники. С. 81.

² НПЛ. С. 27-29, 214–215.

³ Антиминс (греч. *ἀντι* — вместо и лат. *mensa* — стол, «вместопрестолie») — прямоугольный плат с изображениями и вшитой в него частицей мощей какого-либо православного святого и надписанием епископа, необходимый для совершения богослужения.

⁴ Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 254.

⁵ Булла (от лат. *bullā* — «печать», букв. «пузырёк») - металлическая печать или капсула, в которую заключалась печать, скреплявшая государственные или церковные акты

получил этот сан из рук константинопольского патриарха. Это свидетельствует о том, что новгородская церковь изымалась из юрисдикции киевского митрополита Климента Смолятича и подчинялась напрямую Константинополю¹. Присвоение титула архиепископа связано с признанием личных заслуг Нифонта Новгородского, который выступил против рукоположения Климента Смолятича, ставленника киевского князя Изяслава Мстиславича.

В очередной раз архиепископский статус закрепился за новгородскими архиереями начиная с владыки² Иоанна (Ильи). Под 1165 г. летопись сообщает: «В то же лѣто ходи игумень Деонисии с любовью в Русь, и повелѣно бысть владыцѣ архиепископство митрополитом»³. По данным новгородского летописания, на протяжении двух десятилетий середины XII в. особый статус новгородской кафедры как архиепископии был подтвержден дважды. Впервые при владыке Нифонте решением константинопольского патриарха, а затем благодаря усилиям игумена новгородского Юрьева монастыря Дионисия уже из рук киевского митрополита.

Начиная с 1165 г. летописи сообщают о направлении избранных на новгородскую кафедру претендентов к киевскому митрополиту не только для рукоположения⁴, но и для разрешения спорных ситуаций между кандидатами⁵. Следовательно, после смерти Нифонта новгородская епископия возвращается под покровительство поставленных в Византии киевских иерархов. По заключению В.А. Цыпина, в русской церкви «титул архиепископа никогда не был связан с особыми административными

(документы). (Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. С. 53–54, 176–177; Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 30–31)

¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 286.

² Владыка - неофициальное титулование архиереев (епископов, архиепископов, митрополитов; патриархов) в русском, сербском, македонском и болгарском православии.

³ НПЛ. С. 31, 219.

⁴ Там же. С. 31, 216, 219.

⁵ Речь идет о спорной ситуации пребывания на новгородской кафедре двух архиереев Митрофана и Антония. В 1219 г. решение киевского митрополита склонилось в пользу Митрофана, вернувшегося на родную кафедру, «а Антония митрополит у себе держи въ чести, и вда ему епископью въ Перемышль» (НПЛ. С. 60, 261).

полномочиями и является только почетным отличием. При этом наши архиепископы занимают по старшинству положение после митрополитов. В разные времена титул архиепископа усваивался у нас архиереями на разных основаниях: в зависимости от ранга кафедры – в досинодальную эпоху, позднее – личное отличие»¹. А.С. Хорошев справедливо полагал, что сложившаяся в Новгороде система избрания архиерея «фактически устраняла киевского митрополита»². С формальной точки зрения, для раннего периода разницу в сане епископа и архиепископа обнаружить сложно. Для Великого Новгорода, наличие архиепископской власти было еще одним аргументом в подтверждение независимого статуса города.

В других княжествах Древней Руси церковные округа возглавляли епископы³. Епископство представляло собой третью высшую ступень церковной иерархии. С апостольских времен термин «епископ» обозначал старшего наставника отдельной христианской общины. По мере формирования церковной структуры епископы стали рассматриваться как преемники апостольской власти, управляющие духовными округами – диоцезами. Именно им принадлежало исключительное право рукоположения священников, диаконов, и хиротесии⁴ низших клириков, освящения антиминсов. Рассматривая особенности положения епископов в церковной иерархии, необходимо отметить, что власть епископа на Руси соответствовала перечисленным выше каноническим требованиям. Русские

¹ *Цытин В.А.* Каноническое право. С. 300.

² *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 31.

³ Перечень русских епископий X–XIII вв. относится к числу дискуссионных проблем. Попытки реконструкции предпринимались представителями церковной историографии (*Амвросий (Орнатский)* Указ. соч. Ч. 1. 677 с; *Строев П.М.* Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877 1136 с; *Мануил (Лемешевский)* РПИ. Т. 1-3; *История Иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки Иерархов по Епископским кафедрам с 862 года / Под ред. П.Н. Грюнберг. М., 2006. С. 908*), в работах Я.Н. Шапова (*Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. С. 62–69*) А.В. Назаренко (*Древняя Русь и славяне. С. 185*), а также зарубежных исследователей (*Поппе А.В.* Карта Киевской митрополии и список ее епархий. С. 443–445; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 44–51).

⁴ Хиротесия (греч. χειροθεσία, от χεῖρ – рука и τίθημι – полагать, класть) – церковный обряд возложения рук с молитвой для посвящения в чин низшего клира, в церковнослужители.

епископии, по крайней мере, формально, подчинялись киевскому митрополиту.

Примечательно, что источники объединяли в отношении власти архиереев понятия «епископить» («епискупить») и «управлял». Термин «епискупить» встречается в Лаврентьевской летописи под 1183 г., где описывается неудачная попытка киевского митрополита Никифора поставить суздальским епископом «Николу Гречина»¹. В результате противостояния духовной и светской власти в Суздальскую землю был поставлен выдвинутый князем Всеволодом Юрьевичем епископ Лука, а ставленник митрополита Николай был направлен в Полоцк «епискупить». Вероятно, данный термин означал полноту канонической власти архиерея в пределах своего округа, которой он обладал после принятия церковной инвеституры². В тоже время данное обстоятельство свидетельствовало о тесном взаимодействии церковной и светской власти в княжестве, одновременно их совместном противостоянии вмешательству киевского митрополита.

Термин «управлял», согласно летописным известиям, обозначал местоблюстительство, т.е. временное до прибытия легитимного церковного иерарха замещение архиерейской вакансии без официального поставления в сан. Он применялся в отношении черниговского епископа Онуфрия, который управлял делами киевской митрополии после отъезда в 1145 г. митрополита Михаила в Византию. Данная форма управления предшествовала избранию митрополитом Климента Смолятича³. При этом Онуфрий продолжал осуществлять святительские функции в Чернигове, а его поведение на соборе 1147 г. свидетельствовало, что святитель осознавал временность своего положения на киевской митрополичей кафедре. На соборе русских епископов

¹ 1183 г. «митрополит же Микифоръ не хоташе поставити его но неволею великою Всеволода и Стославлею и постави Луку еписпомъ в Суждальскую землю и посла Полотскую епискупить» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631).

² В отношении Луки применен термин «поставити», а Николая митрополит Никифор в Полотск «посла» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631).

³ 1147 г. «азъ свѣдѣ ѣко достоить съшедшея еписпомъ митрополита постави и снисдоша Черниговски еписпы Онуфрии» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341).

он выступил в поддержку Климента Смолятича и обосновал правомерность рукоположения кандидата главой святого Климента, без участия константинопольского патриарха¹.

К фактам местоблюстительства можно отнести и пребывание на новгородской кафедре Ефрема, которого Иоаким Корсунянин назначил своим преемником². Ученик Иоакима – Ефрем – осуществлял святительскую деятельность без инвеституры³ на протяжении пяти лет, хотя киевская митрополичья кафедра в тот период не пустовала. Ее занимал, согласно церковной историографии, Иоанн I, которому приписывали составление службы князьям Борису и Глебу, строительство двух каменных церквей в Киеве – ц. св. Петра и Павла на Берестове, и в Переяславле – ц. Воздвижения Честного Креста⁴.

Таким образом, термины «епископить» и «управлять» обозначали различную степень осуществления канонической власти архиереями в отношении управления, совершения богослужения, учительской деятельности, применительно к конкретным епископским округам, во главе которых они поставлены.

Не менее важны способы репрезентации архиерейской власти, такие как священническое облачение, вещественное подтверждение духовного сана, особенности титулования. Одним из материальных символов высокого социально-политического статуса в средневековье служило наличие печати⁵. Исследователями убедительно показано, что на начальном этапе становления русской церкви архиерейские печати не были однотипны, хотя создавались

¹ 1147 г. «Снофрии же Черниговский реч азъ свѣде достоить ны поставити а глава оу нас есть стго Климента ѿкоже ставать Грѣци роукою стго Ивана и тако сгадавшѣ епсѣи славою стго Климента поставиша митрополитом (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342).

² ПСРЛ. Т. 9. С. 79.

³ Инвеститура (лат. *investio* — облачение) – процедура официального утверждения в духовном сане епископа с передачей ему соответствующего церковного имущества и дохода от него.

⁴ Мануил (Лемешевский.) Указ. соч. Т. 2. С. 25.

⁵ Климанов Л.Г. Византийские отражения в сфрагистике. СПб., 1999. С. 12; Соколова И.В. Печати византийских императоров: каталог коллекции. СПб, 2007. С. 50–68.

по общим церковным образцам с ликами небесных патронов и архиереев¹. Со второй половины XI в. признаком епископских печатей стало использование лика Богородицы². Это один из значимых критериев отождествления печатей и булл с представителями высшего духовенства в X–XIII вв.

Еще одним способом подтверждения легитимности власти церковного иерарха или уровня его полномочий, согласно канонической традиции, были верительные грамоты. Если в рамках византийского патриархата они получили широкое распространение, то на Руси подобных примеров известно немного. Вполне вероятно, что пребывающие на киевскую кафедру митрополиты имели патриархии или императорские верительные грамоты, но они не сохранились до наших дней. Исключением, в котором прослеживается ряд черт, характерных для данного типа документов, является письмо константинопольского патриарха Луки Хрисоверга, обращенное к князю Андрею Боголюбскому³.

Если предположить, что византийская каноническая традиция верительных грамот была усвоена Русью, то тогда следовало бы ожидать, что каждый кандидат, получивший из рук киевского митрополита епископский сан, должен был обладать подобным документом. В распоряжении историков имеется лишь комплекс грамот, связанных с основанием Смоленской епископии, причем часть из них является княжескими уставами, а известная нам подтверждающая грамота написана рукой самого ставленника – епископа Мануила⁴. Отсутствие верительных документов объясняется зависимостью архиереев от княжеской власти, при явной и широкой автономии монастырей, ктиторских храмов и церквей.

К политической и церковной власти всегда применяются отличающие ее титулы и эпитеты. Если в византийской церковной традиции применялось значительное число титулований, характеризующих статус и место в

¹ *Гайденко П.И.* Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси. С. 68.

² *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати. Т. 1. С. 53.

³ Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею. Стб. 63–76.

⁴ Смоленские грамоты кафедральной церкви Богородицы. С. 140–146.

духовной иерархии, то на Руси именованья архиереев отражали высоту сана, духовные отличия, степень уважения, почета и претензии кандидата на особое положение в духовной иерархии. Поэтому эпитеты русских иерархов носили более личностную, чем иерархическую окраску. Вне зависимости от высоты сана архиерей мог быть уличен в отсутствии крепости веры¹, заслужить упрек, что «тщит себя философом»².

Письменные источники сохранили примеры, когда епископы ряда русских княжеств (Новгородского, Смоленского, Ростовского, Владимирского, Перемышльского) усваивали титул «владыка»³, аналогичный в византийской традиции именованию «деспот». Подобное титулование присваивалось архиереям, вышедшим из среды местного духовенства и прошедшим процедуру выборов, но самое главное – оно знаменовало высокий личный авторитет епископа⁴. Сама этимология титула «владыка» отвечала кругу полномочий, которыми архиерей наделялся со стороны княжеской или боярской власти русских земель. Употребление данного титула отражало не только широкие политические и канонические права архиереев, но и определенный уровень материальной состоятельности кафедры.

Если внутрицерковный статус епископа во многом зависел от положения княжества в рамках Киевского государства, печати и буллы отражали принадлежность к духовенству как социальному слою, то применяемые к личности архиерея эпитеты, как правило, носили индивидуальную окраску. В источниках они встречаются нечасто, ведь

¹ Сюжет 1072 г. с митрополитом Георгием во время перенесения мощей Бориса и Глеба (ПСРЛ. Т. 9. С. 100).

² Послание Климента, митрополита русского, написанное к Фоме, истолкованное монахом Афонасием. С. 140–148.

³ Житие Авраамия Смоленского. С. 44, 45, 52, 53; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795; ПСРЛ. Т. 3. С. 287; ПСРЛ. Т. 10. С. 31.

⁴ В исследовании Ю.А. Лимонова высказана точка зрения, что термин «владыка» употреблялся русскими летописцами в отношении лиц, осуществлявших руководство епископией, но не рукоположенных в сан. Однако данное мнение можно признать лишь отчасти справедливым и только в отношении анализируемых автором событий конца 1160-х гг., т.е. времени пребывания на Владимиро-Суздальском престоле святителя Федора (Феодорца) (Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. М., 1987. С. 52–53).

значительная часть епископов даже не удостоилась упоминания в летописном повествовании. Не всегда представляется возможным определить, как употреблялись данные церковные эпитеты: присваивались архиереям в связи с их статусом, принадлежностью к святительской кафедре или за особые личные заслуги иерарха.

Например, именование «преподобный» использовалось в большинстве христианских конфессий: православии, католичестве, протестантских течениях. В православии «преподобные» – разряд (лик) святых, прославившихся монашеским подвигом. Эпитет «преподобный» применялся и по отношению к епископам, в том числе Никите Новгородскому¹. Есть основание полагать, что Никита был причислен к данному лику не за святительскую деятельность, а за подвиги в период иночества в Киево-Печерском монастыре. Никита, будучи иноком ушел в затворничество и впал в «прелесть», признавая только Ветхий Завет, который знал наизусть. Лишь молитвы святых старцев избавили его от действия нечистой силы, после чего Никита превзошел братию истинным смирением, воздержанием и послушанием². Владимиро-Суздальского епископа Митрофана также именовали «преподобным» в летописном рассказе о взятии Рязани Батыем в 1237 г.³. Церковные историки считали, что до занятия епископской кафедры Митрофан был игуменом Рождественского мужского монастыря во Владимире (с 1219 г)⁴.

Эпитет «блаженный» использовался в русской традиции как калька с латинского «*beatus*» и греческого «*μακάριος*»⁵. В Древней Руси наименование

¹ «Мьстиславъ же оуворотиса въспать к Суждалю и ѿтуда приїде Новугороду в городъ свои млтвами прѣдбнаго еп̄па Никыты» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 231).

² Киево-Печерский патерик. С. 224–229.

³ 1237 г. «Батыеви же стоѧщоу оу град борющоуса крѣпко ѿ градъ молващимъ имъ льстью гражаномъ гдѣ соуть князи Рязаньстии вашъ град и князь вашъ великии Юрьи не роука ли наша емши и смр̄ти преда и оуслышавъ ѿ семь прѣдбныи Митрофанъ еп̄пъ начать гл̄ти со слезами ко всим чада не оубоимся ѿ прельщньни ѿ неч̄стивыхъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780).

⁴ Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 2. С. 314–315.

⁵ Андроник (Трубачёв) игум. Блаженный // ПЭ. Т. 5. С. 352.

«блаженный» прилагалось к святым юродивым¹, а также в качестве титула предстоятеля поместной церкви в отношении переяславского епископа Ефрема², новгородского владыки Нифонта³, митрополита Никифора⁴, Луки Ростовского⁵, Ивана⁶ и Кирилла Владимирских⁷. Примечательно, что именование «блаженный» применялось как в ходе описания прижизненных деяний епископов, так и в качестве посмертного эпитета⁸.

В отношении владимирских святителей Митрофана и Кирилла летописцы использовали эпитет «боголюбивый»⁹. В летописании он появился достаточно поздно и тесно связан с монгольским нашествием и описаниями последствий разорения страны. Поэтому его следует трактовать не столько как любовь к Богу, которая должна присутствовать у каждого архипастыря, а как сострадание и любовь к ближнему в «лихую годину». Епископы Митрофан и Кирилл в источниках также именовались

¹ Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов // URL: http://azbyka.ru/tserkov/svyatye/zhivov_agiografia_1g3_all.shtml#007 (дата обращения 21.10.2013)

² 1124 г. «Земла потрасеса мало и падеса цркви великї сѣго Михаила оу Переяславли маа в десатии юже бѣ сздадь и оукрасилъ блаженни епспѣ Ефрѣмъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 289).

³ 1156 г. «Приде блжнны епспѣ Новгородскїи Нифонтъ жда митрополита Костантина изъ Црѣгорода (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484).

⁴ 1183 г. «В то же лѣт свѣена быс цркы сѣго Васильа ... свѣцнымъ митрополитомъ и блжнымъ Никифоромъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 635); 1197 г. «сзда цркъв каменую стхъ апслъ в Бѣлѣгородѣ блговѣрныи князь Рюрикъ приехавъ ис Киева и стї цркъв ка каменую стхъ апслъ епспѣа Бѣлогородскаа великымъ свѣциемъ блжнымъ митрополитомъ Никифоромъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707).

⁵ 1187 г. «Всеволодъ же Юрьевичъ боасѣа Бѣ ... послуша ... еспа блжннаго Луки» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 404); 1189 г. «престависѣа блговѣрныи и блжнныи епспѣ Лука» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 407).

⁶ Впервые Иоанн именуется блаженным под 1192 г., где сообщается что церковь Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире была заложена «при блжнѣмъ епспѣ Юанѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 410). Далее этот эпитет применяется к епископу еще шесть раз в известиях под 1194, 1196, 1200, 1202 гг. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 412, 413, 416, 418).

⁷ «И ту оубьенъ быс княз великыи Юрьи на Сити на рѣцѣ ... блжнныи же епспѣ Кирилъ взѣ княза мертва иды из Бѣлаозера» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 466).

⁸ 1216 г. «престависѣа епспѣ Ростовскїи Пахомии ... блжнныи епспѣ избраникъ Бѣжи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 440); 1222 г. «та бо цркы создана прадѣдом него Володимером Мономахом и блжнымъ епспомъ ефрѣмомъ» (Там же. Стб. 446); 1226 г. «престависѣа блжнныи и млстивыи оучителный епспѣ Симонъ» (Там же. Стб. 449).

⁹ «И помолисѣа болюбивыи епспѣ Митрофанъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464); «болюбивыи епспѣ Кирилъ» (Там же. Стб. 467).

«священными»¹, т.е. обладающими святостью, соответствующей религиозному идеалу. Именование епископов «боголюбивыми» и «священными» в летописании относится к 30-м гг. XIII в. Подобное возвышение церковных иерархов Северо-Восточной Руси можно рассматривать как отражение политики владимирских князей по укреплению политического статуса княжества.

В летописных известиях сохранились отдельные эпитеты, характеризующие личные качества архиереев. Так, Мануил Смоленский остался в памяти современников как «певечь горазды»², Климент Смолятич характеризовался летописцем как «книжник и философ»³. О киевском митрополите Кирилле было сказано, что он «оучителень и хытръ оученью божественных книгъ»⁴. Епископа Федора летописец описывал «как злаго и пронырливаго и гордаго льстыца лживаго влдыку ...звероядиваго Федорьца»⁵. Летописные известия, несомненно, несут на себе черты политических предпочтений составителей и/или заказчиков сводов. Но нет оснований не доверять тому, что один иерарх прославился на почве философствования, а другой отличался способностями к пению.

Одним из важнейших показателей степени развития церковных институтов был характер взаимоотношений и совместной деятельности

¹ «поклонишася Юрью вси ... праздновавше Рждство сѣа Бѣа оу свѣнаго епспа Митрофана» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453); 1230 г. «почата быс писат цркы сѣа Бѣа в Суждали потцаньемъ сѣнаго епспа Митрофана» (Там же. Стб. 456); 1231 г. «поставленъ быс Кириль ... прещеным митрополитом Кирилом» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457); «И посемь прещеныи митрополить ѿпусти сѣнаго епспа Кирила» (Там же. Стб. 458); «Выведоша же сѣнаго епспа Кирила в сѣую зборную црквь сѣа Бѣа ... и сѣде на столѣ ... сѣнаго епспа Исаиа и Нестера» (Там же. Стб. 458); «Се же сѣныи епспъ Кириль оукраси сѣую црквь сѣа Бѣа» (Там же. Стб. 459); «Кириль сѣныи епспъ въ ѿ е лет во н же поставлен быс епспомъ» (Там же. Стб. 460); «созва оубо чстныи то зборъ сѣныи епспъ Кириль» (Там же. Стб. 460); «Сѣна быс цркы Бориса и Глѣба в Кидекшии ... сѣнымъ епспомъ Кириломъ» (Там же. Стб. 471).

² 1137 г. «поставленъ бы скопечъ Маноуило епспом Смоленскоу пѣвечь горазды» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 301).

³ 1147 г. «В то же лѣто постави Изаславъ митрополитомъ Клима Смолятича выведъ изъ Зароуба бѣ бо черноризечъ скимник и быс книжникъ и философъ такъ ѿкоже в Роуской земли не башеть» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341).

⁴ 1224 г. «Поставлен быс митрополитомъ в сѣои Сооѣѣ Кыевѣ блѣжныи Кириль Грѣчинь ...оучителень ... хытръ оученью божественных книгъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448).

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 552, 555.

представителей высшей церковной иерархии. Для X–XIII вв. это можно проследить по таким параметрам, как наличие соборной жизни, практика совместного служения, осуществление митрополитами своих канонических прав в отношении епископата (суд, перемещение епископов с кафедры на кафедру), взаимоотношения святителей.

Соборная жизнь являлась неотъемлемой частью истории Восточнохристианской и Западной церкви. Для церковной истории Руси достаточно сложно установить количество поместных соборов. В исследовании Н.П. Турчанинова анализировались пять русских церковных соборов – 1051, 1147, 1156/57, 1168 и 1169 гг.¹. Амвросий (Орнатский) также указывал пять соборов², тогда как С.В. Булгаков лишь три³. Согласно летописным данным, состоялись соборы 1051 и 1147 гг., в то время как последующие соборы, по мнению П.И. Гайденко, «скорее всего, являются реконструкцией позднейших исследователей, вероятно, не допускавших мысли, что митрополит мог выносить наказания клирикам, прежде всего, епископам и игуменам, без опоры на соборное решение»⁴.

Анализируя свидетельства о событиях 1051 г., необходимо отметить, что значительную часть летописного известия составляет описание церковной «биографии» Илариона, и его связи с Киево-Печерским монастырем⁵. Относительно самой процедуры возведения Илариона в сан сведения лаконичны: «Постави Юрославъ Ларишна митрополитомъ Русина

¹ Турчанинов Н.П. О соборах, бывших в России со времени введения в ней христианства до царствования Иоанна IV Васильевича. СПб, 1829. С. 8–46.

² Амвросий (Орнатский) насчитывал пять соборов, связанных с событиями внутрицерковной жизни: 1) Киевский 1 6559/1051 г. о рукоположении митрополита Илариона при кн Ярославе Владимировиче; 2) Киевский 2 6655/ 1147 при Изяславе Мстиславиче о поставлении Всероссийского митрополита Климента; 3) Киевский 3 6664/1156 при митрополите Константине на Мартина еретика монаха, родом армянина; 4) Киевский 4 7 июня 6665/1157 г. при том же митрополите на того же Мартина; 5) Киевский 5 6677/ 1169 на Феодора епископа ростовского (*Амвросий (Орнатский)* Указ. соч. С. 263).

³ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. С. 1756.

⁴ Гайденко П.И. О высшем церковном управлении в Киевской Руси: к вопросу о церковных соборах как высшем органе управления. // Гайденко П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 11.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156–157.

въ сѣби Соѣи собравъ епѣпы»¹. Лишь Никоновская летопись уточнила причину подобного шага: «съ Греки брани и нестроения быша»². Если решающая роль князя в этом процессе Лаврентьевской летописью лишь обозначена, то роль епископов в важнейшем историческом событии для русской церкви даже не определена. Составитель записи ограничился только сведениями о присутствии иерархов на соборе без указания имен.

Более информативен поздний Никоновский свод, засвидетельствовавший совместное совещание князя с епископами и констатировавший, что принятые при этом решения соответствовали первому апостольскому правилу³. Вопрос о персональном составе участников собора 1051 г. остается открытым. Но если канонические процедуры действительно были соблюдены, то на соборе должно было присутствовать не менее двух или трех епископов, что было обязательным условием каноничности совершаемой хиротонии. В числе участников мог находиться Лука Жидята, которого Ярослав Мудрый в 1036 г. поставил епископствовать в Великий Новгород⁴. Мануил (Лемешевский) предполагал участие в соборе черниговского епископа Феодула⁵ и Леонтия Ростовского⁶. Исходя из количества существовавших в то время кафедр, русская иерархия, вероятно, могла соблюсти канонические требования для осуществления столь важного шага.

Так же кратко древнейшие летописи описывали процедуру избрания митрополита в 1147 г.: «постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолатича... снидоша Черниговски епѣпы Сонофрии Бѣлогородьскіи епѣпъ Феодръ, Переяславьскіи епѣпъ Еоуфимии Гюргиискии епѣпъ Демьян Володимерьскіи Феодоръ, Новгородьскіи Нифонтъ, Смоленьскіи

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 83.

³ Там же.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151.

⁵ Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 3. С. 138.

⁶ Там же. Т. 2. С. 251.

Маноуиль»¹. На данном соборе канонические требования присутствия епископов при процедуре избрания митрополита были соблюдены. На соборе произошел конфликт по поводу самой возможности поставления автокефального митрополита². Летописец, избегая поименного перечисления участников собора, свидетельствовал: «Мнози же убох о семь негодоваху, отъ епископовъ, и отъ прочихъ священныхъ, и отъ иночествующихъ и отъ мирскихъ, паче же на князя Изяслава Мстиславича Киевскаго негодоваху, глаголюще: «яко сей понудиль есть тако сотворити не по благословенію святаго патріарха Костянтиноградскаго и священнаго собора; закон бо есть Русским митрополитомъ поставлятися отъ святаго патріарха Костянтиноградскаго и от священнаго собора, тамо суцаго во святей Софїи»³. Примечательно, что Новгородская первая летопись этого события даже не обозначила, а ведь главным противником избрания Климента митрополитом был именно Нифонт Новгородский. Судя по всему, другие архиереи не препятствовали поставлению Климента Смолятича, узаконив поставление выдвинутого князем кандидата.

Последствием соборных разногласий стало то, что спустя два года, в 1149 г. новгородский владыка Нифонт был вызван в Киев князем Изяславом и митрополитом Климентом, где «нъ посади и въ Печерьстѣмъ монастыри, дондеже Гюрги придетъ»⁴. Новгородский владыка во время пребывания в Киево-Печерском монастыре, отказался от совместной литургии с

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341–342.

² 1147 г. «снидоша Черниговьски еп̃пы Сонофрии Бѣлогородьскии еп̃пъ Феодръ, Переяславьскии еп̃пъ Еоуфимии Гюргиискии еп̃пъ Демьян Володимерьскии Феодоръ, Новгородьскии Нифонтъ, Смоленьскии Маноуиль рекоста не есть того в законѣ яко ставити еп̃помъ митрополита безъ патриарха но ставитъ патриархъ митрополита а не поклонивъ ти са ни слоуживъ с тобою зане не взалъ еси блг̃свнннн оу стоѣ Софьи ни ѿ партиарха аще ли са исправиши блг̃ословишиса ѿ патриарха и тогда ти са поклонивъ въ взала ѿ Михаила ѿ митрополита роукописание яко не достоить нам безъ митрополита в стѣи Софьи служити онъ же на на про то тажко ср̃дце имѣа. Сонофии же Черниговьскии реч азъ свѣде достоить ны поставити а глава оу нас есть стго Климента якоже ставать Грѣци роукою стго Ивана и тако сгадавше еп̃пи славою стго Климента поставиша митрополитомъ» (ПСРЛ. Т. 2. С. 342).

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 172–173.

⁴ НПЛ. С. 28, 214.

митрополитом Климентом¹. Нифонт был сторонником подчинения русской церкви константинопольскому патриархату, за что был удостоен архиепископского сана². Непокорный владыка умер в Киеве, ожидая поставленного на Русь Константинопольским патриархом архиерея³. Таким образом, соборы 1051 и 1147 гг. были инициированы княжеской властью с целью разрешения проблем церковно-государственных отношений. В этой связи культовое действие обретало черты политического мероприятия.

Другой формой канонических взаимоотношений архиереев было совместное литургисание⁴. Одно из первых известий о коллективном служении русских иерархов связано с канонизацией первых русских страстотерпцев – князей Бориса и Глеба⁵, положившей начало формированию пантеона русских святых⁶. Совершённое прославление стало и значимым политическим шагом, в ходе которого не только обосновывались претензии правящей династии как богоизбранной (по образцу Византийской империи), но и создавался центр поклонения местночтимым святым. В

¹ Пребывание Нифонта в родном Печерском монастыре трудно назвать заточением. Он вёл оттуда переписку с Византией, совершал службы, его хортотилакс Кирик свободно беседовал с митрополитом Климентом, записывая его ответы «не для того, чтобы руководствоваться ими, а на всякий случай» (Вопрошание Кириково. С. 417).

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484–485. П.И. Гайденко и В.Г. Филиппов склонны считать, что позиция Нифонта не только отражала его личные канонические взгляды, но и защищала интересы Новгорода, усиливавшего свою политическую автономию через автономию церковную (Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси. С. 54).

³ 1156 г. «Приде блжнны епспъ Новгородскыи Нифонтъ жда митрополита Костантина изъ Црѣгорода башеть бо ему вѣсть ѡуже пошель есть митрополить и постиже и болезнь болѣвшю бо ему ꙗко дни и тако оуспе с миромъ мѣца априла въ ѣ днь порозноѣ недѣлѣ в субботу и положенъ быс оу Печерскомъ манастири оу Феодосьевѣ печерѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484).

⁴ Литургисание – отправление святой литургии – главного и самого важного богослужения христианской религии, во время него совершается Таинство Евхаристии, или Таинство причащения.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 181–182, 290.

⁶ Причисление князей Бориса и Глеба к лику святых было совершено лишь после «крещения костей» страстотерпцев, т.к. при жизни братья были язычниками. Примечательно, что под 1044 г., т.е. почти на три десятилетия ранее, сохранилось летописное известие: «и выгребоша в княза Юрополка и Гольга снѣ Стославлѣ и крѣстиша кости ею» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156), т.е. практика посмертного крещения применялась и ранее, однако, Святославичи не были удостоены чести быть причисленными к лику святых.

источниках канонизация и перенесение мощей Бориса и Глеба описывались в двух сюжетах 1072 и 1115 гг.

В событиях 1072 г. в качестве главных действующих лиц выступили «совокупившеса Ярославичи», но одновременно отмечалось, что «митрополить же тогда бѣ Георги, еписпъ Петръ Переяславскыи, Михайль Гоургевскыи»¹. В Никоновской летописи названы также Стефан Белгородский и Иван Холмский², которые после перенесения мощей «вѣпѣвше литургию»³. По предположению Мануила (Лемешевского), в обряде должны были участвовать епископы из других русских княжеств: Леонтий Ростовский, Стефан Новгородский, Неофит Черниговский, Николай Тмутараканский⁴. С канонической точки зрения отсутствие перечисленных архиереев могло быть расценено как неповиновение воле митрополита, но возможно это чисто историографическая проблема, связанная с отсутствием ясных представлений о численности русских епископий. Так или иначе, источники зафиксировали факт совместного служения крайне узкого круга святителей.

Сведения погодной записи 1115 г. в Лаврентьевской⁵ и Никоновской⁶ летописях идентичны. В них сообщалось об освящении церкви, перенесении в нее мощей Бориса и Глеба, значительном числе людей, обступивших процессию, метании в толпу по указанию Владимира Мономаха «паволоки, фофудии, ирничы, белку... дабы легко дойти церкви»⁷. Священство принимало участие в данном событии, однако его персональный состав, статус и роль в летописи не сообщались.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 99–100.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

⁴ Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 2. С. 252; Т. 3. С. 47; Т. 2. С. 358; Т. 2. С. 393.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 291.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 149.

⁷ Там же.

Другие известия об архиерейском сослужении связаны с Киево-Печерской обителью. Освящение церкви пресвятой Богородицы (1089 г)¹ и перенесение мощей преподобного Антония (1091 г)² были значимыми событиями в монастырской жизни. Присутствие митрополита зафиксировано лишь в первом известии. В богослужении приняли участие не все русские архиереи, а лишь епископы – воспитанники обители.

Еще одно событие церковной жизни Древней Руси возможно отнести к числу поместных соборов русской церкви – возведение в сан ростовского епископа Кирилла. Летописец сообщал, что 6 апреля 1231 г святитель был «поставлень» «митрополитом Кирилом и съ ѡкрѣстными еписпы иже сут сии иже и стѣша и с митрополѣтом Перфурии Черниговьскыи еписпъ Сѡлекса Полотьскыи еписпъ и ина ѡ еписпа Бѣлогородьскыи и Гюргевьскыи»³. До указанного события летописи традиционно свидетельствовали о хиротонии епископов рукой киевского митрополита. Это единственный зафиксированный факт, когда поставление епископа осуществлялось не одним митрополитом, а с участием «окрестных» архиереев. Данное событие следует считать, с одной стороны, показателем определенной зрелости русской церковной организации, с другой – мероприятие проходило в условиях укрепления политических позиций Северо-Восточной Руси, и собор мог быть инициирован княжеской властью с целью обеспечения высокого канонического статуса ростовского архиерея и декларации политических амбиций княжеской власти.

Церковные суды также можно рассматривать с точки зрения механизмов управления русской митрополией. Первым по времени судебным разбирательством в русской церкви был суд митрополита Ефрема над

¹ При освящении церкви упоминались киевский митрополит Иоанн, епископы Иоанн Черниговский, Исая Ростовский, Лука Белгородский, Антоний Юрьевский (Киево-Печерский Патерик. С. 161). В Лаврентьевском списке указывались наряду с митрополитом лишь Белгородский и Черниговский святители (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208–209).

² В данном известии присутствие митрополита не обозначено, упоминались лишь воспитанники обители епископы Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иван Черниговский и Марин Юрьевский (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 212).

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457.

новгородским епископом Лукой Жидятой (1055–1058 гг.)¹. Он совершался как расправа над Лукой Жидятой – союзником митрополита Илариона и одновременно ставленником Ярослава Мудрого². Действия киевского митрополита были направлены на возвращение русской митрополии в подчинение византийского патриарха. Очевидно, что ложный навет Дудика и его соратников на епископа Луку был сфабрикован по политическим мотивам, и возмущение подобным шагом позволило сохранить сведения о митрополите Ефреме в новгородском летописании, в то время как киевские своды не упоминали даже имени архиерея³.

Суд митрополита Константина над владимирским епископом Федором, напротив, имел под собой достаточные веские основания, был направлен на ликвидацию независимости владимирской церкви и свержение архиерея незаконно принявшего сан («да не наскакають нѣции на свѣтительскыи санъ»)⁴. Андрей Боголюбский намеревался сделать Владимир новым церковным центром Руси. Его ставленник Федор (Феодорец) «не всхотѣ» поставления от Киевского митрополита⁵, «цркви всѣ в Володимери [повелѣ] затворити и ключѣ црквиныѣ взѣ и не быс не звоненьѣ ни пѣньѣ по всему граду»⁶. Летописец обвинял владыку: «много бо пострадаша члвци ѿ него въ держаньи юго и сель избебывши и оружья и конь друзии же и роботы добыша заточеньѣ же и грабленьѣ не токмо простыцем но и мнихом игуменом и ерѣемъ безъмолствѣ сыи мучитель другим члвкомъ головы порѣзваѣ и бороды иным же ѿчи выжигаѣ и ѣзыкь оурѣзаѣ а иныѣ

¹ НПЛ. С. 182–183.

² Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI. 2009. № 2. С. 146–152; Гайденко П.И. Еще раз о суде Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) // Каптеревские чтения. 7 / отв. ред. М.В. Бибииков. М., 2009. С. 53–63.

³ П.И. Гайденко предположил, что Ефрем лишь временно возглавлял киевскую кафедру, прибыв на неё только для преодоления угрозы возникновения схизмы. Поэтому его имя и не было упомянуто киевскими книжниками (Гайденко П.И. Ещё раз о суде Лукой Жидятой. С. 53–63).

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 358.

⁵ Там же. Стб. 356.

⁶ Там же.

распинаѣ по стѣнѣ и муча немлѣствнѣ хотя исхитити ж ѿ всѣх имѣныѣ имѣныѣ бо бѣ не сыть акы адъ»¹.

Согласно летописным известиям, епископа Федора к митрополиту отправил его покровитель князь Андрей Боголюбский. В сложившейся ситуации князь либо не смог защитить архиерея, либо сознательно удалил его от княжеского двора, т.к. Федор не справился с возложенной на него ролью. Наказание своенравного и алчного архиерея мало отличалось от тех зверств, которые он творил со своей паствой – «митрополит же Костянтин повелѣ ѣму ѣзыкѣ оурѣзати, ѣко злодѣю и еретику и руку правую оутати и вчи ѣму вынати»². Но думается, Феодор понес наказание не только за неприемлемые для пастыря деяния, но и пренебрежение к власти киевского митрополита, проявившееся в отказе от хиротонии из рук первоиерарха.

Важным является тот факт, что киевские митрополиты вершили суд над подвластными архиереями единолично и не вмешивались в расправы, учиненные епископатам на территории своих округов. Так, митрополит Ефрем не препятствовал жестокому наказанию клеветников епископом Лукой Жидятой³. Не зафиксировано вмешательство митрополита в дело Авраамия Смоленского, которого епископ подверг унижению, заточил в темницу, угрожал его сторонникам. Лишь поддержка со стороны княжеской власти предотвратила печальную участь подвижника⁴. Подобного рода отстраненность позволяет поставить под сомнение степень полноты реализации канонических прав киевских митрополитов в отношении подвластного им округа, либо констатировать небрежение первоиерархами исполнения своих прямых обязанностей.

В то же время неизвестны прецеденты, когда представители епископата открыто высказывали свое отношение к митрополичьим или княжеским судам над архиереями. Так, ничего не известно о реакции святителей на

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356–357.

² Там же. Стб. 357.

³ НПЛ. С. 183.

⁴ Житие Авраамия Смоленского. С. 30–65.

незаконные смещения, перемещения и поставления архиереев (Мануил Смоленский, Митрофан и Антоний Новгородские, грек Николай). Данные обстоятельства позволяют говорить о несформированности внутрицерковной структуры управления, отсутствии тесных канонических связей и осознания церковного единства в среде русского епископата X–XIII вв.

Таким образом, церковная иерархия Руси являлась неотъемлемой частью социально-политической структуры древнерусского общества. Она была представлена тремя ступенями священства: митрополиты, архиепископы, епископы. Появление первых русских митрополитов следует датировать временем не ранее 30-х гг. XI в. Архиепископский сан был усвоен лишь новгородскими владыками. Епископы являлись главами церковных центров, располагавшихся в политически значимых русских княжествах. Подобное иерархическое членение развивалось на основе канонических традиций. Репрезентация архиерейской власти отражала социально-политический статус епископов. Титулы и эпитеты, присваиваемые духовным иерархам, отражали степень полноты канонической власти, соответствие духовному идеалу и личные качества святителей. Особенности канонических и личных взаимоотношений архиереев определялись включенностью церковных институтов в политические, социальные и экономические процессы Руси X–XIII вв.

2.3 Подбор кандидатов и порядок их поставления на архиерейские должности

Порядок замещения архиерейских вакансий является одним из критериев, характеризующих степень сформированности древнерусской церковной организации и ее соответствие каноническим требованиям. Поставление архиереев предполагало подбор святительских кадров, процедуру избрания, рукоположения, принятия кафедры. Анализ канонической практики русской церкви X–XIII вв. свидетельствует, что монашеский постриг был непреложным требованием для лиц принимавших епископское достоинство. Именно из числа монашествующих осуществлялся на Руси подбор святительских кадров¹.

На начальном этапе христианизации высшие церковные должности занимали лица, рукоположенные константинопольским патриархом². Не принимая во внимание первых киевских митрополитов, источники указывали на греческое происхождение приведенного в Киев Анной Всеволодовной святителя Иоанна³, бежавшего в Чернигов митрополита Кирилла⁴, упоминаемых в Ипатьевской летописи под 1183 г. митрополита Никифора и получившего от него Полоцкую кафедру Николу Гречина⁵, скопца Мануила Смоленского, «иже бѣ пришель изъ Грекъ»⁶. Пребывание на киевской

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 44.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 57, 64. На этапе становления русской церковной организации, не имея структуры по подготовке кадров священнослужителей, киевская митрополия вынуждена была поставлять епископов из самых разнообразных по этнической принадлежности лиц иноземного происхождения. Имеющиеся известия свидетельствуют о приходе на Русь значительного числа священнослужителей из разных регионов христианского мира. Они могли пребывать на Русь по личной инициативе (будущий епископ смоленский Мануил, грек Николай), либо направляться решением константинопольского патриархата. В большинстве случаев, упоминаемое в источниках именование «грек» нельзя воспринимать буквально. Таким образом именовались лица, прибывшие из различных уголков Византийской империи, получившие сан на ее территории.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208–209.

⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 214.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631.

⁶ Там же. Стб. 301.

кафедре византийских ставленников было неизбежным в ходе формирования церковной организации¹.

После поставления на митрополичий престол «русинов» Илариона, Климента Смолятича на епископские должности возводятся кандидаты из русского духовенства. На этапе становления древнерусской церковной организации архиерейские кадры подбирались, главным образом, из числа насельников Киево-Печерского монастыря. Из печерских игуменов в епископский сан были возведены Владимиро-Волынский святитель Стефан II², Феоктист Черниговский³, печерским затворником был Лаврентий Туровский, монахами - Исайя, Ефрем I и Пахомий Ростовские, Ефрем Переяславский, Марин (Карион) Юрьевский, Стефан, Феодор, Нифонт Новгородские, Мина Полоцкий⁴.

С развитием канонической жизни на архиерейские кафедры рукополагались игумены и монахи других русских монастырей, в том числе княжеских. Митрополит Климент Смолятич до поставления подвизался в Зарубском монастыре⁵. Из игуменов княжеского Киевского Спасского монастыря на Берестове вышел Лука Ростовский⁶. Владыка Аркадий был настоятелем Успенского монастыря в Новгороде⁷. Кирилл Ростовский был

¹ Источники свидетельствуют о многонациональном составе духовенства, пребывавшего на Русь. В Киево-Печерской обители в различные периоды «подвизались» варяги, греки, сирийцы, армяне, венгры (Киево-Печерский Патерик. С. 112, 114, 132, 143, 152, 182). Авторы Патерика при описании их служения не проявляли никаких национальных предпочтений. Не прослеживались в ранних летописных источниках и черты разделения христианской церкви на «запад» и «восток», католичество и православие.

² 1094 г. «престависа еп̃сп Володимерьскѣи Стефанъ ... бывшу преже игумену Печерьскаго монастыря» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 218); 1108 г. «В се же лѣто кончаша верхъ сѣиѣ Бѣа Влахѣрны на Кловѣ заложенѣи Стефаномъ еп̃помъ бывшу ему прѣже игуменомъ Печерьскаго монастыря» (Там же. Стб. 261).

³ 1112 г. «исходящю же сему лѣту и поставиша Феоктѣста еп̃помъ Чернѣгову игумена Печерьскаго» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275).

⁴ Киево-Печерский Патерик. С. 394–395.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. С. 236.

⁶ Там же. С. 432.

⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 44.

игуменом и архимандритом монастыря Рождества Богородицы¹. Андриан Белгородский вышел из настоятелей Выдубичского монастыря².

Источники сохранили известия о выдвижении на высшие церковные должности кандидатов из среды мирского духовенства. Наиболее ярким примером является карьера Илариона. Первый русский по происхождению митрополит до прихода в Печерский монастырь был попом княжеской церкви на Берестове³. Из белого духовенства был поставлен новгородский епископ Иоанн Попьян⁴. Согласно церковной историографии из мирского духовенства вышел Лазарь Переяславский, который до игуменства в Выдубицком монастыре служил в Борисоглебском храме в Вышгороде⁵. Новгородский святитель Иоанн (Илья) до поставления в архиепископский сан рукой киевского митрополита был священником в церкви священномученика Власия на Волосове улице. Церковная традиция приписывает Иоанну(Илье) и его брату Гавриилу(Григорию) принятие схимы дважды соответственно со сменой имен⁶. Однако не представляется возможным уточнить – иноческий постриг братья приняли до поставления в сан, после или в рамках одной процедуры. Преемственность братьев на владычной кафедре представлена летописцем как волеизъявление новгородцев⁷. Факт назначения преемника уже имел место в истории новгородской епископии – Иоакимом Корсунянином была предпринята попытка передачи власти своему ученику Ефрему⁸. Канонические правила этого не возбраняли. В первые века христианства Александрийская кафедра на протяжении нескольких поколений не раз находилась в руках епископов,

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454–455.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667.

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 84.

⁴ Там же. С. 141, 156.

⁵ *Мануил (Лемешевский)*. Указ. соч. Т. 2. С. 236.

⁶ «Преставися Гаврила архиепископ новгородский... нареченаго въ чърнецъстве Григории» (НПЛ. С. 40, 231).

⁷ «Новгородци же съ княземъ Мьстиславомъ, съ игумены и с попы и съ крилосомъ святыя Софѣя, сдумавши собѣ, изволиша поставити брата его (архиепископа Ильи – Т.Ф.) Гаврила; и послаша с молбою к митрополиту в Киевъ к Никифору» (НПЛ. С. 38, 228).

⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 79.

пребывавших между собой в родственных связях. Подобные примеры существовали и в Западной Европе. Так, в 961 г. германский император Оттон I «отпраздновал Рождество Господне в городе Регенсбурге, где 14 февраля скончал свои дни вюрцбургский епископ Поппон, весьма любимый королем; на епископской кафедре его сменил его близкий родственник [тоже] Поппон»¹.

Знает древнерусская церковная традиция и примеры поставления лиц из княжеского окружения. Согласно Новеллам Юстиниана, «кандидаты во епископа, которые ранее исполняли государственную службу либо состояли в войске, должны были провести в монастыре не менее 15 лет»². Сомнительно, что Ефрем Переяславский и Никифор Владимирский выдержали это каноническое условие. В житии указано, что Ефрем был казначеем и управлял хозяйством при дворе князя Изяслава Ярославича, затем принял монашество в Печерском монастыре, откуда был поставлен на Переяславскую кафедру³. По Ипатьевской летописи в 1223 г. на Владимирскую кафедру был поставлен «Микифоръ прирокомъ Станило бѣ бо слоуга Василковъ (князя Василия Романовича – Т.Ф.) преже»⁴. Возможно, кандидатов из княжеского окружения на епископских кафедрах существовало гораздо больше. По свидетельству Печерского Патерика и житий, преподобные Антоний и Феодосий происходили из дружинной среды, таковым был Моисей Угрин и возможно другие насельники обители, Николай Святоша был княжеского рода⁵. Однако в подавляющем большинстве случаев социальное происхождение лиц, принявших архиерейский сан, определить сложно⁶.

¹ Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением. С. 108.

² Цытин В.А. Каноническое право. С. 79.

³ Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 1 С. 445.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741.

⁵ Киево-Печерский С. 33, 264, 355; ПСРЛ. Т. 9. С. 140.

⁶ По мнению американского слависта, профессора Калифорнийского университета Хенрика Бирнбаума (1925–2002), древнерусский клир «в сущности, не был классом». Представители белого и черного духовенства происходили из самых разных социальных слоев. Возможно, рядовые священники были выходцами из низших слоев, а епископы – из

Подбор кандидатур на архиерейские должности производили митрополиты, киевские и удельные князья, городские христианские общины. В первые десятилетия существования древнерусской церковной организации епископы подбирались киевскими митрополитами из числа пришлых «византийских» кандидатов. Со второй половины XII в. появились известия об избрании кандидатур епископов из среды местного духовенства, а под 1216 г. сообщалось о поставлении на ростовскую кафедру митрополитом Матфеем инока Кирилла «изъ митрополичя монастыря изъ Суздаля святаго Дмитрія»¹.

Сохранились примеры согласованных действий киевского князя и митрополита. В ходе возведения на кафедру скопца Мануила, «иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ третии к бл̃голюбивому кн̃зю Мьстиславоу»². В подтверждение легитимности своей власти кандидатом самостоятельно была составлена грамота, что «установили епископью Смоленскую» митрополит русский Михаил при благоверном и христолюбивом князе Михаиле»³. Устав князя Ростислава Мстиславича несколько иначе представлял процедуру учреждения епископии в Смоленске: «приведѡх епископа Смоленску, здоумав с людми своими, по повелению ѡца своего святого, еже хотѣв при животѣ своемъ сѣтворити, ино естъ здѣ первѣе сего не бывало епископьи, да ѡз недостойныи, грѣшныи се оуставляю епископью, о нем же епископу быти живу и с клирѡсѡм своимъ»⁴.

высших. «Клир во главе с владыкой, прежде всего, пекся о благоденствии города-государства в целом и только потом – об интересах боярского класса, в то время как монастыри были особенно подвержены влиянию местной аристократии» (*Birnbaum H. Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city state. Berkeley; Los Angeles, 1981. P. 170*).

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 440.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310.

³ В Ипатьевской летописи имя князя указывается как Мстислав (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 301), а грамоте Мануила – Михаил (Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 140–146).

⁴ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 141.

Активное участие в подборе архиереев принимали киевские князья Ярослав Владимирович¹, Изяслав Мстиславич², которые сумели возвести на митрополичий престол «русинов». Удельные князья также ходатайствовали перед митрополитами и киевскими князьями о поставлении угодных им святителей³. Поставление ростовского епископа Федора (Феодорца) произошло по воле Андрея Боголюбского⁴. Под 1198 г. сообщается, что князь Всеволод Гюргевич «посла ... Павла на еп̃спство в Русьскыи Переяславль»⁵. Белгородский князь Рюрик поставил «еп̃спмь оца своего дх̃внаго игоумена стго Михаила Андрѣяна Выдобычиского»⁶. Известны попытки покупки епископского достоинства. Княгиня Верхуслава Всеволодовна готова была потратить до «1000 сребра», чтобы печерский инок Поликарп обрел епископский сан⁷. Известны прецеденты когда представители княжеской династии Рюриковичей отказывались принимать назначенных в Киеве архиереев⁸, желая видеть в епископах опору своей власти, послушное и управляемое духовенство⁹.

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 79–80.

² Там же. С. 172–173.

³ 1230 г. «Тогож лѣт̃ благовѣрнии князи Василко и Всеволодъ и Володимеръ послаша къ оцу своему Гюргю и къ еп̃спу Митрофану по Кирила игумена и архимандрита монастыра стѣна Бца Рж̃ства дабы и пустил̃ на еп̃спство Ростову и ѿпусти княз великыи Юрги Кирила на еп̃спство Ростову» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454).

⁴ 1172 г. «Том же лѣтѣ чюдо сътвори Бѣ и стаѣ Бца новое Володимири городѣ изъгна Бѣ и стаѣ Бца Володимирьскаѣ злаго и пронырьливаго и гордаго льстыца лживаго вл̃дку Федорьца из Володимира ѿ стоѣ Бци цр̃кви Златоверхои и ѿ той вса земля Ростовьскаѣ нѣ въсхотѣ послушати хртолюбиваго кн̃за Андрѣя велашю ему ити ставит̃ся къ митрополиту Киеву нѣ въсхотѣ паче же Бѣ не хоташу его и стоѣ Бци извърге его изъ земли Ростовьскоѣ Бѣ бо егда хочеть показнити чл̃вка ѿиметь оу него оумъ тако же и надъ симъ сътвори Бѣ ѿна оу него оумъ кн̃зю же ѿ немъ добро мыслащю и добра хотя ему съ же не токмо не въхотѣ поставлениѣ ѿ митрополита но и цр̃кви вси Володимири затвори и ключѣ цр̃квныѣ взя и не бы звонениѣ ни пѣниѣ по всему граду и въ зборнѣи цр̃кви в нѣже чюдотворенаѣ Мти Бѣи ина вса ст̃ни еѣ к неже вси кр̃стьѣне страхомъ приищють оутѣху» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 552–553).

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667.

⁷ Послание Симона, епископа владимирского, княгине Верхуславе-Анастасии Всеволодовне. С. 481.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341, 523; ПСРЛ. Т. 9. С. 79–80.

⁹ 1223 г. «Бѣиєю же волею избранъ быѣ и поставленъ быѣ Иванъ пискоупъ княземъ Даниломъ ѿ клироса великое цр̃кви стои Бци Володимерьскои бѣ бо преже того пискоупъ Асафъ Воугровьскыи иже скочи на столь митрофоличъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741); 1166 г.

Городские общины с середины XII в. также стали активно пользоваться правом избирать своих епископов. С одной стороны, такая практика отвечала древним христианским традициям, с другой – вполне вписывалась в канонические византийские нормы XII–XIII вв.¹ На Руси активизация городских общин связана в первую очередь с ослаблением влияния киевской митрополии. Она отражала стремление удельных княжеств к политическому обособлению от Киева, укреплению позиций местной княжеской или боярской власти². В сложившихся условиях присылавшиеся из Киева епископы воспринимались как проводники митрополичей и/или княжеской политики. Поэтому закономерны случаи отказа таким соискателям в занятии вакантных кафедр³. По мере углубления христианизации сказалось возрастание политической роли и социального статуса кандидатов из местного духовенства. Так в Великом Новгороде со времени служения владыки Аркадия утвердилась традиция избрания архиерея на кафедру из местного духовенства.

При избрании архиереев горожане и князь руководствовались не только политическими и личными предпочтениями, но и таким качеством будущего епископа, как неприязательность в материальном отношении. Вероятно, именно поэтому выбор делался в пользу таких подвижников, как митрополиты Иларион, Климент Смолятич, епископы Кирилл Туровский, Никита Новгородский. Значительные расходы на содержание духовенства могли быть одной из причин продолжительных периодов пустования епископских кафедр и просьб о поставлении на кафедру конкретных лиц, не отличающихся сребролюбием и стяжательством⁴.

«Постави Юрославъ кнѣзь еп̃сѣпа Илью Новугороду Великому то бо Ильѣа родом бѣ Новугородецъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526).

¹ Гайденко П.И. Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества. С. 207–225.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630–631; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 48, 49.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630–631.

⁴ Там же.

Выдвиженцы на архиерейские должности из местного духовенства, непритязательные в материальном отношении и видящие в своем пребывании на кафедре подвижническую цель, стремились обустроить территорию своего округа. Так, новгородский владыка Мартирий основал монастырь на Мячине, в Старой Руссе, построил каменные церкви «на городнѣх воротех во имя святыя богородица Положение честнаго пояса», «святого Въскресения в манастырѣ», «на островѣ, святого Никифора», «въ своемъ манастырѣ» Преображения Господня¹. Святители стремились соответствовать высоким требованиям канонов: «благочинен, ни корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив», печется «о Церкви Божией».

Летописцы отмечали и другие качества лиц, рукополагаемых в архиереи. Не без гордости о некоторых кандидатах говорили - «учителен»². Другие прославились на ниве литературной деятельности. Знание Священного Писания было указано в числе достоинств киевских митрополитов Иоанна³, Климента Смолятича⁴, будущего новгородского святителя Никиты⁵. Иногда назывался целый комплекс личных достоинств кандидата, которые способствовали его восхождению на престол. Летопись сообщала о том, как «постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича выведъ изъ Заруба бѣ бо черноризечь, скимникъ и быс книжникъ и философъ»⁶, т.е. такие требования как исповедание правой веры и безукоризненный образ жизни были соблюдены.

Важнейшим требованием к кандидатам в священство был возрастной ценз. Согласно каноническим правилам поставление во епископа возможно

¹ НПЛ. С. 41-43, 234, 237,

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341, 486.

³ «быс же Іоан мужъ хытръ книгама. И оученью млѣть оубогымъ и вдовицамъ ласковъ же ко всакому бату и оубогу. смѣренъ же и кротокъ молчаливъ рѣчьистъ же книгами стыми оутѣшаа печальныа и сакого не быс преж в Руси ни по немъ не будетъ сакъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209).

⁴ Послание Климента, митрополита русского, написанное к Фоме, истолкованное монахом Афонасием. С. 140–148.

⁵ Киево-Печерский Патерик. С. 227.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341.

не ранее 35 лет. В книге апостольских постановлений говорилось, что архиерейский престол должны занимать лица в возрасте не менее 50 лет. Это правило, писал В.А. Цыпин, «во всяком случае, начиная с эпохи Вселенских Соборов, не действовало в Церкви, а действующая норма относительно возрастного ценза была заимствована из 123 новеллы»¹.

Отечественные источники крайне редко указывали возраст русских архиереев при их вступлении на кафедру. Одним из примеров соответствия возраста кандидата в священство каноническим требованиям является поставление в 1230 г. Кирила, который «в ѿ (50 лет – Т.Ф.) поставлен быѿ епѣпомъ бо̀хранимому граду Ростову»². Известны так же продолжительные сроки пребывания святителей в епископском сане. Так, новгородский владыка Нифонт занимал кафедру 26 лет, Илья (Иоанн) – 21 год, Мануил Смоленский – около 30 лет, что позволяет говорить об их вступлении в сан в достаточно молодом возрасте. В этот период Русь испытывала значительную нехватку священства, поэтому, скорее всего, нарушения возрастного ценза присутствовали³.

Подобная практика известна и в Западной Европе. В частности, незаконнорожденный сын короля Германии и императора Священной Римской империи Оттона I Вильгельм стал майнцским архиепископом в нарушение установленных норм в 25 лет⁴. Русские князья не были ограничены в возможностях возведения в сан угодных им лиц, и соблюдение канонов вряд ли было способно остановить их при принятии подобных решений. Нарушение данных норм было оправдано прохождением светской инвеституры.

Сложившиеся канонические требования, предъявляемые к кандидатам на высшие церковные должности, предписывали: «епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен,

¹ Цыпин В.А. Каноническое право. С. 81.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460.

³ Вопрошание Кириково. С.421–422.

⁴ Назаренко А.В. Комментарии. // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV Западноевропейские источники. С. 47 прим.

страннолюбив, учителен, не пьяница, ни бийца, ни сварлив, ни корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честью; ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращённых, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую» [1 Тим. 2-7]». Более детально порядок избрания регулировали Новеллы Юстиниана, определявшие порядок избрания и рукоположения во епископа, ставленнические пошлины, церковное судопроизводство, возрастной ценз для поставления епископов и клириков¹. Важнейшей являлась первая глава новелл, где перечислялись условия, которым должен соответствовать ставленник: исповедание им правой веры, безукоризненный образ жизни, в ней устанавливались также образовательные и возрастные критерии, предъявляемые к кандидатам в священство². В восточной церкви уже к середине VII в. безбрачие епископов было необходимой нормой: «Жена производимаго в епископское достоинство, предварительно разлучаясь с мужем своим, по общему согласию, по рукоположении его в епископа, да вступит в монастырь, далеко от обитания сего епископа созданный, и да пользуется содержанием от епископа»³.

Одним из вопросов при подборе кандидатов были личные качества претендентов. В источниках чаще встречались положительные характеристики архиереев. Однако не исключено, что кандидаты в священство приносили в духовную среду те недостатки, а нередко и пороки, которые были характерны для социальных слоев, из которых они происходили⁴. Да и канонические требования в отношении будущих

¹ *Цыпин В.А.* Каноническое право. С. 79.

² Там же.

³ 48 Правило Трулльского собора (*Цыпин В.А.* Каноническое право. С. 27).

⁴ «Вопрошание Кириково» на примере низшего духовенства ярко показывало моральный облик представителей клира, далекий от церковного идеала (Вопрошание Кириково. С. 416, 420, 421).

святителей не всегда можно было согласовать с запросами светских властей и городских общин. Образ идеального русского архиерея реконструируется на примере похвалы Кириллу Туровскому, который родился в семье состоятельных родителей, добровольно ушел в монастырь, вел праведную монашескую жизнь, достойно пронес подвиг столпничества, затворник, глубоко знаком с божественными книгами и Священным писанием, избран епископом «молением» князя и горожан¹.

Практика подбора святителей на епископские кафедры в Древней Руси претерпевала значительные изменения на протяжении X–XIII вв., что хорошо прослеживается на примере Великого Новгорода. В 989 г. решением Владимира Святославич был поставлен епископ Иоаким Корсунянин². Во второй трети XII в. новгородскую кафедру возглавлял, поставленный киевским митрополитом из числа печерских иноков, блаженный епископ Нифонт. В летописи он характеризовался как «поборникъ всеи Рускои земли»³. А с конца XII в. выбор архиереев осуществлялся новгородцами с помощью жребия из трех кандидатов. Избранный владыка рассматривался как ставленник от Бога, а жребий выступал рукой провидения, разрешающей конфликт между боярскими кланами. Результат выбора новгородская летопись протокольно сообщала: «и поставиша Мантурья по жребью»⁴.

Для архиереев, выдвигавшихся на кафедру князьями, личные качества имели большое значение, т.к. святители должны были поддерживать политику княжеской власти. Ростовского епископа Федора только после суда и расправы над ним летописные известия характеризуют как «злаго и пронырьливаго и гордаго лестьца, лживаго влѣку»⁵. Однако Андрей Боголюбский, делая выбор в пользу данного архиерея, руководствовался другими критериями. Для реализации амбициозных планов ему, вероятно, импонировали целеустремленность, властный нрав будущего владыки,

¹ Житие Кирилла Туровского. С. 62–64.

² НПЛ. С. 159–160.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485.

⁴ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 47.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 552.

поддержка княжеских начинаний. Всеволод Юрьевич, напротив, для реализации своих политических замыслов, вопреки воле митрополита Никифора, избрал «Лоукоу смиренаго дхмъ и кроткого»¹.

В условиях средневековых церковно-политических и канонических реалий данный акт возведения в сан имел ритуально-политическое значение в институализации епископской власти. Практика возведения в сан епископов восходила к заповедям Христа, Священному Писанию, наставлениям апостолов. В «Деяниях апостолов» написано: «Рукоположив же им пресвитеров в каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу (Деян 14, 23)». Та же мысль утверждалась апостолом Павлом в Послании к Титу: «Для того я оставил тебя на Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал (Тит 1,5)».

Согласно каноническим нормам, поставление состояло из процедуры избрания, наречения, рукоположения (хиротонии) и прибытия архипастыря на кафедру. Исследование чина поставления русских епископов до начала XIV в. осложняется тем, что полные сведения о нем не сохранились ни в одной известной на сегодняшний день редакции Кормчих книг. По мнению М.В. Корогодиной, текст Чина либо был не известен русскому духовенству, либо русские книжники «не воспринимали его как относящийся к тематике кормчих книг»². До конца XV в. кормчие оставались лишь «митрополичьей книгой, но русские митрополиты не всегда имели возможность проводить выборы новых епископов согласно каноническим правилам»³. Поэтому достаточно сложно в деталях восстановить процесс возведения кандидатов на архиерейскую кафедру, включая их рукоположение в сан. Для решения

¹ 1183 г. «митрополить же Микифоръ не хоташе поставити его но неволею великою Всеволода и Стославлею и постави Луку ѿпспомъ в Суждальскую землю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631).

² Корогодина М.В. Чин избрания и поставления епископов и канонические книги. С. 115–116.

³ Там же. С. 117.

этой проблемы представляется необходимым провести систематизацию имеющихся в источниках сведений о хиротониях древнерусских епископов.

Важное значение в исторической реконструкции имеет терминология, которой до конца XIII в. описывалось поставление архиереев на кафедру. Как отмечает Б.И. Чибисов, «для греческого языка канонов избрание и рукоположение епископа представляли собой разные процедуры», а в известных на Руси Кормчих книгах (Ефремовской, Новгородской, Рашской и Мазуринской) «между первым и вторым не было коренной разницы по значению. Избрание и хиротония ставленника выражаются одним словом «поставление»¹. Согласно Ефремовской Кормчей (XII в) «епископ для вдовствующей кафедры должен быть рукоположен в течение трех месяцев»². Процедура описывалась следующим образом: избрание епископа осуществлялось на поместном церковном соборе, решение принималось большинством голосов, затем кандидатура утверждалась митрополитом³. В Ефремовской Кормчей канон поставления епископа излагался кратко, отсутствовало его толкование, следовательно, практика применения могла быть различной. В последней четверти XIII в. произошли изменения требований к процедуре. Избрание епископа возможно было как архиерейским собором во главе с митрополитом, так и «единоличное избрание угодного ему кандидата и его последующее рукоположение», не исключая «процедуру предызбрания ставленника светскими лицами»⁴.

Насколько позволяют судить летописи, понятие «возведен» для X–XIII вв. можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, «как возведение в сан», тогда оно идентично термину «рукоположен». С другой – понятие употреблялось при описании процедуры избрания новгородских владык во

¹ Чибисов Б.И. Избрание епископов на Руси: каноны и практика (XII–первая треть XV в) С. 37.

² Там же. С. 32.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 34.

второй половине XII в. и звучало как «введен/возведен в сени/во двор»¹. В этом случае термин «возведен» употреблялся после осуществления процедуры избрания кандидата, но до хиротонии. Чаще в летописях применялся термин «поставлен»², которым обозначалась процедура избрания кандидатов и их хиротония. В целом ряде случаев значение термина «поставлен» употреблялось, когда кандидаты возводились на кафедру в соответствии с княжеским решением. Незаконные попытки обрести архиерейский сан обозначались словом «наскакати»³. Его использование имело место и в тех случаях, когда хиротония происходила намного позже поставления, нередко из-за противоречий между духовной и светской властью.

Церковноправовые основы избрания будущих архиереев нашли отражение в «Постановлениях святых апостолов о рукоположениях». В епископа необходимо было рукополагать «того, кто беспорочен во всем, избран всем народом, как наилучший»⁴. Традиция избрания епископа христианской общиной на Руси была реализована в Великом Новгороде⁵, Суздале⁶, Турове¹. Со времен раннего христианства существовал ещё один

¹ 1156 г. «собрася весь град людии, извольша собѣ епископом поставити мужа свята и богомъизбрана именемъ Аркадиа... и введоша и, и поручивше ему епископыю въ дворѣ святаы Софѣя» (НПЛ. С. 29, 216); 1223 г. «Того же дни паки въведоша въ дворѣ Арсения инока изъ обителе святаго Спаса Хутиньскаго и мужа добра и зело боящася бога» (Там же. С. 61, 263).

² «Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ Русина» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156); 1231 г. «поставлен быс Кирил еписпмъ мѣца апрѣл въ 5 днь в недлю стхъ муроносиць» (Там же. Стб. 457).

³ 1172 г. «видѣ ѡзлобление людии своихъ сихъ кроткихъ Ростовьскыа земля ѿ звѣроѡдиваго Федорьца погибаюши ѿ него посѣтивъ спсе люди своа рукою крѣпкою мышцею високою рукою блгочѣстивою црскою правдиваго блговѣрнаго княза Андрѣа се же писахомъ да не наскакають нѣции на сватительскыи санѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 555).

⁴ Цытин В.А. Каноническое право. С. 115.

⁵ 1186 г. «Новгородци же съ княземъ Мѣстиславомъ, съ игумены и с попы и съ крилосом святаы Софѣя, сдумавши собѣ изволиша поставити ... Гавриила» (НПЛ. С. 38, 228–229); 1193 г. «Новгородци же съ княземъ Ярославомъ, съ игумены и с софияныи с попы думаша собѣ: инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантуриа, а и сии хотяху паки Гричина» (НПЛ. С. 40, 231–232).

⁶ 1183 г. «поставленъ быс Никола Грѣчинъ еписпомъ Всеволодъ же Гюргевичъ кнзь Соуждальскый не приа его но посла Киевоу ко Стославоу ко Всеволодичю и к митрополиту Никифору рекъ не избраша сего людье земли нашѣе но же еси поставиль ино камо тобѣ годно тамо же идежи а мнѣ постави Лоукоу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630–631).

способ избрания епископов – решением соборов, которые в этом случае носили чрезвычайный характер². В качестве неперемennого условия для правильного поставления архиерея все ближайшие епископы должны были собраться там, где будет служить будущий предстоятель, «и избрать епископа в присутствии народа, вполне знающего жизнь и ознакомившегося с делами избираемого чрез свое общение с ним. Решение принималось христианской общиной с клиром во главе и собравшимися епископами (не менее трех)»³.

Важнейшими при избрании епископа считались три момента: «1) избрание или вернее указание народом, прибывшим в общину епископам, желательных кандидатов в епископа; 2) избрание из них чрез епископский суд одного определенного кандидата; 3) выражение согласия народом на выбор епископов»⁴. В истории соборной жизни Руси известны лишь два собора, избиравшие архиереев. В 1051 г. был возведен на митрополичью кафедру «русин» Иларион «въ стѣи Соѣи собравъ епѣпы», имена которых не указаны⁵. По словам самого митрополита, он «из благочестивых епископов освящен был и настолован в великом и богохранимом граде Киеве»⁶. Но содержание летописного известия свидетельствовало скорее о личном назначении князем первосвященника и проведении помимо церковного ритуала княжеской инвеституры.

Более подробное описание процедуры возведения в сан датируется 1147 г., когда митрополитом был избран Климент Смолятич⁷. В данном

¹ Житие Кирилла Туровского. С. 62–64.

² Решения Никейского собора зафиксировали возможность проведения двоякого рода соборов: «1) соборы регулярные (concilium), созывавшиеся из епископов провинции в известное время в главном городе для обсуждения и решения дел и 2) соборы чрезвычайные для избрания нового епископа» (Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 133).

³ Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 135.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156.

⁶ Иларион, митр. Слово о Законе и Благодати. М., 1994. С. 121.

⁷ 1147 г. «В то же лѣто постави Изяславъ митрополитомъ Клима Смолятича выведъ изъ Заруба бѣ бо черноризецъ скимникъ и быѣ книжникъ и философъ такъ ѣакоже в Роуской земли не башеть речъ бо Черниговский епѣпъ (азъ свѣдѣ ѣако достоить съшедшеса

случае светскими и духовными властями реализовывалось правило «два-три епископа поставляют митрополита». Значимую роль при осуществлении процедуры поставления митрополита собором епископов играли церковные чиновники (евхологи). На соборе 1147 г. их роль мог исполнить Онуфрий Черниговский, который управлял кафедрой после отъезда митрополита Михаила в Византию. При поставлении Климента Смолятича собор прибег к дополнительному аргументу для обоснования каноничности рукоположения архиерея – главе св. Климента¹. При этом организаторы обряда апеллировали к практике поставления рукою св. Иоанна Предтечи в Константинополе. Подобные прецеденты совершались в Восточной церкви в случаях, когда были сомнения в каноничности процедуры. Все необходимые при подобных экстраординарных случаях священнодействия на соборе 1147 г. были соблюдены и в легитимности власти Климента Смолятича сомнений быть не могло². Однако оппозиция в лице новгородского владыки Нифонта и епископа Мануила Смоленского настаивала не только на необходимости рукоположения рукой Константинопольского патриарха, но и на том, что Климент избран собором не единогласно. Подобный прецедент в правилах не оговаривался как безусловное требование чина поставления. Следовательно, епископ Нифонт и грек Мануил требовали при совершении процедуры избрания митрополита исполнения не церковных канонов, а практики

еп̃пом митрополита постави и снидоша̃ Черниговски еп̃пы) С̃нофрии Б̃лгородьскїи еп̃спъ Феод̃ръ, Переяславскїи еп̃спъ Еоуфимїи Гюргиискїи еп̃спъ Демьянъ Володимерьскїи Феодоръ, Новгородьскїи Нифонтъ, Смоленьскїи Мануиль рекоста не есть того в законѣ ѡко ставити еп̃спомъ митрополита безъ патриарха но ставити патриархъ митрополита а не поклонивъ ти сѧ ни слоуживъ с тобою зане не взалъ еси бл̃гсвнїѧ оу с̃тоѣ Софїи ни ѿ партиарха аще ли сѧ исправиши бл̃гословиши сѧ ѿ патриарха и тогда ти сѧ поклонивъ вѣ взала ѿ Михаила ѿ митрополита роукописание ѡко не достоитъ нам безъ митрополита въ с̃тїи Софїи служити онъ же на на про то тѧжко ср̃дце имєѧ. С̃нофрии же Черниговьскїи реч азъ св̃де достоитъ ны поставити а глава оу нас есть с̃тго Климента ѡкоже ставатъ Гр̃ѣци роукою с̃тго Ивана и тако сгадавшє еп̃спї славою с̃тго Климента поставиша митрополитомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341–342; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 316).

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 316.

² Десница Иоанна Предтечи или Климента Римского, несмотря на констатацию участия в процедуре поставления шести епископов, могла «восполнять» отсутствие «второго или третьего» архиерея. Что лишний раз доказывает соответствие каноническим требованиям возведения в сан Климента Смолятича.

народных собраний. Несомненно, они апеллировали к вечевой норме единогласия, что свидетельствует о чертах большого «своеобразия» русской церковной жизни того времени.

Согласно традиции, утвердившейся с римских времен, епископ большой общины во время «вдовства епископской кафедры должен был осуществлять епископскую заботу в малой общине и содействовать скорейшему назначению нового епископа»¹. Однако в русской церковной организации имели место иные процессы. В случае овдовения кафедры киевский митрополит и/или княжеская власть могли сознательно медлить в деле замещения святительской кафедры. После ареста и суда над епископом Иоакимом Туровская кафедра была вакантной. После смерти в 1030 г. новгородского епископа Иоакима Корсунянина не рукополагался назначенный архиереем преемник Ефрем. Очевидно, «Новгород, не обладавший к тому времени достаточной политической силой, не смог поддержать ученика Иоакима»² и после смещения Ефрема Ярослав Мудрый поставил Луку Жидяту³.

Согласно каноническим правилам, чин наречения архиерея совершался после избрания кандидата в священство, затем торжественно объявлялись результаты, будущий епископ давал согласие на рукоположение, приносил клятву соблюдать церковные каноны и в соответствии с ними управлять своей паствой. По окончании обряда на новопоставленного архиерея возлагали саккос⁴, омофор⁵, крест, панагию¹ и митру². Таким образом, уже

¹ Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 135.

² Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 16–17.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139.

⁴ Саккос (греч. σάκκος — мешок от ивр. שָׂק — мешок, одежда из мешковины, надеваемая в знак скорби) — верхнее архиерейское богослужебное облачение, аналогичное иерейской фелони и имеющее то же символическое значение. По покрою представляет собой длинную просторную одежду (обычно не сшитую по бокам) с короткими широкими рукавами и вырезом для головы.

⁵ Омофор — это часть богослужебного облачения епископа, широкая лента с изображением крестов. Омофор называют великим, если он, огибая шею, спускается одним концом на грудь, а другим на шею, и малым — в том случае, когда оба конца более короткой ленты закреплены спереди на груди.

после наречения священник обретал символы власти, характеризующие церковную инвеституру.

В практике русской православной церкви «наречение во епископа» совершалось в храме отдельно от хиротонии по чину, сложившемуся не позднее XVII в. Поэтому для X–XIII вв. не представляется возможным в полной мере реконструировать данное священнодействие. Вероятно, конкретное исполнение чина могло зависеть от степени канонической грамотности епископата, отличаться степенью полноты проведения обряда.

За наречением следовало рукоположение (хиротония) кандидата в священство. В соответствии с «Апостольскими постановлениями» и «Правилами святых апостолов»³: «Епископ да рукополагается тремя или двумя епископами. Если же кто рукоположится одним епископом, то да будет извержен и он, и рукоположивший его» (Апост. 8. 27) и «Епископа да поставляют два или три епископа» (Апост. 1)⁴. «Хиротония», что буквально переводится как «возложение рук, рукоположение», представляла собой богослужebное поставление, совершение таинства, которое являлось обязательным элементом возведения на кафедру и связано с дарованием титула. Без титула избранный епископ не мог иметь отношения к конкретной кафедре, а, следовательно, был лишен права служить, рукополагать, управлять. Титул архиереем мог быть получен формально. В таком случае он не обязан был пребывать в городе, к которому приписан, а мог, например, выполнять функции викария, т.е. вспомогательного архиерея киевской кафедры. При необходимости такой архиерей замещал митрополита в качестве местоблюстителя. Посаждение на кафедру могло быть и

¹ Панагия (греч. *παναγία* — «всесвятая») — небольшой богато украшенный образ Богородицы (реже Спасителя, Троицы, святых, распятия, библейских сцен), чаще всего округлой формы, носимый архиереями на цепочке у своей груди.

² Митра (от греч. *μίτρα* (митра) — головная повязка) — головной убор сферообразной формы, богато украшенный золотым шитьем, бисером, драгоценными камнями; принадлежность богослужebного облачения архиереев, архимандритов, а также священников, которым право ношения такого типа убора предоставляется в качестве награды.

³ *Цыпин В.А.* Каноническое право. С. 146.

⁴ Там же. С. 117.

номинальным, например, если епископ не имел возможности управлять в силу объективных причин – препятствий со стороны княжеской власти, опасности и прочее. Кроме того, поставление на кафедру происходило и в отношении уже поставленного на другую кафедру епископа, например, при его перемещении с одной кафедры на другую. В этом случае хиротония не предполагалась, как это произошло в отношении бывших новгородских архиереев Митрофана и Антония, перемещенных на Торопецкую и Перемышльскую кафедры соответственно¹.

Сведений о том, как проходила сама процедура хиротонии в X–XIII вв. не сохранилось. летописные известия сообщали лишь о поставлении епископов рукой киевского митрополита. Так, в 1105 г. «постави митрополить Анфилохыѧ еп̃сѧ Володимерю... постави Лазора Переѧславлю... постави Мину Полотьскѧ»². летописные известия сообщали о возведении архиереев волей князя: «иде Ярослав к Новугороду... епископа постави Жидятоу»³. Это дает основания полагать, что помимо церковной инвеституры, устанавливавшей зависимость епископа от митрополита и патриарха, имела место инвеститура светская, княжеская. Однако в большинстве случаев в летописях применялась безличная форма – «поставиша»: 1113 г. «и поставиша Феоктіста еп̃пкомъ Чернѧгову игумена Печерьскаго»⁴; 1113 г. «томъ же лѣтѣ поставиша еп̃сѧ Данила Гургеву, а Бѣлугороду Никиту»⁵; 1137 г. «поставленъ бы скопечъ Маноуило еп̃помъ Смоленскоу»⁶; 1141 г. «поставиша еп̃сѧ Переѧславлю именемъ Еоуфимьѧ»⁷; 1143 г. «поставиша еп̃сѧ Черниговоу именемъ Онофрьѧ... поставиша еп̃сѧ Полотьскоу Козмоу»; 1144 г. поставиша еп̃сѧ Тоуровоу именемъ Акимъ»⁸.

¹ НПЛ. С. 44, 52, 239, 250.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 258.

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 79–80.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

⁵ Там же. Стб. 278.

⁶ Там же. Стб. 301.

⁷ Там же. Стб. 309.

⁸ Там же. Стб. 314–315.

Отдельные факты о порядке поставления архипастырей в сан содержит летописание Великого Новгорода. Так, святитель Аркадий в апреле 1156 г. был единогласно избран владыкой из трех кандидатов, «введоша», т.е. был введен в архиерейский дом «и поручивше ему епископью въ дворѣ святыхъ Софѣя, дондеже приидеть митрополит в Русь; и тогда приидеши ставится»¹. Хиротония была совершена рукой киевского митрополита Константина, и рассматривалась как важнейшая часть процедуры поставления².

Возведение на престол следующего за Аркадием владыки Ильи Новгородская первая летопись описывала следующим образом: «Поставлен бысть Илья архиепископ новгородский от митрополита Иоанна при великом князѣ рустѣмъ Ростиславѣ... В то же лѣто ходи игумен Деонисии с любовью в Русь, и повелѣно бысть владыцѣ архиепископство митрополитомъ» (1165 г)³. Никоновский свод излагал произошедшее несколько иначе под 1166 г.: «Наугородцкїй епископ Иліа посла многи дары въ Кїев къ пресвященному Ивану митрополиту Кїевскому и всеа Руси... Того же лѣта Новгородцкїй епископъ Илья самъ иде въ Кїев къ митрополиту со игуменомъ Дїонисїемъ и съ посадники, со многою честїю; митрополит же Иван Кїевскїй и всеа Руси учествова его зѣло, и повеле ему архїепископомъ называтися, и сице оттуду начало прїать епископ Новгородцкїй архїепископомъ владыкою Наугородцкимъ нарицатися благословенїемъ Ивана митрополита Кїевского и всеа Руси; и даде ему митрополитъ ризы и стихрарь со источники, и бысть радость многа въ Новѣгородѣ, и даша многи дары, злато, исребро, и жемчюгъ и отъ всякого шелкова, и отъ всякого мягкого, и отъ иныхъ многихъ дары, якоже и число превзыде, Ивану митрополиту Кїевскому и всеа Руси»⁴.

Таким образом, Новгородская первая летопись после избрания епископа Ильи сообщала о поездке кандидата для поставления к киевскому

¹ НПЛ. С. 29-30, 216–217.

² Там же.

³ Там же. С. 31, 219.

⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 233.

митрополиту, в то время как Никоновский свод свидетельствовал лишь о посылке в Киев «многих даров». Под тем же годом (в Никоновской летописи под 1166 г.) сообщалось о поездке Юрьевского игумена Дионисия в Киев для переговоров о получении Ильей сана архиепископа. В варианте Никоновского свода кандидат прибыл в Киев лично. Этот момент, с точки зрения канонической практики, имел большое значение, т.к. либо Илья был удостоен сана архиепископа лично, либо заочно, также как предыдущий владыка Нифонт¹, но на этот раз с передачей благословенной не патриаршей, а митрополичьей грамоты (ее существование науке неизвестно). Возможны были обе процедуры. Важнее то, что митрополит «повеле» Илье называться «владыкой» и передал ему необходимые символы власти «ризы и стихрарь со источники». После чего следовало повторное указание на передачу щедрых подарков митрополиту – «даша многи дары, злато, и сребро, и жемчюгъ и отъ всякого шелкова, и от всякого мягкого». Богатые дары в сложившейся ситуации могли восприниматься и как ритуальные, и как симония, т.е. покупка святительского достоинства, за что полагалось низвержение из священного сана². Но известия о подношениях помещены лишь в Никоновском своде, создание которого относится к XVI в., когда подарки воспринимались как необходимый атрибут проведения ритуала. Возможно, поздний свод лишь попытался восстановить события второй половины XII в., исходя из традиций и канонической культуры своего времени.

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 484.

² Целый ряд канонов (апост. 29, Трулл. 22, VII Всел. 5, VII Всел. 19, Вас. Вел. 90, Канонические послания патриархов Геннадия и Тарасия Константинопольских) требует, чтобы рукоположение совершалось бескорыстно. Хиротония, полученная за плату, признается недействительной, а совершившие ее подлежат извержению из сана. Особенно подробно об этом преступлении говорится во 2-м правиле Халкидонского Собора: свое название «симония» оно получило от имени Симона Волхва, который, увидев, как через возложение рук апостольских подается Святой Дух, принес апостолам деньги и просил их дать и ему такую власть, на что святой Петр ответил: серебро твое да будет в погиль с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги (Деян 8, 20) 19 (16)-е правило Карфагенского Собора гласит: «Разсуждено, да не бывают епископы и пресвитеры и диаконы откупателями ради корысти, или управителями, и да не приобретают пропитания занятием безчестным или презрительным. Ибо должны взирают на написанное: никто воинству Богу не обязуется куплями житейскими». В правиле приведены слова апостола Павла (2 Тим 2,4) (Цытин В.А. Каноническое право. С. 111–112).

Возведение в сан следующего новгородского владыки Гавриила (Григория), родного брата упоминаемого выше архиепископа Ильи, представляет интерес в двух аспектах – выбор кандидата и принятие монашеского чина. Ведущую роль в процедуре выбора кандидата на архиерейскую должность летописец отводил князю, который действовал единодушно с новгородцами и клиром: «Новгородци же съ княземъ Мьстиславомъ, съ игумены и с попы и съ крилосомъ святыя Софѣя, сдумавши собе изволиша поставити брата его Гавриила и послаша с молбою к митрополиту в Киев к Никифору и присла по него митрополит и вси князи рускыи и пояша и с любовью»¹. Следовательно, инициатива избрания Гавриила исходила от князя, знати и духовенства. Кандидатура ставленника согласовывалась с митрополитом и русскими князьями (как минимум киевскими), после чего кандидат направлялся в Киев для хиротонии². Но не вполне ясно, когда пришедшие из мирского духовенства на новгородскую кафедру Илья и Гавриил приняли монашеский постриг³. Случилось ли это до принятия архиерейского сана, как полагалось в канонической практике и на чём настаивала церковная историография⁴, либо во время служения в Новгородской земле или перед самой смертью. Новгород, имея тесные связи с Западной Европой, мог ориентироваться на традиции, описанные еще киевским митрополитом Георгием, который категорическим образом запрещал возведение «бельца» в епископство и предписывал низвержение такового из сана, если обряд пострижения был совершен после хиротонии⁵. Следовательно практика «поставить епископом бельца» существовала на Руси⁶.

¹ НПЛ. С. 38, 228–229.

² Там же. С. 40, 231.

³ Летопись сообщает что Илья «священствовал у святого священномученика Власия на Волосове улицы, и норечен бысть во инецех Иванъ» (ПСРЛ. Т. 13. С. 189).

⁴ Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 2. С. 29–30; Т. 1. С. 348–349.

⁵ Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «Вопрошание». С. 254.

⁶ Павлов А.С. Критический опыт по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 191–198.

Под 1193 г. новгородский летописец вновь поместил сведения о процедуре избрания кандидатов в архиепископы: «новгородци же съ княземъ Ярославомъ, съ игумены и съ софияны и с попы и думаша собѣ: инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантуриа а и сии хотяху паки Гричина; в нихъ паки распря бысть немала, и ркоша къ себѣ: «да сице положим три жребиа на святеи тряпезе въ святеи Софѣи». И абие положиша и повѣлеша пѣти святую литургию, и по совершении службы и послаша с вѣща слѣпца, да котораго дасть богъи выняся божию благодатью жребии Мантуриевъ и послаша по его и привезоша и из Русѣ и посадиша его въ епископлѣ дворѣ, и послаша о немъ къ митрополиту, и митрополит паки прислаше по него съ великою честью»¹. Как видим, процедура выборов отражала весь накал борьбы противоборствующих боярских партий². Два кандидата представляли местное духовенство – Митрофан и Мартирий. Часть паствы склонилась к «гричину», т.е. согласилась принять кандидатуру, предложенную киевским митрополитом. Судьбу кандидатов в священство решил жребий, который воспринимался провиденциально. В Новгороде с конца XII в. он стал использоваться в качестве ключевого способа избрания владыки.

Несмотря на изменения практики поставления новгородских архиереев на кафедру, порядок возведения в сан кандидатов рукой киевского митрополита оставался в качестве непреложного канонического требования³. Однако не редко это происходило гораздо позже процедуры избрания. Так, поставление владыки Аркадия, затем Митрофана было осуществлено лишь спустя два года после их избрания⁴. Летописи сохранили детали, которыми

¹ НПЛ. С. 40, 231–232.

² Хорошев А.С. Участие новгородской церкви в политической жизни (1200–1230) // Новое в археологии. М., 1972. С. 241–246.

³ 1230 г. «Того же месяца (мая – Т.Ф.) на зборъ, в 19, на память святых отец 300 и 18 прииде в Новѣгород архиепископ Спиридонъ, поставленъ бысть от митрополита Кирила въ попы в сыропустную недѣлю, а въ архиепископство на зборе по чистой недѣлѣ. И в то же лѣто князь Михайль створи постригы сынови своему Ростиславу в Новѣградѣ у святѣи Софѣи, и уя власъ владыка Спиридонъ; и посадиша его на столѣ, а самъ поиде в Черниговъ» (НПЛ. С. 69, 276).

⁴ 1156 г. «В то же лѣто собрася весь град людии, извольша собѣ епископомъ поставити мужа свята и богом избрана именем Аркадиа; и шед весь народ, пояша из монастыря

обставлялась процедура. В частности, Митрофан «иде в Русь ставится к митрополиту с новгородскими мужии со Всеволожими»¹, т.е. в сопровождении внушительной и авторитетной делегации. Присутствие такого солидного представительства могло рассматриваться как демонстрация поддержки кандидата, своего рода «рекомендация» правящих элит Новгородской земли и Владимирского княжества, обеспечивавших охрану и безопасность будущего архиерея.

После насильно смещенного владыки Митрофана Добрыня Ядрейкович также пришел к власти путем избрания: «волею божиею възлюби и князь Мьстиславъ и вси новгородци» после чего «послаша и в Русь ставится»². Митрофан без согласия и санкции киевского митрополита был смещен с кафедры и направлен в Торопец³, что свидетельствовало о том, что перемещение архиерея на несуществующую кафедру произошло без соблюдения каких-либо канонических норм. Торопецкая кафедра была определена для изгнанника лишь как место кормления иерарха и его почетного пребывания на южных границах Новгородской земли.

Однако в 1219 г. вновь возникла спорная ситуация вокруг новгородской кафедры, на сей раз между упоминаемым выше владыкой Митрофаном и избранным Антонием. Киевский митрополит каноническими средствами разрешил сложившийся конфликт: «Князь и новгородци ркоша Митрофану и Онтону: «идита к митрополиту, да коего нам послеть, то намъ владыка»; и пустиша с ними Васьяна священноинока, а другаго священника Бориса»⁴. Уже в следующем году «прииде архиепископъ Митрофанъ, оправивъся богом и святою Софиѣю, в Новъгород марта въ 17, ... а Антониа

святыя Богородица, и князь Мьстислав Юрьевич, и весь крилось святыя Софѣя, и вси попове городьсьтѣи, игумены и чернци, и введоша и, и поручивше ему епископью въ дворѣ святыя Софѣя, дондеже приидеть митрополит в Русь; и тогда поидеши ставится»; 1158 г. «поиде Аркадии къ Киеву ставится епископом и поставлен бысть от митрополита Костянтина» (НПЛ. С. 29-30, 216–217).

¹ НПЛ. С. 45, 239.

² Там же. С. 52, 250.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 260, 261.

митрополит у себе держи въ чести, и вда ему епископью въ Перемышлѣ»¹. На примере Великого Новгорода с середины XII–первой трети XIII вв. можно констатировать изменения в порядке поставления архиереев на кафедру. В новгородской земле установилась традиция избрания кандидатов в священство, а следовавшее затем поставление рукой киевского митрополита являлось способом легитимизации власти местных святителей.

В Северо-Восточной Руси со времени княжения Всеволода Юрьевича Большое Гнездо сложилась иная традиция назначения будущего святителя – решением княжеской власти. Под 1183 г. в Ипатьевской летописи сообщается об отказе Всеволода принять на кафедру митрополичьего ставленника Николу Гречина с формулировкой «не избраша сего людѣ землѣ нашѣ»². В свою очередь «митрополить же Микифоръ не хоташе поставити» игумена Спасского монастыря на Берестове Луку, присланного для утверждения «в Суждальскую землю», «но неволею великою Всеволода и Стѣславлею» вынужден был это сделать³. После смерти Луки⁴ Всеволод Юрьевич без согласования с митрополитом отправил в Киев ставитя «оца своего дхвѣнаго» Иоанна⁵, который после хиротонии совершил объезд территории своего округа – Ростов, Суздаль, Владимир. Данное обстоятельство свидетельствовало о сложившихся особенностях иерархических взаимоотношений епископата и клира. Впервые источники упомянули о «полюдьи» полученном архиереем в ходе посещения подвластных территорий⁶. Подношения, полученные Иоанном, могли рассматриваться как дарения в знак признания священной власти кандидата, одновременно могли быть своего рода компенсацией тех затрат, которые понес Иоанн в ходе поставления.

¹ НПЛ. С. 260, 261.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630. После поставления в Суздаль княжеского кандидата Луки Николай был направлен митрополитом на вдовствующую полоцкую кафедру.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408.

⁵ Там же. Стб. 409.

⁶ Там же. Стб. 408.

Наиболее подробно описанной процедурой поставления кандидата на епископство, согласно летописным источникам, следует признать возведение святителя Кирилла на Ростовский престол в 1230 г., в которой можно выделить несколько этапов:

Выбор кандидата: «блговѣрнии князи Василко и Всеволодь и Володимеръ послаша къ ѿцю своему Гюргю и къ еп̄спу Митрофану по Кирила игумена и архимандрита монастыра стѣна Бѣа Ржѣства дабы и пустиль на еп̄спство Ростову и ѿпусти княз великий Юрги Кирила на еп̄спство Ростову»¹.

Прибытие к месту служения, встреча горожанами и клиром, введение в храм: «изидоша же на срѣтенъе Кирилово княз и княгыни и боларе и вси мужи Ростовскыѣ и игумени и попове и стѣна зборныѣ цр̄кве клиросъ и вси гражане ѿ мала и до велика и введоша и с великою чѣстью в стѣну зборную цр̄квь стѣна Бѣа ... и быс радѣсть велкі княз же и вси гражне и игумни давше юм̄ миръ о Хсе и разидошас каждо въ своѣс»².

Направление князем кандидата на рукоположение к митрополиту: «посла бл̄городный князь Василко Константинович к Володимеру Рюрикович и пресѣнному митрополиту в Києвъ оца своего дѣвнаго Кирила на еп̄спство. ...изволити юго поставити служителя своєи цр̄кви и пастуха и оучителя Ростову и Ярославлю и Оуглечю полю»³.

Процедура поставления: «Сщєн же быс прещєным митрополитом Кирилом и съ ѿкрстными еп̄спы иже сут сии иже и стѣша и с митрополитом Перфурии Черниговскыи еп̄спъ Сѡлекса Полотьскыи еп̄спъ и ина ѿ еп̄спа Бѣлогородскыи и Гюргевскыи и игумени мнози и архимандрить стѣна Бѣа монастыра Печерьска Анкюдинъ игумень Михаило Выдобытскыи и игумень Петръ Сп̄сьскыи Семень Андрѣевскыи Корнил Феодоровскыи Афанасии Васильевскыи Семень Вскресеньскыи Климент Куриловскыи а ѿ Чернигова Юан игумень Мчн̄чскыи при князи Володимери и при сн̄ѣ юго

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454.

² Там же.

³ Там же. Стб. 457.

Ростиславѣ воеводство тогда держащю тисащаа Кыевскияа Иоану Славновичю бахут же в то время инии князи Русьстии на сонмѣ в Кыевѣ Михаилъ княз Черниговьскый и снѣ его Ростиславъ Мстиславичъ Мстиславъ Ярославъ Изаславъ и Ростиславъ Борисович и инии мнози князи иже бѣша в сѣби Софьи на сщенье Кирилово и праздноваша свѣтлыи то праздник в сѣби Софьи»¹

Пир после совершения таинства: «и ѣша и пиша того днѣи в монастыри сѣиа Бѣа Печерьскыа много мнжество людии преизлиха ѣ ихже не бѣ мощи ищести»²

Возвращение на кафедру. Встреча епископа горожанами: «И посемь пресщныи митрополить ѿпусти сщнаго епсѣпа Кирила Ростову со мною чѣстью Изидоша же вси из града бохранимаго Ростова княз Василко ти княгини его и бояре и вси мужи Ростовьскыи игумени же и попове и черныци и пресвѣтлыи клиросъ зборныа цркви сѣиа Бѣа носаше крсты с свѣщами же и кандилы с блоуханным темьяном и быс радос велика в градѣ Ростовѣ»³

Введение в кафедральный храм: «Выведоша же сщнаго епсѣпа Кирила в сѣую зборную црковь сѣиа Бѣа ... и сѣде на столѣ своем настолник сы и намѣстник сѣхъ епсѣпъ преж бывшихъ Ростовѣ»⁴.

Таким образом, процедура реконструируется следующим образом. Выбор кандидатуры епископа произошёл решением княжеской власти, возведение Кирилла на кафедру осуществлено христианской общиной и церковным клиром. Канонически, в подобной ситуации, святитель оставался лишь нареченным епископом, т.е. кандидатом с правом административного управления. Следующим этапом стало посвящение Кирилла и возведение его на кафедру Святой Богородицы рукой киевского митрополита Кирилла⁵. Каждый из описанных шагов воспринимался летописцем достаточным для

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457–458.

² Там же. Стб. 458.

³ Там же. Стб. 458.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Стб. 457–460.

признания каноничности процедуры избрания, наречения и рукоположения (хиротонии) будущего епископа. Последующее прибытие святителя на кафедру рассматривалось как завершение процедуры поставления. Демонстрацией признания законности прав епископа было совершение им службы в кафедральном соборе. Таким образом, к концу первой трети XIII в. процедура возведения епископов на кафедру стала обретать черты канонического соответствия. Легитимность духовной власти епископа обеспечивалась поддержкой политических элит.

Практика Древней Руси, находит прямые аналогии с Западной Европой. На Западе дискуссия о церковной инвеституре, то есть о взаимоотношениях римской церкви и государственной власти, разгорелась в IX–XII вв. Началась она еще при Карле Великом, когда церковь была включена в социальную структуру европейского общества, и завершилась «разграничением функций и компетенций церкви и государства» при возвышении авторитета Папы Римского¹. «X–XII века – это эпоха подъема национального германского государства, которое претендовало на вселенский императорский титул» – отмечал К.А. Костромин. «Именно тогда папство, преодолевая соперничество римских патрициев с германскими королями, избавилось от ставшей тягостной императорской опеки, и стало самостоятельной силой международного значения в Европе»². Следующим этапом можно считать церковную реформу Оттона I. Во время неё были созданы условия для вхождения церковной иерархии в феодальную систему. Высшая церковная власть впервые получила светскую инвеституру, обретя земельные надель, права и обязанности феодалов, рыцарское достоинство, которое кандидат на кафедру должен был снискать до рукоположения, т.е.

¹ Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века). С. 30.

² Там же. С. 31.

церковной инвеституры¹. Таким образом, государство в лице епископата обрело преданных союзников.

Подобные процессы происходили и на Руси². Светская инвеститура стала неотъемлемой частью легитимизации святительской власти. Епископы оказались в зависимости от князей и боярской элиты³. Рюриковичи и боярские кланы стремились ослабить византийское влияние и поставить под контроль церковную иерархию. Способы и символы княжеской/светской инвеституры в русских землях и у «латинян» были различными. Если в Западной Европе лицо духовного звания получало рыцарское достоинство и символические знаки: посох, перстень, жезл⁴, то во Владимиро-Суздальском княжестве символом архиерейского достоинства был белый клобук⁵. В Киеве оказание архиерею князем «чести» могло рассматриваться как скрытая форма инвеституры, соотносимая с ритуалом чествования⁶. Последний,

¹ Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 23.

² Б.Н. Чичерин полагал, что церковь в Киевской Руси домонгольского периода обладала «значением государственной корпорации» (Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006. С. 300–301).

³ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 178.

⁴ «Самым острым при введении инвеституры стал вопрос о том, кому принадлежит право решать, кто достоин епископского звания. Пока епископы были только клириками, этот вопрос государственную власть не волновал. Как только епископ стал также феодалом, император предъявил свои претензии на участие в этом выборе, заявив даже о праве первого и решающего голоса, поскольку феодалом в империи не может стать человек, не получивший на то одобрения императора. Соответственно возникли сопутствующие спорам об инвеституре проблемы: какие регалии (посох, кольцо, жезл) больше соответствуют церковной и светской власти, и какая инвеститура, церковная или светская, должна предшествовать» (Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века). С. 34).

⁵ Пузанов В.В. Княжеские инсигнии в средневековой Руси и «Батыево знамение» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 102–111; Он же. Княжеские «клобуки» и «венцы»: к спорам о древнерусских инсигниях // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відпов. ред. М. Литвин. Львів, 2011. С. 569–581.

⁶ 1156 г. «приде митрополить изъ Цраграда Костантин и прият его князь с честию и людье вси». (ПСРЛ. Т. 1. С. 348); 1165 г. «приде отъ патриарха изо Царяграда Иванъ митрополит на Кіев и на всю Русь, и изыде во срѣтеніе его изъ града изъ Кіева съ епископы и со всѣмъ священнымъ соборомъ, и со князи, и з боары и со всѣмъ народомъ князь великий Ростислав... и приять бысть съ радостію и с честію» (ПСРЛ. Т. 9. С. 232).

возможно, имел и свое материальное выражение¹. В Великом Новгороде после избрания следовало возведение кандидата «на сени или во двор»². В качестве следствия светской (княжеской или городской) инвеституры можно рассматривать и награждение некоторых епископов титулом «владыка», предполагавшего передачу епископам ряда светских полномочий³.

Следовательно, светская инвеститура, наряду с церковной, выступала одним из важнейших условий легитимности архиерейской власти, являлась необходимой процедурой при поставлении кандидатов на епископские должности и обеспечивала всю полноту прав и обязанностей будущего епископа. С этого момента на епископа возлагалась ответственность за вверяемую ему паству, и это служение он оставить не имел право⁴. Если же архиерей оставлял кафедру, «...таковому повелеваем не служить более»⁵. Причины оставления кафедры могли быть самыми разными, однако низложение из сана было возможно лишь в судебном порядке⁶.

¹ Как верно отметил П.И. Гайденко «сообщение о прибытии на Русь первосвятителя выступало своего рода признанием каноничности прав нового предстоятеля. Если законность митрополитов из русских подчёркивалась строгим соблюдением канонических и богослужебных норм, то законность греческих митрополитов – оказанием им знаков внимания со стороны княжеской власти (почётное сопровождение к месту служения и торжественная встреча в Киеве)» (Гайденко П.И. Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси: буллы, верительные документы, сан, титулы. С. 73).

² НПЛ. С. 29-30, 216–217.

³ Гайденко П.И. Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси. С. 73.

⁴ 14 апостольское правило предписывает: «Не позволительно епископу оставлять свою епархию и во иную переходить, аще бы и от многих убеждаем был, разве когда будет некоторая вина благословная, сие творити его понуждающая, яко могущаго большую пользу обитающим тамо принести словом благочестия. И сие не по своему произволу, но по суду многих епископов и по сильному убеждению» (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М., 1911. Т. 1. С. 74–76).

⁵ В 15 апостольском правиле говорится: «Аще кто пресвитер, или диакон, или вообще находящийся в списке клира, оставив свой предел, во иной отыдет... таковому повелеваем не служить более» (Цыпин В.А. Каноническое право. С. 119).

⁶ «Канон 5-й. Если на какого-либо епископа будет сделан донос и окрестные епископы, собравшись, низложат его, а он прибегнет к блаженнейшему епископу церкви римской, который захочет его выслушать и признает справедливым возобновить исследование дела о нем, то да благоволит (епископ Рима) написать епископам ближайшей области, чтобы они тщательно и внимательно рассмотрели все обстоятельства дела и произнесли о нем приговор по чистой правде» (Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 315).

Первое известие подобного рода относится к 1073 г., когда летопись сообщала об отъезде киевского митрополита Георгия «в греки»¹, но мы не можем отнести это к числу канонических нарушений, т.к. известно, что после истечения срока духовных и дипломатических полномочий поставленные на Русь иерархи возвращались обратно в Византию². Дважды покидал Киев Климент Смолятич. В 1149 г., когда его покровитель Изяслав Мстиславич уступил великокняжеский престол Юрию Долгорукому³. Затем после смерти Изяслава (1154 г.), когда на киевскую кафедру прибыл поставленный рукой византийского патриарха митрополит Константин⁴.

Сменившему Климента Смолятича греку Константину самому вскоре (в 1159 г.) пришлось покинуть кафедральный город и бежать в Чернигов «отъ злобы» князя Мстислава Изяславича «не хотя съ нимъ въ молвѣ и въ смущении быті»⁵. Прибегнув к евангельским параллелям, летописец явно пытался оправдать поведение архиерея, обращая внимание на то, что бегство Константина было вынужденным. В действиях святителя нет канонических нарушений, т.к. он оставил лишь кафедральный город, но не покинул территорию подвластного округа. Безусловно, архиерей имел возможность удалиться в Византию, как это делали его предшественники, но он остался на вверенной ему кафедре и был с почестями захоронен в кафедральной церкви Святого Спаса в Чернигове⁶. Впрочем, что послужило причиной стойкости греческого митрополита: верность архипастырскому долгу, личная храбрость или отчаянность положения, при котором ему пришлось бы нести в Константинополе ответственность за совершённые им злоупотребления и неспособность найти общий язык с местными элитами, осложнённую

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 184.

² *Гайденко П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси. С. 82–87.

³ «Изяславъ же обративса с женою и съ дѣтьми поѣха Володимимирю ... митрополита Клина поѣхъ съ собою» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 383п).

⁴ Князь Ростислав: «не хочю Клина оу митропольи видити взаль блгѣвниѣ ѿ сѣна Софѣя и ѿ патриарха». Мстиславъ же крѣпко прашеса по Климѣ река тако не будетъ Константинъ въ митропольи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 504).

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 214; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350.

оставлением кафедры – не известно. Нельзя исключать и то, что Константин не оставлял надежды вернуться на митрополичий стол, что было возможно только при смене политической власти в Киеве.

Политические противоречия в среде новгородской знати XII в. отразились на положении местных владык. Представитель местного новгородского духовенства владыка Иоанн Попьян «отвержеса» от занимаемой кафедры¹. Его место занял печерский ставленник Нифонт, а в отношении Попьяна появилась формулировка: «сего не поминают»². Подобное развитие событий В.Л. Янин объяснял неканоническими действиями владыки³. Исследователь не исключал желания владыки подчеркнуть не только независимость от киевской митрополии, но и свою автокефальность по отношению к константинопольской патриархии⁴. Однако уход Иоанна состоялся в условиях укрепления политических позиций Новгорода в связи с событиями 1136 г.⁵. Данное обстоятельство позволило Е.А. Мусину предположить, что Иоанн не смог принять перемены в жизни Новгорода, при которых власть архиерея и подвластная ему церковная организация всё более подпадала под контроль городской общины и князя⁶. Но последующее развитие событий показало, что в сложившейся политической ситуации пришедшему на новгородскую кафедру владыке Нифонту удалось добиться архиепископского сана и прямого подчинения

¹ 1130 г. «отвержеса архиепископъ Иоанн Новгородчкыи, сѣдѣ лѣтъ 20 и поставиша архиепископа Нифонта» (НПЛ. С. 22, 207).

² НПЛ. С. 22, 206, 473.

³ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 50.

⁴ Янин В.Л. Печать новгородского епископа Иоанна Попьяна // ВИД. Л., 1978. Т. 9. С. 47–56.

⁵ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 162; Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. С. 50; Он же. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна. С. 47–56; Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв). С. 66–68.

⁶ Мусин А.Е. Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. URL: http://www.vixri.ru/d/a_arxi/Istoriya%20arxeologii.pdf (дата обращения 21.11.2013); Он же. Таинственная анафема: Загадки дома Святой Софии. 12 век // Чело. 2004. № 2. С. 14–18.

константинопольскому патриархату. Другие сведения об оставлении кафедры архиереем, связаны с суздальским епископом Иваном, который как Иоанн Попьян «ѡписаса еп̃спѣи всеѣа земля Ростовскиѣа и пострижеса в черныцѣ в монастыри Болѣубомь»¹.

Со второй половины XII в. в летописании фиксировались сведения об изгнании архиереев. В некоторых случаях сообщалось о подобных событиях без всякого указания причин: «Пріиде Левонтѣй епископъ Ростову и Суждалю; по двою же лѣту изгнаша и»²; «выгнаша Митрофана владыку, и ведоша его в Торопечь, и не даша ему оправиться; онъ же с радостію прія»³. Результатом противоречий между епископом Георгием и Туровской знатью становится уход святителя с кафедры⁴. В других известиях об изгнании архиерея говорилось подчеркнуто корректно, например, «не избрasha сего людье»⁵. Епископ Леон Суздальский, уличённый в симонии был позорно изгнан с формулировкой «цр̃кви граблѣ попы»⁶. Новгородская кафедра знала и совсем унижительные формы изгнания: «и створиша вѣче, и сринуша Арсеніа, за ворота пѣхающе, аки злодѣя»⁷. Причины изгнания новгородского владыки в 1211 г. описывались следующим образом: «злодѣи исперва не хотя добра, зависть вложи людемъ на архиепископа Митрофана съ княземъ Мьстиславомъ»⁸. Если новгородские события связаны с политической борьбой вокруг владычной кафедры, то причины изгнания Нестора Ростовского⁹ и Антония Черниговского¹⁰ вовсе носили экстраординарный

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439.

² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 45.

³ Там же. Стб. 48.

⁴ *Лысенко П.Ф.* Киев и Туровская земля // Киев и западные земли Руси в XI–XIII вв.: Сб. статей. Минск, 1982. С. 106.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630.

⁶ Там же. Стб. 494.

⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 49.

⁸ НПЛ. С. 52, 250.

⁹ 1157 г. «изгнан бысть Нестерь епископъ Ростовскій съ престола его Ростовскаго и Суждалскаго про Господскіа праздники; не веляше бо мяса ясти въ Господскіа праздники, аще прилучится когда в среду или в пятокъ, такоже отъ свѣтлыа недѣли до петокостіа» (ПСРЛ. Т. 9. С. 210–211).

¹⁰ 1168 г. «Антоній же епископъ Черниговскій много браняше своего князя Черниговскаго и боарь его, да не ядятъ мясь в Господскіа праздники; князь же Святославъ и боаре его не

характер. Епископы лишились кафедры за излишне ревностное исполнение святительских обязанностей. Они слишком настойчиво докучали князьям, их окружению и горожанам, желая утвердить в жизни паствы канонические требования не есть мяса в Господские праздники в среду и в пятницу. Итог оказался предсказуемым: паства «не стерпе досады от епископа своего». Изгнание епископов не вызвало никакого протеста или реакции на сложившуюся ситуацию со стороны киевского митрополита как представителя высшего церковного управления. Изгнав архиерея «из града своего» и «от всего княженія своего», Святослав Черниговский тем самым лишил Антония и кормления за счет северских территорий, т.е. всех доходов кафедры. Данная ситуация не могла не отразиться и на первосвятительской киевской кафедре, лишившейся черниговских отчислений в митрополичью казну. Таким образом, существенную роль при смещении кандидатов с архиерейских должностей играли не только политические причины, но личные отношения епископов и князей.

Какова же судьба архиереев после изгнания с кафедры? Митрофан Новгородский после первого смещения был отправлен в Торопец. После второго изгнания ушёл на покой в монастырь Пресвятой Богородицы¹. Его соперника Антония новгородцы отправили «поиди, где ти любо», митрополит определил ему кафедру в Перемышле². После повторного свержения Антоний избрал местом уединения монастырь святого Спаса в Нередицах³. Черниговский епископ Антоний, покинув место служения,

внимаху ему о семь; Антоній же епископъ крѣпко браняше, князь же Святославъ, сын Олгов Черниговскій не стерпѣ досады от епископа своего, и изгна его из града своего Чернигова и от всего княженія своего; онъ же иде къ Константину митрополиту в Кіевъ, и пребываше тамо и съ сущими его» (ПСРЛ. Т. 9. С. 236).

¹ «1218 г. «прииде из Володимеря архиепископъ Митрофан новгородчкый в Новъгород, и провадиша и новгородци къ святѣи богородици къ Благовѣщенію» (НПЛ. С. 57-58, 259).

² 1220 г. «Прииде архиепископъ Митрофанъ, оправивъся богом и святою Софѣею, в Новъгород марта въ 17, на память святого отца нашего Симеона иже в Персидѣ; а Антониа митрополит у себе держи въ чести, и вда ему епископью въ Перемышлѣ» (НПЛ. С. 60, 261).

³ 1219 г. «иде Антонии архиепископъ новгородчкый на Торжок; новгородци же введоша архиепископа Митрофана въ двор опять на столъ, а ко Онтонию послаша «поиди, где ти любо». Антонии же поиде в Новъгород къ святому Спасу в Нередицах. Князь и

пребывал в свите киевского митрополита «с сущими его», следовательно, святительского сана он не сохранил, став одним из окружавших святителя клириков¹.

Таким образом, в X–XIII вв. в соответствии с церковными канонами кандидаты на архиепископские должности, подбирались из монашествующих. Подбор святительских кадров осуществлялся главным образом представителями княжеской власти, а с середины XII в. – при участии политических элит русских земель. Кандидаты рукополагались в сан киевскими митрополитами. Традиция выбора архиереев на епископских соборах оформляется только к концу XIII в. Русской церковной организацией не были в полной мере усвоены единые канонические требования к порядку рукоположения кандидатов в епископы. Существовали различия в порядке возведения в сан кандидатов на епископские должности в русских княжествах. Неотъемлемой частью процедуры поставления архиереев являлась хиротония, которая осуществлялась рукой киевского митрополита. Важную роль в легитимизации епископской власти имела светская (княжеская) инвеститура, которая подтверждала переданные святителям церковные полномочия.

новгородци ркоша Митрофану и Онтону: «идита к митрополиту, да коего нам послеть, то намъ владыка»; и пустиша с ними Васьяна священноинока, а другаго священника Бориса» (НПЛ. С. 59-60, 261).

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 236.

2.4 Место епископата в социально-политической структуре древнерусского общества

Место архиереев в системе социально-политических отношений X–XIII вв. определялось статусом духовной власти в княжестве, местом епископии в структуре русской митрополии, отношением кафедральных городов к иерархии княжеских столов, степенью финансовой самостоятельности кафедры, уровнем личного авторитета епископа. В период становления русской церковной организации значительная часть архиереев прибывала на Русь из различных уголков христианского мира и занимала высшие ступени духовной власти, порой не зная языка, обычаев, нравов вверенной им паствы¹. Некоторые владыки прибывали с посольскими заданиями, как представители византийского императора на территории Руси². С середины XI в. ряды святителей пополнялись из среды русских людей. Насколько позволяют судить источники, они были выходцами из знатных сословий, прежде всего, боярства и ближайшего княжеского окружения³.

Место киевских митрополитов в древнерусском обществе определялось, главным образом, на основе взаимоотношений с представителями правящей династии Рюриковичей. В летописной традиции взаимодействие светской и духовной власти выражалось характерной формулой «князь ... с отцом своим митрополитом»⁴. Нередко при фиксации

¹ Митрополиты Иоанн [приведен Анной Всеволодовной] (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209), Кирилл (ПСРЛ. Т. 9. С. 214), епископы Николай Полоцкий (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 632), Мануил Смоленский (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 305).

² *Соколов П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV в. Киев, 1913. С. 9, 33, 54; *Porre A.* La tentative de reforme ecclesiastique en Russie au milieu du XIe siècle // *Acta Poloniae historica.* Warszawa, 1972. Т. 25. Р. 26; *Костромин К.А.* Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века). С. 47.

³ Никоновская летопись свидетельствует о родстве владимирского епископа Федора с боярином Петром Бориславичем (ПСРЛ. Т. 9. С. 239). Митрополит Кирилл до восшествия на киевскую кафедру был «печатником» Даниила Романовича Галицкого (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 792).

⁴ «Поиде Володимеръ со отцемъ своимъ Михайломъ митрополитомъ къ Киеву» (ПСРЛ. Т. 9. С. 57); «послуша оубо Ярославъ ... оца своего митрополит <...> много же оучреженье давь оба княза Гюрги и Ярославъ оцю своему митрополит» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457), позднее эта формула будет применяться и к епископам, например, «князь велики

церковных событий присутствовала ремарка «митрополиту бывшу тогда...»¹. Таким образом обозначалось участие высшей архиерейской власти в событиях, инициированных русскими князьями, с целью благословения и поддержки их начинаний. Канонические требования предписывают «чтити епископа ... с сохранением достоинства, присвоеннаго митрополии» (I Всел. 7)². Сведения о почестях, оказанных представителям высшего духовенства на Руси, крайне немногочисленны. Как правило, они были связаны с заинтересованностью княжеской власти в присутствии конкретного архиерея либо определялись добрыми взаимоотношениями князя и архипастыря³.

В то же время русское летописание сохранило примеры фамильярного и даже пренебрежительного отношения князей к епископату⁴. Подобное поведение было следствием зависимости архиереев от светской власти. От благосклонности князей зависело материальное содержание духовенства, которое могло существовать как в денежно-материальном выражении, так и в форме земельных пожалований⁵. Сохранились сведения о том, что архиереи присутствовали на пирах и даже кормились при княжеских дворах⁶. Участие

Святославъ Олговичъ со Антоніемъ епископом своимъ Чръниговскимъ» (ПСРЛ. Т. 9. С. 215).

¹ «въ Кіевѣ же и во всей Руси митрополиту бывшу тогда Іоанну» (ПСРЛ. Т. 9. С. 115).

² Цит. по: *Цыпин В.А.* Каноническое право. С. 32.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209, 457; НПЛ. С. 28, 214–215.

⁴ В известии 1096 г. епископы поставлены в один ряд с простыми горожанами: «1096 г. Святополкъ и Володимеръ посласта къ Ольгови, глаголюще сиче: «поиди къ Кіеву, да порядку положим о Русской землѣ предъ епископы, и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и перѣд людми градными» (ПСРЛ. Т. 9. С. 125). Нестор Ростовский и Антоний Черниговский были изгнаны князьями со своих кафедр (Там же. С. 210, 236).

⁵ Древнерусские княжеские уставы. С. 12–195.

⁶ 1183 г. «В то же лѣтъ свѣдена бѣ съ цркъы стго Василья ѡже стоить в Кіевѣ на велицѣмъ дворѣ великимъ свѣщникомъ мѣста генвара во первыи днь свѣщнымъ митрополитомъ и блжннымъ Никифоромъ епѣпомъ Гюрговскимъ и архимандритомъ Печерьскимъ игоуменомъ Васильемъ созданѣ еи бывши Сѣославомъ Всеволожичемъ и созва на пиро тѣ доуховныи свѣщного митрополита Никофора ины епѣпы игоумены и всѣ стльсии чинь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 635); 1197 г. «блговѣрныи кнѣзь Рюрикъ приехавъ ис Кыева и ... созва дхвныи тыи пирь епѣпа Андрѣана Юрьевского епѣпа и архимандрита Василья Печерьскаго игоумена Моисѣа игоумена стго Михаила Выдобычьского и прочии игоумени и черноризьскии и прозвоутеры и всѣ свѣщницкыи чинь и оучреди ѡ не малы дары и великими почти всѣ ѿ велихъ даже и до малыхъ и ѡко ни единому же ѡблишеноу быти ѿ требующихъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707–708).

духовных лиц в княжеских застольях¹, позволяет рассматривать их как часть княжеского окружения, княжеского двора и представителей социальной верхушки общества².

Сближение статуса митрополита и епископата с городской и военной знатью произошло во второй половине XI в.³ С этого времени увеличилось количество летописных известий о совместной деятельности князей и архиереев по основанию храмов, монастырских обителей, проведению крупных религиозно-политических мероприятий. Так, в 1072 г. Ярославичи выступили инициаторами канонизации князей Бориса и Глеба. Во время вскрытия раки с мощами Глеба митрополита Георгия «оужасть ѿбиде», что летописец с иронией объяснил нетвердостью веры архиерея⁴, что вряд ли можно было ожидать от святителя такого уровня в духовной иерархии. Тот факт, что митрополит «нетвердъ верою», мог свидетельствовать о его нежелании участвовать или признавать канонизацию русских князей-страстотерпцев. В ходе перенесения мощей Бориса и Глеба крестный ход возглавляли князья, затем шли черноризцы со свечами и дьяконы с кадилами, «посемь презвитери и по них еписпи с митрополитом»⁵, причем архиереи указывались среди княжеской свиты. Канонические традиции были соблюдены – высшее духовенство не возглавляло, а завершало шествие. Примечательно, что «ѡпѣвше литургию ѡбѣдаша братьѣ (Ярославичи –

¹ Данные аспекты архиерейской жизни подробно изучены в работе П.И. Гайденко (Зарисовки повседневной жизни древнерусских архиереев: стол и достаток // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1 (5). С. 84–105).

² Примером может служить сообщение летописца, характеризующее отношение к духовенству со стороны Владимира Мономаха: «Владимеръ бо такъ баше любезнѣвъ любовь имѣѣа к митрополитом и къ еписпмъ и къ игуменом паче же и чернечьскыи чинъ любѣа и черници любѣа приходашаѣа к нему напиташе и напаше акы мти дѣти своѣа аще кого видаше ли шюмна ли в коем зазорѣ не осудаше но всѣа на любовь прекладаше и оутешаше но мы на своѣа възвратимса» (ПСРЛ. Т. 1. С. 264). Сходную оценку действиям князя давал митрополит Никифор, но он вообще отмечал щедрое отношение Мономаха к людям его окружающим и специально не выделял лиц духовного сословия (Творения митрополита Никифора / Изд. под. С.М. Полянским. М., 2006. С. 115–116).

³ Малиновский И.А. Древнейшая русская аристократия. Киев, 1903. С. 3.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182–183.

⁵ Там же.

Т.Ф.) на скупь кождо с боѣры своими»¹. О присутствии архиереев на данных ритуальных пирах не сообщалось, возможно, они не были приглашены к столу. В 1115 г. при следующем перенесении мощей Бориса и Глеба, устройении культа братьев-страстотерпцев митрополит Никифор, в отличие от упоминаемого выше Георгия, стал активным участником процедуры вместе с подвластным ему духовенством².

Позднее традиция перенесения святых мощей была усвоена уже на уровне отдельных княжеств. В 1230 г. владимирский князь Юрий Всеволодович выступил инициатором канонизации мученика Авраамия. Начинание властителя поддержали «еп̃спъ Митрофанъ со всѣм клиросом и со игумены и кнагыни з дѣтьми и вси людье»³. Как для Ярославичей в период христианизации Руси было важно создание святыни общегосударственного масштаба, так и для Владимирского княжества в первой трети XIII в., стремившегося к упрочению своих политических позиций, насущной необходимостью осознавалось обретение мощей мученика, пострадавшего за веру пусть и за пределами Русской земли⁴.

Своеобразным оказывалось отношение владык к некоторым процедурам политического характера, в частности, обрядам крестоцелования, которыми завершались примирения или заключение межкняжеских договоров⁵. Ни разу в обряде крестоцелования присутствие высших архиереев летописцами не отмечено. По мнению П.И. Гайденко, крестоцеловальные кресты могли находиться у светских властителей и участие духовенства в этом не требовалось. Однако разрешение от клятв

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 281–282.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454.

⁴ В церковно-политической обстановке Руси первой трети XIII в. было крайне сложно подобрать кандидатуры мучеников. Гонений или притеснений православная церковь на территории русских княжеств не испытывала. Поэтому на эту роль был избран мусульманин, под влиянием русских купцов принявший христианство под именем Авраам, проповедовавший православное учение среди соплеменников и принявший в связи с этим мученическую смерть. Примечательно, что канонизация чужестранца состоялась менее чем через год после смерти Авраама (*Журавский А.В., Романова А.А. Авраамий (Авраамий) Болгарский // ПЭ. М., 2000. Т. 1. С. 172–173.*)

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 452–453; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 462–463, 504; ПСРЛ. Т. 9. С. 211–212.

оставалось прерогативой высшей духовной власти – епископов и митрополитов.

Весшее духовенство принимало участие в решении межкняжеских конфликтов рода Рюриковичей. В 1096 г. князя вместе с духовенством не смогли склонить князя Олега к объединению с Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем «да бы вборонили землю Русьскую ѿ поганыхъ»¹. Примечательно, что дерзкий отказ Олега был расценен летописцем не как нежелание противостоять внешней угрозе, а как пренебрежение авторитетом духовенства².

Высокий духовный сан не гарантировал архиереям успеха дипломатической миссии или личной безопасности. Так, из истории новгородской кафедры известно, что епископ Стефан был задушен собственными холопами³, святителя Федора пытались убить в ходе мятежа с участием волхвов⁴, Лука Жидята был оклеветан холопами⁵. Очевидно, на начальном этапе христианизации паства и ближайшее окружение не рассматривали архиереев как представителей правящей верхушки⁶. В то же время источники сохранили примеры тесных и приятельных личных отношений князей и церковных иерархов: Ярослав Мудрый – митрополит Иларион, Лука Жидята⁷, Юрий Долгорукий – новгородский владыка Нифонт⁸, Андрей Боголюбский – епископ Федор⁹. Либо как минимум благосклонного отношения князей к высшему духовенству. Примером может

¹ 1096 г. «Сѣтополкъ и Володимеръ посласта к Олгови глѣща сице поиди Кыѣву ать радѣ учинимъ в Руской земьлѣ предѣ епѣпы, игумены и предѣ мужи вѣць наших и перѣд горожаны да бы вборонили землю Русьскую ѿ поганыхъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 221).

² Стефанович П.С. Религиозно-этические аспекты отношений знати и князя на Руси в X–XII веках // ОИ. 2004. № 1. С. 6.

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 96.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Дворниченко А.Ю. Древнерусское общество и церковь. Л., 1988. С. 17.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139, 145.

⁸ НПЛ. С.28, 214–215.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 552–553.

служить отношение Владимира Святославича к Анастасу Корсунянину, Владимира Мономаха к духовнику Нифонту¹.

Епископат принимал активное участие в семейных делах Рюриковичей², осуществлял поддержку князей в их борьбе за престолонаследование. Согласно Ипатьевской летописи, оставшийся безымянным епископ помог в 1164 г. обманым путем взойти на черниговский престол Святославу Всеволодовичу³. В 1212 г. «изнемогающий» великий князь Всеволод Юрьевич по совету суздальского епископа Иоанна лишил заслушание своего старшего сына Константина владимирского «стола»⁴. В делегации по приглашению князя Ярослава Всеволодовича на новгородский престол в 1215 г. принимал участие архиепископ Антоний (Добрыня Ядрейкович)⁵. В 1222 г. новгородцы «послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и старѣишии мужи в Володимирь къ Юрью ко Всеволодицю, и дасть имъ сына своего Всеволода на всеи воли новгородчкои»⁶. В 1230 г. митрополит Кирилл с черниговским епископом Порфирием и игуменом монастыря святого Спаса на Берестове Петром Аскеровичем успешно выполнил миссию по примирению двух княжеских ветвей рода Рюриковичей⁷.

¹ Владимир Святославич рассматривал духовенство в качестве своих советников, в тексте «Поучения» Владимир Всеволодович советует своим детям заботиться о епископах, попах и игуменах и принимать от них благословения, Всеволод Ярославич «воздавал честь» епископам (Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 147–148).

² 1230 г. «велики княз Юргі ожени сѣа своего старѣишго Всеволод Володимерною Рюрикович и вѣнчан быс в великі цркви зборнѣи стѣѣ Бѣа сѣнньным ѣппмъ Митрофаном» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454–455); 1212 г. «Князь велики Всеволодъ Юрьевичъ жени сына своего князя Юрья... венчан же бысть Ивановъ епископомъ въ монастыри пречистыа Богородицы» (ПСРЛ. Т. 10. С. 63); 1248 г. «Тое же зимы оубыен быс Михаило Юрославич ѿ поганыа Литвы блжньныи же епѣпъ Кирилъ посла взѣ тѣло ѣго и привезоша во Володимерь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 472).

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 63–64.

⁵ НПЛ. С. 252.

⁶ Там же. С. 262.

⁷ 1230 г. «приходи пресѣнныи митрополить всеа Руси Кирилъ к великому князю Гюргю и къ брат ѣго Юрославу и Стославу и г Костантиновичмъ Василку и Всеволоду и Володимеру ѿ Киевского княза ѿ Володимера ѿ Курикович а ѿ Черниговского княза ѿ Михаила епѣпъ Перфуриі приде же с нима игумень прѣстого монастыря стго Спѣса Киѣвѣ на

Выступая в роли примирителей князей, иерархи укрепляли позиции церковных институтов¹. Успех или неудача посреднических миссий не зависели от самого факта участия в них высшего духовенства. Так, Юрий Долгорукий принял новгородского владыку Нифонта с честью, одарил подарками, но «мира Новгороду не дал»², не удалось сотворить мира и митрополиту Кириллу³. Владимирский князь Всеволод Юрьевич не послушался «своего еписпа блжнаго Луки» и Рязани мира не дал⁴. Следовательно, главы кафедр не имели прямых рычагов влияния на светскую власть, а успех миссии мог зависеть от личного авторитета архиерея или степени возложенных полномочий.

Положение епископата в социально-политической структуре русского общества не всегда позволяло им настаивать на исполнении христианских

Берестовѣмъ Петръ Акерович и инъ муж Володимеръ Гюргии столник ѿго си ꙗко е приходиша с митрополитомъ просѧ мира Михаилу съ Ярославомъ бѣ бо Михаилъ не правъ въ крѣтнмъ целованьи при Ярославѣ и хоташе Ярославъ ити на Михаила Бѣ же не попусти тако тому быс да наполнитса писанье стых глѣше блжѣни смѣрающѣи ꙗко ти сѣве Бѣи нарекутса и здѣ бо не остави Бѣ труда митрополит бес памяти быс и еписпа Перфурья да и здѣ наполнитса писанье пѣвца дивен Бѣ въ стых своихъ Бѣ Изрѣвъ створи бо дивна въ дни сиѧ послуша оубо Ярославъ брата своего старѣишаго Гюрья и оца своего митрополита и еписпа Порфурья и взѧ миръ с Михаиломъ и быс радѣсть велика и здѣ исполиса писанье пѣсника иже реч се днѣ иже створи Гѣсъ възрадуемса и възвеселимса во нь много же оучреженъе давъ оба княза Гюрги и Ярослав оцю своѣму митрополиту и еписпу Порфирью и игумену Спѣскому и блгѣвшася ѿ нею и ѿпустиша ꙗко каждо къ своимъ княземъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456–457).

¹ Галимов Т.Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII–первой трети XIII века // Вестник Челябинского государственного университета: История. 2012. Вып. 25 (279). С. 104–114.

² НПЛ. С. 27, 214; Как отмечал А.С. Хорошев, после антикняжеского восстания 1136 г. в Новгороде обязанностью владыки «стали поиски удобного «вятшим» новгородцам князя». Так, в 1140 г. епископ Нифонт был послан в Киев «по князи». Разлад со Святославом «повлек за собой опалу на Нифонта». Владыка дважды возглавлял посольства к Юрию Всеволодовичу Долгорукому. «Первая поездка, состоявшаяся в 1148 г., была связана с заключением мира с суздальским князем. Принятый «с честью», Нифонт убедил Долгорукого отпустить пленных новгородцев. Однако основная задача не была выполнена: Юрий «нелюби на новгородцев не отложи и мира не дасть». Посольство 1154 г. закончилось удачно для Нифонта. Он «введоша» в Новгород Мстислава Юрьевича, благословленного Долгоруким на новгородское княжение» (Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 27–28).

³ 1228 г. «Бѣ Коуриль митрополитъ преблжѣнии и стѣи приѣхаль мира сотворити и не може потомъ же Ростиславъ Пиньскый не престаѣюще клеветца бѣша бо дѣти его изыманы» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 754).

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 405–406.

канонов представителями княжеского рода Рюриковичей. Поэтому высшее духовенство через послания, проповеди, поучения стремилось донести до князей морально-нравственные и церковные истины. Обращения митрополитов и епископов не столько наставляли Рюриковичей на путь христианского благочестия, сколько пытались представить идеальный для церкви образ правителя, увещевали не нарушать религиозно-этических норм и разъясняли князьям отдельные особенности христианского вероучения. Киевский митрополит Никифор (ум. 1121) в послании о посте наставлял Владимира Мономаха относительно вопросов управления княжеством и личного благочестия¹. В «Послании на латину» митрополит перечислял заблуждения католиков и предостерегал Владимира Всеволодовича от ошибок, прославлял его достоинства и призывал держаться правой веры². Принадлежащая перу туровского епископа Кирилла «Притча о человеческой душе и теле», сохранившая поучение о «хромце и слепце», хотя напрямую и не адресована Андрею Боголюбскому, но содержала обвинения в адрес могущественного князя в поддержке узурпировавшего святительские полномочия епископа Федора (Федорца), нарушении церковных заповедей, заблуждении в понимании церковных канонов³. Фактически это самая дерзкая форма общения представителя высшей духовной иерархии с князем.

Русские князья обладали широким спектром влияния на архиереев. Рюриковичи, а в отдельных случаях и бояре, могли поставять⁴, рекомендовать⁵, не принимать⁶, изгонять¹, смещать² представителей высшего

¹ Поучения Никифора Владимиру Мономаху, Ярославу Муромскому и неизвестному князю. С. 111–117, 137–139, 165–170.

² Там же.

³ Кирилла-монаха притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936> дата обращения 25.02.2017

⁴ 1034 г. «Иде Ярославъ к Новугороду ... и епископа постави Луку Жидяту» (ПСРЛ. Т. 9. С. 79–80).

⁵ 1185 г. «Князь великы Всеволодь Юрьевичь посла в Кіевъ къ Никифору митрополиту Кіевскому и всеа Руси, прося у него епископа въ Ростовъ; прося же на имя Луку игумена Спасьскаго, иже на Берестовѣмъ» (ПСРЛ. Т. 10. С. 10).

⁶ 1183 г. «престависѧ еп̃сп̃ъ Полотьскіи именовъ Дивнисии мы же оубо в семь пог̃л̃м̃ь преставившюсѧ Левноу Ростовьскомоу еп̃сп̃у и поставленъ быѥ Никола Гр̃чинь

духовенства. Подобные действия можно было совершать в отношении далеко не каждого архиерея. Прибывшие из Византии иерархи обладали особым статусом и авторитетом³, но и они не всегда могли реализовать свои властные полномочия. В 1185 г. митрополиту Никифору так и не удалось поставить на ростовскую кафедру грека Николая. Кафедра была вакантной, чем и поспешил воспользоваться киевский митрополит. Однако Всеволод Юрьевич представил вполне убедительный аргумент о нежелании паствы принять данного архиерея, это решение было поддержано киевским князем Святославом Всеволодовичем⁴.

Иной характер имели взаимоотношения светских властителей с епископами из местного духовенства. Первые русские архиереи были воспитанниками Киево-Печерского монастыря, что давало кандидатам в священство дополнительную поддержку со стороны иноческого братства. Если епископы были княжескими ставленниками, то их положение мало чем отличалось от представителей ближайшего княжеского окружения. В Великом Новгороде утвердилась традиция подбора архиерейских кадров в монастырях, основанных боярской элитой⁵, владыкам в этом случае

еп̃помъ Всеволодъ же Гюргевиць к̃нзь Соуждальскій не приѣз его но посла Киевоу ко Стославоу ко Всеволодичю и к митрополитоу Никифороу рек не избрasha сего людье землѣ нашѣѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630).

¹ 1168 г. «Антоній же епископъ Черниговскій много браняше своего князя Черниговскаго и боарь его, да не ядятъ мясь в Господскіа праздники; князь же Святославъ и боаре его не внимаху ему о семъ; Антоний же епископъ крѣпко браняше, князь же Святославъ, сын Олгов Черниговскій не стерпѣ досады от епископа своего, и изгна его из града своего Чернигова и от всего княженія своего» (ПСРЛ. Т. 9. С. 236).

² 1220 г. «Прииде архиепископъ Митрофанъ..., а Антониа митрополит... вда ему епископью въ Перемышлѣ» (НПЛ. С. 60, 261).

³ Дипломатической неприкосновенностью на Руси иностранный епископ мог и не обладать, как это видно в обстоятельствах изгнания епископа Адальберта, спутники которого были избиты, а само посольство ограблено (Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением. С. 107) и судьбы епископа Рейнберна, обвинённого в заговоре против Владимира Святославича и умершего в заточении (*Титмар Мерзебургский*. Хроника. С. 187).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630–631.

⁵ А.С. Хорошев относил возникновение данной практики к 1157 г. (*Хорошев А.С. Участие новгородской церкви в политической жизни (1200–1230)*. С. 242).

делегировались дополнительные властные полномочия¹. Возведенные в епископский сан лица, своим происхождением связанные с местной знатью, обладали высокой степенью доверия как со стороны княжеской власти, так и паствы в целом, оказывали влияние на политические, социальные и экономические процессы в своих княжествах. Активное участие в «церковно-политической борьбе» принимали Иоаким и Кирилл Туровские². При поддержке боярских родов значительную роль в жизни Великого Новгорода сыграли владыки Илья (Иоанн) и Григорий (Гавриил)³. Максимальную поддержку княжеской династии и паствы получил Кирилл Ростовский⁴.

Охарактеризовать место архиереев в социально-политической структуре отдельных русских княжеств позволяет описание процедуры их возведения в сан. Избрание, поставление, прибытие архиереев на место служения в источниках описано по-разному. Даты хиротонии значительной части епископов не указаны. Часть из них упоминается лишь в числе участников церковно-политических событий⁵. Чаще летописцами констатировался факт – «поставлен бысть»⁶. Реже с различной степенью подробности описывались встреча епископа князем и духовенством за пределами города, оказание милости⁷, детали избрания⁸, прибытие на

¹ В Великом Новгороде владыка являлся хранителем государственной казны, системы мер и весов, наряду с князем и посадником осуществлял суд. А.С. Хорошев считал, что на примере Новгорода «мы имеем дело с явлением, единственным в своем роде в истории Руси – с теократической в своей основе республикой» (Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 4).

² Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 231.

³ НПЛ. С. 219–231.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 31–38, 453–453.

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 99–100.

⁶ 1231 г. «поставлень быѥ Кириль еп̄сп̄мъ м̄сца апр̄їл̄ въ ̄ дн̄ в неѣлю ст̄хъ муриносиць» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457); 1183 г. «престависѧ еп̄сп̄ Польшьскїи именовъ Диѡнїсиї мы же оубо ѡ семь погл̄мъ преставившюсѧ Левноу Ростовскому еп̄сп̄у и поставлень быѥ Никола Гр̄ѣчинь» (ПСРЛ. Т. 2. С. 630).

⁷ «Прїиде отъ патріарха изо Царяграда Иванъ митрополит на Кїев и на всю Русь, и изыде во ср̄ѣтеніе его изъ града изъ Кїева съ епископы и со вс̄мъ священнымъ соборомъ, и со князи, и з боары и со вс̄м] народомъ князь великий Ростислав... и прїять бысть съ радостію и с честію» (ПСРЛ. Т. 9. С. 232).

⁸ 1166 г. «Наугородцкїй епископъ Іліа посла многи дары въ Кїев къ пресвященному Ивану митрополиту Кїевскому и всеа Руси... Того же л̄ѣта Новгородцкїй епископъ Ілья самъ иде въ Кїев къ митрополиту со игуменомъ Дїонїсіемъ и съ посадники, со многою честію;

кафедру¹. Архиеереи, близкие к княжеской власти (Анриан Белгородский, Федор Ростовский²) и поставленные из числа местного духовенства (новгородские владыки Аркадий, Илья (Иоанн), Григорий (Гаврила)³) достаивались большего внимания летописцев.

Прояснить социальное положение архиеереев в X–XIII вв. позволяют известия о местах погребения митрополитов и епископов⁴. Не считая сомнительного захоронения первого русского митрополита Михаила⁵, места погребения первых семи русских архиеереев нам неизвестны⁶. Впервые сведения о смерти митрополита помещены в летописи под 1089/1090 гг.: «Преставися Иоанъ митрополит Кіевскій и всея Руси; бысть же сей Иванъ мужъ хитръ книгам и ученію, милостивъ ко убогимъ и ко вдовицамъ, ласкавъ же къ богатымъ и убогимъ, и тихъ, и смиренъ, и кротокъ, и милостивъ, и мльчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя; и таковаго не бысть въ Руси преже, и по немъ не вѣмъ будетъ ли таковъ»⁷. За ним следует известие о смерти Иоанна Скопца, приведенного в Киев Анной Всеволодовной, «и отъ года до года пребывъ преставися; бѣ же сей мужъ не

митрополит же Иван Кіевскій и всеа Руси учествова его зѣло, и повелѣ ему архіепископомъ называтися, и сице отгуду начало приать епископ Новгородскій архіепископомъ владыкою Наугородскимъ наричатися благословеніемъ Ивана митрополита Кіевскаго и всеа Руси; и даде ему митрополитъ ризы и стихрарь со источники, и бысть радость многа въ Новѣгородѣ, и даша многи дары, злато, исребро, и жемчюгъ и отъ всякого шелкова, и отъ всякого мягкого, и отъ иныхъ многихъ дары», якоже и число превзыде, Ивану митрополиту Кіевскому и всеа Руси» (ПСРЛ. Т. 9. С. 233).

¹ 1231 г. «поставленъ быс Кирилъ еп̄спмъ ... по пас̄ с̄щен̄ же быс̄ преш̄ным̄ митрополитом̄ Кирилѣм̄ и с̄ вкр̄стными еп̄спы иже сӯт̄ сии иже и с̄тиша и с̄ митрополитом̄ Перфурии Черниговскыи еп̄сп̄ С̄лекса Полотьскыи еп̄сп̄ и ина в̄ еп̄спа Бѣлогородьскыи и Гюргевьскыи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457).

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667; Там же. Стб. 551–553.

³ НПЛ. С. 29, 216; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 526; НПЛ. С. 228–229.

⁴ См. подробнее: *Гайдено П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...» беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов в Киевской Руси. // *Гайдено П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы М., 2013. С. 63–67.

⁵ *Матченко И.* Спорные вопросы по истории крещения Руси (Ответ на статью г. Левитского в «Христианском чтении» 1890 г.) // *Странник.* 1891. Т. 2. С. 375.

⁶ *Гайдено П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...» беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов в Киевской Руси. С. 66.

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 115–116.

книжен, и умою простъ и просторѣкъ»¹. Несмотря на очевидную значимость событий, летописцы не указывали места погребения первоиерархов.

Сведения о положении киевского митрополита и почестях, оказанных ему после смерти содержит летописное известие под 1159 г. Покинувший Киев митрополит Константин² заповедал Черниговскому епископу Антонию, приютившему его, после смерти «повръзите псомъ на снѣдение и птицамъ на разхищеніе»³, что и было исполнено. Лишь на четвертый день «наутріе князь велики Святославъ Ольговичъ со Антоніемъ епископом своимъ Чръниговскимъ, и со князи, и з бояры и со множествомъ много народовъ собращеса, и шедше за град со страхомъ и трепетомъ, и съ великою честію взяша тело его, много благоуханіа испущающе, и внесше во градъ положиша его во святѣй церкви въ Спасѣ въ Черниговѣ»⁴. События имели прямое отношение к истории автокефального митрополита Климента Смолятича. Приверженностью своему избраннику объясняется «злоба» киевского князя Мстислава Изяславича в отношении присланного из Византии святителя Константина. Понятно и нежелание архиерея терпеть унижения, т.е. «въ молвѣ и въ смущеніи быти»⁵. В действиях черниговского князя Святослава Ольговича и епископа Антония, возможно, проявился тонкий расчет. Если после бегства митрополита Константина Мстислав Изяславич на киевской кафедре сумел бы восстановить Климента Смолятича, тогда Чернигов мог претендовать на возрождение митрополии, утраченной после распада триумvirата Ярославичей⁶. Не случайно местом захоронения митрополита Константина был избран кафедральный собор. А это значит что, не смотря на пережитые унижения Константин был удостоен чести и упокоен как подобает его духовному сану.

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 116.

² Там же. С. 214.

³ Там же. С. 215.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 214.

⁶ *Толочко П.П.* «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги» // RUTHENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи. К., 2010. Т. 9. С. 17–22.

В подавляющем большинстве случаев летописи лишь констатировали смерть иерархов. Под 1163 г. значилось: «преставися пресвященный Феодоръ митрополитъ Кіевскій и всеа Руси»¹. Подобным образом сообщалось о смерти сменившего его на киевской кафедре святителя Иоанна². Следующее сообщение об уходе из жизни первого лица в русской церковной иерархии появилось в летописях лишь через 54 года. В 1221 г. скончался митрополит Матфей³. А через три года преставися Кирилл, «родом бѣ Гричинъ, приведен бысть от Нѣкыискаго града»⁴. Только под 1281 г. сообщалось о том, что «митрополит всеа Руси» Кирилл умер в Переяславле, «везены бысть мощи его в Киевъ къ святѣи Софѣи»⁵.

Причины для столь продолжительного умалчивания русскими источниками сведений о времени смерти и месте погребения русских церковных иерархов П.И. Гайденко видел, во-первых, в «греческом» происхождении иерархов, которые оказывались в некоторой степени отчуждены от политической жизни Киевской Руси и сохраняли византийское подданство. Во-вторых, авторитет их в русской церковной среде был весьма невысок. В-третьих, в том, что сама церковь не имела высокого статуса во властной иерархии Руси, а ее организация не отличалась четкой внутренней структурой⁶. К тому же церковные иерархи могли и не уходить из жизни во время пребывания на киевской кафедре, а покидали место своего служения, как только заканчивались их полномочия⁷. А это значит, что высшее духовенство, прибывавшее к месту служения из Византии, не было интегрировано в социальную структуру древнерусского общества.

Иное отношение к архиереям из местного духовенства. Летописцы чаще фиксировали сведения о смерти епископов, местом их упокоения

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 231.

² Там же. С. 233. Упоминания о смерти следующих за Иоанном митрополитов Константина, Никифора, Гавриила, Дионисия в летописях отсутствуют.

³ ПСРЛ. Т. 10. С. 87.

⁴ НПЛ. С. 71, 282.

⁵ Там же. С. 324.

⁶ Гайденко П.И. «В се же лето преставися Иоан митрополит...». С. 67.

⁷ Там же.

становились кафедральные храмы или монастыри. Так, в Великом Новгороде архиереям отводилась особая роль в политической структуре вечевой республики¹. Известен полный список владык X–XIII вв. Однако сведений о захоронении первых епископов Иоакима Корсунянина, Луки Жидяты, Стефана, Германа не сохранилось. В связи с кончиной владык употреблялись традиционные летописные формулы: «преставися архиепископъ новгородчкый Федоръ»². Такая же формула применялась и в отношении владыки Никиты³. Первое свидетельство о месте погребения новгородского святителя помещено в летописи под 1156 г.: «Тои же весне прѣставися архиепископъ Нифонтъ... Мьню бо, яко не хотя богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утеху гроба его, отведе и Киеву тамо преставися; и положиша и въ Печерьскомъ монастыри. У святеи Богородици въ пещере»⁴. Воспитанник Печерского монастыря Нифонт был захоронен в стенах родной обители.

После Нифонта новгородские святители, как представители высшей церковной власти, удостоивались погребения в городском кафедральном соборе. Под 1163 г. появилась традиционная для последующих новгородских архиереев запись «преставися архиепископъ новгородчкый владыка Аркадии ... положиша его съ великою честью въ притворѣ святыя Софѣя»⁵. В качестве места захоронения архиереев был избран Софийский собор и все последующие сведения об их уходе из жизни были отмечены одинаково⁶.

¹ Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. 239 с.

² НПЛ. С. 18, 201.

³ Там же. С. 19, 203.

⁴ Там же. С. 29, 216.

⁵ Там же. С. 30, 218.; ПСРЛ. Т. 9. С. 232.

⁶ 1186 г. «преставися архиепископъ новгородчкый владыка Илья месяца сѣптября въ 7, и положен бысть честно в притворѣ святыя Софѣя» (НПЛ. С. 37, 228); 1193 г. «Преставися архиепископ новгородчкый Гаврила мая въ 24... положень бысть честно в притворѣ святыя Софѣя посторонѣ брата и нареченаго въ черничьствѣ Григорей» (Там же. С. 39-40, 231); 1223 г. «Преставися архиепископъ новгородчкый Митрофанъ, месяца июля въ 3, на память святого мученика Аукинфа, понедельнику освещающо и положен бысть в святѣи Софѣи въ притворѣ» (Там же. С. 61, 263); 1232 г. «преставися архиепископъ новгородчкый Антоний... мощи же его положены быша честно у святыя Софѣя въ притворѣ» (Там же. С. 71-72, 281–282; ПСРЛ. Т. 10. С. 103).

Сохранившиеся подробности о смерти и погребении епископов в других русских княжествах гораздо менее информативны. В традиционной форме под 1094 г. сообщалось, что «преставися епискупъ Володимерскый Стефан, мѣсяца апрѣля в 27 день, въ час 6 нощи»¹. Под 1122 г. читаем: «Данило епѣпъ Гурьговскый оумре и Анфилофий епѣпъ Володимерскый оумре»², под 1142 г. – «престависѣ Черниговскый епѣпъ блжѣныи Пантелѣмонъ»³. Никоновская летопись (1215 г.) извещала о погребении в Ростове епископа Пахомия: «князь велики же Константинъ Всеволодичъ съ Симономъ, епископомъ Суздальскимъ и Володимерскимъ, и со всѣмъ священнымъ соборомъ положиша мощи его честно въ церкви пречистыа Богородици въ Ростовѣ»⁴, т.е. епископа похоронили в кафедральном храме, при стечении народа и почитании со стороны князей. Кроме единичного случая погребения владыки Нифонта, летописи умалчивали о захоронениях владык в стенах монастырей. Скорее всего, это отражало Студийскую практику, запрещавшую погребения на территории обители. Правда, найденный на территории бывшего погоста Борисоглебского монастыря в Турове саркофаг дал основание специалистам предполагать, что местные архиереи могли находить последнее упокоение именно на иноческом кладбище⁵. Уникальным было захоронение белгородского епископа Максима, над белокаменным саркофагом и кельей которого была воздвигнута малая церковь⁶, в знак уважения к архиерею при жизни и его

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 123.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287.

³ Там же. С. 310.

⁴ ПСРЛ. Т. 10 С. 69.

⁵ *Лысенко П.Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 40. Однако эта традиция нашла свое отражение в церковной историографии. В работе Мануила (Лемешевского) говорится о захоронении в Ближних (Антониевых) пещерах Киево-Печерского монастыря Лаврентия Туровского (*Мануил (Лемешевский)*. Указ. соч. Т. 2. С. 232). Этот же автор, ссылаясь на «некоторые позднейшие сведения», «свидетельствует» об обретении в Печерской обители мощей Феоктиста Черниговского (Там же. Т. 3. С. 144), в храме Благовещения Пресвятой Богородицы Спасо-Авраамиева монастыря – Игнатия Смоленского (Там же. Т. 1. С. 487), но подтверждений данным известиям церковный исследователь традиционно не приводил.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667.

почитании после смерти. В большинстве случаев не сохранилось сведений о месте погребения архипастырей. Редкие упоминания о стечении народа и присутствии княжеской власти при отпевании святителей позволяют говорить о высоком социальном статусе почивших архиереев. Почитание владык было характерно для Великого Новгорода, в других княжествах его удостаивались не многие святители.

Таким образом, место архиереев в социально-политической структуре Руси X–XIII в. зависело от взаимоотношений с княжеской властью и боярами. На начальном этапе христианизации роль епископата в социальной и духовной жизни незначительна, степень влияния на политические процессы крайне мала. С середины XII в., когда кафедры стали замещаться представителями местного духовенства, значение епископата в социально-политической жизни значительно возросло. С этого времени высшее духовенство становится частью правящей элиты русского общества.

Выводы по 2 главе

Предпосылки для становления церковной организации на Руси возникли задолго до принятия официального крещения. Значительное влияние на выбор религии русскими князьями оказали Византия, Западная Европа, Болгария. Через контакты с христианскими государствами и населением происходило знакомство с основами религиозного учения и обрядами. В условиях исторического выбора между восточной и западной религиозными традициями, князь Владимир Святославич склонился в пользу союза с Византией. Он был обусловлен традиционными политическими, экономическими связями Руси с Константинополем. Принятие христианства княжеско-боярской элитой русского общества не означало что данное вероучение было воспринято широкими слоями населения. Однако к концу 80-х гг. X в. в древнерусском обществе сложились внутренние предпосылки к принятию и распространению христианской религии, а княжеской властью были созданы экономические и административные условия формирования церковной организации. Становление территориального управления

происходило с учетом особенностей политического развития русских княжеств и характеризовалось неустойчивостью епископальной структуры.

Социально-политический статус русского епископата в X–XIII вв. зависел от сложившихся взаимоотношений с княжеской властью и личного авторитета архиереев. Согласно каноническим традициям высшая церковная иерархия Руси включала в себя такие ступени священства как митрополиты, архиепископы, епископы. Во главе древнерусской церковной организации стояли митрополиты, их появление в Киеве следует датировать временем не ранее 30-х гг. XI в. Титула архиепископа были удостоены лишь новгородские владыки. Епископы возглавляли церковные округа.

В источниках степень полноты реализации архиерейских полномочий на Руси выражалась терминами «епискупить», «управлять». Репрезентация архиерейской власти нашла отражение в виде печатей, булл, верительных грамот. В X–XIII вв. подбор кандидатов на архиерейские должности осуществлялся князьями, боярской элитой, киевскими митрополитами. Принятие сана епископами предполагало, как церковную, так и светскую (княжескую) инвеституру. Со второй половины XII в. установилась традиция поставления епископов из местного духовенства. Численность русских кафедр была непостоянной, часть из них оставалась вакантными, известны прецеденты осуждения и изгнания святителей. На протяжении X–XIII вв. происходил процесс постепенного укрепления политического, социального положения епископата.

Глава 3 Управление епископскими округами в X–XIII вв.

3.1 Русские епископы и мирское духовенство

В системе управления древнерусскими епископскими округами особое место занимали отношения правящих архиереев с расположенными на территории их епископий немонастырскими храмами, духовенством, их патронами и ктиторами. В более широком смысле – это система связей с церковными общинами, которые традиционно, хотя и не вполне правомерно по отношению к каноническим реалиям X–XIII вв., называют приходами¹. Возникновение подобных храмов и общин являлось одним из важнейших показателей формирования самой древнерусской церковной организации и её институтов. В ряде исследований это описывалось едва ли не как одномоментный процесс, синхронный с учреждением киевской митрополичей кафедры и ряда епископий².

До крещения Руси в Киеве, а, возможно, и в других городах существовали христианские церкви, каноническая связь которых с какими-либо епископскими кафедрами и монастырями проследить достаточно сложно³. В условиях отсутствия на Руси архиерейской власти первые христианские храмы могли вообще не иметь постоянного клира⁴ либо находились под патронатом константинопольского патриархата, крымских или балканских епископий и иных, в том числе западноевропейских миссий⁵.

¹ *Стефанович П.С.* Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Вестник церковной истории. 2007. № 1. С. 117–133.

² *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 332–394; *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 42–60; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси. С. 33–75; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 172–206.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 36–43; НПЛ. С. 107.

⁴ Церковный устав допускает совершение целого ряда служб мирянами и без участия священнослужителей: «последования вечерни, повечерия, полунощницы, утрени, часы с изобразительными, начинающиеся не иерейским возгласом «Благословен Бог наш», а словами «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас» (*Булгаков С.В.* Настольная книга священнослужителя // URL: http://azbyka.ru/tserkov/bogosluzheniya/liturgika/nastolnaya_kniga_svyaschennosluzhitelya_10-all.shtml (дата обращения 21.11.2013).

⁵ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 1–19, 63–96; *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. С. 260–297.

На Руси в соответствии с каноническими нормами могла сформироваться особая форма организации руководства христианской общиной, главой которой являлся не священнослужитель, а избранное из мирян лицо, которое выполняло ограниченные богослужебные обязанности. Это согласуется с характерными для древнерусского общества формами патроната, в том числе в отношении храмовой собственности¹. Данная традиция нашла отражение в Великом Новгороде, где с XII в. существовали уличанские и корпоративные церкви, а также патрональная церковь Ивана на Опоках купцов вощников². О статусе мирского духовенства свидетельствует содержание Устава князя Всеволода, который обсуждал «с владыкою и с своею княгынею, и с своими боляры, и с десятию сочьскими и с старостами: дал есм суд и мерилу»³, попы данной чести не были удостоены. Следовательно, приходской клир не обладал достаточным влиянием при решении церковно-политических вопросов.

К числу первых сведений о духовенстве на Руси относится известие о священнике княгини Ольги, который упоминался в ее окружении во время пребывания при дворе Константина Багрянородного⁴. Некое духовное лицо присутствовало при похоронах княгини (969 г.)⁵. На основе документальных свидетельствах полный сан и каноническую юрисдикцию (подчинённость конкретной кафедре) этих священников определить сложно. Возможно, находившийся в Византии с Ольгой священнослужитель Григорий и присутствовавший на похоронах священник – это одно и то же лицо, которое должно было представлять восточное, византийское христианство.

¹ Флоря Б.Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007. С. 9–53; Гайденко П.И. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? С. 85–89.

² Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках. С. 158–165.

³ Устав Великого князя Всеволода о церковных судах и о людех, и о мерилех торговых. С. 153–158.

⁴ Константина, христолюбивого во Христе самом вечном царе василевса, сына мудрейшего и приснопамятного василевса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение. С. 146.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 56–57. Важно отметить, что в последующие исторические периоды при русских князьях–христианах присутствие священников не фиксируется.

Следующее упоминание о мирском духовенстве сохранилось в рассказе о прибытии на Русь греческой царевны Анны, супруги князя Владимира Святославича¹. Количество и церковный статус сопровождавших невесту русского князя священников не указывались в русских и иных источниках. Так, Йахйя Антиохийский, сообщал, что византийский царь Василий послал на Русь митрополитов и епископов, окрестивших князя Владимира и «всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов»². Скорее всего, «попы царицыны» были личными духовниками избранницы Владимира, либо вошли в состав ее свиты с миссионерскими целями. Прямые связи данных духовных лиц с зарождающейся церковной иерархией Руси не прослеживаются, тем более что согласно источникам, в ходе проведения реформы князь Владимир опирался не на константинопольских, а на корсунских попов.

В «Повести временных лет» сообщалось, что Владимир «постави црѣвь сѣаго Василья ...; и нача ставити по градомъ црѣкви и попы»³. Следовательно, инициатива поставления клира принадлежала не епископату, о котором даже не упоминалось, а княжеской власти, «приставившей» священников служить в нововыстроенных церквях. После официального принятия Русью крещения строительство церквей началось в крупных политических центрах Руси: Киеве⁴, Белгороде⁵, Переяславле⁶, Новгороде⁷, Смоленске⁸. Храмы нередко возводились по местам поклонения местного населения языческим богам усилиями князей – Владимира Святославича⁹ и

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 82.

² *Йахйя Антиохийский*. История. С. 105.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 119.

⁴ Там же. Стб. 122.

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 66.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ НПЛ. С. 16, 181.

⁸ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 236.

⁹ Князь Владимир «повелѣ рубити црѣкви и поставлати по мѣстомъ, идеже стоѣху кумири» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 119).

других Рюриковичей. Вне княжеского строительства оказались только Новгород, где церковь в честь св. Иоакима и Анны была заложена епископом Иоакимом Корсунянином и Ростов, где, согласно церковному преданию, епископом Федором был выстроен дубовый храм Пресвятой Богородицы¹. Это отражало особенности христианизации Руси.

Пришедшее на Русь духовенство, вероятно, не сумело интегрироваться в среде славянского населения. Миссионерской деятельности мог мешать языковой барьер, незнание местной культуры, обычаев, сопротивление автохтонного населения насильственной христианизации, недостаток средств на строительство церквей и обустройство места служения. Преимущество христианских ритуальных центров от языческих капищ указывала на отсутствие регулярной церковной жизни и сформированной иерархической структуры церкви.

Присутствие духовных лиц, не связанных с конкретными церквями и их общинами, при княжеских дружинах свидетельствует о разрозненности церковной структуры. Так, под 1071 г. помещено известие о попе, сопровождавшем в походе отряд Яна Вышатича², который мог быть духовником князя и его крещеных дружинников. Поп Иванка Леген принимал участие в сборе дани на Югре совместно с новгородским воеводой Ядреем (1194 г.)³. В известии 1097 г. об ослеплении князя Василько указывалось, что за ним ухаживал неизвестный священник со своей попадьей⁴. В ходе усобицы новгородский князь Мстислав в 1216 г. отправил для переговоров к своему противнику Ярославу в Торжок «попа Юрья святого Иоана на Торговищи»⁵. Значительная часть городских храмов возводилась по инициативе Рюриковичей. В 1103 г. «заложил Мстислав

¹ Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 3. С. 93.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 175–181.

³ НПЛ. С. 40–41.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 261.

⁵ НПЛ. С. 54, 254; В ходе усобицы новгородского князя Мстислава со своим зятем Ярославом, среди потерь Новгорода указывается смерть в загоне «Иванка поповица, терьскаго даньника» (НПЛ. С. 57, 257).

Володимирович Новгородский Мономах церковь каменную Благовещение пресвятыя Богородицы, в Великом Новгороде, на Городищи»¹, затем в 1113 г. он заложил каменную церковь святого Николая на княжеском дворе². Великий князь Всеволод Мстиславич в 1127 г. заложил каменную церковь Иоанна Предтечи, на Опоках, на Петрятине дворе³. Князь Святослав поставил церковь святого Николы на Городище (1165 г)⁴. Под 1197 г. летописец сообщал: «сзда великыи бѣлюбивыи кнѣзь Рюрикъ црѣвь стго Васильѣ во има свое в Кыевѣ»⁵. В 1215 г. «кнѣз Костантинъ заложи црѣвь камену на Ярославли на дворѣ своемъ въ има стѣѣ Бѣа Оуспенѣѣ»⁶.

Таким образом, именно княжеская власть формировала из пришлого священства клир соборных храмов, поставляла мирское духовенство, что не исключало последующего проведения архиереями обряда рукоположения. Участие епископата в церковном строительстве на ранней стадии христианизации общества было незначительным. Так, Иоаким Корсунянин осуществлял церковное строительство выполняя волю князя и без его поддержки не был способен даже войти в свой кафедральный город. Правомерно предположить, что при нехватке священнических кадров часть церквей могла не иметь постоянного клира, а приближенные к княжеско-боярской среде священники не находились в каноническом подчинении епископа.

Довольно рано на Руси появились домашние церкви. Впервые они упоминались в «Ответах Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа», составленных, по всей видимости, в 1060–начале 1070-х гг.⁷. Также в Новгороде на территории усадьбы Неревского раскопа были

¹ ПСРЛ. Т. 13 С. 173.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 188.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 48.

⁷ «Аще у кого церковица будет в дому, достоин в ней литургисати, а не крестити детеи, ноли в зборной церкви» (Турилов А.А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание». С. 244).

обнаружены остатки деревянной домово́й церкви, просуществовавшей с конца X до середины XIII в¹. В житии Алимпия иконописца, помещенном в Киево-Печерский Патерике, сохранилось еще два известия конца XI – начала XII в. о состоятельных киевлянах, заказавших мастеру иконы для домовых церквей. В первом случае заказчик с большой дружиной за иконой прибыл лично, а во втором – доверенное лицо заказывало образ для нужд «господина» и его «домашних»². Следовательно, древнерусским духовенством осознавались различия между домашней церковью, где разрешено совершать литургию, и приходской, соборной – предназначенной для полноценного богослужения.

Археологические данные свидетельствуют о деятельности попов и монашествующих на территории городских боярских усадеб³. В своем распоряжении знать могла иметь личных попов, либо приглашать священников в домовые церкви для проведения конкретных служб. Это могло быть как мирское, так и монашеское духовенство. Согласно тексту «Вопрошания Кирикова», духовенство всячески приветствовало приглашение к мирянам в дом для служения, поскольку требы становились существенным источником дополнительного дохода клириков, например, церковные поминания, крещение, отпевание и др⁴. С XII в. эти вопросы стали регламентироваться епископатом, а оплата организации службы возлагалась на самого священника⁵.

¹ *Концевий В.Я., Самойлов К.Г.* О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода // НИС. СПб., 1999. Вып. 7. (17). С. 3–17; *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 87.

² Киево-Печерский Патерик. С. 234–247.

³ *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. С. 92–99.

⁴ Вопрошание Кирикова. С. 413–429.

⁵ По мнению А.А. Турилова, значительная часть материалов Вопрошания (не умаляя значимости новгородской специфики в источнике) совпадала с ответами митрополита Георгия (1061/62–1075 гг), данными столетие ранее. (*Турилов А.А.* Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание». С. 211–262) Возможно, они не были известны владыке и высшему новгородскому духовенству, либо Нифонт, славившийся своей книжностью, стремился к установлению канонических норм собственной властью в пределах своей епископии.

Для X – XIII вв. крайне сложно выявить сведения о сельском духовенстве и его взаимоотношениях с архиерейской властью. На Руси наиболее архаичной формой низшего церковного округа в сельской местности следует считать погост, который прошел в своем развитии несколько этапов. В X в. после реформы княгини Ольги – это места сбора дани¹. Позднее погосты превратились в центр административного округа. Погостом называли и сам округ, и его центральное поселение². Именно погосты стали местом, где ставились церкви, строились дома священников и церковнослужителей. Самые ранние описания погостов относятся к XIV в.³. Но именно на некрополях у погостов фиксируются ранние признаки христианизации населения⁴. Из этого следует, что именно погосты были опорными пунктами не только княжеской административной власти, но и церковной. Термин «приход» регулярно встречался в источниках лишь начиная с середины XVI в.⁵. Однако, это не означало, что организованной общинной жизни при церквях до этого времени не существовало. В селе, деревне, городе, где стояла церковь, у ее священника были духовные дети, т.е. лица, регулярно приходившие на службу и исповедь. Следовательно, по своей сути такие церкви являлись приходскими, даже если в источниках они таковыми не назывались. Это отразили канонические ответы митрополита Георгия, а позднее ответы Кирику владыки Нифонта, в которых рассматривались проблемы перехода христианина от одного духовного отца

¹ *Баловнев Д.А.* Приходское духовенство XV–начала XVI века по новгородским писцовым книгам (численность и особенности состава) // ОИ. 2004. № 4. С. 131–139.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Кузьмин С.Л.* Которский погост – локальный центр конца I – начала II тысячелетия н.э. в верховьях Плюссы // Материалы археологии Новгородской земли. М., 1991. С. 161–167; *Соболев В.Ю.* Погребальный обряд древнерусского погоста // Церковная археология. СПб., 1998. Вып. 4. С. 286–292; *Макаров Н.А.* К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. // Краткие сообщения института археологии. М., 1991. № 205. С. 11–20.

⁵ *Баловнев Д.А.* Приходское духовенство XV–начала XVI века по новгородским писцовым книгам. С. 131–139; *Стефанович П.С.* Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси. С. 117–133.

к другому¹. К концу XI – XII вв. сформировались устойчивые связи между членами приходов и священством церквей, прежде всего, корпоративных, уличанских, сельских и др. Епископат пытался регулировать порядок возникавших внутрицерковных отношений. Правда, инициатива создания «вопрошаний» исходила от монашествующего священства, а именно, игумена Германа, доместика Кирика и иных лиц, выступавших, очевидно, в роли духовников мирского духовенства.

С XII столетия началось строительство церквей по инициативе правящих епископов. Так архиепископ новгородский Илья заложил каменную церковь Благовещения Богородицы². Владыка Мартирий поставил церкви святого Никифора на Острове³ и святой Богородицы на воротах⁴. Также епископат стремится к украшению церквей подвластного им округа: «подписа чтое притворе вся во святѣи Софии в Новѣгорици архиепископомъ Нифонтомъ»⁵. Для конца XII–XIII вв. характерно существование церквей с клиром, находящихся в каноническом подчинении епископа. К их числу относились кафедральные (соборные) храмы⁶, объединявшие мирское (городское и сельское) духовенство епископии и всю городскую христианскую общину. Деятельность соборного клира практически не прослеживается по источникам. Канонически всё мирское духовенство должно было подчиняться правящему епископу, но ктиторами кафедральных и части городских храмов выступали удельные князья, что ограничивало

¹ «А если [какой] человек захочет [уйти] от одного [духовного] отца к другому, [в том числе и к тебе], то скажи ему: «Отпросись [сначала] у прежнего». Если же не захочет [покаяльный сын] гневить отца своего [духовного], тайно прими его. Только скажи: «Бери у него (т.е. прежнего духовного отца) молитву и дарок ему подноси как и до этого, а у меня кайся и наставляйся скрытно и слушайся [только] меня. А то, что ты раньше был у того прежнего, - нет пользы» (Вопрошание Кириково. С. 429; Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа. С. 236)

² НПЛ. С. 36, 225.

³ Там же. С. 43, 237.

⁴ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 47.

⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 188.

⁶ 1101 г. «Володимеръ заложи цркъвь оу Смоленскѣ стоѣ Бѣѣ каману епискупью» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 251); 1221 г. «Заложи князь Юрьи в Суздаल्ъ церковь каману святую Богородицу сборную» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 49).

права архиереев на управление клиром. Не случайно в источниках упоминаются соборные церкви¹, введение в кафедральный собор епископа², украшение храмов³, захоронение в них представителей княжеской династии⁴ без указания на взаимодействие с клиром этих церквей. В то же время деятельность духовенства кафедральных храмов была тесно сопряжена с хозяйственными и юридическими обязанностями. Примером может служить граффити № 25 киевского Софийского собора о покупке земли для Кириллова монастыря⁵, где указаны имена присутствующих «попов», представители высшего духовенства в сделке участия не принимали.

О строительстве городских церквей летописи сообщали – «заложиша», «поставлена», «священа». В Великом Новгороде существовали уличанские⁶, корпоративные церкви⁷ и церкви, построенные на средства частных лиц⁸. Причины вовлечения различных слоев новгородского общества в церковное

¹ 1231 г. «пресвѣтлыи клиросъ зборныѣ цркви» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 458).

² 1231 г. «Выведоша же сѣднаго еписпа Кирила в стую зборную цркви стѣѣ Бѣа» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 458).

³ 1230 г. «почата быс писат цркви стѣѣ Бѣа в Сужали потщаньем сѣднго еписпа Митрофана» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456); 1237 г. «Блговѣрныи еписп Митрофан постави кивоть в стѣѣ Бѣѣ зборнѣѣ над трапезою и оукраси ѣго златомъ и сребром» (Там же. Стб. 461).

⁴ 1172 г. «престависѣ князь Стославъ Ростиславичъ на Волоцѣ бѣ бо тогда воюѣ Новгородскую волость и спратавше тѣло его везоша Смоленску и положиша тѣло его с честию оу стѣѣ Бѣѣ въ епискупѣ сѣѣ же блговѣрныи кнзъ Ростиславичъ Стославъ». (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 551); 1197 г. «Престависѣ блговѣрныи князь Смоленский Двдъ снъ Ростиславль... еписпъ же Смоленский Семевнъ и вси игоумени и поповѣ и снвцъ Мьстиславъ Романовичъ и вси бояре проводиша и» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 703); 1198 г. «престависѣ Черниговский князь Ярославъ Всеволодичъ еписпъ же игоумени и снвци его спратавше тело его чѣтно и положиша во цркви стго Спса во еписпи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 708); 1219 г. «престависѣ княгини Костянтинова Огафѣя въ черницах, и положиша ю въ церкви святѣѣ Богородица соборной въ Ростовѣ» (ПСРЛ. Т. 10. С. 86).

⁵ *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976. С. 69–73; *Гайденко П.И.* Еще раз о 25 граффити Софии Киевской: было ли это граффити древнейшим русским актом? и зачем его оставили на стене храма? // *Гайденко П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013 С. 104–110.

⁶ 1185 г. «заложиша Лукинци церковь камену святыхъ апостоль Петра и Павла, а Милониг заложи святое Вознесеніе камено на Пруской улици» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 46).

⁷ 1156 г. «Заложиша церковь каменную, в Великом Новѣграде, в Торгу, заморские купцы, святѣѣ Пятницы» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 44; НПЛ. С. 30, 217).

⁸ 1167 г. «заложи Сотко Сытиничъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба надъ Волховомъ поконецъ Пискупли улици» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 45); 1199 г. «сверши Прокша церковь Святыхъ Мученикъ 40» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 47); 1211 г. «сवेशиша церковь камену Вячеславъ Прокшиницъ, внукъ Малышевъ, святых 40 мученикъ» (НПЛ. С. 52, 249–250).

строительство были связаны с тем, что церковь рассматривалась как духовный центр корпорации, улицы, рода¹. Размеры и убранство городских церквей отражали степень состоятельности ктиторов. В условиях деревянного города каменные храмы в случае пожара могли служить местом хранения общинной или личной собственности, выполнять функции складских помещений². Взаимоотношения между ктиторами, духовенством городских церквей и новгородскими епископами происходило, главным образом, при освящении храмов³ и поставлении священников⁴. Сообщалось о том, что «епископ и купце и слы новгородская» выступали единой политической силой, которая, например, отстаивала интересы князя Святополка в борьбе за новгородское княжение⁵.

В сюжете о женитьбе новгородского князя Святослава Ольговича (1135 г), когда владыка Нифонт запретил венчать неравный брак, сообщалось, что таинство было исполнено княжескими попами, что позволяет сделать вывод о существовании духовенства, неподвластного епископу⁶. К независимой от духовных властей категории священнослужителей возможно отнести духовенство немецкой ропаты (неправославного храма) в Великом Новгороде, ради строительства которой перенесли деревянную церковь Иоанна Предтечи «на иное мѣсто»⁷. Сюда же

¹ Частное строительство, безусловно, присутствовало и в других русских землях, но, вероятно, размах был гораздо меньше чем в Новгороде, да и летописные источники сохранили лишь отдельные известия, например, 1239 г. «Сщна быс цркы Бориса и Глѣба в Кидекшии великим сщньем на праз Бориса и Глѣба сщнымъ епѣпом Кириломъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470).

² Так в ходе пожара в Новгороде под 1217 г. сообщалось «хто бяше вбѣглъ в каменя церкви с товары, и ту изгорѣша сами и товаръ; а в Варяжской божницѣ изгорѣ товаръ весь варяжской бецисла» (НПЛ. С. 57, 258).

³ В 1194 г. церковь святого Филиппа на Нутной улице, построенную Родславом Даниловичем, освящал архиепископ Мартирий (ПСРЛ. Т. 13. С. 184).

⁴ Под 1144 г. безымянный священник на страницах летописи сообщал: «постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» (НПЛ. С. 27).

⁵ НПЛ. С. 26.

⁶ НПЛ. С. 24. В Новгородской первой летописи под 1144 г. помещено сообщение: «утопоста 2 попа и не да епископ над ними пѣти» (Там же. С. 27, 213). Возможно, причина заключалась в том, что священники находились вне юрисдикции новгородского владыки.

⁷ 1184 г. «и в лето 6700 пренесли церковь древяну свягаго Иоанна Предтечи на иное место, а на том месте поставиша Немецкую ропату» (НЛ. С. 194).

примыкает известие 1207 г. о «свершении» церкви Параскевы Пятницы «заморскими купцами» на Ярославовом дворище в Новгороде¹. В ходе пожара в Новгороде под 1217 г. упоминалась Варяжская божница². Появление «заморских» церквей и священнослужителей неподвластных местному епископату закономерно для торгового города. С XII в. церковное строительство стало распространяться на сельскую местность. Прежде всего, церкви возводились на территории княжеских сёл-замков, таких как резиденция смоленских князей³ или село Боголюбово князя Андрея Юрьевича (1158 г)⁴. Сохранилось известие о церкви в боярском селении. Вкладная преподобного Варлаама Хутынского (в миру боярин Алекса Михайлович) в основанный им Спасский монастырь (1192–1210 гг) свидетельствует, что в селе «на Слудици за Робию», пожалованном Варлаамом «святому Спасу», стоит церковь «и божница в нем святого Георгия»⁵.

В XII–XIII вв. формой организации сельского прихода можно считать округ, в котором, вероятно, была церковь или часовня⁶. Общее количество не только сельских, но и городских церквей было весьма незначительным. По подсчетам В.В. Седова, в первой половине XII в. насчитывалось 19 каменных церквей, а к концу столетия их количество возросло до 37. К этому моменту на Руси насчитывалось около 12 епископий⁷. Таким образом, для совершения

¹ НПЛ. С. 50, 247; ПСРЛ. Т. 13. С. 187.

² НПЛ. С. 57, 258.

³ Подобно тому, как у Юрия Долгорукого был Красный двор в городе Киеве и «другой за Днепром», у смоленского князя был двор в самом Смоленске (позднее перенесенный на Смядынь) и двор за Днепром у ц. Петра и Павла. В каждом дворе была своя церковь, которая сообщалась обычно с дворцом (ц. Петра и Павла соединялась хорами со вторым этажом дворца) (Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. С. 125–132).

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349.

⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 458; Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 206–211.

⁶ Баловнев Д.А. Приходское духовенство XV–начала XVI века по новгородским писцовым книгам. С. 131–139; Стефанович П.С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси. С. 117–133.

⁷ Седов В.В. Распространение христианства в Древней Руси // Краткие сообщения института археологии. М., 1993. № 208. С. 7.

служб священнослужители вынуждены были переезжать с места на место, посещая своих духовных детей и совершая богослужения, вероятно, в том числе за пределами церквей и часовен. Возможно, это было своего рода полюдье, связанное, например, со сбором священником десятины со своего округа¹. Эту практику описывало «Вопрошание Кирика»: служение на одной просфоре или просфоре упавшей на землю, женский платок вшитый в ризу попа, дилемма «спать или Бога молить?»². Особенности несения службы и сложности, с которыми сталкивались сельские священники, не были известны владыке Нифонту, о них ему сообщали Кирик и Савва. Следовательно, епископат был весьма далёк от понимания реальных условий жизни и нужд сельского духовенства.

Таким образом, на начальном этапе христианизации Руси при княжеских дворах и дружинах находилось мирское духовенство не подвластное епископату. Позднее в построенных князьями кафедральных храмах появилась категория «клирошан», власть епископов над которыми ограничивалась ктиторами или патронами. С XII в. наблюдалось существенное увеличение числа духовенства в городах, возросло влияние архиереев на дела приходских храмов и мирское духовенство. Сельское духовенство до конца XIII в. крайне немногочисленно. Деятельность городских и сельских священников регламентировалась епископами посредством «вопрошаний».

¹ Стефанович П.С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси. С. 117–133.

² Вопрошание Кириково. С. 424, 425.

3.2 Архиерейская власть и монастыри

В системе взаимоотношений политической власти и высшей духовной иерархии значительную роль играли монастыри, которые формально обладали канонической автономией, но в условиях противостояния князей и епископата стремились заручиться их поддержкой. В тоже время положение монастырей в структуре управления епископскими округами, степень их подчинения кафедре, влияние епископата на жизнь монастырской общины характеризовали взаимоотношения архиереев с монашествующими. В Древней Руси Е.Е. Голубинский выделял два вида монастырей – «собственные» и «несобственные» (монашеские слободки при приходских церквях)¹. Предложенная исследователем классификация нашла поддержку в трудах современных историков (А.Е. Мусин, П.С. Стефанович²). Однако А.Е. Мусин на примере анализа новгородского Варварина монастыря, находившегося под патронатом боярского рода Мирошкиничей и имеющих «боярскую патронимию» Духова и Иоанно-Предтеченского монастырей обосновал возможность существования «своеобразных частных идиоритмических монастырей», с особножительным расположением, где монахи своегокоштного монастыря жили не общиной (киновией), а самостоятельно на городских усадьбах, в непосредственной близости от усадеб патронов³.

Взаимоотношения епископов с монастырями зависели от положения и статуса ктитора или патрона обители (лица, выделившего средства на строительство монастыря и поддерживавшего его материально). В X–XIII вв. существовали обители, основанные подвижниками-отшельниками, лицами,

¹ «Несколько человек, желавших монашествовать, соединялись в одно общество, ставили в одном месте где-нибудь кельи себе, – каждый сам для себя, и эта монашеская слободка или этот монашеский скиток без всего дальнейшего и представлял из себя или составлял собою монастырь» (*Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 552*).

² *Стефанович П.С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси. С. 117–133.*

³ *Мусин А.Е. Социальные аспекты истории древнерусской церкви по данным новгородских берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003. С. 117–118.*

пришедшими из «мира» (как правило, из состоятельных слоев населения – князья и бояре), особую группу образовывали монастыри, основанные архиереями. Численность монастырей в различные периоды развития киевского государства определить сложно¹. Е.Е. Голубинский предполагал, что не менее 30 монастырей того времени были построены князьями, 10 – основаны подвижниками, еще для 30 обителей прояснить данный вопрос не представляется возможным².

Первое упоминание о монахах и монастырях на Руси относилось ко времени правления Ярослава Мудрого³. Под 1037 г. «Повесть временных лет» сообщала об основании князем двух обителей «...сѣго Гевргиѣ манастирь и сѣиѣ Сѡрины»⁴. Примечательно, что названные обители основывались в честь святых покровителей Ярослава, в крещении получившего имя Георгий, и его жены Ингигерды (Ирины). По сведениям летописца, именно с этого времени «чернорисцы поча множитисѣ, и манастиреве почаху быти»⁵.

Процесс монастырского строительства шел достаточно интенсивно. В 1062 г. киевский князь Изяслав Ярославич основал Михайловский монастырь⁶. Чуть позднее, под 1070 г., сообщалось о строительстве каменной церкви в Михайловском Выдубицком монастыре князем Всеволодом⁷. Очевидно инициатива создания первых известных нам монастырей принадлежала княжеской власти, а учитывая особенности начального этапа христианизации Руси они могли быть общинами, не имеющими монашеского

¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 565–568; Смолич И.К. Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999. С. 24–25.

² Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 566.

³ Исключение составляли известия Летописи Авраамки, где под 6506 г. помещена запись: «В Новѣгородѣ владыка Акимъ уряди себѣ монастырь Десятинный» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 39.). Подтверждения в других источниках данный факт не находит.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 140.

⁵ Там же.

⁶ Щанов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси в X–XIII вв. С. 134.

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 97.

устава и состоящими из братии, не принимавшей пострига в соответствии с каноническими нормами¹.

Традиция основания монастырей князьями прослеживается во всех русских землях, отдельные обители сохраняли устойчивые связи с потомками ктиторов. Церковь «святого Георгия въ монастыре» стала местом иноческого служения и захоронения (1063 г) Судислава «сына великого Владимира»². В Ирининском монастыре в 1146 г., согласно Ипатьевской летописи, потомок князя Ярослава Святослав Ольгович укрывался от гнева восставших киевлян³. Федоровская обитель стала местом захоронения убитого в 1147 г. князя Игоря Ольговича: «бѣ бо манастырь ѿца его и дѣда еѣ Стослава»⁴. В 1198 г. «пострижеса во святыи аггескѣи иноческѣи чинѣ князь велики Смоленскѣи Давид Ростиславичѣ»⁵. В 1205 г. преставилась и была захоронена «кнагыни Всеволожа, именем Мриѣ», принявшая постриг в «манастыри своѣмъ»⁶. В 1218 г. «въ черницахъ» «преставися княгини Костянтинова Огафия»⁷. В качестве родовой усыпальницы использовался Спасо-Преображенский монастырь, основанный около 1216 г. ярославским князем Всеволодом Константиновичем⁸. Таким образом, для представителей княжеской династии Рюриковичей основание монастыря было не только актом благочестия, но и способом репрезентации собственной власти. Основание обители и установление над ней патроната позволяло князьям-ктиторам демонстрировать политические амбиции и получать поддержку своих начинаний со стороны представителей духовенства.

¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 2. С. 552–558.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 92.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 328.

⁴ Там же. С. 355.

⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 31.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425.

⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 86.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445. В 1229 году здесь похоронен ярославский князь Феодор Ростиславович Черный (ПСРЛ. Т. 10. С. 172). В 1345 г. здесь же похоронен его внук Василий Давидович (Там же. С. 216–217).

Новгородскими князьями были основаны Юрьев (1119 г)¹ и Пантелеймонов (1134 г)² монастыри. Последними обителями Новгорода, основателями которых являлись князья, были Нередицкий и Михалицкий монастыри. Ктитором первого был князь Ярослав Владимирович, а второго, посвященного Рождеству Пресвятой Богородицы, – его жена Елена. Игуменьей для своей обители она выбрала вдову новгородского посадника Завида Неверонича (Неревинича)³.

Создание новгородских княжеских обителей, учитывая их географическое положение, помимо благочестивых мотивов, могло иметь и иные цели. Монастыри располагались к югу от города, у истока Волхова из озера Ильмень, поэтому есть основания предполагать, что их строительство отвечало, в том числе, экономическим интересам князей, стремившимся повысить свои доходы благодаря уникальному положению Новгорода как пункта транзитной торговли с югом Руси, Византией, Западной Европой и Средней Азией. Посредством основания монастырей князья могли обходить запрет Новгорода на обладание ими земельной собственностью в пределах княжества. Так князь Мстислав Владимирович и его сын Всеволод заложили основы земельных владений Юрьева монастыря, пожаловав соответственно

¹ Летопись Авраамки под 6627 г. сообщала «Того же лѣта в Новѣгородѣ заложи Всеволодъ, сынъ Олговъ, внукъ Святославль, и Игуменъ Кирьякъ церковь камену святого Георгіа въ монастыри» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 43). Вероятно, именование Всеволода Мстиславича Ольговичем ошибочно, в виду позднего времени создания свода, но в целом оно подтверждало изложенные выше сведения об основании Юрьева монастыря. В последствии храм стал местом погребения представителей княжеской династии: «Преставися князь Федоръ Ярославичъ, младъ, и положиша его у святого Георгіа в манастырѣ» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 50). Однако есть все основания полагать, что к XIII в. Юрьев монастырь перешел под покровительство влиятельнейшего новгородского боярского рода Мирошкиничей: 1209 г. «привезоша Дмитра мертваго Мирошкиница из Володимирия и погребоша и у святого Георгіа в манастырѣ, подлѣ отца» (НПЛ. С. 248).

² Пантелеймонов монастырь был устроен братом Всеволода Мстиславича Изяславом (киевский князь 1146–1154 гг) в 1134 г., после благословения владыки Нифонта и «испрошения» разрешения у Великого Новгорода (*Макарий (Булгаков) История Русской Церкви. Кн. 2. С. 20*). Остается открытым вопрос – что сподвигло князя не имеющего прямого отношения к новгородскому престолу вкладывать средства в создание монастыря?

³ 1199 г. «княгиня Ярославля поставила храм святыя Богородицы, на Михалице в манастырѣ, каменной; а до сего строения бысть на том месте чудо над просфорюю, в лето 6706» (НЛ. С. 198).

волость Буйце и Ляховичскую волость в Терпужском погосте Деревской пятины¹.

Выступая ктиторами монастыря, представители княжеского рода могли принимать там постриг, занимая особое положение среди братии². Князья определяли кандидатуры настоятелей, которые, в свою очередь, могли оказывать влияние на епископскую власть³. Монастыри использовались в качестве родовых усыпальниц⁴. Княжеские монастыри строились за пределами городов и могли иметь укрепленные стены, которые служили укрытием в беспокойное время княжеских усобиц и социальных волнений⁵. Связь княжеских монастырей с архиерейскими кафедрами прослеживалась в тех случаях, когда князья приглашали епископов освятить вновь основанные обители или монастырские храмы⁶, либо когда владыки принимали участие в погребении представителей княжеского рода⁷. Следовательно, находящиеся

¹ Срезневский И.И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г). СПб., 1860. С. 139–140.

² «Пострижеса Святоша, сынъ Давыдовъ, внукъ Святославль» (НПЛ. С. 203; ПСРЛ. Т. 9. С. 92). «Князь велики Дмитръи Александровичъ пострижеса въ чърнъци и во схиму на Волоце» (ПСРЛ. Т. 25. С. 215). Подобные факты ухода из мира представителей княжеского рода встречаются и в балканской традиции. Так, Савва Сербский (в миру Растко Неманич, ок. 1169–14 января 1236) младший сын великого князя Стефана Немани, создал автокефальную Сербскую православную церковь и стал её первым архиепископом в 1219 году. В русских источниках сохранились примеры, когда иноки снимали с себя монашеские обеты, в том числе представители княжеской династии: 6713 г. «Того же лета рострижеса Рюрикъ, и поиде на Галичь» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 47). В Киево-Печерском патерике есть свидетельство о монахе Федоре, который собирался покинуть обитель, собрав золото и сокровища (Киево-Печерский Патерик. С. 164–171).

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445.

⁴ Там же. Стб. 446; НПЛ. С. 43–44, 237–238.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 328.

⁶ 1219 г. «Сѣна бы церкы сѣна Бѣа Ржѣство в манастири великим сѣньем епѣпомъ... при князи Георгии и сѣнѣ юго Всеволодѣ и брату юго сущю ту Юрославу князю Переяславскому а игуменьство держащу Митрофану» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445); 1224 г. «Сѣна быс цркы стго Спса на Юрослави в манастири... епѣпмъ Кирилломъ» (Там же. Стб. 448).

⁷ В 1147 г. митрополит послал игумена монастыря св. Федора Онанью забрать тело убитого князя Игоря Ольговича, которое было захоронено в монастыре св. Симеона (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 355).

на территории архиерейских округов княжеские монастыри существовали достаточно автономно от епископской власти¹.

Первое известие об основании монастыря подвижнического типа относится к 1051 г. Согласно Никоновской летописи, в этом году начало Киево-Печерскому монастырю было положено бывшим священником княжеского села Берестова Иларионом, который вырыл себе маленькую пещерку и молился в ней богу в тайне². Однако вскоре пастырское послушание Илариона было прервано, он был возведен в сан киевского митрополита. Последователем Илариона в иноческом служении стал отшельник Антоний, пришедший в Киев с Афона и известный как основатель Печерского монастыря³. Данные обстоятельства обеспечивали обители поддержку со стороны митрополичей власти, а позднее и киевских князей. Летописная запись 1092 г. сообщала: «священна бысть церкви святаа Богородица Печерьская митрополитом Иоанномъ, при велицѣмъ Всеволоди Ярославличи»⁴. На освящении храма присутствовали бывшие печерские иноки, принявшие архиерейский сан, Иван Черниговский, Исая Ростовский, Лука Белгородский, Антоний Юрьевский⁵.

Патерик сохранил сведения о многочисленных епископах - выходцах из печерского монастыря: «Леонтий Ростовский, Никола, Ефрем – в Переяславле, Исая – в Ростове, Герман – в Новгороде, Стефан – во Владимире, Нифонт – в Новгороде, Марин – в Юрьеве, Мина – в Полоцке, Никола - в Тьмутарокани, Феоктист – в Чернигове, Лаврентий – в Турове, Лука – в Белгороде, Ефрем – в Суздале...»⁶. По подсчетам Симона, «там их всех будет более тридцати, а после них и до нас, грешных, я думаю около пятидесяти»⁷, что позволяет рассматривать монастырь как духовный центр, в

¹ *Гайдено П.И.* О некоторых пределах епископской власти в домонгольской Руси. С. 22–42.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 83–84.

³ Киево-Печерский Патерик. С. 15–18.

⁴ ПСРЛ. Т. 16. С. 42.

⁵ Киево-Печерский Патерик. С. 120.

⁶ Там же. С. 124.

⁷ Там же.

котором подбирались кадры для русских епископских кафедр. Высокий статус обители подтверждало и то, что пришедшие из Византии на Русь митрополиты регулярно при поддержке княжеской власти поставляли «печерцев» на кафедры в различных уголках русской земли¹.

Сохранились свидетельства о конкуренции на святительские должности в среде печерского братства. Епископ Симон в начале XIII в. открыто заявлял своему адресату, иноку Поликарпу, что не позволил владимирскому князю Юрию Всеволодовичу возвести его в сан архиерея². В то же время печерские иноки сохраняли связь с обителью, собирались по значимым для жизни монастыря событиям (освящение церкви пресвятой Богородицы³, перенесение мощей преподобного Антония⁴).

Взаимная поддержка печерского братства проявлялась в сложных церковно-политических ситуациях. В ходе конфликта новгородского владыки Нифонта с киевским митрополитом Климентом Смолятичем, обитель поддержала вышедшего из печерян воспитанника. В Киево-Печерском монастыре своенравный Нифонт находился в «заточении», пока не был освобожден владимирским князем Юрием Долгоруким⁵. В нарушение строго Студийского устава, принятого в обители, после смерти новгородский владыка был похоронен в Печерском монастыре⁶, что стало признанием заслуг, достоинств и дарований Нифонта. Подобного не наблюдалось в отношении других воспитанников монастыря.

¹ В поддержке княжеской власти нуждались и игумены монастыря. На смертном одре Феодосий, обращаясь к киевскому князю Святославу, говорит: «предаю ти монастырь не съблюденіе, да что будетъ смятеніе въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его во обиду» (ПСРЛ. Т. 9. С. 102).

² Епископ Симон к Поликарпу: «Если бы ты был достоин такого сана, то не отпустил бы тебя от себя, но своими руками бы сопрестольником себе в обе епископии – во Владимир и Суздаль, – как и князь Георгий пожелал, но я ему воспрепятствовал, видя твое высокомерие» (Киево-Печерский Патерик. С. 123–124).

³ Киево-Печерский Патерик. С. 120.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 210.

⁵ НПЛ. С. 28, 214.

⁶ 1156 г. «преставися владыка Нифонтъ в Киевѣ и положиша его в Печьрьскомъ манастырѣ» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 44).

В период становления Киево-Печерской обители киевский митрополит не обладал властью над игуменами монастыря¹. Назначение настоятелей монастыря и их перемещение зависело от воли братии. В конце XII в. ситуация изменилась². После смерти архимандрита Поликарпа (ум. 1182) братия вынуждена была принять на игуменство «попа Василя», а его пострижение и рукоположение в сан совершил митрополит Никифор в сослужении с туровским и полоцким епископами³.

К числу обителей, основанных подвижниками, относится монастырь-переселенец, построенный в 1117 г. святым Антонием Римлянином⁴. Это был ирландский монастырь, содержащийся на средства прибывшего из Европы, подвижника Антония, занявшего достаточно независимую от княжеской и владычной власти позицию, в том числе в финансовом отношении⁵. Только через 25 лет после основания обители при новгородском владыке Нифонте Антоний был рукоположен в игумены основанного им монастыря, что стало признанием авторитета подвижника и его обители, а, возможно, и

¹ *Шахматов А.А.* Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. Март, отд. 2. С. 105–149.

² Причиной конфликта между митрополитом Константином и игуменом Печерского монастыря Поликарпом в 1168 г. стало незаслуженное обвинение последнего в нарушении поста в господские праздники (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355). М.Д. Приселков помимо канонического конфликта усматривал стремление княжеской власти вернуть право опеки над обителью: как только это произошло в 1071 г., печерский игумен удостоился сана архимандрита (*Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб, 2003. С. 220–222).

³ *Бълхова М.И.* Монастыри на Руси XI–середины XIV века. С. 25–56. Новгородское летописание сохранило сведения о поставлении монастырям игуменов, однако применяемая формулировка «поставиша» не позволяет уточнить, как и кем произошло возведение в сан: 1162 г. «Преставися Олекса игумень святыя Богородица; поставиша по немъ Мануилу игуменомъ. Того же лѣта у святого Духа поставиша игуменомъ Саву попина святого Савы» (НПЛ. С. 31, 218).

⁴ НПЛ. С. 20, 204.

⁵ «Аще личится избрати игумена, то избирати от братии, иже кто на месте сем терпит. И аще князь нашлет игумена, или епископ по насилию, или по мзде, или которыи брат нашъ от места сего, а начнет хотети игуменства, кроме братскаго соборнаго изволения, его же не произволят братиа на игуменство» (Сказание о житии преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антония Римлянина... // *Святые русские римляне.* СПб., 2005. С. 269). Духовная Антония Римлянина также жестко оговаривает автономию монастыря, в том числе финансовую, как от княжеской, так и от владычной власти. Вероятно, еще при жизни преподобного предпринимались попытки вмешательства в жизнь общины (Духовная Антония Римлянина. С. 106–107).

результатом добрых личных отношений игумена с архипастырем¹, тем более что хартофилаксом владыки Нифонта был воспитанник Антониева монастыря Кирик Новгородец, автор «Вопрошания».

Первые полтора столетия после принятия христианства были благоприятными для развития монашества. Материальной основой существования Печерского братства была поддержка княжеской власти и пожалования состоятельных граждан. Новгородский Антониев монастырь существовал на средства подвижника и аскета. Отношения данных обителей с архиерейской властью претерпели значительные изменения. На этапе становления обители обладали автономией, в том числе в вопросах внутреннего общежития, богослужения, избрания настоятелей, финансовой деятельности. После того как игумены стали рукополагаться правящими архиереями, монастыри оказались в подчинении епископских кафедр.

На территории русских епископий находились монастыри, основанные знатными, состоятельными людьми. Со второй половины XII в. в процесс основания обителей активно включилось боярство. Бояре выступали в качестве ктиторов, в основанных на личные средства монастырях принимали постриг², становились во главе братии³. В Новгороде состоятельные жители Лукиной улицы построили мужской монастырь с церковью Петра и Павла на Синичей горе и женский монастырь с каменной церковью за большим земляным валом⁴. Жители Славенского конца братья Дмитр и Константин построили каменную церковь в Кирилловом монастыре⁵. Семион Дубычевич

¹ НПЛ. С. 22.

² 1206 г. «Преставися посадник новгородчкый Михалко, маа в 18, приимши мнишьскыи чинь, и наркоша имя Митрофан, и положен бысть у святѣи Богородици въ Оркажи манастыри» (НПЛ. С. 50, 246); 1207 г. «прѣставися рабъ божии Перфурии, а мирское Прокша Малышевич, постригъся у святаго Спаса на Хутинь, при игуменѣ Варламѣ» (Там же. С. 50, 247).

³ Основателем и первым игуменом Хутынского монастыря был новгородский боярин Алекса Михайлович (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 47).

⁴ НЛ. С. 186.

⁵ НПЛ. С. 42, 235.

заложил каменную церковь Успения Богородицы в Аркажском монастыре¹, «а Ревша заложил святого Илью на Хольме, въ Славне»².

Сохранились известия о новгородцах, принявших игуменство в отстроенных ими монастырях. В одном случае новгородка «Полюжая Жирошкина дщи» стала во главе основанного ей на Торговой стороне женского Евфимьиного монастыря³. В другом – боярин Алекса Михайлович стал игуменом в Хутынском монастыре под именем Варлаам⁴. Основателем монастыря пресвятой Богородицы был игумен Аркадий⁵. Строительство монастыря позволяло ктиторами и членами их семей на склоне лет уединяться от мирской суеты⁶, находить упокоение в родовой усыпальнице⁷, прятаться в монастыре во время городских волнений⁸, использовать монастырское подворье как товарный склад, перевалочный пункт транзитной торговли.

Канонические связи епископов с обителями проявлялись, главным образом, в рукоположении игуменов и освящении монастырских храмов⁹. В то же время в монастырях воспитывались кадры для возведения на

¹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 46.

² Там же. Стб. 47.

³ НПЛ. С. 43, 237; ПСРЛ. Т. 13. С. 178.

⁴ 1192 г. «Постави Варлаамъ, игумен святого Спаса на Хутинѣ, манастырь» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 47).

⁵ 1153 г. «заложил Аркадии игумень святыя богородица Успение и состави собѣ монастырь» (НПЛ. С. 28, 215; ПСРЛ. Т. 13. С. 192). Основатель монастыря Аркадий в 1156 г. был избран новгородским владыкой.

⁶ 1220 г. «Того же лета Твердислав остави посадничество, зане болен бѣ, и ношю, утаився жены и дѣтей, иде къ пречистой Богородицѣ в Аркажъ манастырь, и пострижесе» (ПСРЛ. Т. 10. С. 87).

⁷ В Новгороде с начала XIII в. установилась традиция захоронения в монастырях представителей боярства. Так, по сведениям Новгородских летописей прослеживается связь семей новгородских посадников с монастырями: в Юрьеве монастыре хоронят представителей рода Мирошкиничей, в Аркаже – Михалковичей, а в Хутынском – потомков Прокши Малышевича (*Хорошев А.С.* Боярское строительство в Новгородском монастыре // Вестник МГУ. Сер. История. 1966. № 2. С. 77–82).

⁸ Примечательно, что в ходе волнений 1159 г. монастырь был использован в качестве места заточения княгини бывшего новгородского князя: «Новгородци поимаша князя своего Святослава Ростиславича, и послаша его въ заточеніе въ Ладогу, а княгиню его послаша въ заточеніе въ манастырь, а имѣніе его все разграбиша» (ПСРЛ. Т. 9. С. 216–217).

⁹ В 1196 г. Мартирий освятил каменный храм Кирилла и Афанасия Александрийских, построенный братьями Дмитрием и Константином – жителями Славенского конца – на острове Нелезене (НПЛ. С. 42, 235).

владычные кафедры¹. Традиция поставления архиереев из игуменов и братии местных монастырей прослеживалась во всех русских землях².

Сохранились сведения об основании монастырей правящими архиереями. Так, новгородскими архиепископами Ильей (Иоанном) и Григорием (Гавриилом) был основан Благовещенский мужской монастырь³, в нем «свершена» церковь Благовещения Богородицы, Богоявления «на воротех» и «Святых Отец церковь»⁴. Владыка Мартирий «заложил святое Въскресение на Поле монастырь»⁵. В Старой Руссе в Спасском монастыре, где Мартирий был игуменом и строителем - «заложил церковь камену святое Преображение»⁶. Архиепископ Антоний (Добрыня Ядрейкович) «обложил церковь камену святу Варвару монастырь»⁷. В церковной историографии перечень архиерейских монастырей представлен гораздо шире. Так, Смоленскому епископу Игнатию приписывается основание Спасского монастыря с храмом в память Положения честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне⁸, а Илье Полоцкому – передача княгине Ефросинии Преображенского храма в Сельце для устройства при нем обители⁹. Однако известия церковных авторов об основании архиереями монастырей не всегда подтверждаются сведениями источников и требуют дополнительной проверки. В то же время в летописании зафиксировано существование

¹ 1156 г. «Поставиша Аркадыя архіепископом, и Богородицю поставилъ монастырь» (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 44).

² Епископ Белгородский Адриан вышел из игуменов Киевского Выдубицкого монастыря (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667), до 1125 г. игуменом Переяславского Иоаннова монастыря был переяславский владыка Марк (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297), Владимирский епископ Симон до вступления на кафедру был игуменом обители в честь Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире (Там же. Стб. 439), епископ Ростовский Пахомий прежде святительствовал в монастыре св. Петра. (Там же. Стб. 440), Лука Ростовский был игуменом Киевского Спасского на Берестове монастыря (Там же. Стб. 391), Пахомий Ростовский до архиерейского служения в 1214 г. был поставлен игуменом Высокопетровского монастыря в Москве (Там же. Стб. 439).

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 190.

⁴ Там же. С. 167, 190.

⁵ Там же. С. 167.

⁶ Там же. С. 178; ПСРЛ. Т. 10. С. 31.

⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 48; ПСРЛ. Т. 13. С. 189.

⁸ *Мануил (Лемешевский)*. Указ. соч. Т. 1. С. 487.

⁹ Там же. С. 512.

ставропигиальных монастырей, т.е. обителей, находящихся в непосредственном подчинении предстоятеля поместной церкви, киевского митрополита: 1215 г. «Того же лета Матфей, митрополит Киевский и всеа Руси, въ епископы поставив въ Ростовъ инока Кирила изъ митрополичя манастыря изъ Суздаля святаго Дмитра»¹.

Самым распространенным монастырским уставом на Руси был Студийский, известный своей строгостью к послушанию иноков и общежитию². Но в Печерском патерике зафиксированы многочисленные нарушения Устава: наличие у иноков личной собственности (Сказания об Арефе, Григории-чудотворце), традиция захоронения на территории обители (Антоний, новгородский владыка Нифонт, княгиня Глебова), неравномерное между братией распределение обязанностей и послушаний (Сказания о князе Святоше, затворнике Афанасии). Не наблюдается единства и в правилах основания обителей на территории епископских округов. Так, в Великом Новгороде стало возможным появление неподконтрольного владыкам монастыря, основанного переселенцами из «Рима».

Таким образом, создание древнерусских монастырей инициировалось подвижниками и состоятельными ктиторами (князьями, боярами, купцами), в отдельных случаях правящими архиереями. Настоятеля обителей избрались братией или назначались ктиторами, с конца XII в. правящими архиереями. Влияние епископата на подбор кандидатур игуменов не было определяющим, епископы приглашались лишь для рукоположения избранных настоятелей. Следует констатировать ограниченность канонической власти епископов в отношении обителей, находившихся на территории окормливаемого округа, значительную автономию монастырей в организации внутреннего уклада общежития.

¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 69.

² Студийский устав был положен в основу общежития в Киево-Печерском монастыре, а затем «все русские монастыри приняли этот устав» (Киево-Печерский Патерик. С. 65–66).

3.3 Принципы реализации канонической власти епископата

Архиерейская власть в церковной организации представляет собой высшую степень священства. Епископы занимают третью ступень в правящей иерархии и обладают в пределах своего округа целым комплексом прав и обязанностей. Так, согласно церковной традиции «каждому епископу подобает иметь власть в своей епархии и управлять ею соответственно положению его применительностью»¹. В Византии границы между епархиями внутри поместных церквей в целом соответствовали границам фем. На Руси, находясь под покровительством княжеской власти, епископии, скорее всего, совпадали с территориями, подвластными удельным князьям. Как верно отметил А.Н. Насонов, далеко не всегда княжеские владения «могли быть строго разграничены, поскольку оставалась территория неосвоенная»².

В круг обязанностей епископа входило осуществление церковной службы (литургии), наблюдение за исполнением канонических норм в пределах своего округа, освящение храмов, основание монастырских обителей, рукоположение священников, борьба с язычеством, ересями и распространение христианской религии и т.д.³. На начальном этапе существования епископских кафедр власть архиереев в различных русских княжествах была ограничена узким кругом подчиненного им клира⁴. С середины XII в. в отдельных русских землях (Новгородской земле, Владимиро-Суздальском и Смоленском княжествах) стали появляться признаки епархиального устройства: административно-территориальное управление, епархиальные учреждения, приходы, монастыри, подворья и пр.

Согласно церковным канонам, епископ является первым лицом христианской общины, в обязанности которого входит «надзор за членами

¹ Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 267.

² Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 65–66.

³ Ткаченко А.А. Епископ // ПЭ. Т. 18. С. 509–522.

⁴ Суворов Н.С. Учебник церковного права. С. 101.

общины, дисциплинарный суд, администрация церковного имущества и что самое главное – совершение евхаристии», никто кроме архиерея не имеет права совершать данное таинство¹.

Литургия рассматривается как стержень христианской жизни не только епископии, но и митрополии². Поэтому на Руси была известна практика совместного служения с участием митрополита и епископов, например, при перенесении мощей Бориса и Глеба, освящении церкви св. Михаила «во Всеволоже монастыре»³. Этим правом пользовалось и епископское сообщество воспитанников Печерского монастыря в ходе перенесения мощей преп. Антония и освящения церкви пресвятой Богородицы⁴. Отказ архиереев от совместного литургисания⁵ или наложение запрета на совершение церковных служб (интердикт)⁶ рассматривались как исключительные прецеденты, имеющие серьезные основания⁷.

Традиционно местом служения епископов являлись городские кафедральные храмы⁸. Служение древнерусских архиереев в других церквях подвластного им диоцеза было сопряжено с ограничениями, которые могли

¹ Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 117, 122.

² Михаил, архиеп. Церковь и Евхаристия в православном сопоставлении // Богословские труды. М., 1984. Т. 25. С. 154–160; Успенский Н.Д. Византийская литургия: историко-литургическое исследование: Анафора: опыт историко-литургического анализа. М., 2006. Т. 2. 592 с.

³ В ходе перенесения мощей Бориса и Глеба (1072 г.) сослужение литургии в храме совершили митрополит Георгий, епископы Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен св. Михаила, Герман игумен св. Спаса Николая в Переяславле (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182). В 1088 г. при освящении ц. св. Михаила в Всеволоже монастыре совместное служение было совершено митрополитом Иваном и епископами Лукой, Исайей, Иваном и игуменом Лазарем (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208).

⁴ Киево-Печерский Патерик. С. 122–152.

⁵ «Климент митрополит нужаше служити съ собою» новгородского епископа Нифонта (ПСРЛ. Т. 9. С. 206).

⁶ В 1135 г. митрополитом Михаилом был наложен запрет на церковные службы в Великом Новгороде, однако он не был выполнен даже после личного прибытия архиерея в город (ПСРЛ. Т. 9. С. 158). В период епископства Федора (Феодорца) интердикт был наложен на подвластное архиерею владимирское духовенство (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356–358).

⁷ Крысов А.Г., Тюшагин В.В. Интердикт // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 112–115.

⁸ 1231 г. «Выведоша же сѣнаго епсѣпа Кирила в стѹю зборную црѣвь стѣна Бѣа ... И сѣде на столѣ своемъ настолник сы и намѣстник стѣх епсѣпъ преж бывшихъ в Ростовѣ Леонтьа стѣго и сѣнаго епископа Исая и Нестера и всѣх ѹже почиша пасше стѹю црѣвь» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 458).

накладывать как ктитория, так и сама христианская община. Известно, что в новгородской церкви Ивана на Опоках совершение литургии епископом разрешалось один раз в год¹.

Практика совершения богослужения в различных регионах Руси имела свои особенности², что связано с влиянием как восточной, так и западной церквей³. В середине XI в. сообщалось о прибытии в Киев трех церковных певцов «с роды своими»⁴. Позднее помещены сведения об установлении византийского церковного праздника в честь трех святителей⁵ и неизвестного восточной церкви празднования перенесения мощей св. Николая⁶. Широко вводились в богослужение византийские Синаксарии⁷. Наряду с этим существовало почитание латинских святых⁸. Таким образом, для Руси было характерно многообразие литургических (евхаристических) традиций⁹, на выбор которых могли влиять правящие архиереи, исходя из собственных канонических предпочтений или запросов светских властей.

Большое значение для организации церковных служб на территории епископского округа имел набор канонической и богослужебной литературы, имевшейся в распоряжении духовенства¹⁰. Выбор регионов, из которых

¹ Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках. С. 160–165.

² Самая полная реконструкция служб раннего периода истории русской церкви дана в незавершенной работе И.В. Ягича (*Ягич И.В.* Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097. СПб., 1886. 941 с).

³ *Одинцов Н.* Порядок общественного и частного богослужения в Древней России до XVI в.: Церковно-историческое исследование. СПб., 1881. С. 33–35; *Субботин К.* Об уставах церковного богослужения, прежнем и нынешнем // Братское слово. 1894. Т. II. С. 95–114; *Мансветов И.* Церковный устав (типикон), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 163–167; *Лисицын М.А.* Первоначальный славянорусский типикон. СПб, 1911. 403 с.

⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 85.

⁵ 1084 г. «Уставлен бысть праздник праздновати Трех Святителей, в Цареграде, Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту» (НЛ. С. 172–185).

⁶ «В лето 6597. Принесоша мощи святаго Николы от Мирь в Бар» (ПСРЛ. Т. 13. С. 50).

⁷ *Давыдова С.А.* Византийский Синаксарь и его судьба на Руси // ТОДРЛ. Т. 60. С. 69.

⁸ *Августин (Никитин), архим.* О почитании святых в русской православной церкви (Из истории русско-скандинавских церковных связей) // БТ. М., 1987. Т. 28. С. 246–247.

⁹ *Мусин А.Е.* О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI–XIII вв. С. 228.

¹⁰ Западный историк И. Мейендорф отмечал, что к моменту принятия христианства на Руси уже существовало большое число переводов богослужебных книг, богословских и

духовные книги поступали на Русь, был не случаен. Он, как правило, отражал тесные контакты русских княжеств с этими религиозными и политическими центрами¹. Без книг невозможно представить богослужения, поэтому открытие церквей нередко сопровождалось передачей им канонической литературы². Приобретение книг было делом сложным и дорогостоящим, поэтому подбор богослужебной литературы зависел от степени состоятельности кафедры и контактов с книгописными мастерскими на Руси и за ее пределами³. Полной Библии до XV в. Русь не знала, ее заменяла Палея и извлечения из Ветхого завета, паремийные чтения. Употреблялись краткие Евангелия, приспособленные для богослужебных чтений. Наряду с ними сохранились книги Часослова и Псалтыри⁴.

исторических сочинений на славянские языки. По мнению автора, это переводы Нового Завета, частично Ветхий Завет, византийская гимнография и богослужебная литература. Но на сегодняшний день трудно определить, какие памятники древнерусской книжности были заимствованы у греков, а какие - у славян. (*Meendorff J. Byzantium and the rise of Russia: A study of Byzantino- Russ. Relations in the 14 th cent. P. 9–28.*)

¹ Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 20.

² Под 1160 г. Никоновская летопись сообщала о свершении соборной церкви пречистой Богородицы Успение во Владимире князем Андреем Боголюбским, который одарил храм, в том числе «многими книгами», состав этой библиотеки не уточнялся, лишь «глаголють Луки евангелист писма» (ПСРЛ. Т. 9. С. 220). В том же году Мстислав Изяславич подарил книги «подписанной» церкви во Владимире Волынском (Там же. С. 229).

³ Янин В.Л. Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. Лазарев монастырь // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 57–67; Бобров А.Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV–первая половина XV в) // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. Разные аспекты исследования СПб., 1991. С. 78–98; Жуковская Л.П. Апракос Мстислава Великого // Мстиславово евангелие XII в.: Исследования. М., 1997. С. 670–709; Столярова Л.В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998. С. 136–233; Столярова Л.В., Каишанов С.М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 9.

⁴ С. Смирновым было высказано мнение, что значительная часть богослужебной литературы того времени представляла собой «сомнительного происхождения епитимники, перешедшие на Русь большею частью из Болгарии», впоследствии получившими название «худых номоканунцев» (Смирнов С. Древнерусский духовник: Очерк. Сергиев Посад, 1899. С. 68.). Г. Подскальски связывал низкое качество имеющейся в распоряжении русского духовенства литературы с отсутствием классической образованности в среде священства не знакомого с философией Платона и Аристотеля. «А без владения ее понятийным аппаратом важнейшие сочинения греческой патристики даже в славянском переводе должны были остаться непонятными для русского читателя. Этим объясняется не только эклектизм переводной литературы, но и в еще большей мере – полное отсутствие в оригинальной древнерусской литературе таких фундаментальных жанров, как догматический и экзегетический» (Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 434).

На епископов возлагалась обязанность контролировать соблюдение канонических норм и правил богослужения в рамках своего округа. Еще Н.Я. Аристов подчеркивал особое значение обрядовости для раннего периода истории древнерусской церковной организации¹. Однако говорить о единстве канонического пространства в рамках русской митрополии и отдельных епископий не представляется возможным. Отсутствие единообразия в проведении служб, возможно, отражало неразрешённость данной проблемы и в рамках Византийского патриархата². Попытки унификации служб хотя бы в пределах одного епископского округа предпринимались.

Ярким примером является деятельность Кирика Новгородца, который посредством «вопрошаний» епископа Нифонта и других духовных лиц попытался обобщить практику совершения служб в новгородской епископии. Текст «Вопрошания» содержал ссылки на канон святого Василия Великого, заповеди Иоанна Постника, а также суммировал авторитетные суждения владык Нифонта, Аркадия, Иоанна, «также и Марина игумена молвяш»³. Фиксировались даже высказывания митрополита Климента Смолятича, оппонента святителя Нифонта⁴. Судя по характеру вопросов, задававшихся новгородскому епископу, Кириком осознавалась проблема отсутствия единства канонического пространства в пределах епископии. Различия в обрядовой стороне порождались подбором богослужебных книг, который зависел от степени канонической грамотности мирских священников, материальных возможностей общины и связей с христианскими центрами. В такой ситуации у епископа не было прямых рычагов влияния на духовенство,

¹ «В русской церкви разногласия и споры касались почти исключительно обрядовой стороны христианства, а иногда ересью называли даже одно неправильное понимание слова» (Аристов Н.Я. Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. СПб., 1888. С. 67).

² Успенский Н.Д. Византийская Литургия (Историко-литургическое исследование) // БТ. М., 1980. Т. 21. С. 5–53; Пентковский А. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы // ЖМП. 2001. № 4. С. 70–78; Он же. Литургические реформы в истории Русской Церкви и их характерные особенности // ЖМП. 2001. № 1. С. 72–80; Он же. Студийский устав и уставы студийской традиции // ЖМП. 2001. № 5. С. 69–80.

³ Вопрошание Кириково. С. 413–429.

⁴ Там же. С. 416–417.

и, занимая должность владычного хартофилакса, Кирик стремился разрешить возникающие в процессе совершения служб коллизии¹.

Столкновение мнений, на которое обращал внимание владыки Кирик, свидетельствовало, что епископат достаточно лояльно относился к каноническому разнообразию на территории своих округов². В Новгороде существовал ирландский Антониев монастырь³, немецкая ропата⁴. Между пришлым духовенством и попами, подчиненными новгородскому архиерею, прослеживается соперничество в борьбе за паству⁵, но фактов, свидетельствующих о конфликтах или гонениях на иные церковные организации не зафиксировано. Возможно, лояльная позиция епископов была связана с их ограниченным влиянием на священство церквей и монастырей (княжеских, боярских, уличанских, корпоративных), где важнейшую роль при определении порядка богослужения, обрядовых норм могли играть заказчики-ктиторы⁶. Именно поэтому вопросы Кирика носили весьма практический характер и исходили из позиций «допустимо-не приемлемо»⁷.

Посредством «вопрошаний» новгородский владыка в рамках своего округа закладывал комплекс правил церковной жизни, с одной стороны, соответствующий каноническим требованиям, с другой – учитывающий особенности религиозной ситуации в Новгороде. Так, требование Нифонта о систематическом несении службы для духовенства было непреложным, даже нездоровье не освобождало священника от этих обязанностей, ему следовало

¹ Гайденко П.И., Фомина Т.Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 51. 2012. № 16 (270). С. 83–92.

² Значительная вариативность предполагалась при рассмотрении вопросов о причастии духовенства и мирян, наложении епитимий, пищевых ограничений, в регулировании половой сферы (Вопрошание Кириково. С. 413–429).

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 188, 192.

⁴ В 1192 г. немецкая ропата была поставлена на месте деревянной церкви Иоанна Предтечи (НЛ. С. 194).

⁵ Вопрошание Кириково. С. 414–415, 428. Владыка Нифонт обращение мирян к «варяжским попам» характеризовал как двоеверие и рекомендовал наказывать наложением епитимии на шесть недель.

⁶ Михаил, архиеп. Церковь и Евхаристия в православном сопоставлении... С. 157.

⁷ Мильков В.В. Первый учёный Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца // Россия XXI в. 2010. № 6. С. 120

и «не поспав служить» и натошак¹. Соблюдение канонических требований при совершении службы было необходимым условием. Из 153 вопросов, заданных Кириком, Саввой и Ильей своим адресатам, 38 посвящены именно обрядовым особенностям богослужения.

С канонической точки зрения, только соблюдение установленного порядка священнодействия обеспечивало божественную поддержку. Поэтому для новгородского духовенства середины XII в. владыка Нифонт разъяснял последовательность совершения служб, особенности их проведения с целью предотвращения греха в действиях священников, дабы избежать разночтений и неточностей в совершении таинств. Данные обстоятельства позволяют сделать вывод, что новгородская церковь этого периода испытывала значительные сложности, связанные с недостаточной подготовкой клира к несению церковной службы. «Вопрошание» содержало разъяснения по совершению ритуала отречения от Сатаны, порядок служения на Агничной просфоре и чтения молитв богослужебного круга, Евангелия на пасхальной службе, чин заупокойных служб². Из священных таинств в «Вопрошании» огромное значение придавалось обряду крещения взрослых и детей, порядку оглашения славян и инородцев, приобщению к православию латинян³.

В 16 «вопрошаниях» Кирика волновал процесс подготовки к совершению таинства причастия, условия допуска к нему, сама процедура причащения умирающего, младенца и его матери, детей, супругов, холостых отроков, прихожан с гнойными или кровоточивыми устами, бесноватых, душевнобольных, припадочных⁴. Во всех статьях процедура причащения рассматривалась в качестве необходимого условия приобщения прихожан к святым таинствам как важнейшему фактору спасения их души. Поэтому Нифонтом предусматривались многочисленные послабления условий

¹ Вопрошание Кириково. С. 413, 425.

² Там же. С. 418, 426, 425, 416, 413–414.

³ Там же. С. 416–418, 426, 417, 414.

⁴ Там же. С. 415–416, 418–421.

обретения таинства в отношении мирян, дабы, с одной стороны, удержать в лоне церкви согрешивших, с другой - это необходимая в христианстве терпимость к порокам ближнего (таким как половая невоздержанность, чревоугодие и др.) и, в том числе, вынужденная мера, связанная с начальным этапом христианизации новгородского общества.

Лояльную позицию занимал Нифонт и в отношении церковных наказаний верующих за грехи. Неотвратимость наказания оставалась непреложной, однако необходимо не оттолкнуть раскаявшегося тяжкой епитимией, снять епитимью с идущего на войну, облегчить наказание невольным душегубцам, за грехопадение дать шанс на исправление, не лишать святых даров не сумевших соблюсти половое воздержание мирян¹. Все это имело большое значение для воцерковления паствы, подвластной архиерею.

В обязанности епископа входил не только контроль за соблюдением канонических норм. Согласно второму апостольскому правилу он совершал хиротонию и хиротесию в пределах своей епархии, в отношении пресвитеров, диаконов и прочих причетников². Практика древнерусской церкви отвечала этим требованиям. Новгородская первая летопись под 1144 г. сообщала о поставлении владыкой Нифонтом безымянного попа³. В «скрытом» тексте церы, найденной в виде триптиха в Новгороде, сохранилась запись: «В лето 6507 (999) азъ, мнихъ Исаакии, поставлен бысть попомъ въ Соуждали въ цръкъве святаго Александра Арменина»⁴.

О специальной подготовке кадров приходского духовенства в древней Руси не известно⁵. Между тем канонические правила предъявляли

¹ Вопрошание Кириково. С. 420, 425, 427–429.

² Апостольские правила. // *Стратилатов И.* Древность и важность апостольских правил. СПб., 1865. С. 46; *Цытин В.А.* Указ. соч. С. 280.

³ НПЛ. С. 27.

⁴ *Зализняк А.А., Янин В.Л.* Новгородская псалтирь начала XI в. – древнейшая книга Руси (Новгород, 2000) // *Вестник РГНФ.* 2001. №1. С. 153–164; *Столярова Л.В., Кашианов С.М.* Книга в Древней Руси (XI–XVI вв). М., 2010. С. 37.

⁵ Аргументы исследователей XIX в. в пользу существования духовных учебных заведений в домонгольский период строятся, главным образом, на основе реалий более позднего

исключительные требования к морально-нравственным и служебным качествам будущих попов. Еще в канонах апостола Павла архиереи предостерегались от ошибочного выбора кандидата в священство: «рук не возлагай поспешно» [1 Тим. 5: 22]. Если сама процедура поставления епископами священников на церковные должности не поддается реконструкции, то требования к кандидатам русские источники сохранили.

В вопросах семьи и брака поп обязан быть непререкаемым авторитетом. Поэтому особое внимание уделялось его семейному быту. За блуд церковнослужители лишались сана, не достойными иерейства признавались растлители девиц и имеющие внебрачных детей¹. Владыка Нифонт настаивал на разводе клириков с женами не девственницами и блудницами². Нравственный аспект при подборе кандидатов в мирское духовенство имел большое значение.

Не вполне ясно, насколько на Руси епископ имел возможность влиять на подбор кадров будущих священников. Согласно традиции раннего христианства, поп мог выдвигаться из числа прихожан, игумен – из рядов братии, в древнерусской практике X–XIII вв. они могли назначаться ктиторм. Оценить степень канонической подчиненности игуменов ктиторских монастырей архиерею сложно³. Возможно недопонимание церковными людьми значения процедуры хиротонии и хиротесии значительно затрудняли возможности осуществления владыками их архиерейских обязанностей. Так, после смерти печерского архимандрита Поликарпа (ум. 1182) братия избрала на игуменство «попа Василия», и лишь

времени (*Лавровский Н.* О древне-русских училищах. Харьков, 1854. С. 28; *Лебедев Н.А.* Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и учёных обществ, послуживших к образованию русского народа с 1035 по 1855 год. М., 1875. С. 7; *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. С. 5–6).

¹ Вопрошание Кириково. С. 422.

² Там же. С. 421–422.

³ Устав Новгородского Хутынского монастыря предписывал после избрания нового игумена утверждать его не у епископа, а у князя-ктитора. (Устав преподобного Варлаама Хутынского, новгородского чудотворца // *Древнерусские иноческие уставы.* М., 2001. С. 32–33)

после этого произошло его пострижение и рукоположение, которое совершил киевский митрополит Никифор¹.

Важнейшим инструментом осуществления епископской власти в пределах своего округа считался церковный суд. Для определения места епископов в судебной системе Древней Руси важнейшую роль играли княжеские уставы. Самый ранний список Устава князя Владимира датирован XIII в., с каждой последующей редакцией количество прецедентов, относящихся к ведению церковного суда и список подсудных епископу церковных людей увеличивался². Устав фактически представлял собой список «служебных обязанностей» архиерея, какие категории населения и за какие проступки он имел право судить. Устав Ярослава Мудрого фиксировал перечень подсудных церковному суду преступлений, но интересы епископа ограничены лишь суммами, которые он получал с суда, при этом достаточно много указаний «а князь казнит»³. Епископы, вероятно, не были участниками княжеского суда, а лишь получали десятину с судебных пошлин⁴. Исключением было участие епископов в суде над Олегом Черниговским, инициированным его двоюродными братьями: «Стополкъ же и Володимеръ посла къ Сѡльгови глѣща сице поиду Кыѣву да порад положимъ ѿ Русьтѣи земли предъ епѣспы и предъ игумены и предъ мужи ѿць нашихъ и предъ людьми градъскими да быхомъ ѡборонили Русьскую землю ѿ поганыхъ. Сѡлегъ же въсприимъ смыслъ буи и словеса величава речъ сице нѣ мене лѣпо судити епѣспу ли игуменомъ ли смердомъ»⁵.

Согласно уставам, в компетенцию архиереев входил суд над церковными людьми, к которым относились «игоумень, игоумения, попъ, диаконъ и дети дети ихъ, а кто въ крилосе, попадаиа, чернець, черница, проскоурница, паломникъ, свещегасъ, стороникъ, слепецъ, хромецъ, вдовица, поущеникъ, задушньныи человекъ, изгойи трои: поповъ сынъ грамоты не

¹ Киево-Печерский Патерик. С. 424–425.

² Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных. С. 12–84.

³ Устав князя Ярослава о церковных судах. С. 85–139.

⁴ Щанов Я.Н. Государство и церковь в древней Руси. С. 79.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229–230.

оумееть, холопь из холопства выкупится, коупець одолжаеть. А се четвертое изгоиство и себе приложимъ: аще князь осиротееть; монастыреве, болници, гостинници, странноприиименици»¹. Но степень полноты реализации судебных полномочий епископа в отношении этих лиц оценить достаточно сложно. Согласно житию Авраамия Смоленского, епископ не имел возможности наказать провинившегося игумена, потому что князь не давал на это согласие². Это являлось прямым нарушением правила «а что са дѣет в монастырских дѣлех, в церковных, в самѣх монастырех, да не вступаеца князь, ни волостель, безатщина приидет к волостелю митрополичю»³. Следовательно, церковный суд вряд ли можно считать реальным отражением полноты епископской власти на территории подвластного округа, скорее княжеские уставы представляли собой лишь декларацию о делегировании судебных полномочий. В то же время, по мнению Я.Н. Шапова, в судебной практике Руси существовали прецеденты, разрешение которых было возможно как в светском, так и церковном судопроизводстве, например, убийство, оскорбление действием, кража, ограбление⁴. Исследователь объяснял это существованием совместного светского и духовного суда, вызванного необходимостью «дележа судебных пошлин»⁵. В этой связи возникает вопрос о степени распространения и значимости для русского духовенства церковных канонов. Нельзя исключать того, что княжеские уставы для русских архиереев имели большее значение чем нормы канонического права, т.к. статус архиерейской власти и ее материальное положение напрямую зависели от поддержки князей.

В христианской церкви епископ сам является низшей законодательной инстанцией⁶. Архиереями через личные послания дочерним общинам могли

¹ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 157.

² Житие Авраамия Смоленского С. 30–65.

³ Устав князя Ярослава о церковных судах. С. 90.

⁴ Шапов Я.Н. Государство и церковь в древней Руси. С. 116.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Цытин В.А. Указ. соч. С. 31.

разрешаться церковно-дисциплинарные проблемы, спорные вопросы канонического характера. «Формально эти послания не имели обязательной силы, но строгое согласие их с апостольским преданием, высокий авторитет их составителей со временем приводили к тому, что некоторые из таких канонических посланий получали обязательную юридическую силу. Из частных суждений они превращались в источники общецерковного права»¹. В древнерусском обществе епископы не всегда могли пользоваться данным правом. Если авторитет Нифонта Новгородского позволял ему определять канонически приемлемые формы церковной жизни для своей епископии², то для Нестора Ростовского попытка установления требования для князя и его ближайшего окружения не употреблять мяса «въ Господьскіа праздники» закончилась изгнанием с кафедры³.

Следует признать множественность влияний на каноническую культуру русских епископий, характеризуемую как «канонический плюрализм». Помимо княжеских узаконений, епископских ответов и посланий, прослеживается заимствование извне обрядовых и законодательных норм. Так, новгородская богослужебная традиция испытала влияние ирландской церкви, западно-русские земли – Западной Европы, а общерусские, южнорусские, – хазарского (талмудического) и болгарского (византийского права VIII в.) правового наследия, также прослеживается устойчивое сохранение признаков языческих культов⁴. Неотъемлемой частью святительских обязанностей архиерея было освящение храмов и монастырей в пределах вверенного им округа: 1192 г. «Постави церковь на Хутинѣ черницъ Варлаамъ, а мирьскимъ именемъ Олекса Михайлович, во имя святого

¹ *Цытин В.А.* Указ. соч. С. 113.

² *Вопрошание Кириково.* С. 413–429.

³ 1157 г. «изгнан бысть Нестерь епископъ Ростовскій съ престола его Ростовскаго и Суждалскаго про Господьскіа праздники; не веляше бо мяса ясти въ Господьскіа праздники, аще прилучится когда въ среду или въ пятокъ, такоже отъ свѣтлыа недѣли и до пентикостіа» (ПСРЛ. Т. 9. С. 210–211).

⁴ *Глухов В.А.* Нормативно-правовая регламентация уголовных наказаний в Древней Руси. Псков, 2005. С. 12–13; *Гайдено П.И., Фомина Т.Ю.* Обзор письменных источников. Т. 1. Ч. 1. С. 133–143.

спаса Преображение; и свяща ю архиепископъ новгородчкый владыка Гаврила»¹; 1194 г. «поставиша церкви святого Филипа на Нутной улице Родславъ Даниловичъ и свяща владыко Мантиреи генваря 29»²; 1196 г. «Заложиста церковь камену святого Кирила в монастырѣ въ Нелѣзенѣ Костянтинъ и Дмитръ братеника, ... и святи ю владыка Мантурии»³.

Если обобщить известия в русских летописях, сообщающих о проведении данного обряда епископами, то их число будет гораздо меньше предполагаемого числа церквей и обителей, существовавших в X–XIII вв.⁴. Присутствие высшего духовного лица, а тем более освящение им церкви или монастыря – событие исключительное. Вероятно, значительная часть освящений проводилась рядовым духовенством, т.к. не всякая община могла взять на себя значительные расходы по приглашению архиерея. Даже богатейшая новгородская корпорация купцов-вощников могла позволить себе оплатить службу архиерея лишь раз в год⁵. На Руси не была воспринята традиция поминания князей, митрополитов и епископов на церковной службе⁶. Вместе с тем, с конца XI в. можно проследить участие епископата в захоронении представителей княжеской династии⁷, а в Новгороде – и лиц принадлежащих к боярским родам⁸.

¹ НПЛ С. 40, 231.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 184.

³ НПЛ. С. 42, 235.

⁴ Для Великого Новгорода это подтверждают известия о многочисленных городских пожарах – в 1152 г. церковью сгорело 9, включая «варяжскую»; в 1177 г. – сгорело 5 церквей, в 1194 г. – в Людином конце – 9, в Неревском – 7 церквей, в 1217 г. – 15 церквей (НПЛ. С. 29, 35, 41, 57).

⁵ Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках. С. 160–165.

⁶ В Римской империи, в соответствии с первым посланием апостола Петра «единственно возможной формой почитания считалась молитва» (Гидулянов П.В. Митрополиты в первые три века христианства. С. 109).

⁷ «И блѣжныи митрополитъ Юан с черноризци и с прозвутеры и вси Киѣне великъ плачь створиша над нимъ со пѣлмы и пѣнми проводиша и» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207); «И собращася еписци и игумени, и черноризьци, и попове, и боларе, и простию людье. [и] вземше тѣло его со обычными пѣсми положиша и в сѣѣи Соѣи» (Там же. Стб. 218).

⁸ 1209 г. «привезоша Дмитра мертваго Мирошкиница из Володимирия и погребоша и у святого Георгия в монастыре, подле отца; а новгородци хотяху с моста сверечи, нѣ възбрани имъ архиепископъ Митрофанъ» (НПЛ. С. 51, 248).

В соответствие с церковными правилами, на архиереев возлагалась миссионерская деятельность, борьба с язычеством и ересями. Если для западноевропейской практики характерно миссионерство, поддержанное императорской властью¹, то на Руси борьба с язычеством велась, прежде всего, княжеской властью. Первые известия о миссионерских поездках в Новгород² и Ростов³ связаны с именем князя Владимира Святославича, в свите которого упоминались митрополит и епископы. Достоверность позднейших источников может быть поставлена под сомнение.

Само расположение епископских резиденций и кафедральных храмов в городской черте, как правило, в центре городской застройки⁴ свидетельствует о роли, которую в древнерусском обществе играли иерархи, основываясь на византийских представлениях о предназначении архипастыря. Игнорирование миссионерства привело к тому, что влияние первых архиереев было ограничено стенами их резиденции и имело своим следствием значительные затруднения в передвижении как в рамках своего округа, так и за его пределами. Не случайно летописцы употребляли в отношении епископов слово – «седе»⁵. В конце XII–начале XIII вв., когда кафедры стали замещаться кандидатами из местного духовенства, мобильность в передвижении епископата должна была увеличиться, но объезды вверенных владыкам округов крайне редки. Даже владыка Нифонт, который неоднократно совершал поездки между Новгородом, Киевом,

¹ Гергей Е. История папства. С. 71–73.

² Согласно Никоновской летописи, крещение Новгорода и сокрушение языческих идолов происходило дважды: в 991 г. силами митрополита Михаила и легендарного Добрыни и в 992 г. при участии митрополита Леонта и будущего новгородского святителя Иоакима Корсунянина, когда «Перуна разсече и в Волховъ вверже» (ПСРЛ. Т. 9. С. 64–65).

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 64.

⁴ А.С. Хорошев усматривал принципиальное различие между языческой реформой Владимира 980 г. и крещением Новгорода. Так, капище Перуна было устроено Добрыней за пределами города, а Иоаким Корсунянин «с самого начала занимает место в центре новгородской городской федерации в Кремле» и ставит сначала деревянную церковь св. Софии о 13 главах, а затем каменную в честь Иоакима и Анны (Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 14).

⁵ Об имевших место передвижениях епископата и архиерейских путешествиях см. Гайденок П.И., Филиппов В.Г. Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение. С. 66–80.

Суздадем¹, получал информацию о состоянии дел в новгородской епископии от доместика Кирика. Подавление новгородского восстания 1071 г. под руководством волхвов, несмотря на мужественное поведение епископа Федора, не было связано с мероприятиями по обращению в христианство язычников. Ключевую роль в подавлении восстания сыграла княжеская власть. Следы христианской проповеди новгородского святителя Федора отсутствовали². Трудно судить и о миссии попа в отряде Яна Вышатича. Нет оснований видеть в нем изгнанного из Ростова епископа Леонтия³, а соответственно и приписывать ему миссионерскую деятельность под охраной дружины⁴. К тому же летописные известия связывали волнения 1024 г. в Киеве, 1071–1072 гг. в Ростовской земле и Новгороде со «скудостью» или «неурожаем», а не результатами проповеди архиереев русской церкви⁵.

Не считая упомянутых в Никоновской летописи сведений о мероприятиях Владимира Святославича, только известия достаточно позднего жития Исая Ростовского свидетельствовали о миссионерской деятельности архипастыря. Согласно житию, Исая обходил Ростов и «прочая грады и места, еже в Ростовстии и Суздальстии области, и неверных увещаеть веровати въ Святую Троицу»⁶. Даже активный владыка Нифонт ограничивался только увещанием участников языческих игрищ и накладыванием епитимий на совершающих языческие обряды мирян⁷. Отсутствие активной миссионерской деятельности русских архипастырей было одной из причин затянувшейся на столетия христианизации страны.

Таким образом, принципы реализации власти епископата на территории архиерейского округа предусматривали обязательность

¹ НПЛ. С. 26, 27, 28, 29, 212, 214, 215, 216.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 180–181.

³ Дворниченко А.Ю. Древнерусское общество и церковь. С. 10–11.

⁴ Отряд Яна Вышатича осуществлял сбор дани или полюдья и оказался в районе, охваченном волнениями.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148–149, 122–128. ПСРЛ. Т. 3. С. 192; ПСРЛ. Т. 9. С. 97.

⁶ Житие и жизнь иже во святых отца нашего Исая епископа Ростовскаго чудотворца. С. 256–258.

⁷ Вопрошание Кириково. С. 416, 428.

выполнения его решений духовенством мирских храмов, игуменами и братией монастырей, верующими мирянами, а также обладание епископатом исключительными правами на подвластной территории. Однако особенностью церковной ситуации на Руси X–XIII вв. было то, что власть епископов в отношении представителей клира была ограничена удельными князьями, боярством, городскими общинами и ктиторами. Даже к концу изучаемого периода архиереям не удалось сформировать единого канонического пространства на территории своего округа. Наставление священнических кадров епископами осуществлялось через послания, вопрошания и др. Архиереи были ограничены в праве рукоположения попов и игуменов, освящении храмов и монастырей, в судебной власти, регламентированной княжескими уставами. Русские епископы не обрели полноту духовной власти, которую должны были усвоить в соответствии с каноническими требованиями.

3.4 Экономические основы существования епископских округов

Материальное обеспечение епископских кафедр X–XIII вв. зависело от источников и объема финансирования церковных институтов, особенностей распределения и распоряжения имеющимися ресурсами¹. Христианская церковь в ранний период своей истории содержалась исключительно на добровольные пожертвования общины. Начиная с правления Константина Великого и до царствования императора Юстиниана, церковь пользовалась финансовой поддержкой государства². Однако с течением времени сформировались устойчивые источники финансирования архиерейских дворов, такие как доходы от недвижимых имений; средства от кафедральных приходских церквей; платы за требы, которые епископы совершали для прихожан всей епископии; ежегодные сборы с верующих и клира подвластного церковного округа.

Ситуация на Руси существенно отличалась и от традиций раннего европейского христианства и периода расцвета Византийской империи. Крещение Древней Русью было принято по воле княжеской власти. Поэтому на начальном этапе именно она содержала духовенство. Еще при Ольге это не было обременительным. В окружении княгини, да и вообще на Руси было незначительное число клириков³. Прецеденты содержания клира мирскими общинами также могли иметь место, в частности, в церкви св. Ильи, которая существовала еще до крещения Руси⁴. Владимир Святославич установил порядок государственного содержания епископата. Пожертвования мирян

¹ По мнению французского исследователя Владимира Водова, историки не располагают сведениями о том, как древнерусская церковь распоряжалась своими доходами. (*Vodoff V. Naissance de la chretiente russe; La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses cijnsequences (XI-XIII siecles)*. P., 1988. P. 126). Прямых указаний источники не содержат, однако косвенные свидетельства позволяют сделать ряд важных выводов.

² *Карташев А.В.* Собрание сочинений: В 2 т. М., 1992. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. С. 112.

³ Константина, христолюбивого во Христе самом вечном царе василевса, сына мудрейшего и приснопамятного василевса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение. С. 146; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 55.

сохранились в качестве источника финансирования служения попов, дьяконов и других священнослужителей корпоративных, уличанских или боярских церквей, т.е. представителей низших ступеней священства, а не архиереев.

Первым законом, устанавливающим материальное обеспечение древнерусской церкви, стал Устав князя Владимира Святославича. Волей крестителя Руси клиру выстроенного им храма Пресвятой Богородицы была определена десятина от княжеских доходов¹. Это был единовременный акт передачи материальных ресурсов². Говорить о десятине при Владимире Святославиче как регулярной дани с христианизированного населения в пользу духовенства мы не имеем достаточных оснований ввиду незначительного количества верующих прихожан. В то же время нельзя считать десятину от княжеских доходов источником постоянного содержания священства епископских округов, в условиях, когда для древнерусской политической элиты ценность представляла территория и собираемые с нее дани и подати³.

Источники и объем материального содержания церкви впервые были закреплены в Уставе новгородского князя Всеволода Мстиславича. В нем говорилось о передаче епископу «ѡт всакогѡ княжа соуда десѡтоую векшоу, и ис торгоу десѡтоую неделю, а из домов на всакоє лѣто и ѡт всакогѡ стада

¹ Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных. С. 18. Ряд исследователей полагали, что десятина была заимствована из Западной Европы, а не Византии. (Суворов Н.С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнерусского права. Ярославль, 1888. С. 175–233; Новосельцев А.Л., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушария В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 298–300, 316–317; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 201–204).

² Современные церковные исследователи полагают, что десятина – это централизованно собираемый с населения государственный доход (Ткаченко А.А. и др. Десятина // ПЭ. Т. 14. С. 452) с целью обеспечения духовенства и социальной деятельности – «темъ попы набдети и сироты, вдовица и нищяя» (Память и похвала князю русскому Владимиру // БЛДР. Т. 1. С. 318). Десятина, переданная князем Владимиром Святославичем, не единственное пожалование церкви пресвятой Богородицы. Лаврентьевская летопись под 1086 г. в эпитафии князю Ярополку, указывает «десѡтину даѡѡ стѣи Бѣи ѡ всего своѡго имѣнѡѡ по всѡ лѣта» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207–208).

³ Гайденко П.И. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? С. 87.

и вт всакого жита десатое»¹. В грамоте новгородского князя Святослава Ольговича (1137 г) подтверждается размер установленного Всеволодом Мстиславичем пожалования, согласно которому епископам назначалась десятина «вт дани и вт вирь, и продажь, что входитъ въ княжь дворъ всего»². В то время как Устав 1150 г. князя Ростислава Мстиславича ограничивал доходы Смоленской епископии «десатину от всѣх даней смоленских, что са в них сходит чистых кун, кромѣ продажи и кромѣ виры и кромѣ полюдѣ»³. Княжеская власть гарантировала полноту получения духовенством указанных доходов, и в случае недоимок готова была их компенсировать: «Аче не боудеть полна ста оу домажирича, осмьдесать выдасть, а дополнок възметь къ гривен оу княза исъ клѣти»⁴. Примечательно, что перечисленные доходы предназначались «святѣи Богородице и епископу»⁵, а значит, по традиции, установленной при князе Владимире Святославиче, материальное содержание определялось кафедральному храму и епископии, независимо от того, кто занимал архиерейскую кафедру.

Различия в содержании русских кафедр зависели от состоятельности княжеского двора, личных взаимоотношений архиерея и князя, количества христианизированного населения, подвластных приходов и монастырей. Классифицировать доходы, передаваемые княжеской властью епископским кафедрам, можно следующим образом: доходы князя от полюдья и имений, десятина от взимания судебных пошлин, торговые пошлины, недвижимость, отдельные пожалования в виде драгоценных металлов, книг, икон и др.⁶

¹ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 154.

² Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде. С. 147.

³ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 141.

⁴ Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде. С. 148.

⁵ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 141.

⁶ Щанов Я.Н. Государство и церковь в древней Руси. С. 76–97.

Десятина Смоленской кафедре от княжеского полюдья и имений устанавливалась в Уставе князя Ростислава Мстиславича¹. Большая ее часть передавалась в гривнах, как дань с более чем двух с половиной десятков населенных пунктов. В Уставе указывался процент от полюдья на Копысе и в Лучине², устанавливалось, что доходы идут «ис Торопча и Жизца» «wt всех рыб, иже идѣтъ ко мнѣ (князю – Т.Ф.), дѣсатину сватѣи Богородици и епископу»³. Отчисления предполагались также от перевоза и торговой гривны на Копысе, мыта, «корчмити». Это были твердо установленные суммы, а вот от «гостиней дани не вѣдома, а что сѧ соидеть, ис того...десятина»⁴.

В уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/1137 г. о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода налоги считались не только гривнами⁵. В записи о размерах отчислений с городов Смоленской земли фигурировали налоги в виде «лисиц», «кун», «осетр», «трои сани рыбы», «невод», «бредник»⁶, «полавачник»⁷, две скатерти, убрусы⁸, «берковеск меду»⁹. Из княжеских установлений следует, что десятина носила не только

¹ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 141.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 143.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/1137 г. о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода. С. 147–148.

⁶ Бредник, бредняк, брединник, бродинник; корье брединное, на лапти, на дубление, на выделку кож. (Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=2111> Дата обращения 7.11.2017)

⁷ Полавочный сбор, полавочное либо за право торговли пошлина, либо за наем лавок. Полавочник м. сев. половик или полотнище, холст, ковер для покрытия лавок. (Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=29061> Дата обращения 7.11.2017)

⁸ Убрус м. плат, платок, полотенце, низанный начельник, под венцом, на образах угодниц, иконный оклад шитый, браный, низанный, женской работы. (Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=408281> Дата обращения 7.11.2017)

⁹ Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли. С. 146.

денежный эквивалент, но и натуральный, взималась с учетом специфики экономического развития региона.

Епископская власть получала отчисления от торговых пошлин и, согласно Уставу князя Всеволода Мстиславича, осуществляла надзор за системой мер и весов: «святѣи Соѡии, и епископоу, и старостѣ иваньскомоу, и всемоу Новоугородоу мѣрила торговаа, скалвы воцаныи, поуд медовыи и гривенкоу роублевою, и локоть єваньскыи»¹. В случае порчи системы мер и весов треть живота (имущества – Т.Ф.) виновника отходила «Святой Софии»².

Другим стабильным источником епископских доходов следует считать десятину от взимания судебных пошлин княжеского суда³. В непосредственную юрисдикцию епископа, согласно Уставу князя Ярослава Владимировича, входило рассмотрение дел мирян, связанных с разводом, двоеженством, блудом, скотоложеством, поджогом, убийством детей, нецензурными высказываниями в адрес женщин, кражей жита, насильнымстрижением головы/бороды, кражей/продажей имущества супруги(а), волхованием, избиванием в семье⁴. По Уставу князя Всеволода Мстиславича церковному суду подлежали более двух десятков проступков религиозного, нравственного и бытового характера⁵, оговаривалась его полная независимость: «а княсю и боляромъ, и соудимъ въ ты сѧ соуды не въстоупатисѧ»⁶, но суммы на содержание епископа не предусматривались, в то время как Устав Ярослава Владимировича предполагал отчисления епископу в гривнах или резанах.

¹ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 155.

² Там же.

³ Берестяная грамота № 247 1025–1050 гг. дело о ложном обвинении в грабеже: «а с этого смерда епископ должен получить [такую-то сумму]» // URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/247/> (дата обращения 29.01.2019)

⁴ Устав князя Ярослава о церковных судах. С. 87, 88.

⁵ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 155–156.

⁶ Там же. С.156.

Княжеские уставы предполагали разделение судопроизводства на светское и духовное. Согласно установлениям Ярослава Владимировича и Всеволода Мстиславича, люди церковные подлежали только суду епископа. Архиереи вели церковно-нравственные дела, рассматривали те преступления, которые в язычестве таковыми не считались¹. Конкретные проступки и наказания за них не оговаривались, а отчисляемые с суда суммы, вероятно, оставались на усмотрение архиерея.

Существенную роль в обеспечении материального положения церкви играли приписываемые к епископиям князьями земли, села, ловища, промыслы. Так, Андрей Юрьевич Боголюбский передал в дар своей кафедральной церкви «слободы купленья и съ данми, и села лучшая» (1158 г)². Никоновская летопись под 1123 г. упоминала целый митрополичий «город» Синелиц³. Согласно грамоте 1150 г. значительные земельные пожалования предназначались смоленской епископии: «Село Дросенскоѡ со изгой и з землю святѣи Богородици и епископу и село Юсенское и з бортникѡм, и з землею, и съ изгой святѣи Богородици. И се есми дал землю в Погоновичох Моишинскою святѣи Богородици и епископу и взера Нимикорскаѡ и с сеножатыми, и уезде княжь, и на Сверковых луках сеножати и уезде княжь, взеро Колодарское святѣи Богородицы. И се даю на посвѣт святѣи Богородици из двора своего, всмѣ капии воску, и на горе вгород с капустникѡм, и з женою, и з дѣтми; за рекою тетеревник с женою и з детми»⁴. При этом источники не позволяют уточнить – данные земли передавались в собственность церкви или права владения сохранялись за прежним хозяином, а церковь лишь собирала доходы в свою пользу⁵. Есть

¹ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1. С. 106–107.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 211.

³ Там же. С. 152.

⁴ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 143–144.

⁵ В Западной Европе и на Балканах данный вопрос решался по-разному. Так в традициях болгарской церкви дарение «париков и клириков (младшие приходские священнослужители)» означало лишь освобождение от налогов в пользу князя и перераспределение этих доходов в пользу церкви (*Литаврин Г.Г.* Христианство в

все основания полагать, что на Руси не было «не только частного или монастырского землевладения, но и развитых земельных отношений, как в церкви, так и в государстве вообще»¹. Проблема земельной собственности стала актуальной в период монгольского владычества, а затем в Московском княжестве при Иване III, Василии III, когда в процессе секуляризации церковных земель духовенству необходимо было подтвердить владельческие права на те или иные территории.

В X–XIII вв. земельная собственность и право сбора налогов были далеко не единственной формой пожалования. Вклад удельных князей в церковное строительство также закладывал материальные основы существования епископской власти. Об этом свидетельствовала история возведения не только кафедральных храмов², но и городских церквей. Князь Всеволод Мстиславич отдал распоряжение: «домъ святѣи Софии, владыкамъ строити съ сочѣскими, а старостамъ и торгвѣцамъ докладываа владыкы или кто боудеть нашего рода князе и Новагорѣда строить домъ святого Ивана»³. Сам князь ее «оустрѣвилъ есмь иконами многоцѣнными, и еуангелии многоцѣнными, и всѣми книгами исполнн, и оустрѣвилъ есми попы и діакона, и диака къ съборной великой церкви»⁴. Из Устава следует, что Всеволод Мстиславич не только назначил церкви священников, но установил размер их содержания: «имати попамъ по осми гривен сребра, діакону ѓ гривны сребра, диакоу ѓ гривны сребра». Он же определил порядок церковной службы: «а попомъ пѣти оу святого великого Ивана вседѣнна, а оу святогѣ Захарии на Полатѣхъ пѣти по недѣламъ и в вѣкы. А дѣяконоу пѣти оу

Болгарии в 927-1018 гг. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия // Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2002. С. 158).

¹ Гайденко П.И. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? С. 87; Шапов Я.Н. Государство и церковь в древней Руси. С. 87–90.

² Соборная церковь Успения Богородицы во Владимире была построена Андреем Боголюбским (ПСРЛ. Т. 9. С. 211).

³ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 155.

⁴ Там же. С. 160.

святого Ивана соубота да недѣля из того вѣрока и в вѣкы»¹. Епископ имел право служить в данном храме лишь один раз в год – обедню на Рождество Христово, за что «взяти владыцѣ дароу роубль»².

После принятия крещения князья осуществляли строительство и содержание храмов, затем в условиях межкняжеских усобиц и монгольского владычества политическая власть утратила свое влияние и кафедральные храмы постепенно перешли под покровительство общин, клира, архиереев³. Князья также осуществляли денежные вклады, дарения драгоценными металлами, изделиями из них, предметами культа⁴. Князь Всеволод Мстиславич передал «в олтарь святѣи Сѡфѣи и причтоу церковному в вседеньникъ сѣнаник вѣннице»⁵. Ростислав Мстиславич пожаловал «на посвѣт святѣи Богородици из двора своего в смѣ капии воску»⁶. «Блаженный князь Андрей Боголюбский далъ церкви той пречистыа Богородици, и все злато, и серебро и священныа сосуды, и ключи полатныа, идѣже кузнь церковная сокровена вся»⁷.

Присутствие архиереев на княжеских пирах, также можно рассматривать как один из видов материальной поддержки духовенства⁸. «В

¹ Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках. С. 161.

² Там же. С. 162.

³ *Гайденко П.И., Фомина Т.Ю.* О правовом положении церковной собственности в домонгольской Руси (историко-правовые этюды) // Клио: журнал для учёных. 2011. №4 (55). С. 38–42; *Гайденко П.И., Филиппов В.Г.* К вопросу о церковной собственности и церковных доходах в Киевской Руси (постановка проблемы). С. 624–631; *Гайденко П.И.* Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? С. 85–89.

⁴ Часть предметов литургического значения была привезена на Русь из Византии и Западной Европы, они могли быть как трофеями, добытыми в ходе военных походов, так и изделиями, изготовленными на заказ (*Даркевич В.П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М., 1966. С. 5, 62–63; *Пуцко В.Г.* Богослужбная утварь в древнерусском храме // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. №4 (14). С. 59; *Федорова Е.В.* Введение в латинскую эпиграфику. М., 1982. С. 215).

⁵ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 155.

⁶ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 144.

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 254; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 491–493.

⁸ *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 77; *Гайденко П.И.* Церковные пиры и трапезы в домонгольской Руси: смысл, функции, значение, нравы С. 70–71.

то же лѣтъ свѣдена быѣ цркви стго Васильа ѿже стоитъ в Києвѣ на велицѣмъ дворѣ великимъ свѣщеніемъ мѣца генваря во первыи днь свѣщнымъ митрополитомъ и блжнымъ Никифоромъ епѣпомъ Гюрговскимъ и архимандритомъ Печерскимъ игоуменомъ Васильемъ созданъ ей бывши Стославомъ Всеволожичемъ и созва на пиро тѣ доуховныи свѣщного митрополита Никофора ины епѣпы игоумены и всѣ стлѣсии чинѣ и Киѣяны и быша весели и ѿпусти ѣ и разиидошася во своѣси»¹; или «созда цркви камену стхъ апѣль в Бѣлѣгородѣ блговѣрныи кнѣзь Рюрикъ приехавъ ис Києва и стѣ цркви ка камену стхъ апѣль епѣпа Бѣлогородскаѣ великимъ свѣщеніемъ блжнымъ митрополитомъ Никифоромъ епѣпомъ Андрѣаномъ тоѣ цркви столь добрѣ правша епѣпмъ Юрьевскимъ созданъ ей бывши блговѣрнымъ и хрѣстолубивымъ кнѣземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ выотою же и величествомъ и прочимъ оукрашениемъ всѣмъ в дивѣ оудобренѣ по приточникуу глѣщемоу всѣ добра возлюбленаѣ моѣ и порока нѣс в тебе тогда же кнѣзь съ единомысленоу княгинею и со бѣгонадимыми дѣтми и созва дхвныи тыи пирѣ епѣпа Андрѣана Юрьевского епѣпа и архимандрита Васильа Печерскаго игоумена Моисѣа игоумена стго Михаила Выдобычьского и прочии игоумеи и черноризьскии и прозвоутеры и всѣ свѣщницкыи чинѣ и оучреди ѿ не малы дары»².

В первые десятилетия после крещения доходы церкви очевидно были нерегулярными и незначительными³. Важно отметить, что Византия не финансировала свои религиозные миссии на Руси⁴, поэтому содержание церковной иерархии осуществляли князья. Архиереи полностью зависели от отношений с политической властью и степени ее материальной состоятельности. С середины XII в. архиерейские дворы стали превращаться в разветвленную хозяйственную систему, со своим управлением,

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 635.

² Там же. Стб. 707–708.

³ *Иванов С.А.* Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов. С. 19.

⁴ *Гайденок П.И.* Становление высшего церковного управления в Киевской Руси. С. 116.

мастерскими, торговлей¹. Церковь стала самостоятельно приобретать земли в собственность. В источник доходов превратилось изготовление предметов церковного обихода как для внутрицерковного применения, так и для нужд прихожан: нательные кресты, кресты-складни², иконы³ и др.

С развитием церковной организации и разрастанием приходов возрастала финансовая зависимость церквей от епископской власти. Поступления доходов в пользу епископа состояли из десятины, полюдья (объезда своего округа)⁴, ставленнических пошлин⁵. В Византии подобные пошлины вошли в практику со времени императора Юстиниана. В процессе становления церковной иерархии они были восприняты на Руси. Епископы получали доход от поставления мирских священников и монастырских настоятелей, а клир церквей, находящихся под их покровительством, согласно сохранившейся до наших дней традиции, должен был отчислять в пользу архиерея определенную часть доходов. За злоупотребления в этой сфере были изгнаны с кафедры Владимиро-Суздальские епископы Леонт⁶ и Феодор⁷. В ходе Владимирского собора 1274 г. был поднят вопрос, что «нѣции от брата нашьа дързноуша продати священный санъ» и «взимати от нихъ нѣкыя «оуроки»»⁸. Известны случаи, когда князья и горожане отказывались принять архиереев на кафедру, ссылаясь не только на их

¹ Купорова Г.Ш., Фомина Т.Ю. Епископская улица новгородского кремля // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. II. С. 91–95.

² Славяне и скандинавы: Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А. Мельниковой. М., 1986. С. 137, 139.

³ Берестяные грамоты №559, 560, 561, 602 (1140–1160 гг.), 504, 506, 508, 523, 551 (1160–1180 гг.), 522, 541, 542, 544, 545, 553, 554, 555, 557, 595 (1180–1200 гг.), №10 (Смоленск, 1200–1220 гг.) // URL: <http://gramoty.ru/> (дата обращения 29.01.2019)

⁴ «... как много городов и сел, и со всей той земли я получаю десятину» (Киево-Печерский Патерик. С. 395).

⁵ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II. Стб. 86.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 221.

⁷ Там же. С. 239–240.

⁸ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла. Стб. 86.

несоответствие высокому сану, но и особую притязательность в материальном отношении¹.

В «Вопрошании Кирика» сохранились сведения о двух основных источниках доходов священнослужителей: оплаты за несение службы в храме, исполнения треб и приношений прихожан, а также средств, получаемых от личного хозяйства или собственного дела. Служение и приношения составляли достаточно скудный доход, не покрывали расходов на организацию служб и нужд священников по проведению литургий. Об этом свидетельствовала описанная Кириком ситуация о возможности сельским священникам нести службу на одной просфоре². В житии Феодосия Печерского рассказывалось как к преподобному обращался некий бедный киевский священник за вином для служения Божественной литургии³. Положение священника, вероятно, напрямую зависело от степени состоятельности его паствы. Археологические данные свидетельствуют, что в Новгороде священство по своему достатку соответствовало среднему слою населения⁴. В отдельных случаях духовенство могло быть достаточно состоятельным, на что указывает усадьба новгородского иконописца Олисея Гречина⁵.

В реальной жизни священники пытались использовать любые возможности для улучшения своего материального положения: участвовали в «бесовских игрищах», смягчали христианскими обрядами «скверну» язычества⁶, занимались ростовщичеством. Согласно каноническим

¹ ПСРЛ Т. 2. Стб. 494.

² Вопрошание Кириково. С. 424.

³ Киево-Печерский Патерик. С. 90.

⁴ *Мусин А.Е.* Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 92–99.

⁵ *Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981. С. 114–155.

⁶ Вопрошание Кириково. С. 442. Возникновение подобной ситуации Г. Подскальски объяснял феноменом «двоеверия», которое исследователь считал «удобным симбиозом» христианства и язычества. Причину исследователь видел в насильственном, «сверху», введении христианства на Руси (см. *Ястребицкая А.Л., Овчинников В.Г.* Древнерусская культура в зарубежной историографии: проблемы, методология, методики современных

требованиям практика раздачи денег под проценты («в рост») грозила попам низвержением из сана, но, учитывая материальные потребности священства, епископу Нифонту пришлось ограничить лишь размер процента, снизив его до 12–16%¹. Недостаточность средств духовенство, вероятно, пыталось компенсировать за счет повышения платы на совершение треб², что приводило к оттоку прихожан к «фряжским» попам и волхвам³. Данное явление А.Е. Мусин охарактеризовал как «литургический плюрализм»⁴.

Перечисленные выше факты следует рассматривать, как показатели материальной стесненности мирского духовенства. Согласно «Вопрошанию» священнослужители вынуждены были молитвой «очищать» даже оскверненный глиняный сосуд, дабы избежать материальных трат на приобретение нового⁵. Епископ Нифонт оговаривал необходимое минимальное число свеч на заупокойных службах⁶, позволял служить на одной, даже упавшей на землю просфоре⁷, разъяснял вопрос об экономном использовании доры и просфор⁸, разрешал служить попу в церкви после участия в похоронах⁹, а Савва испрашивал о возможности служить

исследований // Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X–XVII вв. (Зарубежные и советские исследования) Ч. 1. М., 1991. С. 25).

¹ Вопрошание Кириково. С. 414.

² «Вопрошание» сообщало о стоимости лишь заупокойных служб, которые достаточно высоки: «А за оупокой сице веляше слоужити сорокоустье: на гривноу пятью, а на 6 коунь одиноу, а на 12 коунь двоичю, или како мога; но все за того единогои пение и слоужьба: того вино, темьянь, и свечи, [и] проскоуры» (Вопрошание Кириково. С. 413). Вероятно, первоначально цены на исполнение треб устанавливались священниками самостоятельно. Нифонт указывал: назначь плату за службу «на том и бери себе» (Вопрошание Кириково. С. 413). Во избежание злоупотреблений Кирик пытался с помощью Нифонта ограничить произвол священства, установив минимальный размер оплаты за службу.

³ «Аще жены детей деля творят что любо, а еже возболят или волхвом несут, а не к попови на млтву то 6 недель или 3 аще будут молоди. Аще носили къ фряскому попу дети на молитву 6 недель, рече, занеж акы двоеверец сут» (Вопрошание Кириково. С. 428).

⁴ Мусин А.Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI–XIII вв. (Церковь Преображения Господня на Нередицком холме в литургическом контексте эпохи) // НИС. Вып. 8 (18). С. 224. С. 215–239.

⁵ Вопрошание Кириково. С. 413.

⁶ Там же. С. 417.

⁷ Там же. С. 424, 425.

⁸ Там же. С. 424.

⁹ Там же. С. 425.

священнику в старых портах, в которые вшит женский платок¹. Конечно, даже бедный священник, в отличие от многих членов общины, которых можно рассматривать в качестве потенциальных прихожан, мог жить лучше своей паствы, но положение его, основанное на постоянном ожидании или выпрашивании приношений или милостей со стороны духовных детей, было унижительным². Подобное положение священства могло быть связано не только с уровнем состоятельности паствы, но и размером окормляемого округа, ведь согласно Уставу князя Ярослава Владимировича устанавливалось жесткое требование, запрещающее священнику служить на чужой территории³. Материальное состояние мирского духовенства, напрямую влияло на благосостояние епископских кафедр.

Материальные ресурсы вкладывались архиереями (как прибывшим на Русь греческим духовенством⁴, так и епископами из местного священства⁵) в строительство церквей и монастырей в пределах епископского округа. Новые храмы становились источником доходов, т.к. епископы служили не только положенные литургии, но исполняли отдельные требы для прихожан. Источники свидетельствуют об исполнении архиереями обрядов венчания⁶, отпевания⁷, но лишь в отношении представителей княжеской династии. Нежелание новгородского владыки Нифонта венчать князя Святослава Ольговича⁸ являлось не только фактом немилости со стороны духовной

¹ Вопрошание Кириково. С. 425.

² *Ростиславов Д.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Рязань, 2010. С. 17.

³ Устав князя Ярослава о церковных судах. С. 89.

⁴ Киевским митрополитом Иоанном (1019-1035) воздвигнуты две каменные церкви: в Киеве – во имя св. ап. Петра и Павла на Берестове, в Переяславле – церковь во имя Воздвижения Честного Креста Господня (ПСРЛ. Т. 9. С. 69).

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 116; НПЛ. С. 37, 38, 39, 41, 227, 228, 230, 234.

⁶ «Оу стхъ апсль оу дереваной цркви блжнѣмъ епспомъ Максимомъ» были венчаны Князь Ростислав Рюрикович и Верхуслава Всеволодовна. (ПСРЛ Т. 2. Стб. 659); «Великий княз Всеволодъ ожени сна своего Георгия Всеволожноу Кыневского княза и вѣнчан быс в стѣи Бѣи в Володимири епспмъ Юанмъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 436).

⁷ Погребение смоленского князя Давида Ростиславича епископом Симеоном (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 703).

⁸ НПЛ. С. 24, 209.

власти. Отказываясь скреплять неравный брак, архиерей руководствовался в первую очередь социальными критериями.

Еще одним источником доходов епископата было освящение храмов и церквей. В 1148 г. архиепископ Нифонт в ходе дипломатической миссии к Юрию Долгорукому освятил церковь Пресвятой Богородицы¹. Юрьевским епископом Адрианом в Белгороде в 1197 г. по просьбе киевского князя Рюрика Ростиславовича был освящен храм св. Апостолов, после чего на духовном пире архиерей получил богатые дары².

Собранные епископом доходы шли не только на содержание архиерейского двора и отчисления киевскому митрополиту, но и передавались в том или ином виде церквям и монастырям в качестве вкладов³. Вероятно, первоначально эти пожалования рассматривались как акт благосклонности архиерея, но впоследствии это позволяло епископу оказывать влияние на клир и мирян этих общин, а возможно распоряжаться их имуществом и доходами храма. Не случайно в грамоте Антония Римлянина звучало требование жестко пресекать вмешательства в дела обители епископов или князей⁴.

На начальном этапе христианизации финансовой зависимости монашествующих от епископских кафедр источники не фиксируют. Но в XII в. происходит укрепление позиций архиерейской власти. Наблюдается активное вмешательство епископов в жизнь монастырей. С одной стороны, идет борьба за подчинение обителей кафедрам, с другой – архиереи сами начинают основывать монастыри⁵. Это укрепляет материальное благосостояние архиерейских дворов. В договоре князя Игоря с Византией упоминался монастырь св. Маммы, который выступал одновременно местом проживания русских купцов, местом сбора с них налога на торговлю в

¹ НПЛ. С. 28, 214.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707–708.

³ Новгородский епископ Григорий (Гавриил) в 1189 г. освящал в Аркажском монастыре храм успения Божией Матери и украсил его настенной живописью (НПЛ. С. 39, 230).

⁴ Духовная Антония Римлянина. С. 106–107.

⁵ НПЛ. С. 39, 40, 230, 231.

Византии, складом товаров, духовным центром¹. Прямые аналогии прослеживались в отношении новгородского Юрьева монастыря, который выступал крупнейшим торговым и духовным центром северо-западной Руси, по своему политическому и экономическому влиянию не уступал владычной кафедре².

На протяжении XII–XIII вв. на территории Новгородской земли основывалось значительное количество монастырей, связанных с боярскими родами³. Основание монастырей для боярства, очевидно, было не только делом благочестия⁴, но и было связано с реализацией финансовых интересов состоятельных слоев населения. Доходы монастырей складывались от пожалований в виде земельной собственности⁵, построек⁶, домашнего скота⁷, дарений⁸, труда зависимых от монастыря людей⁹. При этом следует признать, что уровень состоятельности обители напрямую зависел от ктитора и

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 38–39.

² Так, в 1134 г. игумен Юрьева монастыря Исая был направлен в качестве посла к киевскому митрополиту Михаилу (НПЛ. С. 23, 208).

³ НПЛ. С. 40, 231.

⁴ «Создание храма и погребение в нем считалось еще более верным залогом спасения. Поэтому заботились найти последний приют для себя и для близких в храмах, воздвигнутых самими или родственниками. В летописях постоянно встречаются заметки вроде следующих: положили в церкви, которую сам создал, или отец его, в ... монастыре» (*Аристов Н.Я.* Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей. С. 30).

⁵ Киево-Печерский Патерик. С. 395. О пожаловании села Витославицы говорится грамоте князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю (*Панеях В.М.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. № 5. 1955. С. 206).

⁶ Сказание о том, как «греческие художники каменнотодчие» принесли золото для строительства в монастыре церкви Пресвятой Богородицы (Киево-Печерский Патерик. С. 35).

⁷ В сюжете об изгнании бесов из хлева (Там же. С. 99–101).

⁸ Боярин князя Изяслава, именем Судислав Геуевич передал монастырю две гривны золота и сделал золотой венец для украшения иконы Пресвятой Богородицы и передал Евангелие (Киево-Печерский Патерик. С.85–86). Инок Еразм «отдал свое золото на украшение Печерской церкви» (Там же. С. 40). Боярин князя Изяслава Тоанн послал в монастырь три воза со съестными припасами: хлебом, сыром, рыбой, сочивом, пшеном и медом (Там же. С. 89). Шимон, «сын африканского князя» передал преподобному Антонию золотой пояс и венец (Там же. С. 31, 36). Захария передал на строительство ц. Иоанна Предтечи 2000 гривен серебра и 200 гривен золота (Там же. С. 158–159).

⁹ Черноризец Григорий осудил воров работать на Печерский монастырь, где они жили со своими детьми до конца жизни (Киево-Печерский Патерик. С. 258).

пожалований. Даже в материально обеспеченном Печерском монастыре случались затруднения с содержанием братии. В житии Феодосия описан сюжет, когда монастырский эконоом Анастасий сообщал, что не на что купить еды для братии и «ничего другого»¹. В другом известии келарь Феодор сетовал, что «сегодня нечего предложить мне братии на трапезу»². В третьем сюжете старший по печению хлебов пришел к преподобному Феодосию с известием, что «нет муки, чтобы печь братии хлебы»³. Печерские иноки «занимались рукоделием, назначавшимся в продажу, иногда даже торговали в ограде» монастыря⁴.

Содержание братии осуществлялось на средства монастыря, но имелись и личные сбережения, собственность иноков. Источники фиксировали различный уровень состоятельности Печерских монахов. Затворник Афанасий два дня после смерти лежал в небрежении только потому, что был беден⁵. Другой инок Еразм после раздачи богатства обеднел и стал всеми пренебрегаем⁶. В то время как черноризец Арефа много богатства имел в своей келье⁷, а блаженный Григорий имел в собственности не только книги, но и маленький огород, где выращивал овощи и плодовые деревья⁸. Монаху Феодору чтобы вывезти личную собственность из монастыря, необходимы были «повозки и сосуды»⁹. Все это не соответствовало монашескому идеалу. Вероятно, находясь в монастыре, иноки сохраняли права собственности на те или иные материальные ресурсы, при этом на них не могли посягать ни игумены, ни епископы.

Еще одним видом доходов архиереев с обителей являлись пошлины за монашеский постриг. По тем временам они были достаточно высоки. Устав

¹ Киево-Печерский Патерик. С. 87.

² Там же. С. 89

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 352.

⁶ Там же. С. 40–41.

⁷ Там же. С. 370.

⁸ Там же. С. 257.

⁹ Там же. С. 311.

князя Ярослава гласил: «аще чернец или черница стрижаются, митрополитоу м̃ (40 – Т.Ф.) гривен»¹. Не каждому данная сумма была доступна. В Патерике сохранилось известие о монахе, который «много раз хотел постричься, но из-за его нищеты пренебрегала им братия»². Все же, в отличие от церквей, монастыри (в том случае, если они не были архиерейскими) находились в меньшей зависимости от епископской власти. Избрание настоятеля могло осуществляться братией или прямым волеизъявлением ктитора, эту независимость обеспечивали монастырям, в том числе, их материальные ресурсы. К концу XIII в. сформировался целый комплекс источников материального содержания епископских кафедр. Это доходы от движимого и недвижимого имущества, исполнения треб, судебных пошлин, отчисления церквей и монастырей, пожалования мирян. Финансовая состоятельность сказалась и на поведении архиереев. Так Нифонт мог выкинуть за тын целого тетерева с праздничного стола, только потому, что церковные каноны запрещали есть удавленину³, перемышльский епископ был настолько состоятельным, что имел «и тоулы ... бобровье ... и прилбичѣ ... вольчье и борьсоуковые», а его слуги вели себя «гордо» даже перед приближенными галицкого князя⁴, владимирский епископ Симон похвалялся перед печерским иноком Поликарпом, что имеет «много городов и сел, и со всей той земли я получаю десятину»⁵, убранство отдельных церквей и монастырей отличалось богатством и роскошью⁶.

Подводя итоги, следует обратить внимание на то, что в период становления древнерусской церковной организации содержание кафедр осуществлялось за счет единовременных пожалований княжеской власти,

¹ Устав князя Ярослава о церковных судах. С. 90.

² Киево-Печерский Патерик. С. 232.

³ Вопрошание Кириково. С. 423.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

⁵ Киево-Печерский Патерик. С. 395.

⁶ 1203 «... и митрополью стую Софью разграбиша и Деса̃тиньную стую Бѣю разграбиша и манастири всѣ и иконы ѿдраша а иныѣ поимаша и крсты чстныѣ и ссуды свѣцныѣ и книги» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 419); 1299 г. «на Торговомъ же полу церкви сгорѣ 12, и иконъ не всѣхъ успѣша выносити, ни книгъ... в Неревскомъ конци сгорѣ церкви 10 и многа узорочая» (НПЛ. С. 90, 329).

позднее князья передавали архиереям доходы с земли, покосов, ловов, часть судебных и торговых пошлин. К середине XIII в. епископские кафедры обладали значительными материальными доходами для содержания архиерея, его двора, осуществления отчислений в пользу киевского митрополита. Расширялись их земельные и промысловые угодья за счет пожалований мирян и собственных приобретений. Существенный доход приносили полюдь и десятина с окормливаемого округа, поступления от мирских священников и монастырей. Однако материальное благополучие епископов продолжало зависеть от взаимоотношений с политической властью.

Выводы по 3 главе

На протяжении X–XIII вв. происходило становление епископий русской митрополии, формировалась структура управления архиерейскими округами, наблюдался рост численности церковных приходов и монастырских обителей. Посредством «вопрошаний» и посланий архиереи предпринимали попытки упорядочить разграничение территорий приходов и контролировать соблюдение канонических требований священниками при совершении богослужений. Анализ источников позволил сделать вывод, что на Руси не сложилось единого канонического пространства, имелись различия в богослужебной практике на территории епископского округа. Монастыри, обладали достаточно широкой автономией, правящие архиереи практически не имели возможности повлиять на выбор монастырского устава, внутренний уклад жизни братии, подбор кандидатур игуменов. Власть древнерусского епископата в отношении мирского духовенства была значительно ограничена удельными князьями, боярством, церковными общинами и ктиторами. Материальное положение епископских кафедр формировалось единовременными пожалованиями князей и мирян, которые передавали церкви земли, покосы и ловы, доходы от суда и торговых пошлин. Собственные доходы церкви складывались из исполнения треб, поставления на церковные должности, отчислений с приходов и монастырей.

Глава 4 Русские епископии в структуре Киевской митрополии

Четвертая глава включает в себя пять параграфов, посвященных истории епископий, существовавших на территории Руси на протяжении X–XIII вв. и сгруппированных географически по регионам. В разделах становление и развитие епископий изложено по проблемно-хронологическому принципу и отражает такие аспекты исследования как время и обстоятельства возникновения кафедры, перечень правящих архиереев, время их служения, святительская деятельность епископата, особенности взаимоотношений с княжеской властью, участие в церковно-политической жизни Руси.

4.1 Северо-Западные епископии (Новгородская)

Новгородская епископия занимала особое место в истории древнерусской церковной организации. Это определялось значением Великого Новгорода в политическом развитии Руси, ролью региона в международной торговле, и, наконец, влиянием новгородских архиереев на политические, экономические, религиозные процессы не только Новгородской земли, но и других русских княжеств.

Основание епископии в Великом Новгороде, согласно Новгородской первой летописи, произошло в 989 г., когда Владимир Святославич поставил во главе церковной организации Иоакима Корсунянина¹. Данному известию противоречит запись Никоновской летописи под 990 г. о походе митрополита Михаила с шестью епископами «Фотиевыми», «з Добрынею дядей Володимеровымъ, и съ Анастасомъ» в Великий Новгород для сокрушения языческих идолов и обращения населения в христианство². Однако, основания новгородской епископии не произошло, ни один из архиереев в результате кафедру не занял. Лишь под 992 годом, согласно Патриаршего

¹ НПЛ. С. 159–160.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 63–64.

свода, произошло поставление Иоакима митрополитом Леоном Новгороду и Пскову¹. Следовательно, основание Новгородской кафедры следует относить к периоду с 989 по 992 гг.

Первым архиереем Великого Новгорода, согласно летописным известиям, был Иоаким Корсунянин². Его усилиями в городе построена церковь в честь св. Иоакима и Анны³. Считается, что этот каменный храм был разобран по завершении строительства Софийского собора (1045–1050 гг)⁴. Выбор святых патронов не случаен, это не только праведники, земные родители матери Спасителя. Святой Иоаким был духовным покровителем новгородского архиерея, а в образе Анны усматривается аналогия с византийской принцессой, «грекиней», отданной в жены Владимиру Святославичу. Иоакимом Корсунянином в конце «Пискупле улице» по

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

² НПЛ. С. 159–160. Летописца в первую очередь интересовали факты и события непосредственно связанные с новгородской церковной историей, согласно которым епископию основал и поставил архиерея киевский князь Владимир Святославич. Новгородский первосвятитель Иоаким Корсунянин был в статусе архиепископа. Летописец также сообщал о поставлении Владимиром митрополита и «по иным градомъ епископы», имен которых он не назвал. Вероятно, целью автора была фиксация ранней даты возникновения и изначально особого статуса новгородской епископии. По мнению В.Л. Янина и А.С. Хорошева, титулатура «архиепископ», свойственная владыкам эпохи новгородской независимости, применялась к святителям и до церковной реформы в Новгороде (*Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси XI–XV вв. М., 1979. Т. 1. С. 56; Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 30-31*). Однако данная точка зрения справедливо была подвергнута критике в трудах Б.А. Успенского и А.Е. Мусина (*Успенский Б.А. Цари и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 276; Мусин А.Е. 1130 г.: Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 197*). Согласно исследованию А.А. Гиппиуса в НПЛ титул архиепископ использовался в именовании всех новгородских владык, за исключением Аркадия, т.к. он «первый из новгородских иерархов, не назначенный из Киева, но избранный самими новгородцами» (*Гиппиус А.А. К вопросу о времени учреждения Новгородской архиепископии. С. 58*). Однако это не означает, что на территории Новгородской земли изначально была сформирована епископальная структура управления, с находящимися в подчинении кафедры приходами и монастырями. До конца XI в церковная организация Новгорода представляла собой христианскую миссию, действовавшую при поддержке княжеской власти. К середине XII в. оформляется епископальная структура. К 30-м гг. XIII в. формируются общие черты епархиального устройства.

³ НЛ. С. 173–174.

⁴ *Гордиенко Э.А. Церковь Иоакима и Анны // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2009. С. 487.*

преданию был возведен тринадцатиглавый деревянный Софийский собор¹. Летопись Авраамки под 998 г. одновременно со строительством Святой Софии сообщала об основании Десятинного монастыря². Следовательно, если верить летописным известиям, уже в конце X в. на новгородскую землю была привнесена христианская каноническая традиция в ее византийском варианте, возможно, с особенностями, характерными для периферийной корсунской епископии, и заложены основы епископальной структуры в виде кафедрального храма, подвластных церквей и монастырей.

Под 1029 г. в летописании помещено известие «преставися Новгородской епископъ Акимъ, и бяше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаще»³. Эту запись, по-видимому, следует понимать так, что после смерти новгородского архиерея святительскую кафедру принял его ученик Ефрем⁴, который был назначен Иоакимом в качестве преемника, либо самостоятельно взошел на пустовавшую кафедру. Однако рукоположения Ефрема не произошло, возможно, потому, что первый киевский митрополит Феопемпт прибыл на Русь лишь в конце 30-х гг. XI в. Под 1034 г. Ипатьевская летопись, а под 1036 г. Новгородская четвертая летопись сообщали о решении Ярослава Мудрого⁵ поставить Новгороду епископа Луку Жидяту⁶, но о церковной инвеституре (рукоположении) святителя также не сообщалось.

Более чем 20-летняя святительская деятельность Луки тесно связана с мероприятиями княжеской власти. В 1051 г. на киевскую митрополичью кафедру князем Ярославом и собранием епископов был поставлен «русин» Иларион⁷. Персональный состав собора неизвестен, христианские каноны требуют участия в процедуре не менее 2-3 архиереев. Учитывая

¹ НПЛ. С. 181; ПСРЛ. Т. 13. С. 177.

² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 40.

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 79.

⁴ Там же; ПСРЛ Т. 4. С. 113.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139; ПСРЛ. Т. 4. С. 114; ПСРЛ. Т. 9. С. 83.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139; ПСРЛ. Т. 4. С. 114.

⁷ НПЛ. С. 16; ПСРЛ. Т. 4. С. 117.

немногочисленность представителей высшего духовенства на этапе становления древнерусской церковной организации, участие новгородского епископа Луки Жидята предположить возможно. На период святительства Луки пришлось строительство князем Владимиром Ярославичем Софийского собора в Новгороде и освящение церкви пресвятой Богородицы¹. Перу Луки Жидята принадлежал один из первых на Руси образцов учительной литературы «Поучение к братии»², небольшое по объему, написанное простым языком. Поучение было напоминанием важнейших христианских истин – необходимости посещения богослужения, ежедневные молитвы, любовь, поддержка и милосердие к ближнему, страх наказания за грехи, то, что должно было укрепить неофитов в правой вере.

Судьба новгородского епископа драматична. В 1055 году Лука Жидята был осужден киевским митрополитом Ефремом по ложному навету холопа Дудика и его соратников, три года провел в заточении в Киеве, после чего был оправдан и вернулся на кафедру³. В истории русской церкви это первый прецедент судебного разбирательства в отношении архиерея, который мог иметь как политическую подоплеку, так и стать результатом канонических противоречий с митрополичей кафедрой.

Нельзя исключать возможности, что суд над владыкой был попыткой Киева таким образом ослабить политические позиции Великого Новгорода, т.к. после смерти покровителя Луки Ярослава Мудрого к власти пришел его сын Изяслав⁴. Лука Жидята был обвинен в «непотребных речах», но вряд ли реальной причиной осуждения стали только высказывания архиерея. Историком В.В. Мильковым высказана достаточно аргументированная гипотеза о религиозно-реформаторской деятельности Луки. Как отмечал В.В. Мильков, в период святительства Луки были созданы рукописные книги, «не являвшиеся прямой рецепцией греческих образцов», введены праздники, не

¹ НПЛ. С. 181; ПСРЛ. Т. 13. С. 173, 177.

² ПСРЛ. Т. 4. С. 118–120.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139; ПСРЛ. Т. 4. С. 118; НПЛ. С. 182–183; ПСРЛ. Т. 13. С. 192.

⁴ НПЛ. С. 182.

зарегистрированные в греческой богослужебной практике, но характерные для западной церкви, в росписи Софийского собора явно прослеживалось южнославянское влияние¹. В этой связи святительскую деятельность Луки можно рассматривать как отступление от канонов, заложенных предыдущим архиереем Иоакимом и охраняемых киевскими митрополитами, поставленными из Византии.

Под 15 октября 1059 г. сообщалось о смерти Луки Жидяты², после чего руководство церковной организацией Новгорода перешло к воспитанникам Киево-Печерского монастыря – Стефану, Федору³, Герману⁴, Никите⁵. В это время в Новгороде обострилась внутренняя борьба с языческими пережитками, от которой страдала и церковь, и ее святители. Внутрицерковная борьба сливалась политическими противоречиями, о чем свидетельствует упоминаемый в источниках факт, что епископ Стефан (ок. 1059 г. – ок. 1068 г.) был задушен собственными холопами⁶. Федор (1069/1070 – 1077/1078) едва не погиб в ходе антицерковного мятежа, который возглавили волхвы⁷. Возможным последствием активизации деятельности архиереев по христианизации новгородского населения можно считать восстание 1071 г., когда горожане под руководством волхвов «хотяху побитии епископа Федора»⁸. В этом мятеже четко проявилось сближение внутрицерковных противоречий с политическими. Новгородцы встали на сторону волхвов, а архиерея поддержала только дружина во главе с князем Глебом Святославичем⁹. Это свидетельствовало не только о прочности языческих традиций среди широких слоев новгородского населения, но и все

¹ Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI. 2009. № 2. С. 127, 133.

² Лука Жидята преставился по пути из Киева в Новгород на Копысе – это небольшое поселение на Днепре, недалеко от современного города Могилёва (ПСРЛ. Т. 4. С. 120).

³ НПЛ. С. 17, 18, 196, 201.

⁴ Киево-Печерский Патерик. С. 394; Герман скончался в Киеве, погребен там же (ПСРЛ. Т.4. Ч. 1. Вып. 1. С. 133, 137).

⁵ НПЛ. С. 19.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 96.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ НПЛ. С. 196.

⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 99; НПЛ. С. 196.

более проявляющихся социально-политических противоречиях, связанных с ограниченным распространением христианства, которое поддерживалось лишь усилиями княжеской власти.

Несмотря на сложности архиерейского служения, при Федоре было положено начало комплексу новгородских местночтимых святынь, в частности, в 1069 г. у собора св. Софии произошло «обретение креста честный Володимир»¹, а в святительство Германа (ок. 1078 г. – ок. 1096 г.) впервые сообщалось о частном церковном строительстве. В 1092 г. «заложиша в Великом Новгороде церковь каменную Вознесение Господне Милонит Кищник на Прусской улицы»².

Следующий епископ Никита (ок. 1096 – 30.01.1108/1109)³ в летописи представлен как просвещенный богослов, прославившийся затворничеством в период иночества в Киево-Печерском монастыре. В его служение в Новгороде началось обустройство архиерейского двора, где были построены каменные палаты. По инициативе владыки «начаша подписывати святу ю Софию»⁴. Продолжалось возведение княжеских построек – «заложиша церковь Благовещение Мьстислав князь на Городищи»⁵. Подвижником Антонием Римлянином по благословению Никиты началось строительство Благовещенского монастыря. Следовательно, в это время в Новгороде мирно сосуществовали ветхозаветные традиции, проповедуемые епископом Никитой⁶, и особенности ирландского богослужения, привнесенные преподобным Антонием⁷.

При этом новгородские епископы не принимали участия в значимых церковных событиях своего времени. Они отсутствовали при перенесении

¹ НПЛ. С. 17.

² НЛ. С. 186.

³ НПЛ. С. 19

⁴ НЛ. С. 187.

⁵ НПЛ. С. 19, 203.

⁶ «Никто не мог состязаться с ним в книгах Ветхого завета, ибо он знал наизусть Бытие, Исход, Левит, Числа, Судей, Царства и все пророчества по порядку и хорошо знал все еврейские книги» (Житие преподобного отца нашего Никиты Затворника // Киево-Печерский патерик. С. 224–229).

⁷ Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 48–49.

мощей Бориса и Глеба (1072 г), при освящении храма Пресвятой Богородицы (1089 г) и перенесении мощей преп. Феодосия (1091 г) в Печерской обители. Процедура кононизации князей Бориса и Глеба приходилась на святительство епископа Федора. Ключевые события в истории Киево-Печерского монастыря состоялись, когда новгородскую кафедру возглавлял воспитанник обители епископ Герман. Причинами сложившейся ситуации, по мнению А.Е. Мусина, могли быть «особенности политического положения Новгорода в составе древнерусской федерации», которые «не могли не повлиять на позицию епископов Новгородских, стремившихся утвердить похожие отношения в рамках единой Церкви. Это могло вызвать соответствующую реакцию Киевских митрополитов греков, жертвами которой могли стать Лука, Стефан и Герман (в 1055, 1068 и 1095 гг. соответственно)»¹.

Таким образом, на этапе становления новгородской кафедры архиереи поставлялись рукой киевского князя, осуществляли свою деятельность при поддержке княжеской власти. Несмотря на неустойчивость положения архиереев в социальной структуре новгородского общества, ими закладывались основы регулярной церковной жизни, которые проявлялись в строительстве кафедральных храмов, создании учительной литературы, обретении первых местночтимых святых, материальных источников существования диоцеза.

Период святительства епископа Иоанна (1110–1130/1131 гг)² характеризовался напряжением взаимоотношений Новгорода и Киева, связанных с попытками киевского князя Мстислава Владимировича закрепить за своим родом новгородский престол³. Противоречия возникли и

¹ Мусин А.Е. Загадки Дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2016. С. 56–57.

² НПЛ. С. 19, 203.

³ Под 1117 г. помещено известие: «иде Мьстиславъ Киеву на стол из Новагорода марта в 17; а сынъ посади Новѣгородъ Всѣволода на столѣ» (НПЛ. С. 20, 204). В следующем году произошло обострение конфликта: «приведе Володимиръ съ Мьстиславомъ вся бояры новгородьскыя Киеву, и заводи я къ чьстному хресту, и пусти я домовъ, а инья у себе

по вопросу сохранения великокняжеского права на назначение в Новгород посадников¹. При владыке Иоанне были заключены браки Мстислава Владимировича и его сына Всеволода². Венчание князя Мстислава проходило в Киеве, а Всеволод женился в Новгороде. В 1123 г. Иоанн Попьян мог венчать князя как в Софийском соборе, так и в Никольском, заложенном Мстиславом Владимировичем в 1113 г.³

В период святительства Иоанна активизировалось княжеское церковное строительство. В 1127 г. князем Всеволодом Мстиславичем была заложена церковь Ивана на Опоках «на Петрятине дворѣ, въ имя сына своего»⁴. В присутствии Всеволода был заложен Георгиевский собор Юрьева монастыря⁵. Из частных построек упоминалась построенная Воигостом церковь святого Феодора Тирона⁶.

Святительство Иоанна Попьяна связано с Антониевым монастырем. Летописи сообщали, что Антонием Римлянином была заложена, «свершена» (1117–1119 гг) и расписана церковь Пресвятой Богородицы (1125 г), сооружена «трыпезница камяна»⁷. Согласно «Житию Антония», все, что было построено в монастыре, освещал владыка Никита, но он умер в 1109 г. и

остави; и разгневаяся на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрью, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся» (НПЛ. С. 21, 205).

¹ В записи 1120 г. сообщалось о прибытии из Киева назначенного в Новгород посадника Бориса (НПЛ. С. 21, 205). А под 1126 г. помещено первое известие о выборе посадника на вече – «въдаша посадницъство Мирославу Гюрятиницю», затем в 1128 г. – Завиду Дмитровичу. В 1129 г. вновь пребыл княжеский ставленник – «въниде ис Киева Даниль посадницить Новугороду» (НПЛ. 21, 205, 206).

² В 1122 г. после смерти жены Христины Мстислав Владимирович в Киеве женился на дочери новгородского посадника Дмитрия Завидича, о смерти которого сообщалось под 1118 г (НПЛ. С. 21, 204, 205). Всеволод Мстиславич женился на дочери Святослава Давыдовича, черниговского князя, ставшего иноком Киево-Печерского монастыря и известного как Николай Святоша (НПЛ. С. 21, 205). По мнению современного исследователя М.В. Печникова в 1223 г. брак Всеволода Мстиславича в Новгороде венчал именно Иоанн Попьян. (Печников М.В. Новгородская епископия в конце XI – 1-й трети XII в.: печерские постриженники на севере Руси и начало эпохи политических преобразований // Вестник церковной истории. 2016. № 3–4 (43–44). С. 187).

³ НПЛ. С. 20.

⁴ Там же. С. 21, 206.

⁵ 1119 г.: «Заложи церковь Кирьякъ игумень и князь Всеволод, манастырь святого Георгия в Новѣгородѣ» (НПЛ. С. 21, 205).

⁶ 1115 г.: «Заложи Воигост церковь святого Феодора Тирона» (НПЛ. С. 20, 204).

⁷ НПЛ. С. 20, 21, 204, 205, 206.

покровительство строительству следует отнести на счет его преемника Иоанна Попьяна. Свидетельств о противостоянии ирландского Антониева монастыря и представителей владычной кафедры не сохранилось, следовательно «обитель находилась на особом положении, обусловленном заморским ее происхождением и несвойственными Руси религиозными традициями (конфессиональной окраской)», не предполагавшем прямой зависимости от новгородских архиереев¹. В святительство Иоанна была обретена одна из главных святынь Новгорода – образ чудотворца Николая Мирликийского. Иконописный образ, изображенный на круглой доске, по преданию, приплыл к новгородским берегам из Киева².

Одним из неразрешенных вопросов новгородской церковной истории остаются причины отрешения от кафедры епископа Иоанна Попьяна. В историографии данной проблемы³ наиболее обоснованной представляется точка зрения М.В. Печникова, который связывал «отвержение» новгородского архиепископа с политикой киевского князя Мстислава Владимировича, «стремившегося сделать Новгород, как и Киев, наследственным владением. В то время как новгородцы, во главе с его сыном Всеволодом Мстиславичем боролись за вольность, в том числе и при поставлении посадников»⁴. Данное положение подтверждается и тем, что Всеволодом Мстиславичем Новгороду даровано два важных акта: «Устав о

¹ Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. С. 49.

² НЛ. С. 188.

³ Тихомиров П.И. Биографии первых девяти Новгородских епископов. Новгород, 1861. С. 52; Янин В.Л. Печать Новгородского епископа Ивана Попьяна (1110–1130) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Вып. 9. С. 47–56; Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 22–26, 31, 95; Он же. Летописные списки новгородских владык // Новгородский исторический сборник. 1984. Вып. 2 (12). С. 127–142; Щанов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 62, 63, 66–69, 207; Мусин А.Е. 1130 г.: Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород, 1998. Вып. 12. С. 195–210; Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998. Т. 3. С. 28–29, 119; Успенский Б.А. Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 276.

⁴ Печников М.В. Иоанн Попьян // ПЭ. Т. 23. С. 432–435.

церковных судах, людях и мерилах церковных»¹ и «Устав церкви Ивана на Опоках»². Первым уставом подтверждалась передача десятины новгородским епископам (имя Иоанна Попьяна не упоминается – *Т.Ф.*) от княжеского суда, «ис торгу», «из домовъ на всакоє лѣто и ѿт всакого стада и ѿт всакого жита», закреплялся надзор владык за мерилami торговыми³. В Уставе Всеволода Мстиславича новгородские архиереи упоминались либо в одном ряду с киевскими митрополитами, либо противопоставлялись им⁴. Затем приводился перечень прецедентов, находившихся в ведении архиерейского суда, список церковных людей. В целом, устав Всеволода Мстиславича «о церковных судах, людях и мерилах церковных» по своей структуре и содержанию близок к установлениям церкви Пресвятой Богородицы (Десятинной), приписываемым князю Владимиру Святославичу. В уставе церкви Ивана на Опоках Всеволодом Мстиславичем определялось материальное содержание священнослужителей, порядок несения ими службы, объем взимаемых торговых пошлин⁵. Данные положения свидетельствовали о возрастании роли княжеской власти в регулировании доходов новгородского архиерейского двора, обеспечении гарантий соблюдения торговых обязательств. Это возможно лишь при условии, если мероприятия новгородского князя совпадали с интересами города в попытке освободиться от контроля киевской политической власти.

¹ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 153–158.

² Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках. С. 158–165; Церковь впоследствии была передана князем корпорации купцов-вощников (*Гиппиус А.А.* К истории текста церковного Устава Всеволода // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 2003. Вып. 17. С. 163–173).

³ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 153–158.

⁴ «митрополитом Киевьским и архиепископом Новгородским» или «святѣй Богородици в Киеве и митрополиту, а в Новѣгородѣ святѣй Софии и епископу». (Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых. С. 153–158).

⁵ Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках. С. 158–165.

В то же время нельзя исключать и каноническое простивостояние новгородской кафедры и киевской митрополии¹. На это указывает найденная печать Иоанна Попьяна, оформленная по образцу печатей киевского митрополита Никифора I, что может рассматриваться как претензия на изменение статуса, а, возможно, и автономию новгородской кафедры². «Отвържеса архиепископъ Иоанн Новагорода»³ в 1130 г., когда на вакантную с 1126 г. кафедру «из Константинополя в Киев прибыл новый митрополит Михаил (1130–1145 гг.)», который мог совершить обряд отрешения от сана⁴. По мнению М.В. Печникова, причиной отрешения «стало нежелание Иоанна мириться с начавшимися политическими преобразованиями в Новгороде. Не исключен даже прямой конфликт с новгородцами по причине поддержки епископом князя Всеволода Мстиславича, безусловно, также недовольного стремлением жителей Новгорода ограничить княжескую власть»⁵.

Последовательное укрепление положения новгородской епископии в структуре русской митрополии произошло при следующем архиерее - Нифонте⁶. Политическая ситуация в Новгородской земле в период святительства Нифонта была крайне напряженная, а порой даже драматичная. В 1136/1137 г. новгородцы, отстаивая право вольности в князьях, изгнали Всеволода Мстиславича, «а Володимира, сына его, прияша»⁷. «В то же лѣто приде Новугороду князь Святослав Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка»⁸. И вновь произошел конфликт, в ходе которого владыка Нифонт не только отказался венчать социально неравный

¹ Печников М.В. Иоанн Попьян. С. 432–435.

² Мусин А.Е. 1130 г.: Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в Древней Руси. С. 197.

³ НПЛ. С. 22.

⁴ Печников М.В. Новгородская епископия в конце XI–1-й трети XII в.: печерские постриженники на севере Руси и начало эпохи политических преобразований. С. 187.

⁵ Там же.

⁶ НПЛ. С. 22.

⁷ Новгородцы изгнали «князя своего Всѣволода, и всадиша въ епископль дворъ, съ женою и с дѣтьми и съ тщею, мѣсяця мая въ 28; и стражѣ стрежаху день и ночь съ оружиемъ, 30 мужь на день. И сѣде 2 мѣсяця, и пустиша из города июля в 15» (НПЛ. С. 24).

⁸ НПЛ. С. 24.

брак Святослава Ольговича, но и запретил присутствовать на таинстве подвластному ему клиру «попомъ и церенецемъ»¹. Князь вынужден был «веняться своими попы» в недавно освященном Никольском соборе². Данный прецедент сложно рассматривать лишь как стремление владыки соблюсти канонические нормы и предотвратить мезальянс. Это свидетельствовало о том, что в политическое противостояние, стремление Новгорода к вольности в князьях, включились и церковные институты. Через год Святослав Ольгович был изгнан с Новгородского стола и «слашася по Гюргя Володимириця Суждалю»³.

Последующий период политической истории Великого Новгорода характеризовался чередой изгнаний и приглашений князей то киевской, то суздальской династических ветвей Рюриковичей и временем, когда «седеша новгородци безъ князя»⁴. Указанные события являлись следствием не только княжеских усобиц периода политической раздробленности Руси, но и отражали разделение новгородского общества на противоборствующие партии, поддерживающие ставленников Киева и Суздаля. Борьба шла как за новгородский княжеский стол, так и за посадничество⁵.

К этому времени относится еще одно важное событие в жизни города, о котором сообщала Новгородская первая летопись. Под 1134 г. «иде Исаия игумень съломъ Кыеву; приде опять съ митрополитомъ Михаиломъ Новугороду, декабря въ 9.... И пустиша митрополита Кыеву, мѣсяца феурря въ 10, въ мясопустную неделю, а на Суждаль идуще, не пустиша его, а онъ мѣлвляше имъ: не ходите, мене богъ послушаетъ»⁶. Известие представляет значительный интерес, т.к. фиксирует не характерный для раннего периода

¹ НПЛ. С. 24.

² Там же.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 26, 212.

⁵ Летопись сохранила немало драматических моментов: в 1136/1137 гг. «убиша (посадника – Т. Ф.) Гюргя Жирославиця и съ моста съвѣргоша» (НПЛ. С. 24). В следующем году посадник Константин вынужден был бежать к князю Всеволоду (НПЛ. С. 24). Под 1141 г. сообщалось о расправе над Якуном, которого новгородцы «обнажившее, яко мати родила, и свергоша и с мосту» (НПЛ. С. 26, 212).

⁶ НПЛ. С. 23.

русской церковной истории факт посещения киевским митрополитом подвластного ему епископского округа¹. Не совсем ясен смысл летописной фразы «приде опять съ митрополитомъ Михаиломъ», т. к. в предыдущие годы не сообщалось о посещении митрополитом Новгорода и о поездках Исаяи по каким-либо нуждам в Киев². Вероятно, приезд первоиерарха в город был крайне желателен, поэтому за ним в Киев был отправлен игумен новгородского Юрьева монастыря Исаяя. Исследователями высказывалось мнение, что Исаяя был направлен епископом Нифонтом и приезд митрополита должен был предотвратить усиление политических позиций Мстиславичей в Новгороде³. Однако нельзя определить роль в описанных событиях правящего новгородского владыки Нифонта, т.к. его имя в источниках даже не упоминалось.

Митрополит Михаил находился в Новгороде около полутора месяцев. Согласно летописному известию, архиерей прибыл в новгородскую землю 9 декабря, затем помещен рассказ о битве новгородцев под руководством князя Всеволода с суздальцами на Ждане горе 31 декабря 1134 г., отъезде митрополита в Киев состоялся 10 февраля того же года⁴. Вряд ли столь длительный период нахождения был связан с заточением, скорее митрополит удерживался в стенах города. Местом пребывания первоиерарха мог быть архиерейский двор⁵. Но данное обстоятельство никак не сказалось на церковных событиях, например, освящении храмов, совместном служении митрополита и новгородского епископа и т.п. Остается открытым вопрос, как

¹ *Гайденко, П.И., Филиппов В.Г.* Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение. С. 66–80.

² НПЛ. С. 22.

³ «Исайю, безусловно, послал к Киевскому митрополиту новгородский епископ Нифонт. Исаяя рассказал, по поручению Нифонта, о попытке Мстиславичей усилить свои позиции на севере и северо-востоке Руси» (*Панова В.И.* Митрополит Киевский Михаил (1130-1145) // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 1. С. 79.

⁴ НПЛ. С. 22.

⁵ В 1136 г. изгнанный князь Всеволод с семьей также был посажен «въ епископлъ дворъ» (НПЛ. С. 209). В 1142 г. четыре месяца на епископском дворе был заточен представитель суздальской династии князь Ростислав Юрьевич (НПЛ. С. 26, 212).

относился Нифонт к удержанию правящего киевского архиерея, которым он был рукоположен и в подчинении которого находился.

В то же время, нельзя связывать прибытие митрополита Михаила в Новгород лишь с инициативой владыки Нифонта, т.к. описание анализируемых событий помещено одновременно с сюжетом о новгородско-суздальском противостоянии. Возможно, на авторитет митрополита Михаила возлагала надежду прокиевски настроенная часть новгородской знати, стремящаяся мирно разрешить конфликт с Суздалем. Дипломатический статус Михаила оказался невостребованным и новгородцы в очередной раз решили проблему с суздальцами военным противостоянием, в сражении на Ждане горе, и даже после заключения мира не позволили киевскому митрополиту отправиться в Суздаль для урегулирования ситуации, а вынудили его вернуться в Киев¹. Источники подтверждают тщетность попыток архиерея примирить враждующие стороны². Спустя 8 лет владыка Нифонт попал в сходную ситуацию, когда разгневанный князь Всеволод Ольгович, узнав о приглашении на новгородский стол Ростислава Юрьевича Суздальского, удерживал в Киеве «епископа и купцѣ и послы новгородьскыя»³.

Однако данные события нельзя рассматривать с позиции только церковного противостояния Киева и Новгорода, напротив, последующее развитие событий свидетельствует о усилиях митрополита Михаила и владыки Нифонта в решении общерусских конфликтов. Так, после возвращения из Новгорода Михаил тщетно пытался примирить Владимировичей и Мстиславичей⁴, а под 1136 г. сообщалось об успешном решении данного вопроса новгородским архиереем: «иде в Русь архиепископъ Нифонъ съ лучшими мужи и заста кыяны съ церниговьци

¹ НПЛ. С. 22.

² Там же.

³ Там же. С. 26, 212.

⁴ Панова В. И. Митрополит Киевский Михаил (1130-1145). С. 78–80.

стояще противу собе, и множество вои; и божиею волею съмиришася»¹. Нифонту удалось уладить конфликт и это не единственная дипломатическая миссия новгородского владыки. В разгар новгородско-суздальского противостояния 1148 г. «ходи архиепископ Нифонтъ къ Суздалю мира дѣля къ Юргеви; и приять и с любовию Гюрги, и церковь освяти Богородицю великымъ священиемъ, и новоторжьци выправи вси и гость цѣль, и посла съ честию Новугороду; но мира не дасть»². летописцем подчеркивались знаки уважения, оказанные архиерею суздальским князем, но решить задачу примирения сторон Нифонту не удалось.

В условиях противостояния Киева, Новгорода и Суздаля политические предпочтения владыки Нифонта вряд ли могут быть представлены как очевидные. Новгородский архиерей использовал свой авторитет в примирении киевлян и черниговцев³, но при попытке поставления на митрополичью кафедру Климента Смолятича выступил против воли киевского князя Изяслава Мстиславича, приводя весомые аргументы: «не достоин (*Климент Смолятич – Т. Ф.*) есть сталь, аще благословень есть от великаго сбора, ни ставльень»⁴. Сомнительно, что на сторону Киева Нифонта могло склонить удержание его в составе посольства при князе Всеволоде Ольговиче⁵ или заточение в Печерском монастыре при Изяславе Мстиславиче⁶. Владыка Нифонт скорее отдавал предпочтение союзу с Суздальской династией. Оказанные в 1148 г. новгородскому архиерею почести, вероятно, были следствием добрых личных отношений Нифонта с Юрием Долгоруким. А события 1150 г. ясно показали, что благодаря усилиям суздальского князя владыка был выпущен из Печерского монастыря⁷.

¹ НПЛ. С. 24.

² Там же. С. 28, 214.

³ Там же. С. 24.

⁴ Там же. С. 28, 214

⁵ Там же. С. 26, 212.

⁶ Там же. С. 28, 215.

⁷ Там же.

Анализ известий Новгородской первой летописи о святительстве Нифонта, позволяет сделать вывод, что степень участия владыки в ключевых событиях истории Новгорода и Руси обозначена по-разному, его церковный статус представлен крайне неустойчиво. Показательно, что в сюжете о прибытии в Новгороде митрополита Михаила Нифонт не упоминался¹. В 1135 г. в летописной записи об основании церкви пресвятой Богородицы и примирении киевлян с черниговцами, он именовался архиепископом². В записи 1136 г. о женитьбе Святослава Ольговича Нифонт назван владыкой³. Под 1141/1142 гг. в известии о пленении новгородцев Всеволодом Ольговичем он упомянут епископом без указания имени⁴, а год спустя в записи о росписи притворов св. Софии вновь величался архиепископом Нифонтом⁵. В следующем году сообщалось о запрете новгородского епископа отпевать двух утопших попов⁶. Наконец, после Киевского собора 1149 г. архиепископский статус Нифонта не ставился летописцем под сомнение до конца его святительства⁷. Возможно, в зависимости от ситуации участие/роль Нифонта в различных событиях времени его пребывания в сане новгородского архиерея могла преувеличиваться, замалчиваться или нивелироваться.

Деятельность владыки Нифонта по созданию условий для богослужения и распространения христианства значительна. Ему приписывалась инициатива росписи притворов Софийского Собора⁸, он же «поби святую Софею свинцем всю прямя и извистию омаза всю околѡ»⁹, активизировалось церковное княжеское и частное строительство¹⁰. В 1136 г.

¹ НПЛ. С. 22, 208.

² Там же. С. 23, 208.

³ Там же. С. 24, 209.

⁴ Там же. С. 26, 212.

⁵ Там же. С. 27, 213.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 29, 215–216.

⁸ Там же. С. 27, 213.

⁹ Там же. С. 29, 215.

¹⁰ 1133 г. «И церкви сърубиша 2 деревяне на Търговищи: святую Богородицю и святого Георгия, при князи Всеволодѣ» (НПЛ. С. 23); 1136 г.: «Ирожнеть заложи церковь святого

построил «церковь камяну святых Богородица на Търговищи Всѣволодъ, Новгородъ, съ архиепископъмъ Нифонтомъ», которая была «свершена» в 1144 г.¹. В 1153 г. Нифонт в Ладоге «заложи церковь святого Климента»², а «в Великом Новгороде, на Торговой стороне ... церковь камяну святого Климента, на Иворове улицы»³. Согласно источникам, в период святительства Нифонта заложено 12 церквей, три из них при личном участии архиерея. Это свидетельствует, с одной стороны, о стремлении архиерея обустроить территорию подвластного ему округа, с другой, позволяет сделать вывод об уровне религиозного сознания паствы, готовой вкладывать средства в строительство церквей.

В 1131 г. Нифонт рукоположил Антония в игумены основанного им монастыря, тем самым подчиня своей власти некогда автономную обитель⁴. Согласно Духовной грамоте Антония Римлянина⁵, ранее также предпринимались попытки установить контроль над монастырской братией. Примечательно, что после смерти основателя монастыря под 1147 г. летопись сообщала «даша игуменьство Андрѣови по Антонѣ»⁶. К сожалению, термин «даша» не проясняет вопроса, чьим решением Андрей принимает руководство монастырем (если братии - то необходим термин «избраша», если волей Нифонта - то «поставлен»).

Как известно, ближайшим сподвижником Нифонта был воспитанник Антониева монастыря Кирик, инициатор формирования корпуса канонических установлений новгородской кафедры, составленных посредством «вопрошаний» к архиепископу и другим церковным иерархам. Кирик проявлял не соответствующую его сану независимость от мнения

Николы на Яколи улицы» (НПЛ. С. 23); 1146 г.: «сдѣлаша 4 церкви: святую мученику Бориса и Глѣба в городѣ, и святого пророка Ильи, и святую апостолу Петра и Павла на Холмѣ, и святую Козмы и Дамиана» (НПЛ. С. 27, 213-214); 1151 г.: «создаша 2 церкви: святого Василья и святого цесаря Костянтина и матери его Олены» (НПЛ. С. 28-29, 215).

¹ НПЛ. С. 23, 213.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 192.

³ НЛ. С. 190-191.

⁴ НПЛ. С. 22.

⁵ Духовная Антония Римлянина. С. 106-107.

⁶ НПЛ. С. 28, 214.

владыки, спорил с ним, приводя в качестве аргументов известные ему источники, в том числе и западноевропейские, с целью унифицирования требований к богослужебной практике в Новгородской земле¹. Следовательно, не только на территории Новгорода, но и при дворе архиерея благополучно сосуществовали различные канонические традиции – грекофильские, исповедуемые самим Нифонтом, и ирландские, привнесенные преподобным Антонием и поддержанные его последователем Кириком. Из летописи также известно о существовании в Новгороде варяжской церкви². Подобное положение свидетельствовало о лояльном отношении церковных властей к каноническим различиям в лоне христианства. В то же время Нифонт крайне требователен к представителям подвластного ему духовенства³. Но память о владыке в Новгороде осталась доброй, и летописец сетовал «яко не хотя богъ, по грѣхомъ нашимъ, дати намъ на утѣху гроба его, отведе и Киеву, и тамо преставися; и положиша и въ Печерьскѣмъ монастыри»⁴.

Со времени святительства Иоанна Попьяна и владыки Нифонта, происходило активное включение архиереев в процессы отстаивания политической независимости Новгорода в князьях и посадниках. Возрастал авторитет новгородской епископии в рамках киевской митрополии, владыки выступали в качестве третейских судей в межкняжеских конфликтах, содействовали примирению новгородцев с их политическими противниками. Святительства Иоанна и Нифонта стали временем активизации княжеского, архиерейского и частного церковного строительства. Были предприняты попытки унификации церковных обрядов, создавались условия для проникновения христианских ценностей и ритуалов в повседневную жизнь новгородского общества. В первой половине XII в. формировалась структура управления новгородским церковным округом. Новгородские архиереи

¹ НПЛ. С. 413–429.

² Там же. С. 29, 215.

³ Вопрошание Кириково. Статьи №№ 5, 18, 19, 27, 29, 31.

⁴ НПЛ. С. 29, 216, 473.

осуществляли свою деятельность, пользуясь гораздо большей степенью свободы и независимости по сравнению с епископами других русских земель. Материальное положение кафедры в этот период не поддается полному описанию, но Нифонт первый из архиереев Руси был упомянут в статусе «владыка», что означало не только полноту церковной власти, политическое влияние, но и определенную степень финансовой обеспеченности архиерейского двора.

В последующие годы кафедра Великого Новгорода стала замещаться кандидатами, избранными из местного духовенства. Сведения об этом под 1156 г. в Новгородской первой летописи помещены с многочисленными комментариями и пояснениями «собрася весь град люди, изволѣша собѣ епископомъ поставити мужа свята и богомъ избрана именемъ Аркадиа; и шед весь народ, пояша из монастыря святаыя Богородици, и князь Мьстиславъ Юрьевич, и весь крилось святаыя Софѣя, и вси попове городстѣи, игумены и чернци, и введоша и, и поручившее ему епископью въ дворѣ святаыя Софѣя, дондеже приидеть митрополит в Русь; тогда и поидеши ставится»¹. Обстоятельства избрания архиерея обоснованы летописцем канонически грамотно. Все категории новгородского населения – горожане, белое и черное духовенство, а также представители княжеской власти единодушно «изволѣша собѣ епископомъ поставити». Кафедру возглавил пользующийся авторитетом представитель монашествующих, игумен и основатель новгородского монастыря пресвятой Богородицы Аркадий².

¹ НПЛ. С. 29, 216.

² Церковная биография Аркадия до принятия архиепископского сана представлена следующим образом. Будущий архиерей принял посриг в Юрьевом монастыре, но вскоре его покинул (по некоторым источникам был изгнан). Аркадий решением князя Изяслава Мстиславича был поставлен игуменом монастыря св. Пантелеймона, затем покинул обитель и в 1153 г. основал Успенский монастырь, именуемый в источниках «Аркаж». Именно оттуда Аркадий был избран на владычный престол. Причины ухода/изгнания будущего архиерея из обителей источниками не прояснились, но говорилось о поддержке святителя со стороны княжеской власти как при вхождении в игуменство, так и на епископскую кафедру (НПЛ. С. 29–31, 215; *Амвросий (Орнатский), архиеп.* Указ. соч. Ч. 1, С. 69; Ч.3, С. 277–278; *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История Русской Церкви. М., 1888, Т. 1. С. 182–184; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 33, 99; *Тихомиров П.И., прот.* Кафедра новгородских

Обстоятельства поставления Аркадия описывались в традициях раннего периода христианства, когда архиереи избирались волею общины. При этом подчеркивалось, что кандидат лишь вводился во двор святой Софии, а легитимизация его власти была возможна только после рукоположения киевским митрополитом¹. Избрание Аркадия представлялось как вынужденное в условиях вдовствующих новгородской кафедры и киевского митрополичьего престола². В 1158 г. право новгородцев избирать архиерея и легитимность власти Аркадия были подтверждены киевским митрополитом Константином³.

Аркадий, занимая новгородский владычный престол, активно пользовался правом поставления игуменов на подвластной ему территории. Так, под 1157 г. сообщалось, что «преставися Андрѣи, игумень святѣи Богородици, и поставиша игуменомъ Олексу на его мѣсто»⁴. После смерти

святителей со времен введения христианства в Новгороде до покорения его Московской державе. Новгород, 1891. С. 70; *Орлов А.С.* Житие св. Аркадия, епископа Новгородского, в списке второй половины XIV в. // *ЧОИДР.* 1899. Кн. 3. С. 1–16; *Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковнослужителей. Киев, 1913. С. 1406).

¹ НПЛ. С. 30, 217.

² Хронология событий представлялась следующим образом. Согласно летописным известиям в 1145 г. киевский митрополит Михаил отправился в Византию, и к месту служения не вернулся. На соборе 1147 г. по воле киевского князя Изяслава Мстиславича митрополитом был избран Климент Смолятич. Как указывалось выше, против его кандидатуры и за сохранение киевской кафедры в лоне Византийской церкви выступил новгородский владыка Нифонт, за что и получил от константинопольского патриарха почетный архиепископский сан. Однако после смерти Нифонта в Киево-Печерском монастыре (21 апреля 1156 г) новгородский святительский престол оказался вакантным, а т.к. Новгород не признавал власти Климента Смолятича, то была использована практика избрания архиерея в сан паствой. Приемлемой кандидатурой оказался игумен Аркадий, рукоположение которого состоялось в 1158 г. после прибытия в Киев митрополита Константина, назначенного Византийским патриархом (НПЛ. С. 29–31, 217, 473; *Орлов А.С.* Житие св. Аркадия, епископа Новгородского, в списке второй половины XIV в. // *ЧОИДР.* 1899. Кн. 3. С. 1–16; *Корецкий В.И.* Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // *ИА.* 1955. № 5. С. 204–207; *Семенов А.И.* Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю // *НИС.* Новгород, 1959. Вып. 9. С. 245–248; *Понне А.В.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 443–445; *Панова В.И.* Митрополит Киевский Михаил (1130-1145). С. 78–80).

³ НПЛ. С. 30, 217.

⁴ Там же.

Олексы в 1162 г. игуменство было передано Мануилу¹. Трудно сказать, в какой степени при поставлении игуменов был соблюден запрет на вмешательство архиереев в жизнь Антониева монастыря, но то, что монастырь-переселенец стал неотъемлемой частью церковной жизни Новгорода сомнений не вызывает. Под 1158 г. летопись сообщала, что «осени поставиша Дионисиа игуменомъ у святаго Георгия в манастырѣ»². Под 1162 г. такая запись: «у святого Духа поставиша игуменомъ Саву попина святого Савы»³. В данных известиях не уточняются обстоятельства вступления Дионисия и Саввы в сан. При отсутствии единого светского и церковного правового поля можно рассматривать участие Аркадия в поставлении игуменов, как попытку новгородского епископа установить контроль над ктиторскими обителями своего церковного округа. Хотя, в целом, положение и статус монастырей в это время не были определены.

В период святительства Аркадия произошли ключевые изменения и в репрезентации архиерейской власти. На сохранившейся печати епископа наряду с изображением Божьей Матери Знамения, есть именная запись, впервые сделанная не на греческом, а на русском языке⁴. Нельзя не принимать во внимание и личность правящего архиерея Аркадия. К его авторитетному мнению еще до принятия владычной кафедры обращался с «вопрошанием» Кирик Новгородец⁵. 19 сентября 1163 г. помещена запись о смерти Аркадия и захоронении святителя в Мартирьевском притворе Софийского собора⁶.

Официальное поставление рукой киевского митрополита Иоанна следующего новгородского архиерея Ильи (Иоанна) произошло 28 марта 1165 г.⁷ Позднейшие летописи сообщали, что он поставлен в епископы из

¹ НПЛ. С. 31, 218.

² Там же. С. 30, 217.

³ Там же. С. 31, 218.

⁴ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. С. 177.

⁵ Вопрошание Кирика // Смирнов С. Древнерусский духовник: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1914. С. 1–27. № 13.

⁶ НПЛ. С. 31, 218.

⁷ Там же. С. 32, 219.

священников церкви священномученика Власия на Волосовой улице Людина конца¹. Деятельность владыки получила отражение сразу в нескольких литературных произведениях². Легендарные известия свидетельствовали об основании Благовещенского монастыря в Людином конце Новгорода Ильей (Иоанном) с братом Григорием (Гавриилом) и о принятии монашества до обретения архиерейской власти. Новгородская первая летопись относила основание обители к 1170 г., когда Илья уже принял кафедру³.

В период святительства Ильи новгородская архиерейская кафедра вернула себе статус архиепископии⁴. Новгородская первая летопись приписывала решение данного вопроса игумену Юрьева монастыря Дионисию (ранее возведенному в сан епископом Аркадием), возглавлявшему новгородскую делегацию к киевскому митрополиту⁵. Согласно Никоновскому своду Илья первоначально послал митрополиту богатые дары и только после этого пошел ставиться в сопровождении игумена Дионисия и посадников. Обретенный кандидатом сан имел и материальное подтверждение статуса – «ризы и стихарь с источники»⁶. Процедура

¹ ПСРЛ. Т. 30. С. 189, 197; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 525.

² Сказание о битве новгородцев с суздальцами; Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе; Повесть о Благовещенской церкви // БЛДР. СПб., 1999. Т. 6. С. 444–462.

³ НПЛ. С. 33, 222.

⁴ Там же. С. 32, 219.

⁵ Там же.

⁶ «Наугородцкій епископ Іліа посла многи дары въ Кіев къ пресвященному Івану митрополиту Кіевскому и всеа Руси... Того же лѣта Новгородцкій епископъ Ілья самъ иде въ Кіев къ митрополиту со игуменомъ Діонисіем и съ посадники, со мноюю честію; митрополит же Іван Кіевскій и всеа Руси учествова его зѣло, и повелѣ ему архіепископомъ называтися, и сице оттуду начало пріять епископ Новгородцкій архіепископомъ владыкою Наугородцкимъ нарицатися благословеніемъ Івана митрополита Кіевскаго и всеа Руси; и даде ему митрополитъ ризы и стихарь со источники, и бысть радость многа въ Новѣгородѣ, и даша многи дары, злато, исребро, и жемчюгъ и отъ всякого шелкова, и отъ всякого мягкого, и отъ иныхъ многихъ дары, якоже и число превзыде, Івану митрополиту Кіевскому и всеа Руси» (ПСРЛ. Т. 9. С. 233).
Архиепископский сан Ильи (Иоанна) находит подтверждение в сфрагистике (*Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. № 57, 58; Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы из Старой Ладogi: Свод // Новые источники по археологии Северо-Запада / Под ред. Массона В.М. и Носова Е.Н. СПб., 1994. С. 193).*

избрания Григория (Гавриила) в священство в целом также была соблюдена: «новгородци... изволиша поставити ... и послаша с млобу к митрополиту в Киевъ к Никифору; и присла по него митрополит и вси князи рускыи, и пояша и с любовию»¹; «поставлень бысть архиепископомъ новгородчкымъ Гаврила въ 29 марта, а прииде к Новугороду мая въ 31»².

Илья и Гавриил принимали активное участие в значимых политических событиях Новгородской земли. В условиях осады Новгорода суздальцами Илья обеспечил городу духовную поддержку³. Обретение чудотворной иконы Богоматери способствовало победе новгородцев в 1170 г.: «побѣди я князь Роман с новгородыцы силою крестыною, и святою Богородицею, и молитвами благовѣрнаго владыки Илие»⁴. В 1171 г. новгородцы изгнали посадника Жирослава, который бежал в Суздаль к князю Андрею Юрьевичу, а на его место поставили Иванку Захарьевича. Это привело к значительному напряжению в отношениях Новгорода и Суздаля. Для их разрешения в 1172 г. «ходи архиепископъ новгородчкыи Илья ко Андрѣви, въ Володимирь, ходиль бяше на всю правду»⁵. Дипломатическим результатом усилий владыки стал договор о принятии Новгородом князя Юрия Андреевича, при условии возвращения Жирославу посадничества. Но данное решение не нашло поддержки у части новгородской знати и в том же году посадничество было вновь возвращено Иванку Захарьевичу⁶, а в 1175 г. «выведоша из Новагорода князя Юрья Андреевича; а Мьстиславъ сын свои посади Святослава в Новегороде»⁷. Под 1179 г. сообщалось о торжественной встрече князя Мстислава Ростиславича «епѣспъ съ крѣсты, и съ новгородци, и

¹ НПЛ. С. 38, 228.

² Там же. С. 38, 229.

³ *Гинтиус А.А.* О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» // НИС. СПб., 2003. Вып. 9 (19). С. 90; *Хорошев А.С.* Знаменская икона: Древнейшая святыня Новгорода // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 180–186.

⁴ НПЛ. С. 33, 221.

⁵ Там же. С. 34, 222.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 34, 223.

игумены»¹. При архиепископе Илье (Иоанне) возобновилась практика захоронения князей в Софийском соборе (1178 г. – «Мьстиславль, сынъ Ростиславль, а внукъ Юрьевъ»²; 1180 г. – «Мьстиславъ... Ростиславиць, вьнукъ Мьстиславль»³). Все выше сказанное свидетельствует о непосредственном участии владыки Ильи (Иоанна) в политических процессах Новгорода и его заинтересованности в союзе с княжеской властью. В период святительства Гавриила (Григория) новгородцы практиковали как приглашения, так и изгнания князей⁴, но участие архиерея в этих событиях не обозначено.

Архиепископу Илье (Иоанну) приписывалось создание церковного устава, в котором оговаривались действия священнослужителей в случаях, если при совершении евхаристии священник или дьякон забыл налить воду или вино в потир; и если во время церковной службы мышь начнет грызть дискос⁵. Первый прецедент можно отнести к числу случайных, за что виновные должны понести заслуженную ептимью. А второй случай характеризовал условия совершения таинства. Соавтором Ильи (Иоанна) в написании данного устава назван оставшийся безымянным белгородский архиерей. К. Калайдович предположил, что им мог быть епископ Максим, умерший в 1190 г.⁶ По мнению Г. Подскальски и А. Поппе, на момент создания Устава новгородский епископ Илья (Иоанн) исполнял функции викария до прибытия Киевского митрополита⁷. Однако высказанные авторами точки зрения можно рассматривать лишь в качестве гипотетических.

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 607.

² НПЛ. С. 35, 225.

³ Там же. С. 36, 226.

⁴ 1187 г.: «выгнаша новгородци князя Мьстислава Давыдовица, и послаша ко Всеволоду в Володимирь по Ярослава по Володимирица» (НПЛ. С. 229).

⁵ Илья архиепискуп Новгородский исправил с Белгородьским епископом. С. 221–224.

⁶ Калайдович К. Памятники российской словесности XII в. М., 1821. С. 221.

⁷ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). С. 310; Поппе А.В. Митрополиты и князья Киевской Руси. С. 458.

Время святительства владык Ильи (Иоанна) и Гавриила (Григория) отмечено активным церковным строительством. Часть построек была возведена братьями совместно, другие церкви и монастыри построены частными лицами, уличанами и купеческими корпорациями. летописи сообщали о создании архиереями церкви Благовещение Богородицы¹ и надвратного Богоявленского собора², в Благовещенском монастыре – церковей во имя св. Отцов Никейского Собора³ и св. Иоанна на Торговище⁴. Кроме этого, стараниям братьев приписывается основание Иоанно-Предтеченского монастыря на Росткиной улице Софийской стороны, который упомянут в Новгородской первой летописи под 1179 г.⁵ После смерти Ильи (Иоанна) братом Гавриилом (Григорием) в 1188 г. была поставлена «церковь нова на Жатунѣ... во имя святых 3 отрокъ»⁶. В 1191 г. «владыка сруби Усрѣтение господне»⁷. Столь масштабное строительство осуществлялось на личные средства архиереев. Однако нельзя согласиться с мнением А.С. Хорошева, что данные мероприятия связаны с заботой «об укреплении материальной базы Софийского дома»⁸. Скорее это можно рассматривать как вложение в церковное строительство имеющихся личных средств, т.к. для основанных церковей и обителей братья являлись ктиторами, следовательно, доходы от них поступали основателям, а не в архиерейскую казну. Указанные выше церкви и монастыри к числу архиерейской собственности Святой Софии, согласно последующим историческим свидетельствам, не относились. Следовательно, личные доходы святителей были немалыми, т.к. стоимость треб и вклады прихожан владычной церкви были более высокими нежели в рядовом уличанском приходе.

¹ НПЛ. С. 36, 225.

² Там же. С. 37, 227.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 37, 228.

⁵ Там же. С. 36, 226.

⁶ Там же. С. 39, 230.

⁷ Там же.

⁸ Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 38.

В период святительства Ильи (Иоанна) и Гавриила (Григория) продолжалось возведение княжеских построек – церковь «на городищи святого Николы»¹, заложенная при Святославе Ростиславиче и свершенная при Ярославе в 1191 г.² Под 1185 г. впервые упомянута каменная церковь Вознесения, построенная тысяцким Милонегом, которую освятил в 1191 г. «архиепископ боголюбивый Гавриил»³. К этому же году относится основание церкви святого Образа, созданной на средства Внезда Нездинича, представителя богатого боярского рода, брата новгородского посадника Мирошки⁴. Корпоративное строительство представлено церковью Св. Троицы, возведенной на средства купцов «щетициницы»⁵ и церковью во имя апостолов Петра и Павла на Сильнице, построенной на средства жителей Лукиной улицы в Людином конце⁶. Основанная в 1185 г. она была освещена Гавриилом в 1192 г.⁷

Если в известиях предыдущего периода об основании церквей и монастырей нередко сообщалось без указания ктитора, то начиная со второй половины XII в. это становится важнейшим элементом описания. Данное обстоятельство свидетельствует о росте христианского самосознания новгородцев и стремлении элиты подчеркнуть свой материальный статус. При архиепископе Илье (Иоанне) Сотко Сытиничем заложена церковь во имя святых Бориса и Глеба, освященная владыкой⁸. Боярами Михалем Степаничем и Моисеем Домажиричем построены церкви св. Михаила и Усекновения главы св. Иоанна Предтечи⁹. Боярин Радко с братом возвели церковь св. Евпатия на Рогатице¹⁰. В Новгороде появились надвратная церковь Спасителя в Юрьевом монастыре и церковь св. Иакова в Неревском

¹ НПЛ. С. 31-32, 219.

² Там же. С. 39, 230.

³ Там же. С. 39, 230.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 31–32, 219.

⁶ Там же. С. 38, 228; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 46.

⁷ НПЛ. С. 40, 231.

⁸ Там же. С. 32, 219, 34, 223.

⁹ Там же. С. 35, 224.

¹⁰ Там же. С. 37, 227.

конце, а также деревянные церкви св. Иякова на Добрыни улици и «святую безмезднику Къзмы и Дамияна, и святого Савы, и святого Георгия, и святого Иоанна Ищкову»¹, и церковь св. Власия².

В период святительства Гавриила (Григория) установилась традиция освящения рукой владыки вновь выстроенных церквей, о чем летопись регулярно сообщала³. Под 1188 г. сообщалось: «Заложил Семьон Дыбучевиць церковь камену святыя богородица Успение во Оркажи монастыре»⁴, в следующем году она была освящена архиепископом⁵. Строительство церкви могло свидетельствовать об изменении статуса этой обители. Как известно, основателем монастыря был епископ Аркадий, занимавший новгородскую кафедру с 1156 по 1163 гг. После смерти ктитора богатейший вклад на строительство сделал Семьон Дыбучевич. Можно предположить родственные связи Семьюна с почившим архиереем, но, скорее всего, данный акт благочестия связан с попытками братии найти нового донатора обители, спустя 25 лет после смерти Аркадия. Что свидетельствовало не только о смене покровителя, но и о подчинении монастыря архиепископской кафедре. Изменения произошли и в положении Хутынского монастыря. После освящения в 1192 г. владыкой Гавриилом (Григорием) построенной Олексой Михайловичем (в монашестве Варлаамом) церкви Спаса Преображения на Хутыне, был «нарече монастырь»⁶. В том же году новгородский владыка «поставиша у святѣи Богородици в Звѣринци игумению Ефросинию Петровую Купцевица»⁷. Следовательно, в период святительства епископов Ильи и Гавриила просходило подчинение кафедре значительного числа вновь построенных церквей и обителей, которые

¹ НПЛ. С. 37, 227.

² Там же.

³ Летописцем не отмечено только участие архиепископа Гавриила в возведении и освящении Пятницкой церкви. Согласно летописной записи 1191 г. строили «святую Пятницу Костянтине с братомъ» (НПЛ. С. 39, 230).

⁴ НПЛ. С. 38, 229.

⁵ Там же. С. 39, 230.

⁶ Там же. С. 40, 231.

⁷ Там же.

обеспечивали материальный доход в пользу архиереев в виде отчислений, ставленнических пошлин.

В 1193 г. умер архиепископ Гавриил, нареченный в черничестве Григорием¹, новгородский владычный стол занял владыка Мартирий². Годом ранее летопись сообщала о нем: «в Русѣ сруби церковь на островѣ игумень Мантурии въ имя святого спаса Преображения, и створи монастырь честен»³. В ходе подбора кандидатов на новгородскую кафедру был опробован новый порядок. Летописец впервые сообщал об избрании владыки жребием, когда «новгородци же съ княземъ Ярославомъ, съ игумены и съ софияны и с попы и думаша собѣ: инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантурия, а и сии хотяху паки Гричина; в нихъ паки распря бысть немала, и ркоша къ себѣ: «да сице положим три жребиа на святѣи тряпезѣ въ святѣи Софѣи». И абие положиша и повелѣша пѣти святую литургию, и по совершении службы и послаша с вѣца слѣпца, да котораго дастъ богъ, и выняся божию благодатью жребии Мантуриевъ, и послаша по него, и привезоша и из Русѣ, и посадиша его въ епископль дворѣ; и послаша о нем къ митрополиту, и митрополит паки прислаше по него съ великою честью. Сице же оному прошедши съ предними мужи, и въсприяша его с любовью князь Святославъ и митрополит, и поставиша и декабря въ 10»⁴. Новый порядок подводился под санкцию Божественного выбора, образцом для которого могла быть упоминаемая в Священном Писании процедура избрания апостола Матфея жребием вместо Иуды. Характерно, что сами претенденты на архиерейский престол не принимали участие в процедуре избрания. Их интересы представляли сторонники, выдвигавшие на архиерейский пост поддерживаемых ими лиц. Таким образом, архиерейская власть была поставлена под контроль политических партий Новгорода⁵. Одновременно со

¹ НПЛ. С. 40, 231.

² Там же.

³ Там же. С. 40, 231.

⁴ Там же. С. 40, 231–232.

⁵ В предыдущих известиях об избрании новгородских владык клир храма святой Софии – «софияны» – в качестве самостоятельной группы не упоминался. Следовательно, к концу

сменой процедуры возведения архиереев на престол святители утратили свое влияние и стали ставленниками, стремящихся к власти боярских партий.

Роль архиепископа Мартирия в политической жизни Новгорода представлена достаточно скромно. При описании последствий неудачного похода воеводы Ядрейки на Югру в 1194 г. «печаловахутся в Новѣгородѣ князь и владыка и весь Новѣгород» (имя Мартирия не указано)¹. Затем в известии 1199 г.: «приславши Всеволод выведе Ярослава из Новагорода и веде и к собѣ; а из Новагорода позва владыку и посадника Миршьку и вячъшии мужи по сынѣ. Яко быша на озерѣ Сeregирѣ преставися рабѣ божии архиепископѣ новгородчкыи владыка Мантирии августа въ 24»².

Деятельность Мартирия по строительству, освящению церквей и монастырей, рукоположению священства была активной. В 1194 г. Радослав Данилович «поставиша церковь деревяну святого апостола Филиппа, на Нутной улицѣ, нову, и святы ю владыка Мартирий»³. В 1196 г. «заложиста церковь камену святого Кирила в монастыре въ Нелѣзенѣ Костянтинѣ и Дмитръ, братеника [а мастер бяше] Коровъ Якович с Лубянѣи улицѣ, ... и святы ю владыка Мантурии»⁴. Под 1198 г. сообщалось о строительстве каменной церкви святого пророка Ильи на Холме⁵, тогда же началось строительство церкви Спаса Преображения в Нередицах, возведенной на средства князя Ярослава Владимировича⁶. В годовой записи 1194 г. сообщалось о рукоположении Савватия, принявшего сан анхимандрита новгородского, и игумена святого Георгия после смерти Дионисия⁷.

XII в. они превращаются в значимую консолидированную силу, способную отстаивать свои интересы в ходе процедуры выборов нового архиерея.

¹ НПЛ. С. 40-41, 232–233.

² Там же. С. 44, 238.

³ Там же. С. 40-41, 234.

⁴ Там же. С. 40-42, 235, 236.

⁵ Там же. С. 44, 238.

⁶ Там же. С. 43-44, 237–238.

⁷ Там же. С. 40-41, 234

В период святительства Мартирий заложил «святую Богородицу на воротѣх», «святи ю» и «исписа» в 1196 г.¹; построил церковь «святое Воскресение на поле, монастырь» на Мячине и «святи ю»²; «постави церковь камену святого Николая чудотворца, и манастырь устрои»³; «постави церковь на Острови, святого Никифора»⁴. В Старой Руссе в Спасском монастыре, где Мартирий был основателем и игуменом, «заложити церковь камену святое Преображение», а по окончании строительства «святи церковь», «створи праздникъ честень и службу створи»⁵.

После смерти Мартирия положение новгородских владык характеризуется крайней неустойчивостью и как следствие их частой и вынужденной сменой на архиерейском престоле. «Сдумав с посадникомъ и с новгородци, и введе в епискупью Митрофана, богом избрана⁶; и весь Новъгород, шедши, съ честию посадиша и, дондеже будет от митрополита позвание⁷; и тогда поидеши на поставление»⁸. Рукоположение Митрофана произошло лишь 3 июля 1201 г. в Киеве, куда он прибыл «с новгородчкыми мужи и со всеволожими»⁹. Столь внушительная делегация, вероятно, должна была свидетельствовать о поддержке кандидата со стороны новгородской знати и княжеской власти¹⁰.

Однако спустя десятилетие неизвестные «злодѣи исперва не хотя добра, зависть вложи людемъ на архиепископа Митрофана съ княземъ Мстиславомъ и не даша ему правитися и ведоша и в Торопецъ, онъ же то

¹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 47; НПЛ. С. 40-42, 234, 235.

² НПЛ. С. 40-42, 234, 235.

³ ПСРЛ. Т. 13. С. 170.

⁴ НПЛ. С. 42-43, 237.

⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 31; НПЛ. С. 40-43, 234, 237.

⁶ Летописец в данном случае не назвал других лиц, составивших конкуренцию Митрофану, вероятно его кандидатура была компромиссной и была принята всеми противоборствующими политическими силами.

⁷ Процедура согласования кандидатуры претендента на новгородский владычный престол с митрополитом и поездка будущего архиерея в Киев «ставится», вероятно, начиная с Мартирия, стали необходимой частью ритуала.

⁸ НПЛ. С. 43-44, 238.

⁹ Там же. С. 44, 239.

¹⁰ В это время новгородский престол занимал сын Всеволода Юрьевича, князь Святослав (НПЛ. С. 44-45, 238-239).

прия с радостию»¹. Причины «зависти» летописцем не указаны, предыдущий ход событий также не позволяет выявить причины отвержения, но то, что решение о смещении владыки с кафедры принималось «людьми» и князем Мстиславом Мстиславичем Удатным для автора записи очевидно. На факт незаконного изгнания иерарха и перемещения его на несуществующую кафедру не последовало никакой реакции со стороны киевского митрополита Матфея. Ведь в числе канонических причин отвержения от священства не значатся такие обстоятельства, как «пришел прежде изгнания Митрофана архиепископа, Добрыня Ядрѣковиць изъ Цесаряграда и привезе съ собою гробъ господень², самъ пострижеса на Хутинѣ у святого Спаса; и волею божиею възлюби и князь Мьстиславъ и вси новгородци, и послаша и в Русь ставится; и прииде поставлень архиепископъ Антоний»³.

Дальнейшая деятельность Антония была направлена на поддержку княжеской власти сначала в лице Мстислава Мстиславича Удатного⁴, затем Ярослава Всеволодовича⁵. Однако при описании противостояния Новгорода и князя Ярослава Всеволодовича, после его отъезда в Торжок, деятельность архиепископа Антония не прослеживается⁶. Он без указания имени упоминался на страницах летописи уже после разрешения конфликта, когда «прииде Мьстиславль в Новьгород, и радъ бысть владыка и вси

¹ НПЛ. С. 52, 250.

² Высокий авторитет Антония, был связан не только с его личными качествами, но и обеспечивался фактом паломничества будущего архиерея в Константинополь и составленного им описания святых мест (Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. Стб. 13–174).

³ НПЛ. С. 52, 250. Летопись впервые сообщала о том, что действующий владыка Антоний перестраивал покои (палаты) предыдущего архиерея, чтобы создать там церковь в честь своего небесного покровителя.

⁴ НПЛ. С. 52, 250.

⁵ «и устрѣте и (князя Ярослава Всеволодовича и новгородских послов – Т.Ф.) архиепископъ Антонъ съ новгородци» (НПЛ. С. 53, 252).

⁶ В 1216 г. князь Ярослав Всеволодович вынужден был покинуть Новгород и удалиться в Торжок. Размирье с князем дорого стоило новгородцам. Мороз побил урожай «все по волости, а на Торжку все цѣло бысть», но для спасения Новгорода Ярослав «не пусти в город ни воза». Попытки примирения результатов не дали, третье посольство к князю возглавлял «поп Юрья святого Иоанна на Торговищи», но Ярослав «пусти попъ без мира». В Новгороде «горе бяше, по торгу трупье, по улицам трупье, и не можаху псы изъядати человекъ» (НПЛ. С. 54-55, 253–254).

новгородци»¹. Под 1218 г. сообщалось о возвращении в Новгород архиепископа Митрофана, не из Торопца, как этого следовало бы ожидать, а из Владимира, «и провадиша и новгородци къ святѣи Богородици къ Благовѣщению»².

К 1219 г. относятся сведения о захвате владычной кафедры. Пользуясь отсутствием архиепископа Антония, ушедшего в Торжок, новгородцы «введоша архиепископа Митрофана въ дворъ опять на столъ, а ко Антонию послаша «пойди, гдѣ ти любо». «Антонии же поиде в Новѣгород къ святому Спасу в Нередицех»³. Но вопрос легитимности архиерейской власти оставался открытым и его решение было возложено на киевского митрополита, как третейского судью в условиях сложившегося конфликта. В результате на новгородской кафедре остался Митрофан, а «Антониа митрополит у себе держи въ чести, и вда ему епископью въ Перемышлѣ»⁴. К заслугам Митрофана летописцы относили примирение князя Всеволода и посадника Твердислава (1220 г), результатом компромисса стало поставление на посадничество Иванки Дмитровича⁵, а также посольство во Владимир с целью возвращения Всеволода Юрьевича на новгородский престол⁶.

После смерти Митрофана 3 июля 1223 г. новгородцы «въведоша въ дворъ Арсения инока изъ обителѣ святого Спаса Хутиньскаго»⁷. Участие владыки в политических делах не нашло отражение в источниках, а в 1225 г. после возвращения архиепископа Антония из Перемышля в Новгород, Арсений был изгнан с кафедры⁸. Святительство Антония было недолгим. Весной 1228 г. будучи тяжело больным он «по своей воле» удалился в

¹ НПЛ. С. 55-57, 257.

² Там же. С. 58-59, 259. Деятельность архиепископа Митрофана на Торопецкой кафедре и обстоятельства его пребывания во Владимире остаются не известными.

³ НПЛ. С. 59-60, 261.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 60, 262.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 61, 263.

⁸ Там же. С. 64, 269.

Хутынский монастырь¹ и управлять новгородской архиепископией вновь был поставлен Арсений. Но он не был рукоположен на новгородскую кафедру, т.к. в том же году завистники возвели «на Арсения, мужа кротка и смирена, крамолу велику», что «выпровадил Антониа владыку на Хутино, а сам сѣль, давши князю мзду»² и обвиненного в симонии Арсения «сринуша, за ворота пѣхающе, аки злодѣя»³. Антоний из Хутынского монастыря был в третий раз возвращен на кафедру, но так как он уже не способен был управлять епископией, то к нему были приставлены помощники в лице Якуна Моисеевича и Микифора щитника⁴.

В период нестабильного положения архиерейской власти продолжалось строительство и освящение церквей и монастырей на территории Новгорода и его округи. В год избрания Митрофана владыкой сообщалось об основании каменной церкви 40 святых мучеников посадником Прокшею Малышевичем; создании монастыря Рождества Богородицы княгиней Ярослава («а игуменью постави Завижюю»); окончании росписи церковью святого Спаса на Городище и в Старой Русе в «манастыре владычне»⁵; строительстве Твердиславом церкви «на воротех въ Оркажи манастыри Михалковиць, святого Симеона столпника, иже на Дивнѣи горѣ»; церкви святого Луки на Лубяной улице; «святыя Пятница заморскыи купцѣ»; «святого Пянтелѣимона Федоръ Пинещиниць, манастырѣ»⁶. Но участие вновь избранного владыки в данных событиях не обозначено. Единственное известие об освящении владыкой Митрофаном церкви пророка Ильи на Холме относилось к 1202 г.⁷, во второй раз архиерей упоминался в летописном сюжете, рассказывающем о попытке новгородцев расправиться с

¹ НПЛ. С. 65, 270.

² Там же. С. 66-67, 272.

³ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 49.

⁴ НПЛ. С. 67, 273.

⁵ Там же. С. 59-60, 238.

⁶ Там же. С. 50, 247.

⁷ Там же. С. 45, 240.

телом мертвого посадника Дмитра Мирошкинича, «нъ възбрани имъ архиепископъ Митрофан»¹.

В конце XII – начале XIII в. в источниках сообщалось о передаче отдельными боярскими родами и князьями пожалований² в некогда архиерейские монастыри – Аркажский³, Богородицы в Старой Русе⁴, Юрьев⁵. Новгородская первая летопись сохранила сведения о вкладе новгородского архиепископа Антония (Добрыни Ядрейковича) в «церковь камену святу Варвару манастырѣ»⁶. Также при Антонии «заложиша Твердиславъ с Федоромъ церковь камену святого Михаила, а другую святых 3 отрокъ посторонъ церковцу малу»⁷. В период святительства Арсения было завершено строительство церкви святого Михаила, заложенной посадником Твердиславом и Федором⁸. Владыкой были освещены церкви св. Павла, св. Семеона Богоприимца, св. Константина и Олены, построенные Семеоном Борисовичем и св. Михаила⁹.

В период второго восшествия Антония на новгородскую кафедру произошло поставление в игумены Юрьева монастыря «Гречина, попа святого цесаря Костянтина и Олены»¹⁰. Причины выбора данной кандидатуры Юрьевским игуменом Саватием по согласованию с владыкой Антонием, посадником Иоанкой и всеми новгородцами, остаются неясными. Летописец указывал лишь на достоинства будущего архимандрита «мужа

¹ НПЛ. С. 50-51, 248.

² Чаще строительство и роспись церквей, реже – вклады при монашеском постриге.

³ НПЛ. С. 50, 246–247. Примечательно, что в известии о строительстве Твердиславом церкви на воротах в Аркажском монастыре, обитель названа «Михалковиць». Данное обстоятельство позволяет предположить, что после смерти Аркадия монастырь перешел под покровительство новгородского боярского рода посадника Михалко, принявшего монашество и захороненного в стенах обители.

⁴ НПЛ. С. 44, 238. Остается открытым вопрос насколько монастырь, основанный Мартирием, остается в подчинении кафедры, или речь идет лишь об отчислениях в пользу архиерейской казны, а возможно и о праве распоряжаться доходами обители.

⁵ НПЛ С. 46-49, 50-51, 246, 248. Юрьев монастырь с начала XIII века все чаще упоминался в связи событиями боярского рода Мирошкиничей.

⁶ НПЛ. С. 57, 58-60, 258, 260; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 48.

⁷ НПЛ. С. 58-60, 260.

⁸ Там же. С. 62-64, 267.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 64-65, 269.

добра и зѣло боящася бога»¹. В этот же период сообщалось о постриге новгородских посадников в патрональных монастырях. В 1204 г. Мирошка пострижен и похоронен в монастыре св. Георгия², 1206 г. следующий за Мирошкой посадник Михалко Степанич, в монашестве Митрофан, положен «у святѣи Богородици въ Оркажи манастыри»³, затем его сын Твердислав, будучи «в немощи», постригся в Аркажском монастыре, а жена Твердислава в Варварином монастыре⁴.

Конец XII – первая треть XIII в. характеризовались значительным снижением роли архиереев как в урегулировании внешних взаимоотношений Новгорода с другими русскими княжествами, так и их влиянии на внутренние процессы Новгородской земли. Это время нестабильности в управлении диоцезом, связанное с многочисленными смещениями и изгнаниями владык. Сократилась строительная активность архиереев и горожан. Прослеживалось стремление боярских кланов (через строительство, вклады, посриги) установить патронат над отдельными монастырями, влиять на выбор кандидатур будущих архиереев, а, следовательно, поставить под контроль одну из ключевых ветвей управления Новгородской землей – архиерейскую власть.

Компромиссное решение по возвращению немого и параличного владыки Антония и приставление к нему помощников⁵ не дало желаемых результатов и летописец в уста князя Михаила вложил следующую мысль: «се у вас нѣту владыцѣ, и нѣсть лѣпо бытии граду сему безо владыцѣ; аще богъ казнь свою възложилъ на Антониа, и вы себѣ ищите таковаго мужа или в попех или в ыгуменѣх или в чернцѣх»⁶. Выходом из кризиса для новгородской кафедры стало использование системы жребия, апробированного впервые в 1193 г. В 1229 г. в числе кандидатов были

¹ НПЛ. С. 64-65, 269.

² Там же. С. 46-49, 246.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 60-61, 262.

⁵ Там же. С. 65-67, 273.

⁶ Там же. С. 65-67, 274.

названы дьякон Юрьева монастыря Спиридон, Иосиф Владимирский и Гречин «кого дасть митрополит, ть есть намь отець»¹. В результате божественное провидение рукой княжича Ростислава Михайловича указало на монаха Спиридона, он и был рукоположен в сан митрополитом Кириллом². Однако будущий архиерей находился лишь в сани дьякона и для принятия кафедры должен был пройти хиротесию дважды – сначала в попы, а затем в сан архиепископа³.

Начало святительства Спиридона ознаменовалось важным и уникальным событием в политической истории Руси – пострижением князя Ростислава Михайловича⁴. Речь идет не о монашеском постриге. По воле князя Михаила Черниговского в Софийском соборе перед посажением его сына Ростислава на новгородский стол владыкой Спиридоном был проведен церковный обряд, вероятно, напоминавший хиротесию. Данное действие, сопровождавшееся пострижением волос, можно рассматривать как помазание на престол княжича (прообраз венчания на царство), о чем ранее не упоминалось. Со стороны владыки Спиридона это могло быть и актом благодарности, так как Ростислав вытянул счастливый для него жребий⁵.

Пастырская деятельность владыки Спиридона пришлась на сложный период в истории Новгорода. В условиях голода 1230 г. владыкой было организовано захоронение умерших горожан⁶. Спустя два года случился страшный пожар «погорѣ весь конец Славеньской даждь и до конець Холм», люди спасаясь от огня «истопи на Волховѣ»⁷. Молитвам архиепископа приписывалось спасение города от монгольского войска «за 100 верьсть до Новаграда не дошед»⁸. Под 1240 г. помещена запись о благословении архиепископом Спиридоном Александра Ярославича

¹ НПЛ. С. 65-67, 274–275.

² Там же. С. 68-69, 276.

³ Там же. С. 68-70, 276.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 68, 275.

⁶ Там же. С. 70, 277.

⁷ Там же. С. 71-72, 280.

⁸ Там же. С. 77-78, 289.

Невского на бранные подвиги¹, владыка также возглавлял посольство к князю Александру после его очередного «размирья» с новгородцами².

Под 1230 г. летопись сообщала о поставлении игумена Хутынской обители Арсения в игумены Юрьева монастыря, а прежнего настоятеля Савву «лишиша и посадиша его в кельи, и абие же ему разболѣвшуся, и пребывшю ему в томъ недозѣ недѣль 6, и паки преставися»³. Есть основания полагать, что упоминаемый в данном сюжете Арсений, и кандидат, трижды восходивший на Новгородский престол, но так и не рукоположенный в сан архиепископа, одно и то же лицо⁴. Поэтому решение о поставлении Арсения в архимандриты, возможно, было для владыки Спиридона попыткой обезопасить себя от возможной конкуренции, тем более что в это время был еще жив владыка Антоний, хотя и больной, не способный к управлению епископией⁵. В период святительства Спиридона произошел ряд знаковых захоронений. В 1233 г. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря был похоронен князь Федор Ярославич⁶, а спустя 11 лет там же упокоилась его мать «княгиня Ярославля», «принявши мнишкии чин» под именем Ефросиньи⁷. Под 1243 г. обозначено присутствие архиерея на похоронах чернеца Хутынского монастыря Варлаама (в миру – боярин Вячеслав Прокшинич), известного своим благочестием основателя каменной церкви 40 мучеников на Щиркове улице⁸. Внутренние распри, голод и внешние угрозы сказались на строительной активности новгородцев, в этот период была заложена лишь церковь «на воротех от Неревского конца святого Федора»⁹.

¹ НПЛ. С. 78, 291.

² Там же. С. 78-79, 295.

³ Там же. С. 70, 278.

⁴ Арсений, как упоминалось выше, постриженник Хутынского монастыря, после возвращения в 1229 г. Антония на кафедру удалился в родную обитель (НПЛ. С. 66-67, 272-273), совпадает и характеристика кандидата, используемая летописцем как мужа кроткого и смиренного (НПЛ. С. 70, 278).

⁵ Сведения о смерти Антония помещены под 1232 г., похоронен в Софийском соборе (НПЛ. С. 281).

⁶ Там же. С. 71-72, 282.

⁷ Там же. С. 78-79, 298.

⁸ Там же. С. 78-79, 297.

⁹ Там же. С. 71-72, 282.

В 1249 г. «преставися архиепископъ новгородчкый Спиридонъ, и положенъ бысть честно у святѣи Софѣи»¹, а в 1251 г. впервые в дѣла рукоположения архиепископа Далмата в Новгород приехали митрополит Киевский Кирилл и ростовский епископ Кирилл². Поставление владыки рукою двух архиереев на месте будущего служения святителя соответствовало церковным канонам. Данное обстоятельство отвечало и интересам Великого Новгорода, т.к. после смерти Спиридона в 1249 г. кафедра вдовствовала около двух лет. В сложный для церкви период приезд Кирилла в Новгород, возможно, имел целью укрепление церковного единства, немаловажным был выбор кандидатуры ставленника и, наконец, получение киевским митрополитом материального вознаграждения за хиротесию также имело значение.

На время святительства Далмата пришлись тяжелые события в истории Новгорода. В частности, конфликт с владимирскими князьями требовал дипломатического дара. В 1255 г. владыке так и не удалось примирить город с Александром Ярославичем, «не послуша князь молбы владычнѣ»³. Только после выполнения ультиматума князя о снятии с посадничества Онаньи, Александр Ярославич вошел в Новгород «и срѣте и архиепископъ Далмать съ всѣмъ иерѣискимъ чиномъ, съ кресты»⁴. Под следующим годом помещено сообщение «прииха князь Александръ, и митрополит с нимъ; и поиде Александръ на путь, и митрополит с нимъ... поиде Александръ на Ъмь, а митрополит поиде в Новьгород»⁵. Вероятно, после разорения Киева митрополит Кирилл покинул кафедральный город и перемещался по подвластной территории вместе с покровительствовавшим ему князем Александром Ярославичем. Пребывание Кирилла в Новгороде неоднозначно с точки зрения канонической ситуации, церковноиерархических и личных взаимоотношений митрополита и архиепископа Спиридона. Остается

¹ НПЛ. С. 79-80, 304.

² Там же.

³ Там же. С. 81, 308.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 82, 309.

открытым вопросом об участии новгородского владыки в процедуре погребения Александра Ярославича в 1263 г., т.к. летописец ограничился комментарием «и снемшеся епископѣ и игумены и с митрополитомъ Кирилломъ и съ всѣмъ иерѣйскимъ чиномъ и съ всѣми черноризци»¹. Под 1270 г. помещены сведения об очередном конфликте Новгорода с князем Ярославом Ярославичем, и только вмешательство митрополита Кирилла удержало стороны от кровопролития².

Под 1257 г. сообщалось о попытке установить ордынский выход для Новгорода, что привело к волнениям горожан, лишь в 1259 г. «почаша ѣздити оканнии (монголы – Т.Ф.) по улицамъ, пишюще дома крестияньскыя» и начался сбор дани «бояре легко, а меньшимъ зло»³, церковь от уплаты «тамги» была освобождена. Данное обстоятельство позволило Далмату «поби святую Софѣю всю свинцомъ, и даи ему богъ спасаная молитва, отпущение грѣхов»⁴. Сохранились единичные известия о строительстве церквей: «постави Василии черницъ церковь святого Василья в Новгороде»⁵, «постави церковь святого Савы Федоръ Хотович. Поставиша же и другую святого Кузмы и Дамиана на Холопьи улицы»⁶.

В 1274 г. Далмат принимал участие во Владимирском архиерейском соборе, созванном Киевским митрополитом Кириллом II по причине «неустроения» в подвластных церквях⁷. В решениях собора была предпринята попытка унифицировать порядок церковного богослужения, предотвратить поставление в архиерейский сан «по мзде»⁸.

¹ НПЛ. С. 83, 312.

² Грамота митрополита Кирилла начиналась словами: «мнѣ поручил богъ архиепископью в Руской земли» (НПЛ. С. 89, 321). Указание на окармливаемый округ как на архиепископию, а не митрополию могло означать сознательное принижение собственного статуса, реальное уменьшение территории руководимого им диоцеза или являлось риторическим приемом.

³ НПЛ. С. 82-83, 310–311.

⁴ Там же. С. 83, 311.

⁵ Там же. С. 83-84, 312.

⁶ Там же. С. 89, 321.

⁷ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II. Стб. 85.

⁸ Там же. Стб. 86–87.

Преставился новгородский архиепископ Далмат 21 октября 1274 г., но «преже преставления Далматова посадникъ Павъша с мужи старѣишими биша чолом Далмату: кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха и учителя. Далмат же нарече два игумена: святого Георгия Иоана и отца своего духовнаго Климента: коего собѣ излюбите, того вамъ благословлю. Иде посадникъ на Иоанна двор, и созва новгородци, и сказа имъ слово Далматова; и възлюбиша вси богомъ назнаменана Климента, и благослови его Далмат своею рукою, и по преставлении Далматове послаша в Кыево ставится»¹. Следовательно, Далмат использовал опыт Иоакима Корсунянина и назначил себе преемника, что являлось уникальным прецедентом, вероятно, призванным избежать усобицы после смерти церковного иерарха. Зимой 1276 г. в Киеве состоялось поставление Климента². Под 1285 г. сообщалось об инспекции Киевским митрополитом Максимом подвластных ему кафедр, в ходе которой он «учяше и наказуаше, управляше»³, в том числе посетил Великий Новгород⁴.

Последние десятилетия XIII в. для новгородской земли стали временем кровопролитной борьбы между боярскими партиями. Об активном участии в данных событиях владыки Климента в летописях не сообщалось, но во время новгородского мятежа 1287 г. владыка спас от расправы посадника Семеона Михайловича⁵. В свое святительство Климент заложил «церковь камена святого Николу на Липнѣ»⁶ и «церковь камена святого Въскресения на воротех»⁷, а 1294 г. он освятил вновь отстроенную церковь св. Федора. Стараниями Юрьевского игумена Кирилла была возведена каменная церковь святого Преображения на воротех от Людина конца⁸.

¹ НПЛ. С. 90, 322–323.

² Там же. С. 90, 323.

³ ПСРЛ. Т. 9. Ч. 2. С. 166.

⁴ НПЛ. С. 326.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 327.

⁷ Там же. С. 328.

⁸ Там же. С. 328.

В 1299 г. архиепископ Климент преставился, владычную кафедру он занимал 23 года. Решение о преемнике владыки принимали «новгородци с посадникомъ Андреемъ»¹, им стал игумен Благовещенского монастыря Феоктист. Для его поставления в следующем году в Новгород прибыли митрополит Максим, епископы Симеон Ростовский и Андрей Тверской². Хотя к этому времени Максим уже перенес свою митрополичью резиденцию во Владимир, рукоположение Феоктиста происходит на Новгородской земле. Поставление следующего новгородского архиепископа Давыда произошло уже во Владимире в 1308 г., рукой митрополита Петра. Это свидетельствовало о перемещении духовно-религиозного центра в Северо-Восточную Русь, восстановлении единства структуры управления русской церковной организацией, за исключением южнорусских епископий, укреплении авторитета митрополита всея Руси и его поддержки со стороны княжеской власти.

Таким образом, на этапе становления новгородской кафедры положение епископов зависело от поддержки киевских князей. Вторая половина XI – начало XII вв. – сложный период христианизации, воспитания паствы, сопряженный с угрозой для жизни архиереев. Со второй трети XII в. владыки принимали активное участие в решении политических и церковных вопросов, установилась традиция избрания архиереев из местного духовенства. С начала XIII в. архиепископы утратили свое влияние и на кафедру стали возводиться лица, представляющие интересы тех или иных противоборствующих политических сил. При поставлении архиереев Великого Новгорода были использованы различные формы подбора кандидатов в священство от назначения решением князя или митрополита до избрание паствой, волей жребия и прямого указания владык на желаемого преемника.

¹ НПЛ. С. 91, 330.

² Там же.

Благодаря активной деятельности архиереев уже ко второй половине XII в. начала оформляться территория округа со значительным числом приходов и монастырей, были созданы условия для богослужебной практики, предпринимались попытки ее унификации. Различные слои городского населения принимали активное участие в церковном и монастырском строительстве. К началу XIV в. завершился процесс оформления церковной структуры Новгородской епископии в епархиальный округ.

4.2 Западные епископии (Белгородская, Туровская, Полоцкая, Смоленская)

Белгородская епископия

Одной из первых епископий на территории русской митрополии была кафедра с центром в Белгороде. Впервые на страницах русских летописей этот город упомянут под 996 г. Поздний Никоновский свод описывает его основание так: «Заложил Володимер Бельградъ, и наведе въ оны отъ иныхъ градовъ множество людий; бе бо Володимеръ любя градъ тый паче всехъ градовъ, и постави въ немъ церковь Преображеніе Христова»¹. Белгород был основан на реке Ирпень чуть западнее Киева. Крепость находилась практически в черте стольного города. Выявить причины почему Креститель Руси заселил основанный им город населением, собранным из различных земель, и что вызывало в нем такое внимание к данному поселению представляется достаточно сложным, а вот название города – Белгород, – вероятно, выбрано не случайно. Если изначально город был деревянным, то по архитектурному облику он никак не мог быть «белым». Если термин «белый» предполагал чистоту либо святость, тогда название связано с сакральным смыслом и возникает возможная аналогия с центрами христианского мира, городами юго-восточной Европы.

В период правления Владимира Святославича в летописании Белгород упоминался еще дважды и оба известия связаны с набегами кочевников. Под 999 г. сообщалось об осаде города и только хитрость помогла победить печенегов. Им показали два колодца «единъ наполнивъ цѣжа киселнаго, сирѣчь киселя неваренаго, а другой сыты» в доказательство, что враги не смогут взять город «яко сіа пища безпрестани намъ отъ земля исходитъ»². Второе известие описывало события 1004 г., когда Белгород от печенегов спасли дружины Александра Поповича и Яна Усмошвеца, посланные на

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 66.

² Там же. С. 67–68.

помощь князем Владимиром¹. Таким образом, история Белгорода конца X – начала XI вв. связана с деятельностью киевского князя Владимира Святославича, который основал город, построил в нем храм и обеспечил защиту от набегов печенегов. Позднее Белгород сохранял статус княжеского города, но в нем не сложилось самостоятельной ветви династии Рюриковичей.

Крепость была местом периодического пребывания союзников и наследников киевских князей. В 1117–1125 гг. белгородский стол занимал Мстислав, которого Владимир Мономах, как старшего сына, готовил на киевское княжение². Под 1141 г. белгородским князем назывался Святослав Ольгович – «Всеволодь разлоучиваѡ съ братомъ своимъ и даѡ емоу Бѣльгородъ»³. Известие 1149 г. сообщало о том, что после вокняжения в Киеве Юрий Долгорукий «старѣшаго сѣна своего Ростислава посади оу Переяславли Андрѣѡ Вышегородѣ а Бориса в Бѣльгородѣ а Глѣба в Кановѣ а Василка в Соуждали»⁴. В следующем году Борис Юрьевич упоминался «съ дружиною своею и с попы Бѣлогородьскими»⁵. Мстислав Ростиславич из Владимира прибыл в Белгород в 1162 г⁶. Вероятно, одним из длительных периодов правления в истории города следует признать княжение Рюрика Ростиславича (с 1171 г. с перерывами)⁷. Следовательно, пребывание князей в крепости со времени основания до конца XII в. было непостоянным. После монгольского нашествия Белгород исчез со страниц летописей, так же, как и епископия на его территории.

Белгородская епископия упоминалась в перечне русских епархий митрополии «Росия» (или «Киев Росиия») Константинопольского патриархата конца X в., а также в списках 1080-х гг., конца XII в. и в

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 68.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285, 290.

³ Там же. Стб. 310.

⁴ Там же. Стб. 385.

⁵ Там же. Стб. 416.

⁶ Там же. Стб. 518.

⁷ Там же. Стб. 576, 578, 667, 707.

редакции XIII в¹. Белгородская кафедра в перечне указана первой. Принято считать что в византийской традиции последовательность перечисления епископий совпадала с хронологией их появления и статусом, занимаемым в церковной иерархии². Однако это не согласуется с известиями, помещенными в Новгородской первой летописи: «Первая киевская митрополия, потом новгородчкая архиепискупья, такоже черниговьская, переяславьская, белгородчская»³, т.е. новгородскими летописцами белгородская кафедра помещена лишь на четвертое место. Указанные выше сведения оказываются состоятельными, только если рассматривать белгородскую епископию как часть киевской митрополии под властью константинопольского патриархата. Иная точка зрения была предложена М.Д. Приселковым, который связывал возникновение белгородской кафедры, так же как и становление русского христианства, с влиянием Охридской архиепископии⁴. Данная точка зрения представляет собой научную гипотезу.

Первое известие о поставлении Белгороду епископа помещено в Никоновской летописи под 992 г. Летопись сообщала, что Белгородский епископ Никита был возведен на кафедру киевским митрополитом Леоном⁵. По мнению А.В. Назаренко, составитель свода XVI в. лишь «имитировал знание» обстоятельств начального этапа русской церковной истории⁶, т.к. та же Никоновская летопись сообщала об основании Белгорода и строительстве церкви Преображения Христова только под 996 г⁷. Возникает очевидное противоречие – город заложен Владимиром Святославичем позднее, чем установлена епископия. Однако упоминаемый в летописании Никита мог быть поставлен для служения во вновь выстроенный в Белгороде храм

¹ *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: texte critique, introduction et notes. P., 1981. С. 342–344, 348–350, 380–382.

² *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 186.

³ НПЛ. С. 164.

⁴ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 17–43.

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

⁶ *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 180.

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 66.

Преображения Господня и исполнять функции викария киевского митрополита.

Следующий белгородский архиерей известен как участник процедуры канонизации первых русских страстотерпцев – князей Бориса и Глеба (1072 г). Коллективное мероприятие Рюриковичей положило начало формированию пантеона русских святых. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях белгородский архиерей не упоминался¹. В Сказании о Борисе и Глебе из Успенского сборника XII–XIII в. в числе присутствующих назван Никита Белгородский², в Никоновском своде указан Стефан Белгородский³, но в той же Патриаршей летописи в перечне белгородских епископов Стефан отсутствует⁴.

В конце 80-х годов XI в. на Белгородской кафедре святительствовал воспитанник Киево-Печерского монастыря Лука⁵, который в 1089 г. принимал участие в освящении церкви Успения Пресвятой Богородицы родной обители. Белгородский архиерей указан в перечне епископов первым, сразу после киевского митрополита Иоанна⁶. В перенесении мощей преподобного Феодосия Печерского Лука Белгородский не упоминался.

Под 1113 г. летопись сообщала о поставлении Белгороду епископа Никиты⁷. Хотя летописание не упоминало имени киевского митрополита, совершившего данное таинство, хронологически событие относилось ко времени святительства Никифора (с 1104 г). Повторно Никита Белгородский упоминался как участник перенесения мощей князей Бориса и Глеба под 1115 г. В Лаврентьевской⁸ и Никоновской⁹ летописях известия идентичны, они не сообщали персональный состав участников освящения храма в

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 172.

² Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 62.

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 99–100. В Никоновской летописи в перечне Белгородских епископов Стефан отсутствовал, вероятно, его имя было указано ошибочно (Там же. С. XXIII).

⁴ Там же. С. XXIII.

⁵ Киево-Печерский Патерик. С. 395.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 115.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278

⁸ Там же. 291.

⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 149.

Вышгороде. Запись в Ипатьевском своде более подробна – перенесение святых мощей осуществлял «митрополить Микифоръ съ всими еп̃сы съ Фектистомъ Черниговьскимъ с Лазаремъ Переяславьскимъ с попомъ Никитою Бѣлогородьскимъ и с Данилою Гурьговьскимъ»¹. Из перечня епископов – участников события только белгородский святитель назван «попом». Возможно, святитель Никита взшел на епископскую кафедру из числа приходского духовенства, овдовел или был разлучен с женой, либо дал обет безбрачия. Нельзя отрицать ситуации, когда для участия в столь значимом для Рюриковичей событии был приглашен священник городского кафедрального храма. Последнее маловероятно, т.к. противоречит известию 1113 г. о поставлении епископа Белгороду.

Следующий за Никитой белгородский архиерей упоминался в качестве участника процедуры избрания митрополита Климента Смолятича (1147 г). Белгородский епископ Феодор в летописном известии указан вторым после местоблюстителя митрополичьего престола Онуфрия Черниговского². Косвенно к времени служения Феодора можно отнести известие 1150 г. о том, что князь Борис Юрьевич не сумел отстоять город «съ дружиною своею и с попы Бѣлогородьскими» и бежал из крепости³. Однако маловероятно что летописец мог назвать правящего архиерея в числе простых попов.

Поучения, послания пастве и духовенству, являются важным свидетельством пастырской деятельности епископата. Около 1166 г. было создано поучение попам новгородского архиепископа Ильи (Иоанна) совместно с оставшимся неизвестным белгородским архиереем⁴, что свидетельствует о их заинтересованности в решении актуальных проблем приходского духовенства.

Расцвет белгородской кафедры происходит в период княжения Рюрика Ростиславича. В это время ее занимал епископ Максим, который в 1187 г.

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 281.

² Там же. Стб. 341–342.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416.

⁴ Илья архиепискуп Новгородьский исправил с Белогородьским епископом. С. 221–224.

венчал сына Рюрика Ростислава с дочерью Всеволода Юрьевича Суздальского Верхуславой¹. Данный союз должен был укрепить политический альянс могущественных князей, поэтому «створи Рюрикъ Ростиславоу велми силноу свадбоу ака же несть бывала в Роуси»². Под 1190 г. сообщалось о смерти епископа Максима³, его могила была украшена мрамором, а над местом расположения кельи был воздвигнут храм⁴.

После смерти Максима Рюрик Ростиславич поставил на кафедру «вѣща своего дхвѣнаго игоумена стѣго Михаила Андрѣяна Выдобычиского»⁵. Канонические требования были соблюдены, монашеский чин стал необходимой ступенью к посвящению в архиерейский сан. Князь принимал решение о поставлении епископа с последующей легитимизацией кандидата со стороны киевского митрополита⁶. Под 1197 г. летописец сообщал о том, что построил «црѣвь каменую стѣхъ апѣль в Бѣлѣгородѣ блговѣрныи кнѣзь Рюрикъ приехавъ ис Кыева и стѣи црѣвь ка каменую стѣхъ апѣль епѣпья Бѣлогородскаѣа великымъ свѣщниемъ блжнымъ митрополитомъ Никифоромъ епѣпомъ Андрѣяномъ»⁷. Следовательно, кандидатура княжеского ставленника Андреяна была принята митрополитом, и он был удостоен совместного служения.

Белгородская кафедра находилась в непосредственной близости не только к стольному Киеву, но и на территории митрополичьего округа. Что касается территории, подвластной белгородской епископии, то, видимо, она ограничивалась стенами города. Содержание кафедры могло складываться из

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659.

² Там же. Стб. 659.

³ Там же. Стб. 667.

⁴ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 68; *Гайдено П.И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М., 2014. С. 92.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667.

⁶ *Фомина Т.Ю.* Принципы подбора кандидатов на архиерейские должности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3. С. 177–182.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707.

пожалований князя и мирян, так под 1197 г. упоминалась богатая раздача подарков князем на духовном пиру¹.

Завершающим периодом существования белгородской кафедры можно считать 30-е гг. XIII в. Под 1231 г. сообщалось о поставлении Кирилла Ростовского митрополитом Кириллом «съ ѡкрѣтными єпѣпы иже сут сии иже и сѣиша и с митрополѣтом Перфурии Черниговский єпѣпъ Гѡлекса Полоцкый єпѣпъ и ина ѡ єпѣпа Бѣлогородскыйи и Гюргевскыйи»². Следовательно, к этому времени изменилась внутренняя структура киевской митрополии, произошло укрупнение епископских округов и, хотя формально название округа сохранилось, белгородская кафедра, наряду с полоцкой и юрьевской, возглавлялась одним архиереем. После монгольского нашествия сведения о епископии исчезли со страниц летописи.

Таким образом, учреждение белгородской епископии произошло не ранее 70-х гг. XI в. Белгородские архиереи, находясь в непосредственной близости к киевской митрополичей кафедре, принимали активное участие в жизни митрополии и Киево-Печерского монастыря. Пребывание архиереев в городе не было постоянным, прослеживались значительные периоды вакантности епископской кафедры.

Туровская епископия

Одним из значимых политических центров Руси был Туров. В летописи впервые он упоминался под 980 г³. Подчиненные туровским князьям земли находились в Полесье, по среднему и нижнему течению реки Припять. Княжество охватывало главным образом земли племенного объединения дреговичей, частично территории, населенные древлянами. При Владимире

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 707–708.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457.

³ Там же. Стб. 77; О названии см. подробнее: *Прохоров А.А.* О туровских преданиях // *Працы гістарычнага факультэта: навук. зб. Мінск, 2006. Вып. 1. С. 85–100; Лысенко П.Ф.* Туровская земля (итоги и перспективы изучения) // *Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. Київ, 2010. Вип. 1. С. 278–285.*

Святославиче туровский стол занимал его сын Святополк¹, с середины XI в. княжил Изяслав Ярославич. Его потомки закрепились на туровском престоле, который считался третьим по значимости после Киева и Великого Новгорода². С начала XII в. династия прервалась, и киевские князья распоряжались туровским столом по своему усмотрению. Из-за частой смены князей политическая власть в городе была крайне неустойчива. Туровские князья проявляли оппозиционные настроения по отношению к Киеву. Так Ярослав Святополчич в союзе с поляками выступил против Владимира Мономаха³. С конца 50-х гг. XII в. при Юрии Ярославиче происходил процесс дробления княжества на мелкие уделы. В первые десятилетия XIII в. Туров попал под влияние волынских князей, а затем вошел в состав Русско-Литовского государства⁴.

Христианизация туровской земли началась ранее других русских княжеств. В 60-80-е годы X в. Туров находился под властью польских князей из династии Пястов⁵. Помимо княжеской власти на территорию Туровского княжества должно было распространиться и церковное управление. Канонически Туров должен был входить в состав Гнезненской архиепархии и иметь латинское духовенство⁶. Подтверждением данной гипотезы является известие Титмара Мерзебургского о епископе Райнберне, очевидно, возглавлявшем туровскую епископию⁷. Данные сведения позволили К.А. Костромину выдвинуть и обосновать положение о том, что уставная грамота

¹ *Росик С.* Святополк I, князь Турова и Киева, в свете «Хроники» Титмара. Из источников о происхождении Беларуси // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). С. 3–10.

² *Грушевский А.С.* Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. Киев, 1901 С. 38.

³ Там же. С. 38–40.

⁴ Там же. С. 52–69.

⁵ *Черемин А.А.* Туровское княжество (X–XIV века). Минск, 2012. С. 19–20, 27–28.

⁶ *Костромин К.А.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства. СПб., 2016. С. 104–114.

⁷ *Титмар Мерзебургский* Хроника. С. 162–163. О.М. Рапов предполагал, что центр епископии находился в Пинске (*Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 367–369).

«Туровской епископии завет блаженного Владимира»¹, помещенная в Киевском патерике редакции архимандрита Иосифа (Тризны), была дана первому туровскому епископу Райберну². Грамота известна в единственном списке XVII в., несмотря на многочисленные упоминания, была введена в научный оборот Я.Н. Щаповым³. Возникновение туровской епископии, согласно тексту документа, датируется 6513 г.⁴ По времени основания она определяется третьей, вероятно, после киевской и новгородской⁵. Согласно уставной грамоте, в территорию церковного округа входил «Пинск, Новгород, Городен, Слоним, Берестей, Волковыеск, Здитов, Небле, Степан, Дубровица, Высочко, Случеск, Копыл, Ляхов, Городок, Смедянь»⁶. Однако указанные границы епископии вряд ли отражали реалии начала XI в., т.к. грамота датирована концом XIII в.⁷

Первым епископом Турова Уставная грамота называла святителя Фому⁸ и сообщала об установлениях по материальному содержанию кафедры: «и придах села, винограды, земли бортные, волости со всеми

¹ Щапов Я.Н. Туровские уставы XIV в. о десятине // АЕ за 1964 г. С. 252–273.

² «Первым епископом был все-таки Райнберн, а его поставление хронологически совпадает с датой, указываемой в Туровской грамоте. Какой должна была быть судьба Турова и Туровской епископии после смерти Райнберна в заточении и после бегства Святополка из Руси? Поскольку в эмиграцию уехали все те, кто поддерживал Святополка и был проводником латинской или пролатинской церковной политики на Руси, как Анастас Корсунянин, перебравшийся в Польшу, туровская епископия должна была автоматически исчезнуть. Если вспомнить, что после восстановления полного контроля над Киевом Ярослав допустил переосвящение Десятинного храма, следовательно, за время его правления восстановления статуса Туровской епископии произойти не могло». (Костромин К.А. Еще раз о возникновении Туровской епископии (о статье Т. Ю. Фоминой «Туровская епископия: этапы становления и развития XI–XIII вв.» // Христианское чтение. 2018. №4. С. 250–259).

³ Щапов Я.Н. Туровские уставы XIV в. о десятине. С. 252–273.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ В 1005 г. в Турове княжил Святополк Окаянный, который в источнике не упомянут. Причин для данного умолчания достаточно. Святополк был сыном Владимира от связи с женой брата Ярополка. Женатому на дочери польского короля Болеслава князю приписываются попытки перехода под власть папы Римского и наконец, убийство Бориса и Глеба. Поэтому помимо князя Владимира в Уставе, указаны имена княгини Анны и их сыновей Изяслава и Мьстислава, Ярослава и Всеволода, Бориса и Глеба. (О поставлении Туровской епископии. С. 271–273.)

⁶ О поставлении Туровской епископии. С. 271–272.

⁷ Щапов Я.Н. Туровские уставы XIV в. о десятине. С. 254.

⁸ Там же. С. 258.

придатки, озера, реки, тако и в мыте, и на торгу, и на перевозах десятую неделю, десятыи пеняз и от жита десятая копа святому Спасу и святей Богородицы по всем городом, по всей епископии, занеже се урядих и уставих в первых»¹. Установление десятины в пользу соборной церкви Турова во имя Успения Пресвятой Богородицы и церкви Спаса Преображения, известной нам по туровскому Евангелие XI века², по мнению Я.Н. Щапова, следует рассматривать как необходимость «письменно зафиксировать источники материального обеспечения туровской епископии и права на них на основе установлений Владимира»³. Сама уставная грамота, согласно выводам Я.Н. Щапова, была записью «местного обычая, сложившегося во взаимоотношениях княжеской и церковной власти» на протяжении веков, фиксирующей «конкретные формы обеспечения епископии»⁴.

Княжеская власть участвовала в формировании церковной инфраструктуры. В период княжения в Турове Святополка Изяславича (1088-1093 гг) была построена церковь во имя ангела-покровителя князя св. Михаила, которая и стала родовой усыпальницей Изяславичей, вторая жена Святополка гречанка Варвара (ум. около 1124 г) по преданию основала женский монастырь в честь ее святой покровительницы⁵.

К истории основания епископии в Турове также нередко относят и летописное известие в Лаврентьевском своде под 1114 г. «Том же лѣт поставиша Кирила епѣпмъ мѣца ноѣб въ ѣ днѣ»⁶. Следует согласиться с мнением Е.Е. Голубинского о том, что данное сообщение никоим образом не указывает на принадлежность Кирилла к туровской кафедре⁷.

Имена святителей первой половины XII в. Симона, Игнатия, Иоакима и Георгия восстанавливаются на основании «Слова о Мартине монахе, что

¹ О поставлении Туровской епископии. С. 272.

² Щапов Я.Н. Туровские уставы XIV в. о десятине. С. 257.

³ Там же. С. 256.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Грушевский А.С. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. С. 37.

⁶ ПСРЛ. Т. 1: Стб. 290.

⁷ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 680.

пребывал в Турове»¹. В труде архимандрита Николая, изданном в 1864 г., первым Туровским архиереем назван святитель Симеон². Перечень туровских епископов в данном исследовании выглядит следующим образом: Симеон, Игнатий, Иоаким 1-й, Георгий, Кирилл 1-й с 1114 по 1120 г., Иоаким 2-й с 1144 г., Иоанн с 1146 г., Кирилл 2-й (проповедник), Лаврентий³. Последовательный ряд епископов свидетельствует об устойчивости функционирования туровской кафедры, обеспечении преемственности архиерейской власти в диоцезе. Согласно археологическим данным, к середине XII в. христианская обрядовая практика утвердилась на территории княжества, в том числе в погребениях⁴.

М.Д. Приселковым относительно личности первого из названных в «Слове о монахе Мартине» епископов – Симеона – была высказана крайне любопытная точка зрения. Сличение списков русских архиереев 20-х гг. XII в. привело исследователя к предположению, что Симеон не был самостоятельным туровским епископом, Туров в это время, по его мнению, перешел под управление Симеона Владимирского, поставленного «по смерти Амфилохия в 1123 г. на Владимирскую епископию»⁵, т.к. произошел «передел епархий, стянувший все земли Мономаха (кроме Киева и Новгорода) в две епископии» – Владимирскую и Переяславскую⁶. Следовательно, Симеон был первым владимирским епископом в подчинении которого находился Туров. Согласно гипотезе М.Д. Приселкова, лишь после смерти в 1136 г. Симеона владимирского кафедра вновь обрела

¹ Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове... URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10110> дата обращения 25.02.2017). Данный источник описывает явление страдающему от грыжи Мартину «мниху» святых заступников Бориса и Глеба.

² *Николай, архимандрит.* Историко-статистическое описание Минской епархии. СПб., 1864. С. 51.

³ Там же.

⁴ Беларусь. Православная церковь. // ПЭ. Т. 4. С. 457–503.

⁵ *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 349.

⁶ Там же. С. 334, 337.

самостоятельность и во главе ее киевским митрополитом Михаилом был поставлен святитель Игнатий¹.

К 1142 г. относится известие о посажении на туровский стол князя Святослава Всеволодовича², затем на нем закрепился Вячеслав Владимирович, благодаря усилиям которого в 1144 г. в Туров был рукоположен епископ Иоаким (Аким/Яким)³. Это первое упоминание архиереев Турова в летописании. Рукоположение Иоакима имело особое значение для туровской кафедры, т.к. это была первая попытка избрания архиерея из местного духовенства. Однако служение его было недолгим. В 1146 г. вместе со знатью Турова и посадником Иоаким был взят в плен киевским князем Изяславом Мстиславичем, который «исковавъ приведе» их в Киев⁴. Сложившаяся ситуация связана с позицией, которую занял епископ Иоаким в споре за киевский стол между Изяславом Мстиславичем и его дядей Вячеславом Владимировичем, княжившим в Турове. Епископ был убежденным сторонником старейшинства Вячеслава Владимировича и его прав на Киевский престол, что стоило ему кафедры. Это свидетельствовало о значительной роли епископской власти в оформлении политического статуса Туровского княжества⁵.

Согласно археологическим данным, к XII в. относится строительство в Турове каменного храма по своим размерам уступавшего в Древней Руси лишь Софии Киевской и Софии Новгородской⁶, что характеризовало материальное положение кафедры. Туровский епископ «обладал правом получать мыто, собираемое во время городской ярмарки на Петров день» и «иные доходы от купцов», пошлины от использования мер и весов,

¹ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 348–350.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 311.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315.

⁴ ПСРЛ Т. 1. Стб. 315.

⁵ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 230.

⁶ Беларусь. Православная церковь. // ПЭ. Т. 4. С. 457–503.

письменно было закреплено особое право архиерея на изготовление и продажу меда¹.

Возникает вопрос и о месте пребывания правящих туровских архиереев. В «Слове о Мартине мнисе, иже бѣ в Туровѣ...» говорится, что больной монах пребывал в «въ епискупли монастыри»². М.С. Грушевский полагал, что имелся в виду Борисоглебский монастырь, основанный, вероятно, «во времена Ярослава»³. Данное указание может быть расценено по-разному - туровский архиерей мог быть как основателем, одновременно игуменом данной обители, так и использовать ее в качестве епископской резиденции⁴. Последней точки зрения придерживался и Е.Е. Голубинский⁵.

После ареста в 1146 г. Иоакима туровская кафедра, вероятно, пустовала. Во второй половине 50-х гг. XII в. произошло обособление Турова под властью князя Юрия Ярославича и его потомков. К их княжению относится святительство епископа Георгия. Имя архиерея известно благодаря сочинению монаха Мартина, которого он отправил на покой с должности епископского повара⁶. Годы служения Георгия Туровского в источниках не обозначены. Ссылаясь на авторитет Н.Н. Дурново, в историографии принято считать, что архиерей вступил на кафедру в 1167 г. и по непонятным причинам покинул ее в 1169 г.⁷ По мнению П.И. Гайденко, в этот период прослеживается тенденция к установлению «контроля над епископскими кафедрами со стороны городских общин» и уход Георгия с кафедры был

¹ Щапов Я.Н. Туровские уставы XIV в. о десятине. С. 260–262.

² Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове... URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10110> дата обращения 25.02.2017

³ Грушевський М.С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 305.

⁴ На территории бывшего погоста Борисоглебского монастыря в Турове был найден саркофаг, который предположительно считается местом захоронения местных архиереев (Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 40).

⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 680–681.

⁶ Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове... URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10110> дата обращения 25.02.2017

⁷ Н.Д. [Дурново Н.Н.] Девятисотлетие русской иерархии... С. 29.

связан с существенными разногласиями с местной знатью «по каким-то церковным или церковно-политическим вопросам»¹.

Около 1169 г. архиерейский сан принял выдающийся церковный деятель Кирилл Туровский². Избран он был из местного духовенства «молением» князя и горожан, и происходил из богатого и уважаемого в Турове рода³. Кирилл известен как проповедник, публицист⁴, одним из

¹ *Гайденко П.И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв). С. 135.

² *Грушевский А.С.* Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. С. 75. К сожалению, летописная традиция не сохранила сведений о Кирилле Туровском, известия об упоминании подвижника в Ипатьевской летописи под 1169 г. являются ошибочными. (*Творогов О.В.* Кирилл, епископ Туровский // URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4016> (дата обращения 21.11.2013); *Житие Кирилла Туровского* // *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 62–64; *Сон Джонг Со.* Житие Кирилла Туровского в составе Пролога // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 228–239; *Пономарев А.И.* Св Кирилл еп. Туровский и его церковно-учительные произведения // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894. Вып. 1. С. 89).

³ *Житие Кирилла Туровского.* С. 62–64.

⁴ Современные исследования, главным образом, посвящены изучению литературных особенностей трудов Кирилла Туровского: *Гончаров И.Н.* Проповеди Григория Богослова и Кирилла Туровского как словесный ритуал // Сибирский филологический журнал. 2007. № 1. С. 4–8; *Антипова И.А.* Способы толкования в «словах» и «притчах» Кирилла Туровского // Вестник Вятского государственного университета. 2008. Т. 2. № 3. С. 133–135; *Грунина Л.П., Трапезникова О.А.* Разночтения в памятниках древнерусской письменности в аспекте анализа категории «образ автора» (на материале списков слов Кирилла Туровского) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 3. С. 11–22; *Проневич Г.Н.* «Слово о полку игореве»: несколько аргументов в пользу гипотезы об авторстве Кирилла Туровского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. № 2. С. 12–20; *Трапезникова О.А.* Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 27–33; *Со Сон Джонг* Творчество Кирилла Туровского в контексте книжности его эпохи (пролог как источник произведений Кирилла Туровского) дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2003. 178 с; *Баранкова Г.С.* Сочинения Кирилла Туровского в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 61–75.

Целый комплекс современных работ затрагивает анализ религиозно-философских и богословских аспектов творчества Кирилла Туровского: *Мильков В.В.* Религиозно-философское значение литературных приемов древнерусского политического памфлета (на материалах «Притчи о душе и теле» Кирилла Туровского) // История философии. 2011. № 16. С. 56–78; *Барашко Г.* Богословское содержание притчи свт. Кирилла Туровского «О слепце и хромце» // Христианское чтение. 2011. № 3. С. 133–143; *Вдовина О.Я.* Особливості символіко-алегоричної думки Кирила Туровського в контексті ідейних засад християнського середньовіччя // Гуманітарні студії. 2012. № 12. С. 28–36; *Бондарь С.В.* Антропологические воззрения святого Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2014. № 1. С. 242–327; *Кауров А., диакон* Феномен свободы в сочинениях для монашествующих свт.

сочинений которого является «Притча о человеческой душе и теле», более известная как «Повесть о слепце и хромце». Через использование аллегорий Кирилл рассуждал в ней о взаимоотношениях церковной и светской власти, в своем повествовании подразумевая конкретных современных ему персонажей, а именно, обличал ересь самозванного епископа Федорца и поддерживавшего его Андрея Боголюбского¹. В повести образ князя Андрея Юрьевича крайне нелицеприятен: «Хром я и не могу войти внутрь», – и так перехитрим мы нашего господина и сами получим плату за свою работу». «И сел хромец на слепца, и, войдя внутрь виноградника, обокрали все бывшее там добро господина своего»². Для архиерея подобные образы в отношении представителя княжеской династии были, несомненно, дерзостью, но это не сказалось на статусе и положении Кирилла. Сочинения архиерея были адресными и то, что «Андрей Юрьевич проявлял интерес к посланиям туровского епископа, указывает не только на высокий духовный авторитет святителя, но и на существование неких общих интересов или взглядов между епископом и владимирским князем»³.

Глубокое осуждение в притче дается действиям Федора (Феодорца): «никто, страх Божий имея, плотским не прельстится, никто из искренне

Кирилла Туровского // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2015. № 1 (84). С. 10–13; Новик Ю.В. Идеюное наследие Кирилла Туровского // Молодежь в науке и творчестве Материалы международной научно-практической конференции обучающихся: сборник научных статей: сборник научных статей: в 2 частях. Гжельский государственный университет. 2016. С. 219–223; Кауров А., диакон Определение понятия «монах» в сочинениях свт. Кирилла Туровского // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2016. № 3 (94). С. 10–13; Шумило С.М. Богослужбные песнопения в «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4. С. 103–108.

¹ Мильков В.В. Идеюное своеобразие религиозных и нравственных воззрений Кирилла Туровского // Древняя Русь: о времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 6. С. 38.

² Кирилла-монаха притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4936> дата обращения 25.02.2017

³ Гайденко П.И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.). С. 135. См. также Гайденко П.И., Филиппов В.Г. Церковные суды в Древней Руси (XI – середина XIII века): несколько наблюдений // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2011. № 12. С. 106–116; Гайденко П.И. Кирилл Туровский и его время: наблюдения и замечания // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 1 (7). С. 93–114.

верующих незаконно не пытается получить сана — никто... Но так же вошел, как и этот церковник, недостойный священства и утаивший грех свой, пренебрег Божьим заветом, но ради высокого сана и славы земной взошел на епископский стол... высокомерная заносчивая хвастливость в захвате сана не по-Божьи»¹. Однако, обличая Андрея Боголюбского и Феодорца в разграблении богатств церкви, небрежении к церковным законам и ненадлежащем по христианским меркам поведении, Кирилл Туровский в первую очередь заботился о сохранении целостности русской митрополии, которая, по его мнению, разрушалась адресатами притчи, стремился к защите «законных прав Киевского митрополита с позиций единства всей православной церкви»². При этом Кирилл считал поступки Феодорца и Андрея «подсудными лишь Богу»³.

В современной историографии, посвященной Кириллу Туровскому прослеживается целый ряд противоречий. В частности, созданные им произведения, адресованные Андрею Боголюбскому, большинство исследователей относит к периоду 1167-1169 гг., для которого характерно наибольшее противостояние князя с Киевом и митрополией кафедрой. Но традиционно считается, что в данный период туровской епископией управлял святитель Георгий. Тогда получается, что сочинения, отразившие всю остроту полемики, были написаны до вступления Кирилла на кафедру, т.к. годом вступления в архиерейский сан Кирилла принято считать 1169 г. В этом же году, согласно летописным известиям, произошла расправа митрополита Константина над Феодорцом⁴. Если Кирилл к этому времени был только рукоположен, то полемика уже теряла свою актуальность. Данная ситуация вряд ли может быть разрешена в силу условности восстанавливаемого историками времени служения туровских архиереев.

¹ Кирилла-монаха притча о человеческой душе, и о теле. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936> дата обращения 25.02.2017

² Мильков В.В. Идеиное своеобразие религиозных и нравственных воззрений Кирилла Туровского. С. 39

³ Гайденко П.И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв). С. 142.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 356–358.

С точки зрения идей церковного устройства важное значение имело сочинение Кирилла Туровского «Слово о бельцах и монашестве»¹, посвященное характеристике современного ему монашеского устройства. По мнению архипастыря, основная задача монастыря - «это служба Богу со славословием, немолчная аллилуйя псаломскими стихами...»². В основу монастырского уклада должен быть положен «устав, апостольские заветы келейной жизни, где никому нет своеволия, но всем все общее, ибо все под игуменом, как члены тела под одной головой, связаны духовными жилами»³. Весь чернеческий чин должен пребывать «в последней нищете» и «безмолвном отшельничестве», «а что в худое одет рубище — тут речь без иносказания, ибо здесь рядно и власяница, и суконные одежды, и облаченья из козьих шкур. Ибо всякие богатые ризы и плотские украшения чужды игуменам и всему монашескому укладу»⁴. Таким образом, Кирилл осуждал отступления от канонических требований к монашескому бытию. В то же время образ монаха для него был «символом, через который раскрывается идеальная форма христианства»⁵, а идеалом игумена в русской традиции им признавался Феодосий Печерский, что «без лицемерия иночествовал, возлюбивши Бога и свою братию как самого себя»⁶.

Труды Кирилла Туровского сыграли значительную роль в формировании взглядов просвещенных представителей церковной и светской знати, что позволяет говорить о высочайшем авторитете архипастыря, но это не может быть применимо к положению туровской кафедры в рамках Киевской митрополии. Попытка Турова обрести самостоятельную кафедру

¹ Слово о бельцах и монашестве. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936>
дата обращения 25.02.2017

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Вдовина О.Я. Символично-аллегорическая интерпретация монашества у Кирилла Туровского // Древняя Русь: о времени, в личностях, в идеях. Вып. 6. 2016. С. 81.

⁶ Слово о бельцах и монашестве. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4936>
дата обращения 25.02.2017

во главе с представителями местного духовенства¹, так же как желание Кирилла оказать влияние на церковно-политическую ситуацию Руси оказались тщетными. Святитель в период до 1182 г. был смещен с кафедры, а в Туров был рукоположен ставленник Киево-Печерского монастыря Лаврентий².

В Печерском патерике Лаврентий представлен как ревностный христианин, который будучи монахом, принял обет затворничества³, а под 1182 г. уже в сане туровского епископа он указан в числе участников избрания попа Василия игуменом Киево-Печерского монастыря⁴. Безусловно, и Кирилл и Лаврентий Туровские стали заложниками происходивших в южной Руси политических процессов. Вступление Лаврентия на архиерейскую кафедру, легитимно занимаемую епископом Кириллом, нарушало церковные каноны. Сам Лаврентий в сане епископа показал себя слабым и безвольным, фактически он стал «марионеткой в интригах киевских митрополитов по подчинению туровской кафедры»⁵. После святительства Лаврентия, писал А.С. Грушевский, «в наших источниках является пробел, и новые сведения о туровской епископской кафедре относятся лишь к XIV в»⁶.

Таким образом, история туровской епископии крайне скупо освещена историческими источниками. В качестве дискуссионных остаются время основания кафедры, проблемы восстановления перечня туровских архиереев и периодов их пребывания на кафедре. Попытки княжеской власти и горожан в процессе обособления от Киева избирать архиереев из местного

¹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 231; Грушевский М.С. Очерки истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 163–224; Клеванов А.С. История Юго-Западной Руси от её начала до половины XIV века. М., 2001. С. 61–143.; Цветков С.Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054–1212. М., 2009. С. 237–419.

² Киево-Печерский патерик. С. 395.

³ Там же. С. 220, 395.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 628.

⁵ Галимов Т.Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII – первой трети XIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 52. 2012. № 25 (279). С. 109–110

⁶ Грушевский А.С. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI–XIII вв. С. 78.

духовенства не имели успеха - епископ Иоаким был арестован, святитель Георгий вынужден покинуть кафедру, Кирилл Туровский смещен. С приходом печерского ставленника Лаврентия началось подчинение туровской кафедры Киеву. С конца XII в. со страниц источников исчезли сведения о епископии, Туров попал под влияние Волынских княжеств, а затем вошел в состав Русско-Литовского государства.

Полоцкая епископия

Полоцкая земля имеет древнюю историю и одной из первых упоминается в русских источниках. Под 862 г. князь Рюрик «раздаѣ мужемъ своимъ грады», в том числе Полоцк¹. Данный племенной центр назван и в ходе описания похода на Византию князя Олега (907 г)². Место Полоцка в ряду русских княжеств определялось тем географическим положением, которое он занимал, находясь на пересечении значимых торговых путей в Северную, Западную и Восточную Европу и на Восток³. Основание княжеской династии рода Рюриковичей в Полоцке следует относить ко времени правления Владимира Святославича, который, убив местного князя Рогволода, женился на его дочери Рогнеде, а затем передал власть в княжестве их сыну Изяславу (ум. 1001 г)⁴. Потомки Изяслава закрепились на полоцком престоле, управляя политическим объединением, в состав которого вошли земли кривичей, радимичей, дреговичей.

Вопрос о времени христианизации Полоцкой земли и основании епископии остается открытым. Если в качестве критерия христианизации рассматривать строительство первых культовых сооружений в полоцком княжестве, то древнейшей из них следует признать церковь св. Богородицы,

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 21.

² Там же. Стб. 32.

³ *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 362–363; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля. Полоцк, 2007. С. 7–36; *Кирпичников А.Н.* Полоцк по письменным и археологическим источникам: вариант нового осмысления // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* СПб., 2016. Вып. 5. С. 224.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 300–301.

впервые упомянутой под 1001 г¹. Она стала местом погребения Изяслава Владимировича и его потомков². К 1044-1066 гг. исследователи относят строительство в Полоцке Софийского собора, который появился вслед за Софией Киевской (1037 г) и Новгородской (1050 г)³, но наличие кафедрального собора при отсутствии правящего архиерея, не дает основания предполагать существование епископии. Время создания полоцкой кафедры, вероятно, следует датировать 1105 г. Именно под этим годом впервые сообщается о поставлении Полоцку епископа Мины⁴, подвизавшегося из печерских иноков⁵. Период святительства Мины ознаменован противостоянием полоцких князей с правившим в Киеве Владимиром Мономахом.

Потомки Изяслава на Полоцком столе традиционно вели себя независимо по отношению к Киевским князьям. Возможно, именно данными обстоятельствами объясняется отсутствие Мины при перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г⁶. В то же время почитание князей-страстотерпцев достаточно рано утвердилось на Полоцкой земле. Так, в честь святых в столице княжества был основан Бельчицкий Борисоглебский монастырь (впервые упоминается под 1159 г)⁷, изображения Бориса и Глеба сохранились на фресках XII века в церкви Спаса Преображения в Ефросиниевом монастыре. Свидетельств о святительской деятельности епископа Мины не сохранилось, лишь под 1116 г сообщалось о его преставлении⁸. Следующий архиерей – Илья, впервые упомянут под 1120 г. в житии Ефросинии

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 130.

² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 121.

³ Селицкий А.А. Живопись Полоцкой земли XI–XII в. Минск, 1992. С. 18.

⁴ «постави митрополит Анфилохья епископа Володимерю... постави Лазоря Переяславлю... постави Мину Полотьске» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281)

⁵ Киево-Печерский Патерик. С. 395. В исследовании Мануила (Лемешевского) высказывается мнение, что Мина был одним из игуменов Киевского Зверинецкого мужского монастыря во имя архистратига Михаила (*Мануил (Лемешевский)* РПИ. Т. 2. С. 308–309)

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 281; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 496.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292.

Полоцкой (в миру Предславы, дочери князя Святослава Всеславича)¹. Служение святителя Ильи в источниках традиционно рассматривалось в контексте деятельности преподобной Ефросинии. В 1125 г. епископ Илья передал Ефросинии «Сельцо», где благословил создание Спасо-Преображенского женского монастыря, игуменьей которого и стала подвижница².

Данное известие крайне ценно с точки зрения отношения церкви и представителей княжеской власти. Источники впервые фиксируют ситуацию, когда церковные иерархи делают пожалования в пользу представителей княжеского рода. Указанный факт не может быть представлен столь однозначно, т.к. церковная земельная собственность раннего периода русской истории формировалась, прежде всего, за счет передачи княжеских угодий либо в собственность кафедр, либо в качестве условного владения, последнее является наиболее вероятным³. Поэтому вполне возможно, что Ефросинье были возвращены земли, принадлежавшие княжескому роду. Подтверждает данное предположение не только поведение епископа Ильи, добровольно передавшего Ефросинье указанные территории, но и

¹ Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10128>. [дата обращения 25.10.2018](#).

² Согласно Житию епископ Илья передает Сельцо Ефросинье по указанию явившегося ангела. После чего епископ «в страхе и трепете и пришел к ней. И Евфросиния, увидав его, пошла ему навстречу, поклонилась и сказала: «Благослови, святой владыка!» ... И стал епископ говорить ей: «Ты знаешь, чадо, что это церковь соборная, тут, где ты живешь. Здесь собираются все люди, и тебе нехорошо здесь оставаться. Есть церковка Святого Спаса в Сельце, где лежит наша братия, бывшие прежде нас епископы. Быть может, Бог пособит тебе за их молитвы и за твой труд, и создастся великое место». Затем «призвал епископ князя Бориса, отца ее сестры, и Георгия, отца ее, и преподобную Евфросинию, и влиятельных <городских> мужей и, поставив их сам себе в свидетели, сказал: «Вот при вас отдаю я Евфросинии место Святого Спаса, чтобы никто по моей кончине не осудил моего даяния». И, услышав это от епископа, оба князя и все бояре поклонились ему, и так сказали все люди: «Ей, святой владыка! Это Бог положил тебе на сердце, что рассудил ты так о сей отроковице, печась о ней». А Евфросинии они сказали: «Иди, послушай епископа, как он тебе велит, так и сделай, он всем нам отец, подобает нам слушаться его». И, обратив к ним улыбающееся лицо, Евфросиния сказала: «Пойду с радостью; как повелит он мне, такова и будет для меня Господня воля». (Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии,. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10128>)

³ *Гайденок П.И.* Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? С. 87; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь в древней Руси. С. 87–90.

последующее развитие событий - крайне независимое поведение игуменьи в отношении полоцких епископов, как при жизни, так и посмертное заклѣтье на кресте, запрещающее вмешательство архиереев в дела обители¹.

Власть полоцких святителей над монастырем в период деятельности игуменьи Ефросиньи не распространялась либо была исключительно номинальной. Это объяснялось социальным положением игуменьи, усвоенным при рождении, значительным состоянием, вложенным ею в устройство обители, и зависимостью местного, в данном случае полоцкого, епископата от княжеской верхушки, родственной Ефросинье². В период ее игуменства инокинями монастыря становились и другие представительницы княжеского рода – родные сестры Гордислава и Евпраксия, двоюродная сестра Звенислава (в монашестве Евпраксия), дочь князя Бориса Всеславича³. Юные родственницы принесли в обитель богатые вклады. В исследовании Л.Е. Морозовой доказывается, что в условиях конфликта с киевским князем Мстиславом Владимировичем, который разорял полоцкие земли и целенаправленно изымал ценности местной княжеской династии, вложение средств в монастыри, вероятно, было единственной возможностью сохранить семейные богатства⁴. Благодаря богатым вкладам и усилиям подвижницы Спасо-Преображенский монастырь был обустроен. Чуть позднее Ефросиньей

¹ Гайдено П.И., Москалёва Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 108–109.

² Основание монастыря относится к периоду 1127-1128 гг. когда полоцкий престол занимал Борис Всеславич, родной дядя Ефросиньи.

³ Звенислава пожаловала монастырю «все свои вещи золотые и многоценные ризы» (Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10128> дата обращения 25.10.2018)

⁴ Согласно исследованию Л.Е. Морозовой «двоюродная сестра Евфросинии Звенислава, дочь Рогволда-Бориса Всеславича привезла с собой в монастырь «семейные ценности, которые ей удалось спасти от разграбления: золотую и серебряную посуду, ювелирные украшения, парчовую и меховую одежду. Все это было пожертвовано монастырю и поэтому не могло быть изъято по приказу великого князя. В итоге казна монастыря существенно пополнилась, возросло и число постриженниц: Гордислава стала монахиней Евдокией, Звенислава – Евпраксией. Можно предположить, что не только дочь Рогволда Борисовича привезла в Спасский монастырь свои семейные богатства, то же самое могли сделать и другие полоцкие князья, опасавшиеся разграбления своих владений» (Морозова Л.Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2009. URL: <https://www.libfox.ru/195986-lyudmila-morozova-velikie-i-neizvestnye-zhenshchiny-drevney-rusi.html> дата обращения 25.10.2018).

был основан мужской Богородичный монастырь, что не характерно для церковной традиции¹. Мужские обители обычно создавались князьями или монахами-мужчинами. В монастыре пресвятой Богородицы принял постриг брат Ефросиньи Вячеслав. Оба монастыря стали крупнейшими духовными центрами княжества с мастерскими по изготовлению богослужебных книг, икон, окладов для образов, предметов церковного обихода, что обеспечило значительные доходы обителям.

Как указывалось выше, конец 20-х гг. XII в. стал для полоцкого княжества сложным временем очередного противостояния с Киевом. В 1129 г. киевский князь Мстислав Владимирович изгнал полоцких князей «из своих уделов в Византию», присоединил Полоцк к своему княжению и управлял им через сына Изяслава. Лишь после смерти Мстислава полоцкий стол занял внук Всеслава Василько Святославич, вероятно, избежавший изгнания. После вокняжения в Киеве Всеволода Ольговича в 40-х гг. XII в. полоцкие князья смогли вернуться на родину². В этот период полоцкая святительская кафедра оставалась вакантной, т.к. только под 1143 г. сообщалось о поставлении епископа Кузьмы³, предположительно «грека» по происхождению⁴. Упоминание под 1156 г. безымянного полоцкого архиерея позволило ряду исследователей идентифицировать данного епископа с упоминаемым Кузьмой⁵, при котором преподобной Ефросиньей был основан мужской Богородицкий монастырь.

¹ «Евфросиния могла опасаться, что Мстислав Великий разгадает хитрость полоцких князей и конфискует монастырские ценности. Чтобы этого не произошло, она тут же начинает строительную деятельность. В своей Спасской обители она возводит каменный собор... Стройка завершилась в рекордно короткие сроки – за 30 недель. Для полочан все это выглядело как настоящее чудо. На самом деле Евфросиния торопилась поскорее потратить семейные средства, чтобы они не достались и новому полоцкому князю Изяславу Мстиславичу, сыну великого князя» (*Морозова Л.Е.* Великие и неизвестные женщины Древней Руси. URL: <https://www.libfox.ru/195986-lyudmila-morozova-velikie-i-neizvestnye-zhenshchiny-drevney-rusi.html> дата обращения 25.10.2018).

² *Богданов В.П., Рукавишников А.В.* Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII – первой трети XIII в. // ВИ. 2002. № 10. С. 19, 21.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 314

⁴ *Мануил (Лемешевский)* РПИ. Т. 2. С. 223.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485.

Между 1157 и 1169 гг. благодаря усилиям подвижницы обитель обрела уникальную реликвию – Эфесскую икону Божьей Матери, по преданию написанную апостолом Лукой, кроме того, были обретены частица Креста Господня, части камней от горба Господня и Богоматери, кровь и частицы мощей священномучеников, которые местным мастером Лазарем Богшей были помещены в уникальный крест (создан около 1161 г), содержащий заклятие игуменьи¹. Есть основания полагать, что уникальные христианские святыни появились у Ефросиньи благодаря личным контактам с двором византийского императора Мануила I Комнина и патриархом Лукой Хрисовергом. После возвращения из Византии, в 60-е гг. XII в. полоцкие князья включились в междоусобные войны. В период активного противостояния Суздаля и Великого Новгорода, Полоцк выступил на стороне Андрея Боголюбского. Последствием данного выбора стал поход на Полоцк новгородского князя Владимира Святославича. Всеслав Полоцкий сделал ответный шаг, разграбив Великий Новгород в 1166/67 г². Одновременно происходил процесс активного дробления Полоцкой земли на уделы. В качестве самостоятельных выделяются Минское, Друцкое, Изяславльское, Логожское, Борисовское и другие княжества. К периоду до 1169 г. относится поставление на полоцкую кафедру святителя Дионисия³, который благословил преподобную Ефросинию на паломничество в святую землю. Она, предположительно, посетила Константинополь и Иерусалим, где преподобная заболела и скончалась 23 мая 1173 г⁴.

¹ Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10128>, дата обращения 25.10.2018; Алексеев Л.В. Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. // СА. 1957. № 3 С. 234–235; Игошев В.В. Богша Лазарь // ПЭ. Т. 5. С. 559.

² Богданов В.П. Рукавишников А.В. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII–первой трети XIII в. С. 24.

³ Вероятно, Дионисий, так же как и Мина Полоцкий взшел на кафедру из числа насельников Киево-Печерского монастыря (ПЭ. Т. 4. С. 457–503).

⁴ Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10128>, дата обращения 25.10.2018

Под 1183 г. летопись сообщала - «престависа еп̃спъ Полоцкий именовъ Дионисии»¹. Обстоятельства восхождения на кафедру следующего полоцкого архиерея Николая Гречина требуют отдельного рассмотрения. В 1183 г. «преставившюса Лешноу Ростовскому еп̃спу и поставленъ быѣ Никола Грѣчинъ еп̃спомъ Всеволодъ же Гюргевичъ кнзь Соудальский не приаъ его но посла Киевоу ко Стославоу ко Всеволодичю и к митрополиту Никифору рекъ не избраша сего людье землѣ нашѣѣ»². Ситуация, в которой уже рукоположенный на ростовскую кафедру епископ Николай был выслан Всеволодом Юрьевичем обратно к киевскому князю и митрополиту, свидетельствует о том, что власть последних не распространялась на Северо-Восточные княжества, а суздальский князь, как представитель правящей элиты, ревностно охранял свою власть от посягательств Киева. В результате митрополит Никифор вынужден был перевести святителя Николая на освободившуюся после смерти Дионисия полоцкую кафедру. Поставление Николая было бы крайне затруднено при традиционной оппозиционности Киеву полоцких князей. Однако после смерти Глеба полоцкая княжеская династия прервалась и город «обрел статус центра вечевой республики»³. Вероятно, в этих условиях Николай как митрополичий ставленник был принят городской верхушкой. Святитель Николай под 1183 г., наряду с митрополитом Никифором и Лаврентием Туровским упоминался как участник погребения Печерского игумена Поликарпа и поставления его преемника попа Василия⁴. Дата кончины святителя Николая не известна.

В конце XII–начале XIII в. наблюдался упадок церковной жизни, полоцкая земля оказалась в политической зависимости от Смоленска⁵. Активизировались контакты Полоцка с Ригой и Ливонским орденом, но они

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630–631.

² Там же. Стб. 630.

³ Володихин Д.М. Еще раз о княжеской власти в средневековом Полоцке // ВИ. 2000. № 4–5. С. 174.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 627–629.

⁵ Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев. 1896. С. 85.

носили напряженный характер. В 1206 г. согласно «Хронике Ливонии» полоцкий «король» Владимир отказался вести переговоры, отверг присланные рижским епископом подарки и пошел походом на Ригу¹. В 1210 г. ситуация изменилась. По инициативе Рижского епископа усилиями послов обеих сторон было заключено мирное соглашение и союз против литовцев. Для ратификации договора в 1212 г. состоялась личная встреча полоцкого «короля» и епископа Альберта, на которой князь признал епископа «своим отцом»². А под 1218 г. сообщалось, что из Царьграда пришел полоцкий

¹ «В начале восьмого года господин епископ, желая снискать дружбу и расположение Владимира, короля полоцкого, какие тот проявлял к его предшественнику, епископу Мейнарду, послал ему через аббата Теодериха боевого коня с вооружением, но по дороге литовцы-разбойники ограбили аббата. И он и спутники его потеряли все, что у них было, но сами остались здоровы и невредимы и прибыли к королю. Вступив в город, они застали там ливов, тайно посланных их старейшинами, которые, стараясь склонить короля к изгнанию тевтонов из Ливонии, в льстивых и лживых словах сообщали ему все, что только могли коварно придумать или сказать против епископа и его людей. Они утверждали, что епископ с его сторонниками для них великая тягость, а бремя веры нестерпимо. Относясь к их словам с излишней доверчивостью, король велел всем находящимся в его королевстве как можно скорее готовиться к походу, чтобы, взяв необходимое на дорогу, на корабле или на плотах из бревен по течению реки Двины быстро и удобно подойти к Риге... После ухода русского короля с войском, страх божий напал на ливов по всей Ливонии; жители Торейды и двинские ливы отправили послов в Ригу и просили о мире». (*Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М.-Л., 1938. URL: <http://www.junik.lv/~link/livonia/chronicles/henricus/index.htm> дата обращения 25.10.2018*)

² «После этого епископ и все войско, разделив между собой добычу, с королевой и всеми пленными возвратились в свою область, а королю было предложено прийти в Ригу, если только он еще хочет заключить мир и получить пленный обратно. Явившись, тот просил простить его проступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству и умолял забыть прошлое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленный; он говорил, что огнем и мечом тевтоны весьма жестоко наказали его. Епископ, как и все его люди, сжалившись над просящим королем, предложил ему условия мира в таких словах: "Если ты согласишься впредь избегать общения с язычниками, не будешь пытаться вместе с ними разрушить нашу церковь, не станешь вместе с литовцами разорять землю твоих русских-христиан, если ты согласишься принести свое королевство в вечный дар церкви пресвятой Марии, так чтобы вновь получить его уже из наших рук, и вместе с нами наслаждаться постоянным миром и согласием, тогда только мы отдадим тебе королеву со всеми пленными и всегда будем верно оказывать тебе помощь". Приняв эти условия мира, король обещал впредь всегда быть верным церкви святой Марии, избегать общения с язычниками и быть союзником христиан. Передав свое королевство той же церкви, он получил его вновь из рук епископа через торжественное вручение трех знамен, признал епископа отцом и утверждал, что впредь будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев. (*Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. URL: <http://www.junik.lv/~link/livonia/chronicles/henricus/index.htm> дата обращения 25.10.2018*)

епископ и принес святыи мощи¹. Следовательно, на территории полоцкого княжества в этот период сосуществовали католическое и православное духовенство.

20-е гг. XIII в. связаны с потерей самостоятельности княжества и утверждением в Полоцке смоленских князей², которые продолжали курс на сближение с Ригой. В частности, в 1229 г. смоленский князь Мстислав Давыдович, узнав о смерти рижского епископа Альбрехта, «прислал в Ригу своего лучшего попа Еремея»³. Сложно определить, в чем заключалась миссия Еремея - в формальном представительстве в ходе погребальных процедур рижского епископа или речь шла о дипломатической роли. Однако говорить о значительном влиянии католического духовенства не представляется возможным, т.к. под 1231 г. сохранилось сведение о полоцком епископе Олексе, который в числе окрестных архиереев, находился в свите киевского митрополита Кирилла при поставлении Кирилла Ростовского⁴. После монгольского нашествия положение полоцкого княжества осложнилось. На западных границах происходило формирование единого Ливонского ордена, складывалось Великое княжество Литовское. Религиозная ситуация в Полоцкой земле находилась под влиянием католического Ордена. Литовские князья в основном придерживались языческой традиции⁵. Ослабевало каноническое влияние киевской

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441–442.

² «1220-е годы – апогей могущества Смоленска и его влияния на полоцкие внутренние дела. Полоцкие князья временно исчезли со страниц летописей. Их политика лавирования в конце XII–начале XIII в. между постоянно усиливавшимся полоцким вечем, смоленскими Ростиславичами и черниговскими Ольговичами провалилась. Более того, она привела к утверждению смоленских князей в самом Полоцке, на время уничтожив его самостоятельность» (Богданов В.П. Рукавишников А.В. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII–первой трети XIII в. // ВИ. 2002. № 10. С. 29).

³ Богданов В.П. Рукавишников А.В. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII–первой трети XIII в. С. 28.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456.

⁵ «Датировка захвата города литовскими князьями спорна и вызвала немало противоречивых гипотез в литературе; твердо говорить о включении Полоцкой земли в состав Великого княжества Литовского можно не ранее начала XIV в.; в середине XIII в. в Полоцке княжили самостоятельные литовские князья, в частности, Товтивилл. Восстановить хронологию правления тех или иных князей в городе на протяжении

митрополии на западнорусские, в том числе полоцкие земли. Митрополиты продолжительное время отсутствовали в стольном Киеве, а в 1299 г. перенесли святительскую кафедру в Северо-Восточную Русь. К началу XIV в. произошло окончательное политическое обособление Полоцка от Киева¹. В самой полоцкой земле в XIII–XV вв. «утвердился коллективный патронат бояр и мещан над местной епископской кафедрой, а также над Спасо-Евфросиниевским мон[асты]рем. Даже в XVI в. полоцкие владыки занимали свою кафедру по челобитью здешних бояр. Полоцкий архиерей считался старшим представителем всей полоцкой земли, его печатью (после великокняжеской) скреплялись гос[ударственные] документы»².

Таким образом, возникновение полоцкой епископской кафедры относится к началу XII в. В истории епископии можно выделить несколько этапов. Начальный период связан с прямой зависимостью епископата от княжеской династии. С 80-х гг. XII в. кафедра находилась под покровительством местной боярской верхушки. В 20-е гг. XIII в. прослеживаются тесные связи Полоцка с рижской епископией. Упоминания полоцких архиереев в источниках редки, сохранившиеся сведения краткие. В конце XIII в. епископы осуществляли святительскую власть при поддержке полоцких бояр и горожан.

последней трети XIII в. или хотя бы просто назвать их всех по именам источники в настоящий момент не позволяют» (*Володихин Д.М.* Еще раз о княжеской власти в средневековом Полоцке // *ВИ.* 2000. № 4–5. С. 174. Прим. 3).

¹ «С начала XIV в. Полоцк не имел собственной княжеской династии; правили в нем представители литовской великокняжеской династии, а затем должностные лица, назначенные великим князем и не имевшие княжеского достоинства. Но когда именно окончательно пресеклась полоцкая династия, в какой период возобладали вечевые институты, как оценивать влияние на вечевую традицию борьбы с литвой и княжения в Полоцке XIII в. самостоятельных литовских князей (Говтивилла, например), — на все эти вопросы в настоящее время невозможно дать сколько-нибудь обоснованные ответы за недостатком сведений в источниках» (*Володихин Д.М.* Еще раз о княжеской власти в средневековом Полоцке. С. 175).

² *Кривонос Ф., Теплова В.А., Чаквин И.В. и др.* Беларусь // URL: <http://www.pravenc.ru/text/77856.html> дата обращения 25.10.2018.

Смоленская епископия

Смоленское княжество располагалось в верховьях рек Днепр, Западная Двина и Ловать. Смоленские земли играли ключевую роль на пути «из варяг в греки». Самое раннее сведение о Смоленске относится к 864 г. и связано с походом варяжских князей Аскольда и Дира¹. Первое известие о смоленских князьях связано с именем сына Владимира Святославича Станислава (до 1036 г)². В 1050-е гг. в городе княжили младшие Ярославичи, а с 1070-х гг. смоленский стол закрепился за Владимиром Мономахом и его потомками³. Ко второй трети XII в. там сложился крепкий княжеский домен. До начала XIV в. смоленские князья не раз восходили либо претендовали на киевский стол⁴. Все это обусловило особенности развития церковной организации в смоленском княжестве.

Смоленская епископия достаточно поздно появилась на карте русской митрополии. Первые следы христианизации региона, по мнению исследователей, относятся к концу X – началу XI вв⁵. Вероятно, первоначально Смоленская земля входила в состав переяславского епископского округа⁶. летописные известия следующим образом представляют обстоятельства возникновения смоленской епископии. Под 1101 годом летопись сохранила известие о закладке храма в Смоленске Владимиром Всеволодовичем Мономахом. Сообщается, что князь заложил «цр̃квь оу Смоленьскѣ стоѣ Бѣѣ каману епискупью»⁷. Но, вероятно, замысленный Владимиром Всеволодовичем церковно-политический шаг не увенчался успехом, т. к. источники не сообщают сведений о смоленском архиерее в этот период. Возможно, инициатива Мономаха не нашла поддержки у киевского митрополита Николая, либо не хватило политической

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 9

² *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 194–198.

³ Там же. С. 215–235.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же. С. 240.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 251; ПСРЛ. Т. 9. С. 137.

воли вывести данную территорию из-под юрисдикции переяславских владык. Следовательно, факт основания смоленской кафедры в 1101 г. не находит своего подтверждения.

Процесс возникновения смоленской епископии достаточно обстоятельно представлен в комплексе документов, датируемых 1136/1137 г.¹. Они позволяют определить ряд особенностей, отличающих смоленскую кафедру от других русских диоцезов. Основание смоленской епископии произошло в период святительства киевского митрополита Михаила, который прибыл из Константинополя к месту служения летом 1130 г. В 1134 г. после смерти правящего архиерея Маркела кафедра в Переяславле овдовела и появился благоприятный момент для осуществления прежде не реализованных замыслов князя².

В подтвердительной грамоте первого смоленского епископа Мануила, датируемой 1136/1137 г., акт создания диоцеза приписывается решению князя Михаила (это христианское имя смоленского князя Ростислава Мстиславича) и киевского митрополита Михаила³. В грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича обстоятельства представлены следующим образом: «приведѣх епископа Смоленску, здоумав с людми своими, по повелению ѡтца своего святого, еже хотѣв при животѣ своемъ сѣтворити, ино естъ здѣ первеѣ сего не бывало епископыи, да ѡз недостойныи, грѣшныи се оуставляю епископью, ѡ нем же епископу быти живу и с клирѡсѡм своим»⁴. Согласно летописным известиям будущий епископ Мануил «пришель изъ

¹ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 141–144; Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли. С. 145–146.

² Следующий Переяславский архиерей Евфимий был рукоположен только в 1141 г. (*Поппэ А.В.* Учредительная грамота смоленской епископии // АЕ. 1965. М., 1966. С. 59–71; *Ляскоронский В.* История Переяславской земли. Киев, 1903. С. 402).

³ В Лаврентьевской летописи имя князя указывается как Мстислав (в крещении Федор), а грамоте Мануила – Михаил (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 305; Подтвердительная грамота епископа Мануила. С. 145).

⁴ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 141.

Грекъ самъ третии къ бл̃голюбивому кн̃зю Мьстиславоу»¹. Принято считать, что киевский князь Мстислав Владимирович (1125-1132 гг) в летописи указан ошибочно и вместо него на основании подтвердительной грамоты Мануила восстанавливается имя князя Михаила (Ростислава Мстиславича Смоленского)². Однако данное положение нельзя признать безусловным, т.к. Мануил мог прибыть на Русь ранее, в период княжения Мстислава в Киеве и ожидать какое-то время своего назначения, времени хиротонии и официального возведения на кафедру.

В 1136/1137 гг. епископ Мануил будучи соискателем сана подтвердительной грамотой фиксировал собственное поставление на кафедру, что не было характерно для русской церковной традиции. Это свидетельствовало, во-первых, о желании Мануила обрести дополнительные более весомые гарантии законности своего пребывания во главе окормляемого округа, во-вторых, обнаруживало необходимость для кандидата обозначить высоких покровителей своей власти в лице митрополита и смоленского князя Ростислава Мстиславича и, наконец, обличало стремление нового архиерея документировать решение о своём назначении в форме верительной грамоты, пусть собственноручной, но соответствующей византийским традициям рукоположения священства, что, вероятно, для выходца «из грекы» было необходимой нормой³. Важно и другое обстоятельство - почему при основании смоленской кафедры выбор пал на пришлого священника? Скорее всего, принятое властями Руси решение определялось целым рядом причин. «Греческое» происхождение Мануила, как особый статус священства⁴, могло быть дополнительным аргументом в пользу отделения смоленской кафедры от Переяславля. Нейтральность фигуры соискателя не несла в себе провокацию политических конфликтов внутри княжества, и, наконец, необходимо отметить крайне

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 301.

² Подтвердительная грамота епископа Мануила. С. 145.

³ *Гайденко П.И.* Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси. С. 70.

⁴ Там же.

скромный уровень материального содержания кафедры, определенный ей княжеским уставом, который устраивал будущего епископа¹.

Значительная роль в процессе материального обеспечения кафедры принадлежала смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу. Именно он заложил финансовые основы ее существования, передав для содержания архиерея и его клира часть собственности своего домена². В грамоте 1136/1137 г. указывались такие виды доходов как десятина «от всех даней смоленских»: чистые куны кроме продажи, виры и полюдья, дани и полюдья с более чем трех десятков населенных пунктов, село Доросенское, земельный участок в Погоновичах, воск, огород, тетереvник, к компетенции епископского суда отнесены девять прецедентов³. Не считая натуральных пожалований в денежном эквиваленте, поступления в пользу вновь организованной смоленской кафедры составляли около 308,7 гривен серебра⁴. Как верно отмечал Л.В. Алексеев, отписанная кафедре собственность была не большой, в частности «она равнялась 3/4 годовой дани с Торопца (города и волости), вдвое больше стоимости креста Евфросинии Полоцкой»⁵. Запись о погородье свидетельствовала, что к 1211 г. содержание епископии выросло, только с 12 территорий без десятины от даней и без сумм, причитающихся с самого Смоленска доход кафедры составил 4342 кун, т. е. около 187,2 гривен серебра⁶. Уставом 1150 г. князя Ростислава Мстиславича церкви пресвятой Богородицы и епископу был передан холм (земля), на которой стоял кафедральный храм⁷. Несомненно,

¹ В исследовании Г.Г. Литаврина подчеркивается крайне скромное содержание Византийского епископата, порой жившего продуктами своего труда, в бедности и лишениях (*Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974. С. 102–103*).

² Смоленские грамоты кафедральной церкви Богородицы // *Древнерусские княжеские уставы. С. 140–146*.

³ Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением епископии в Смоленске. С. 141–144.

⁴ *Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. С. 242*.

⁵ *Он же. Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. // СА. 1957. № 3. С. 224–244*.

⁶ Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли. С. 146.

⁷ Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок. С. 146.

это были важные шаги, закладывающие материальные и организационные основы существования епископской власти.

Как уже упоминалось, кафедральный храм в Смоленске был заложен в 1101 г. Вероятно, первоначально в нем служило духовенство, поставленное рукой переяславских епископов, а с 1136 г. – епископ Мануил и подчиненный ему клир¹. В период святительства Мануила кафедральный собор был перестроен и расширен². Отражением процесса управления епископским округом стали найденные в Смоленске печати епископа Мануила³. Канонические особенности его служения реконструировать не представляется возможным, но современники отмечали способности Мануила к пению - «пѣвечь гораздыи»⁴. Есть основания полагать, что служба Мануилом велась на греческом языке⁵. Вероятно, усилиями смоленского епископа и новгородского владыки Нифонта, известного своими грекофильскими взглядами, на Руси поддерживались традиции богослужения Византийского обряда. Данное обстоятельство сыграло ключевую роль в условиях церковного-политического конфликта рубежа 40-50-х гг. XII в.

После отъезда в 1147 г. в Константинополь «грека» митрополита Михаила, наложившего интердикт на служение в Софийском соборе, киевский князь Изяслав Мстиславич поставил решением церковного собора «русина» Климента Смолятича⁶. В числе противников данного решения, свидетельствующего об ограничении на Руси канонического влияния Константинополя, был и Мануил Смоленский⁷. В результате «Мануиль Смоленский епѣпъ иже бѣ бѣгаль передъ Климомъ и тако испровергъши Климову службу и ставлениа и створивше бжѣственую службу и блѣгословиша кнѣза Дюрга Володимирича»⁸. Как полагал Я.Н. Шапов, в 1150

¹ Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. С. 142–146.

² Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. С. 242.

³ Янин В.Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1. С. 178.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 300.

⁵ Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. С. 139.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341–342.

⁷ Там же.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485.

г. епископ Мануил возвратился на свою кафедру¹. Местопребывание смоленского архиерея в период «бегства» источники не называют. Но по прибытии в Смоленск Мануил совершил повторное освящение, так называемый малый чин освещения церкви пресвятой Богородицы, как акт очищения собора от скверны «Климовой службы»². Примечательно, что именно в этом году Ростислав Мстиславич издал грамоту о передаче «холма» для строительства епископской резиденции.

В период до конца XIII в. все сообщения о церковном строительстве в Смоленске связывались, прежде всего, с княжеской властью. В 1101 г. Владимиром Мономахом была заложена церковь Успения Пресвятой Богородицы³. При Ростиславе Мстиславиче к середине 1150-х – началу 1160-х гг. на юго-западе от Успенского собора была возведена церковь из плинфы, в стиле так называемой «бесстолпной» архитектуры, которая возможно была домовою церковью смоленских епископов⁴. Данный комплекс построек определил архитектурный облик епископского «холма» и на долгие годы заложил основы регулярной церковной жизни города. Тогда же на правом берегу Днепра была возведена церковь Петра и Павла⁵. При сыне Ростислава Мстиславича Романе построена церковь Иоанна Богослова, как полагали исследователи, ставшая частью нового княжеского дворцового комплекса⁶. В 1180-90-х гг. на средства князя Давида Ростиславича было начато строительство в Смоленске церкви Михаила Архангела на княжеском дворе или в непосредственной близости от него⁷, что определяло пространство княжеской резиденции⁸.

¹ Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. С. 142–146.

² Там же.

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 137; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 251.

⁴ Воронин И.И., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 91–92.

⁵ Валуев Д.В. Смоленская епархия в XII–XIII веках // URL: <http://www.rusarch.ru/valuev1.htm> Проверено 23.02.2016.

⁶ Валуев Д.В. Смоленская епархия в XII–XIII веках // URL: <http://www.rusarch.ru/valuev1.htm> Проверено 23.02.2016

⁷ ПСРЛ. Т. 2. С. 706.

⁸ Алешковский М.Х., Подъяпольский С.С. Новые данные о церкви Михаила-архангела в Смоленске // СА. 1964. № 2. С. 231–236.

«Отчинным» монастырем для смоленской княжеской династии являлась Борисоглебская обитель на Смядыни, основанная на месте гибели одного из князей-братьев – Глеба. Первоначально монастырь был деревянным. В 1145 г. Ростиславом Мстиславичем в нем была заложена каменная церковь¹. Упоминание Борисоглебского монастыря в 1177 г. связано с чудом исцеления ослепших князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей². Расцвет обители на Смядыни пришелся на период княжения Давида Ростиславича (1180-1197 гг), который в 1191 г. перенес при активном участии епископа Симеона и игумена монастыря Игнатия из Вышгорода в Смоленск ветхие гробницы святых князей Бориса и Глеба и возвел малую каменную церковь святого Василия³. Борисоглебский монастырь относился к числу ктиторских, содержался на княжеские средства, а, следовательно, канонические права епископа на его территории были ограниченными. Обитель стала родовой усыпальницей Мономашичей, а князь Давид Ростиславич перед смертью принял в ней монашеский постриг и был похоронен⁴. Только к концу XII в. в Смоленске началось активное частное церковное строительство, когда ктиторами церквей и обителей становились бояре и купцы⁵.

После смерти святительствовавшего более 30 лет епископа Мануила⁶, упоминание следующего смоленского архиерея – епископа Константина – помещено под 1180 г., его следует считать преемником Мануила. Константин назван в числе участников погребения смоленского князя Романа Ростиславича⁷. Под 1197 г. помещено упоминание о смоленском святителе Симеоне, который совместно с «игоумени и попове» принимал участие в

¹ НПЛ. С. 27.

² Там же. С. 35.

³ *Воронин И.И., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. С. 58; *Воронин Н.Н., Жуковская Л.П.* К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие древней Руси. М., 1976. С. 69–75; *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. С. 249.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 702–703; 1198 г. «пострижесе во святыи аггеский иноческий чинъ князь велики Смоленский Давид Ростиславичъ» (ПСРЛ. Т. 10. С. 31).

⁵ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. С. 196–227, 280–286.

⁶ В летописании Мануил в последний раз упоминается под 1167 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 528)

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 616.

похоронах князя Давида Ростиславича¹. Летопись по Воскресенскому списку под 1205 г. сообщала о дипломатической миссии к князю Мстиславу некоего безымянного епископа с игуменом Отрочего монастыря Михаилом². Ряд исследователей полагали, что это бы смоленский епископ Игнатий³. В исследовании Мануила (Лемешевского) этому епископу приписывалось основание Спасского монастыря с храмом в память Положения честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне⁴. Именно на святительство Игнатия приходятся события 1218-1220 гг., связанные с религиозным движением под руководством Авраамия Смоленского⁵.

Житие Авраамия в условиях гонений на подвижника отводило смоленскому епископу роль третейского судьи, которому священнослужители и монахи клеветали на праведника: одни хулили и досаждали Авраамию, другие называли еретиком, обвиняли в чтении голубиных книг и блуде, а «попы с яростью говорили: «Он уже совратил всех наших детей»⁶. Состоявшийся на «владычне дворе» суд не нашел за Авраамом никакой вины. В сложившейся ситуации епископ Игнатий не мог, либо не хотел защитить обвиняемого. Последнее представляется более вероятным, т.к. в источнике роль заступника приписывалась священнику Лазарю, напророчившему смоленскому архиерею: «Граду сему великая ептимия будет, если ты искренне не раскаешься»⁷. Скорее всего, владыка Игнатий был солидарен со смоленскими игуменами и попами, а значит обвинения Авраама в отношении духовенства в несправедных делах были во многом обоснованы. Это позволяет предположить, что к 20-м гг. XIII в. церковная структура в смоленском княжестве получила свое

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 702.

² ПСРЛ. Т. 7. С. 112.

³ Историография вопроса: *Янин В.Л.* К хронологии новгородского летописания первой трети XIII в. // НИС. Л, 1984. Вып. 2 (12) С. 87–89; *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси. С. 212.

⁴ *Мануил (Лемешевский)*. РПИ. Т. 1. С. 487.

⁵ Житие Авраамия Смоленского. С. 30–65.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же. С. 47.

организационное оформление, монастыри и приходы собирали значительные доходы с паствы, и если за Авраамом пошла значительная часть населения, то, вероятно, злоупотребления духовенства были очевидными и масштабными, о чем не мог не знать правящий архиерей. Примечательно, что «борьба» Авраамия со сложившейся церковной системой осуществлялась, прежде всего, на основании священного писания.

По Житию Авраамия Смоленского восстанавливается имя следующего смоленского архиерея – Лазаря. Именно он, будучи священником, выступил в защиту праведника и произнес пророческие слова, адресованные владыке Игнатию¹. Лазарь святительствовал во главе смоленского диоцеза предположительно до 1226 г², но вынужден был оставить свою епархию «из-за многих обид святым церквям, которые обижают и властители, отнимающие чужое несправедливо и обижающие вдов и сирот»³. Источник не уточнил, кто понимается под обижающими церковь властителями – смоленские бояре или князья (указанный период 1219-1230 гг. приходился на княжение Мстислава Давыдовича). Завершали перечень известных нам смоленских епископов до конца XIII в. имена архиереев Афанасия, Иоанна, Пофирия, Фомы, Пахомия без каких-либо указаний на совершенные ими духовные подвиги⁴.

Таким образом, смоленская епископия была основана в 1136/1137 гг. Заложенные в Уставах ограничения в материальном содержании кафедры привели к зависимости смоленских епископов от княжеской власти. Усиление княжеского домена, контроль князей над церковной организацией, последующие внешнеполитические события, в том числе монгольское нашествие, стали причинами длительных периодов вакантности кафедры и крайне незначительного влияния правящих архиереев на церковно-политическую жизнь княжества.

¹ Житие Авраамия Смоленского. С. 47.

² Там же. С. 45.

³ Там же.

⁴ Помянник смоленских епископов XVI в. С. 224.

4.3 Юго-Западные епископии (Владими́ро-Во́лынская, Юрьевская/Каневская, Перемышльская, Галицкая, Угровская/Холмская)

Юго-Западные земли в составе древнерусского государства географически охватывали верховья рек Днестр, Прут и Серет, берега которых населялись племенами волынян, хорватов, ятвягов, тиверцев, бужан, дулебов. В период княжения Владимира Святославича политическим центром Юго-Западной Руси, подвластной роду Рюриковичей, был Владимир Волынский. Становление и развитие церковных институтов находилось под влиянием политических процессов. Самое раннее упоминание о южнорусских епископиях относится к 992 г. Под этой датой сообщается о поставлении митрополитом Леон(т)ом в Владимир Волынский епископа Стефана¹. В ходе процедуры перенесения мощей Бориса и Глеба, описываемых под 1072 г., впервые в ряду русских архиереев и игуменов упоминается юрьевский епископ Михаил². К середине XII в. относится основание галицкой кафедры³, в первой половине XIII в. кратковременно существуют Перемышльская⁴ и Угровская епископии, последняя впоследствии была перенесена в Холм⁵.

Основание епископской кафедры во Владимире Волынском, расположенном на р. Луге (один из притоков Западного Буга), согласно поздним летописным известиям, относится к 992 г⁶. Каталог Владимиро-Волынских епископов, сохранившийся в латинском списке XVIII в. библиотеки униатской Перемышльской епископии, вероятно, заимствованный из какого-то более раннего источника, следующим образом восстанавливает список Владимирских святителей: «Иоанн, Антоний, Anythi

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171.

³ Там же. Стб. 524.

⁴ НПЛ. С. 60.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

(?), Codrius (?), Илия, Стефаном, Симеон, Феодор, Лаврентий, Прокопий, Антоний, Иоасаф, Василий, Никифор, Косма»¹. Представленный перечень частично согласуется с летописными свидетельствами: Стефан (992)², «Анфилохыя» (1105)³, Симеон (1123-1136)⁴, Феодор (1137)⁵, под 1223 г. «Асафъ..., Василеи..., Микифоръ прирокомъ Станило ... и потом Коузма»⁶.

Согласно Никоновской летописи в 992 г. во главе Владимирской епископии рукой митрополита Леон(т)а был поставлен первый епископ Стефан⁷. В конце X века во Владимире Волынском действительно был один из значимых для Рюриковичей столов, который занимал князь Всеволод Владимирович, поэтому исключать возможность существования там епископской кафедры, безусловно, нельзя⁸. Однако преемственность власти Владимиро-Волынских архиереев проследить сложно, т.к. имя следующего архиерея встречается в источниках лишь через сто лет. Это связано с тем, что с 80-х гг. XI в. «отмечаются факты активного участия бояр в политической жизни своих общин», которые через «боярский совет» начинают активно влиять на политику князя с целью сохранения «государственного суверенитета» и «территориальной целостности»⁹. В этой связи появление епископской кафедры было шагом к достижению данной цели. Вставший во главе паствы святитель Стефан был учеником Феодосия Печерского и его преемником в игуменском служении, но «по диавольскому наваждению» он был изгнан из монастыря¹⁰, после чего основал собственную обитель на

¹ Петрушевич А.С. О соборной Богородицкой церкви и святителях в Галиче // Галицкий исторический сборник Львов, 1853. Вып. 1. С. 145. (Примеч.).

² ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 280.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293, 304.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 739-740.

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

⁸ Церковные исследователи относят основание кафедры к 988 г. приписывая святительство Фоме епископу греческого происхождения (*Амвросий (Орнатский)*). Указ. соч. С. 220; *Мануил (Лемешевский)* Указ. соч. Т. 3. С. 270–271).

⁹ *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 608.

¹⁰ Киево-Печерский патерик. С. 120.

Клове¹ и уже оттуда взошел на Владимирскую кафедру². Будучи в епископском сане, в 1091 г. он принимал участие в перенесении мощей Феодосия Печерского³, а в 1094 г. согласно Лаврентьевской и Ипатьевской летописи «преставился»⁴. Следующее десятилетие, кафедра, очевидно, пустовала. Лишь под 1105 г. помещено известие: «постави митрополит еп̃спа Анѣилохыѡ Володимерю...»⁵, а в 1122 г. «Амфилофийи престависѡ еп̃спъ Володимерьскыи»⁶.

Преемником Анфилохия считался епископ Симеон (1123-1136)⁷, о котором известно, что через 12 лет святительства он «почил»⁸. Под 1137 г. содержатся сведения о возведении на владимирский престол Федора скопца⁹. В 1147 г. он упоминался в числе архиереев, «сшедшихся» в Киев для поставления митрополита Климента Смолятича. Федор совместно с черниговским, белгородским, переяславскими и юрьевским епископами счел Климента достойным митрополичей кафедры¹⁰ и тем самым поддержал решение киевского князя Изяслава Мстиславича.

С конца 20-х гг. XII в. на княжеском столе в Владимире Волынском закрепляется ветвь Мономашичей. В середине века в ходе противостояния Киева и Суздаля Волынь выступила на стороне представителя киевской династии Изяслава Мстиславича, потомство которого и закрепилось на владими́ро-волынском столе. В княжестве наступил период относительной политической стабильности, активизировалось церковное строительство.

¹ 1108 г. «В се же лѣто кончаша верхъ с̃гыѡ Бѣа Влахѣрны на Кловѣ заложенѣи Стефаномъ еп̃помъ бывшу ему прѣже игуменомъ Печерьскаго монастыра» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 261).

² Киево-Печерский патерик С. 126; «еп̃спъ Володимерьскыи Стефанъ ... бывшу прѣже игумену Печерьскаго монастыра» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 218).

³ Киево-Печерский патерик С. 126; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 211; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 202; ПСРЛ. Т. 9. С. 117.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 217; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 294.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 305.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 305.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

Согласно латинскому списку XVII в. в этот период преемственность архиерейской власти на Волыни сохранялась¹. Хотя в русском летописании сведения о Владимирских епископах не были зафиксированы. Под 1160 г. Никоновская летопись сообщала об украшении князем Мстиславом Изяславичем кафедрального Владимирского храма Успения Пресвятой Богородицы: «украши ю паче иныхъ церквей многими чудными иконами, и церковными сосуды златыми и сребряными съ каменіемъ драгимъ и жемчюгомъ, и многими книгами, и паволоки и запоны, и вещи всякими священными чуднѣ устрои, въ ней же и чудную икону пречистыа Богородици постави, юже глаголють Луки евангелиста писма»².

Конец XII–начало XIII вв. ознаменовались значительным осложнением политической обстановки – «в Галиче пресеклась прежняя княжеская династия и тем самым открылась благоприятная возможность для владимирских князей претендовать на галицкий стол. В эту борьбу активно вмешивались князья других русских земель, а также польские и венгерские правители, преследовавшие собственные политические интересы»³. Ключевую роль в этих событиях и последующем объединении Галицко-Волынских земель сыграли князья Даниил и Василько Романовичи. Именно их решением в 1223 г. был поставлен «Володимѣрьскыи пискоупѣ бѣ бо Асафѣ блѣжныи преподобныи стѣль Стѣе Горы и потомѣ бѣ Василѣи ѿ Стѣе Горы и потомѣ бѣ Микифорѣ прирокомѣ Станило бѣ бо слоуга Василковѣ преже и потом Коузма кроткыи прѣдѣбныи смиренныи пискоупѣ Володимѣрьскыи»⁴. Перечень архиереев, приведенный в данной годовой статье, позволил Я.Н. Шапову следующим образом определить хронологию пребывания на кафедре Владимирских епископов: Иоасаф (1223-1229),

¹ Петрушевич А.С. О соборной Богородицкой церкви и святителях в Галиче. С. 145. (Примеч).

² ПСРЛ. Т. 9. С. 220–221.

³ Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 610.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 739–740.

Василий (около 1229 г.), Никифор Сатанило (1250-е или 1260-е годы), Кузьма (1250-е или 1260-е годы)¹.

Согласно летописи, епископ Иоасаф взошел на Владимирскую кафедру из Святогорского Успенского Знаменского монастыря (с. Зимно близ Владимира) в 1223 г.², однако его рукоположение в этот период было не возможно. Как известно, киевский митрополит Матфей скончался в 1220 г., а следующий за ним святитель Кирилл прибыл на Русь лишь в 1225 г. Очевидно хиротония волынского епископа была совершена позже этой даты.

Следующие сведения о Иоасафе Владимирском помещены под 1229 г. Он упоминался как один из кандидатов, безуспешно претендовавших на владычную кафедру в Великом Новгороде³. Зная накал политической борьбы за новгородский архиерейский стол, трудно представить, что неудачная попытка, была личной инициативой Иоасафа. В этот период сформировался политический союз Владимиро-Волынского князя Даниила Романовича и Киевского князя Владимира Рюриковича⁴, которые могли путем выдвижения собственного кандидата поставить под свой контроль политическую систему Новгорода. Это действительно был реальный шанс, учитывая статус и объем полномочий, предоставленных новгородскому архиерею. Однако кандидатура Иоасафа не была поддержана ни новгородцами, ни киевским митрополитом – «и кого дасть митрополит, ть есть намь отець»⁵. Обстоятельства избрания новгородского архиерея в 1229 г. нашли отражение в новгородской летописи⁶, в Галицко-Волынской даже не упомянуты. После

¹ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. С. 207–213.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 739–740.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 511; 1229 г. «Того же лѣта рече князь Михаил: «се у вас нѣту владыцѣ, и нѣсть лѣпо быти граду сему безо владыцѣ; аще богъ казнь свою възложилъ на Антониа, и вы себѣ ищите таковаго мужа или в попех или в ыгуменѣх или в чернцѣх» И рече нѣкый муж: «княже, есть черноризицъ диаконъ у святого Георгия, именемъ зовемьи Спиридонъ, достоинъ есть того, а инии Иосифа володимирьскаго а друзии Грѣчина: «и кого дасть митрополит, ть есть намь отець» (НПЛ. С. 67-68, 274–275).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 774–778.

⁵ НПЛ. С. 67-68, 274–275.

⁶ Там же.

неудачи в Новгороде Иоасаф решением князя Даниила Романовича был перемещен епископом в Угровск, хотя данный факт считается спорным¹.

После монгольского нашествия на Юго-Западные земли и разграбления Киева митрополичий престол оказался вакантным. Занимавший его грек Иосиф по различным сведениям либо заблаговременно удалился с места служения, либо погиб во время монгольского погрома² и, как сообщал летописец, епископ Иоасаф «скочи на столъ митрофолить и за то свержень быѣ стола своего»³. Занятие митрополичей кафедры требовало, как церковной, так и светской инвеституры. Кандидатура Иоасафа должна была получить поддержку минимум двух-трех русских епископов, а затем пройти хиротесию в Константинополе. Трудно предположить, что авантюра с самовольным занятием митрополичьего престола могла быть реализована исключительно по воле самого Иоасафа. Возможно, идея поставить на киевскую кафедру своего кандидата исходила от князя Даниила Романовича. Источники не позволяют определить, почему Иоасаф Угровский не удержался в сане митрополита и утратил ранее занимаемую кафедру. Даниилом Романовичем на киевскую митрополию был поставлен святитель Кирилл, предположительно печатник из окружения князя⁴. До 1281 г. он занимал митрополичий престол, а значит именно Кирилл был «избран собором епископов и игуменов, оказавшихся в пределах достигаемости»⁵. Он стал первым русским по происхождению архиереем, впоследствии рукоположенным Константинопольским патриархом.

¹ Назаренко А.В. Владимиро-Волынская епархия // ПЭ. Т. 8. С. 726–732. URL: <http://www.pravenc.ru/text/159136.html> Дата обращения 14.11.2017

² Понне А. Митрополиты и князья Киевской Руси. С. 467.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

⁴ Митрополит Кирилл, будучи приближенным Даниила Романовича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 792), сражался во главе отряда с князем Ростиславом (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 791). Под 1243 г. указывается, что, спасаясь от татарских войск «Даниль же затворивъ Холмъ еха ко братоу си Василкови поима с собою Коурила митрополита» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794). Поставление же Кирилла на митрополию летописец относит к 1250 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 809).

⁵ Понне А. Митрополиты и князья Киевской Руси. С. 468.

Возвращаясь к годовой статье 1223 г., где помимо Иоасафа упомянуты другие Владимиро-Волынские епископы¹, необходимо отметить, что о святителе Василии (около 1229 г.) известно, что он также как Иоасаф взошел на кафедру из Святогорского монастыря². Никифор Станило (1250-е или 1260-е годы) происходил из рода бояр, служивших при дворе князя Василько Волынского – «бе бо слоуга Василков преже»³. Служение епископа Кузьмы, вероятно, приходилось на 1250-е или 1260-е годы⁴. Скорее всего, целью включения данного перечня епископов в летописный текст было желание редакторов сохранить хотя бы имена южнорусских архиереев, возможно, задним числом.

Кафедральным собором Владимиро-Волынской епископии был храм Успения пресвятой Богородицы⁵. Церковь св. Дмитрия, расписана по повелению Владимира Васильковича, а также построены «монастыри многи»⁶, из которых известны обители св. Богородицы, св. Михаила⁷.

Под 1223 г. содержится еще одно важное известие, характеризующее епархиальное развитие Юго-Западной Руси. Тогда же «изволившу Даниль созда град именемъ Холмъ» в междуречье Западного Буга и Вепша и из Угровска епископия «переведена быс ... во Холмъ»⁸. Упоминание холмского епископа Иоанна относится к 1259 г. в связи с освящением городского собора⁹. Заслуга церковного строительства, украшение храма и содержание кафедры принадлежала князю Даниилу Романовичу. Благодаря ему Холм стал одним из политических, культурных и религиозных центров всей Юго-Западной Руси.

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

² Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 1. С. 227.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741.

⁴ Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. С. 211.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 785, 788,

⁶ Там же. Стб. 921.

⁷ Там же. Стб. 787.

⁸ Там же. Стб. 740.

⁹ Там же. Стб. 846.

Усилиями Даниила Романовича городской, вероятно, одновременно и кафедральный, собор св. Иоанна Златоуста был богато украшен «окъна 3 ... стеклы Римьскими», «вѣрхъ оукрашень звѣздами златыми на лазурѣ; вноутрѣнии же еи помость бѣ слит ѿ меди и ѿ олова чѣста, ѿко блещатисѧ, ѿко зерцалоу; двѣри же еи двоѧ оукрашены каменьемъ Галичкы бѣлымъ и зеленымъ Холмьскимъ»¹. Князь «оукраси же иконы, еже принесе ис Кыева, каменьемъ драгымъ, и бисеромъ златымъ. И Сѣса, прѣстое Бѣѣ, иже емоу сестра Федора вда из монастыря Федора. Иконы же принесе изо Оуроучего. Оустрѣтенъ ѿ ѿца его, ... и колоколы прине ис Кыева»².

Собор действительно был украшен так, чтобы «всимв зрящимъ дивитисѧ»³. Примечательно, что в его интерьере сочетались характерные для XIII в. детали декора романского стиля, например, рельефы, сербские традиции украшения порталов костела, изображения схожие с памятниками «византийского круга», описывались произведения искусства, вывезенные из Киева, Овруча, мраморная крещальня из Венгрии⁴. Следовательно, в архитектурном облике собора прослеживалось влияние различных архитектурно-художественных традиций и школ. Известно, что князь Даниил приглашал в город «немцев и русь иноязычники и ляхы»⁵, что не могло не сказаться на канонической ситуации, которая испытывала множественные влияния, как на обрядовую сторону, так и книжную культуру⁶.

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 843–844.

² Там же. Стб. 844.

³ Там же.

⁴ Пуцко В.Г. Летописный рассказ о городе Холм // Украинский исторический журнал. Киев, 1997. Вып. 1 (№ 411) С. 115, 116, 118, 119.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 844.

⁶ «Число древнерус. рукописей XII–XIII вв. с галицко-волынскими орфографическими особенностями достаточно велико. Таковы, к примеру, Евангелие апракос кон. XII (?) - нач. XIII в. с миниатюрами, представляющими высокий образец комниновского стиля (ГТГ. К-5348; СКСРК, XI–XIII вв. № 147), «Выголексинский сборник» кон. XII в. (РГБ. Муз. № 1832), Ганкенштейна кодекс (Венский Октоих) нач. XIII в. с дополнениями кон. XIII - нач. XIV в. (Вена, Австрийская нац. б-ка. Слав. № 37), Путненское Евангелие апракос кон. XIII - нач. XIV в. (Румыния, мон-рь Путна. № 506/II), Беседы папы св. Григория Двоеслова на Евангелие XIII в. (РНБ. Погод. № 70), Скалигеров Патерик 2-й пол. XIII в. (Лейден, Б-ка ун-та. Skal. 74) и ряд др. Однако все они лишены сведений о месте создания (и даже продолжительного бытования) и в равной мере могут быть

Единственный Холмский епископ Иоанн упоминался под 1260 г. при освящении кафедральной церкви и в составе посольства, направленного Даниилом Романовичем к Бурундаю¹. Переговоры для Даниила закончились трагически. Бурундай «великоу впалоу створшоу на Василка кнѣзѣ и на Лва», представлявших интересы князя, а Иоанн «стоѣше во оужасти величѣ»². Даниил Романович вынужден был «побѣже в Лахи, а из Лаховъ побѣже во Оугры»³ и срыть укрепления ряда южных городов. Далее сведения о Холмской кафедре и ее епископах появляются лишь в конце 30-х гг. XIV в.

Еще одной значимой кафедрой Юго-Западной Руси была епископия в Юрьеве, расположенном на Роси, притоке Днепра. Время ее основания по источникам определить не представляется возможным⁴. Рассмотрение истории диоцеза возможно лишь с момента первого упоминания Юрьевского архиерея Михаила, который под 1072 г. указан среди участников перенесения мощей Бориса и Глеба⁵. В 1073 г. он назван в числе присутствующих при основании церкви Успения Пресвятой Богородицы в Печерском монастыре⁶. Следующий юрьевский святитель Антоний, именуемый как епископ «пороський», значился под 1089 г. как участник освящения данной Печерской церкви⁷. Марин (Муринь) Гургевьскыи под 1091 г. был в числе епископов «совокупившихся» перенести мощи Феодосия Печерского⁸. Следовательно, есть основания предполагать, что первые

связаны происхождением с Перемышльской, Холмской и даже с Владимиро-Волынской и Луцкой епархиями» (Турилов А.А. Галицкая епархия. Памятники церковной письменности // ПЭ. Т. 10. С. 322–328 URL: <http://www.pravenc.ru/text/161539.html> Дата обращения 14.11.2017)

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846, 849.

² Там же. Стб. 849.

³ Там же. Стб. 850.

⁴ А. Поппе полагал, что епископия в Юрьеве на Роси была основана после 1036 г., примерно с 1165 г. около 25 лет центром епископии был Канев (Поппе А. Карта Киевской митрополии и список ее епархий. С. 443).

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 181.

⁶ Там же. Стб. 173.

⁷ Там же. Стб. 199.

⁸ Там же. Стб. 202.

Юрьевские епископы, скорее всего, возшли на кафедру из иноков Печерского монастыря и принимали участие в важных событиях обители.

В 1095 г. после разгрома города Юрьева половцами епископский центр был перенесен во вновь выстроенный город Святополч (Витичев). Князь Святополк повелел епископу Марину «сестъ ту»¹. К 1103 г. относится известие о восстановлении сожженного города – «сруби Гурьговъ»², вероятно, епископская кафедра вернулась на прежнее место, т.к. годовая запись 1114 г. впервые свидетельствует о точной дате поставления на кафедру в Юрьеве епископа Даниила, а под 1122 г. сообщает о его смерти³. Период святительства епископа Дамиана (Демьяна) обозначен активным участием в общерусских событиях. Юрьевский епископ в 1147 г. был участником поставления митрополита Климента Смолятича и находился в стане тех, кто признал легитимность его вступления на киевский престол. Тот же Демьян, после очередного переноса кафедры именуемый епископом каневским, в 1154 г. киевлянами был послан привести на великое княжение князя Изяслава Мстиславича⁴. Следующее упоминание оставшегося неизвестным епископа «гурьговского» относится к 1183 г.⁵ Вероятно, к концу XII в. территория юрьевской епископии вошла в состав белгородской кафедры, которую в период 1197-1198 гг. возглавлял святитель Андриян⁶. Под 1231 г. оставшийся безымянным юрьевский епископ участвовал в поставлении на архиерейский престол Кирилла Ростовского⁷, затем кафедра, вероятно, перешла в управление киевского митрополита.

К числу южнорусских кафедр относится Тмутараканская епископия⁸, сведения о которой противоречивы. С этим регионом связан целый ряд

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 202, 219; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 211, 229.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 256.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 277, 286; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290, 292.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341, 476; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 344.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634.

⁶ Там же. Стб. 706–707.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456.

⁸ Мнения исследователей о времени основания и истории Тмутараканской епископии крайне противоречивы. Е.Е. Голубинский полагал: «Относительно начала епархии

сюжетов в Киево-Печерском Патерике. В житии преподобного Феодосия сообщалось, что ближайший сподвижник игумена Никон по «дьявольскому наваждению» был изгнан из обители и «ушел с двумя иноками на остров Тмутараканск, где поставил монастырь», но позднее вернулся и принял игуменство в Печере¹. Какое отношение Никон имел к существованию Тмутараканской епископии сказать сложно, но имеющиеся сведения позволяют говорить о присутствии русского священства в регионе. В Патерике в Послании Симона Владимирского и Житии затворника Никиты, будущего епископа Новгородского, есть прямые указания о том, что воспитанник монастыря Николай возглавлял тмутараканскую кафедру². Между тем время существования диоцеза и степень его подчиненности киевской митрополии не могут быть определены.

Галицкая кафедра выделилась достаточно поздно, в середине XII в. Это время «характеризуется усилением политической роли веча», которое в результате напряженной борьбы «превращается в высший орган власти города-государства и подчиняет себе князя»³. Е.Е. Голубинский полагал, что в Галиции собственные епископы появились после того, «как под властью Ростиславичей она составила из себя особый удел. Когда это случилось, остается достоверным образом неизвестным; – но если не в 1157-м г., под которым говорится о поставлении епископа Галичскаго, то, вероятно, более или менее не задолго до этого года»⁴. В качестве критерия существования епископского центра можно рассматривать наличие кафедрального храма. В Галиче это была церковь Успения Пресвятой Богородицы, строительство

Тмутараканской... мы считаем то, что она не учреждена Владимиром или после него, а существовала еще до нашего крещения, представляя собою ту епископию Русскую, которая учреждена была у Руссов Таврических патр. Фотием и импер. Михаилом» (Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 684). Я.Н. Щапов и А. Поппе вообще не включали ее в состав русских епископий (Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси. С. 207–213; Поппе А. Карта Киевской митрополии и список ее епархий. С. 443–445).

¹ Киево-Печерский патерик. С. 107, 120.

² Там же. С. 228, 395.

³ Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 608–609.

⁴ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 694.

которой относится к концу 40-х – началу 50-х гг. XII в.¹. Под 1156 г. летописи сообщали о поставлении Галичу святителя Кузьмы². Этот епископ упоминался под 1165 г, когда к князю Ярославу Галицкому из Царьграда прибыли «два митрополита»³, что было свидетельством церковно-политических контактов региона с Константинополем. Однако далее череда галицких епископов прерывается, религиозная жизнь испытывает различные канонические влияния, нашедшие отражение, в том числе в архитектурных памятниках⁴, а Червенские земли становятся ареной ожесточенной борьбы венгерских, польских и русских князей⁵.

Спустя 70 лет, под 1236 г. источники сообщали о галицком епископе Артемии, который совместно с дворским Григорием препятствовал вхождению на престол в Галиче князя Ярослава Суздальского⁶. Пятью годами позже, в 1241 г. непримиримый Артемий выступил против подчинения Галичины князьям Даниилу и Василько Романовичам, целью

¹ *Иоаннисян О.М.* Основные этапы развития галицкого зодчества // Древнерусское искусство. Художественная культура X-первой половины XIII в. М., 1988. С. 49.

² ПСРЛ. Т. 7. С. 66, 78; ПСРЛ. Т. 25. С. 63,73.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524.

⁴ «Характерной приметой галицкой церковной архитектуры со 2-й пол. XII в., сближающей ее с аналогичными постройками в Польше, Чехии и Венгрии, являются вскрываемые раскопками небольшие центрические храмы - ротонды и квадрифолии. Назначение их не вполне понятно, возможно, то были церкви малых пригородных мон-рей или боярских вотчин. Эти формы отражались и в деревянном церковном зодчестве» (Назаренко А.В. Галицкая епархия // ПЭ. Т. 10, С. 322-328. <http://www.pravenc.ru/text/161539.html>)

⁵ «Во время 1-го захвата Галича венграми в 1188-1189 гг. последние «в божницах почаша кони ставляти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 665). В 1215-1219 гг. на галицком столе оказался Кальман (Коломан), сын венг. кор. Андраша II (1205-1235). Для укрепления его позиций кор. Андраш II объявил о подчинении Г. е. Риму. Венг. король писал папе Иннокентию III (1198-1216) о желании «вельмож и народа Галича... пребывать в единении и послушании святой Римской церкви, с тем, однако, чтобы им дозволено было ни в чем ином от своего обряда не отступать» Папа одобрил унию, повелев Эстергомскому архиепископу короновать Кальмана королевским венцом. Фактически венгры повели себя в Галиче значительно более жестко: «Король угорьский посади сына своего в Галичи, а епископы и попы изгна из церкви, а свои попы приведе латыньские на службу» (ПСРЛ. Т. 7. С. 119; Т. 24. С. 87). По-видимому, к следующему периоду краткого господства венгров в Галицкой земле - 1227-1234 гг., с перерывом между 1229 и 1232 гг.- относится учреждение в Галиче доминиканского мон-ря, входившего в Польскую провинцию ордена». (Назаренко А.В. Галицкая епархия // ПЭ. Т. 10, С. 322-328. URL: <http://www.pravenc.ru/text/161539.html> Дата обращения 12.11.2017)

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777.

которых было восстановление Галицко-Волынского княжества¹. Противостояние дорого стоило архиерею, спасаясь от войск Романовичей, Артемий был вынужден бежать из Галича в Перемышль². В Ипатьевской летописи под 1241 г. сообщалось, что безымянный епископ, в котором следует признать Артемия Галицкого, замешанный в политической смуте, бежал из Перемышля вместе со слугами, но был схвачен дружинниками Даниила Романовича, которые «разграби гордые и тоулы ихъ бобровье раздра и прилбичѣ их вольчье и борьсуковые раздраны быша»³. Данный сюжет свидетельствовал не только о включенности епископов в политическое противостояние, их твердой позиции в отстаивании независимости княжества, но и значительном богатстве архиерея не самой состоятельной кафедры киевской митрополии, наличии «гордых» слуг, наказание которых вызвало поддержку со стороны летописца⁴. Упорство архиерея вполне можно рассматривать и как защиту собственных властных и финансовых интересов. Дальнейшая судьба Артемия не нашла отражения в исторических источниках, а Галицкая кафедра, но уже в статусе митрополии была восстановлена лишь в начале XIV в.⁵

Период середины-второй половины 40-х гг. XIII в. ознаменован тесными связями Даниила Галицкого с папским престолом, когда в ходе

¹ Несин М. Галицкое вече в 1235-1240-х гг. // Русин. 2012. № 4 (30). С. 92.

² Существование на правом берегу р. Сан в западной части Галиции самостоятельной процветающей Перемышльской кафедры крайне сомнительно. Кратковременное упоминание о ней относится лишь к концу 20-х гг. XIII в. Когда князь Мстислав Мстиславич покинул Великий Новгород с целью занять Галицкий престол, его ставленник архиепископ Антоний был согнан с кафедры новгородцами и решением митрополита Матфея был отправлен в Перемышль (НПЛ. С. 261.), где кафедра ранее не существовала. Несомненно, на место назначения архиерея повлиял покровитель - князь Мстислав Удатной, обосновавшийся в Галиче, т.к. Перемышль находился в его владениях.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 793.

⁴ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 559.

⁵ «К 1303-1304 гг. относятся первые сведения о Галицкой митрополии. ... Инициатором учреждения митрополии стал кн. Юрий Львович, правитель Галицко-Волынской Руси, стремившийся создать на территории своих владений церковную организацию, независимую от Киевского митрополита, жившего в Сев.-Вост. Руси. Границы Галицкой митрополии соответствовали границам владений кн. Юрия: в ее состав вошли Галицкая, Владимиро-Волынская, Луцкая, Холмская, Перемышльская и Туровская епархии. 1-м Галицким митрополитом был Нифонт» (Назаренко А.В. Галицкая епархия // ПЭ. Т. 10. С. 322-328. URL: <http://www.pravenc.ru/text/161539.html> Дата обращения 12.11.2017)

посольства Дж. дель Плано Карпини и последующей переписки было принято решение об унии с Римским престолом. Папским легатом был назначен архиепископ Прусский, Ливонский и Эстляндский Альберт II, что фактически свидетельствовало о выходе территории княжества Романовичей из канонического подчинения киевской митрополии. При этом русским священникам было разрешено «сохранять некоторые свои богослужебные особенности (напр., литургисать на квасном хлебе)». Кроме того, был издан папский «наказ» «рыцарям монашествующих орденов не вторгаться в земли Даниила и Василька»¹. К 70-80 гг. XIII в., «опираясь на военную поддержку татар, князья Галичины и Волыни начинают чувствовать себя независимыми от воли и поддержки местных общин»² и проводить самостоятельную внутреннюю, в том числе, церковную политику.

В источниках сохранились сведения о монастырском строительстве в Галицкой епископии. В связи с захоронением в 1188 г. князя Ростислава упоминается обитель, построенная во имя св. Иоанна Предтечи³. Под 1240 г. содержатся сведения о Богородицком монастыре⁴. После 1269 г. галицким князем Львом был основан Георгиевский монастырь во Львове, а конце XIII в. святитель Петр, «будущий митрополит Киевский и всея Руси, построил на свои средства Спасо-Преображенский монастырь на р. Рате»⁵. К периоду венгерского господства на Галицкой земле (1227-1229, 1232-1234 гг.) относится основание доминиканского монастыря под юрисдикцией Польской провинции ордена⁶, вероятно, он был упразднен после прихода к власти князя Даниила Романовича.

Таким образом, для Юго-Западной Руси конца X-XIII в. характерна нестабильность епископальной организации. Владимирская и Юрьевская

¹ Назаренко А.В. Галицкая епархия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/161539.html> Дата обращения 12.11.2017

² Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. С. 612.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 665.

⁴ Там же. Стб. 787.

⁵ Назаренко А.В. Галицкая епархия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/161539.html> Дата обращения 12.11.2017

⁶ Там же.

епископии прошли достаточно длительный период развития. Кратковременно на территории Юго-Западной Руси существовали Перемышльская, Холмская и Галицкая кафедры. Характерной особенностью истории Юго-Западных епископий является неустойчивость их границ и именования отдельных диоцезов, различные по длительности сроки вакантности кафедр, прецеденты смещения и изгнания архиереев. Расцвет Юго-Западных епископий относится ко времени княжения Даниила и Василька Романовичей. С 40-х годов XIII в. происходит обособление региона от общерусских церковных процессов. Монгольское нашествие склонило князя Даниила Романовича к поиску союзников в Западной Европе, с этого времени активизируются контакты с кафедрами Западной церкви.

4.4 Северо-Восточные епископии (Ростовская, Рязанская, Владимиро-Суздальская, Тверская)

На этапе становления Древнерусского государства Северо-Восточные земли представляли собой достаточно удаленный от центра политической жизни регион. Он отличался от других русских земель как природно-географическими особенностями – лесистая местность, болота, развитая речная система, так и в этническом плане, т.к. был заселен племенами не славянского происхождения – финно-уграми, мерянами, муромой, черемисами и др.

Уже на ранних этапах истории Руси Северо-Восточные земли воспринимались как стратегически важные. Для древнерусского политического объединения они имели значение с одной стороны, как территории активной колонизации для населения Смоленской и Новгородской земель, с другой – как направление транзитной торговли из Европы через Великий Новгород по Волжскому пути на восток. Северо-Восточные земли Руси по-разному назывались в исторических источниках. До начала X в. использовались указания по населяющим данные земли племенам, к XI в. все чаще встречается название «Ростовская земля», а с середины XII в. – «Ростовское и Суздальское княжество». К этому времени его границы на севере простирались до Белоозера, на востоке – до течения Волги, западе – до смоленских и новгородских земель, южными были Муромское и Рязанское княжества. Первоначально политическим и духовным центром северо-востока Руси был Ростов, к середине XIII в. произошло возвышение Владимира-на-Клязьме.

Русские князья рано осознали политическое и экономическое значение северо-восточных земель. Летописи под 862 г. сообщали о назначении князем Рюриком «мужей» на подвластные территории – «варази пѣрви наслѣдници», в том числе в мерянскую землю в Ростов¹. Князь Владимир

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 24; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 15; ПСРЛ. Т. 9. С. 9.

Святославич также стремился закрепить данные территории за своим правящим домом. В Повести временных лет под 988 г. сообщается о распределении княжеских столов между сыновьями Владимира, включая княжения в Ростове и Муроме¹. Если принять во внимание географическое положение указанных территорий, то фактически Владимир данными назначениями обозначил северо-восточные границы подвластных ему земель.

С княжения Владимира Святославича северо-восточные земли попадают под политическое влияние Киева, начинается христианизация региона. Никоновский свод под 992 г. сообщал о поставлении в Ростов епископа Федора, решением киевского митрополита Леон(т)а². Это назначение традиционно рассматривается совместно с возведением на ростовский стол сыновей Владимира Святославича сначала Ярослава, затем – Бориса³. Основание епископии, вероятно, было необходимым элементом «окняжения», т.е. обретения княжеской власти, делегированной киевским князем, в процессе подчинения Северо-Восточной Руси. Стараниям епископа Федора приписывается строительство дубовой «соборной, дивной и великой церкви» во имя Успения Пресвятой Богородицы⁴. В период святительства Федора по преданию преподобным Авраамием Ростовским был основан мужской Богоявленский монастырь⁵.

Однако христианизации региона не произошло. Источники сообщают о гонениях со стороны язычников на архиерея, бегстве епископа Федора из Ростова в Суздаль, где, как принято считать святитель и скончался около

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 105.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 65. Ранние летописные источники XIII–XIV вв. не упоминают о данном событии. Поставление Ростову епископа Федора фиксируется лишь в летописании XVI в., в Никоновской летописи. Поэтому появление сведений о поставлении архиереев рукой киевского митрополита в конце X в. следует рассматривать как попытку приписать древнерусской церковной организации черты зрелой митрополии, соответствующей установленным каноническим требованиям, что едва ли возможно в первые годы после принятия крещения князем Владимиром Святославичем и его ближайшим окружением.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 105.

⁴ *Мануил (Лемешевский)*. РПИ. Т. 3. С. 93. Церковь сгорела в 1160 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 351).

⁵ Житие Авраамия Ростовского. С. 75.

1024 г¹. К этому времени относится упоминание о мятеже волхвов в ростовской земле, подавленном князем Ярославом². Несмотря на то, что епископ Федор и следующий за ним предполагаемый ростовский архиерей Иларион упоминаются как реально существовавшие исторические личности в летописании³, Житии Авраамия Ростовского⁴, Сказании об обретении мощей св. Леонтия Ростовского⁵, сомнения в этом обоснованно сформулированы Е.Е. Голубинским⁶ и Я.Н. Щаповым⁷.

Епископы Федор и Иларион упоминаются в источниках XV–XVII вв. Даже если предположить достоверность сведений о первых святителях Ростова, факт существования епископии на его территории в конце X–начале XI вв. не находит своего подтверждения. Рукоположенный киевским митрополитом на ростовскую кафедру епископ Федор, вопреки церковным канонам, неоднократно покидал место служения («избегоша съ своей кафедры»), также как и его преемник Иларион⁸. Первым архиереям приписывалось построение церкви Пресвятой Богородицы, которую можно было рассматривать как кафедральный храм, но другие действия, связанные с организацией епископского двора, управления, хозяйства, церковного клира не известны. Даже существование более или менее значительного числа паствы в окружении архиерея предположить достаточно сложно. Все это в

¹ *Державина Е.И., Дубовицкий А.Б.* Житие Авраамия Ростовского. С. 77.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 135.

³ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

⁴ «Князья ростовские возымели великую веру к монастырю, к отцу своему Авраамию и ко всем инокам, и много давали богатства на строение монастыря и землю на прокорм инокам. Увидел же епископ Федор, как растет монастырь, становясь изобильным всем необходимым. Решил епископ Иларион устроить совет с великим князем Владимиром и князем Борисом, чтобы сделать эту обитель архимандритией» (Житие Авраамия Ростовского. С. 80.).

⁵ *Титов А.А.* Житие св. Леонтия епископа Ростовского. С. 7.

⁶ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 199–201.

⁷ *Щапов Я.Н.* Государство и церковь древней Руси. С. 211.

⁸ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 200. Возможно, Федор и Иларион, как автохтонные по своему происхождению архиереи несколько иначе смотрели на церковные каноны и в условиях угрозы жизни позволяли себе уклоняться от исполнения миссионерского долга. Отсутствие данных церковных иерархов в византийских списках также может иметь основания. Епископы были поставлены по инициативе княжеской власти, поэтому нельзя исключать и того обстоятельства, что их претензии на кафедру не были официально признаны Константинополем.

полной мере может быть отнесено и ко времени святительства третьего упоминаемого в источниках ростовского епископа Леонтия.

Леонтий известен благодаря посланию епископа владимирского и суздальского Симона как первый вознесенный «от глубины пещерной на высоту святительских престолов»¹, «который, много пострадав от неверных, сподобился принять мученическую кончину и прославлен от Бога нетлением»². Он называется третьим правящим архиереем княжества в «Сказании об обретении мощей св. Леонтия Ростовского»³, седьмым в монастырских и церковных синодиках XVII в.⁴. Все это позволяет поставить под сомнение достоверность «биографии» святого, на что обращал внимание еще В.О. Ключевский⁵. Е.Е. Голубинский справедливо замечал, что указанные источники были написаны не ранее ста лет после смерти Леонтия⁶, а сведения позднейших редакций представляют собой «не что иное, как ни на чем не основанные простые вымыслы их авторов»⁷. Данный вывод находит подтверждение в работах современных исследователей А.Г. Мельника⁸ и Г.Ю. Филипповского⁹.

Крайне сложно представить, что при успешной пастырской деятельности епископа Леонтия могло произойти восстание под

¹ Киево-Печерский Патерик. С. 394.

² Там же.

³ *Титов А.А.* Житие св. Леонтия епископа Ростовскаго. С. 7.

⁴ Синодик Ярославского Спасского монастыря // ЯИАМЗ. № 15585. Л. 98 об.; Синодик Ярославского Спасского монастыря // ЯИАМЗ. № 15445. Л. 25; Синодик ярославской церкви Рождества Христова // ЯИАМЗ. № 15427. Л. 31 об.

⁵ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития как исторический источник. С. 3.

⁶ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 201 прим.

⁷ Там же. С. 200 прим.

⁸ *Мельник А.Г.* Социальные функции ростовских святых в XII–XVII веках // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11 (129). С. 75–93; *Он же* Об отражении жития Леонтия Ростовского в иконе этого святого из собрания Ярославского художественного музея // Книжная культура Ярославского края: Материалы научной конференции (8–9 октября 2008 г.). Ярославль, 2009. С. 99–105; *Он же.* Почитание святого Леонтия Ростовского в домонгольскую эпоху. URL: <http://www.booksite.ru/cherch/vologda/leont4.htm> дата обращения 17.02.2017

⁹ *Филипповский Г.Ю.* Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI–первая половина XIV в. Л., 1987. С. 159–161; *Он же.* О происхождении ранней краткой редакции Жития св. Леонтия Ростовского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 115–116.

руководством волхвов. События 1071 г. источники связывают со «скудостью» в ростовской земле, в том числе в Белозерье¹. Восстание было подавлено усилиями отряда Яна Вышатича, посланного в северо-восточные земли князем Святославом Ярославичем². Примечательно, что при отряде находился священник («попин Янев»), погибший в ходе похода, но его каноническая юрисдикция не поддается определению³. В Житии преподобного Леонтия подчеркивается духовная победа архиерея над язычниками и успешная христианизация ростовской земли. По мнению Д.А. Корсакова, в указанный исторический период «князь и епископ, город и монастырь» уже являлись «питомниками и проводниками» христианской культуры на северо-востоке Руси⁴. Летописные известия не позволяют разделить данной уверенности, да и сама предполагаемая мученическая смерть владыки Леонтия от рук язычников свидетельствует об обратном.

По поводу кончины святителя существуют разные мнения. Так, Г.Ю. Филипповский полагал, что Леонтий убит язычниками около 1076 г.⁵, Е.Е. Голубинский относил его кончину ко времени до 1077 г.⁶, Я.Н.Щапов считал, что это произошло не позднее 1088 г.⁷. Вероятно, стоит согласиться с мнением Е.Е. Голубинского, который писал, что «Св. Леонтий успел сделаться крестителем Ростова, чего напрасно добивались (если только, впрочем, действительно добивались) двое его предшественников. Как он достиг этого, т.е. как вел он дело проповеди, приведшее к крещению, подробности вовсе неизвестны»⁸. Языческие волнения свидетельствовали о

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 97.

² Там же.

³ *Фомина Т.Ю.* Епископская власть и мирское духовенство в домонгольской Руси // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9. Ч. I. С. 187–191.

⁴ *Корсаков Д.А.* Меря и Ростовское княжество. Очерки истории ростово-суздальской земли. Казань, 1872. С. 65.

⁵ *Филипповский Г.Ю.* Житие Леонтия Ростовского. С. 160.

⁶ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 201.

⁷ *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси. С. 211.

⁸ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 201.

крайней неустойчивости положения архиерея и его зависимости от поддержки княжеской власти.

Следующим после Леонтия ростовским святителем считается Исайя. Согласно житию, он принял постриг в Киево-Печерском монастыре, а в 1062/1067 г. был рукоположен игуменом Дмитриевского монастыря под Киевом¹. В Печерском патерике он упоминался в послании преподобного Симона Владимирского² и в сюжете об изгнании беса из инока Никиты, будущего новгородского епископа³. Взойдя около 1077 г. на ростовскую кафедру, Исайя в 1089 г. принял участие в освящении церкви пресвятой Богородицы в Печерском монастыре⁴, но в 1091 г. при перенесении мощей преподобного Феодосия в числе присутствующих воспитанников обители он уже не упоминался⁵, что дает основания предположить о кончине святителя около 1090 г.

Возможным преемником Исаяи был епископ Ефрем, который известен благодаря летописным источникам и Печерскому Патерику. В Лаврентьевской летописи под 1096 г. сообщалось, что в ходе пожара в Суздале «токмо встасѧ дворъ манастырскыи Печерьскаго манастыря и цркъы ѡже тамо есть стаг Дмитреѧ юже бѣ дал Ефрѣм и с селы»⁶. Следовательно, в Суздале существовало подворье Печерского монастыря, пожалованное воспитанником обители епископом Ефремом. Некоторые исследователи полагали, что речь идет о переяславском митрополите Ефреме, упоминаемом в летописании под 1089 и 1091 гг.⁷, т.к. после смерти епископа Исаяи ростовские земли, возможно, были переданы в каноническое подчинение Переяславскому архиерею, который и распорядился о земельных

¹ Житие и жизнь иже во святых отца нашего Исаяя епископа Ростовскаго чудотворца. С. 256–258.

² Киево-Печерский Патерик. С. 394.

³ Там же. С. 228

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199. В Лаврентьевской летописи Исаяя ошибочно назван не Ростовским, а Черниговским епископом (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207–208).

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 202.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 238.

⁷ Там же. Стб. 208, 211.

пожалованиях Печерскому монастырю¹. Другая точка зрения была высказана Е.Е. Голубинским², который полагал, что речь идет о Ефреме Суздальском названном в числе епископов – воспитанников Печерского монастыря Симоном Владимирским в послании к иноку Поликарпу³. Современный историк А.Ю. Карпов справедливо заметил, что Симон в своем перечне «печерян» «сподобившихся к святительству» упоминал и Ефрема Переяславского и Ефрема Суздальского⁴. Следовательно, мнение о святительстве Ефрема Суздальского представляется наиболее обоснованным.

В этой связи обращают на себя внимание и изменения в именовании места служения архиерея – указывается Суздаль, а не Ростов. Возможно, это отражает политические реалии конца XI в., связанные с укреплением позиций Суздаля, но нельзя исключать и попыток перенесения центра епископии, в том числе и в связи с изменениями династических взаимоотношений Рюриковичей вокруг ростовского и суздальского княжеских столов. Данное предположение косвенно подтверждают сведения об основании Владимиром Мономахом и «бл̃жнѣм еп̃пом Ефр̃мом» церкви Рождества Пресвятой Богородицы «в Суждали на первѣмь мѣстѣ»⁵. Есть основания полагать, что это и есть упоминаемый ранее Ефрем Суздальский. Таким образом, строительство кафедрального храма в Суздале может рассматриваться как первый шаг на пути перенесения/основания нового епископского центра и эти чаяния нашли отражение в именовании архиерея. Далее вплоть до середины XII в. имена архиереев Северо-Восточной Руси не известны. Не исключено, что архиерейский престол в это время мог оставаться вакантным, что вероятно связано с ослаблением местных княжеских столов.

¹ Историографию вопроса см. *Карпов А.Ю.* Ефрем еп. Суздальский (Ростовский) // ПЭ. Т. 19. С. 56–57.

² *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 203.

³ Киево-Печерский патерик. С. 395.

⁴ Там же.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446.

Возрождение церковной жизни северо-восточных русских земель относится ко времени княжения Юрия Долгорукого и происходит на фоне усиления княжеской власти, которая все больше приобретает «черты деспотического правления»¹. Этот период характеризуется укреплением позиций княжеской власти за счет поддержки торгово-ремесленного населения, мелкой служилой знати² и одновременно ожесточенным противостоянием в борьбе за политическое лидерство Юрия Долгорукого с племянником, киевским князем Изяславом Мстиславичем.

40-е годы XII века ознаменованы внутрисемейным конфликтом Юрия Владимировича со старшим сыном Ростиславом, в результате которого «е́моу вѣць волости не да в Соуждалискои земли»³. После покорения Киева Юрий Долгорукий становится первым независимым правителем Ростово-Суздальской Руси. При этом все большую роль в политической жизни начинает играть Суздаль, однако духовным центром при поддержке родового боярства остается Ростов⁴. Вследствие чего после почти полувекового перерыва на ростовскую кафедру был поставлен грек Нестор.

Единого мнения о времени поставления архиерея в научной литературе не сформировалось. Первое упоминание Нестора как ростовского епископа зафиксировано на антиминсе новгородской церкви Николы на Дворище,

¹ «Особенностью политической истории Северо-Восточной Руси XII в. в историографии признается четко выраженная тенденция к усилению княжеской власти. Обращается внимание на то, что сама эта власть приобретала черты деспотического правления, а положение лиц из княжеского окружения напоминало позднейшее холопство знати Московской Руси по отношению к носителю власти. При этом приводятся отдельные исторические эпизоды, связанные со стремлением Юрия Долгорукого к установлению своей власти в Киеве, с правлением Андрея Боголюбского и с его гибелью, с жесткой политикой Всеволода Большое Гнездо в отношении своих ближайших соседей – рязанских князей» (*Мининкова Л.В.* "Роскоторавься съ отцемъ своимъ...", или Возвращение блудного сына: старший сын Юрия Долгорукого // *В тени великих: образы и судьбы.* Сб. науч. статей. СПб., 2010. С. 286).

² *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М., 1961. Т. 1. С. 58.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366.

⁴ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. С. 58.

датируемом 1149 г¹. Более раннюю дату предполагал Н.Н. Воронин, который считал, что поставление произошло около 1137 г. «одновременно с основанием Смоленской епископии и началом усобицы Мономашичей»². Исследователь пришел к выводу, что епископ Нестор «не развил никакой деятельности по укреплению своей епархии и не построил ни одной новой церкви»³.

Если пастырская деятельность архиерея осталась незамеченной, то на время его святительства приходятся ключевые события церковной и политической истории Руси. Это время характеризуется с одной стороны церковно-политическим противостоянием Рюриковичей⁴, с другой – ознаменовалось внутрицерковным кризисом. В 1147 г. после отъезда/бегства митрополита Михаила, решением русского поместного собора, под давлением Киевского князя Изяслава Мстиславича главой русской митрополии был избран Климент Смолятич. Против данного решения активно выступал союзник укрепившегося в Северо-Восточной Руси Юрия Долгорукого епископ Нифонт Новгородский. Позиция ростовского архиерея Нестора не известна, но есть основания полагать, что он мог демонстративно не явиться на собор, отказываясь принимать ставленника Изяслава – Климента Смолятича⁵ либо запрет на его участие в соборе мог исходить от князя Юрия Владимировича. Ситуация изменилась лишь после захвата киевского стола Юрием Долгоруким, когда руководство митрополией вместо бежавшего с

¹ *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков) Общее повременное обозрение. С палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863. С. 30.

² *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. С. 59.

³ Там же.

⁴ Воронин Н.Н. следующим образом комментирует сложившуюся ситуацию: «Второй крестовый поход 1147 г., когда армии крестоносцев оказались под стенами Константинополя и лишь с трудом были удалены в Азию, поставил под угрозу само существование империи, ведшей тяжелую борьбу с венгерским королем Гезой. В этой обстановке для Византии было очень важно укрепление церковно-политического подчинения Руси, осуществлявшегося через киевского митрополита. Изяслав киевский был сторонником Гезы; сторону же Византии поддерживали Юрий Долгорукий и Владимирко Галицкий» (*Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. С. 60).

⁵ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 1. С. 60.

Изяславом Мстиславичем Климента Смолятича перешло к прибывшему из Византии митрополиту Константину¹.

Под 1156 г. сообщается, что ростовский епископ Нестор был оклеветан «от своих домашних», за что лишен епископии киевским митрополитом². Это не первый случай в истории русской церкви. Подобная ситуация произошла веком ранее, когда по навету холопов новгородский епископ Лука Жидята предстал перед митрополичьим судом и три года провел в заточении. Суть клеветы на епископа Нестора, как и в случае с Лукой Новгородским³, источники в полной мере прояснить не позволяют, но ситуация аналогична – ближайшее «домашнее» окружение архиерея представляет обвинения, вероятно, канонического характера, «тяжесть» которых позволяет лишить святителя кафедры. Необходимо принимать во внимание и другие причины – отсутствие прямой поддержки со стороны князя Юрия Долгорукого, занятого борьбой за Киевский стол (новгородский епископ Лука Жидята также был оклеветан и смещен после смерти покровительствовавшего ему Ярослава Мудрого). Но обстоятельства сложились в пользу Нестора, ему удалось «оправдаться перед митрополитом»⁴. Киевский митрополит Константин «испытав о Нестере» пришел к выводу «яко не по правде оклеветан бысть» и повеле клеветарей его всех всадити в темницу»⁵. Но на этом злоключения Ростовского епископа не закончились.

В 1157 г. послушавшись отца, Андрей Юрьевич Боголюбский покинул Вышгород – ростовцы и суздальцы «здумавше вси» и «посадиша и в Ростовѣ на втни столѣ»⁶. Одним из первых действий князя, прежде чтившего «попремногу» епископов и презвитеров⁷, стало изгнание с кафедры Нестора Ростовского. Причиной стало то, что архиерей «не веляше бо мяса ясти в

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348; ПСРЛ. Т. 9. С. 207.

³ *Гайдено П.И.* Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055-1059 гг) // Каптеревские чтения. 7 / отв. ред. М. В. Бибииков. М., 2009. С. 53–63.

⁴ *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 677.

⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 209.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 209.

Господскіа праздники, аще прилучится когда в среду или в пяток, также от свѣтлыа недѣли и до пентикостіа»¹. Нельзя исключать и иной подоплеку событий. Принципиально важный для грека Нестора вопрос о посте, мог быть использован князем как повод для удаления с кафедры архиерея, поддерживавшего политику умершего к этому времени отца - Юрия Владимировича Долгорукого (ум. 1157 г). Андрей Юрьевич мог просто избавиться от докучавшего ему нравоучениями епископа. Тем более последующие исторические события не оставляют сомнений, что в споре «священства» и «царства» Андрей Боголюбский стремился к доминирующей роли и таким образом мог освободить место для своего ставленника.

Помещенное в Ипатьевской летописи под 1158 г., известие указывает на еще одно важное обстоятельство: «кнѣзь же Андрѣи сам уо Володимири заложи црѣвѣ каману стѣи Бѣи и даѣ и много имѣниѣ и свободи купленыѣ и с даньми и села лѣпшаѣ и десатины въ стадехъ своих и торгъ десатыи и съвори в нѣи епѣспью»². Летописец напрямую связывает строительную деятельность Андрея Боголюбского с попыткой основать во Владимире самостоятельную епископию. Реализация данного замысла была возможна лишь в случае изъятия данной территории из подчинения ростовского архиерея. Таким образом, противостояние князя и владыки Нестора приобретает иные черты. В случае выделения владимирской кафедры из ростовской епископии архиерей терял не только значительную часть территории, но и доходов. В описанных обстоятельствах позиция Нестора является вполне оправданной, а у Андрея Боголюбского возможность осуществить задуманное появлялась лишь в случае смещения архиерея с кафедры.

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 210–211.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492. Активное церковное строительство Андрей Боголюбский вел весь период княжения. В 1157 г. он завершил строительство Преображенского собора в Переславле, начатое его отцом. В 1162 г. в Ростове на месте сгоревшего храма заложил Успенский собор. Сюда же следует отнести и храмовые постройки Боголюбской резиденции.

Под 1158 г. летопись сообщала о поставлении «на еп̃спью в Ростовъ» нового кандидата – Леона¹. Святительство архиерея оказалось недолгим, т.к. в следующем году летописец сообщал об изгнании суздальцами «Левна еп̃спа зане оумножилъ баше цр̃кви граблѣи попы»². С одной стороны, источник констатировал злоупотребления владыки в отношении подвластных ему церквей и их клира, что позволяет признать гнев «суздальцев» справедливым, в то же время, не представляется возможным уточнить, кто инициировал изгнание архиерея клирики или миряне. С другой стороны, если исходить из того, что Андрей Боголюбский планировал отторжение Владимирских земель из лона Ростовской епископии, то традиционная деятельность архиерея по взиманию доходов со своего округа вполне могла быть представлена как ограбление. И праведное «возмущение» суздальцев могло быть спровоцировано княжеской властью.

Под 1162 г. та же Ипатьевская летопись предлагает иную версию событий: «выгна Андрѣи еппа Левна исъ Суждалѣ и бра̃тю свою погна Мьстислава и Василка и два Ростиславича с̃новца своѣа мужи ѿца своего переднии се же створи хотѣ самовластець быти всѣи Суждальскои земли Левна же еп̃спа възврати шпатъ покаѣвъсѣ ѿ грѣха того но в Ростовъ а въ Суждали не да ему с̃дѣти и держа и д̃ м̃си въ еп̃спии нача просити оу него ѿ възкр̃снїѣ Х̃сва до всих с̃тхъ ѣсти мѣса и въ среду и в пѣток еп̃шъ же повелѣ ему шдину недлю порозную ѣсти мѣса въ среду и в пѣтокъ а прочею добрѣ хранити шнъ же противу вину погна и своєї земли и приде Чернигову къ С̃тославу С̃лговичю Стославъ же оутѣшивъ добрѣ пусти къ Киеву к Ростиславу»³. Анализируя летописное известие можно выделить три предполагаемые причины лишения кафедры Леона: 1) «ограбление» церквей, 2) строгие требования в соблюдении поста (совпадает с обвинениями епископа Нестора), 3) изгнание архиерея Андреем Боголюбским вместе с опальными родственниками с целью установления «самовластья». Не

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492.

² Там же. Стб. 494.

³ Там же. Стб. 520.

исключено, что в сложившейся ситуации имел место комплекс выше перечисленных причин.

Изгнанный ранее с Ростовской кафедры епископ Нестор попытался восстановить справедливость и вернуть себе епископию при поддержке киевского митрополита Федора. Летописец сообщал, что «Левнъ еписпъ не по правдѣ постависа Суждалю... перехвативъ Несторовъ столъ»¹. Однако, Андрей Боголюбский отказался принять опального архиерея. Непреклонным остался князь и к увещаниям константинопольского патриарха Луки Хрисоверга, сообщавшего о поддержке изгнанного епископа Нестора «божественным собором» и «державным нашим и святым царем»².

Из послания Луки Хрисоверга становится понятна цель Андрея Юрьевича – создание митрополии в Северо-Восточной Руси³. Князь связывал ее реализацию со святителем Федором, но поддержки данной кандидатуры в Константинополе не получил⁴ – «обновити е митрополиею и поставити отъ насъ въ не митрополита тамо сущаго у благородия твоего Феодора»⁵. Сам же Федор, именуемый «владыкой» не только «поставления не восхоте отъ митрополита Киевскаго и всеа Руси»⁶, но и наложил интердикт на «цркви вси Володимири затвори и ключѣ цркъвныѣ взѣ и не бы звонениѣ ни пѣниѣ по всему граду»⁷. Следовательно, отсутствие хиротонии не помешало Федору реализовывать всю полноту священной власти. Святительская деятельность так и не рукоположенного в сан Федора закончилась жестокой расправой – «ему языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретику, и руку правую отсѣщи и очи вынять»⁸.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 353.

² Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому. Стб. 64.

³ Как сообщает Никоновская летопись «митрополию въ немъ хотяще сотворити» (ПСРЛ. Т. 9. С. 220).

⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 222.

⁵ Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому. Стб. 65.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. 239.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 553.

⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 241.

Череда поставлений и изгнаний епископов, поиск достойного кандидата, строительство храмов и архиерейских резиденций, обеспечение их богослужебной литературой и утварью, поддержка церквей и монастырей свидетельствует о серьезности намерений Андрея Боголюбского. Остается только предполагать смог бы князь справиться с такой сложной задачей как основание митрополии на северо-восточных землях Руси, не прерви его жизнь насильственная смерть. Ведь в его лидирующих позициях на общерусском пространстве летописцы не сомневались даже когда Андрей Боголюбский в ходе похода на Киев жестоко разорял церкви и монастыри. Летописцы рассматривали это как кару Божию за несправедный суд митрополита Константина II над Печерским игуменом Поликарпом¹. Андрей Юрьевич продолжил тенденцию подчинения священства княжеской власти, которая прослеживалась в Северо-Восточной Руси начиная с Юрия Долгорукого. С другой стороны, неустойчивость местоположения духовного центра княжества – сначала Ростов, потом Суздаль, строительство кафедрального храма во Владимире и Переяславле, возведение архиерейской резиденции в Боголюбове можно рассматривать как выстраивание епархиальной структуры. Ведь в случае определения Владимира либо Боголюбова в качестве центра митрополии, автоматически становится возможным формирование на подвластных княжеских территориях епископий. После расправы над Федором (Феодорцом) до гибели Андрея Боголюбского (1174 г) Северо-Восточная кафедра оставалась вакантной.

Под 1183 г. летопись сообщала о смерти ростовского епископа Леона². Решением митрополита Никифора в Ростов был поставлен Никола Гречин. Однако он был отправлен Всеволодом Юрьевичем обратно в Киев к князю Святославу Всеволодовичу и митрополиту Никифору со словами «не избраша сего людѣ землѣ нашѣѣ»³. Это один из уникальных прецедентов в церковной истории Руси, когда князь не только аргументированно отказался

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 354.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630.

³ Там же.

принять назначенного архиерея, но и настаивал на кандидатуре удобного ему епископа. Всеволодом на вакантный престол был предложен игумен Спасского монастыря на Берестове Лука¹. «Митрополитъ же Микифоръ не хоташе поставити его но неволею великою Всеволода и Стѣславлею и постави Луку еписпомъ в Суждальскую землю»². Решение митрополита, рукоположенного на Русь в Византии, не было воспринято местной политической элитой. Киевский и суздальский князья в данной ситуации выступили солидарно.

В Лаврентьевской летописи прямо указывается причина отказа принять на кафедру Николая - «не бо достойно наскакати на стителькыи чинъ по мзде»³, в то время как симпатии в пользу Луки объясняются его личными качествами – смирением духа и кротостью⁴. В сложившихся условиях киевский митрополит Микифор был вынужден рукоположить Луку, а так как отвергнутый Николай «ѡписатиса землѣ Русьстеи»⁵, то он был отправлен «епискупить» в Полоцк⁶. Примечательно, что Лука впервые, согласно летописным данным, был поставлен епископом «Ростову и Володимерю и Суждалю и всеи земли Ростовской»⁷. В этом перечне не упомянута Рязань, т.к. на 80-е гг. XII в. приходится период ожесточенного княжеского противостояния. И именно Луке приписывается разрешение данной ситуации, благодаря мольбам «еписпа блжѣнаго» князь Всеволод Юрьевич «послуша его» и «посла его въ Рязань с миром»⁸. В том же 1187 г. сообщается о строительной деятельности епископа: «исписана быѥ цркъы сѣаѣ Бѣа в градѣ Ростовѣ блжѣнымъ Лукою еписпомъ»⁹, заложенная ранее (в 1161 г) Андреем Боголюбским на месте сгоревшего деревянного храма. Через

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630.

² Там же. Стб. 631.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 391.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 391.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 391.

⁸ Там же. Стб. 404.

⁹ Там же. Стб. 407.

два года Лука освятил соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы во Владимире в присутствии князя Всеволода и его семьи¹, сам архиерей нашел в ней упокоение².

Всеволод Юрьевич не стал дожидаться решения митрополита и отправил к Никифору ставиться «вѣща своѣго дхвѣнаго» Иоанна³. После рукоположения в Киеве архиерей направился «на свои столъ» к «тогда сущю великому князю Ростовѣ в полюдьи», затем в «Суждаль вѣшель» и наконец, во Владимир⁴. Таким образом, первыми мероприятиями Иоанна после принятия сана стало посещение духовных центров окормливаемого округа с целью презентации собственной власти, инспекции подчиненных территорий, знакомства с мирянами и клиром, а если принимать во внимание ремарку летописца «в полюдье», то, возможно, и получения подарков по случаю вступления в сан.

В числе личных качеств, способствовавших рукоположению Иоанна в епископы, так же как в случае с Лукой, указывались кротость и смирение кандидата⁵, а в период святительства – активная поддержка начинаний княжеской власти. Епископ принимал участие в закладке каменного «града Суждаля» и обновлении церкви пресвятой Богородицы в нем⁶, церкви Рождества Богородицы и детинца во Владимире⁷. Усилиям Иоанна приписывалось строительство на воротах церкви святых Иоакима и Анны⁸. Он присутствовал при закладке и освящал каменную церковь Успения Пресвятой Богородицы «в монастыри княгининѣ»⁹, без имени указан при захоронении в той же обители «княгыни Всѣволожѣи именѣм Мрїя»¹⁰.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408.

² Там же.

³ Там же. Стб. 409.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Стб. 410, 412.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Стб. 413.

⁹ Там же. Стб. 416, 418.

¹⁰ Там же. Стб. 424.

Иоанн благословил на княжение в Новгороде Святослава Всеволодовича¹, позднее во Владимире венчал Георгия Всеволодовича с «Всеволожною»², написал церковные службы святому Леонтию Ростовскому³. Кроме того, архиерей при осуществлении святительской деятельности активно перемещался по территории своего округа, что ранее не было характерно для русского епископата.

В описании событий конца XII–начала XIII вв. имена князя Всеволода Большое Гнездо и епископа Иоанна упоминаются рядом. В этой связи остается открытым вопрос о местонахождении резиденции правящего архиерея. В летописи под 1211 г. помещено известие о пожаре на епископском дворе в Ростове⁴, где и должен был пребывать Иоанн, что, впрочем, не исключает наличия архиерейских хором во Владимире и других центрах Северо-Восточной Руси. Под 1214 г. сообщается, что «Іѡанъ еписѣпъ Суждальскыи ѿписася еписѣпи всеа земли Ростовскыа и пострижеса в черныцѣ в монастыри в Болѹбомь»⁵. Уход с епископской кафедры мог быть связан с политическими причинами. В 1212 г. произошел конфликт между Всеволодом Юрьевичем и его старшим сыном Константином по вопросам наследства. Всеволод планировал разделить княжеские земли, передав владимирский стол Константину, а ростовский – Георгию, что противоречило планам старшего сына. Тогда Всеволод Юрьевич при участии епископа Иоанна созвал собрание знатных людей и духовенства и лишил Константина престола, передав княжение Георгию⁶.

После смерти Всеволода Большое Гнездо (1212 г) продолжается процесс активного дробления территории Северо-Восточной Руси, что не могло не отразиться на церковной жизни региона. Владыка Иоанн

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 416.

² Там же. Стб. 435.

³ Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. С. 104.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435–436.

⁵ Там же. Стб. 439.

⁶ ПСРЛ. Т. 10. С. 63–64.

«отписался» от ростовской земли. Причинами данного шага, вероятно, стали разногласия с наследниками Всеволода Юрьевича¹.

В период княжения Всеволода Юрьевича и святительства ростовского епископа Иоанна заслуживает внимания еще один факт. Под 1198 г. помещено известие: «Того ж лѣт посла блѣговѣрнии и хсѣлюбивы князь Всеволодъ Гюргевиѣ Павла на еписѣпство в Русьскыи Переяславль»². В это время Переяславская епископская кафедра действительно пустовала. Если предположить направление святителя Павла в Переяславль решением правящего ростовского архиерея Иоанна, то данная ситуация едва ли разрешима, т.к. южнорусские территории канонически никак не могли подчиняться ростовскому епископу. Они находились в ведении киевского митрополита Никифора. Однако источник не оставляет сомнений и приписывает поставление епископа Павла волевому решению князя Всеволода. Последующие события во многом способствуют раскрытию княжеского замысла. Отправка епископа Павла в Переяславль, находящийся на границе со степью, вероятно, стала первым этапом захвата политической власти в Юго-Восточной Руси³, т.к. в это время продолжалось активное противостояние Всеволода с южными Мономашичами, а в следующем году сообщалось о его походе на половцев⁴. И наконец в 1201 г. Всеволод Юрьевич посадил на княжение в Переяславль Русский своего сына Ярослава⁵.

В летописи под 1206 г. упоминается рязанский епископ Арсений, который молил князя Всеволода Юрьевича, заподозрившего измену

¹ Иоанн «выбрал для жизни монастырь, лежащий в землях, подконтрольных Юрию» (Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. Соколов Р.А., Шапошник В.В. Русское православие: от крещения до патриаршества. С. 106).

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415.

³ Кузнецов А.А. Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо и иерархи Православной церкви на Руси // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия». 21-22, 25-26 июня 2018 г. СПб., 2018. № 2(10). С. 55-60.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415.

⁵ Там же. Стб. 417.

рязанских князей «не впусти мѣсть чѣстныхъ не пожжи црѣвии стѣхъ в них же жертва Бѹ и молба ствараетса за та а нонѣ всю волю твою ствараем чего то хочещи княз же великийи млѣрдѣ сы послуша молбы ихъ»¹. Но в 1208 г. когда рязанцы проявили «непокорьство», Всеволод пошел на город «со всѣми своими полкы» и «поимъ по собѣ всѣ Рязанци и епѣспа ихъ Арсенья»², которые были отпущены лишь в 1212 г. после смерти Всеволода его сыном Георгием – «впусти и князи Рязанскыѣ в Рязань и епѣспа ихъ Арсенья и вса люди Рязанскыѣ»³. Другое известие в годовой записи 1206 г. сообщает о встрече Всеволода с безымянным епископом «на оусть Мерьскы» «и постиже и епѣспъ ихъ с молбою и с поклоном ѿ всѣх людии»⁴.

Таким образом, в конце XII–начале XIII вв. предпринимались попытки дробления и расширения границ северо-восточных епископий. Показательно, что действия Всеволода Юрьевича, а именно, арест рязанского архиерея Арсения, поставление епископа Павла в Переяславль, были прямым вмешательством в юрисдикцию дел киевского митрополита. Под 1210 г. сообщается о дипломатической миссии к Всеволоду от Всеволода Чермного и всех Ольговичей киевского митрополита Матфея, князь «не помана злобы ихъ цѣлова с ним крѣсть а митрополита оучредивъ впусти и с чѣстью»⁵. Матфей после ухода в черныцы епископа Иоанна в 1214 г. рукоположил Ростову посланного князем Константином Всеволодовичем Пахомия «игумена стагъ Петра вѣца своего дхвѣнаго»⁶.

К 1214 г. также относится основание Владимирской епископии. На Владимиро-Суздальскую кафедру решением князя Юрия Всеволодовича, рукой киевского митрополита Матфея был поставлен игумен монастыря

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 433. В.Н. Татищев, а в след за ним и Я.Н. Щапов полагали, что Арсений был поставлен епископить в Рязань в 1198 г. Однако убедительных оснований данная гипотеза не имеет (*Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси. С. 212). Упоминание о следующем рязанском архиерее Ефросине содержится (1224 г) в повести о Николае Зараском (*Лихачев Д.С.* Повести о Николае Зараском // ТОДРЛ. Л., 1949. Т. VII. С. 286).

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 435.

³ Там же. Стб. 438.

⁴ Там же. Стб. 434.

⁵ Там же. Стб. 436.

⁶ Там же. Стб. 439.

Рождества Пресвятой Богородицы Симон¹. Таким образом, после смерти Всеволода Большое Гнездо и ухода с кафедры епископа Иоанна княжичи пользуются возможностью создания на подвластных им территориях самостоятельных епископий. Сыновья Всеволода Большое Гнездо вложили значительные средства в церковное строительство. Так Константин построил в Ростове церковь Бориса и Глеба, в Ярославле церковь Успения Богородицы², заложил монастырь Спаса Преображения³.

В 1216 г. умер ростовский епископ Пахомий, он был погребен рядом с князем Константином и Владимиро-Суздальским епископом Симоном⁴. Вакантную кафедру занял черноризец Суздальского Дмитровского монастыря Кирилл⁵, но в следующем году после краткого противостояния Константин взшел на Владимирский стол, а Юрий – на Суздальский⁶. Резиденцией Кирилла остался Ростов, где в 1218 г. владыка освятил церковь святых мучеников Бориса и Глеба, а князь Константин с детьми и со всеми «болары створи пирь»⁷. Усилиям святителя Кирилла также приписывают освящение церквей Спаса (1224 г) и Преображения Господня (1225 г) в Ростовской земле, создание книгописной мастерской, написание полной редакции жития Нифонта Констанцкого⁸. Источники впервые упоминают о значительном богатстве епископа – «кунами и селы и всѣм товаром и книгами и просто рещи такъ бѣ богатъ всѣм такъ ни един пспѣ бывъ Суждальстѣи вбласти»⁹. Под 1229 г. сообщается о тяжбе Кирилла с князем Ярославом Всеволодовичем. В результате суда архиерей был лишен всего

¹ Симон был духовником матери Юрия Всеволодовича (*Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. С. 107).

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439.

³ Там же. Стб. 440, 448.

⁴ Там же. Стб. 440.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Стб. 441.

⁷ Там же. Стб. 443. В том же году князь умирает, а его супруга, под именем Агафья, принимает постиг в монастыре (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 445), после смерти в 1220 г. она так же как супруг была захоронена в ц. пресвятой Богородицы в Ростове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446).

⁸ Житие Нифонта Констанцкого (РГБ. Ф. 304. № 35)

⁹ ПСРЛ. Т. 1. С. 452.

своего имущества и вынужден, будучи больным и немощным, принять схиму в родном Дмитровском монастыре под Суздалем¹. На этот раз после прихода к власти представитель рода Мономашичей не просто удалил с престола неугодного архиерея, но и лишил его накопленных богатств.

В период святительства Кирилла Ростовского Владимиро-Суздальскую кафедру занимал епископ Симон (ум. 1226 г). Из Киево-Печерской обители, он сначала был поставлен игуменом Рождественского монастыря во Владимире, после чего в 1214 г. возшел на Владимиро-Суздальский священный престол: «Кнѣз Гюрги снѣ Всеволожь изведъ Симона игумена блѣжнаго ѿ Ржѣства стѣнѣ Бѣа и посла и в Кыевъ к митрополиту и постави и епѣпомъ Суждалю и Володимерю»². В ходе конфликта князей Константина и Юрия Всеволодовичей, епископ Симон, вслед за Юрием, вынужден был покинуть место епископского служения и вернулся во Владимир вместе со своим покровителем только после смерти князя Константина³. За время святительства архиереем были освящены церковь в монастыре пресвятой Богородицы при участии князя Юрия Всеволодовича с сыном⁴, церковь пресвятой Богородицы в Суздале⁵. Епископа Симона традиционно считают одним из авторов Киево-Печерского Патерика⁶. Его послание к печерскому черноризцу Поликарпу содержит крайне важные сведения о положении епископов и материальном состоянии Владимиро-Суздальской кафедры: «много городов и сел, и со всей той земли я (Симон – Т.Ф.) получаю десятину»⁷. Нарочитое самоуничтожение «грешного Симона» в обращении к иноку Поликарпу не мешало ему похваляться властью и значительными

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 452.

² Там же. Стб. 439.

³ Там же. Стб. 444.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Стб. 447.

⁶ Яковлев В.А. Древнекиевские религиозные сказания. Варшава, 1875. С. 109; Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 213; Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.). Пг., 1922. С. 203; Федотов Г.П. Святые Древней Руси (X–XVII ст.). Париж, 1931. С. 54; Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 60.

⁷ Киево-Печерский патерик. С. 395.

богатствами, которые накопили Северо-Восточные епископии к концу первой трети XIII в. Под 1226 г. сообщается, «престависа блжннии и млстивии оучителнии еп̃спъ Симонъ Суждальскнии и Володимерьскнии постригъса в скыму и положено быс чстноѡ тѣло него въ цр̃кви ст̃янъ Бца в Володимери»¹.

Епископ Митрофан был преемником святителя Симона и на игуменском посту – «бывъ игумень ст̃янъ Бца»² и на архиерейской кафедре. Митрофан поставлен в 1227 г. митрополитом Кириллом с четырьмя епископами городам Владимиру, Суздалью и Переяславлю. Обряд посвящения в сан впервые был совершен по месту будущего архиерейского служения кандидата – во Владимирском соборном храме³. Митрофан был милостиво встречен князем Юрием с детьми и братьями, боярами и множеством народа⁴, а ремарка – «и мнѣ грѣшному ту быти»⁵, позволяет заключить, что описание составлено очевидцем событий. Благодаря усилиям Митрофана была завершена роспись, поставлен кивот «над трапезою», украшен «златом и серебром» Рождественский собор в Суздале⁶. Епископ освящал Георгиевскую церковь в Юрьеве-Польском⁷, венчал брак Всеволода Юрьевича в «цр̃кви зборнѣи ст̃янъ Бца»⁸. Митрофан заложил основы формирования пантеона местночтимых святых: перенес во Владимирский «княгинин» монастырь мощи мученика Авраамия, болгарского купца - христианина, замученного мусульманами⁹.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

² Впервые игуменом Богородицкого монастыря Митрофан упоминается под 1219 г. (Там же. Стб. 444)

³ Там же. Стб. 449.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Стб. 449, 460п.

⁶ Там же. Стб. 455.

⁷ Там же. Стб. 460.

⁸ Там же. Стб. 454.

⁹ «Принесень быс Хс̃въ мчнкъ Авраамии новии изъ Болгарское земли в славнии град Володимеръ негоже Болгаре ... много мучивше нудаще ѡврещиса кр̃щенъа вн же не ѡверъжеса но все вставль имѣнье свое оусѣченъ быв и взаты быша мощи ст̃го стр̃пца Аврамъ и принесень бывъ в Володимеръ и великый княз бл̃гоч̃тивый Гевргии оуср̃ѣте и перед городом за версту с великою ч̃стью и свѣщами и еп̃спъ Митрофанъ со всѣм

Дважды Митрофан выступал в качестве третейского судьи в княжеских усобицах. В 1229 г. ему удалось мирно разрешить спорные вопросы между князьями Юрием, Ярославом Всеволодовичем и сыновьями старшего брата Константина¹. В 1230 г. Митрофан при участии Порфирия Черниговского и игумена киевского монастыря Спаса на Берестове Петра Аскеровича предотвратил кровопролитие между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем Черниговским². Сам епископ в 1238 г. во время захвата монголами Владимира принял мученическую смерть в кафедральном соборе вместе с представителями княжеской семьи³.

Единственным представителем высшей архиерейской власти на Северо-Востоке Руси оставался Кирилл Ростовский⁴, вступивший на кафедру в 1230 г.⁵ после святителя Кирилла, который годом ранее был лишен имущества князем Ярославом Всеволодовичем и пострижен в Димитровском монастыре.

Процедура избрания и восхождения на кафедру Кирилла II достаточно обстоятельно представлена летописцем, подчеркивается особая роль в данном процессе представителей княжеской власти. Сначала «блговѣрнии князи Василко и Всеволодь и Володимеръ послаша къ ѿцю своему Гюргю и къ еписпу Митрофану по Кирила игумена и архимандрита монастыра сѣна Бѣа Ржѣства дабы и пустиль на еписпство Ростову и ѿпусти княз великый Юрги Кирила на еписпство Ростову»⁶. Разрешение Владимирского князя было значимым не только потому, что Георгий был старшим в роду, но и в

клиросом и со игумены и княгини з дѣтьми и вси людье и положенъ быс в цркви сѣна Бѣа в монастыри великыѣ княгини Всеволожиѣ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454.).

¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 98.

² Там же. С. 100.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 518–519.

⁴ До принятия сана Кирилл Ростовский был игуменом монастыря Рождества Богородицы во Владимире

⁵ Даже указание под 1231 г. о поставлении Кирилла Ростовского митрополитом Кириллом «съ вкрѣстными еписпы иже сут сии иже и сѣтиша и с митрополитом Перфурии Черниговскый еписпъ Сѣлекса Полотьскый еписпъ и ина ѿ еписпа Бѣлогородьскый и Гюргевскый» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457.) не носило общецерковного характера. Летописец зафиксировал лишь присутствие ближайших к Киеву иерархов.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454.

связи с тем, что обитель, из которой представлялся кандидат, находилась под его княжеским патронатом. Возведение Кирилла II на служение, прошло торжественно «кназ и кнагыни и боларе и вси мужи Ростовьскыѡ и игумени и попове и стѣѡ зборныѡ црѣкве клирость и вси гражане ѿ мала до велика и введоша и с великою чстѣю в стѣю зборную црѣвь стѣѡ Бѣѡ»¹. Данная процедура идентична новгородской традиции «введения во храм», фиксируемой источниками с середины XII в., что позволяет говорить о возможной тенденции к унификации обряда избрания архиерея в части русских епископий². Однако поставление Кирилла епископом «Ростову и Юрославлю и Оуглечю полю» происходит уже в следующем 1231 г. «прещѣным митрополитом Кирилом и съ вкрѣстными епѣпы», великого князя киевского и «ини мнози князи»³.

Летописец сообщал о поставлении Кирилла как о важном, торжественном событии: «и праздноваша свѣтлыи то праздник в стѣи Софѣи и ѣша и пиша того дѣни в монастыри стѣѡ Бѣѡ Печерьскыѡ много мнѣство людии преизлиха ѿ ихже не бѣѡ мощи ищести»⁴. Подробность изложения и то значение которое придавалось рукоположению епископа Кирилла летописцем свидетельствовало, что Ростов сохранял позиции духовного центра Северо-Восточной Руси, хотя по политическому статусу уступал Владимирской кафедре, т.к. был уделом младшей ветви Мономашичей. При хиротонии присутствовали Киевский митрополит Кирилл «с окрестными епископами», из которых называются Перфурий Черниговский, Олекса Полоцкий⁵. Не приехал поддержать Кирилла II Владимиро-Суздальский святитель Митрофан. На процедуре рукоположения также отсутствовали епископы Спиридон Новгородский, возможно Симеон Переяславский,

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 454.

² Нельзя исключать и достаточно тесные, длительные церковно-политические отношения Северо-Восточной Руси с Великим Новгородом.

³ «бахут же в то время инии князи Русьстии на соньмѣ в Кыевѣ Михаил княз Черниговскыи и снѣ ѡго Ростиславъ Мстиславичъ Мстислав Юрослав Изаслав и Ростиславъ Борисович и ини мнози кнѣзи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457–458).

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 458.

⁵ Там же. Стб. 457.

Василий Владимиро-Волынский, Иоанн Смоленский, Иоасаф Угровский. Тем не менее, поставление Кирилла прошло с соблюдением канонических требований, согласно которым епископ поставляется в присутствии двух-трех архиереев.

По случаю поставления Кирилла Ростовского было устроено празднование в Киево-Печерском монастыре с участием митрополита, епископов и игуменов, великого и удельных князей, киевского тысяцкого¹. Святительская деятельность Кирилла была плодотворной, «не вста ничимже прежних епископов вслѣдуѣ нравом ихъ и ученью, н токмо бо словом уча, но и дѣлом кажа»². Кирилл украсил, внес богатые дары и освятил Успенский собор в Ростове³, в 1239 г. освятил церковь Св. Бориса и Глеба в Кидекше⁴, в 1253 г. одноименную церковь в Ростове⁵.

После трагической смерти владимирского епископа Митрофана (1237 г.), погибшего от рук монголов⁶, как указывалось выше, Кирилл II оставался единственным епископом на территории Северо-Восточной Руси⁷. Нельзя говорить об объединении Владимирской и Ростовской кафедры под его властью, произошло нарушение регулярной церковной жизни в условиях монгольского нашествия. Кирилл вполне мог разделить судьбу погибшего епископа Митрофана, если бы зимой 1237/1238 гг. не бежал на Белоозеро⁸.

Хорошо известна политика монголов в отношении религиозных культов покоренных народов. Законы Яссы отражали веротерпимость, не оказывая особого предпочтения ни одной религии, т.к. любой культ виделся

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 458.

² Там же.

³ Там же. Стб. 459.

⁴ Там же. Стб. 469.

⁵ Там же. Стб. 473.

⁶ Там же. Стб. 463.

⁷ Хотя под 1240 г. Владимиро-Суздальским епископом упоминался Евфросин (Ефрем) его деятельность осталась не замеченной (Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. Киев, 1913, С. 1395; Н. Д[урново]. Девятисотлетие русской иерархии 988-1888. Епархии и архиереи. М., 1888, С. 34).

⁸ После трагических событий, вернувшись, Кирилл находит тело и отпевает Владимирского князя Юрия Всеволодовича, погибшего в битве с монголами на реке Сити (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465).

лишь как средство получения «благопожеланий» в делах¹. Несмотря на трагичность последствий монгольского нашествия для Северо-Восточной Руси, ростовский епископ Кирилл избрал путь сотрудничества с Ордой. В источниках сохранились сведения о неоднократных поездках святителя в ставку к хану Берке, о крещении его племянника – ордынского царевича под именем Петр², что положительно повлияло на жизнь кафедры и архиерея³. Благодаря расположению хана Берке епископу Кириллу удалось значительно упрочить материальное положение епископии⁴. В первый приезд Кирилла в Орду хан «пожаловал ему все, чего тот просил», за исцеление сына Берке «приказал каждый год посылать дары в Ростов на храм святой Богородицы», по его повелению «ярославские князья после смерти епископа Кирилла ежегодно присылали дары на украшение его гробницы»⁵. «Дары многи»

¹ *Хара-Даван Э.* Чингис-хан: эссе. Казань, 2008. С. 224.

² Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Русские повести XV–XVI вв. М.; Л., 1958. С. 99, 267-268. URL: <http://krotov.info/acts/13/2/1253petr.html> дата обращения 23.03.2017

³ Масленников А.В. справедливо отмечал: «Грамотные действия Кирилла II позволили установить взаимовыгодный союз между Ростовской епископией и ханами Золотой Орды, который оградил епископию от разрушительных набегов кочевников, позволил сохранить северную часть Владимирского великого княжества в целости. Ростов ни разу не пострадал от татар, сохранил стабильное политическое и материальное благополучие. В период непрекращавшихся междоусобных войн местных князей, ростовские архиереи получили право на сбор ежегодной дани ростовских и ярославских князей, что, несомненно, говорит о том, что Ростовская кафедра в данный период времени представляла существенную политическую силу и являлась гарантом политической стабильности в регионе» (*Масленников А.В.* Взаимоотношения светской и церковной властей в X–XVIII веках (на материалах Ростовско-Ярославской епархии). дис. на соиск. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. 281 с. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat URL: <http://www.dissercat.com/content/vzaimootnosheniya-svetskoi-i-tserkovnoi-vlastei-v-x-xviii-vekakh#ixzz4GBM0iqai> дата обращения 23.10.2018).

⁴ Первый из сохранившихся ярлыков, дарованный Менгу-Тимура, датируется 1267 годом. Он дарует церкви полный налоговый иммунитет. В свою очередь архиереи обязывались молиться за ханов и благодарить их за оказанную милость (*Григорьев А.П.* Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов... С. 45). Р.Ю. Почекаев полагал, что ордынские ярлыки освобождая епископат от уплаты налогов, одновременно выводили архиереев, подчиненный им клир и церковную собственность из-под юрисдикции удельных князей (*Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды / Редактор И.М. Миргалеев. Казань, 2009. С. 184).

⁵ *Масленников А.В.* Взаимоотношения светской и церковной властей в X–XVIII веках. С. 267.

были пожалованы кафедре в 1259 г. князем Александром Ярославичем¹, вероятно, в том числе, и за поддержку проордынской политики.

Святительство Кирилла Ростовского ознаменовалось тесным взаимодействием с возглавлявшим киевскую кафедру митрополитом Кириллом, первым русским по происхождению архиереем, кандидатура которого была утверждена в Константинополе. В 1250 г. во Владимирском Успенском соборе они совместно венчали брак великого князя Владимирского Андрея Ярославича с дочерью Даниила Романовича Галицкого². В следующем году ростовский епископ сопровождал митрополита Кирилла в Великий Новгород и присутствовал там при поставлении на кафедру архиепископа Далмата³. «Въ старості въ глубоцѣ и в чѣстнѣи добродѣтелнѣи седине», Кирилл удалился на покой, а «кназь Олександръ снѣ Ярославль Борисъ и Глѣбъ Василковича волею Бѣею и поспѣшеньемъ стѣи Бѣа блѣвнѣемъ митрополита Кирила и епѣпа Кирила изведоша архимандрита стѣго Бѣявленѣи Игнатѣи»⁴. Игнатий, находясь в должности причетника кафедрального Успенского собора, фактически управлял ростовской епархией, а после смерти Кирилла в 1262 г. был рукоположен на кафедру⁵.

Деятельность епископа Игнатия связана с ростовским княжеским домом (архиерей венчал⁶, постригал в схиму⁷, отпевал князей и княгинь⁸) и

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 524.

² Там же. Стб. 472; «приеха Василии митрополитъ на Суздальскую землю» Митрополит Кирилл ошибочно назван Василием (Там же. Стб. 524).

³ Там же. Стб. 472а.

⁴ Там же. Стб. 476–477.

⁵ Там же. Стб. 476, 477, 524.

⁶ Епископ Игнатий венчал костромского князя Василия Ярославича, обвенчал дочь Феодора Ростиславича Чёрного с белозерским князем Михаилом Глебовичем. (ПСРЛ. Т. 1 Стб. 525).

⁷ В 1269/1270 гг. Игнатий постриг в схиму юрьевского князя Дмитрия Святославича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 525).

⁸ Ростовский архиерей Игнатий отпевал и погребал юрьевского князя Дмитрия Святославича, вдову ростовского князя Василько Константиновича Марию, супругу князя Глеба Васильковича Феодору, князей Бориса и Глеба Васильковичей (ПСРЛ. Т. 1 Стб. 525).

обустройством кафедрального собора¹. Ростовский архиерей указан в числе участников Владимирского собора 1273 г.², который ознаменовал восстановление структуры митрополии и рост политической самостоятельности церковной иерархии. В 1283 г. по поручению киевского митрополита Игнатий ездил в Орду (согласно летописи это вторая поездка святителя) к хану Менгу-Тимуру «за причет церковный»³. Есть основания полагать, что целью поездки был ярлык для русской церкви. Лишь накануне кончины киевского митрополита Кирилла, сообщается что «по вклеветанью» он «разгнѣвася на еппа Игнаѣа и, рассмотрив, паки блѣви его»⁴. Возможно причиной противоречий стали отношения Игнатия с монголами без уведомления митрополита Кирилла. Так или иначе, размолвка была преодолена, а в следующем году, после кончины Кирилла Игнатий принимал участие в его погребении⁵.

Если в первые десятилетия после монгольского нашествия церковная структура северо-восточного региона была разрушена, епископские кафедры оставались вакантными в связи с гибелью архиереев, невозможностью материального содержания епископских дворов, то к 60-80-х гг. XIII в. восстанавливается регулярная церковная жизнь, епархиальная структура упорядочивается, вслед за политическим дроблением территории региона увеличивается численность епископских диоцезов. Помимо ростовской, владими́ро-суздальской, рязанской епископий, для образованного князем

¹ В 1280-81 гг. Игнатий покрыл оловом главы Ростовского Успенского собора и вымостил пол красным мрамором.

² Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте Кирилла II. Стб. 83–84.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 525.

⁴ Там же. Стб. 526–527. Гнев митрополита Кирилла традиционно связывают с посмертным судом, учиненным в 1279 г. Игнатием в отношении ростовского князя Глеба Васильковича и его последующим перезахоронением. Не исключена и политическая подоплека ситуации. Возможно, перенесение тела Глеба Васильковича из княжеской усыпальницы в Спасо-Преображенский монастырь было сделано по настоянию взошедшего на престол Дмитрия Борисовича, не признававшего права предшественника на княжеский стол.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526. В отпевании Кирилла II в 1281 г. кроме Игнатия Ростовского принимали участие Климент Новгородский и Федор Владимирский (ПСРЛ. Т. 18. С. 77).

Ярославом Ярославичем удела из Полоцкой епископии выделяется Тверской диоцез.

История Рязанской епископии прослеживается не ранее конца XII в. Первоначально эти территории подчинялись Черниговскому архиерею¹. После основания епископии святителем Арсением² между 1187 и 1207 гг., она, вероятно, длительные периоды оставалась вакантной – 1214-1223, 1238-1283, 1296-1302 гг. К 1224 г. относится упоминание о епископе Ефросине³. С 1285 по 1295 гг. епископию возглавлял святитель Василий, перенесший свою резиденцию из Муром в Переяславль-Рязанский⁴. Место данной епископии в церковной истории региона не значительное. Е.Е. Голубинский видел причину в том, что «князья Муромские, сидевшие въ отдаленной, глухой и ничтожной украине Руси... не могли и принять на себя заботь обь учреждении для области особой епископии»⁵.

К 80-м годам XIII в. относится возникновение Тверской кафедры. При поддержке князя Ярослава Ярославича из состава Полоцкой епископии были выделены обширные Тверские земли, а на кафедру возведен ранее святительствовавший в Полоцке архиерей Симеон. Кафедральный Спасо-Преображенский собор в Твери (1285-1290 гг) стал первым храмом, возведенным в Северо-Восточной Руси после монгольского нашествия усилиями княжеской и архиерейской власти⁶. Безусловно, поддержка Ярослава Ярославича явилась спасительной для епископа Симеона, вновь обретшего кафедру.

Преемником епископа Симона на Тверской кафедре стал святитель Андрей, который пришел в священный сан будучи сыном Литовского князя

¹ Артамонов Ю.А. Епархии Киевской митрополии. С. 945.

² В летописании епископ Арсений упоминается под 1207 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 432).

³ Мануил (Лемешевский) РПИ. Т. 3. С. 420.; Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1; Лихачев Д.С. Повести о Николае Заразском // ТОДРЛ. Л, 1949. Т. 7. С. 286.

⁴ Период служения Василия был омрачен восстанием в Муроме, вызванным возможным неблагочестивым поведением архиерея. Епископ был вынужден бежать в Переяславль Рязанский, Борисоглебский храм города стал кафедральным. Под 1295 г. сообщается о смерти рязанского епископа Василия (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 484).

⁵ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 696.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483.

Герденя и рукоположен в архиереи из основанного им Тверского Борогодичного монастыря. Представители княжеского оружия согласно источникам неоднократно занимали епископские кафедры, но рукоположение в архиереи литовского князя является уникальным прецедентом¹. Вероятно, утрата возможности взойти в след за отцом на литовский княжеский престол, привела Андрея к церковному служению. Немаловажную роль при этом сыграла поддержка молодого тверского князя Михаила Ярославича.

Деятельность Андрея в сане епископа была крайне плодотворна. В 1290 г. он освящал тверской кафедральный храм Преображения Господня, заложенный при святителе Симеоне², в нем в 1295 г. архиерей венчал своего покровителя Михаила Ярославича – «*вжениса Михаила кнзъ на Тфѣри и вѣнча юго епѣспъ Андрѣи*»³. Андрей Тверской выполнял посольские функции, прилагая усилия к примирению великого князя Владимирского Дмитрия Александровича с братом Андреем (1293 г)⁴. Под 1300 г. сообщалось об участии святителя совместно с киевским митрополитом Максимом и ростовским архиереем Симеоном в поставлении новгородского архиепископа Феоктиста⁵.

Активное участие тверского епископа прослеживается в борьбе за киевский митрополичий престол, разгоревшейся около 1310 г. Вопреки воле великого князя владимирского Михаила Ярославича русским митрополитом в Константинополе был рукоположен святитель Петр⁶, а не выдвинутый князем игумен Геронтий. После возвращения Петра на Русь, епископ Андрей, вероятно, выполняя поручение своего покровителя Михаила Ярославича, представил константинопольскому патриарху обвинения против

¹ Андрей, епископ Тверской – «сын литов. кн. Герденя, правившего в Полоцке (ок. 1264-1267), вместе с матерью и братом, вероятно, был захвачен в плен псковским кн. св. Довмонтом в 1266 г» (*Назаренко А.В. Андрей еп. Тверской (1289-1316) // ПЭ. Т. 2. С. 358*).

² ПСРЛ. Т. 25. С. 214.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 215.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529; ПСРЛ. Т. 25. С. 217.

новопоставленного митрополита в симонии и поддержке неканонических браков. Петр был оправдан и сохранил киевский престол. Удержался на своей кафедре и епископ Андрей, нельзя исключать поддержки со стороны князя Михаила Ярославича. Трудно представить, что отношения между архиереями могли остаться добрыми, но уже в следующем году митрополит Петр и Андрей Тверской совместно рукополагали на неизвестную кафедру епископа Харлампия и Прохора Ростовского¹. Обстоятельства служения Андрея крайне симптоматичны и являются отражением церковно-политических процессов, характерных для Северо-Восточной Руси². Это крепкие альянсы – «симфония» - представителей «священства» и «царства», в которых архиереи, используя канонические рычаги, помогали княжеской власти решать политические задачи. В последующий исторический период тверские владыки сыграли ключевую роль, оказывая всестороннюю поддержку местным князьям в борьбе с Москвой за ханский ярлык на Великое княжение.

В конце 80-х гг. XIII–начале XIV в. активно развивается Ростовская епископия. После смерти святителя Игнатия в 1288 г. на кафедру восходит Тарасий (1288-1295 гг)³, поставленный из архимандритов Ростовского Иоанно-Богословского монастыря. Известно, что в 1290 г. Тарасий был направлен князьями Дмитрием и Константином Борисовичами в Великий Устюг, где освящал церковь Успения, «образ Пресвятыя Богородицы, одигитрия и колокол»⁴. Под 1295 г. летопись сообщает о ссоре владыки с княжившим в Ростове Константином Борисовичем, в результате которой Тарасий в нарушение церковных норм покинул место служения и бежал в Устюг. Князь Константин насильно под стражей возвратил Тарасия на

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529.

² В 1316 г. епископ Андрей покинул кафедру и удалился в Шошский монастырь, после кончины был похоронен в Тверском кафедральном Спасском соборе.

³ 1288 г. «престависа Игнатеи епископ Ростовьскыи... поставленъ быс Тарасии епископомъ Ростову». (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527)

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.

кафедру¹. События времени святительства Тарасия Ростовского являются ярким свидетельством того, что в условиях укрепления политической власти князя демонстрировали прямое давление на местных епископов, вероятно, рассматривая архиереев как часть подчиненного им окружения, призванного благословлять начинания самовластных правителей.

На территории Северо-Восточной Руси в последней трети XIII в. не только появляются новые епископии, но и претерпевают изменения границы уже имеющих епископских округов. На церковном соборе 1274 г. не только «Володимерю, Суждалю», но и «Новугороду Нижнему» был поставлен в прошлом игумен Киево-Печерского монастыря Серапион, «зело учителен и книжен». Его пребывание на кафедре было кратковременным. В следующем году в Киеве митрополит Кирилл рукоположил во Владимиро-Суздальские епископы (вместо умершего Серапиона) Феодора, игумена владимирского монастыря Св. Константина и Елены².

Феодор Владимирский занимал прочные позиции в свите Киевских митрополитов. Он сопровождал святителя Кирилла в поездке в Переяславль (1280 г) и принимал участие в погребении скончавшегося в дороге митрополита³. Под 1284 г. Владимиро-Суздальский епископ указан в числе архиереев, собранных теперь уже митрополитом Максимом после возвращения из Орды. В следующем году Феодор принимал у себя киевского святителя во время его поездки по Северо-Восточной Руси⁴. Владимирский епископ Феодор преставился в 1286 г.⁵, а в 1288 г. на кафедру взшел святитель Иаков⁶. О нем известно лишь то, что в 1295 или 1297 гг. киевский митрополит Максим лишил епископии Иакова. Возможно, причиной данного

¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 216. Лишь в 1299 г. владыка ушел от управления епископией на покой, а в 1304 г. скончался.

² ПСРЛ. Т. 25. С. 207.

³ Там же. С. 209.

⁴ 1285 г. «приеха митрополит Максимъ Суздалю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526).

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526; ПСРЛ. Т. 25. С. 214.

⁶ Там же. С. 214.

шага явилась попытка Владимирского архиерея установить связи с Ордой, без ведома митрополита Максима.

В 1296 г. «поставлень быс еп̃спъ Семень Володимерю»¹. Первоначально Симеон был возведен на Ростовскую кафедру, на место покинувшего епископию Тарасия. Усилиям Симеона и стараниям Сарайского епископа Измаила приписывают примирение князей на Владимирском съезде 1296 г.² После лишения упоминаемого выше епископа Иакова кафедры (предлагаемые источниками датировки крайне противоречивы – 1295 или 1297 гг.)³ Симеон из Ростова был переведен митрополитом Максимом во Владимир. Однако на этом перемещения архиерея не закончились. В 1299 г. «не терпя насилия татарского» на сей раз сам митрополит Максим бежал из Киева во Владимир, в результате чего Иаков был возвращен на Ростовскую кафедру. Как к подобным перемещениям относился сам архиерей не известно, но переезд митрополита Максима ознаменовал не только новый этап в истории Владимиро-Суздальской епископии, которая с этого времени находилась в прямом управлении киевских, а позднее московских митрополитов, но и новую веху в истории русской митрополии. Произошло перемещение митрополичьего центра из Южной Руси на Северо-Восток. Митрополит Максим, покидая место служения «с клиросом и с всем житием своим», продолжал именоваться киевским. Следовательно, с 1299 до 1325 г. (до времени, когда митрополит Петр перенес резиденцию в Москву) можно говорить о владимирском периоде святительства киевских митрополитов.

Таким образом, древнейшей на Северо-Востоке Руси является ростовская кафедра. В ходе укрепления политических позиций и разрастания княжеского дома Мономашичей, начинается процесс дробления Северо-Восточных земель, что приводит к формированию новых княжеских уделов и, как следствие, увеличению численности епископий. Образуются Рязанская, Владимиро-Суздальская, Тверская кафедры. С середины XII в. в

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485; ПСРЛ. Т. 25. С. 216.

² ПСРЛ. Т. 25. С. 216.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 527.

Северо-Восточной Руси устанавливается традиция избрания архиереев из местного духовенства, кандидатуры которых подбираются местными князьями, что усиливало влияние политической власти на церковные процессы и ограничивало возможность вмешательства киевских митрополитов в дела епископий. При поддержке князей и местной знати произошло формирование епархиальной структуры Северо-Восточной Руси. В результате монгольского нашествия 1237-1239 гг. были разрушены духовные центры, погибли епископы и духовенство. Однако позднее епископы склонились к сотрудничеству с монголами, получили освобождение от ордынского выхода, что способствовало росту политической значимости церковной организации и укреплению материального положения кафедр. С середины XIII в. киевские митрополиты принимали активное участие церковной жизни Северо-Восточной Руси, а в 1299 г. центр митрополии из Киева был перенесен во Владимир.

4.5 Юго-Восточные епископии (Черниговская, Переяславская, Сарская)

Черниговская епископия

Черниговская земля расположилась к востоку от Киева на границе со степью. В IX–X вв. левобережные восточнославянские племена были «примучены» полянами и платили им дань¹. Чернигов как древнейший племенной центр северян упоминался в русско-византийских договорах 907 и 945 гг.². Историю самостоятельного Черниговского княжества в составе русских земель следует рассматривать с первой половины XI в. Границы его, вероятно, сложились к 1054 г., когда черниговское княжение досталось сыну Ярослава Мудрого Святославу³, и охватывали первоначально Черниговскую, Рязанскую, Муромскую земли, земли вятичей и радимичей.

Время основания Черниговской епископии Никоновская летопись относит к 992 г., когда в числе архиереев, рукоположенных митрополитом Леон(т)ом в сообщалось о поставлении Чернигову святителя Неофита⁴. Первым кафедральным собором в Чернигове был деревянный храм Преображения Господня или Спасский⁵. Строительство одноименного каменного собора было начато при Мстиславе Владимировиче (1024-1036) и окончено при Святославе Ярославиче (1054-1073)⁶.

Датой образования Черниговской епископии традиционно называют 1024 г. При этом принимаются во внимание два обстоятельства – основание княжеского стола в Чернигове Мстиславом Владимировичем⁷ и

¹ Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII–начале XIII в. СПб., 2010. С. 175.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32, 50.

³ Там же. Стб. 162.

⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 65. Однако исследователи подвергали сомнению данное положение, в связи с тем, что появление Чернигова на страницах русских летописей относится к 20-м гг. XI в., роль политического центра в предыдущий период, вероятно, выполнял Любеч (Котляр Н.Ф. Территориальное развитие Чернигово-Северской земли в домонгольское время. Создание и развитие Черниговского княжества // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 5).

⁵ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 668.

⁶ Там же.

⁷ Котляр Н.Ф. Территориальное развитие Чернигово-Северской земли в домонгольское время. С. 6; Логачёва Н.В. Особенности княжеской власти в Черниговской земле //

предположительно, связанное с ним, рукоположение в сан епископа Феодула¹. Церковные исследователи называют Феодула в числе участников процедуры избрания киевского митрополита Илариона².

Возникновение на территории Черниговского княжества митрополии³ Д. Оболенский связывал с особенностями византийской церковной политики в отношении Руси⁴. Черниговская митрополия, по мнению А. Поппе, играла роль Византийского представительства в отношениях Константинополя с русскими князьями⁵. Возникновение митрополичей кафедры в Чернигове Я.Н. Щапов связывал с политическими изменениями на карте Руси. В условиях триумvirата Ярославичей⁶ каждый из князей стремился укрепить свой политический статус духовной поддержкой⁷. По мнению А.В. Назаренко, не триумvirат стал причиной возникновения нового митрополичьего центра, а изменения в расстановке политических сил в роду Ярославичей после смерти младших братьев Вячеслава (1057 г) и Игоря (1060 г)⁸. Нельзя исключать, что дополнительным условием выделения Черниговской митрополии были экономические интересы духовенства, так как создание новых церковных округов предполагало изъятие в пользу новоиспеченных архиереев налогов и пошлин, часть которых ранее передавалась киевскому митрополиту⁹.

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 2. С. 78.

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. XXII.

² Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 3. С.138; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 144.

³ В перечне митрополий Византийского патриархата (нотичия 11) под № 72 помещена митрополия Μαυροκάστρου (Маврокастра) (*Darrouzès J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: texte critique, introduction et notes. P., 1981.S. 344*), по мнению А.В. Назаренко так в источнике именовалась Черниговская митрополия (*Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 221*).

⁴ *Obolensky D. The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500-1453. N.Y.; Wash. : Praeger, 1971. P. 227.*

⁵ *Поппе А.В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии. // Византийский временник. М., 1968. Вып. 28. С. 103.*

⁶ В «Повести временных лет» используется термин «триє» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 167).

⁷ *Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 56–62.*

⁸ *Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 233.*

⁹ Назаренко А.В. отмечал, что в результате образования Черниговской и Переяславской митрополий из подчинения киевского митрополита Георгия «оказалась изъята половина

В источниках упоминание черниговского архипастыря в сане митрополита помещено при описании перенесения мощей святых князей Бориса и Глеба в 1072 г¹. Вероятно, названный Неофит был не только первым, но и единственным черниговским архиереем, носившим этот титул². Это дало основание А.В. Назаренко предположить титулярный статус черниговской митрополии. Исследователь исходил из того, что звание титулярного митрополита в Византии было, как правило, пожизненным, а это значит, что со смертью Неофита черниговская митрополия была упразднена³. И действительно, следующий за Неофитом архиерей Иоанн именовался уже епископом⁴, следовательно, митрополия прекратила свое существование. Есть все основания полагать, что митрополичий статус был усвоен самим архиереем, а не кафедрой. Следовательно, получение высшей степени архиерейского достоинства Неофитом Черниговским можно объяснить необходимостью повышения статуса кафедры в условиях триумvirата Ярославичей.

А.В. Назаренко также отмечал, что титулярный статус митрополии мог усваиваться и в том случае, если на ее территории присутствовали подвластные правящему архиерею епископии⁵. Сложно сказать, в какой степени византийская практика применялась на Руси, но существование ростовской епископии на территории черниговского диоцеза можно считать доказанным⁶. Таким образом, само существование черниговской митрополии

Руси». В то же время «прямых недвусмысленных данных относительно того, оставались ли черниговский и переяславский митрополиты в подчинении у Киева или нет, источники не содержат» (Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 205, 227).

¹ «И совокупивъшеся вся братия Изяслав, Святослав и Всеволод, митрополит Георгий кыевский, и другый Неофит черниговский, и епископ Петр переяславский..., и по сих митрополита и епискупи... с ракою идяху» (Срезневский И.И. Сказания о святых Борисѣ и Глѣбѣ: Сильвестровскій список XIV вѣка СПб: Типогр Импер АН, 1860. Стб. 75).

² Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 118–119.

³ Там же. С. 119, 173.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 209, 212.

⁵ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 179, 203–204.

⁶ Сомнения в титулярном статусе Черниговской и Переяславской митрополий были высказаны в исследовании П.И. Гайдено (Гайдено П.И. Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.). Казань, 2006. С. 84–115).

не может быть поставлено под сомнение, однако ее положение и статус в ряду других древнерусских кафедр определить сложно. В источниках Неофит Черниговский указывался вслед за киевским митрополитом, но это не позволяет утверждать, что он находился в его подчинении. Кроме того, создание митрополичьих кафедр в Чернигове и Переяславле, как известно, вызвало сопротивление со стороны правящего киевского митрополита Георгия, фактически утратившего половину подвластной ему территории, а, следовательно, и материальные доходы с нее. Георгий попытался отстоять свои права и отправился искать поддержки в Константинополь, но не преуспел, т.к. под 1073/74 г. упоминается следующий за ним киевский митрополит – Иоанн II¹.

Что касается времени существования митрополии в Чернигове, то А.В. Назаренко, анализируя списки кафедр, находящихся в подчинении византийского патриархата², отнес их к периоду между 1059 и 1071 г., точнее к 1069/70 г.³. А. Поппе установил дату в пределах от 1060 до 1072 г.⁴. Около 1085 г., по мнению исследователей, умер митрополит Неофит, а значит этим временем следует датировать упразднение митрополичьих полномочий святителей Чернигова⁵.

¹ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 286–292; Павлов А.С. О сочинениях, приписываемых русскому митрополиту Георгию: (Открытое письмо проф. Голубинскому) // Православное обозрение. 1881. Янв. С. 344–353; Порре А. Państwo i kościół na Rusi w XI w. Warszawa, 1968; Поппе А. Митрополиты Киевские и всея Руси // Щанов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. С. 191–206. (Прил. 1); Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 75, 193, 282, 283, 285, 290, 304, 308, 435, 439, 450, 451, 517; Мошкова Л.В., Турилов А. А. «Неведомые словеса» Киевского митр. Георгия // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья: Сб. тез. М., 2001. С. 68–71; Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 205, 213.

² Сведения о Черниговской митрополии сохранились в таких источниках как «Сказания чудес святых мучеников Романа и Давида», «Жития преподобного Феодосия Печерского» и отдельных известиях Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской первой и Никоновской летописей.

³ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 172, 233.

⁴ Поппе А.В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии. С. 97–108.

⁵ Там же.; Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 173

Предположительно до 1087 г. на черниговскую кафедру возшел следующий святитель Иоанн¹. Дата является условной, т.к. была рассчитана исходя из сведений о длительной болезни архиерея (на протяжении 25 лет). В связи с тем, что церковные каноны запрещали поставление на священный престол болезненных кандидатов, хиротония епископа должна была совершиться ранее указанной даты.

Первое упоминание имени Иоанна Черниговского содержалось в рассказе об освящении церкви Пресвятой Богородицы в Печерском монастыре под 1089 г². Епископ принимал участие в службе совместно с митрополитом Иоанном, ростовским и юрьевским архиереями. Присутствие черниговского святителя в 1091 г. при перенесении мощей Феодосия Печерского³, по предположению А.В. Назаренко, могло быть продиктовано надеждой Иоанна на исцеление, которое даровали верующим мощи святого подвижника⁴. Активное участие Иоанна Черниговского в торжествах Печерского монастыря дало основание полагать, что кандидатура архиерея, возможно, была подобрана из числа иноков обители. Однако сведения об этом отсутствуют и преподобным Симоном в Патерике он таковым не назван⁵. Известна дата смерти Иоанна – 1111 г⁶, а в следующем году «поставиша» игумена Печерского Феоктиста епископом Чернигова⁷.

Игуменом Киево-Печерского монастыря Феоктист, вероятно, стал около 1103 г., а в 1112 г. возшел на черниговскую кафедру⁸. Святитель неоднократно упоминался в источниках. Черниговским епископом Феоктист назван в Киево-Печерском патерике как участник исцеления и вразумления прельщенного бесом инока Никиты, впоследствии поставленного на

¹ Из перечня Черниговских архиереев, помещенного в начале Никоновской летописи, следует, что за Неофитом святительствовали епископы Мартирий и Феодул, сведений о деятельности которых не сохранилось (ПСРЛ. Т. 9. С. XXII).

² ПСРЛ. 1. Стб. 209 (Иоанн Черниговский ошибочно назван Исайей); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 212; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 203.

⁴ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 119.

⁵ Киево-Печерский Патерик. С. 395.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

новгородскую епископскую кафедру¹. Он упомянут в Послании преподобного Симона². В летописании сообщалось о поставлении Феоктиста³. Под 1115 г. черниговский архиерей упоминался участником перенесения мощей Бориса и Глеба⁴. Примечательно, что Феоктист назван первым из епископов сразу после митрополита Никифора. Это может свидетельствовать как о значимом положении черниговской кафедры в ряду древнерусских диоцезов, так и об авторитете самого Феоктиста, взошедшего на служение из Печерских игуменов. Под 1123 г. летописи сообщали о смерти епископа⁵.

Последующие сведения о черниговских святителях появляются в летописании лишь под 1142 г., где сообщалось «престависа Черниговьскіи епѣспъ блжєныи Пантелѣмонъ»⁶. Взошедший на кафедру в следующем году епископ Онуфрий заслуживает особого внимания⁷. Черниговский архиерей после отъезда в Византию киевского митрополита Михаила (1145–1147 гг)⁸ оставался местоблюстителем священного престола, т.е. замещал отсутствовавшего в Киеве святителя. Не известно, кем данные обязанности были возложены на Онуфрия: отбывшим в Константинополь митрополитом Михаилом, собранием русских архиереев или княжеской властью. Последнее представляется наиболее вероятным. Избрание на киевскую кафедру

¹ Киево-Печерский Патерик. С. 228.

² Там же. С. 395.

³ НПЛ. С. 20, 204; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 281. Феоктист Черниговский также упоминался в «Сказании о Святых Борисе и Глебе» (*Срезневский И.И.* Сказанія о святых Борисѣ и Глѣбѣ: Сильвестровскій список XIV вѣка. Стб. 87).

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 294. (назван Феоклистом); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287–288.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310. В Никоновской летописи после Феоктиста под № 6 значится имя Черниговского епископа Ираклида (ПСРЛ. Т. 9. С. XXII).

⁷ «поставиша епѣпа Черниговоу именемъ Онофрѣя...» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 314).

⁸ Период служения митрополита Михаила на киевской кафедре (1130–1145 гг.) ознаменовался целым рядом событий. Архиерей пережил заточение в Великом Новгороде в период его противостояния с ростовскими князьями, улаживал противоречия между князьями, разрешал ситуацию с вакантной переяславской кафедрой и вновь создаваемой смоленской епископией. В 1145 г. митрополит Михаил отбыл в Византию, где, как полагают церковные исследователи, отписался от киевской кафедры и вскоре преставился (*Амвросий (Орнатский)* Указ. соч. Ч. 1. С. 46; *Мануил (Лемешевский)* Указ. соч. Т. 2. С. 417).

Климента Смолятича, можно рассматривать как косвенное подтверждение данной гипотезы.

В 1147 г. именно Онуфрий председательствовал на Киевском архиерейском соборе¹ и приводил аргументы в пользу возможности поставления на кафедру Климента Смолятича в соответствии с каноническими правилами решением трех и более епископов². Собор был инициирован княжеской властью, следовательно, Онуфрий реализовывал замысел князя Изяслава Мстиславича³. В то же время его задачей на соборе было недопущение церковного раскола. Поэтому в качестве формы преодоления возникшего противостояния Онуфрий избрал тактику увещевания, приводя доказательства правомочности использования главы св. Климента при рукоположении ставленника князя Изяслава. Это решение поддержали «Бѣлогородский епѣпъ Феудръ, Переяславский епѣпъ Еоуфимии, Гюргииский епѣпъ Демьянь, Володимерьский Федор»⁴.

Духовный авторитет Онуфрия подтверждали события 1146 г., когда в условиях противостояния княжеских кланов черниговских Давыдовичей и Ольговичей. Архиерей принимал активное участие в заключении крестоцеловального договора между противниками и «епѣпъ же Черниговский Онуфрии прозвितеромъ своимъ реч аще кто сего крѣстно цѣлованиа състоупитъ а проклатъ боудеть»⁵. Епископ предупреждал подвластных ему священников о принятом решении, возможном отступлении договаривающихся князей от принятой клятвы и неминуемом проклятии нарушивших обет. Таким образом, Онуфрий пытался смягчить остроту княжеского противостояния. Используя своё влияние, он стремился

¹ 1147 г. «азъ свѣдѣ ѣко достоитъ съшедшеа епѣпомъ митрополита постави и снидоша Черниговски епѣпы Онуфрии» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341).

² 1147 г. «Онуфий же Черниговский реч азъ свѣде достоитъ ны поставити а глава оу нас есть стго Климента ѣкоже ставать Грѣци роукою стго Ивана и тако сгадавше епѣпи славою стго Климента поставиша митрополитомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342).

³ 1147 г. «постави Изаслав митрополитомъ Клима Смолатича выведъ изъ Зароуба бѣ бо черноризечь скимник и бысь книжник и философъ такъ ѣкоже в Роуской земли не блшетъ реч бо Черниговский епѣпъ» (ПСРЛ. Т. 2. С. 341).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341–342.

⁵ Там же. Стб. 325–326.

предотвратить участие священства в усобицах, не исключая обращения князей за помощью и поддержкой к пресвитерам. Святительство Онуфрия стало периодом наиболее значительного влияния черниговских архиереев на политическую и религиозную жизнь не только родного княжества, но и церковные процессы на Руси в целом.

После Онуфрия черниговским архиереем Никоновская летопись называет святителя Феотекна и ограничивается только указанием его имени¹. Служение указанного за Феотекном грека Антония отмечено целым рядом значимых событий. Точная дата хиротонии Антония Черниговского не известна. Впервые на страницах летописных источников он упоминался под 1159 г. в связи со смертью киевского митрополита Константина. Предыстория данного события такова. После занятия Киева Юрием Долгоруким в 1155 г. вместе с Изяславом Мстиславичем город покинул поставленный ранее митрополит-«русин» Климент Смолятич. Киевская святительская кафедра оставалась вакантной и в следующем году на нее прибыл поставленный в Византии грек Константин². Главной задачей архиерея стала ликвидация «Климовой ереси»³. Также митрополиту Константину пришлось разбираться в клевете «от своих домашних» на ростовского епископа Нестора. Он сначала лишил, а затем восстановил Нестора на кафедре⁴. Митрополитом Константином был поставлен Ростову святитель Леон, позднее изгнанный горожанами «зане оумножилъ баше цркъвь граблѣ попы»⁵.

После смерти Юрия Долгорукого⁶ в 1157 г. начинается борьба не только за киевский княжий престол, но и за митрополию. Летописец вложил

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. XXII.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

³ «и тако испровергыши Климову службу и ставления и створивше бжественую службу и блгсловиша кнзѣ Дюргѣ Володимирича а потом и дьжкономъ ставление ѿда иже бѣ Климъ ставиль митрополитъ писаша бо к нему рукописание на Клима» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 486).

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 347; ПСРЛ. Т. 9. С. 207.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 349.

⁶ Там же. Стб. 349.

в уста князя Ростислава слова: «не хочю Клина оу митрополѣи видити взаль блг̃свниѧ ѿ ст҃ыѧ Софѣѧ и ѿ патриарха». «Мстиславъ же крѣпко прашеса по Климаѣ. Река тако не будетъ Константинъ въ митрополѣи»¹. Не стерпев «злобы» пришедшего к власти Мстислава Изяславича, Константин покинул митрополичью кафедру, не желая «въ молвѣ и въ смущеніи быти»². Он отправился в Чернигов, где был принят князем Святославом и епископом Антонием³. Именно Антоний Черниговский исполнил просьбу митрополита Константина – после смерти выволочь его тело за город на поругание собакам, а спустя три дня совместно с князем похоронил его с почестями в кафедральном Спасском соборе⁴. Почему именно Чернигов стал прибежищем опального архиерея? Возможно, святителей сблизили личные взаимоотношения или их «греческое» происхождение. Нельзя исключать и то, что пребывание Константина давало Черниговскому княжеству надежду на восстановление митрополичей кафедры или ее перенесение в Чернигов из Киева. Поддержка опального митрополита Константина отразилась на положении епископа Антония, на его печати появился образ Христа, что соответствовало в канонической традиции сану архиепископа⁵.

Под 1164 г. сообщалось, что безымянный черниговский епископ (есть все основания полагать, что это был Антоний) совместно с киевским митрополитом Константином, суздальским и переяславским архиереями выступал экспертом в оценке требований епископа Леона Суздальского о запрете есть мясо и молоко «въ Г̃дськыѧ праздни[кы] в среды и в паткы ни на Рожьство Г̃не ни на Кр̃щнье». Данное решение архиереями было осуждено и квалифицировано как «ересь Леѡнтианьскаѧ»⁶. Под 1168 г. следующий киевский митрополит Константин II инициировал суд против Печерского игумена Поликарпа, осуждавшего употребление в пищу молока,

¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 503.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 214.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 350.

⁴ Там же.

⁵ Толочко П.П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги». С. 17–22.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 352-353.

мяса в среду, пятницу и господские праздники. Антоний Черниговский вновь выступил на стороне митрополита и поддержал теперь уже противоположную точку зрения на данную каноническую ситуацию. В результате Поликарп был осужден и отправлен в заточение¹. Антоний, следуя установлениям киевского митрополита Константина II, изменил ранее поддерживаемые убеждения и стал требовать от черниговского князя Святослава Ольговича исполнения правил поста, но тот не стерпел «досады» и изгнал архиерея². Причина здесь не только в настойчивости Антония, но и в том, что Святослав Ольгович находился в добрых отношениях с Печерским игуменом Поликарпом и неоднократно получал от него благословление³.

Изменение взглядов Антония Черниговского, возможно, были вызваны неустойчивостью канонической ситуации на территории Руси, и тем, что церковные правила могли применяться в зависимости от того, какому уставу, Студийскому или Константинопольскому, отдавали предпочтение правившие киевские митрополиты. Это позволило Е.Е. Голубинскому небезосновательно охарактеризовать Антония как интригана⁴. Под 1164 г. сообщалось о неудачной попытке сговора епископа с овдовевшей княгиней Святослава Ольговича. Антоний пытался утаить факт смерти черниговского князя, чтобы не допустить вокняжения его племянника Святослава Всеволодовича Новгород-Северского, и сохранить черниговский стол для сына умершего князя⁵. Склонность к обману летописец объяснял происхождением Антония - «льсть тая в собе бяше бо родом Гречинь»⁶. Как указывалось выше, епископ Антоний был изгнан князем Святославом «из

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 236.

² 1168 г. «Антоній же епископъ Черниговскій много браняше своего князя Черниговскаго и боарь его, да не ядятъ мясь в Господскія празднигы; князь же Святославъ и боаре его не внимаху ему о семь; Антоній же епископъ крѣпко браняше, князь же Святославъ, сын Олгов Черниговскій не стерпѣ досады от епископа своего, и изгна его из града своего Чернигова и от всего княженія своего» (ПСРЛ. Т. 9. С. 236).

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 531–532.

⁴ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 667.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523.

⁶ Там же. Стб. 524.

града своего... и от всего княжения»¹, т.е. был лишен кафедры, всех доходов и, по летописным сведениям, пополнил свиту киевского митрополита «сущими его»².

Следующий епископ Порфирий упоминался в перечне архиереев Чернигова³, однако даты его святительства неизвестны. Е.Е. Голубинский предполагал его греческое происхождение⁴. Епископ Порфирий оставил о себе недобрую память. Под 1187 г. упоминалось о распре владимирского князя Всеволода Юрьевича с рязанскими Глебовичами. В качестве третейского судьи, который должен был примирить соперников, выступал Порфирий Черниговский, но и в этот раз он проявил себя «лживым» и «бесчестным»⁵. В ходе переговоров он «оутаивьса всѣх мужии [и] пословъ Всеволожих и шедь инако рѣчь извороча к ним не ѣко стльскы но ѣко перевѣтникъ и ложь... тако и Перѣюрии епѣпъ исполнивьса срама и бещестья иде инѣмъ путем в страну свою»⁶. Таким образом, после неудачной миссии епископ вынужден был окольными путями возвращаться в Чернигов. «Всеволодъ же Гюргевиць слышав ѿ Перѣюрьи ѿже тако створиль хоташе послати по нем и ѣти ѣго, но положи оупованье на Бѣ и на стую Бѣю»⁷. Вероятно, князь не устроил расправы над архиереем и отпустил ситуацию на волю Божью, в связи с готовящейся в июле того же года свадьбой дочери князя Всеславы с Ростиславом Ярославичем Черниговским⁸. Очевидно, после описанных событий Порфирий вынужден был покинуть кафедру.

Следующее упоминание черниговского архиерея относится к 1230 г. (кафедра оставалась вакантной около 43 лет) в связи с конфликтом представителей двух княжеских ветвей рода Рюриковичей – с одной стороны

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 236.

² Там же. С. 236.

³ Там же. С. XXII.

⁴ Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 667.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 405–406.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Стб. 406.

⁸ Там же.

великий князь «Гюрги и брат ѿго Ярослав», с другой - Михаил Черниговский, который, по словам летописца, был «не правъ въ крѣстнмъ целованьи»¹. Конфликт был успешно разрешен после вмешательства митрополита Кирилла, при участии Порфирия II Черниговского и игумена монастыря святого Спаса на Берестове Петра Аскеровича, представлявших интересы князя Михаила². Усилия архиереев были щедро вознаграждены со стороны князей Юрия и Ярослава³.

В следующем году Порфирий II упоминался в числе участников церковного «собора», созванного киевским митрополитом Кириллом по случаю рукоположения епископа Кирилла Ростовского⁴. Данный период отмечен активизацией церковной жизни и консолидацией русского епископата вокруг киевской кафедры и святительствовавшего тогда митрополита Кирилла. Черниговская кафедра осталась в поле влияния киевского архиерея, в то время как юго-западные епископии обособляются.

Разрушительным для кафедры стал разгром Чернигова монгольскими войсками в 1239 г.: «Взаша Татарове Черниговъ князи ихъ выѣхаша въ Оугры а град пожегше и люди избиша и манастырѣ пограбиша в епѣпа Перфурья пустиша в Глуховѣ а сами идоша в станы своѣ»⁵. Почему в период активного вооруженного противостояния монголы, разграбив город и монастыри, отпустили правящего черниговского архиерея в Глухов, продолжая наступление «на угры»? По мнению Т.Р. Галимова, причина кроется в исповедуемых монголами законах Яссы, согласно которым

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456.

² «дослуша оубо Ярославъ брата своего старѣишаго Гюрья и оца своего митрополит и епѣпа Порфурья и взѣ миръ с Михаилом и быс радѣсть» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456–457).

³ «много же оучреженье давѣ оба князѣ Гюрги и Ярославъ оцѣ своему митрополит и епѣпу Порфирью и игумену Спѣскому и блѣвѣшасѣ ѿ нею и ѿпустиша ѣа каждо къ своим княземъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456–457).

⁴ «поставленъ был Кирилъ епѣпмъ ... сѣен же быс преѣнным митрополитом Кирилом и съ окрестными епѣпы иже сут сии иже и стѣша и с митрополѣтом Перфурии Черниговскыи епѣпъ Сѣлекса Полотьскыи епѣпъ и ина ѿ епѣпа Бѣлогородскыи и Гюргевскыи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457).

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

духовенство любой конфессии обладало иммунитетом¹. Профессор университета в Торонто (Канада) Димник Мартин полагал, что монголы оставляли в живых лишь тех военачальников, князей и, очевидно, архиереев, которые «принимали предъявляемые им условия и становились союзниками татар»². Следовательно, гарантированный иммунитет духовенству со стороны монгол и лояльность Порфирия к действиям захватчиков позволили сохранить архиерею жизнь, однако, как полагали церковные историки, епископ «истомленный скорбями вскоре скончался»³.

Под 1246 г. сообщалось о мученической гибели в орде черниговского князя Михаила Всеволодовича с «боярином его Федором». В известии упоминался «духовный настоятель» князя Иван (Иоанн)⁴. Этот «отец духовный» поддерживал князя Михаила в решении сохранить христианскую веру и отказаться от языческого посвящения в ставку хана Батыея. Упоминаемый в летописании Иван считался автором сказания о подвиге князя-священномученика. Трудно согласиться с представителями церковной историографии, которые предполагали, что Иоанн был черниговским епископом⁵, в то время как источники называли его настоятелем и духовным отцом князя. Имя данного архиерея отсутствует в перечне патриаршей Никоновской летописи⁶. В этой связи представляется более вероятным, что после смерти Михаила Всеволодовича черниговское княжество распалось на уделы, а кафедра перестала существовать. Сын Михаила Роман перенес княжескую резиденцию в Брянск и восстановления епископии, очевидно, не произошло. Упоминаемые в летописании в связи с черниговской кафедрой имена Григория и Исакия не поддаются идентификации⁷.

¹ Галимов Т.Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1231 - 1281 гг.». дис. ... канд. истор. наук. С. 190–191

² Димник М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239-1245 гг. // Русин. № 1 (35). 2014. С. 21.

³ Мануил (Лемешевский) Указ. соч. Т. 2. С. 532.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 131.

⁵ Мануил (Лемешевский). Указ. соч. Т. 2. С. 38.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. С. XXII.

⁷ Там же.

Таким образом, основание черниговской епископии относится к 20-м гг. XI в. В числе архиереев, занимавших епископскую кафедру в Чернигове, были «природные» греки и печерские игумены. Особым периодом в истории кафедры стало святительство Неофита (упом. 1072 г), когда в условиях триумvirата Ярославичей произошло кратковременное возвышение Чернигова до статуса митрополии. Высокий авторитет в церковной иерархии Руси имел черниговский епископ Онуфрий, который местоблюстителемствовал на киевской митрополичей кафедре и председательствовал на соборе 1147 г. Расцвет Черниговской епископии пришелся на период с 20-х гг. XII в. до монгольского нашествия, после которого княжество распалось на уделы, а епископия не была восстановлена.

Переяславская епископия

Переяславское княжество располагалось на левом берегу Днепра, заселенном племенами северян и, частично, уличей¹. В летописных источниках с XI–XII вв. столица княжества именовалась Переяславль Русский², чтобы отличать от одноименных городов – Переяславля Рязанского и Переяславля Залесского. Появление Переяславской крепости связано с процессом укрепления южных границ древнерусского государства от степных кочевников. Прямое упоминание Переяславля в летописании относится к 1054 г.³, где сообщается о передаче княжеского стола Всеволоду Ярославичу, вероятно, именно с этого времени правомерно говорить о

¹ Моргунов Ю.Ю. Сложение территории Переяславского княжества // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура к 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 331–341.

² Упоминание Переяславля в русско-византийских договорах 907 и 945 гг., по мнению Дж. Линд является редакторской вставкой времени создания свода – конца XI–начала XII в. (Lind J. H. The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62, № 3). Под 6500 (992) г. говорится «и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы; Володимерь же поиде противу имъ, и сrete я на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 106), т.е. летописец убежден что в указанном году Переяславля еще не существовало. См. подробнее *Котышев Д.М.* Переяславль Русский в южнорусском летописании XI века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2013. № 5–3. С. 73–76.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 150.

создании Переяславского княжества как «самостоятельной политической единицы на карте Руси»¹. Территория княжества на протяжении X–XIII вв. была крайне неустойчива, что связано с географическим положением Переяславской земли, расположенной на границе со Степью.

Ранняя история переяславской кафедры с трудом поддается реконструкции. По свидетельству Никоновской летописи, Переяславлъ изначально был местом пребывания киевских митрополитов². Самое раннее известие о церковной жизни в Переяславской земле относится к 1008 г., когда сообщается о строительстве митрополитом Иоанном каменной церкви Воздвижения Честного Креста³. Переяславский архиерей Петр упоминался под 1072 г. в числе участников перенесения мощей Бориса и Глеба «митрополить же тогда бѣ Георги, еписпъ Петръ Переяславскыи»⁴. У летописца не возникало сомнений в епископском статусе святителя⁵. Помимо него в числе присутствующих при канонизации князей страстотерпцев назван еще один представитель переяславского духовенства игумен Николай. В Киево-Печерском Патерике в перечне иноков обители, взошедших на русские архиерейские кафедры указаны Николай и Ефрем, епископы Переяславские⁶. Это позволяет предположить, что игумен Николай и воспитанник Печерского монастыря, принявший Переяславскую епископию в 70-80-е годы XI в., одно и то же лицо.

Личность Ефрема, упомянутого в перечне печерян вторым, заслуживает особого внимания. До принятия монашества он, будучи представителем знатного и богатого рода, служил при дворе Изяслава Ярославича, но «пришел из княжьего дома в пещеру к преподобному

¹ Котышев Д.М. Переяславлъ Русский в южнорусском летописании XI века. С. 74.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 116.

³ Там же. С. 69.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 182–183. В Ипатьевской летописи имя епископа не названо. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 172).

⁵ А.В. Назаренко предположил, что, следуя византийской практике, Петр Переяславский был поставлен на кафедру киевским митрополитом, около 1072 г. прошел княжескую инвеституру и его кандидатура находилась на утверждении в Константинополе (Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 229).

⁶ Киево-Печерский Патерик. С. 394.

Антонию», где и принял постриг¹. По благословению Антония Ефрем отправился в паломничество на Святую Гору, где списал для Печерской обители Студийский монашеский устав². По возвращении был поставлен на Переяславскую кафедру³. Ефрем прославился своей литературной и книжной деятельностью, считался переводчиком на русский язык сказаний о посмертных чудесах святителя Николая Чудотворца, а также составителем «Слова похвального на перенесение мощей Николая Мирликийского»⁴. Благодаря усердию Ефрема на территории Переяславской епископии, согласно Патерику, была возведена кафедральная церковь Святого Архистратига Михаила⁵, надвратная церковь св. Феодора, каменная церковь св. апостола Андрея Первозванного⁶. Примечательно, что перечень деяний, приписываемых переяславскому епископу Ефрему в Патерике, в летописании полностью совпадает с деятельностью митрополита Киевского и всея Руси Ефрема (1091 г)⁷, что позволяет предположить что речь идет об одном архиерее. Под 1093 г. Ефрем Переяславский в сане епископа упоминался среди участников перенесения мощей преподобного Феодосия в Печерском монастыре⁸, что не противоречит церковной практике. Представители третьей высшей ступени священства – епископы, архиепископы и митрополиты, именуются общим термином «епископат», «архиереи». Таким образом, последовательность пребывания на кафедре переяславских святителей, согласно источникам, реконструируется следующим образом – Петр (упом. под 1072 г), Николай (упом. в Киево-Печерском Патерике), Ефрем (упом. под 1089, 1091 гг)⁹.

¹ Киево-Печерский Патерик. С. 188–189.

² Там же. С. 190–191.

³ Там же. С. 191.

⁴ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 125.

⁵ НПЛ. С. 18.

⁶ Киево-Печерский Патерик. С. 191–192.

⁷ ПСРЛ. Т. 9. С. 116; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208, 211; ПСРЛ Т. 2. Стб. 200, 202.

⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 117.

⁹ В историографии последовательность пребывания на кафедре Переяславских святителей относится к числу дискуссионных вопросов. В работе Мануила (Лемешевского) она реконструируется следующим образом – Николай, Петр, Ефрем (*Мануил (Лемешевский)*

Что касается времени возникновения переяславской митрополии¹, то значительная часть исследователей склоняется к тому, что Переяславский округ был титулярной митрополией в период «триумvirата» Ярославичей². Л. Мюллер полагал, что переяславская митрополия возникла не ранее 1054 г. и была ликвидирована после 1078 г., когда Всеволод Ярославич стал Киевским князем³. М.Д. Приселков предположил, что митрополия в Переяславле была учреждена при императоре Михаиле VII Дуке (1071-1078 гг) по инициативе византийской стороны для укрепления связи с Всеволодом после конфликта Византии с Святославом, пришедшим к власти в Киеве⁴. В реконструкции Ю.А. Артамонова время образования Переяславской епископии датируется серединой XI в., а в 1060-е гг., по мнению исследователя, епархия получила статус титулярной митрополии,

Указ. соч. Т. 2. С. 392, 479; Т. 1. С. 445). Я.Н. Щапов называл Петра, Льва (Леона), Николая и Ефрема (*Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси. С. 209). А.В. Назаренко убежден, что первым епископом был Леон(т), затем святительствовали Петр, Николай и Ефрем (*Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 231-232). Называемый авторами Леон(т) являлся предполагаемым автором трактата об опресноках (РИБ. Пг., 1920. Т. 36. Вып. 1. С. 74), также исследователями выдвинута версия об идентичности личности Леона Переяславского и Леона, известного пастырской деятельностью в Ростовской земле (ПСРЛ. Т. 9. С. 97). По мнению А.В. Назаренко, в результате противостояния Ярославичей земли от Переяславля до Ростова оказались под властью Всеволода (в 1073-1076 гг. он находился в Переяславле), что позволило Леону (Леонтию) Переяславскому вести миссионерскую деятельность на подвластной ему Ростовской земле (*Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 219). Следует согласиться с мнением Е.Е. Голубинского о крайней недостоверности сведений о первых переяславских архиереях (*Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 200–201).

¹ В перечне митрополий Византийского патриархата (нотия 11) под № 81 помещена митрополия Прεσθλάβα (Престлава) (*Darrouzès J.* Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae: texte critique, introduction et notes. S. 344), по мнению А.В. Назаренко так в источнике именовалась Переяславская митрополия (*Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 220).

² *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 686; *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. С. 79–80; *Поппе А.* Митрополиты Киевские и вся Русь. С. 191–206. (Прил. 1); *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси. С. 53–56; *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне. С. 207–245.

³ *Müller, L.* Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039 // Osteuropa und der deutsche Osten. Bd. 6. Köln; Braunsfeld, 1959. S. 48–52.

⁴ *Приселков М.Д.* Очерки церковно-политической истории Киевской Руси. С. 76–80

ликвидация которой произошла к 1100 г¹. Заслуживает внимания точка зрения Д.Г. Хрусталева, который полагал, что митрополия первоначально могла быть учреждена сначала в Чернигове, а затем, при Святославе Ярославиче (1073-1076 гг) перенесена в Переяславль². В то же время автор ставил под сомнение правомерность применения термина «титularная митрополия»³, на использовании которого настаивал А.В. Назаренко⁴. А.В. Назаренко ссылаясь на 17-й канон Халкидонского собора (451 г) отмечал, что «при организации императорской властью новых политических центров епархиальная структура должна следовать за государственно-политической»⁵, но в случае с Переяславлем митрополия носила номинальный характер, «обновлялся только титул их предстоятелей, тогда как в организации церковной жизни самих епархий вряд ли что-нибудь принципиально менялось»⁶.

Если принять данную точку зрения, то каким образом можно объяснить поведение киевского митрополита Георгия, отправившего искать поддержку своих полномочий в отношении Чернигова и Переяславля к константинопольскому патриарху. Очевидно при выделении переяславской митрополии были ущемлены права Георгия, что позволяет говорить о полноценном статусе организованного диоцеза⁷. Время существования переяславской митрополии предположительно ограничивается 70-90-ми годами XI в. Под 1101 г. помещено известие, что Владимиром Мономахом в Смоленске была заложена «епискупья» церковь Успения Пресвятой Богородицы⁸. Известно, что до 40-х годов XII в. смоленский удел находился на территории переяславского диоцеза, следовательно, строительство

¹ Артамонов Ю.А. Епархии Киевской митрополии. // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. С. 945.

² Хрусталев Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском СПб., 2002. С. 34.

³ Там же. С. 33–39.

⁴ Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. С. 118–119.

⁵ Там же. С. 172.

⁶ Там же. С. 174.

⁷ Гайденко П.И. Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси. С. 84–115.

⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 137; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 251.

кафедрального храма могло отражать формирование епископальной структуры в составе митрополии с центром в Переяславле.

Под 1105 г. с указанием точной даты, 12 ноября, сообщалось о поставлении на переяславскую кафедру епископа Лазаря¹. На период его служения приходится важное церковно-политическое событие Руси – перенесение мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба в каменную церковь в Вышгороде, в котором Лазарь Переяславский принял участие². В 1118 г. «престависѧ еписѣпъ блѣжнии Переяславскыи Лазарь... и поставиша в него мѣсто Силивестра»³. Анализ содержания Повести временных лет позволил А.А. Гиппиусу доказать, что игумен Киевского Выдубицкого Михайловского монастыря Силивестр⁴ и Силивестр, святительствовавший на переяславской кафедре с 1118 по 1123 г⁵, одно лицо, благодаря которому в летописании были зафиксированы известия об истории Переяславля и его округа⁶. Под 1126 г. помещена запись, которая свидетельствует о принятии переяславским архиереем светской и церковной инвеституры: «постави князь Юрополкъ игумена Марка стагъ Иоан⁷ югоже постави Никита митрополить еписѣпомъ Переяславлю»⁸. Под 1134 г. сообщается о смерти епископа Марка⁹.

Поставление следующего епископа Ефимия произошло в 1141 г¹⁰, следовательно, на протяжении 7 лет священный престол оставался вакантным, что было связано с процессом выделения из переяславской кафедры смоленской епископии. В период служения Ефимий поддерживал переяславского князя Изяслава Мстиславича в его притязаниях на киевский

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 281.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 286; ПСРЛ. Т. 9. Стб. 149.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292, 294; ПСРЛ. Т. 9. Стб. 150, 151.

⁶ Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. Ч. 1 // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44.

⁷ Марк был возведен на кафедру из игуменов Переяславского Иоанновского монастыря (Голубинский Е.Е. Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 687).

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 296.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 296.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 309.

стол. Под 1146 г. сообщалось, что князь перед подходом на Киев «поде с дружиною своею и с Переяславци взем мѣтву въ сѣмь Михаилѣ оу еписпа Юсуфимья»¹. Поход против Игоря Ольговича оказался удачным и Изяслав Мстиславич стал киевским князем², а Ефимий постриг в монахи поверженного противника «и бѣ Игорь разболѣлся в пороубѣ и б боленъ велми и присла Игорь къ Изяславоу молаша и кланялася река тако брат се боленъ еси велми а прошю оу тебе пострижения ... и повелѣ са постричи Ефимью еписпоу потом Бѣ ѿда емоу немощи и приведоша Киевоу в манастырь сѣго Федора и призва игоумена и братью свершивъ же са вѣщаль пострижеса в манастырь сѣго Федора въ скимоу»³. В 1147 г. Ефимий Переяславский принимал участие в поставлении Климента Смолятича и поддержал кандидатуру, предложенную покровительствующим ему князем⁴. В 1149 г. епископ посоветовал Изяславу смириться в борьбе с Ольговичами и Юрием Долгоруким⁵, после чего сведения о кафедре прерываются.

Только под 1157 г. кратко сообщалось «поставлен бысть епископъ Василиць Переяславлю»⁶. В 1198 г. решением Владимирского князя Всеволода Юрьевича некто Павел был направлен «на еписпство в Русьскыи Переяславль»⁷. Это, безусловно, связано с политическими амбициями князя, который решил воспользоваться тем, что кафедра длительный период оставалась вакантной⁸. Трагической датой для города стал 1239 г. когда

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 313–314; ПСРЛ. Т. 9. С. 169.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 169.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338–339.

⁴ Там же. Стб. 340–341.

⁵ «ѿслушавъ обѣдню у стаѣ Михаила поиде Изяславъ ис цркви къ Ефимью еписпу слезы проливающю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 322).

⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 89. С ссылкой на Н.М.Карамзина Е.Е. Голубинский о Василии Переяславском сообщал: «Вероятно, был поставлен в епископы из каких-нибудь слишком малых по мирскому происхождению или же из слишком молодых возрастом людей, ибо, что по отношению к епископам мы знаем за единственный пример, называется уменьшительно Васильцем» (*Голубинский Е.Е.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. Прим. С. 687).

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414.

⁸ *Кузнецов А.А.* Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо и иерархи Православной церкви на Руси. С. 55–60.

«татарове взаша Переяславль Рускый и еп̄с̄па оубиша и люди избиша а град пожьгоша огнем и люди и полна много взем̄ше ѱидоша»¹, на основании Московского свода восстанавливается имя погибшего епископа - Семен². С этого времени можно говорить об исчезновении Переяславской епископии с карты Киевской митрополии. И хотя формально в 1269 г. решением митрополита Кирилла происходит объединение Сарайской и Переяславской епископии под управлением епископа Феогноста, восстановление церковной жизни в разрушенном Переяславле не произошло. Да и деятельность Феогноста представлена участием в важнейших церковных мероприятиях (посвящении Печерского игумена Серапиона, предполагаемом церковном соборе 1274 г), исполнением поручений митрополита Кирилла, а, возможно, и хана Менгу Тимура к Константинопольскому патриарху³.

Таким образом, переяславская кафедра возникла не ранее 1054 г. В результате изменения системы территориального управления Руси в период княжения Ярославичей, на 70-90-е гг. XI в. приходится время существования Переяславской митрополии. Архиереи возводились в сан из игуменов киевских и переяславских монастырей. Кандидатуры епископов подбирались князьями с последующей хиротонией киевского митрополита. Переяславские святители принимали активное участие в общерусских мероприятиях церковно-политического характера, выполняли посольские функции. В результате монгольского нашествия церковная структура была нарушена, произошли изменения границ церковных областей. В 1261 г. была образована Сарайская епископия, которая приняла под своё управление в 1269 г. территорию Переяславского диоцеза, который был лишен своего епископа с 1239 г.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

² ПСРЛ. Т. 25. С. 179.

³ *Галимов Т.Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII – первой трети XIII века // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 52. 2012. № 25 (279). С. 104–114.

Сарская епископия

Созданная в 1261 г. в политическом центре Золотой Орды православная епископия помимо церковных задач выполняла важную дипломатическую функцию, являясь связующим звеном не только между золотоордынскими ханами и Русью, но также обеспечивая взаимодействие с Западной Европой и Византией¹. Благоприятные условия для организации и становления Сарской епископии, лояльное отношение ордынцев к деятельности русского духовенства оказались возможны благодаря основополагающему для Орды чингизидскому своду законов - Яссе, который содержал особые статьи о веротерпимости к любому виду религиозных организаций, благоприятствующих воле и роду ордынских ханов².

В древнерусских источниках известие о поставлении первого сарайского епископа сформулировано достаточно кратко: «Тогож лѣтъ постави мѣтрополитъ [Кирилл II, прим. Т.Ф.] еписпа Митрофана Сараю»³. Первоначально епископия представляла собой именно епископский центр без определенного окормляемого диоцеза. Однако, вероятно, в связи с трудностями христианизации населения Золотой Орды и, как следствие, финансовыми проблемами церковного представительства Руси, в 1269 г. владыка Митрофан был смещен, а в состав Сарайской епископии были

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476; *Вольфрам фон Шелиха*. Основание православного епископства в Сарае в 1261 году // Золотордынская цивилизация. Сборник статей. Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. Вып. 5. Казань, 2012. С. 83–90; *Григорьев А.П.* Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 14; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь М., 1940. С. 41–42; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 274; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 158; *Охотина Н.А.* Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) // Церковь общество и государство в феодальной России. Сборник статей / Отв. ред. А.И. Клибанов. М., 1990. С. 76; *Соколов Р.А.* Очерк второй. Русская церковь в XII – начале XV в. // *Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А., Шапошник В.В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012. С. 123; *Трапезников А.А.* Православие в России и предстоятели Церкви. М., 2010. С. 53, 56–57; *Фомина Т.Ю.* Епископальная структура Руси в период монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов (по летописным источникам) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 2. С. 254–265; *Галимов Т.Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой: (вторая половина XIII в.). Казань, 2019. 256 с.

² *Хара-Даван Э.* Чингис-хан: эссе. Казань, 2008. С. 224.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476; ПСРЛ. Т. 10. С. 143.

включены территории прежней Переяславской епископии и «того же лета преосвященный Кирилл, митрополит Киевский и всея Руси, постави Феогноста епископом Русскому Переяславию и Сараю»¹. Предположительно до 1283 г. окормляемый Сараем диоцез был расширен за счет территорий вдоль Хопра, земель Червленого Яра и Подонья. В результате сарайская епископия на протяжении 1283-1291 гг. была втянута в споры относительно церковного управления над данными территориями². Согласно грамотам киевских митрополитов Феогноста и Алексия, тяжба относительно Червленого Яра и Подонья со времен митрополита Максима решалась в пользу рязанских епископов. Однако это не мешало сарайским святителям распространять своё управление на эти территории. Даже в XIV в. этот вопрос поднимался дважды, что может свидетельствовать о непримиримой позиции сарайских иерархов и неоднозначном отношении к ним со стороны исконно русских церковных кафедр.

Как указывалось выше, первым епископом Сарая был Митрофан, но о его судьбе и деятельности, за исключением факта поставления на кафедру, сведений не сохранилось³. Более подробно известно о служении сарайского епископа Феогноста, который управлял диоцезом с 1269 г.⁴ В источниках он охарактеризован как пастырь, заботящийся о своей новообретенной пастве, лично испрошающий у константинопольского патриарха необходимые детали совершения богослужения в степи⁵. Епископ упоминался в числе участников церковного собора 1274 г. во Владимире⁶, а под 1279 г. помещено известие о его дипломатических поездках в Царьград: «Того же лета прииде Феогност, епископ Сарайский, в третий раз, из Греческой земли, изо

¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 147–148.

² 1333-1353. Грамота митрополита Феогноста на Червленый Яр о принадлежности тамошнего края к рязанской епархии // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. С.163–166; Около 1360 г. Грамота митрополита Алексия // Там же. С. 167–172.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476; ПСРЛ. Т. 10. С. 143.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 147–148.

⁵ 1276 г. августа 12. Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста // РИБ. СПб., 1880. Т.6. С.130–140.

⁶ Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 84–102.

Царьграда; посылал убо его преосвященный Кирилл, митрополит Киевский и всея Руси, и царь Ордынский Менгу-Тимур к патриарху и царю Михаилу Палеологу Греческому, от преосвященного Кирилла митрополита грамоты и от царя Менгу-Тимура грамоты, и поминки от обоих»¹. Учитывая высокую осведомленность иерарха в церковных делах, особую значимость поездок Феогноста в Константинополь, можно сделать вывод об авторитете епископа, дипломатическом даре, позволившем воедино связать политические интересы Руси, Византии и Золотой Орды.

Следующим сарайским епископом был Измаил, восшедший на кафедру в период между 1291 по 1296 г. Точная дата неизвестна, т.к. иерарх лишь упоминается под 1296 г. в числе лиц, способствовавших примирению русских князей². Источник описывает сложившуюся ситуацию следующим образом: «Бысть брань межъ князей Руских, а въ то время прииде посол изо Орды отъ царя Алекса Невруй, и бысть съѣздъ всѣмъ княземъ Русскимъ в Володимери, комуждо князю свою обиду передъ послом глаголющу; сташа же съ единыя страны: князь велики Андрѣй Александровичъ Владимирскій, да с нимъ князь ѳедоръ Чръный Ростиславичъ Ярославскій, да съ нимъ князь Костянтинъ Борисовичъ Ростовскій, а на другой странѣ противу ихъ сташа: князь велики Данило Александровичъ Московскій да князь велики Михайло Ярославичъ, внукъ Ярославль Тверьскій, да съ ними Переславъци заединь, и ту замало не бысть кровопролитіа»³. Следовательно, к этому времени епископ Измаил обладал достаточными связями в ордынской администрации, которые позволили ему выступить не только в качестве посредника, но и склонить князей к примирению. Однако стоит отметить, что Никоновский летописец, описывая данные события имя владыки Измаила не указывал⁴. Возможно, это связано с тем, что в 1312 г. «Петръ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, сня санъ съ Сарайскаго владыки Измаила» и «постави Ворсуноѳіа

¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 157.

² ПСРЛ. Т. 4. С. 45; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.

³ ПСРЛ. Т. 10. С. 171.

⁴ Там же.

епископом Сараю»¹. О причинах лишения Измаила сана епископа источник умалчивает, это могли быть как сложности служения на территории Орды с которыми не справился архиерей, так и внутрицерковные противоречия.

Доподлинно не известен полный список Сарайских епископов и время их служения, особенно для периода XIII-XIV вв. Невозможно найти в источниках ни одного упоминания о смерти епископов в пределах своей кафедры, следовательно, можно говорить о краткости сроков пребывания архиереев в Сарае. Скорее всего, это связано с частой сменой правителей Улуса Джучи и необходимостью подтверждения полномочий епископов у каждого нового хана². В Изолированной хронике № 85 византийской «*Chronica Breviora*», переведенной Александром Николовым, сообщается что в XIV в. сложилась традиция избрания Сарайских епископов из трех кандидатов³, однако вызывает сомнения, что данный принцип мог использоваться в XIII в. на этапе становления епископии.

В историографии высказывалось мнение об активной миссионерской деятельности сарайских епископов⁴. В современных исследованиях М.Д. Полубояриновой, Т.Р. Галимова указывается на отсутствие в археологических находках церковной утвари, храмовых комплексов и христианских захоронений, на незначительное число летописных

¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 178.

² *Николов А.* Татары в византийских хрониках «*Chronica Breviora*»: реальность и стереотипы // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 22–36.

³ «В месяце июне, 2 индикт, 6842 года, совершился выбор в богохранимом городе Сарае, присутствовали боголюбивые епископы Василий, архиепископ Новгородский, Антоний Ростовский, Феодор Тверской, Григорий Рязанский, и приехали и остальные, и когда выбрали трех достойных лиц в соответствии с каноническим порядком, то есть иеромонаха и архимандрита Андрея, иеромонаха Афанасия и иеромонаха ... предложен бысть и выбран бысть иеромонах Афанасий, который был рукоположен как епископ Сарайский Афанасий»; «30 дня месяца октября, 12 индикт, 6852 год, был осуществлен выбор в богоспасаемом городе Сарае, присутствовали и боголюбивые епископы Гавриил Ростовский и Кирилл Рязанский, и как приехали и остальные, после выбора трех достойных кандидатов в соответствии с каноническим порядком, предложен бысть и выбран бысть иеромонах Исаак, который был рукоположен как епископ Сарая» (*Schreiner P.* Die Byzantinischen Kleinchroniken, 1 Teil (Einleitung und Text). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. P.606)

⁴ *Раймер Иоханес.* Миссионерская деятельность древнерусского монашества. Берлин, 1996. С. 146-147.

упоминаний о крещениях представителей золотого рода сарайскими епископами, что позволяет оценить успехи православных архиереев как крайне скромные¹. Кроме того, в благополучности миссии позволяет усомниться абсолютный успех представителей мусульманской веры при хане Берке. Но само существование епископии свидетельствует о крепких связях русской церкви с золотоордынской администрацией, приезжавшими представителями княжеского рода Рюриковичей, их делегациями, и, очевидно с православными невольниками, оказавшимися на территории Золотой Орды.

Таким образом можно заключить, что Сарская епископия и возглавлявшие ее архиереи с 60-х гг. XIII в. играли значимую роль в дипломатических контактах Руси, Византии и Золотой Орды. Краткость сроков пребывания епископов во главе Сарской епископии, частота их смещений свидетельствовала о непростых взаимоотношениях внутри церковной иерархии, а также с княжеским родом Рюриковичей и сарайскими Чингизидами. Сложность служения усугублялась финансовой несостоятельностью епископии, которая вынуждена была осуществлять церковные сборы с пустующих кафедр и их земель, непосредственно соседствующих с Золотой Ордой. В то же время миссионерская деятельность и влияние сарских епископов на территории окормляемого округа были крайне ограниченными.

Выводы по 4 главе

Формирование епископальной структуры Руси X–XIII вв. находилось в прямой зависимости от распределения княжеских столов среди представителей династии Рюриковичей. Создание епископских центров осуществлялось решением княжеской власти. Епископские округа совпадали с территориями, подвластными удельным князьям. В XI в. формирование

¹ *Полубояринова М.Д.* Русское население городов Улуса Джучи // История татар с древнейших времен. Т. 3. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XV в. Казань, 2010. С. 379–381; *Она же.* Православная епархия в Сарае // Там же. С. 381–387; *Галимов Т.Р.* Ещё раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV вв.). // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2015. Вып. 4. С.138–160.

епископальной структуры происходило, преимущественно, вокруг политических центров южной Руси, в XII–XIII вв. – переместилось в северо-восточные земли. Особенностью развития древнерусской церковной организации явилась нестабильность границ, численности и расположения кафедральных центров русских епископий. Количество епископий на протяжении X–XIII вв. было неустойчивым – от 4 до 15. В период княжения Ярославичей на территории Руси одновременно с киевской митрополией существовали черниговская и переяславская. Единой тенденции в развитии епископальной структуры Руси X–XIII вв. проследить не удалось. Процессы формирования церковной инфраструктуры, динамика ее развития, материальное обеспечение кафедры, взаимоотношения архиереев с представителями правящей династии Рюриковичей для каждой из епископий различны. Правящими архиереями предпринимались усилия для обустройства архиерейского двора, расширения церковного и монастырского строительства, унификации богослужебной практики, разъяснения церковных канонов с целью их соблюдения в повседневной жизни подвластным клиром и паствой.

Заключение

Проблема епископских центров и архиерейской власти Руси в X–XIII вв. является значимой для определения места и роли христианской церкви в древнерусском обществе. Проникновение христианства на территорию Древней Руси осуществлялось из различных регионов христианского мира. Западная церковь предпринимала попытки создания на территории восточнославянских племен подвластных епископий. Христианские общины на Руси испытывали влияние восточно-христианских традиций. Разделения церквей еще не произошло, но в условиях выбора между восточной и западной церковью Владимир Святославич склонился в пользу Византии. К концу 80-х годов X в. в древнерусском обществе сложились внутренние предпосылки принятия и распространения христианской религии, а княжеской властью были созданы экономические и административные условия формирования церковной организации.

В первые десятилетия после крещения политической элиты Руси происходил целенаправленный процесс христианизации населения, в том числе насильственными мерами. Становление территориального управления происходило с учетом особенностей политического развития русских княжеств и характеризовалось неустойчивостью численности епископий, изменением границ епископальных округов, краткостью и легендарностью сведений о первых архиереях. К 30-м гг. XI вв. благодаря усилиям княжеской власти были заложены основы структуры древнерусской церковной организации – епископские округа под управлением киевского митрополита. Высшей церковной иерархией Руси усваивались титулы митрополитов, архиепископов и епископов. Титул митрополитов принадлежал киевским первоиерархам, как направленным к месту служения византийскими патриархами, так и избранным из местного духовенства. В период правления Ярославичей митрополитами именовались архиереи в Чернигове и Переяславле. Титул «архиепископ» употреблялся только применительно

владыкам Великого Новгорода. Представители высшей духовной власти других русских княжеств именовались епископами.

Степень полноты реализации власти архиереев источники характеризовали понятиями «епискупить» и «управлял». На Руси именования архиереев обозначали высоту сана, духовные отличия, степень уважения, почета и претензии кандидата на автономию или особое положение в духовной иерархии. Титулы и эпитеты, присваиваемые духовным иерархам, отражали принципы реализации политической и канонической власти, соответствие духовному идеалу и личные качества архиереев.

На протяжении первых полутора столетий подбор кандидатов на архиерейские должности производили киевские князья. Киевские митрополиты осуществляли лишь необходимые для рукоположения в сан канонические обряды. Со второй половины XII в. местные политические элиты в лице князя, бояр, посадников, веча начали активно вмешиваться в процесс поставления епископов, выдвигая своих ставленников. При избрании архиереев горожане и князь принимали во внимание не только политические взгляды и степень лояльности кандидата, но и неприязнательность епископа в материальном отношении.

Русской церковной организацией не были в полной мере усвоены единые канонические требования к рукоположению кандидатов на архиерейские должности. В русских княжествах имелись существенные различия в порядке возведения в сан будущих епископов. Согласно требованиям канонов поставление состояло из процедуры избрания, наречения, рукоположения (хиротонии) и прибытия архипастыря на кафедру. Используемые в русских летописных источниках понятия, характеризующие порядок поставления архиереев на кафедру, касались в первую очередь богослужебного (мистического) действия. Понятие «возведен» употреблялось в двух аспектах – как «возведение в сан», идентично термину «рукоположен» и использовалось при описании процедуры избрания

новгородских владык во второй половине XII в. - «введен/возведен в сени/во двор». Термином «поставлен» обозначалась процедура избрания кандидатов и их хиротония, как правило, в случаях, когда кандидаты возводились на кафедру в соответствие с княжеским решением. В некоторых ситуациях подобные попытки оценивались как незаконные и обозначались словом «наскакати».

Традиция выбора русских архиереев на епископских соборах стала оформляться только к концу XIII в. Легитимность духовной власти обеспечивалась поддержкой власти княжеской и/или боярской элиты. В качестве следствия светской (княжеской или городской) инвеституры можно рассматривать именование некоторых архиереев титулом «владыка», предполагавшего передачу епископам части светских полномочий. Для русской церкви конца X–XIII вв. характерна поливариантность канонической жизни, наличие в русских княжествах глубоких различий в порядке возведения в сан кандидатов на епископские должности.

Социально-политический статус святителей был не одинаков в различных княжествах и являлся следствием степени включенности епископов в структуру древнерусского общества. В период становления русской церкви статус архиереев-греков определялся происхождением, духовными и посольскими функциями на территории Руси. С середины XI в. ряды епископов пополнялись из среды русского духовенства. Архиерейские кадры подбирались из числа иноков Киево-Печерского монастыря, а с середины XII в. князья ввели практику поставления на вакантные кафедры игуменов «фамильных» монастырей и своих духовных отцов. В Новгороде святители избирались из боярских монастырей. Со второй половины XII в. возрастает вовлеченность епископских кафедр в политическую жизнь русских земель.

Структура управления древнерусскими епископскими округами формировалась постепенно. На начальном этапе христианизации на Руси при княжеских дворах и дружинах находилось мирское духовенство не

подвластное епископату. Позднее в построенных князьями кафедральных храмах появляется категория «клирошан», власть епископов над которыми ограничивалась ктиторами. С XII в. наблюдалось существенное увеличение числа духовенства в городах, возросло влияние архиереев на дела приходских храмов и мирское духовенство. Сельское духовенство до конца XIII в. крайне немногочисленно. В целом каноническая власть архиереев в отношении церковного клира окормляемого округа ограничивалась христианскими общинами или ктиторами/патронами.

На протяжении X–XIII вв. создание древнерусских монастырей инициировалось подвижниками и состоятельными ктиторами, в отдельных случаях правящими архиереями. В подборе кадров настоятелей прослеживаются две традиции: избрание кандидатуры братией и назначение игумена ктитором. Епископы приглашались лишь для рукоположения избранных настоятелей. Следует констатировать ограниченность канонической власти епископов в отношении обителей, находящихся на территории окормляемого округа, их значительную автономию в организации внутреннего уклада общежития. В стенах монастырских обителей формировались святительские кадры для возведения на владычные кафедры. Традиционным во всех русских землях является поставление архиереев из игуменов местных монастырей.

В X–XIII вв. русские епископы не обрели полноту духовной власти, которую должны были иметь в соответствии с каноническими требованиями. В качестве мест служения древнерусских епископов указываются кафедральные храмы. Служение архиерея в других церквях подвластного ему диоцеза было сопряжено с ограничениями со стороны братии, прихожан, ктиторов или патронов. Особенности совершения служб имели отличия в различных русских княжествах и зависели от степени канонической грамотности архиереев, их происхождения («грек» или из русского духовенства), а, главное, интенсивности контактов с Византией, Афоном, Болгарией, Западной Европой, откуда поступала каноническая и

богослужебная литература. Отсутствие единообразия в проведении служб свидетельствовало об ограниченном влиянии епископата на священство церквей и монастырей (княжеских, боярских, уличанских, корпоративных), что не позволяет говорить о единстве канонического пространства на Руси.

В период становления древнерусской церковной организации содержание кафедр осуществлялось за счет единовременных пожалований княжеской власти. Позднее князья передавали епископским кафедрам доходы от полюдья и имений, десятины от взимания судебных и торговых пошлин, недвижимости, отдельные пожалования в виде драгоценных металлов, книг, икон, предметов культа и др. Князья приписывали к епископиям земли, села, ловища, промыслы. К середине XIII века епископии обладали значительными материальными доходами для содержания архиерея, его двора, осуществления отчислений в пользу киевского митрополита. Их земельные и промысловые угодья увеличились за счет пожалований мирян и собственных приобретений. Существенный доход приносили полюдье и десятина с окормливаемого округа, поступления от мирских священников и монастырей, платы за требы.

Процесс возникновения епископских округов был обусловлен политическим и территориальным развитием Руси. Наличие епископской власти было шагом, способствовавшим росту политического статуса княжества. Рукоположение епископов происходило не на конкретные кафедры, расположенные в городах, а на те территории, которыми управляли представители княжеского рода Рюриковичей, что объяснялось неустойчивостью границ епископий и титулования архиереев (Ростовский, Суздальский, Юрьевский, Каневский и др). Процессы формирования церковной инфраструктуры, динамика развития русских епископий X–XIII вв. имела особенности, связанные с материальным обеспечением кафедры, взаимоотношениями с представителями правящей династии Рюриковичей, положением епископского центра в иерархии архиерейских престолов.

Новгородская епископия по сравнению с другими древнерусскими кафедрами имеет самую продолжительную историю. Это объясняется значимой ролью епископата не только в церковной, но и политической жизни Великого Новгорода. С середины XII в. начинает оформляться территория округа со значительным числом приходов и монастырей, создаются условия для богослужебной практики, предпринимаются попытки ее унификации. При поставлении архиереев Великого Новгорода использовались различные формы подбора кандидатов в священство от назначения решением князя или митрополита до избрание паствой, волей жребия и прямого указания владык на желаемого преемника.

Для западных и юго-западных княжеств характерна нестабильность епископальной структуры, что связано не только с дроблением уделов в междоусобной борьбе рода Рюриковичей, но и с попытками западноевропейского духовенства распространить свое влияние на данные территории. Особенностью их развития является неустойчивость границ и именования отдельных диоцезов, различные по длительности сроки вакантности кафедр, прецеденты смещения и изгнания архиереев. Имена значительного числа епископов упоминаются лишь в качестве участников церковно-политических событий. С конца XII в. активизируется роль княжеской власти, бояр и горожан в поставлении на кафедры представителей местного духовенства. Развитие юго-восточных епископских центров происходило крайне неравномерно. В период правления Ярославичей в след за политическими изменениями на карте Руси, Переяславская и Черниговская кафедры временно получили статус митрополии. Архиереи принимали активное участие в церковно-политической жизни Древнерусского государства. В результате монгольского нашествия произошли изменения границ церковных областей, юго-восточные кафедры оставались вакантными.

Процесс христианизации Северо-Восточной Руси был длительным и сложным. В результате дробления Северо-Восточных земель, помимо

Ростовской епископии образуются Рязанская, Владимиро-Суздальская, Тверская кафедры. С середины XII в. при поддержке князей начинается формирование епархиальной структуры. Монгольское нашествие нарушило целостность церковной организации Руси, были разрушены епископские центры. Со второй половины XIII в. произошло обособление Юго-Западной Руси от общерусских церковных процессов. Данные территории попали под влияние, а затем вошли в состав Русско-Литовского государства. Киевские митрополиты и епископы Северо-Восточной Руси склонились к сотрудничеству с монголами. В 1261 г. была основана Сарайская епископия в состав которой позднее вошли земли Переяславской кафедры. Сарайские епископы играли значительную роль в дипломатических контактах Руси, Византии и Золотой Орды.

К концу XIII в. древнерусская церковная организация стала значимой силой. Благодаря налоговому иммунитету, полученному от ордынских ханов, епископские центры укрепили свое материальное положение. Политический авторитет и значимый уровень доходов обеспечил епископату высокий статус в социальной структуре Руси. В условиях княжеских усобиц церковная организация сохранила духовное единство русских территорий, что стало одним из важнейших факторов формирования единого централизованного государства.

Таким образом, на протяжении X–XIII вв. происходил постепенный процесс территориального оформления епископских округов, становления структуры архиерейского управления, закрепления социально-политического статуса епископата в ранге правящей элиты, формирования основ материального благосостояния церкви. Развитие епископских центров в русских княжествах имело особенности, связанные с ролью и местом высшего духовенства в политической и экономической жизни Руси.

Список сокращений и условных обозначений

Издания и научные учреждения

АЕ – Археографический ежегодник

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

БТ – Богословские труды

ВИ – Вопросы истории

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

ЖМНП – Журнал Министерства Народного Просвещения

ЖМП – Журнал Московской патриархии

ИА – Историческая археология

НАН України – Національна Академія Наук України

НИС – Новгородский исторический сборник

НЛ – Новгородские летописи

НПЛ – Новгородская первая летопись

ОИ – Отечественная история

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

ПЭ – Православная энциклопедия

РАН – Российская Академия наук

РИБ – Русская историческая библиотека

РПИ – Русские православные иерархи

СА – Советская археология

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

Тр. КДА – Труды Киевской духовной академии

Укр. іст. журн. – Украинский научный журнал

ЧОИДР - Чтения в Обществе истории и древностей Российских

Хранилища

ГБЛ – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина (с 1992 г. РГБ – Российская Государственная библиотека)

ГПБ – Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова – Щедрина (с 1992 г. РНБ – Российская национальная библиотека)

ГИМ – Государственный исторический музей

ИРЛ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

РГБ – Российская государственная библиотека

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РНБ – Российская национальная библиотека

ЯИАМЗ - Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник

Церковные чины и звания

Архиеп. – архиепископ

Архим. – архимандрит

Еп. – епископ

Иерод. – иеродиакон

Иером. – иеромонах

Митр. – митрополит

Прот. – протоиерей

Список использованных источников и литературы

Источники

Опубликованные

1. Акрополит Георгий. Летопись великого логофета. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1863. – 222 с.
2. Бенешевич, В. Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. / В. Н. Бенешевич. – СПб., 1905. – 101 с.
3. Берестяные грамоты XI-XIII вв. // URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> дата обращения 21.01.2019.
4. Вопрошание Кириково // Мильков, В. В. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / В. В. Мильков, Р. А. Симонов. – М. : Круг, 2011. – С. 413–429.
5. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. – М.–Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1938. – 608 с.
6. Грамота Германского императора Оттона I об учреждении Магдебургской епископии // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – Т. 4: Западноевропейские источники. – С. 41–43.
7. Грамота константинопольского патриарха Германа II к митрополиту всея Руси Кириллу I о непосвящении рабов в священный сан и неприкосновенности имуществ и судов церковных // Русская историческая библиотека. – СПб., 1908. – Т. 6. – С. 79–84.
8. Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому // Русская историческая библиотека. – СПб., 1908. – Т. 6. – С. 63–76.
9. Грамота митрополита Алексия на Червленый Яр о принадлежности тамошнего края к рязанской епархии. Около 1360 г. // Русская историческая библиотека. – СПб., 1880. – Т. 6. – С. 167–172.

10. Грамота митрополита Феогноста на Червленый Яр о принадлежности тамошнего края к рязанской епархии 1333-1353. // Русская историческая библиотека. – СПб., 1880. – Т. 6. – С. 163–166.
11. Джаксон, Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты. Переводы. Комментарии / Т. Н. Джаксон. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 1994. – 779 с.
12. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подг. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 141–146.
13. Духовная Антония Римлянина // Памятники русского права. Вып. 2.: Памятники права феодально-раздробленной Руси / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. – М. : Юридическая литература, 1953. – С. 106–107.
14. Еврейско-хазарская переписка о народах Хазарии. Ответное письмо царя Иосифа (пространная редакция) // Петрухин, В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М. : Знак, 2004. – С. 384–385.
15. Жалованная запись смоленского князя Ростислава Мстиславича с датой 1150 г. сентября 30 церкви Богородицы и епископу на земельный участок // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 146.
16. Житие Авраамия Ростовского // Державина, Е.И. Житие Авраамия Ростовского / Е.И. Державина, А.Б. Дубовицкий // Русская речь. – 2014. – № 2. – С. 79–84.
17. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 2005. – Т. 5. – С. 30–65.
18. Житие и жизнь иже во святых отца нашего Исая епископа Ростовьскаго чудотворца // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 2003. – Т. 12. – С. 258–259.

19. Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии, игумении <монастыря> спаса-вседержителя и пречистой его матери, что в граде Полоцке // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 2003. – Т. 12. – С. 416–437.
20. Житие Кирилла Туровского // Никольский, Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности / Н. К. Никольский. – СПб. : тип. Императорской Академии Наук, 1907. – С. 62–64.
21. Житие Нифонта Констанцкого // Российская государственная библиотека. Ф. 304. № 35.
22. Житие преподобного отца нашего Никиты Затворника // Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры / Пер. с церк.-слав. и предисл. Е. Поселянина. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – С. 224–229.
23. Житие Феодосия Печерского Подготовка текста и прим. О. В. Творогова // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). – М. : Художественная литература, 1969. – С. 92–145.
24. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Изд. подг. Д.И. Абрамович. – Пг. : Отделение рус. яз. и словесности Акад. наук, 1916. – С. 17–19, 53–59.
25. Иларион, св. митр. Слово о Законе и Благодати / Сост. В. Я. Дерягина. – М. : Скрипторий, Столица, 1994. – 146 с.
26. Илья архиепискуп Новгородский исправил с Белгородским епископом // Калайдович, К. Памятники российской словесности XII в. / К. Калайдович. – М. : Тип. С. Селивановского, 1821. – С. 221–224.
27. Йахйа Антиохийский История // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 3: Восточные источники. – С. 105–108.

28. Канонические ответы митрополита Иоанна II // Русская историческая библиотека. – СПб., 1908. – Т. 6. – С. 1–20.
29. Кембриджский документ // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 3: Восточные источники. – С. 177–184.
30. Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры / Пер. с церк.-слав. и предисл. Е. Поселянина. - М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 432 с.
31. Киевское письмо // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. – Т. 3: Восточные источники. – С. 174–176.
32. Кирилла-монаха притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении. // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 4. – С. 144–159.
33. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – М. : Наука, 1989. – 469 с.
34. Константина, христоролюбивого во Христе самом вечном царе василевса, сына мудрейшего и приснопамятного василевса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. сост., пер и коммент. М. В. Бибиков. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – Т. 2: Византийские источники. – С. 143–146.
35. Купчая Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. – М. –Л.: Академия наук СССР, 1949. – С. 159–161.

36. Леонтий, митр. Об опресноках // *Бенешевич В. Н.* Памятники древнерусского канонического права. Ч. 2. Вып. 1. / В. Н. Бенешевич. – Пг., 1920. – № 2. – С. 73–101.
37. Магдебургские анналы // *Латиноязычные источники по истории Древней Руси* / сост. М. Б. Свердлов, отв. ред. А. Д. Люблинская, А. К. Гаврилов. – М.; Л. : АН СССР, 1990. – С. 349–357.
38. Мазуринская Кормчая: Памятник межславянских культурных связей XIV-XVI вв. Исследование и тексты. / Изд. подг. Е. В. Белякова, К. Илиевская, О. А. Князевская, Е. И. Соколова, И. П. Старостина, Я. Н. Щапов. – М. : Индрик, 2002. – 855 с.
39. Малые (краткие) хроники. // *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия* / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – Т. 2. Византийские источники. – С. 183–186.
40. Митрополит Никифор / исслед. В. В. Мильков, С. В. Милькова, С. М. Полянского; подг. текстов В. В. Милькова и С. В. Мильковой; пер. С. М. Полянского; коммент. А. И. Макарова, В. В. Милькова, С. М. Полянского. – СПб. : ИД Мирь, 2007. – 560 с.
41. Моление Даниила Заточника // *Гудзий, Н. К.* Хрестоматия по древнерусской литературе XI–XVII веков / Н. К. Гудзий. – М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1955. – С. 138–145.
42. Назаренко, А. В. *Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий* / А. В. Назаренко. – М. : Наука, 1993. – 238 с.
43. Никита Хониат Историческое повествование // *Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия* / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – Т. 2. Византийские источники. – С. 276–299.

44. Никифор Григора Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1862. – Т. 1. – 564 с.
45. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. – 642 с.
46. Новгородские летописи: (Так названные новгородская вторая и новгородская третья летописи). – СПб. : Тип. Имп. академии наук, 1879. – 113 с.
47. О поставлении Туровской епископии // Туровские уставы XIV в. о десятине // Археологический ежегодник за 1964 г. – М, 1965. – С. 271–273.
48. Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского, к восточным архиерейским престолом, а именно – Александрийскому и прочая // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – Т. 2. Византийские источники. – С. 131–133.
49. Определения владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека. – СПб., 1908. – Т. 6. – С. 84–102.
50. Особая редакция «Вопрошания Кирика»: Се есть вопрошание Кирилово, иже вопроша епископа новгородскаго Нифонта и инехъ // Смирнов, С. И. Древнерусский духовник: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины / С. И. Смирнов. – М. : Имп. о-во ист. и древност. рос. при Моск. ун-те, 1914. – С. 1–27.
51. Ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы сарайского епископа Феогноста 1276 г. августа 12. // Русская историческая библиотека. – СПб., 1880. – Т. 6. – С. 130–140.

52. Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 1. – С. 318–329.
53. Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева; Пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова Под ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц Акад. наук СССР. – М.; Л., Изд-во Акад. Наук, 1950. – Ч. 1–2. – 556 с.
54. Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Русские повести XV–XVI вв. / Сост. и ред. М. О. Скрипаль. – М.; Л. : Наука, 1958. – С. 267–276.
55. Подтвердительная грамота епископа Мануила. // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 145.
56. Полное собрание русских летописей. – Л. : Изд-во АН СССР, 1926–1928. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – 379 с.
57. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1908. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – 638 с.
58. Полное собрание русских летописей. – Пг. : Типография Я. Башмаков и Ко, 1915. – Т. 4: Новгородская четвертая летопись. Ч. 1. – 320 с.
59. Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. 6: Софийская первая летопись старшего извода. Ч. 1. – 320 с.
60. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Типография Э. Праца, 1856. – Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. – 358 с.
61. Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – 288 с.
62. Полное собрание русских летописей. – СПб. : тип. Л. Демиса, 1863. – Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. – 504 с.
63. Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. 16. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. – 240 с.

64. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1908-1913. – Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Вып. 1. – 719 с.
65. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Тип. М. А. Александрова, 1911. – Т. 22. Русский Хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. – 578 с.
66. Полное собрание русских летописей. – М. : Языки русской культуры; 2004. –Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. – 488 с.
67. Полное собрание русских летописей. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская II (Архивская летопись). – 272 с.
68. Полное собрание русских летописей. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. – Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. – 221 с.
69. Полное собрание русских летописей. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. – 382 с.
70. Помянник смоленских епископов XVI в. // Горский, А. В. Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки / А. В. Горский, К. И. Невоструев. – М. : Синодальная тип., 1869. – Отд. III. Ч. I. – С. 224.
71. Послание Климента, митрополита русского, написанное к Фоме, истолкованное монахом Афонасием // Поньрко, Н. В. Эпистолярное наследие древней Руси. Исследования, тексты, переводы / Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 1992. – С. 140–148.
72. Послание преподобного отца нашего Симона, епископа Владимирского и Суздальского, к блаженному Поликарпу, черноризцу печерскому, который тогда не был еще архимандритом // Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры / Пер. с церк.-слав. и предисл. Е. Поселянина. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – С. 387–415.
73. Послание Симона, епископа владимирского, княгине Верхуславе-Анастасии Всеволодовне // Памятники литературы Древней Руси / Под ред.

- Д. С. Лихачева. – М. : Художественная литература, 1980. – XII век. – С. 480–482.
74. Постановление Ильи, архиепископа новгородского, и неизвестного белозерского епископа по двум случаям при совершении литургии // Русская историческая библиотека. – СПб., 1908. – Т. 6. – С. 75–78.
75. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 1. – С. 456–476.
76. Поучение философа, епископа белгородскаго // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 4. – С. 286–290.
77. Поучения Никифора Владимиру Мономаху, Ярославу Муромскому и неизвестному князю // Митрополит Никифор / Подг. текстов В.В. Милькова и С.В. Мильковой. – СПб. : ИД МІРЪ, 2007. – С. 111–117, 137–139, 165–170.
78. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. – М. : Изд. С.-Петербургской духовной академии, 1911. – Т. 1-2. – 1276 с.
79. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Изд. подг. Я. Н. Любарский. – СПб. : Алетейя, 2009. – 400 с.
80. Путешествие Новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия / Предисл. и примеч. П. Савvaitова. – СПб. : Археографическая комис., 1872. – 188 стб.
81. Регион Прюмский «Хроника» с продолжением // Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI веков: Тексты, переводы, комментарий / А. В. Назаренко. – М. : Наука, 1993. – С. 101–130.
82. Сказание о битве новгородцев с суздальцами. Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе. Повесть о Благовещенской церкви // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб. : Наука, 1999. – Т. 6. – С. 444–462.
83. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 1. – С. 330–353.

84. Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подготовка текстов и исследование Н. В. Рамазановой. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – 392 с.
85. Слова и поучения Кирилла Туровского. Повесть Кирилла многогрешного к Василию, игумену Печерскому, о белоризце человеце и о мнишестве, и о души, и о покаянии // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 4. – С. 172–185.
86. Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб. : Наука, 1997. – Т. 4. – С. 270–285.
87. Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. – СПб. : Наука, 2003. – Т. 12. – 624 с.
88. Срезневский, И. И. Сказанія о святых Борисѣ и Глѣбѣ: Сильвестровскій список XIV вѣка / И. И. Срезневский. – СПб: Тип. Императорской Академии наук, 1860. – 147 стб.
89. Творения митрополита Никифора / Изд. под. С.М. Полянским. – М. : Наука, 2006. – 497 с.
90. Титмар Мерзебургский Хроника / Пер. с лат. И. В. Дьяконова. – М. : Русская панорама, 2009. – 254 с.
91. Титов, А. А. Житие св. Леонтия епископа Ростовскаго. Со списка, сделанного О. М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Новоезерскому монастырю / А. А. Титов. – Ярославль: Тип. Губернского правления, 1892. – 22 с.
92. Турилов, А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» / А. А. Турилов // Славянский мир между Римом и Константинополем. – М., 2004. – С. 211–262.
93. Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова – М. : Наука, 1971. – 770 с.

94. Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 12–84.
95. Устав князя Ярослава о порядке надзора за благоустройством новгородских улиц («о мостех») // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 149–152.
96. Устав князя Ярослава о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 85–139.
97. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 158–165.
98. Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 153–158.
99. Устав преподобного Варлаама Хутынского, новгородского чудотворца // Древнерусские иноческие уставы / Сост. Т. В. Суздальцева. – М.: Северный паломник, 2001. – С. 32–34.
100. Уставная грамота новгородского князя Святослава Ольговича церкви св. Софии в Новгороде с датой 1136/1137 г. о поступлениях епископии из «Онега» и с заволочских владений Новгорода // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 147–148.
101. Уставная запись о размерах поступлений с городов Смоленской земли // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 146.
102. Уставная и жалованная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича церкви Богородицы и епископу, связанная с учреждением

епископии в Смоленске // Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. под. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – С. 140–145.

103. Хроника Регинона Прюмского с Трирским продолжением // Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX – XI веков. Тексты, перевод, комментарии / А. В. Назаренко. – М. : Наука, 1993. – С. 101–130.

104. Darrouzès, J. Notitiaeepiscopatum ecclesiae Constantinopolitanae / J. Darrouzès – Paris, 1981. – 388 p.

105. Schreiner, P. Die Byzantinischen Kleinchroniken, 1 Teil (Einleitung und Text). – Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1975. – 606 p.

Неопубликованные

106. Синодик Ярославского Спасского монастыря // Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. № 15585. Л. 98 об.

107. Синодик Ярославской церкви Рождества Христова // Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. № 15427. Л. 31 об.

Историография

1. Данилевский, И. Н. Проблемы Киевской Руси в современной российской историографии / И. Н. Данилевский // Україна-Россия: діалог історіографій: Матеріали міжнар. наук. конф. / відп. ред. В. Ф. Верстюк. – Київ, Чернігів : РВК «Десняньська правда», 2007. – С. 7–21.
2. Лебедев, А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. / А. П. Лебедев; науч. ред. М. А. Морозова; Вступ. ст. И. В. Кривушина. – СПб. : Алетейя, 2001. – 475 с.
3. Пушкарёв, С. Г. Историография Русской Православной Церкви / С. Г. Пушкарёв // Журнал Министерства народного просвещения. – 1998. – №5. – С. 67–79; №6. – С. 46–69.
4. Филарет, (Гумилевский) Обзор русской духовной литературы / Филарет (Гумилевский). – СПб. : Издание И. Л. Тузова, 1884. – 516 с.
5. Ястребицкая, А.Л. Древнерусская культура в зарубежной историографии: проблемы, методология, методики современных исследований / А.Л. Ястребицкая, В.Г. Овчинников // Русь между Востоком и Западом: культура и общество. X–XVII вв. (зарубежные и советские исследования). – М., 1991. – Ч. 1. – С. 7–32.

Исследования

1. Абрамович, Д. И. Исследования о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике / Д. И. Абрамович. – СПб. : изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1902. – 213 с.
2. Августин, (Никитин), архим. О почитании святых в русской православной церкви (Из истории русско-скандинавских церковных связей) / Августин (Никитин) // Богословские труды. – М., 1987. – Т. 28. – С. 246–247.
3. Августин, иером. Полемические сочинения против латинян, писанные в русской церкви в XI и XII в. – в связи с общим историческим изысканием относительно разностей между восточною и западною церковью / иером. Августин // Труды Киевской Духовной Академии. – 1867. – Т. 2. – С. 352–381; Т. 3. – С. 461–521.
4. Александров, А. А. Во времена княгини Ольги. Легенды и былины о княгине Ольге в Псковской земле / А. А. Александров. – Псков : Псковское возрождение, 2001. – 282 с.
5. Авдусин, Д. А. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 года / Д. А. Авдусин // Советская археология. – 1966. – № 2. – С. 319–324.
6. Авдусин, Д. А. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг. / Д. А. Авдусин // Советская археология. – 1969. – № 3. – С. 186–193.
7. Алексеев, А. А. О времени произнесения Слова о законе и благодати митрополита Илариона / А. А. Алексеев // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачёв. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 51. – С. 289–291.
8. Алексеев, А. И. Крещение костей (К интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) / А. И. Алексеев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – №1 (11). – 2003. – С. 102–106.
9. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев; отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1966. – 496 с.

10. Алексеев, Л. В. «Менские дреговичи» и полоцкие князья / Л. В. Алексеев // Российская археология. – 1998. – № 2. – С. 100–112.
11. Алексеев, Л. В. Лазарь Богша - мастер-ювелир XII в. / Л. В. Алексеев // Советская археология. – 1957. – № 3 – С. 234–235.
12. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев; отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1966. – 496 с.
13. Алексеев, Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев; отв. ред. Я. Н. Щапов. – М. : Наука, 1980. – 202 с.
14. Алешковский, М. Х. Новые данные о церкви Михаила-архангела в Смоленске / М. Х. Алешковский, С. С. Подъяпольский // Советская археология. – 1964. – № 2. – С. 231–236.
15. Амвросий, (Орнатский) История российской иерархии, собранная епископом, бывшим Пензенским и Саратовским, Амвросием, а ныне вновь пересмотренная, исправленная и умноженная / Амвросий (Орнатский). – Киев : Тип. Киево-Печерской лавры, 1827. – Т. 1. Ч. 1. – 685 с.
16. Андрияшев, А. М. Очерк истории Волынской земли конца XIV столетия. / А. М. Андрияшев. – Киев: Тип. Императорского Университета Св. Владимира, 1887. – 239 с.
17. Анкудинов, И. Ю. О землевладении Антониева монастыря в XVI в. (Материалы к комментарию к «купчей Антония Римлянина» / И. Ю. Анкудинов // Новгородский исторический сборник / Отв. ред. В. Л. Янин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – № 7(17). – С. 100–112.
18. Антипова, И. А. Способы толкования в «словах» и «притчах» Кирилла Туровского / И. А. Антипова // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – Т. 2. № 3. – С. 133–135.
19. Ариньон, Ж.–П. Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги / Ж.–П. Ариньон // Византийский временник. – М., 1980. – Т. 41. – С. 113–124.

20. Аристов, Н. Я. Первые времена христианства в России по церковно-историческому содержанию русских летописей / Н. Я. Аристов. – М. : Тип. Ю.Н. Эрлих, 1888. – 188 с.
21. Арранц, М. Чин оглашения и крещения в Древней Руси / М. Арранц // Символ. – № 19, Июнь. – 1988. – С. 69–101.
22. Арсеньев, Н. С. Православие. Католичество. Протестантизм / Н. С. Арсеньев. – Париж : YMCA press, 1948. – 145 с.
23. Артамонов, Ю. А. «Гипотеза, выстроенная на гипотезах»: по поводу нового исследования А. Поппэ / Ю. А. Артамонов // Вестник церковной истории. – 2013. – № 1-2 (29-30). – С. 361–387.
24. Артамонов, Ю. А. К вопросу о монастырском землевладении в Древней Руси / Ю. А. Артамонов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. – № 1. – С. 16–26.
25. Асеев, Ю. С. Исследования Михайловского собора в Переяславле-Хмельницком / Ю. С. Асеев, В. А. Харламов, М. И. Сикорский // Славяне и Русь (На материалах восточнославянских племён и Древней Руси): Сборник научных трудов / отв. ред. В. Д. Баран. – Киев : Наукова думка, 1979. – С. 122–137.
26. Асеев, Ю. С. Памятники гражданского зодчества XI в. в Переяславле-Хмельницком / Ю. С. Асеев, М. И. Сикорский, Р. А. Юра // Советская археология. – 1967. – № 1. – С. 199–214.
27. Асташова, Н. И. Кресты – энколпионы / Н. И. Асташова, Л. А. Петрова, Т. Г. Сарачева. – М. : РИП-Холдинг, 2013. – 320 с.
28. Афанасьева, В. И. История государства и права России (IX-1917 г.). / В. И. Афанасьева. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 352 с.
29. Баловнев, Д. А. Приходское духовенство XV – начала XVI века по новгородским писцовым книгам (численность и особенности состава) / Д. А. Баловнев // Отечественная история. – 2004. – № 4. – С. 131–139.

30. Баловнев, Д. А. Поставление священнослужителей. Теория и практика XIII –XV вв. / Д. А. Баловнев // Церковь в истории России. – М., 1998. – Сб. 2. – С. 43–65.
31. Баранкова, Г. С. Сочинения Кирилла Туровского в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря / С. Г. Баранкова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 1 (43). – С. 61–75.
32. Барац, Г. М. Критико-сравнительный анализ Договоров Руси с Византией / Г. М. Барац. – Киев, 1910. – 265 с.
33. Барац, Г. М. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древне-русской письменности: Т. 1, отд. 2: Памятники религиозно-духовные, бытописательные, дружинно-эпические и т.п. / Г. М. Барац. – Париж, 1927. – 918 с.
34. Барашко, Г. Богословское содержание притчи свт. Кирилла Туровского «О слепце и хромце» / Г. Барашко // Христианское чтение. – 2011. – № 3. – С. 133–143.
35. Барсов, Т. Константинопольский патриарх и его власть над Русскою церковью / Т. Барсов. – СПб., 1878. – 578, [V] с.
36. Белецкий, С. В. Печати и пломбы из Старой Ладogi: Свод / С. В. Белецкий, В. П. Петренко // Новые источники по археологии Северо-Запада / Под ред. Массона В. М. и Носова Е. Н. – СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 1994. – 284 с.
37. Беляев, И. Д. Святые Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий, учителя славянские / И. Д. Беляев. – М., 1885. – 29 с.
38. Белякова, Е. В. Замечания к полемике о Чине поставления епископов / Е. В. Белякова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 2 (44). – С. 118–119.
39. Белякова, Е. В. Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию / Е. В. Белякова, Л. В. Мошкова, Т. А. Опарина. – М.–СПб. : ИРИ РАН, РГАДА, Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 496 с.

40. Бенешевич, В. Н. Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русского, кончая временем Петра Великого. / Сост. В.Н. Бенешевич. – Пг. : Тип. акционерного о-ва тип. дела, 1914. – Вып. 1, 2. –VI, [2], 120, [4], 250 с.
41. Бердников, И. С. Краткий курс церковного права Православной Греко-Российской Церкви с указанием главнейших особенностей католического и протестантского церковного права / И. С. Бердников. – Казань, 1888. – 468 с.
42. Бестужев-Рюмин, К. Н. Русская история. / К. Н. Бестужев-Рюмин. – СПб. : Тип. А. Траншеля, 1872. – VIII, 760 с.
43. Бибииков, М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси / М. В. Бибииков. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 736 с.
44. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок. – М.: Изд-во Сабашниковых, 2003. – 503 с.
45. Бобров, А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (конец XIV – первая половина XV в.) / А. Г. Бобров // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв. Разные аспекты исследования. – СПб., 1991. – С. 78–98.
46. Богданов, В. П. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII- первой трети XIII в. / В. П. Богданов, А. В. Рукавишников // Вопросы истории. – 2002. – № 10. – С. 19–32.
47. Богданов, С. В. Отрывок Чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей Новгородско-Софийского круга / С. В. Богданов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – № 4 (42). – С. 240–253.
48. Богданов, В. П. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII- первой трети XIII в. / В. П. Богданов, А. В. Рукавишников. // Вопросы истории. – 2002. – № 10 – С. 19–32.
49. Бондарь, С. В. Антропологические воззрения святого Кирилла Туровского в контексте христианского учения о человеке / С. В. Бондарь // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2014. – № 1. – С. 242–327.

50. Брайчевский, М. Ю. Ольга и Константинополь / М. Ю. Брайчевский // Южная Русь и Византия: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / отв. ред. П. П. Толочко. – Киев : Наук. думка, 1991. – С. 12–20.
51. Буланкин, В. М. Характеристика культурного слоя кремля Переяславля Рязанского / В. М. Буланкин, В. И. Завьялов, В. В. Судаков // Российская археология. – 2010. – № 1. – С. 116–124.
52. Булгаков, С. В. Настольная книга для священно-церковнослужителей: (Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства) / С. В. Булгаков. – Киев : Тип. Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. – 23, 1772 с.
53. Бълхова, М. И. К вопросу о происхождении Петра, царевича Ордынского / М. И. Бълхова // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапов. – М. : Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. – С. 164–168.
54. Бълхова, М. И. Монастыри на Руси XI – середины XIV века / М. И. Бълхова // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: исторические очерки. – М., 2002. – С. 25–56.
55. Валугев, Д. В. Смоленская епархия в XII—XIII веках / Д. В. Валугев // URL: <http://www.rusarch.ru/valuev1.htm> Проверено 23.02.2016.
56. Васильев, А. А. История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.) / А. А. Васильев, А. В. Серегин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 344 с.
57. Вдовина, О. Я. Особливості символіко-алегоричної думки Кирила Туровського в контексті ідейних засад християнського середньовіччя / О. Я. Вдовина // Гуманітарні студії. – 2012. – № 12. – С. 28–36.
58. Вдовина, О. Я. Символично-аллегорическая интерпретация монашества у Кирилла Туровского / О. Я. Вдовина // Древняя Русь: о времени, в личностях, в идеях. – Вып. 6. – 2016. – С. 66–82.

59. Величко, А. М. История Византийских императоров / А. М. Величко. – М. : Вече, 2010. – Т. 5. – 536 с.
60. Веретенников, М. Деятельность святого митрополита Максима на русской кафедре (с приложением «Поучения» и «Повести о митрополите Максиме») / М. Веретенников // Богословский вестник. – 2015. – № 1–2. – С. 125–154.
61. Вершинин, К. В. Еще раз о составителе мерила праведного / К. В. Вершинин // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2017. – № 1. – С. 12–19.
62. Вершинин, К. В. Мерило праведное и особенности рецепции византийского права на Руси / К. В. Вершинин // Исторический вестник. – 2016. – Т. 17. № 164. – С. 100–135.
63. Вершинин, К. В. Об одном источнике мерила праведного и кормчей / К. В. Вершинин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 1 (67). – С. 5–8.
64. Владимирский-Буданов, В. Ф. Обзор истории русского права / В. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 640 с.
65. Воейков, Н. Н. Церковь, Русь и Рим / Н. Н. Воейков. – Минск : Лучи Софии, 2000. – 656 с.
66. Войтович, Л. В. К дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве» и его авторах / Л. В. Войтович // *Rossica Antiqua*. – 2011. – Т. 3. – С. 42–59.
67. Володихин, Д. М. Еще раз о княжеской власти в средневековом Полоцке / Д. М. Володихин // Вопросы истории. – 2000. – № 4–5. – С. 173–175.
68. Вонсович, Л. В. Христианская церковь в системе управления средневековой Германии (X–XI вв.) / Л. В. Вонсович // Проблемы истории христианства: Сборник научных статей. – Минск : БГУ, 2001. – С. 85–88.
69. Воронин, И. И. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. / И. И. Воронин, П. А. Раппопорт. – Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1979. – 413 с.
70. Воронин, И. И. Смоленский детинец и его памятники / И. И. Воронин, П. А. Раппопорт // Советская археология. – 1967. – № 3. – С. 294–299;

71. Воронин, И.И. Раскопки в Смоленске в 1966 г. / И. И. Воронин, П. А. Раппопорт // Советская археология. – 1969. – № 2. – С. 211–216.
72. Воронин, Н. Н. Андрей Боголюбский / Н. Н. Воронин. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 320 с.
73. Воронин, Н. Н. Андрей Боголюбский и Лука Хрисоверг (из истории русско-византийских отношений XII в.) / Н. Н. Воронин // Византийский временник. – 1962. – Т. 21. – С. 48–50.
74. Воронин, Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. / Н. Н. Воронин. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 584 с.
75. Высоцкий, С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.) / С. А. Высоцкий. – Киев : Наукова думка, 1976. – 454 с.
76. Высоцкий, С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. / С. А. Высоцкий; отв. ред. П. Н. Попов. – Киев : Наукова думка, 1966. – Вып. 1. – 239 с.
77. Высоцкий, С. А. Киевские граффити XI–XVII вв. / С. А. Высоцкий, отв. ред. П. П. Толочко. – Киев : Наукова думка, 1985. – 207 с.
78. Гаген, С. Я. Византийское правосознание IV–XV вв. / С. Я. Гаген – М. : Юрлитинформ, 2012. – 304 с.
79. Гайденко, П. И. «Антицерковные выступления» 1071 г.: языческие волнения или рост церковного сознания? / П. И. Гайденко // Труды государственного музея истории религии / отв. ред. Л. А. Мусиенко. – СПб. : ИПЦ СПГУТД, 2011. – Вып. 11 – С. 59–71.
80. Гайденко, П. И. «В се же лето преставися Иоан митрополит...»: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов Киевской Руси / П. И. Гайденко // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 46. – 2011. – 22 (237). – С. 82–87.
81. Гайденко, П. И. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? / П. И. Гайденко // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической

конференции. г. Екатеринбург, 18-20 апреля 2010 г. – Екатеринбург, 2010. – С. 85–89.

82. Гайденко, П. И. Внутрицерковные конфликты в домонгольской Руси: причины возникновения и способы преодоления / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2012. – Вып. 2 (4). – С. 40–59.

83. Гайденко, П. И. Ещё раз о суде Лукой Жидятой (1055-1059 гг.) / П. И. Гайденко // Каптеревские чтения. 7 / отв. ред. М. В. Бибииков. – М. : ИВИ РАН, 2009. – С. 53–63.

84. Гайденко, П. И. Ещё раз об «антицерковных выступлениях» 1071 года в Древней Руси / П. И. Гайденко // Вестник НГУ. Серия: История, философия, 2010. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 46–51.

85. Гайденко, П. И. Зарисовки повседневной жизни древнерусских архиереев: стол и достаток / П. И. Гайденко // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии, 2013. – № 1. – С. 84–106.

86. Гайденко, П. И. История Русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (Обзор письменных источников): учебное пособие для студентов специальности «История» / П. И. Гайденко, Т. Ю. Фомина. – М. : Университетская книга, 2009. – 258 с.

87. Гайденко, П. И. К вопросу о подлинности Устава князя Владимира «О десятинах, судах и людях церковных» / П. И. Гайденко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Серия №2: История, история русской православной церкви, 2008. – №1 (26). – С. 7–16.

88. Гайденко, П. И. К вопросу о церковной собственности и церковных доходах в Киевской Руси (постановка проблемы) / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Финно-угры – славяне – тюрки: Опыт взаимодействия (традиции и новации): Сборник материалов Всероссийской научной конференции / Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, УдГУ; сост. и ред. А. Е. Загребин, В. В. Пузанов. – Ижевск : Удмуртский университет, 2009. – С. 624–631.

89. Гайденко, П. И. К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси (окончание). (Царские монастыри домонгольской Руси) / П. И. Гайденко // Древняя Русь: о времени, в личностях, в идеях. – 2016. – Вып. 6. – С. 369–386.
90. Гайденко, П. И. Кирилл Туровский и его время: наблюдения и замечания / П. И. Гайденко // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2014. – Вып. 1 (7). – С. 93–114.
91. Гайденко, П. И. Критерии выбора кандидатов на епископство в домонгольской Руси: несколько штрихов к картине религиозной жизни древнерусского общества / П. И. Гайденко // Христианское чтение. – 2013. – № 1. – С. 207–225.
92. Гайденко, П. И. Митрополичьи поездки в Киевской Руси: цели, обстоятельства, значение / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Христианское просвещение и русская культура: Материалы XIV научно-богословской конференции (16–17 мая 2011 г.). – Йошкар-Ола : Йошкар-Олинская епархия, 2011. – С. 66–80.
93. Гайденко, П. И. Монастырские пиры, трапезы (несколько набросков к жизни древнерусского монашества XI–XIII вв.) / П. И. Гайденко // Христианское чтение. – 2016. – № 6. – С. 371–392.
94. Гайденко, П. И. Мотивы и обстоятельства ухода женщин в монастырь в Домонгольской Руси / П. И. Гайденко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10–1 (60). – С. 46–51.
95. Гайденко, П. И. Настоятельницы древнерусских монастырей: положение и полномочия / П. И. Гайденко // *Rossica Antiqua*. – 2015. – № 2 (12). – С. 47–75.
96. Гайденко, П. И. Несколько замечаний о власти настоятеля древнерусского монастыря (XI–XIII вв.) / П. И. Гайденко. // Христианское чтение. – 2017. – № 5. – С. 240–252.

97. Гайденко, П. И. Несколько замечаний о возможных целях и мотивах создания вопрошания преп. Кирика Новгородца / П. И. Гайденко // Новгородика-2015. От "Правды Русской" к российскому конституционализму. Материалы V международной научной конференции / Сост. Е.В. Торопова, С.А. Коварская, Я.А. Васильев, Д.Б. Терешкина, Б.Н. Ковалев, Н.С. Федорук. – 2016. – С. 353–361.
98. Гайденко, П. И. Несколько замечаний о каноническо-правовых институтах на Руси в XI–XIII вв. // Христианское чтение. – 2018. – № 2. – С. 79–91.
99. Гайденко, П. И. Несколько замечаний о состоянии христианской жизни на Руси накануне крещения / П. И. Гайденко // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 35, 2009. – 32 (170). – С. 88–94.
100. Гайденко, П. И. Несколько замечаний об институте ктиторов в Домонгольской Руси (На примере Печерского монастыря) / П. И. Гайденко // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2016. – № 4 (16). – С. 31–52.
101. Гайденко, П. И. Несколько слов об организации внутренней жизни древнерусского женского монастыря (Домонгольская Русь): постановка проблемы / П. И. Гайденко // Церковь. Богословие. История. Материалы IV Международной научно-богословской конференции, посвященной Собору новомучеников и исповедников Церкви Русской. – 2016. – С. 192–200.
102. Гайденко, П. И. О епископских монастырях и о правах архиереев в отношении монастырей Киевской Руси / П. И. Гайденко // *Rossica Antiqua*. – 2016. – № 1-2 (13). – С. 3–27.
103. Гайденко, П. И. О пределах епископской власти в домонгольской Руси (постановка проблемы) / П. И. Гайденко // Христианское просвещение и русская культура: Материалы XV научно-богословской конференции. – Йошкар-Ола : Йошкар-Олинская епархия, 2011. – С. 50–63.

104. Гайдено, П. И. О пределах канонической власти архиереев домонгольской Руси: богослужебный аспект / П. И. Гайдено // Вестник Тверского государственного университета. – 2013. – №6. – Серия: История. – Вып. 1. – С. 145–158.
105. Гайдено, П. И. Обзор письменных источников по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в домонгольской Руси / П. И. Гайдено, Т. Ю. Фомина. – Казань; Наб. Челны : Тоис, 2008. – Т. 1: Источники по истории русской церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (до 1154 г.). Ч. 1. Летописные и каноническо-правовые источники, назидательные послания духовенства. – 225 с.
106. Гайдено, П. И. Образование древнерусских епископов (конец X – первая треть XIII вв.) / П. И. Гайдено // Христианское чтение. – 2014. – № 4. – С. 6–32.
107. Гайдено, П. И. Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037–1093 гг.) / П. И. Гайдено. – Казань : Тоис, 2006. – 182 с.
108. Гайдено, П. И. Религиозная ситуация в Новгороде по материалам «Вопрошания» Кирика Новгородца / П. И. Гайдено // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Ч. 2 / Новг. гос. ун-т; ИФ РАН; отв. ред. В. В. Мильков. – Великий Новгород, 2012. – С. 139–157.
109. Гайдено, П. И. Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси: буллы, верительные документы, сан, титулы / П. И. Гайдено // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №18 (309). История. – Вып. 56. – С. 68–78.
110. Гайдено, П. И. Русская церковная иерархия в 988 году: византийская митрополия или пресвитерская миссия, руководимая князем? / П. И. Гайдено // Вестник Поморского университета: Серия «Гуманитарные и социальные науки», 2008. – №14. – С. 33–39.

111. Гайденко, П. И. Самосознание епископов XI – середины XIII века / П. И. Гайденко // Вестник Тверского государственного университета: Серия История. – 2013. – № 4. – С. 133-149.
112. Гайденко, П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI-XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. / П. И. Гайденко – М. : Университетская книга, 2014. – 212 с.
113. Гайденко, П. И. Смерть древнерусских архиереев (X – середина XII вв.): обстоятельства и закономерности / П. И. Гайденко // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2014. – № 1. – С. 21–34.
114. Гайденко, П. И. Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла / П. И. Гайденко // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15. – № 4. – С. 229–239.
115. Гайденко, П. И. Церковная титулатура в домонгольской Руси: историко-культурные параллели / П. И. Гайденко // Историческая память и диалог культур: Сборник материалов Международной молодежной научной школы. 5-6 сентября 2012 г. В 3 т. / под ред. О. Н. Коршуновой и др. – Казань : Изд-во КНИТУ, 2013. – Т. 2. – С. 36–46.
116. Гайденко, П. И. Церковные суды в Древней Руси (XI – середины XIII века): несколько наблюдений / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 45. – 2011. – 12 (227). – С. 106–116.
117. Гайденко, П. И. Церковные суды домонгольской Руси: декларируемые причины и возможные мотивы / П. И. Гайденко, В. Г. Филиппов // Современные проблемы изучения истории церкви: Международная конференция. Тезисы докладов / науч. ред. Г. М. Запальский. – М. : Ист. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – С. 177–180.
118. Гайденко, П. И. Церковный устав Ярослава как свидетельство религиозно-политической жизни Киевской Руси / П. И. Гайденко // Вестник

Челябинского государственного университета: История. Вып. 23. – 2008. – 5(106). – С. 80–87.

119. Галимов, Т. Р. Ещё раз к вопросу о христианской миссии сарайской епископии (XIII – начало XIV вв.) / Т. Р. Галимов. // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – СПб., 2015. – Вып. 4. – С.138-160.

120. Галимов, Т. Р. Киевские митрополиты между Русью и Ордой: (вторая половина XIII в.) / Т. Р. Галимов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 256 с.

121. Галимов, Т. Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII–первой трети XIII века / Т. Р. Галимов // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 52. – 2012. – 25 (279). – С. 104–114.

122. Георгиевский, Э. В. Религиозные основания уголовно-правовых запретов: от архаического политеизма к русскому православию / Э. В. Георгиевский. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 336 с.

123. Георгиевский, Э. В. Система и виды преступлений в уголовном праве Древней Руси / Э. В. Георгиевский. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 232 с.

124. Георгиевский, Э. В. Формирование и развитие общих положений древнерусского уголовного права / Э. В. Георгиевский. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 320 с.

125. Гергей, Е. История папства / пер. с венгер. О. В. Громова / Е. Гергей – М. : Республика, 1996. – 463 с.

126. Гидулянов, П. В. Митрополиты в первые три века христианства / П. В. Гидулянов // Ученые записки имп. Московского университета Юридического факультета. – М., 1905. – Вып. 25. – 377 с.

127. Гиппиус, А. А. К вопросу о времени учреждения Новгородской архиепископии // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9-13 сентября 2019 г. г. Москва). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики» – М. : Индрик, 2019. – С. 57–58.

128. Гиппиус, А. А. К истории текста церковного Устава Всеволода / А. А. Гиппиус // Новгород и Новгородская земля: История и археология. – Великий Новгород, 2003. – Вып. 17. – С. 163–173.
129. Гиппиус, А. А. О происхождении новгородских кратиров и иконы «Богоматерь Знамение» / А. А. Гиппиус // Новгородский исторический сборник. – СПб., 2003. – Вып. 9 (19). – С. 77–93.
130. Глухов, В. А. Нормативно-правовая регламентация уголовных наказаний в Древней Руси. – Псков : ПЮИ, 2005. – 120 с.
131. Голубинский, Е. Е. Святые Кирилл и Мефодий, первоучители славянские. / Е. Е. Голубинский. – М. : Тип. Волчанинова, 1885. – 69 с.
132. Голубинский, Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви / Е. Е. Голубинский. – [Репр.Изд.] – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1998. – 597 с.
133. Голубинский, Е. Е. История русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. – 968 с.
134. Голубинский, Е. Е. История русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 2002. – Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский. Вторая половина тома. – 926, XVII с.
135. Голубовский, В. П. История Смоленской земли до начала XV столетия / В. П. Голубовский. – Киев : Тип. Императорского Университета св. Владимира, 1895. – 341 с.
136. Голубцов, А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. / А. П. Голубцов. – Сергиев Посад, 1918. – Ч. 1. Археология. – 464 с.
137. Голубцов, А. П. Сборник статей по литургике и церковной археологии / А. П. Голубцова // Богословский вестник. – 1903–1911. – Сергиев Посад : тип. Св.-Тр. Сергиевой Лавры, 1912. – 144 с.
138. Голубцов, А. П. Соборные чиновники и особенности службы по ним / А. П. Голубцова. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос.при Моск. ун-те, 1907. – 262 с.

139. Гончаров, И. Н. Проповеди Григория Богослова и Кирилла Туровского как словесный ритуал / И. Н. Гончаров // Сибирский филологический журнал. – 2007. – № 1. – С. 4–8.
140. Гордиенко, Э. А. Церковь Иоакима и Анны / Э. А. Гордиенко // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 487.
141. Горский, А. А. Средневековая Русь. О чем говорят источники. / А. А. Горский. – М.: Ломоносов, 2016. – 216 с.
142. Греков, Б. Д. Киевская Русь / Б. Д. Греков. – М. : АСТ, 2004. – 672 с.
143. Греков, Б. Д. Культура Древней Руси / Б. Д. Греков. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1944. – 92 с.
144. Греков, Б. Д. Новгородский Дом святой Софии (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины) // Б. Д. Греков. – СПб. : тип. Александрова, 1914. – Ч. 1. – 129 с.
145. Григорьев, А. П. Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов / А. П. Григорьев. СПб. : СПбГУ, 2004. – 276 с.
146. Грунина, Л. П. Разночтения в памятниках древнерусской письменности в аспекте анализа категории «образ автора» (на материале списков слов Кирилла Туровского) / Л. П. Грунина, О. А. Трапезникова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 3. – С. 11–22.
147. Грушевский, А. С. Очерк истории Турово-Пинского княжества XI-XIII вв. / А. С. Грушевский. – Киев : Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1901 – 482 с.
148. Грушевский, М. С. Очерки истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия / М. С. Грушевский. – Киев : Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1891. – 520 с.
149. Грушевський, М. С. Історія України-Руси / М. С. Грушевський. – Львів, 1905. – Т. 2. – 634 с.

150. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1972. – 318 с.
151. Д[урново], Н. Девятисотлетие русской иерархии 988-1888. Епархии и архиереи / Н. Д[урново]. – М.: Тип. Э.Лиснера и Ю.Романа, 1888. – 378 с.
152. Давыдова, С. А. Византийский Синаксарь и его судьба на Руси / С. А. Давыдова // Труды отдела Древнерусской литературы. – Т. 60. – С. 58–79.
153. Данилевич, В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В. Е. Данилевич. – Киев : Тип. Имп. ун-та св. Владимира В.И. Звадского. 1896. – 289 с.
154. Данилевский, И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 399 с.
155. Данилевский, И. Н. Памятники древнерусского канонического права / И. Н. Данилевский // Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. Учебное пособие. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2004. – 702 с.
156. Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов / И. Н. Данилевский. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 384 с.
157. Данилевский, И. Н. Холопское счастье Даниила Заточника. / И. Н. Данилевский // Казус 2002: Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 2002. – С. 94–107.
158. Даркевич, В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) / В. П. Даркевич. – М. : Наука, 1966. – 112 с.
159. Дашкевич, Н. Переговоры пап с Даниилом Галицком об унии Юго-Западной Руси с католичеством / Н. Дашкевич // Известия Киевского имп. ун-та. – 1884. – № 7. – С. 136–181.

160. Дворниченко, А. Ю. Русское православие: от крещения до патриаршества / А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев, Р. А. Соколов, В. В. Шапошник. – СПб. : Академия исследований культуры, 2012. – 411 с.
161. Дворниченко, А. Ю. Древнерусское общество и церковь / А. Ю. Дворниченко. – Л. : Знание, 1988. – 32 с.
162. Де Фрис, Вильгельм. Православие и католичество: Противоположность или взаимодополнение? / Вильгельм де Фрис. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1992. – 158 с.
163. Де-Витте, Е. И. Св. первоучители славянские Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России / Е. И. де Витте. – СПб. : Тип. И. В. Леонтьева, 1908. – 97 с.
164. Дедук, А. В. Погосты Рязанского ольгова монастыря XIII–XIV в. / А. В. Дедук // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 1. – С. 26–36.
165. Демченко, Т. И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни / Т. И. Демченко. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 344 с.
166. Державина, Е. И. Житие Авраамия Ростовского / Е. И. Державина, А. Б. Дубовицкий // Русская речь. – 2014. – № 2. – С. 79–84.
167. Джаксон, Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. / Т. Н. Джаксон. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 188 с.
168. Дикстра, Т. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона как три изначально самостоятельных произведения / Т. Дикстра // *Rossicaantique: исследования и материалы* / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, А. В. Майоров. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – С. 124–144.
169. Димник, М. Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239-1245 гг. / М. Димник. // Русин. – 2014. – № 1 (35). – С. 17–35.

170. Динеков, П. Н. О распространении древнеболгарской литературы на Руси / П. Н. Динеков // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции / отв. ред. В. Г. Базанов. – М. : Наука, 1976. – С. 24–31.
171. Дмитриев, Л. А. Житие Иоанна Новгородского / Л. А. Дмитриев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л., 1989. – Вып. 2. Ч. 2. – С. 514–517.
172. Дмитриевский, А. А. Богослужение в русской церкви в XVI в. / А. А. Дмитриевский. – Казань тип. Имп. ун-та, 1884. – Часть I: Службы круга седмичного и годовичного и чинопоследования таинств. – 613 с.
173. Дмитриевский, А. А. Древнеиудейская синагога и ее богослужебные формы в отношении к древнехристианскому храму и его богослужебным формам / А. А. Дмитриевский // Православный собеседник. – 1897. – № 4. – С. 333–370; № 5. – С. 8–23.
174. Дмитриевский, А. А. Книга Требник и ее значение в жизни православного христианина / А. А. Дмитриевский. – Киев, 1902. – 44 с.
175. Дмитриевский, И. Ф. О начале Владимира, что на Клязьме, о принесении в оной из Киева Российской столицы и о бывших в оном великих князьях / И. Ф. Дмитриевский. – Спб. : Б. и., 1802. – 340 с.
176. Добровский, И. Кирилл и Мефодий, словенские первоучители / И. Добровского. Перевод с немецкого М.П. Погодина. – М. : Тип. С. Селивановскаго, 1825. – 150 с.
177. Доброклонский, А. П. Руководство по истории Русской Церкви / А. П. Доброклонский. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 2001. – 936 с.
178. Добронравов, В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии / В. Г. Добронравов, В. М. Березин. – Владимир: Типо-Литография В. Паркова, 1895. – Вып. 1: Владимир и Владимирский уезд. – 286 с.

179. Доброхотов, В. Древний Боголюбов – город и монастырь с его окрестностями / В. Доброхотов. – М. : Университетская типография, 1852. – 170 с.
180. Доброхотов, В. Памятники древности во Владимире Кляземском / В. Доброхотов. – М.: Университетская тип., 1849. – [4], 200 с.
181. Долгов В. В. Быт и нравы Древней Руси: миры повседневности XI–XIII вв. / В. В. Долгов, науч. ред. Н. Л. Пушкарёва. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.
182. Долгов, В. В. Византийская иерархия государств и идея империи в политической идеологии Древней Руси XI–XIII вв. / В. В. Долгов // Государство и общество: История, экономика, политика, право. – 2002. – №1. – С. 209–214.
183. Долгов, В. В. Становление княжеской атрибутики в культуре Древней Руси X–XIV вв. (проблема «княжеских венцов») / В. В. Долгов // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X–XVIII столетия): Международная конференция, посвящённая 100-летию со дня рождения академика Л. В. Черепнина: Тезисы докладов и сообщений / отв. ред. В. Д. Назаров. – М. : ИВИ РАН, 2005. – С. 108–110.
184. Древняя Русь: Город, замок, село / гл. ред. Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1985. – 432 с.
185. Дулуман Е. К. Введение христианства на Руси: легенды, события факты / Е. К. Дулуман, А. С. Глушак. – Симферополь : Таврия, 1988. – 184 с.
186. Дювернуа, Н. Л. Источники права и суд в Древней России: опыты по истории русского гражданского права / Н. Л. Дювернуа. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 394 с.
187. Евсеев, И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии / И. Е. Евсеев // Христианское чтение. – Пг. : тип. М. Меркушева, 1916. – 166 с.
188. Емелях, Л. И. Советская историческая наука о крещении Руси: В помощь лектору / Л. И. Емелях, Я. Я. Кожурин. – Л. : Знание, 1986. – 32 с.

189. Ермолаев, И. П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему / И. П. Ермолаев. – Казань: Издательство Казанского университета, 2004. – 392 с.
190. Ефимов, А. Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви / А. Б. Ефимов. – М. : ПСТГУ, 2007. – 688 с.
191. Жуковская, Л. П. Апракос Мстислава Великого / Л. П. Жуковская // Мстиславово евангелие XII в.: Исследования. – М. : Скрипторий, 1997. – С. 670–709.
192. Журавский, А. В. Авраамий (Аврамий) Болгарский / А. В. Журавский, А.А. Романова // Православная энциклопедия. – М., 2000. – Т. 1. – С. 172–173.
193. Заграевский, С. В. Новые исследования памятников архитектуры Владимиро-Суздальского музея-заповедника / С. В. Заграевский. – М.: АЛЕВ-В, 2008. – 192 с.
194. Задворный, В. Л. История христианства в России. Краткий конспект лекций / В. Л. Задворный. – М. : Колледж католической теологии им. св. Фомы Аквинского, 1993. – 36 с.
195. Задворный, В. Л. История Католической Церкви в России. Краткий очерк / В. Л. Задворный, А. Юдин. – М. : Колледж католической теологии имени св. Фомы, 1995. – 32 с.
196. Зайцев, А. К. Черниговское княжество X–XIII вв. / А. К. Зайцев. – М. : Квадрига, 2009. – 226 с.
197. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 720 с.
198. Зализняк, А. А. Новгородская псалтирь начала XI в. – древнейшая книга Руси (Новгород, 2000) / А. А. Зализняк, В. Л. Янин // Вестник РГНФ. – 2001. – №1. – С. 153–164.
199. Заозерский, Н. А. Историческое обозрение источников права православной церкви. Вып. 1-й. (Канонические источники) / Н. А. Заозерский. – М. : Тип. М. Г. Волчанинова, 1891. – 237 с.

200. Заозерский, Н. А. Номоканон Иоанна Постника в его редакциях: грузинской, греческой и славянской / Н. А. Заозерский, А. С. Хаханов. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. – 96 с.
201. Заозерский, Н. А. О церковной власти: (Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства церкви по учению православно-канонического права) / Н. А. Заозерского. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1894. – 458 с.
202. Заозерский, Н. А. Церковный суд в первые века христианства: Ист.-канон. исслед. / Н. А. Заозерский. – Кострома : Тип. Андроникова, 1878. – 349 с.
203. Зверинский, В. В. Материалы для историко-топографических исследований о православных монастырях в Российской империи / В. В. Зверинский. – СПб. : тип. В. Безобразова и К°, 1890–1897. – 1041 с.
204. Здравомыслов, К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени: Краткие биографические очерки / сост. К. Я. Здравомыслов. – Новгород : Паровая тип. И. И. Игнатовского, 1897. – 255 с.
205. Знаменский, П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года / П. В. Знаменский. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1881. – 817 с.
206. Знаменский, П. В. История Русской Церкви / П. В. Знаменский. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 2000. – 462 с.
207. Знаменский, П. В. Руководство к русской церковной истории / П. В. Знаменский. – Минск: Изд. Белорусского Экзархата, 2006. – 575 с.
208. Иванов, М. С. К проблеме богословского наследия Древней Руси (XI – начало XIII в.) / М. С. Иванов // Богословские труды: сборник. – М. : Московская патриархия, 1989. – Т. 29. – С. 20–26.
209. Иванов, П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времён до конца XIV века. / П. А. Иванов // Историческія судьбы Волынской земли съ дрѣвнѣйшихъ времѣнь до конца XIV вѣка. – Одесса: Экономическая тип., 1895. – 324 с.

210. Иванов, С. А. Византийская религиозная миссия VIII–XI вв. с точки зрения византийцев / С. А. Иванов // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 9–34.
211. Иванов, С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? / С. А. Иванов. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 376 с.
212. Иванов, С. А. Когда в Киеве появился первый христианский храм? / С. А. Иванов // Славянский мир между Римом и Константинополем: Славяне и их соседи. Вып. 11 / отв. ред. Б. Н. Флоря. – М. : Индрик, 2004. – С. 9–18.
213. Иванов, С. А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов / С. А. Иванов // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Выпуск 10. – М. : Наука, 2001. – С. 16–39.
214. Иванцов-Платонов, А. М. О западных вероисповеданиях / Соч. бывш. проф. Моск. ун-та, прот. А. М. Иванцова-Платонова. – М. : Изд. книгопрод. А. Д. Ступина, 1906. – 166 с.
215. Иванцов-Платонов, А. М. О римском католицизме и его отношениях к православию. Очерк истории, вероучения, богослужения, внутреннего устройства римско-католической церкви и ее отношений к православному Востоку. Ч. 1. / священника А. М. Иванцова-Платонова. – М. : Печатня С. П. Яковлева, 1869. – 288 с.
216. Игошев, В.В. Богша Лазарь / В. В. Игошев. // Православная энциклопедия. – М., 2002. – Т. 5. – С. 559.
217. Имшенник, П. Высшая церковная иерархия в Древней Руси / П. Имшенник // Журнал Московской патриархии. – 1948. – №10. – С. 59–73.
218. Иоанн, (Экономцев), иг. Православие. Византия. Россия: Сборник статей / игумен Иоанн (Экономцев). – М. : Христианская литература, 1992. – 233 с.

219. Иоанн, епископ Смоленский [Соколов]. О монашестве епископов / Иоанна, епископа Смоленского. – Почаев : Тип. Почаево-Успенской лавры, 1904. – 157 с.
220. Иоаннисян, О. М. Основные этапы развития галицкого зодчества / О. М. Иоаннисян. // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой половины XIII в. – М., 1988. – С. 41–58.
221. История Иерархии Русской Православной Церкви. Комментированные списки Иерархов по Епископским кафедрам с 862 года / под ред. П.Н. Грюнберг. – М. : ПСТГУ, 2006. – 926 с.
222. Истрин, В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI–XIII вв.) / В. М. Истрин. – Пг. : Наука и школа, 1922. – X, 248 с.
223. Истрин, В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорус. переводе / В. М. Истрин. – Пг. : Отд. рус. яз. и словесности Рос. акад. наук, 1920. – Т. 1. – 612 с.
224. Кабанец, Е. П. К вопросу о роли Тмутараканской епархии в церковной истории Древней Руси конца XI вв. / Е. П. Кабанец // Сугдейский сборник / отв. ред. С. Д. Крыжицкий. – Киев; Судак : Академперіодика, 2005. – Вып. 2. – С. 105–130.
225. Кабанец, Е. П. Восточные славяне и византийские христианские миссии в Таврике и Северном Причерноморье на рубеже IX–X в. / Е. П. Кабанец // Сугдейский сборник / гл. ред. Н. М. Куковальский, рец. С. Б. Сорочан и В. М. Рычка. – Киев; Судак : Академперіодика, 2003. – С. 83–100.
226. Казанцев, Д. А. Статус государя на Руси и в Византии: общее и особенное в практике и доктрине (конец IX – начало XVI в.) / Д. А. Казанцев. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 200 с.
227. Калачов, Н. О значении Кормчей в системе древнего русского права / Н. Калачов – М. : Университетская тип., 1850. – 213 с.

228. Камчатнов, А. М. История и герменевтика славянской Библии / А. М. Камчатнов. – М. : Наука, 1998. – 223 с.
229. Каптерев, Н. Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси / Н. Ф. Каптерев. – М. : Тип. «Современные Известия» 1874. – 237 с.
230. Карамзин, Н. М. История государства Российского. / Н. М. Карамзин. – СПб. : Тип. Н. Греча, 1818. – Т. 3. – 228 с.
231. Карашевич, П.И. Очерк истории православной церкви на Волыни. / П.И. Карашевич. – СПб. : тип. Королев и К°, 1855. – 156 с.
232. Каргер, М. К. Зодчество древнего Смоленска / М. К. Каргер. – Л. : Изд-во Лен. ун-та, 1964. – 140 с.
233. Каргер, М. К. Новгород Великий / М. К. Каргер. – М. : Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1946. – 183 с.
234. Каргер, М. К. Раскопки в Переяславле-Хмельницком в 1952–1953 гг. / М. К. Каргер // Советская археология. – 1954. – №20. – С. 5–30.
235. Каргер, М. К. Древний Киев / М. К. Каргер // По следам древних культур: Древняя Русь / науч. ред и сост. Фёдоров Г. Б. – М. : Гос. изд-во. культурно-просветительной литературы, 1953. – С. 35–74.
236. Карпов, А. В. Социокультурные факторы христианизации древнерусского общества в IX–X вв. / А. В. Карпов // Человек верующий в культуре Древней Руси: Материалы международной научной конференции 5–6 декабря 2005 / отв. ред. Т. В. Чумакова. – СПб. : Лемма, 2005. – С. 155–160.
237. Карпов, А. В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках / А. В. Карпов. – СПб. : Алетейя, 2008. – 184 с.
238. Карпов, А. Ю. Ефрем еп. Суздальский (Ростовский) / А. Ю. Карпов // Православная энциклопедия. – М., 2000. – Т. 19. – С. 56–57.
239. Карпов, А. Ю. Княгиня Ольга / А. Ю. Карпов. – М. : Молодая гвардия, 2012. – 376 с.
240. Карпов, А. Ю. Ярослав Мудрый / А. Ю. Карпов. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 581 с.

241. Карташев, А. В. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории / А. В. Карташев // Христианское чтение. – 1903. – июль. – С. 77–93.
242. Карташев, А. В. Очерки по истории Русской церкви: В 2-х т. / А. В. Карташев – М. : Изд. Центр Терра. – Т. 1. – 1993. – 685 с.
243. Кауров А., диакон Определение понятия «монах» в сочинениях свт. Кирилла Туровского / диакон А. Кауров // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2016. – № 3 (94). – С. 10–13.
244. Кауров А., диакон Феномен свободы в сочинениях для монашествующих свт. Кирилла Туровского / диакон А. Кауров // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 1 (84). – С. 10–13.
245. Каштанов, С. М. Жалованные грамоты на Руси XII–XIV вв. // Средневековая Русь / С. М. Каштанов, Отв. ред. А. А. Горский. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – Ч. 2. – С. 21–45.
246. Каштанов, С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. / С. М. Каштанов. – М. : Наука, 1996. – 264 с.
247. Каштанов, С. М. Об авторстве подложной жалованной грамоты Андрея Боголюбского Киево-Печерскому монастырю / С. М. Каштанов // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва. 14-17 апреля 2009 г. – М., 2009. – С. 125–136.
248. Киприанович, Г. А. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве / Г. А. Киприанович. – Минск: Изд-во Белорусского экзархата, 2006. – 351 с.
249. Кирпичников, А. Н. Полоцк по письменным и археологическим источникам: вариант нового осмысления / А. Н. Кирпичников // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – СПб., 2016. – Вып. 6. – С. 224–233.

250. Клеванов, А. С. История Юго-Западной Руси от её начала до половины XIV века / А. С. Клеванов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 226 с.
251. Климанов, Л. Г. Византийские отражения в сфрагистике / Л. Г. Климанов. – СПб. : Алетейя, 1999. – 249 с.
252. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – М. : Наука 1989. – 395 с.
253. Ключевский, В. О. Сочинения. в 9 т. / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1. – 430 с.
254. Кобец, О. История Белгородской епархии / О. Кобец, А. Н. Крупенков, Н. Ф. Крупенков. – Белгород: Изд. Белгородской и Старооскольской епархии, 2006. – 245 с.
255. Коковцов, П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. / П. К. Коковцов. – Л. : Издательство АН СССР, 1932. – 134 с.
256. Колесов, Н. Б. Княжеские уставы X–XII вв. как правовая основа материального обеспечения собственности русской православной церкви / Н. Б. Колесов // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 4 (5). – С. 146–148.
257. Колесов, В. В. Творения бл. Кирилла Туровского: Притчи, слова, молитвы: Исследования и тексты / В. В. Колесов. – М. : Палея, 2009. – 208 с.
258. Колчин, Б. А. Усадьба новгородского художника XII в.: [Усадьба Олисея Гречина] / Б. А. Колчин, А. С. Хорошев, В. Л. Янин. – М. : Наука, 1981. – 168 с.
259. Комеч, А. И. Каменная летопись Пскова XII–нач. XVI в. / А. И. Комеч; Рос. АН, Рос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ. – М. : Наука, 1993. – 254 с.
260. Комеч, А. И. Русские монастыри: История и культура X–XVII столетия / А. И. Комеч. – М. : АРТ-БМБ, 2001. – 240 с.
261. Конецкий, В. Я. О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода / В. Я. Конецкий, К. Г. Самойлов // Новгородский исторический сборник. Вып. 7. (17). – СПб., 1999. – С. 3–17.

262. Коновалова, И. Г. Тмутаракань в XII-XIV вв. (по данным арабских источников) / И. Г. Коновалова // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. – М., 1995. – С. 61–71.
263. Корецкий, В.И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю / В. И. Корецкий // Исторический архив. – 1955. – № 5. – С. 204–207.
264. Корогодина, М. В. Кормчая книга в Галиции: XVI – начало XVII века / М. В. Корогодина. – СПб. : БАН, 2015. – 191 с.
265. Корогодина, М. В. Спорные вопросы в изучении Лукашевичской редакции Кормчей книги / М. В. Корогодина // Религии мира. История и современность. – 2012. – Т. 20. – С. 125–132.
266. Корогодина, М. В. Чин избрания и поставления епископов и канонические книги. / М. В. Корогодина // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 2 (44). – С. 113–117.
267. Корсаков, Д. А. Меря и Ростовское княжество. Очерки истории ростово-суздальской земли / Д. А. Корсаков. – Казань : Университетская типография, 1872. – 266 с.
268. Костромин К, прот. К вопросу о появлении Туровской епископии / К. Костромин // Материалы Кирилло-Мефодиевских чтений – 2018. – Минск (в печати)
269. Костромин, К. А. Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века / К. А. Костромин // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2015. – Т. 3. № 3. – С. 48–75.
270. Костромин, К. А. Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства / К. А. Костромин. – СПб. : СПбДА, 2016. – 168 с.
271. Костромин, К. А. Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской» / К. А. Костромин // Христианское чтение. – 2011. – №1 (36). – С. 6–97.

272. Костромин, К. А. Развитие антилатинской полемики в Киевской Руси (XI – середина XII вв.). Страницы истории межцерковных отношений / К. А. Костромин. – Saarbrücken, 2013. – 149 с.
273. Костромин, К. А. Разделение церквей в контексте взаимоотношений Киевской Руси с Западной Европой во второй половине XI в. / К. А. Костромин // Вестник СПбГУ. Сер. 2. – 2010. – Вып. 3. – С. 85–89.
274. Котляр, Н. Ф. К вопросу о зарождении феодальных отношений в восточнославянском обществе / Н. Ф. Котляр // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2014. – № 1(55). – С. 14–24.
275. Котляр, Н. Ф. Территориальное развитие Чернигово-Северской земли в домонгольское время. Создание и развитие Черниговского княжества / Н. Ф. Котляр // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2013. – № 2 (52). – С. 5–16.
276. Котышев, Д. М. Переяславль Русский в южнорусском летописании XI века / Д. М. Котышев // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2013. – № 5–3. – С. 73–76.
277. Котышев, Д. М. Переяславский кризис 1130-х годов и политическое развитие Южной Руси / Д. М. Котышев // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2016. – Т. 26. № 4. – С. 31–41.
278. Красносельцев, Н. Ф. К истории православного богослужения: По поводу некоторых церковных служб и обрядов, ныне неупотребляющихся: Материалы и исследования по рукописям Соловецкой библиотеки / Н. Ф. Красносельцев. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1889. – 246 с. – Отд. отт. из «Православного собеседника» за 1887–1889 г.
279. Красносельцев, Н. Ф. О древних литургических толкованиях / Н. Ф. Красносельцева. – Одесса : Тип. Окруж. штаба Одес. воен. округа, 1894. – 82 с.
280. Кривонос, Ф. Беларусь / Ф. Кривонос, В. А. Теплова, И. В. Чаквин, И. В. Оржеховский и др. // Православная энциклопедия. – М., 2002. – Т. 4. – С. 457–503.

281. Крипьякевич, И. П. Галицько-Волинське князівство / И. П. Крипьякевич. – Київ : Наукова думка, 1984. – 174 с.
282. Крысов, А. Г. Интердикт / А. Г. Крысов, В. В. Тюшагин // Православная энциклопедия. – М., 2010. – Т. 23. – С. 112–115.
283. Кузнецов, А. А. Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо и иерархи Православной церкви на Руси / А. А. Кузнецов // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия». 21-22, 25-26 июня 2018 г. – СПб., 2018. – № 2(10). – С. 55-60.
284. Кузнецова, А. М. Миссии латинской церкви: опыт христианского Запада и центральная и юго-восточная Европа на рубеже второго тысячелетия / А. М. Кузнецова // Христианство в странах Восточной, юго-восточной и центральной Европы на пороге второго тысячелетия / отв. ред. Б. Н. Флоря. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 43–53.
285. Кузьмин, А. В. Грамоты, связанные с деятельностью Полоцких епископов и архиепископов в XIV – середине XV в. Как источник по истории полоцкой епархии / А. В. Кузьмин // Вестник церковной истории. – 2012. – № 1-2. – С. 229–254.
286. Кузьмин, А. Г. Крещение Руси / А. Г. Кузьмин. – М. : Эксмо, 2004. – 416 с.
287. Кузьмин, А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания / А. Г. Кузьмин. – М. : Изд. МГУ, 1977. – 408 с.
288. Кузьмин, А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси / А. Г. Кузьмин. – Рязань : Б. и., 1969. – 240 с.
289. Кунцлер, М. Литургия Церкви: в 3-х кн. / М. Кунцлер, Пер. с нем. Е. Верещагин. – М. : Христианская Россия, 2001. – Кн. 2 – 304 с. (Amateka. Manualidi Teologiacattolica).
290. Купорова, Г. Ш. Епископская власть домонгольской Руси: экономический аспект / Г. Ш. Купорова, Т. Ю. Фомина // Исторические,

философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10. Ч. I. – С. 115–121.

291. Купорова, Г. Ш. Епископская улица новгородского кремля / Г. Ш. Купорова, Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №9. Ч. II. – С. 91–95.

292. Купранис, А. А. Печать Иоанна, митрополита России / А. А. Купранис // Новгород и Новгородская земля: история и археология. – Новгород, 1994. – С. 207–211.

293. Курбатов, В. А. Тайна рождения славян / В. А. Курбатов. – М.: Алгоритм, 2015. – 464 с.

294. Курбатов, Г. Л. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь / Г. Л. Курбатов, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов, отв. ред. А. Я. Дегтярев. – Л. : Лениздат, 1988. – 334 с.

295. Лавровский, Н. А. Кирилл и Мефодий, как православные проповедники у западных славян, в связи с современною им историею церковных несогласий между Востоком и Западом / Н. А. Лавровский. – Харьков : Университетская тип., 1863. – 588 с.

296. Лавровский, Н. А. О древне-русских училищах. / Н. А. Лавровский. – Харьков : Университетская тип., 1854. – 187 с.

297. Ламанский, В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозноэпическое произведение и как исторический источник: Критические заметки / В. И. Ламанский. – Пг. : Б. и., 1915. – 262 с.

298. Лебедев, Л. О месте и времени Крещения князя Владимира и киевлян / Л. Лебедев // Богословские труды. – 1987. – Т. 28. – С. 91–101.

299. Лебедев, Н. А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и учёных обществ, послуживших к образованию русского народа с 1035 по 1855 год / Н. А. Лебедев. – М. : Типография А. Циммермана, 1875. – 230 с.

300. Лебедев, А. П. Взаимоотношение епископа и диакона в глубокой древности / А. П. Лебедев. – М. : Типо-лит. И. Ефимова, 1903. – 23 с.
301. Лебедев, А. П. Епископия и церковный приход в древности / А. П. Лебедев // Московские церковные ведомости. – 1904. – №19. – 16 с.
302. Лебедев, А. С. Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности: (По архивным документам): С портретами и автографами / А. С. Лебедев. – Харьков : Типо-лит. «Печатное дело» кн. К. Н. Гагарина, 1902. – 288 с.
303. Левицкий, Т. Важнейшие арабские источники о славянских странах и народах, относящиеся к раннему средневековью / Т. Левицкий // Сообщения польских ориенталистов. – М., 1961. – Вып. 2. – С. 45–60.
304. Леонтьев, А. Е. Археологические данные к истории Ростова в X–XII вв. (по материалам раскопок 2013 года) / А. Е. Леонтьев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани – Казань, 2014. – С. 286–290.
305. Лики святых. Пророки. Апостолы. Мученики. Святители. Преподобные. Бессербренники. Блаженные. Праведные. – М. : Благо, 1999. – 32 с.
306. Лимонов, Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории / Ю. А. Лимонов. – Л. : Наука, 1987. – 216 с.
307. Линёва, Е. А. Вопросы развития и типологии Белгорода Киевского / Е. А. Линёва // Древнерусский город. – Киев, 1984. – С. 72–73.
308. Лисицын, М. А. Первоначальный славянорусский типикон / М. А. Лисицын. – СПб. : Тип. В.Д. Смирнова, 1911. – 403 с.
309. Лисицын, М. А. Первоначальный славяно-русский типикон: Ист.-археол. исслед.: С прил. 45 фототип. снимков / М. А. Лисицын. – СПб. : тип. В. Д. Смирнова, 1911. – 387 с.
310. Литаврин, Г. Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. / Г. Г. Литаврин. – М., 1960. – 476 с.

311. Литаврин, Г. Г. Введение христианства в Болгарии (IX – начало X в.) / Г. Г. Литаврин // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / Г. Г. Литаврин, О. В. Иванова, Е. П. Наумов, А. И. Рогов, В. К. Ронин, Б. Н. Флоря, В. П. Шушарин. – М. : Наука, 1988. – С. 30–67.
312. Литаврин, Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.) / Г. Г. Литаврин. – СПб. : Алетейя, 2000. – 398 с.
313. Литаврин, Г. Г. Византия и славяне (сборник статей) / Г. Г. Литаврин. – СПб. : Алетейя, 2001. – 608 с.
314. Литаврин, Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги / Г. Г. Литаврин // Древнейшие государства на территории СССР. – М., 1986. – С. 54–55.
315. Литаврин, Г. Г. Как жили византийцы / Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1974. – 256 с.
316. Литаврин, Г. Г. Некоторые проблемы русско-византийских отношений в IX–XV вв. / Г. Г. Литаврин, В. Л. Янин // История СССР. – 1970. – №4. – С. 32–53.
317. Литаврин, Г. Г. Принятие христианства народами центральной и Юго-восточной Европы и крещение Руси / Г. Г. Литаврин, О. В. Иванова, Е. П. Наумов, А. И. Рогов, В. К. Ронин, Б. Н. Флоря, В. П. Шушарин, отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : Наука, 1988. – 268 с.
318. Литаврин, Г. Г. Христианство в Болгарии в 927-1018 гг. / Г. Г. Литаврин // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б.Н.Флоря. – М., 2002. – С. 174–176.
319. Литвина, А. Ф. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Индрик, 2006. – 740 с.

320. Литвина, А. Ф. Жанр автобиографической преамбулы: «Поучение» Владимира Мономаха как духовная грамота / А. Ф. Литвина // Славяноведение. – 2004. – №4. – С. 3–27.
321. Литвина, А. Ф. Траектория традиций: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века / А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 208 с.
322. Лифшиц, Л. И. Монументальная живопись Великого Новгорода: конец XI – первая четверть XII века / Л. И. Лифшиц, В. Д. Сарабьянов, Т. Ю. Царевская. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – 887 с.
323. Лихачев, Д. С. Новгород Великий. Очерк истории Культуры Новгорода XI–XVII вв. / Д. С. Лихачев – Л. : ОГИЗ; Госполитиздат, 1945. – 105 с.
324. Лихачев, Д. С. Повести о Николае Заразском / Д. С. Лихачев // Труды отдела Древнерусской литературы. – Л., 1949. – Т. 7. – С. 57–72.
325. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв.: Эпохи и стили / Д. С. Лихачев. – Л. : Наука, 1973. – 254 с.
326. Логачёва, Н. В. Некоторые особенности церковного управления в княжествах Юго-Восточной Руси в XI–XII вв. / Н. В. Логачева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2014. – № 4. – С. 36–45.
327. Логачёва, Н. В. Особенности княжеской власти в Черниговской земле / Н. В. Логачева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2014. – № 2. – С. 78–86.
328. Лозовский, А. Крещение княгини Ольги и ее деятельность по распространению христианства на Руси / А. Лозовский // Православие в Карелии. Материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. – Петрозаводск, 2016. – С. 386–401.
329. Ломоносов, М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. / М. В. Ломоносов. – СПб. : Императ. АН, 1766. – 145 с.

330. Лохвицкий, А. В. Очерк церковной администрации в древней России / А. В. Лохвицкий. – М. : Б. и., 1857. – 44 с.
331. Лысенко, П. Ф. Города Туровской земли / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1974. – 199 с.
332. Лысенко, П. Ф. Туровская земля (итоги и перспективы изучения) / П. Ф. Лысенко // Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. – К.: ІА НАН України, 2010. – Вип. 1. – С. 278–285.
333. Лысенко, П. Ф. К вопросу об учреждении туровской епархии / П. Ф. Лысенко // Восточная Европа в Средневековье: К 80-летию В. В. Седова / Ин-т археологии. – М. : Наука, 2004. – 352 с.
334. Лысенко, П. Ф. Киев и Туровская земля / П. Ф. Лысенко // Киев и западные земли Руси в XI–XIII вв.: [Сб. статей] / Ин-т истории АН БССР, Ин-т истории АН УССР; [Ред. кол.: Л. Д. Поболь и др.]. – Минск, 1982. – С. 81–108.
335. Любащенко, В. Церковні рукописи Галицько-Волинської Русі XII–XIV сто літь: спроба узагальнення (закінчення) / В. Любащенко // Княжа доба: історія і культура. – 2011. – № 5. – С. 73–116.
336. Ляскоронский, В. История Переяславской земли с древнейших времён до половины XIII столетия / В. Ляскоронский. – Киев, 1897. – 490 с.
337. Мавродин, В. В. Древняя Русь / В. В. Мавродин. – М: ОГИЗ Госполитиздат, 1946. – 312 с.
338. Мавродин, В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времён до второй половины XIV века) / В. В. Мавродин. – СПб. : Наука, 2002. – 420 с.
339. Майоров, А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община / А. В. Майоров. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 640 с.
340. Майоров, А. В. Русь, Византия и Западная Европа: из истории внешнеполитических и культурных связей XII–XIII вв / А. В. Майоров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – 800 с.

341. Майоров, А. В. Печать Евфросинии Галицкой из Новгорода / А. В. Майоров. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2011. – № 2 (44). – С. 5–25.
342. Майоров, А. В. Сколько имён у Даниила Галицкого? / А. В. Майоров // Исторический формат. – 2015. – № 4 (4). – С. 11–20.
343. Макарий (Булгаков), митр. Ещё одно поучение Кирилла Туровского по неизданным спискам / митр. Макарий (Булгаков) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т. IV. – Вып. 4. – СПб., 1855. – С. 177–184.
344. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриархата (988–1240) / митр. Макарий (Булгаков), науч. ред. А. В. Назаренко. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – Кн. 2. – 704 с.
345. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: История Русской Церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589): Состояние русской церкви от митрополита святого Ионы до патриарха Иова, или в период разделения её на две митрополии (1448–1589) / митр. Макарий (Булгаков), коммент. Прот. Владислава Цыпина, архим. Макария (Веретенникова), А. А. Турилова. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Кн. 4. Ч. 2. – 440 с.
346. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: история христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви / митр. Макарий (Булгаков), науч. ред. С. А. Беляев. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – Кн. 1. – 408 с.
347. Макарий (Булгаков), митр. О святом Кирилле, епископе Туровском, как писателе / митр. Макарий (Булгаков) // Известия по отделению русского языка и словесности (ОРЯС). – Т. 5. – Вып. 5. – СПб. – 1856. – С. 225–263.

348. Макарий (Булгаков, М. П.), митр. Обзор редакций Киево-Печерского Патерика, преимущественно древних / митр. Макарий (Булгаков) // Известия по отделению русского языка и словесности (ОРЯС). Т.5. – Вып. 3. – СПб. – 1856. – С. 129–167.
349. Макарий (Булгаков), митр. Три памятника русской духовной литературы XI века / митр. Макарий (Булгаков) // Христианское чтение. – 1849. – Ч. 2., ноябрь-декабрь. – С. 302–336.
350. Макарий (Булгаков), митр. Феодосий игумен Печерский как писатель / митр. Макарий (Булгаков) // Известия отделения русского языка и словесности (ИОРЯС). – Т. IV. – Вып. 6. – С. 273–292.
351. Макарий (Булгаков), митр. Феодосий, игумен Печерский. Сочинения преподобного Феодосия, в подлинном тексте / митр. Макарий (Булгаков) // Ученые записки II Отделения Академии Наук. – Кн. II. – Вып. II. – СПб. – 1856. – Отд. III. – С. 193–224.
352. Макарий (Миролюбов), архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. / архим. Макарий (Миролюбов). – Ч. 1–2. – М., 1860. – Ч. 1. [Древние церкви в Новгороде и его окрестностях]. – VI, 645 с.
353. Макаров, Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. / Н. А. Макаров // Краткие сообщения института археологии. – М., 1991. – № 205. – С. 11–20.
354. Макаров, Н. А. Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ и проблема христианизации севернорусской деревни / Н. А. Макаров // Исторические записки / отв. ред. Б. В. Ананьич. – М. : Наука, 2004. – 7 (125). – С. 251–274.
355. Максимович, К. А. Западнославянские памятники покаянной дисциплины в Древней Руси / К. А. Максимович // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2005. – №3. (21) – С. 72–74.
356. Максимович, М. А. Выдубицкий монастырь / М. А. Максимович // Киевлянин. – Киев, 1841. – Кн. 2. – С. 5–26.

357. Малиновский, И. А. Древнейшая русская аристократия / И. А. Малиновский. – Киев : тип. С. В. Кульженко, 1903. – 19 с.
358. Малицкий, П. И. Руководство по истории Русской Церкви / П. И. Малицкий. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 2000. – 464 с.
359. Мансветов, И. Д. Церковный устав (типикон), его образование и судьба в греческой и русской церкви / И. Д. Мансветов. – М. : тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1885. – 449 с.
360. Матрусов, Д. Н. Некоторые особенности христианизации Скандинавского региона / Д. Н. Матрусов // Богослов.ру Научный богословский портал URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1207353.html> дата обращения 25.09.2017
361. Матченко, И. Спорные вопросы по истории крещения Руси (Ответ на статью г. Левитского в «Христианском чтении» 1890 г.) / И. Матченко // Странник. – 1891. – Т. 2. – С. 370–375.
362. Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. / прот. И. Мейендорф. – Paris: YMCA Press, 1990. – 248 с.
363. Мельник, А. Г. Об отражении жития Леонтия Ростовского в иконе этого святого из собрания Ярославского художественного музея / А. Г. Мельник // Книжная культура Ярославского края: Материалы научной конференции (8-9 октября 2008 г.). – Ярославль, 2009. – С. 99–105.
364. Мельник, А. Г. Почитание святого Леонтия Ростовского в домонгольскую эпоху / А. Г. Мельник – Режим доступа URL: <http://www.booksite.ru/cherch/vologda/leont4.htm>
365. Мельник, А. Г. Социальные функции ростовских святых в XII-XVII веках / А. Г. Мельник // Исторические записки. – М. : Наука, 2008. – Вып. 11 (129). – С. 75–93.
366. Мельникова, Е. А. Культ св. Олава в Новгороде и Константинополе / Е. А. Мельникова // Византийский временник. – М., 1996. – Т. 56. – С. 92–106.

367. Мельничук, А. Епархии Русской Церкви и выдающиеся иерархи домонгольского периода / А. Мельничук. – М. : МДА, 1979. – 156 с.
368. Металлов, В. М. Богослужбное пение русской церкви. Период домонгольский / В. М. Металлов. – М. : Тип. Штаба Московского военн. окр., 1908. – 336 с.
369. Мещерский, Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков / Н. А. Мещерский. – Л. : ЛГУ, 1978. – 112 с.
370. Милов, Л. В. О древнейшей истории Кормчих книг на Руси / Л. В. Милов // История СССР. – М. : Наука, 1980. – № 5. – С. 105–124.
371. Мильков, В. В. Древнерусские апокрифы / В. В. Мильков, под ред. Р. А. Симонова. – СПб. : Изд-во РХГУ, 1999. – 896 с.
372. Мильков, В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский / В. В. Мильков // Россия XXI в. – 2009. – № 4. – С. 112–157; № 5. – С. 98–121.
373. Мильков, В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята / В. В. Мильков // Россия XXI в. – 2009. – № 2. – С. 116–157.
374. Мильков, В. В. Идеюное своеобразие религиозных и нравственных воззрений Кирилла Туровского / В. В. Мильков // Древняя Русь: о времени, в личностях, в идеях. – Вып. 6. – 2016. – С. 36–65.
375. Мильков, В. В. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / В. В. Мильков, Р. А. Симонова. – М. : Кругъ, 2011. – 544 с.
376. Мильков, В. В. Первый учёный Руси: жизнь, творчество, идейное своеобразие воззрений. К 900-летию Кирика Новгородца / В. В. Мильков // Россия XXI в. – 2010. – № 6. – С. 90–125.
377. Мильков, В. В. Религиозно-философское значение литературных приемов древнерусского политического памфлета (на материалах «Притчи о душе и теле» Кирилла Туровского) / В. В. Мильков // История философии. – 2011. – № 16. – С. 56–78.

378. Милютенко, Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / Н. И. Милютенко, науч. ред. Г. М. Прохоров. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008. – 576 с.
379. Милютенко, Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н. И. Милютенко, отв. ред. Г. М. Прохоров. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2006. – 432 с.
380. Мининкова, Л. В. "Роскоторавься съ отцемъ своимъ...", или Возвращение блудного сына: старший сын Юрия Долгорукого / Л. В. Мининкова // В тени великих: образы и судьбы. Сб. науч. статей. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 280–286.
381. Мининкова, Л. В. Сюзеренитет-вассалитет в домонгольской Руси / Л. В. Мининкова, отв ред. В. Я. Петрухин. – Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2007. – 520 с.
382. Михайлова, И. Б. Малые города Южной Руси в VIII–начале XIII в. / И. Б. Михайлова. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. университета, 2010. – 289 с.
383. Монашество и монастыри в России. IX–XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н. В. Сеницина. – М. : Наука, 2005. – 416 с.
384. Моргунов, Ю. Ю. Сложение территории Переяславского княжества / Ю. Ю. Моргунов // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура к 60-летию Н.А. Макарова. – М.; Вологда, 2015. – С. 331–341.
385. Моргунов Ю.Ю. Сложение территории Переяславского княжества / Ю. Ю. Моргунов // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура к 60-летию Николая Андреевича Макарова. – М.; Вологда, 2015. – С. 331–341.
386. Морозова, Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси / Л. Е. Морозова. – М. : АСТ: Астрель, Харвест, – 2009. – 560 с.
387. Мошин, В. Послание русского митрополита Леона об опресноках в Охридской рукописи / В. Мошин // Byzantinoslavica. Т. XXIV-1. – Prague, 1963. –С. 87–105.

388. Мошин, В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. / В. Мошин // *Byzantmo-Skvica*. – 1947. – Т. 9. – С. 55–85; 1950. Т. 11. – С. 32–60.
389. Мошкова, Л. В. «Неведомые словеса» Киевского митр. Георгия / Л. В. Мошкова, А. А. Турилов // *Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья: сб. тез.* – М., 2001. – С. 68–71.
390. Муравьев, А. Н. История Русской церкви / А. Н. Муравьев. – М. : Паломник, 2002. – 512 с.
391. Муравьев, Н. Н. Исторические исследования о древностях Новагорода, касающиеся: 1) его монет серебряных: гривен и полугривен или рублей; 2) его местности, величины, населения и околностей; 3) его укреплений, строений, нравов жителей и свойства управления: С четырьмя отдельными рисунками оных гривен и рублей; с планом и описанием древнего Новагорода с подробною топографическою картою околностей Новагорода / Н. Н. Муравьев. – СПб., 1828. – 55 с.
392. Мурьянов, М. Ф. Гимнография Киевской Руси / М. Ф. Мурьянов; отв. ред. М. Н. Громов, Т. А. Исаченко. – М. : Наука, 2004. – 451 с.
393. Мурьянов, М. Ф. История книжной культуры России. Очерки. Ч. 1 / Сост. и вступ. ст. Т. А. Исаченко / М. Ф. Мурьянов – СПб. : Мирь, 2007. – 1272 с. (История книжной культуры России).
394. Мурьянов, М. Ф. О Десятинной церкви князя Владимира / М. Ф. Мурьянов // *Восточная Европа в древности и в средневековье* / отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1978. – С. 171–175.
395. Мусин А. Е. 1165.: Архиепископ Илья-Иоанн и комплекс церковных древностей с Федоровского раскопа / А. Е. Мусин // *Новгород и Новгородская земля: История и археология.* – Великий Новгород, 1996. – Вып. 10. – С. 147–155.
396. Мусин А.Е. 1130 г.: Епископ Иоанн Попьян и кризис церковно-государственных отношений в Древней Руси / А. Е. Мусин // *Новгород и*

Новгородская земля: История и археология. – Новгород, 1998. – Вып. 12. – С. 195–210.

397. Мусин, А. Е. Загадки Дома Святой Софии. Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. / А. Е. Мусин. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2016. – 240 с.

398. Мусин, А. Е. О некоторых особенностях древнерусского богослужения XI–XIII вв. Церковь Преображения на Нередице холме в литургическом контексте эпохи / А. Е. Мусин // Новгородский исторический сборник. – СПб. : Дмитрий Буланин, РАН, 2000. – № 8 (18) – С. 215–240.

399. Мусин, А. Е. Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания / А. Е. Мусин // Восточнохристианские реликвии. – М., 2003. – С. 363–386.

400. Мусин, А. Е. Социальные аспекты истории древнерусской церкви по данным новгородских берестяных грамот / А. Е. Мусин // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. – М., 2003. – С. 117–128.

401. Мусин, А. Е. Таинственная анафема: Загадки дома Святой Софии. XII век / А. Е. Мусин // Чело. – 2004. – № 2. – С. 14–18.

402. Мусин, А. Е. Христианские древности Средневековой Руси IX–XII вв. как исторический источник / А. Е. Мусин // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – №3. – С. 14–27.

403. Мусин, А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / А. Е. Мусин – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2002. – 270 с. (ArchaeologicaPetropolitana, XII. РАН, Институт материальной культуры. Труды. Т. 5).

404. Мусин, А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. Историко-археологическое исследование / А. Е. Мусин. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010. – 364 с.

405. Мюллер, Л. М. Понять Россию: историко-культурные исследования / Л. М. Мюллер; сост. Л. И. Сазонова. Авторизованные переводы с немецкого

- языка; под общ. ред. А. Б. Григорьева и Л. И. Сазоновой. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 432 с.
406. Мюллер, Д. Т. Христианская догматика / Д. Т. Мюллер, пер. с англ. К. Комарова. – Duncanville : Worldwideprinting, Фонд «Лютеранское наследие», 1998. – 764 с.
407. Насонов, А. Н. Монголы и Русь / А. Н. Насонов. – М. - Л. : Изд-во Академии Наук СССР, 1940. – 180 с.
408. Назаренко, А. В. Андрей еп. Тверской (1289-1316) / А. В. Назаренко // Православная энциклопедия. – М., 2002. – Т. 2. – С. 358.
409. Назаренко, А.В. Архиепископы в русской церкви домонгольского времени / А. В. Назаренко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015. – № 4 (62). – С. 67–76.
410. Назаренко, А. В. Был ли крещен киевский князь Ярополк Святославич, или кое-что об «исторической реальности» / А. В. Назаренко // Византийский временник. – М. : Наука, 2006. – Т. 65 (90). – С. 66–72.
411. Назаренко, А. В. Владимиро-Волынская епархия / А. В. Назаренко // Православная энциклопедия. – М., 2005. –Т. 8. – С. 726–732.
412. Назаренко, А. В. Галицкая епархия / А. В. Назаренко // Православная энциклопедия. – М., 2007. – Т. 10. – С. 322–328.
413. Назаренко, А. В. Древне-русский паломник / А. В. Назаренко // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапов. – М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. – С. 139-149.
414. Назаренко, А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования) / А. В. Назаренко. – М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2009. – 528 с.
415. Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков / А. В. Назаренко. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 784 с.

416. Назаренко, А. В. Киевский митрополит Иоанн I / А. В. Назаренко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – №3 (29). – 2007. – С. 76–77.
417. Назаренко, А. В. О времени учреждения киевской митрополии (современное состояние проблемы) / А. В. Назаренко // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба. – М., 2017. – С. 130–175.
418. Назаренко, А. В. Русь и Германия в IX–X вв. / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования 1991 г. – М. : Наука, 1994. – С. 5–138.
419. Назаренко, А. В. Территориально-политическая организация государства и епархиальная структура церкви в Древней Руси (конец X–XII век) / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. – 2009. № 27. – С. 172–206.
420. Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства / А. Н. Насонов. – М., 1951. – С. 65–66.
421. Несин, М. А. Возникновение Галицкой епархии в XII в. / М. А. Несин // Русин. – 2013. – № 4 (34). – С. 134–143.
422. Несин, М. А. Галицкое вече в 1235-1240-х гг. / М. А. Несин // Русин. – 2012. – № 4 (30). – С. 86–108.
423. Никитенко, Н. Н. Княжеский групповой портрет в Софии Киевской и время создания собора / Н. Н. Никитенко // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. – Л., 1987. – С. 237– 244.
424. Никитенко, Н. Н. Русь и Византия в монументальном комплексе Софии Киевской / Н. Н. Никитенко. – Киев : Слово, 2004. – 520 с.
425. Никитский, А. И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде / А. И. Никитский. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1879. – 216 с.
426. Николай, архим. Историко-статистическое описание Минской епархии / архим. Николай. – СПб. : Тип. Духовного журн. Странник, 1864. – 315 с.

427. Николов, А. Татары в византийских хрониках «Chronica Breviora»: реальность и стереотипы / А. Николов // Золотоордынское обозрение. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 22–36.
428. Никольский, М. Н. История русской церкви / М. Н. Никольский. – М. : Атеист, 1930. – 248 с.
429. Никольский, Н. К. Материалы для истории древней русской духовной письменности / Н. К. Никольский. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1907. – 880 с.
430. Никольский, Н. К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века / Н. К. Никольский. – СПб. : тип. Имп. Академии наук, 1892. – 229 с.
431. Никон (Лысенко), иерод. «Фотиево» крещение славяно-россов и его значение в предыстории крещения Руси / иерод. Никон (Лысенко) // Богословские труды. – М. : Московская патриархия, 1989. – Т. 29. – С. 27–40.
432. Новик, Ю. В. Идеиное наследие Кирилла Туровского / Ю. В. Новик // Молодежь в науке и творчестве Материалы международной научно-практической конференции обучающихся: сборник научных статей: сборник научных статей: в 2 частях. – Гжель : Гжельский гос. ун-т. 2016. – С. 219–223.
433. Новосельцев, А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси / А. П. Новосельцев // Древнейшие государства на территории СССР, 1998 г. – М., 2000. – С. 405–428.
434. Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. / А. П. Новосельцев // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965. – С. 355–419.
435. Новосельцев, А. Л. Древнерусское государство и его международное значение / А. Л. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушария, Я. Н. Щапов. – М. : Наука, 1965. – 476 с.
436. Новосельцев, А. П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи / А. П. Новосельцев // История СССР. – 1988. – № 4. – С. 97–122.

437. Носова, Е. Е. Об изображении святого Макария в церкви Спаса на Ильине улице в Великом Новгороде / Е. Е. Носова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2013. – № 72. – С. 15–19.
438. Одинцов, Н. М. Порядок общественного и частного богослужения в Древней России до XVI в.: Церковно-историческое исследование / Н. М. Одинцов. – СПб. Тип. И. Л. Тузова, 1881. – 300 с.
439. Озерова, Г. Н. Первый отечественный атлас «Русская Православная церковь: из века в век». Современное состояние и перспективы / Г. Н. Озерова, Т. А. Андреева, Ю. М. Артемьев, М. В. Литвинова // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. г. Екатеринбург, 18-20 апреля 2010 г. / отв. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург, 2010. – С. 24–28.
440. Окснюк, И. Ф. Первые столетия христианства на Руси и латинский Запад / И. Ф. Окснюк // Богословские труды. – М. : Московская патриархия, 1987. – Т. 28. – С. 192–216.
441. Олейников, О. М. Новая находка амулета-змеевика с распятием в Великом Новгороде / О. М. Олейников // Археология Подмосквья Материалы научного семинара. / Отв. ред. А. В. Энговатова. – М., 2014. – С. 290–303.
442. Оргиш, В. П. Древняя Русь. Образование киевского государства и введение христианства / В. П. Оргиш, ред. Е. М. Бабосов. – Минск : Наука и техника, 1988. – 150 с.
443. Орлов, А. С. Житие св. Аркадия, епископа Новгородского, в списке второй половины XIV в. / А. С. Орлов // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – 1899. – Кн. 3. – С. 1–16.
444. Оспенников, Ю. В. Правовая традиция Северо-Западной Руси XII-XV вв. / Ю. В. Оспенников – М. : Юрлитинформ, 2011. – 408 с.

445. Охотина, Н. А. Русская церковь и монгольское завоевание (XIII в.) / Н. А. Охотина // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. / отв. ред. А. И. Клибанов. – М., 1990. – С. 67-84.
446. Павлов, А. С. Критический опыт по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян / А. С. Павлов. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1878. – 221 с.
447. Павлов, А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. – 540, [VI] с.
448. Павлов, А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках юго-славянского и русского церковного права / А. С. Павлов. – М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1892. – 174 с.
449. Павлов, А. С. Неизданный памятник русского церковного права XII века / А. С. Павлова // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб. : Тип. В. С. Балашова, 1890. – октябрь. – 28 с.
450. Павлов, А. С. Номоканон при большом требнике, изданный вместе с греческим подлинником, до сих пор неизвестным, и с объяснениями издателя А. Павлова / А. С. Павлов. – Одесса : Тип. Ульриха и Шульце, 1872. – 240 с.
451. Павлов, А. С. О начале Галицкой и Литов. митрополии и о первых тамошних митрополитах, по визант. докум. источникам XIV в. / А. С. Павлов. – М. : Университетская тип., 1894. – 40 с.
452. Павлов, А. С. О сочинениях, приписываемых русскому митрополиту Георгию: (Открытое письмо проф. Голубинскому) / А. С. Павлов // Православное обозрение. – 1881. – январь. – С. 344–353.
453. Павлов, А. С. Отрывки греческого текста канонических ответов русского митрополита Иоанна II / А. С. Павлов. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1873. – 21 с.
454. Павлов, А. С. Первоначальный славяно-русский Номоканон / А. С. Павлов. – Казань : Университетская тип., 1869. – 100 с.
455. Павлов, А. С. Сборник неизданных памятников византийского церковного права / А. С. Павлов. – СПб. : Тип. Имп. АН, 1898. – 140 с.

456. Панеях, В. М. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю / В. М. Панеях // Исторический архив. – №5 – 1955. – С. 205–207.
457. Панова, В. И. Митрополит Киевский Михаил (1130-1145) / В. И. Панова // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: История. Политология. Социология. – 2010. № 1. – С. 77–82.
458. Пашуто, В. Т. Древняя Русь и Венгрия / В. Т. Пашуто // Славяне и Русь / отв. ред. Крупнов Е. И. – М. : Наука, 1968. – С. 345–351.
459. Пашуто, В. Т. История Галицко-Волынского княжества / В. Т. Пашуто. – М. : Изд. АН СССР, 1956. – 333 с.
460. Пашуто, В. Т. О политике папской курии на Руси (XIII век) / В. Т. Пашуто // Вопросы истории. – 1949. – №5. – С. 52–76.
461. Пашуто, В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / В. Т. Пашуто. – М. : Изд-во АН СССР, 1950. – 331 с.
462. Пашуто, В. Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории / В. Т. Пашуто // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран – М., 1963. – С. 102–108.
463. Певцов, В. Г. Лекции по церковному праву / [Соч.] засл. проф. прот. В. Г. Певцова; Имп. уч-ще правоведения. – СПб. : Типо-лит. СПб. одиночной тюрьмы, 1914. – 242 с.
464. Пентковский, А. М. Константинопольский и иерусалимский богослужебные уставы / А. М. Пентковский // Журнал Московской Патриархии. – 2001. – № 4. – С. 70–78.
465. Пентковский, А. М. Литургические реформы в истории Русской Церкви и их характерные особенности / А. М. Пентковский // Журнал Московской Патриархии. – 2001. – № 1. – С. 72–80.
466. Пентковский, А. Студийский устав и уставы студийской традиции / А. М. Пентковский // Журнал Московской Патриархии. – 2001. – №5. – С. 69–80.

467. Пентковский, А. М. Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси / А. Пентковский – М. : Издательство Московской Патриархии, 2001. – 432 с.
468. Первушин, М. В. Киевская митрополия при святом князе Владимире: исчезнувшая история / М. В. Первушин // Труды Київської Духовної Академії. – 2016. – № 24. – С. 223–235.
469. Перхавко, В. Б. Церковь и внешнеэкономические связи Руси в XI–XIV вв. / В. Б. Перхавко // Церковь, общество и государство в феодальной России. – М.: Наука, 1990. – С. 46–66.
470. Петров, А. В. От язычества к святой Руси. Новгородские усобицы: к изучению древнерусского вечевого уклада / А. В. Петров. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2003. – 352 с.
471. Петров, А. В. Славянская миссия Кирилла и Мефодия и русская культура / А. В. Петров. // Государство, общество, архивы в истории России / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. – СПб. : Лики России, 2009. – С. 14–18.
472. Петров, Н. И. Краткие сведения о правосл. мон-рях Волынской епархии, в настоящее время не существующих / Н. И. Петров // Волынские епархиальные ведомости. – 1867. – № 2–8.
473. Петров, Н. И. Холмско-Подляские православные монастыри / Н. И. Петров // Памятники рус. старины в зап. губерниях. – СПб., 1885. – Вып. 7: Холмская Русь. – 217 с.
474. Петрухин, В. Я. Древняя Русь. IX в. – 1263 г. / В. Я. Петрухин. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – 190 с.
475. Петрухин, В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия / В. Я. Петрухин // Из истории русской культуры. – М. : Языки русской культуры, 2000. – Т. 1. Древняя Русь. – С. 13–412.
476. Петрухин, В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В. Я. Петрухин. – Смоленск; М., 1995. – 322 с.
477. Петрухин, В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М. : Знак, 2004. – 416 с.

478. Петрухин, В. Я. Христианство на Руси во второй половине X – первой половине XI вв. / В. Я. Петрухин // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 60–132.
479. Петрушевич, А. С. О соборной Богородицкой церкви и святителях в Галиче / А. С. Петрушевич // Галицкий исторический сборник. – Львов, 1853. – Вып. 1. – С. 143–146.
480. Петрушко, В. И. История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества / В. И. Петрушко; ред. прот. А. Салтыков. – М. : СПбГУ, 2005. – 358 с.
481. Петрушко, В. И. Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II и его деятельность по возрождению церковной жизни руси после монгольского нашествия / В. И. Петрушко // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2013. – № 5 (54). – С. 7–30.
482. Печников, М. В. «А се новгородскыи епископы»: спорные вопросы ранней церковной истории Новгорода (конец X – 70-е гг. XI в.) / М. В. Печников // Вестник церковной истории. – 2015. – № 3–4 (39–40). – С. 207–274.
483. Печников, М. В. Далмат (архиепископ Новгородский) / М. В. Печников // Православная энциклопедия. – М., 2008. – Т. 13. – С. 653–654.
484. Печников, М. В. Иоанн Попьян / М. В. Печников // Православная энциклопедия. – М., 2012. – Т. 23. – С. 432–435.
485. Печников, М. В. К изучению соборных правил 1273 г. / М. В. Печников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 4 (38). – С. 97–107.
486. Печников, М. В. Новгородская епископия в конце XI - 1-й трети XII в.: печерские постриженники на севере Руси и начало эпохи политических преобразований / М. В. Печников // Вестник церковной истории. – 2016. – № 3–4 (43–44). – С. 165–213.

487. Печников, М. В. Новгородский святитель Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30-50-е гг. XII в) / М. В. Печников // Вестник церковной истории. – 2017. – № 3–4 (47–48). – С. 237–278.
488. Пихоя, Р. Г. Документы покаянного права о положении трудящихся в Древней Руси (XI – первая половина XIII в.) / Р. Г. Пихоя // Вспомогательные исторические дисциплины. – Свердловск, 1974. – Сб. 2. – С. 5–18.
489. Платон Левшин, митр. Полное собрание сочинений Платона (Левшина) митрополита Московского / митр. Платон Левшин. – СПб. : Изд. П. П. Сойкина, 1913. – Т. 1. Кн. 2. –160 с.
490. Плотникова, О. А. Кристаллизация княжеской власти на этапах становления и развития древнерусского общества / О. А. Плотникова, под ред. В. К. Криворученко. – М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. – 288 с.
491. Плотникова, О. А. Развитие центров локализации княжеской власти в свете новгородской и киевской концепций: система властвования / О. А. Плотникова // История государства и права. – 2008. – №10. – С. 25–27.
492. Поварова, Н. А. Эволюция структуры Русской церкви как общественного института в X–XIII веках / Н. А. Поварова // Романовские чтения. История российской государственности и династия Романовых: Актуальные проблемы изучения: Материалы конференции. Кострома, 29–30 мая 2008 года / под ред. А. М. Беловой, М. Д. Валовой, Н. М. Рассадина. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – С. 146–150.
493. Погодин, М. П. Иаков Мних, русский писатель XI в. и его сочинения / М. П. Погодин // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1852. – Т. 1. Вып. 7. – С. 326–334.
494. Погодин, М. П. Несторово житие св. Феодосия как исторический источник / М. П. Погодина. – СПб. : Тип. Академии наук, 1861. – 31 с.
495. Подвигина, Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв.: Учеб. пособие / Н. Л. Подвигина. – М. : Высшая школа, 1976. – 152 с.

496. Подскальски, Г. Запад и Восток / Г. Подскальски // Богословие, культура, образование. Журнал Библейского богословского института св. апостола Андрея. – 2000. – Т. 5. – Вып. 4. – С. 554–565.
497. Подскальски, Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 г.) / Г. Подскальски, под ред. К. К. Акентьева. – СПб. : Византинороссика, 1996. – Т. 1 – 572 с.
498. Поздеев, И. В. Источниковедческое значение русских богослужебных текстов / И. В. Поздеев // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко / отв. ред. С. П. Карпов. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 390–400.
499. Покровский, М. Н. Борьба классов и русская историческая наука / М. Н. Покровский. – Л. : Государственное изд., 1927. – 137 с.
500. Покровский, М. Н. Русская история с древнейших времен / М. Н. Покровский. – Л. : Государственное изд., 1924. – Т. 1. – 292 с.
501. Полубояринова, М. Д. Православная епархия в Сарае / М. Д. Полубояринова // История татар с древнейших времен. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XVв. – Казань: Марийское рекламное-издательское полиграфическое предприятие, 2010. – Т. 3. – С. 381-387.
502. Полубояринова, М. Д. Русское население городов Улуса Джучи / М. Д. Полубояринова // История татар с древнейших времен. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XVв. – Казань: Марийское рекламное-издательское полиграфическое предприятие, 2010. – Т. 3. – С. 379-381.
503. Пономарев, А. И. Св. Кирилл еп. Туровский и его церковно-учительные произведения / А. И. Пономарев // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. – СПб., 1894. – Вып. 1. – С. 88–198.
504. Поньрко, Н. В. Покаянные каноны Кирилла Туровского (вопросы атрибуции) / Н. В. Поньрко // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – Т. 55. – С. 240–263.

505. Попов, А. Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.) / А. Попов. – М. : Типография Т. Рись, 1875. – 427 с.
506. Поппэ, А. В. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях / А. В. Поппэ // *Russia Mediaevalis*. – Т. 8. – Munchen, 1995. – P. 21–68.
507. Поппэ, А. В. Граффіті й дата спорудження Софії Київської / А. В. Поппэ // *Український Історичний журнал*. – 1968. – № 9. – С. 94–97.
508. Поппэ, А. В. Митрополиты и князья Киевской Руси / А. В. Поппэ // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). – СПб., 1996. – С. 443–471.
509. Поппэ, А. Русско-византийские отношения в середине XI в. / А. В. Поппэ // *История СССР*. – 1970. – №3. – С. 122–128.
510. Поппэ, А. В. Владимир Святой: У истоков церковного прославления / А. В. Поппэ // *Факты и знаки: исследования по семиотике истории* / Под ред. Б. А. Успенского и Ф. Б. Успенского. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – Вып. 1. – С. 40–107.
511. Поппэ, А. В. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба / А. В. Поппэ // *Труды Отдела древнерусской литературы* / отв. ред. О. В. Творогов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 54. – С. 304–336.
512. Поппэ, А. В. Истоки церковной организации древнерусского государства / А. В. Поппэ – Киев, 1972. – 356 с.
513. Поппэ, А. В. О времени зарождения культа Бориса и Глеба / А. В. Поппэ // *Russia Mediaevalis* – Munchen, 1973. – Т. 1. – P. 6–29.
514. Поппэ, А. В. О причинах похода Владимира Святославича на Корсунь 988–989 гг. / А. В. Поппэ // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. – 1978. – №9 – С. 45–58.
515. Поппэ, А. В. Политический фон крещения Руси (Русско-византийские отношения в 986-989 годах) / А. В. Поппэ // *Как была крещена Русь*. – М. : Политиздат, 1990. – 320 с.

516. Поппэ, А. В. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI столетии / А. В. Поппэ // Византийский временник. – М. : Наука, 1968. – Вып. 28. – С. 85–108; 1969. – Вып. 29. – С. 95–104.
517. Поппэ, А. В. Русско-Византийские церковно-политические отношения в середине XI в. / А. В. Поппэ // История СССР. – 1970. – №3. – С. 108–124.
518. Поснов, М. Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.) / М. Э. Поснов. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1964. – 614 с.
519. Почекаев, Р. Ю. Право Золотой Орды / Р. Ю. Почекаев. – Казань : Издательство «Фэн» АН РТ, 2009. – 260 с.
520. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. – М. : Международный издательский центр православной литературы, 1994. – Т. 1. – 641 с.; Т. 2. – 638 с.
521. Приселков, М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. – 328 с.
522. Приселков, М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. / М. Д. Приселков. – СПб. : Наука, 2003. – 246 с.
523. Приселков, М. Д. Русская Правда / М. Д. Приселков // Вестник древней истории. – 1939. – № 3(8). – С. 148–151.
524. Приселков, М. Д. Русско-византийские отношения в IX–XII вв. / М. Д. Приселков // Вестник древней истории. – 1939. – №3. – С. 98–109.
525. Приселков, М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. / М. Д. Приселков. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – XV, 414 с. – (Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского университета. Ч. 116).
526. Прохоров, А. А. О туровских преданиях / А. А. Прохоров // Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1 / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2006. – С. 85–100.
527. Прохоров, Е. Новгородская епархия в домонгольский период: курсовое (дипломное) сочинение по кафедре истории Русской Церкви / Е. Прохоров. – Загорск : Троице-Сергиева Лавра, 1960. – 137 с.

528. Пузанов, В. В. Княжеские инсигнии в средневековой Руси и «Батыево знамение» / В. В. Пузанов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – Кн. 3. – С. 102–111.
529. Пузанов, В. В. Княжеские «клубуки» и «венцы»: к спорам о древнерусских инсигниях / В. В. Пузанов // Actes testantibus. Ювілейний збірник на пошану Леонтія Войтовича / Відпов. ред. Микола Литвин (Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Збірник наукових праць. Вип. 20. Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України). – Львів, 2011. – С. 569–581.
530. Пуцко В.Г. Богослужбная утварь в древнерусском храме / В. Г. Пуцко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2003. – №4 (14). – С. 59– 62.
531. Пуцко, В. Г. Летописный рассказ о городе Холм / В. Г. Пуцко // Украинский исторический журнал. – Киев: Наукова думка, 1997. – Вып. 1 (№ 411). – С. 115–120.
532. Размахов, К. Е. Инкорпорация церковной организации в государство Древней Руси // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 1. – С. 207– 214.
533. Раймер, Иоханнес. Миссионерская деятельность древнерусского монашества / И. Раймер. – Берлин: Логос, 1996. – 256 с.
534. Рамм, Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках / Б. Я. Рамм, отв. ред. М. М. Шейнман. – М., Л. : АН СССР, 1959. – 284 с.
535. Рапов, О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства / О. М. Рапов. – М. : Русская панорама, 1998. – 416 с.
536. Раппопорт, П. А. Русская архитектура XI–XII вв.: Каталог памятников / П. А. Раппопорт. – Л. : Наука, 1982. – 136 с.
537. Родионов, А. XII столетие в истории Туровской епархии. Курсовое (дипломное) сочинение / А. Родионов. – М. : МДА, 1966. – 175 с.
538. Рождественская, Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: новые источники XI–XV вв. / Т. В. Рождественская. – СПб. : Изд. СПбГУ, 1992. – 171 с.

539. Рожко, В. Нарис історії Української Православної церкви на Волині (870–2000) / В. Рожко. – Луцьк : Media, 2001. – 670 с.
540. Розанов, С. П. Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему / С. П. Розанов. – СПб. : Изд. Академии Наук, 1912. – 167 с.
541. Романенко, Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря / Е. Романенко. – М. : Молодая гвардия, 2002. – 329 с.
542. Романов, Б. А. Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI–XIII вв. / Б. А. Романов, предисл. И. Н. Данилевского. – М. : Территория, 2002. – 256 с.
543. Ростиславов, Д. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей / Д. Ростиславов. – Рязань : Александрия, 2010. – 177 с.
544. Рубан, Ю. И. Как молились в святой Софии Новгородской? Литургия и панихида XIII столетия / Ю. И. Рубан. – СПб.: Нева, 2002. – 46 с.
545. Рубаник, В. Е. Государство, право и суд в Киевской Руси / В. Е. Рубаник – М. : Юрлитинформ, 2013. – 352 с.
546. Рубаник, В. Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии / В. Е. Рубаник. – М. : Юрлитинформ, 2010. – Т. 1. Отношения собственности и их отражение в восточнославянской традиции права собственности – 424 с.
547. Рубаник, В. Е. Суд и правосудие в Древней Руси и Московском государстве в историко-правовой науке и юридической доктрине / В. Е. Рубаник, С. А. Рубаник – М. : Юрлитинформ, 2013. – 216 с.
548. Руденко, В. Н. Избрание по жребию церковных иерархов / В. Н. Руденко // Вопросы истории. – 2008. – № 4. – С. 132–140.
549. Русь между Востоком и Западом: культура и общество, X–XVII вв. (Зарубежные и советские исследования). К XVIII Международному конгрессу византинистов (Москва, 8–15 августа 1991 г.). – М., 1991. – Ч. 1. – 347 с.

550. Рыбаков, Б. А. Смоленская надпись XIII в. о «врагах игуменах» / Б. А. Рыбаков // Советская археология. – 1964. – № 2. – С. 179–187.
551. Рыбаков, В. В. Хроника Адама Бременского и первые христианские миссионеры в Скандинавии / В. В. Рыбаков. – М. Языки русских культур, 2008. – 336 с.
552. Рыбина, Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XVI вв. / Е. А. Рыбина; отв. ред. В. Л. Янин. – М. : Изд. Московского университета, 1978. – 167 с.
553. Рыбина, Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. / Е. А. Рыбина. – М. : Изд. Московского университета, 1986. – 176 с.
554. Рыдзевская, Е. А. Легенда о князе Владимире в саге об Олафе Трюггвасоне / Е. А. Рыдзевская // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. А. С. Орлов. – М, Л. : АН СССР, 1935. – Т. 2. – С. 5–20.
555. Рычка, В. М. Княгиня Ольга / В. М. Рычка; під ред. В. А. Смолія. – Київ : Альтернатива, 2004. – 336 с.
556. Рычка, В. М. Київська Русь: проблема етнокультурного розвитку (конфесійний аспект) / В. М. Рычка. – Київ : Вид-во Інституту історії НАНУ, 1994. – 34 с.
557. Рычка, В. М. Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.) / В. М. Рычка. – Київ : Наук. думка, 1988. – 119 с.
558. Рычка, В. М. Церква Київської Русі (соціальний та етнокультурний аспект) / В. М. Рычка. – Київ : Інститут історії України, 1997. – 208 с.
559. Свердлов, М. Б. Киевский собор св. Софии как источник исторической информации / М. Б. Свердлов // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Л. В. Соколова. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – Т. 55. – С. 121–133.
560. Седов, В. В. Распространение христианства в Древней Руси // Краткие сообщения института археологии. – 1993. – № 208. – С. 3–11.
561. Седов, В. В. Христианизация населения Смоленской земли в X–XIII вв. / В. В. Седов // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник,

- посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Шапов. – М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. – С. 150–158.
562. Седов, В. В. Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси / В. В. Седов // Восточнохристианские реликвии. – М., 2003. – С. 447–481.
563. Селицкий, А. А. Живопись Полоцкой земли XI–XII в. / А. А. Селицкий. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 173 с.
564. Семендяев, Ф. И. Митрополитство Ефрема Переяславского как историографическая проблема / Ф. И. Семендяев // Челябинский гуманитарий. – 2012. – Т. 2. № 19. – С. 82–86.
565. Семенов, А. И. Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю / А. И. Семенов // Новгородский исторический сборник. – 1959. – Вып. 9. – С. 245–248.
566. Семенюк, В. Христианство на Руси от Зарождения первооснов государственности до князя Владимира. Курсовое (дипломное) сочинение по кафедре Истории Русской Церкви / В. Семенюк. – Загорск, 1963. – 173 с.
567. Сергеевич, В. И. Лекции по истории русского права / В. И. Сергеевич. – СПб., 1889–1890. – 708 с.
568. Сергеевский, Б. Н. Время Владимира Святого / Б. Н. Сергеевский // Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир: Из наследия русской эмиграции / сост. и авт. Вступ статьи М. Д. Филин. – М. : Русский мир, 2000. – С. 192–224.
569. Серегина, Н. С. Памятники древнерусской гимнографии как источники истории ранней христианизации славян (на примере служб святому Клименту, папе Римскому) / Н. С. Серегина // Славянская цивилизация и XXI век. Материалы междунар. науч. конференции. – СПб., 2000. – С. 65–69.
570. Симонова, А. А. Древнерусское религиозное мировоззрение и ирландская христианская традиция / А. А. Симонова. – М.: Прометей, 2017. – 353 с.

571. Синайский, А. Л. Отношения древнерусской церкви и общества к латинскому Западу (католицизму): (X–XV в.): Церковно-исторический очерк / А. Л. Синайский. – СПб. : Тип. АО "Издатель", 1899. – 162 с.
572. Скабаланович, Н. А. Византийское государство и церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина / Н. А. Скабаланович. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2010. – 821 с.
573. Скочиляс, І. Галицька (Львівська) єпархія XII–XVIII ст.: організаційна структура та правовий статус / І. Скочиляс. – Львів, 2010. – 831 с.
574. Скочиляс, І. Заснування Галицької єпархії в середині XII століття: спроба нової інтерпретації проблеми / І. Скочиляс // *Studia z dziejów i tradycji metropolii kijowskiej XII–XIX wieku* / Red. A. Gil. – Lublin, 2009. – 178 с.
575. Скочиляс, Г. Поліптихи владик Володимирської та Галицької єпархій княжої доби. Спроба реконструкції за “рукописом кишки” та сфрагістичними пам’ятками / Г. Скочиляс // *Княжа доба: історія і культура*. – 2014. – № 8. – С. 209–224.
576. Скочиляс, Г. Початки християнства у Прикарпатському регіоні та заснування Галицької єпархії в середині XII століття / Г. Скочиляс // *Княжа доба: історія і культура*. – 2010. – № 3. – С. 9–59.
577. Скрынников, Р. Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси XI–XVII вв. / Р. Г. Скрынников. – СПб. : Искусство – СПб, 2000. – 463 с.
578. Славяне и скандинавы: пер. с нем. /общ. ред. Е. А. Мельниковой. – М. : Прогресс, 1986. – 416 с.
579. Слюсарев, Д. Церкви и монастыри, построенные в Киеве князьями, начиная с сыновей Ярослава до прекращения киевского великокняжения / Д. Слюсарев. – Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1892. – 103 с.
580. Смакоуз (Иов), В. Ф. Галицкая Русь - земля святая (краткий патерик Галицких святых) / В. Ф. Смакоуз (Иов) // *Русин*. – 2013. – № 2 (32). – С. 84–120.
581. Смирнов, С. И. Древнерусский духовник: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины / С. И. Смирнов. – М., 1914. – 290 с.

582. Смирнов, С. И. Древнерусский духовник. Очерк. / С. И. Смирнов. – Сергиев Посад : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1899. – 115 с.; То же: Богословский вестник. – 1898. Т. 1. – №2. – С. 163–194; Т. 4. – №10. – С. 18–47; Т. 4. – №11. – С. 117–148. Приложение к статье «Древнерусский духовник» // Богословский вестник. – 1898. – Т.4. – №10. – С. 1–21.
583. Смирнов, С. И. Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта / Проф. С. Смирнов. – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, [1914]. – VIII, 290, [4], 568 [т.е. 570] с. – С. 464–465 пронумерованы дважды. – Прил.: «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины».
584. Смирнов, С. И. Значение Печерского монастыря в начальной истории Русской Церкви и общества (Пробная лекция) / С. И. Смирнов // Богословский вестник. – 1896. – Т. 3. – №10. – С. 1–23.
585. Смолич, И. К. Русское монашество (988–1917): Жизнь и учение старцев / И. К. Смолич. – М. : Православная Энциклопедия, 1999. – 608 с.
586. Соколов, В. Ю. Погребальный обряд древнерусского погоста / В. Ю. Соколов // Церковная археология. – СПб., 1998. – Вып. 4. – С. 286–292.
587. Соколевский, А. И. Несколько редких молитв из русского сборника XIII века / А. И. Соколевский // Известия отделения русского языка и словесности имп. АН. СПб., 1905. – Т. 10. Кн. 4. – 389 с.
588. Соколова, И. В. Печати византийских императоров: каталог коллекции / И. В. Соколова. – СПб. : Изд. Гос. Эрмитажа, 2007. – 120 с.
589. Соколов, П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века / П. П. Соколов. – Киев : Тип. И.И. Чоколова, 1913. – 577 с.
590. Соколов, Р. А. Обстоятельства поставления 1-го русского по происхождению митрополита Кирилла / Р. А. Соколов // Вестник СПб Ун-та, – СПб. – 2002. – №2. – С. 3–7.
591. Соколов, Р. А. Очерк второй. Русская церковь в XII – начале XV в. / Р. А. Соколов // Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А.,

- Шапошник В. В. Русское православие: от крещения до патриаршества. – СПб., 2012. – С. 91–238.
592. Соловьёв, К. А. Культ Бориса и Глеба в Древней Руси: очерки историографии / К. А. Соловьёв. – М. : Компания Спутник+, 2005. – 61 с.
593. Соловьёв, С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 1: История России с древнейших времен / С. М. Соловьёв. – М. : Голос, 1993. – Т. 1-2. – 768 с.
594. Сон Джонг Со. Ещё раз о соотношении двух древнерусских редакций Притчи о слепце и хромце (Проложная статья и Слово Кирилла Туровского) / Сон Джонг Со // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 54. – С. 390–401.
595. Сон Джонг Со. Житие Кирилла Туровского в составе Пролога / Сон Джонг Со // Труды Отдела древнерусской литературы. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. – Т. 55. – С. 228–239.
596. Срезневский, И. И. Древнейшие договорные грамоты Новгорода с немцами: 1199 и 1263 гг. / И. И. Срезневский // Изв. АН по Отделению русского языка и словесности. – 1857, т. VI, в. 2, – С. 154.
597. Срезневский, И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков) Общее повременное обозрение. С палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков / И. И. Срезневский. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1863. – 392 стб.
598. Срезневский, И. И. Грамота великого князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (1130 г.). / И. И. Срезневского. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1860. – 36 с.
599. Срезневский, И. И. Еще заметки о творениях святого Кирилла Туровского / И. И. Срезневский // Изв. имп. АН по Отд-нию рус.яз. и словесности. – СПб., 1856. – Т. 5. – С. 306–313.
600. Срезневский, И. И. Новые списки поучений Кирилла Туровского / И. И. Срезневский // Изв. имп. АН по Отд-нию рус. яз. и словесности. – СПб.,

1854. – Т. 3. – Отд.: Исторические чтения о языке и словесности. – С. 370–381.
601. Стадников, А. В. Церковный суд в системе церковного правосудия в X – начале XX веков: документы и материалы: Хрестоматия / А. В. Стадников. – М.: ИПКГосслужбы, 2003. – 332 с.
602. Стефанович, П. С. Боярство и церковь в домонгольской Руси: Древняя Русь / П. С. Стефанович // Вопросы истории. – 2002. – №7. – С. 41–60.
603. Стефанович, П. С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север / П. С. Стефанович // Вестник церковной истории. – 2007. – №1. – С. 117–133.
604. Стефанович, П. С. Религиозно-этические аспекты отношений знати и князя на Руси в X–XII веках / П. С. Стефанович // Отечественная история. – 2004. – №1. – С. 3–18.
605. Столярова, Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. / Л. В. Столярова – М.: Наука, 2000. – 543 с.
606. Столярова, Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах / Л. В. Столярова. – М., 1998. – 414 с.
607. Столярова, Л. В. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.) / Л. В. Столяров, С. М. Каштанов. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010. – 448 с.
608. Строев, П. М. Список иерархов и настоятелей монастырей российской церкви / П. М. Строев. – СПб., 1877. – 1136 с.
609. Субботин, К. Об уставах церковного богослужения, прежнем и нынешнем / К. Субботин // Братское слово. – 1894. – Т. II. – С. 95–114.
610. Суворов, Н. С. Вероятный состав древнейшего исповедного и покаянного устава в восточной церкви / Н. С. Суворов // Византийский временник. – 1902. – Т. 9, № 2, 3. – 118 с.
611. Суворов, Н. С. К вопросу о западном влиянии на древнерусское право / Н. С. Суворов. – Ярославль: Типо-лит. М. Х. Фальк, 1893. – 384 с.

612. Суворов, Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права / Н. С. Суворов. – Ярославль : Типо-лит. Г. Фальк, 1888. – 233 с.
613. Суворов, Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву / Н. С. Суворов. – СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля 1876. – 338 с.
614. Суворов, Н. С. Учебник церковного права / Н. С. Суворов; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 504 с.
615. Сумникова, Т. А. «Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславиче Смоленском и о церкви» в кругу смоленских источников XII в. / Т. А. Сумникова // Восточнославянские языки. Источники их изучения. – М., 1973. – С. 128–146.
616. Тальберг, Н. Д. История Русской Церкви / Н. Д. Тальберг. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 1997. – 924 с.
617. Татищев, В. Н. История Российская с самых древнейших времен. / В. Н. Татищев. – М. : Изд-во Имп. Моск. ун-та, 1769. – Кн. 1. – Ч. 2. – 379 с.
618. Творогов, О. В. Иоанн (в миру Илья) / О. В. Творогов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – 1987. – Вып. 1. – С. 208–210.
619. Творогов, О. В. Кирилл, епископ Туровский / О. В. Творогов // URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4016> (дата обращения 21.11.2013)
620. Теодорович, Н. И. Город Владимир Волынской губернии в связи с историей Волынской иерархии / Н. И. Теодорович. – Почаев, 1893. – 526 с.
621. Теодорович, Н. И. Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии / Н. И. Теодорович. – Почаев, 1888-1903. – В 5 т.: Т. 1 Житомирский, Новоград-Волынский и Овручский уезды; Т. 2 Ровенский, Острожский и Дубенский уезды; Т. 3 Кременецкий и Заславский уезды; Т. 4 Староконстантиновский уезд; Т. 5 Ковельский уезд.
622. Титов, А. А. Ростовская иерархия / А. А. Титов. – М. : тип. Л. и А. Снегиревых, 1890. – 75 с.

623. Тихомиров, П. И. Биографии первых девяти Новгородских епископов / П. И. Тихомиров. – Новгород, 1861. – 176 с.
624. Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. – М. : Гос. изд. политич. лит-ры, 1956. – 475 с.
625. Тихомиров, М. Н. Древняя Русь / М. Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1975. – 432 с.
626. Тихомиров, П. И. Кафедра новгородских святителей со времен введения христианства в Новгороде до покорения его Московской державе / П. И. Тихомиров. – Новгород, 1891. – Т. 1. Новгород. – 189 с.
627. Ткаченко, А. А. Епископ / А. А. Ткаченко // Православная энциклопедия. – М., 2010. – Т. 18. – С. 509–522.
628. Ткаченко, А. А. Десятина / А. А. Ткаченко // Православная энциклопедия. – М., 2008. – Т. 14. – С. 452.
629. Толочко, А. П. Основание Холмской епископии / А. П. Толочко // *Palaeoslavica*. – 2017. – № XXV/1 – P. 254–277.
630. Толочко, А. П. «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси / А. П. Толочко // Южная Русь и Византия: Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византинистов) / отв. ред. П. П. Толочко. – Киев : Наук. думка, 1991. – С. 34–42.
631. Толочко, П. П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги» / П. П. Толочко // RUTHENICA. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи / НАН України. Інститут історії України. – К. : Інститут історії України, 2010. – Т. 9. – С. 17–22.
632. Толочко, П. П. «И ради быша новгородци» / П. П. Толочко // Родина. – 2009. – № 9. – С. 19–22.
633. Толочко, П. П. Крещение Ярополка Святославича: историческая реальность или ученая фикция? / П. П. Толочко // Византийский временник. – Т. 63 (88). – М.: Наука, 2004. – С. 59–66.

634. Толочко, П. П. Сказание о начале Печерского монастыря и его автор / П. П. Толочко // *Ruthenica* / науч.ред. В. Ричка, О. Толочко. – Киев : ПУ НАН Украины, 2003. – Т. 2. – С. 115–125.
635. Толстой, М. В. История русской церкви: Рассказы из истории русской церкви: в 5 кн / М. В. Толстой. – М., 1898. – Кн. 1. – 594, VIII с.
636. Томилин, А. Великоновгородская святительская кафедра в историческом значении / А. Томилин. – СПб., 1851. – 47 с.
637. Трапезников, А. А. Православие в России и предстоятели Церкви / А. А. Трапезников. – М. : Вече, 2010. – 336 с.
638. Трапезникова, О. А. Цитата как актуализатор авторской интенции в древнерусском тексте (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) / О. А. Трапезникова // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2011. – № 3. – С. 27–33.
639. Трофимов, А. Святые жены Руси. / А. Трофимов. – М., 1994. – 229 с.
640. Турилов, А. А. Галицкая епархия. Памятники церковной письменности / А. А. Турилов // *Православная энциклопедия*. – М., 2010. – Т. 10. – С. 322–328
641. Турилов, А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопрошание» / А. А. Турилов // *Славянский мир между Римом и Константинополем (Славяне и их соседи. Вып. 11)*. – М., 2004. – С. 211–262.
642. Турчанинов, Н. П. О соборах, бывших в России со времени ведения в ней христианства до царствования Иоанна IV Васильевича / Н. П. Турчанинов. – СПб., 1829. – 162 с.
643. Уайбру, Х. Православная литургия. Развитие евхаристического богослужения византийского обряда / Х. Уайбру. – М. : ББИ, 2000. – 212 с.
644. Ужанков, А. Н. Святые страстотерпцы Борис и Глеб: к истории канонизации и написания житий / А. Н. Ужанков // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – №2 (2). – 2000. – С. 28–50.

645. Успенский, Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси / Б. А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 128 с.
646. Успенский, Б. А. Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? / Б. А. Успенский // Успенский, Б. А. Историко-филологические очерки. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 69–122.
647. Успенский, Б. А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов / Б. А. Успенский. – М., 2000. – 140 с.
648. Успенский, Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б. А. Успенский. – М. : Языки русской культуры, 1998 – 680 с.
649. Успенский, В. М. Толковая Палея / В. М. Успенского. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1876. – 134 с. – Прил. к «Православному собеседнику» 1876 г.
650. Успенский, Н. Д. Византийская Литургия (Историко-литургическое исследование) / Н. Д. Успенский // Богословские труды. – М., 1980. – Т. 21. – С. 5–53.
651. Успенский, Н. Д. Византийская литургия: историко-литургическое исследование: Анафора: опыт историко-литургического анализа / Н. Д. Успенский. – М. : Изд. совет РПЦ, 2006. – Т. 2. – 592 с.
652. Успенский, Н. Д. Православная литургия: историко-литургические исследования. Праздники, тексты, устав / Н. Д. Успенский. – М. : Изд. Московской Патриархии РПЦ., 2007. – 432 с.
653. Успенский, Н. Д. Святоотеческое учение о евхаристии и возникновение конфессиональных расхождений / Н. Д. Успенский. – СПб. : Сардоникс, 2004. – 62 с.
654. Успенский, Н. Д. Чин Всенощного бдения на православном Востоке и в Русской Церкви / Н. Д. Успенский. – М. : Изд. совет РПЦ, 2003. – 194 с.
655. Успенский, Ф. Б. Нетленность мощей: опыт сопоставительного анализа греческой, русской и скандинавской традиций / Ф. Б. Успенский //

- Востонохристианские реликвии / ред. сост. А. М. Лидов. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 151–160.
656. Федер, В. Р. Сведения о славянских переводных патериках / В. Р. Федер // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. – М. : Наука, 1976. – Вып. 2. – С. 215–217.
657. Федорова, Е. В. Введение в латинскую эпиграфику / Е. В. Федорова. – М. : Изд. Московского университета, 1982. – 256 с.
658. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов, Предисловие Д. С. Лихачева и А. В. Меня. Комм. С. С. Бычкова. – М. : Московский рабочий, 1990. – 269 с.
659. Федотов, Г. П. Собрание сочинений: в 12 т.: / Г. П. Федотов, примеч. С. С. Бычкова. – М. : Мартис, 2001. – Т. 10: Русская религиозность. Ч. 1: Христианство Киевской Руси: X–XIII вв. – 382 с.
660. Филарет, (Гумилевский), епископ Харьковский. Обзор духовной литературы. 862-1863 / Филарет (Гумилевский). – СПб., 1884. – Кн. 1.: 862–1720. – 511 с.
661. Филарет, епископ Черниговский. История Русской Церкви. Период первый. От начала христианства в России до нашествия Монголов (988–1237) / еп. Филарет (Гумилевский). – Харьков, 1849. – [XII], 270 с.
662. Филарет, митр. Крещение святого князя Владимира и Русской земли / митр. Филарет // Богословские труды: сборник. – М. : Московская патриархия, 1987. – Т. 28 – С. 33–51.
663. Филарет, митр. Установление христианства на Руси / митр. Филарет // Богословские труды. – М. : Московская патриархия, 1987. – Т. 28. – С. 26–32.
664. Филипповский, Г. Ю. Житие Леонтия Ростовского / Г. Ю. Филипповский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. – Л., 1987. – С. 159–161.

665. Филипповский, Г. Ю. О происхождении ранней краткой редакции Жития св. Леонтия Ростовского / Г. Ю. Филипповский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. – № 3 (29). – С. 115–116.
666. Филист, Г. М. Введение христианства на Руси: Предпосылки, обстоятельства, последствия / Г. М. Филист. – Минск : Беларусь, 1988. – 254 с.
667. Филист, Г. М. К вопросу о путях проникновения христианства на Русь / Г. М. Филист // Вопросы научного атеизма. – М. : Мысль, 1988. – Вып. 37. – С. 30–49.
668. Филонов В.И. Попытки католической церкви преодолеть раскол с православием в период с XII по XIV веков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 2 (38). – С. 230–236.
669. Флоря, Б. Н. Исповедные формулы о взаимоотношениях церкви и государства в России XVI–XVII вв. / Б. Н. Флоря // Одиссей. Человек в истории. – 1992. Историк и время. – М., 1994. – С. 204–214.
670. Флоря, Б. Н. Исследования по истории церкви. Древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря. – М. : ЦНЦ «ПЭ», 2007. – 528 с.
671. Фомина, Т. Ю. «А се владыце рех...»: межличностные отношения епископата и монашествующих в домонгольской Руси / Т. Ю. Фомина, П. И. Гайденок // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Часть II / отв. ред. В. В. Мильков. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. – С. 158–170.
672. Фомина, Т. Ю. «Вопрошание Кириково» как источник по истории внутрицерковных отношений в Древней Руси / Т. Ю. Фомина // Pridneprovski research journal. – 2012. – №3 (125). – С. 38–42.
673. Фомина, Т. Ю. «Вопрошание Кириково» как памятник покаянного права Древней Руси / Т. Ю. Фомина // Кирик Новгородец и древнерусская культура. В 2-х ч. Часть II / отв. ред. В. В. Мильков. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. – С. 66–81.

674. Фомина, Т. Ю. «Вопрошание» Кирика Новгородца (к вопросу о латинском влиянии) / Т. Ю. Фомина // Современные проблемы изучения истории Церкви. Тезисы докладов Международной научной конференции. – М.: МГУ, 2011. – С. 255–258.
675. Фомина, Т. Ю. «Летописец Новгородской вкратце, церквам Божиим» как источник церковной истории Великого Новгорода X–XII вв. / Т. Ю. Фомина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – №11(113) – С. 61–68.
676. Фомина, Т. Ю. «Прииде къ Новуграду архиепископъ Аким Корсунянинъ»: к вопросу о становлении новгородской епископии / Т. Ю. Фомина // Обретение святых -2016: сборник материалов VIII Межрегиональной церковно-научной конференции. г. Киров (Вятка), 15 октября 2016. – Киров: Лобань, 2017. – С. 132–137.
677. Фомина, Т. Ю. Архиереи домонгольской Руси: особенности титулатуры и эпитеты / Т. Ю. Фомина // Церковь. Богословие. История. материалы II Всероссийской научно-богословской конференции. Екатеринбургская духовная семинария Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. (12 февраля 2014 г) – Екатеринбург, 2014. – С. 256–261.
678. Фомина, Т. Ю. Архиерейские взаимоотношения в домонгольской Руси / Т. Ю. Фомина // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2013. – № 12. – Т. 2. – С. 333–342.
679. Фомина, Т. Ю. Виды епископской власти в домонгольской Руси: постановка проблемы / Т. Ю. Фомина // Церковь. Богословие. История. Материалы всероссийской научно-богословской конференции. (Екатеринбург, 12 февраля 2013 г.). – Екатеринбург, 2014. – С. 181–189.
680. Фомина, Т. Ю. Дискуссионные проблемы истории Черниговской епископии / Т. Ю. Фомина // Материалы Международной научно-практической конференции «Власть и церковь в Древней Руси: события, личности, идеи» 13 – 14 июня 2017 года – СПб, 2017. – С. 56–67.

681. Фомина, Т. Ю. Древнерусские епископии: время, место и обстоятельства создания / Т. Ю. Фомина // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму. Материалы V международной научно-практической конференция 24-25 сентября 2015 г. – Великий Новгород, 2016. – Ч. 1. – С. 77–86.
682. Фомина, Т. Ю. Епископальная структура Руси в период монголо-татарского вторжения 1237-1240 годов (по летописным источникам) / Т. Ю. Фомина // Золотоордынское обозрение. – 2019. – Т. 7. – № 2. – С. 254-265.
683. Фомина, Т. Ю. Епископии Юго-Западной Руси: этапы становления и развития (X-XIII вв.) / Т. Ю. Фомина // Христианское чтение. – 2016. – № 6. – С. 393–411.
684. Фомина, Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие / Т. Ю. Фомина. – М. : Университетская книга, 2014. – 360 с.
685. Фомина, Т. Ю. Епископская власть в домонгольской Руси: постановка проблемы / Т. Ю. Фомина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – №2 (130). – С. 118–122.
686. Фомина, Т. Ю. Епископская власть домонгольской Руси: экономический аспект / Т. Ю. Фомина, Г. Ш. Купорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №10. – Ч. I. – С. 115–121.
687. Фомина, Т. Ю. Епископская власть и мирское духовенство в домонгольской Руси / Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9. – Ч. I. – С. 187–191.
688. Фомина, Т. Ю. Епископская улица новгородского кремля / Т. Ю. Фомина, Г. Ш. Купорова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №9. – Ч. II. – С. 91–95.

689. Фомина, Т. Ю. Епископские центры на Руси (X-XIII вв.): дооктябрьская историография / Т. Ю. Фомина // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия». 21-22, 25-26 июня 2018 г. – СПб., 2018. – № 2(10). – С. 74–79.
690. Фомина, Т. Ю. Источники возникновения епископской власти на Руси / Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №7 (33). – Ч. II. – С. 183–187.
691. Фомина, Т. Ю. Источники епископской власти в Древней Руси / Т. Ю. Фомина // Zbiornik portow naukowych «Postępy w nauce wostatnichlatach. Nowy chrozwiązań» (28.12.2012 – 30.12.2012). – Warszawa, 2012. – S. 29–32.
692. Фомина, Т. Ю. К вопросу о грамотности в средневековом Новгороде / Т. Ю. Фомина // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XII научно-богословской конференции (25 мая 2009 г.), – Йошкар-Ола, 2009. – С. 22–30.
693. Фомина, Т. Ю. К вопросу о национальном и социальном происхождении архиереев домонгольской Руси / Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №10. – Ч. II. – С. 200–205.
694. Фомина, Т. Ю. К вопросу о национальном происхождении епископов домонгольской Руси / Т. Ю. Фомина // Духовная жизнь региональных сообществ: история, традиции, современность. Сборник докладов Международной научно-практической конференции (14-15 мая 2013 г.). – Казань, 2013. – С. 274–278.
695. Фомина, Т. Ю. К вопросу о периодизации истории новгородской епископии (до начала XIII в.) / Т. Ю. Фомина, Г. Ш. Заляева // Церковь. Богословие. История. Материалы III Международной научно-богословской

конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской. Екатеринбургская митрополия, Екатеринбургская духовная семинария Миссионерский институт Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств Лаборатория археографических исследований. – Екатеринбург, 2015. – С. 611–618.

696. Фомина, Т. Ю. К вопросу о происхождении Новгородской первой летописи / Т. Ю. Фомина // Вопросы истории. – 2010. – № 10. – С. 168–173.

697. Фомина, Т. Ю. «Летописец Новгородской вкратце, церквам Божиим» как источник церковной истории Великого Новгорода X–XII веков. / Т. Ю. Фомина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – №11(113) – С. 61–68.

698. Фомина, Т. Ю. Летопись Авраамки: состав, источники, время создания / Т. Ю. Фомина // Актуальные проблемы источниковедения. Материалы III Международной научно-практической конференции. 8–9 октября 2015 г. г. Витебск. – Витебск, 2015. С. 142–145.

699. Фомина, Т. Ю. Новгородская епископия: этапы развития до конца XIII века / Т. Ю. Фомина // Кирик Новгородец и древнерусская культура: сборник: в 4 ч. Ч. 4 / отв. ред. В. В. Мильков; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2017. – С. 224–266.

700. Фомина, Т. Ю. Новгородские епископы X–XII в.: полномочия, деятельность / Т. Ю. Фомина // Новгородика –2012: у истоков российской государственности. Материалы IV Международной научной конференции. – Великий Новгород, 2013. – Ч. 2. – С. 101–107.

701. Фомина, Т. Ю. О правовом положении церковной собственности в домонгольской Руси (историко-правовые этюды) / Т. Ю. Фомина, П. И. Гайденко // Клио. Журнал для ученых. – СПб.: Полтораки, 2011. – С. 38–42.

702. Фомина, Т. Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» / Т. Ю. Фомина, П. И. Гайденко // Вестник

Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 51. – 2012. – № 16 (270). – С. 83–92.

703. Фомина, Т. Ю. Организации церковной жизни на Руси накануне Крещения. Часть 1. Первые христианские храмы / Т. Ю. Фомина, П. И. Гайдено // Вестник НГПИ – Вып. 18. – Наб. Челны, 2010. – С. 100–105.

704. Фомина, Т. Ю. Организация церковной жизни на Руси накануне Крещения. Часть 2. Церковная иерархия / Т. Ю. Фомина, П. И. Гайдено // Вестник НГПИ. Сборник-научно-методических трудов. – 2011. – Вып. 19. – С. 91–97.

705. Фомина, Т. Ю. Организация церковной жизни на Руси накануне Крещения. Часть 3. Христианство и язычество в Древней Руси / Т. Ю. Фомина, П. И. Гайдено // Вестник НГПИ. Сборник-научно-методических трудов. – 2011. – Вып. 21. – С. 98–102.

706. Фомина, Т. Ю. Особенности взаимоотношений архиерейской власти с монастырями (конец X – первая треть XIII вв.) / Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №12 – С. 204–208.

707. Фомина, Т. Ю. Особенности взаимоотношения православных клириков и их паствы в Великом Новгороде X–XII вв. / Т. Ю. Фомина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2009. – №4. – С. 7–13.

708. Фомина, Т. Ю. От епископии к епархии: к вопросу о формировании церковной структуры Новгорода / Т. Ю. Фомина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2020. – № 2. – С. 97–102.

709. Фомина, Т. Ю. Очерк истории Белгородской епископии (до конца XII в.) / Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11(61). – Ч. 1. – С. 188–192.

710. Фомина, Т. Ю. Повседневно-бытовая культура Великого Новгорода X–XII вв. (по археологическим материалам и письменным источникам) / Т. Ю. Фомина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – № 3. – 2009. – М.: Изд-во МГОУ. – С. 3–8.
711. Фомина, Т. Ю. Повседневный быт средневекового новгородца (X–XII вв.) / Т. Ю. Фомина // Вестник НГПИ. Сб. статей. – Вып. 16. – Наб. Челны, 2009. – С. 91–99.
712. Фомина, Т. Ю. Порядок поставления архиереев домонгольской Руси / Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №8. Ч. 2. – С. 182–188.
713. Фомина, Т. Ю. Появление русских епископий при князе Владимире: историографический аспект / Т. Ю. Фомина // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Материалы Всероссийской научной конференции «Равноапостольный князь Владимир и формирование русской цивилизации» 23-24 сентября 2015 года. – СПб., 2015. – С. 31–48.
714. Фомина, Т. Ю. Православные клирики Великого Новгорода в письменных источниках X–XII вв. / Т. Ю. Фомина // Каптеревские чтения 7 / под ред. М. В. Бибикова, В. Г. Ченцовой, Н. П. Чесноковой и др. – М. : ИВИ РАН, 2009. – С. 63–72.
715. Фомина, Т. Ю. Пределы канонической власти архиереев в домонгольской Руси: богослужебный аспект / Т. Ю. Фомина, П. И. Гайденко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №9 (23). – Ч. II. – С. 38–44.
716. Фомина, Т. Ю. Прецеденты отрешения епископов от кафедры: практика домонгольской Руси / Т. Ю. Фомина // Родной край: история и современность: Материалы всероссийской научно-практической

конференции (28 февраля 2014 г.). Сборник статей и докладов / Ред.-сост. Г. Т. Салахатдинова – Набережные Челны, 2014. – С. 58–60.

717. Фомина, Т. Ю. Принципы подбора кандидатов на архиерейские должности / Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3 – С. 177–182.

718. Фомина, Т. Ю. Проблемы взаимоотношения приходских священников и паствы в Великом Новгороде X–XII веков. / Т. Ю. Фомина // Новгородика – 2010. Вечевой Новгород: Материалы Международной науч.-практ. конф. 20–22 сентября 2010 г. / сост. Д. Б. Терешкина. – Великий Новгород, 2011. – Ч. 1. – С. 289–299.

719. Фомина, Т. Ю. Роль православного духовенства в жизни Великого Новгорода X–XII вв. / Т. Ю. Фомина // Христианское просвещение и русская культура: Доклады и сообщения XI научно-богословской конференции (26–27 мая 2008 г.). – Йошкар-Ола, 2008. – С. 41–48.

720. Фомина, Т. Ю. Социально-политический статус архиереев домонгольской Руси по летописным источникам / Т. Ю. Фомина // Христианское чтение. – 2015. – № 2. – С. 24–44.

721. Фомина, Т. Ю. Становление и развитие Северо-Восточных русских епископий (конец X–XIII вв) / Т. Ю. Фомина // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – СПб., 2016. – Т. 6. № 6 (6). – С. 387–414.

722. Фомина, Т. Ю. Туровская епископия: этапы становления и развития (X–XIII вв.) / Т. Ю. Фомина // Христианское чтение – 2018. – №2. – С. 243–253.

723. Фомина, Т. Ю. Условия и принципы возникновения епископских центров на Руси / Т. Ю. Фомина // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 2. – Т. 1. – С. 421–428.

724. Фомина, Т. Ю. Церковно-политические аспекты истории Смоленской епископии (XII–XIII вв.) / Т. Ю. Фомина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4(66). – Ч. 2. – С. 176–180.

725. Фомина, Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы / Т. Ю. Фомина, П. И. Гайденок, Л. А. Москалева. – М. : Университетская книга, 2013. – 150 с.
726. Фомина, Т. Ю. Юго-западные епископии в контексте церковной истории Древнерусского государства (X–XIII вв) / Т. Ю. Фомина // Материалы научной конференции «Воронеж – форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании) 15-16 сентября 2017 г. – Воронеж, 2017. – С. 25–29.
727. Франклин, С. Начало Руси. 750–1200 / С. Франклин, Д. Шепард, под ред. Д. М. Буланина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – 624 с.
728. Франклин, С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950-1300 гг.) / С. Франклин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2010. – 552 с.
729. Фрис, В. Православие и католичество. Противоположность или взаимодополнение? / В. Фрис. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1992. – 158 с.
730. Хайнман, И. Еврейская диаспора и Русь / И. Хайнман. – Иерусалим : Б. и., 1983. – 92 с.
731. Хара-Даван, Э. Чингис-хан: эссе / Э. Хара-Даван. – Казань : Идея - пресс, 2008. – 204 с.
732. Хозеров, И. М. Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска / И. М. Хозеров // Seminarium Kondakovianum. – Прага, 1928. – Т. 2. – С. 353–354.
733. Хойнацкий, Я. К вопросу о «плоцких вратах» кафедрального собора в Великом Новгороде / Я. Хойнацкий // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 4–2 (87). – С. 56–58.
734. Хойнацкий, А. Ф. Очерки из истории православной Церкви и древнего благочестия на Волыни. / А. Ф. Хойнацкий. – Житомир : Типо-литография С. П. Бродовича., 1878. – 290 с.
735. Хорошев, А. С. Боярское строительство в Новгородском монастыре / А. С. Хорошев // Вестник МГУ. Сер. История. – 1966. – № 2. – С. 77–82.

736. Хорошев, А. С. Знаменская икона: Древнейшая святыня Новгорода / А. С. Хорошев // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию В. Л. Янина / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ист. фак. ; [Редкол.: А. А. Гиппиус и др.]. – М. : Русские словари, 1999. – С. 180–186.
737. Хорошев, А. С. К вопросу о «языческом могильнике» на Ярославском Дворище / А. С. Хорошев // История и культура древнерусского города / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989. – С. 89–99.
738. Хорошев, А. С. Летописные списки новгородских владык / А. С. Хорошев // Новгородский исторический сборник. – 1984. – Вып. 2(12) – С. 127–142.
739. Хорошев, А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) / А. С. Хорошев. – М. : Изд-во МГУ, 1986. – 206 с.
740. Хорошев, А. С. Участие новгородской церкви в политической жизни (1200-1230) / А. С. Хорошев // Новое в археологии. – М., 1972. – С. 241–246.
741. Хорошев, А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики / А. С. Хорошев. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 223 с.
742. Хрусталёв, Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском / Д. Г. Хрусталёв. – СПб. : Евразия, 2002. – 448 с.
743. Хрусталева, Д. Г. Русь и могольское нашествие 20-50-е гг. XIII в. / Д. Г. Хрусталева – СПб. : Евразия, 2013. – 413 с.
744. Цветков, С. Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц. 1054-1212. / С. Э. Цветков. – М. : Центрполиграф, 2009. – 526 с.
745. Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР; Отв. ред. А. И. Клибанов. – М. : Наука, 1990. – 351 с.
746. Цуркан, Р. К. Славянский перевод Библии: Происхождение, история текста и важнейшие издания / Р. К. Цуркан. – СПб. : ИД «Коло»; ИТД «Летний сад», 2001. – 320 с.

747. Цыпин, В. А., прот. Каноническое право / прот. В. А. Цыпин. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 864 с.
748. Цыпин, В. А., прот. Курс церковного права / прот. В. А. Цыпин. – Клин : Христианская жизнь, 2004. – 703 с.
749. Чесных, Т. И. Правосудие Древней Руси / Т. И. Чесных. – М. : Изд-во РГТЭУ, 2005. – 148 с.
750. Часных, Т. И. Суд и процесс в Киевской Руси в XI–XII вв. / Т. И. Часных // История судебных учреждений России: сборник обзоров и рефератов / гл. ред. Ю. С. Пивоваров. – М. : ИНИ по общественным наукам РАН; РАП, 2004. – С. 77–97.
751. Чельцов, М. Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI–XII веках / М. Чельцов. – СПб. : тип. Ф.Г. Елеонского и К°, 1879. – 431 с.
752. Черемин, А. А. Туровское княжество (X–XIV века) / А. А. Черемин. – Минск : Полиграфкомбинат, 2012. – 205 с.
753. Черепнин, Л. В. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков / Л. В. Черепнин, отв ред. С. В. Бахрушин. – М. : АН СССР, 1951. – 400 с.
754. Чибисов, Б. И. Избрание епископов на Руси: каноны и практика (XII – первая треть XV в.) / Б. И. Чибисов // Труды Института российской истории РАН. – 2014. – № 12. – С. 29–42.
755. Чибисов, Б. И. Избрание епископов на Руси: церковная практика (середина XII – первая треть XV вв.). / Б. И. Чибисов – Saarbrücken, 2012. – 117 с.
756. Чиннов, П. Участие древне-русских митрополитов в современной им государственной и общественной жизни / П. Чиннов // Вера и разум. – 1911. – №13 (июль). – Кн. 1. – С. 35–56.
757. Чистович, И. А. Очерк истории западнорусской церкви / [Соч.] И. Чистовича. – СПб.: тип. Деп. уделов, 1882–1884. – 2 т. Ч. 1. – 1882. – 221 с.; Ч. 2. – 1884. – 419 с.

758. Чичерин, Б. Н. Общее государственное право / Б. Н. Чичерин. – М. : Зерцало, 2006. – 505 с.
759. Чичуров, И. С. Антилатинский трактат киевского митрополита Ефрема (ок. 1054/55 – 1061/62 гг.) в составе греческого канонического сборника Vat. Gr. 828 / И. С. Чичуров. // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие, философия. – М., 2007. – Вып. 3 (19). – С. 107–132.
760. Чичуров, И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь) / И. С. Чичуров. – М. : Наука, 1991. – 176 с.
761. Чичуров, И. С. Схизма 1054 г. и антилатинская полемика в Киеве (середина XI – начало XII в.) / И. С. Чичуров // *Russia mediaevalis*. –Munchen, 1997. – Bd. 9. – S. 43–53.
762. Чичуров, И. С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции / И. С. Чичуров // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. ст. / отв. ред. А. И. Клибанов. – М., 1990. – С. 16–17.
763. Чукова, Т. А. Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным / Т. А. Чукова. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 224 с.
764. Шахматов, А. А. Житие Антония и Печерская летопись / А. А. Шахматов // Журнал Министерства народного просвещения – 1898. – Март, отд. 2. – С. 105–149.
765. Шахматов, А. А. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни / А. А. Шахматов // Научный исторический журнал. – СПб., 1914. –Т. 2. Вып. 2. № 4. – С. 30–60.
766. Шевкун, П. В. К вопросу об особенностях развития Киевской митрополии в середине - 2-ой половине XVI века / П. В. Шевкун // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2004. – Т. 3. № 2. – С. 110–115.
767. Шевырев, С. П. Заметка о Слове Авраамия Смоленского / С. П. Шевырев // Известия Отделения русского языка и словесности

Императорской Академии наук. – СПб., 1859–1860. – Т. VIII. Вып. 4. – С. 326–330.

768. Шелиха фон, Вольфрам. Основание православного епископства в Сарае в 1261 году // Золотордынская цивилизация. Сборник статей. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Казань, 2012. – Вып. 5. – С. 83–90.

769. Шляпкин, И. А. Описание рукописей суздальского Спасо-Евфимиева монастыря / И. А. Шляпкин // Памятники древней письменности. – СПб., 1880. – Вып. IV. – С. 1–73.

770. Шляпкин, И. А. Святитель Димитрий Ростовский и его время / И. А. Шляпкин. – СПб. : Тип. А. Траншель, 1891. – 460 с.

771. Шляпкин, И. А. Синодик псковского Спасо-Мирожского монастыря / И. А. Шляпкин. – СПб. : Лит. А.И. Иконникова, 1880. – С. 115–135.

772. Шмурло, Е. Ф. Когда и где крестился Владимир Святой? / Е. Ф. Шмурло // Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир: Из наследия русской эмиграции / сост. и авт. вступ. статьи М.Д. Филин. – М., 2000. – С. 17–58.

773. Штыхов, Г. В. Киев и города Полоцкой земли / Г. В. Штыхов // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв. Сб. статей. – Минск: Наука и техника, 1982. – С. 45–80.

774. Щавелева, Н. И. Донесение католического миссионера XIII в. О путешествии через Русь к Татарам / Н. И. Щавелева // От Древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапов. – М. : Паломнический центр Московского Патриархата, 2005. – С. 159–163.

775. Щапов, Я. Н. Архимандрития в древнерусском городе / Я. Н. Щапов, Е. И. Соколова // Церковь, общество и государство в феодальной России. – М., 1990. – С. 44–45.

776. Щапов, Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М. : Наука, 1978. – 292 с.

777. Щапов, Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси (конец X – первая половина XIII в.) / Я. Н. Щапов. // Введение христианства на Руси / отв. ред. А. Д. Сухов. – М. : Мысль, 1987. – С. 124–137.
778. Щапов, Я. Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М. : Наука, 1989. – 232 с.
779. Щапов, Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. – М. : Наука, 1976. – 240 с.
780. Щапов, Я. Н. Древнерусские княжеские Уставы и церковь в феодальном развитии Руси в X–XIV вв. / Я. Н. Щапов // История СССР. – 1970. – №3. – С. 123–126.
781. Щапов, Я. Н. К истории городских институтов Древней Руси (игумены и архимандриты) / Я. Н. Щапов, Е. И. Соколова. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. – Киев, 1988. – С. 143–169.
782. Щапов, Я. Н. К истории соотношения светской и церковной юрисдикции на Руси в XII – XIV вв. / Я. Н. Щапов // Польша и Русь. – М., 1974. – С. 172–189.
783. Щапов, Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV вв. / Я. Н. Щапов, отв. ред. А. А. Зимин. – М. : Наука, 1972. – 166 с.
784. Щапов, Я. Н. Оказывало ли христианство влияние на язычество? / Я. Н. Щапов // Восточная Европа в средневековье: Язычество, христианство, церковь (Тезисы докладов): Чтения памяти В. Т. Пашуто / отв. ред. А. П. Новосельцев. – М. : ИРИ РАН, 1995. – С. 85–88.
785. Щапов, Я. Н. Памятники церковного права IX – XIII вв. Древней Руси и славянских стран (Опыт сравнительно-исторического изучения) / Я. Н. Щапов // Исторические записки. – 1982. – Т. 107.
786. Щапов, Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. / Я. Н. Щапов // Труды Отдела древнерусской литературы. – 1974. – Т. 28. – С. 47–59.
787. Щапов, Я. Н. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича / Я. Н. Щапов // Археографический ежегодник за 1962. – М., 1963. – С. 37–47.

788. Щапов, Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. / Я. Н. Щапов // Византийский временник. – М., 1971. – Т. 31. – С. 71–78.
789. Щапов, Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. / Я. Н. Щапов. // Византийский временник. – М. : Наука, 1971. – Т. 31. – С. 71–78.
790. Щапов, Я. Н. Церковь в Древней Руси (до конца XIII в.) / Я. Н. Щапов // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. – М. : Политиздат, 1989. – С. 10–70.
791. Щербатов, М. М. История российская от древнейших времен. / М. М. Щербатов. – СПб. : Императорская Академия наук, 1770. – Т. 1. – 398 с.
792. Эверс, И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И. Ф. Г. Эверс, пер. И. Платонова. – СПб., 1835. – 423 с.
793. Юсупович, А. «Богу же изволившю даниль созда градъ Холмъ»: когда и как Холм стал столичным городом / А. Юсупович // *Rossica Antiqua*. – 2014. – № 1 (9). – С. 44–62.
794. Юшков, С. В. К истории древнерусских юридических сборников XIII в. / С. В. Юшков. – Саратов, 1921. – 27 с.
795. Юшков, С. В. Правосудие митрополичье // С. В. Юшков / Отв. ред. О. И. Чистяков. – М. : Юридическая литература, 1989. – С. 336–344.
796. Юшков, С. В. Русская Правда: Происхождение, источники, её значение / С. В. Юшков, под ред. О. И. Чистякова. – М. : Зерцало-М, 2002. – 400 с.
797. Юшков, С. В. Устав князя Владимира (историко-юридическое исследование) // С. В. Юшков, отв. ред. О. И. Чистяков. – М. : Юридическая литература, 1989. – С. 71–335.
798. Ягич, И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095–1097 / И. В. Ягич. – СПб. : Отд-ние рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1886. – 941 с.
799. Яковлев, В. А. Древнекиевские религиозные сказания / В. А. Яковлев. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1875. – 160 с.

800. Янин, В. Л. Актовые печати в Древней Руси: Печати X – начала XIII в. / В. Л. Янин. – М. : Наука, 1970. – Т. 1. – 326 с.
801. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. в 2-х т. / В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. – М., 1998. – Т. 1. – 420 с.
802. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 3: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. / В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. – М. : Интрада, 1998. – 496 с.
803. Янин, В. Л. Изучение древнерусских висловых печатей / В. Л. Янин // Вспомогательные исторические дисциплины / отв. ред. С. Н. Валк. – Л. : Наука, 1968. – Вып. 1. – С. 32–55.
804. Янин, В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий / В. Л. Янин. – М. : Наука, 1990. – 385 с.
805. Янин, В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. Лазарев монастырь / В. Л. Янин // Археографический ежегодник за 1981 год. – М., 1982. – С. 57–67.
806. Янин, В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора / В. Л. Янин, рец. А. И. Клибанов и А. П. Новосельцев. – М. : Наука, 1988. – 240 с.
807. Янин, В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород / В. Л. Янин. – М. : Высшая школа, 1977. – 241 с.
808. Янин, В. Л. Печать Новгородского епископа Ивана Попьяна (1110–1130) / В. Л. Янин // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1978. Вып. 9. – С. 47–56.
809. Янин, В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий / В. Л. Янин. – М. : Наука, 1990. – 384 с.
810. Янин, В. Л. Новгородский скрипторий рубежа XI–XII вв. Лазарев монастырь / В. Л. Янин // Археографический ежегодник за 1981 год. – М., 1982. – С. 57–67.
811. Янин, В. Л. Я послал тебе бересту / В. Л. Янин. – М. : Изд-во МГУ, 1965. – 192 с.

812. 988-1988: Um millenaire la christianisation de la Russie ancienne / Textes revises par Hamant G. – P.: Unesco, 1989. – 354 p.
813. Bartusis, Mark C. The Late Byzantine Army: Arms and Society / Mark C. Bartusis, – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1997. – 464 p.
814. Birnbaum, H. Kiev, Novgorod, Moscow: Three varieties of society in eats Slavic territory / H. Birnbaum // The urban society of Eastern Europe in premodern times. – Berkeley, 1987. – P. 1–62.
815. Birnbaum, H. Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city state / H. Birnbaum – Berkeley; Los Angeles: Berkeley univ. press, 1981. – 170 p.
816. Birnbaum, H. Novgorod and Dubrovnik: Two Slavic city republics and their civilization / H. Birnbaum – Zagreb, 1989. – 33 p.
817. Dagron, G. Восточный цезаропапизм. (история и критика одной концепции) / G. Dagron, Пер. С. А. Иванова // GENNADIOΣ. – М.: Индрик, 2000. – С. 80–99.
818. Darrouzès, J. Notitiaeepiscopatum ecclesiae Constantinopolitanae / J. Darrouzès – Paris, 1981. – 388 p.
819. Die orthodoxe Kirche in Russland: Dok. ihrer Geschichte, 860-1980 / Hrsg. von Hauptmann P., Stricker G. – Gottingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1988. – 958 s.
820. Franclin, S. The Empire of RHOMAIΟΙ as viewed from Kievan Russia: Aspects of the Byzantino-Russian cultural relations / S. Franclin // Byzantinon. – Bruxelles, 1983. – PP. 507–537.
821. Franclin, S. The Reseption of the Byzantine Culture by the Slavs / S. Franclin // The 17 th International Byzantine Congress. Major Papers. – N.Y., 1986. – PP. 383–397.
822. Hanak, W.K. The Impact of the Byzantine imperial thought upon Vladimirian-Iaroslavian Russian / W.K. Hanak. – Tempe, s.a. – P. 117–129. Отд. оттиски из: Byzantine Studies / Etudes Byzantine, Vol. 8, 11, 12, (1981, 1984, 1985)

823. Handbuch der Geschichte Russlands / Hrsg. von Hellmann M. et. al. – Stuttgart: Hiersemann, 1976–1989. – Bd 1, Ifg. 1–15 : Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum / Hrsg. von Hellmann M. – 1089 s.
824. Hierarchia ecclesiae orientalis. Vol.1 / A cura di G. Fedalto. – Padova, 1988. – Vol. 1.
825. Honigmann, E. Studies in Slavic Church History. A) The Foundation of the Russian Metropolitan Church According to Greek Sources / E. Honigmann // Byzantion. – 1944/1945. – T. 17. – P. 128–162.
826. Ingam N.W. The martyred prince and the question of Slavic culture continuity in the early Middle Ages / N.W. Ingam // Medieval Russian culture / Ed. by Birnbaum H. Flier M.S. Berkeley etc., 1984. – P. 39–68.
827. Iser W. Die Wirklichkeit der Funktion / W. Iser // Rezeptionsästhetik: Theorie und Praxis / Warning R. (Hrsg.). – München, 1975. – 504 s.
828. Laurent, V. Aux origines de l'Eglise russe: L'établissement de la hiérarchie byzantine / V. Laurent // Echo d'Orient. – 1939. – T. 38. – P. 279–295.
829. Lind J. H. The Russo-Byzantine Treaty and the Early Urban Structure of Rus' // The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62, № 3).
830. Mansi, J. D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collection. 1758–1798 / J. D. Mansi. – Graz, 1960–1962. – T. VIII. – P. 877–878.
831. Meyendorff, J. Byzantium and the rise of Russia: A study of Byzantino-Russ. Relations in the 14th cent / J. Meyendorff – Cambridge, 1981. – XXII, 326 p.
832. Müller, L. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039 / L. Müller // Osteuropa und der deutsche Osten. Bd. 6. – Köln; Braunsfeld, 1959. – S. 48–52.
833. Obolensky, D. The Bogomils: A study in Balkan neomanichaeism. / D. Obolensky. – Cambridge, 1948. – IX, 317 p.
834. Obolensky, D. The Byzantine commonwealth: Eastern Europe, 500-1453 / D. Obolensky. – N.Y.; Wash. : Praeger, 1971. – XIV, 445 p.

835. Paul Michael C. Episcopal Election in Novgorod, Russia 1156-1478 / Michael C. Paul // *Church history: Studies in Christianity and Culture* 72. – №2 (June 2003). – C. 251-275.
836. Poppe, A. La tentative de reforme ecclesiastique en Russie au milieu du XIe siècle / A. Poppe // *Acta Poloniae historica* – Warszawa, 1972. – T. 25. – P. 5–31.
837. Poppe, A. Państwowi Kościółna Rusi w XI wieku / A. Poppe – Warszawa, 1968. – 252 s.
838. Poppe, A. The Original Status of the Old-Russian Church / A. Poppe // *Acta Poloniae historica*. – Warszawa, 1967. – T. 39. – P. 5–45.
839. Poppe, A. The political background to the baptism of Rus': Bizantine-Russian relations between 986-989 / A. Poppe // *The rise of Christian Russia*. – L., 1982. – P. 197–224.
840. Vailhe, S. Alanie / S. Vailhe // *Dictionnaire d'Histoire et de Geographie Ecclesiastique*. T. 1. – Paris, 1909. – P. 1335–1338.
841. Vernadsky G. History of Russia. Vol. 2. Kievan Russia / G. Vernadsky – New Haven, 1948. – 412 p.
842. Vodoff, V. Naissance de la chretiente russe; La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses consequences (XI–XIII siecles) / V. Vodoff – P.: Fayard, 1988. – 494 p.
843. Wieczynski, J. L. Toward a Frontier Theory of Early Russian History / J. L. Wieczynski // *Russ. rev.* – Staford (Cal.), 1974. – Vol. 33, №7. – P. 284–295.
844. Worth, D. S. Toward a social history of Russia / D. S. Worth // *Medieval Russian culture* / Ed. by Birnbaum H., Filer M.S. Berkeley etc., 1984. – PP. 227-247.

Отзывы и рецензии

1. Гайденко, П. И. Православный взгляд на прошлое или новый вариант альтернативной истории? (Рецензия на учебник В. И. Петрушко «История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества») / П. И. Гайденко // Клио: журнал для учёных. – 2009. – № 1 (44). – С. 151–154.
2. Костромин, К. А. Еще раз о возникновении Туровской епископии (о статье Т. Ю. Фоминой «Туровская епископия: этапы становления и развития XI–XIII вв.*/) / К. А. Костромин // Христианское чтение. – 2018. – № 4. – С. 250–259.+
3. Лихачев, Д. С. Рецензия на издание Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. – 642 с. / Д. С. Лихачев // Вопросы истории. – 1951. – № 5. – С. 107.
4. Попов, Н. Древнерусские жития святых как исторический источник: [Рец.] / Н. Попов // Православное обозрение. – 1872. – Т. I. №3. – С. 410–426.
5. Смирнов, С. И. Исследование В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник»: [Рец.] / С. И. Смирнов. – М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. – 21 с.

Диссертации, авторефераты диссертаций

1. Артамонов, Ю. А. Княжеская власть и русская агиография XI–XII вв.: История создания агиографических сочинений Киево-Печерской традиции: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Артамонов Юрий Александрович. – М., 2001. – 28 с.
2. Васиховская, Н. С. Киево-Печерский монастырь во второй половине XI – первой половине XIII века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Васиховская Наталья Сергеевна. – Тюмень, 2009. – 221 с.
3. Гайденок, П. И. Место Киевского митрополита в системе политических отношений Киевской Руси (988–1037 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Гайденок Павел Иванович. – Казань, 2005. – 239 с.
4. Гайденок, П. И. Становление высшего церковного управления в Киевской Руси: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Гайденок Павел Иванович. – Екатеринбург, 2011. – 486 с.
5. Галимов, Т. Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях: 1231 -1281 гг. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Галимов Теймур Рустемович. – Ижевск, 2017. – 231 с.
6. Иаков (Тисленко), мон. Монастыри и монашеская жизнь Русской Церкви X–XII вв.: дис. ... канд. богословия / мон. Иаков (Тисленко). – Сергиев Посад, 1992. – 244 с.
845. Корогодина, М. В. Кормчие книги XIV - первой половины XVII вв. как исторический источник: автореферат дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Корогодина Мария Владимировна. – СПб., 2015. – 38 с.
7. Костромин, К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до сер. XII в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Костромин Константин Александрович. – СПб., 2011. – 240 с.
8. Ляпунова, Н. В. Эволюция профессионального церковного образования в России: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ляпунова Наталия Валентиновна. – М., 2007. – 391 с.

9. Масленников, А. В. Взаимоотношения светской и церковной властей в X - XVIII веках (на материалах Ростовско-Ярославской епархии): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Масленников Александр Владимирович. – Ярославль, 2012. – 281 с.
10. Мельник, А. Г. История почитания ростовских святых в XII–XVII веках: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мельник Александр Гаврилович. – Ярославль, 2004. – 260 с.
11. Мусин, А. Е. Христианские древности средневековой Руси IX–XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Мусин Александр Евгеньевич. – СПб., 1997. – 29 с.
12. Новожеев, Р. В. Формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси (вторая половина IX – середина XIII вв.): Сравнительно-исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Новожеев Роман Владимирович. – М., 2005. – 188 с.
13. Ольшевская, Л. А. История русской патерикиграфии (Киево-Печерский и Волоколамский патерики): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Ольшевская Лидия Альфонсовна. – М., 2003. – 510 с.
14. Осокина, Е. А. Проблемы соотношения гимнографии и агиографии на память княгини Ольги: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Осокина Елена Анатольевна. – М., 1995. – 26 с.
15. Панова, В. И. Ипатьевская летопись как источник для изучения православного духовенства Руси в XII веке: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Панова Валентина Игнатьевна. – М., 2016. – 511 с.
16. Парфененков, В. О. Древнерусское сочинение XII века «Вопрошание Кирика»: история текста: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Парфененков Виталий Олегович. – СПб., 1999. – 18 с.
17. Рукавишников, А. В. Древнерусская знать домонгольского периода (историко-терминологическое исследование): автореф. дис. ... канд. ист.

наук: 07.00.00, 07.00.02 / Рукавишников Александр Викторович. – М., 2005. – 24 с.

18. Со Сон Джонг Творчество Кирилла Туровского в контексте книжности его эпохи (пролог как источник произведений Кирилла Туровского): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Со Сон Джонг. – СПб., 2003. – 178 с.

19. Солнцев, Н. И. Труды русских историков церкви в отечественной историографии XVIII–XIX веков: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Солнцев Николай Игоревич. – Н. Новгород, 2009. – 662 с.

20. Солоненко, Л. В. Поэтика древнерусских женских житий: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Солоненко Людмила Владимировна. – Владивосток, 2006. – 176 с.

21. Харин, Е. С. Древнерусское монашество в XI–XIII вв: быт и нравы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Харин Егор Сергеевич. – Ижевск, 2007. – 185 с.

22. Шакирова, Д. Р. Язык жития Авраамия Смоленского как памятника древнерусской агиографии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шакирова Дина Ренатовна. – Казань, 1999. – 197 с.

Справочные и библиографические издания

1. Великий Новгород: история и культура XI–XVII веков: Энциклопедический словарь / отв. ред. В. Л. Янин. – СПб. : Нестор история, 2009. – 552 с.
2. Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Институт всеобщей истории РАН / ред.: Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин. – М. : Ладомир, 2014. – 991 с. : ил. – Библиогр. : с. 959 – 97.
3. Дьяченко, Г., прот. Полный церковно-славянский словарь / прот. Г. Дьяченко. – М. : Отчий дом, 2001. – 1120 с.
4. Евгений (Болховитинов Е. А.). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийския церкви: в 2 ч / Е. А. Болховитинов – СПб. : Тип. Н. Греча, 1818. – 346, (2) с., 347–710, (2) с.
5. Живов, В. М. Краткий словарь агиографических терминов / В. М. Живов. – М. : Гнозис, 1994. – 112 с.
6. Католическая энциклопедия: А–З. – М. : Изд-во францисканцев, 2002. – Т. 1. – 1906 с.
7. Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь / под ред. О. В. Творогова. – М. : Просвещение, Учебная литература, 1996. – 240 с.
8. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи (992–1892): в 3 т. / митр. Мануил (Лемешевский). – М. : Сретенский монастырь, 2002. – Т. 1: Аарон–Иоаким. – 543 с.; 2003. – Т. 2: Иоанн–Симеон. – 607 с.; 2004. – Т. 3.: Симон–Ювеналий. – 488 с.
9. Н.Д [Дурново Н.Н]. Девятисотлетие русской иерархии 988-1888. Епархии и архиереи. / Н.Н. Дурново. – М., 1888. – 378 с.
10. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, под. ред. [и с предисл.] Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1990. – 215, [1] с.
11. Православная энциклопедия. Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М. : Православная энциклопедия, 2000-2018. – Т. 1–50.

12. Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 3 вып. – Л. : Наука, Дмитрий Буланин, 1987–2004. – Вып. 1: XI – первой половины XIV вв. 1987. – 493 с.; Вып. 2, ч. 1: вторая половина XIV–XVI в.: Ч. 1. А-К. – 1988 – 516 с.; Вып. 2, ч. 2: вторая половина XIV–XVI в.: Ч. 2. Л-Я. – 1989. – 528 с.; Вып. 3, ч. 1: XVII в.: Ч. 1. А-З. – 1992. – 412 с.; Вып. 3, ч. 2: XVII в.: Ч. 2. И-О. – 448 с.; Вып. 3, ч. 3: XVII в.: Ч. 3. П-С. – 1998. – 520 с.; Вып. 3, ч. 4: XVII в.: Ч. 4. Т-Я. Дополнения. – 2004. – 896 с.
13. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Издательство АН СССР, 1958 – Т. 3.
14. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка: Т. 1.: Е–К / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – 1420 стб.
15. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка: Т. 2.: Ч. 1: Л–О / И. И. Срезневский. – М. : Книга, 1989. – 852 стб.
16. Срезневский, И. И. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук: в 2 кн. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Имп. Акад.наук, 1847.
17. Строев, П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви / П. М. Строев. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 584 с.
18. Толковый словарь живаго великорусскаго языка Владимира Даля URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=2111> Дата обращения 07.11.2017.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РУССКИЕ МИТРОПОЛИТЫ И ЕПИСКОПЫ (КОНЕЦ X-XIII ВВ.)

Киевские митрополиты

Михаил прибыл на Русь в 989 г.¹
 Леонтий прибыл на Русь в 992 г.²
 Феопемпт упоминается под 1039 г.³
 Илларион поставлен митрополитом в 1051 г.⁴
 Ефрем упоминается под 1055 г.⁵
 Георгий - 1062-1077 гг.⁶
 Иоанн упоминается под 1086 г.⁷, 1088 г.⁸, 1089 г.⁹
 Иоанн - 1090 г.¹⁰ - 1091 г.¹¹
 Николай¹²
 Никифор 1104 г.¹³ - 1121 г.¹⁴
 Никита 1122 г.¹⁵ - 1126 г.¹⁶
 Михаил 1131 г.¹⁷ - 1145 г.¹⁸
 Климент (Смолятич) избран в 1147 г.¹⁹
 Константин 1156 г.²⁰ - 1159 г.²¹
 Феодор 1161 г.²² - 1163 г.²³
 Иоанн 1164 г.²⁴ - 1166 г.²⁵

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 57.

² Там же. С. 64.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 142.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 156.

⁵ НПЛ. С. 183; ПСРЛ. Т. 9. С. 91.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 174.

⁷ Там же. Стб. 207.

⁸ Там же. Стб. 208.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Стб. 209.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 201.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 265.

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293.

¹⁵ Там же. Стб. 294.

¹⁶ Там же. Стб. 297.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 313.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 172–173; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 486.

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 504-505; ПСРЛ. Т. 9. С. 214.

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 515.

²³ Там же. Стб. 523.

²⁴ Там же. Стб. 523.

²⁵ НПЛ. С. 219.

Константин 1167 г.¹ – упоминается 1169 г.²

Михаил (?)

Никифор прибыл в 1182 г.³

Матфей преставился в 1220 г.⁴

Кирилл 1224 г.⁵ - 1233 г.⁶

Иосиф прибыл в 1237 г.⁷

Кирилл 1247 г. - 1280 г.⁸

Максим 1283 г.⁹ - 1305 г.¹⁰

Северо-Западные епископии

Новгородская епископия

Кафедральный собор св. Софии

Иоаким Корсунянин (бѣ епископомъ 42 лѣт)¹¹ 988 г.¹² - 1029 г.¹³

Ефрем¹⁴ упомянут как ученик Иоакима Корсунянина, не рукоположен¹⁵

Лука Жидята (бѣ епископомъ 23 лѣт)¹⁶ 1034 (1036) г.¹⁷ - 1059 г.¹⁸

Стефан (бѣ епископомъ 8 лѣт)¹⁹ 1059 г.²⁰ - 1068 г.²¹

Федор (бѣ епископомъ 9 лѣт)²² преставился в 1077 г.²³

Герман (бѣ епископомъ 18 лѣт)²⁴ преставился в 1096 г.²⁵

¹ НПЛ. С. 219.

² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 357.

³ ПСРЛ Т. 2. Стб. 628.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

⁶ Там же. Стб. 513.

⁷ Там же. Стб. 515.

⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 153.

⁹ Там же. С. 154.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 529.

¹¹ НПЛ. С. 473.

¹² Там же. С. 159-160.

¹³ ПСРЛ. Т. 9. С. 79.

¹⁴ НПЛ. С. 473.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 79; ПСРЛ Т. 4. С. 113.

¹⁶ НПЛ. С. 473.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 139; ПСРЛ. Т. 4. С. 114; ПСРЛ. Т. 9. С. 83.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 91.

¹⁹ НПЛ. С. 473.

²⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 92

²¹ Там же. С. 96.

²² НПЛ. С. 473.

²³ Там же. С. 18, 201.

²⁴ Там же. С. 473.

²⁵ ПСРЛ. Т.4. Ч. 1. Вып. 1. С. 133, 137.

Никита (бѣ епископомъ 13 лѣт)¹ преставился в 1108 г.²
 Иоанн Попьян (сѣдѣвъ 20 лѣт, отвержеся архиепископья; сего не поминают)³
 1110 г.⁴ - 1130 г.⁵
 Нифонт (бѣ архиепископомъ 25 лѣт)⁶ 1130 г.⁷ - 1156 г.⁸
 Аркадий (бѣ епископомъ 8 лѣт)⁹ избран в 1156 г.¹⁰, рукоположен в 1158 г.¹¹,
 преставился в 1163 г.¹²
 Илья (Иоанн) (бѣ епископомъ 21 лѣт)¹³ 1165 г.¹⁴ - 1186 г.¹⁵
 Григорий (Гаврила) (бѣ епископомъ 6 лѣт)¹⁶ 1187 г.¹⁷ - 1193 г.¹⁸
 Мартирий (бѣ епископомъ 6 лѣт)¹⁹ 1193 г.²⁰ - 1199 г.²¹
 Митрофан(бѣ епископомъ 11 лѣт; заточень бысть в Торопець)²² избран в
 1199 г.²³, рукоположен в 1201 г.²⁴, смещен, отправлен в Торопец в 1211 г.²⁵,
 поставлен повторно в 1219 г.²⁶, преставился в 1223 г.²⁷
 Антоний (бѣ епископомъ 8 лѣт, и дасть ему епископью в Перемышль
 митрополит)²⁸ поставлен в 1211 г.²⁹, смещен 1219 г.³⁰, переведен в
 Перемышль в 1220 г.³¹, возвращен на кафедрѹ в 1225 г.³², удалился в

¹ НПЛ. С. 473.

² Там же. С. 19, 203

³ Там же. С. 473.

⁴ Там же. С. 19, 203.

⁵ Там же. С. 22, 207.

⁶ Там же. С. 473.

⁷ Там же. С. 22, 207.

⁸ Там же. С. 216.

⁹ Там же. С. 473.

¹⁰ Там же. С. 216-217.

¹¹ Там же. С. 217.

¹² Там же. С. 218.

¹³ Там же. С. 473.

¹⁴ Там же. С. 219.

¹⁵ Там же. С. 228.

¹⁶ Там же. С. 473.

¹⁷ Там же. С. 229.

¹⁸ Там же. С. 231.

¹⁹ Там же. С. 473.

²⁰ Там же. С. 232.

²¹ Там же. С. 238.

²² Там же. С. 473.

²³ Там же. С. 238.

²⁴ Там же. С. 239.

²⁵ Там же. С. 250.

²⁶ Там же. С. 261.

²⁷ Там же. С. 263.

²⁸ Там же. С. 473.

²⁹ Там же. С. 250.

³⁰ Там же. С. 261.

³¹ Там же. С. 261.

³² Там же. С. 269.

Хутыский монастырь в 1228 г.¹, возвращен на кафедру в 1228 г.², смещен в 1229 г.³

Арсений⁴ введен во двор в 1223 г.⁵, поставлен, затем изгнан в 1228 г.⁶;
Спиридон (бѣ епископомъ 20 лѣт)⁷ 1229 г.⁸ - 1249 г.⁹

Далмат (бѣ епископомъ 23 лѣт)¹⁰ 1251 г.¹¹ - 1274 г.¹²

Климент (бѣ епископомъ 23 лѣт)¹³ избран в 1274 г.¹⁴, рукоположен в 1276 г.¹⁵, преставился в 1299 г.¹⁶

Феоктист (бѣ епископомъ 8 лѣт)¹⁷ избран в 1299 г.¹⁸, рукоположен в 1300 г.¹⁹ преставился в 1308 г.²⁰

Западные епископии

Белгородская епископия

Кафедральный собор св. Апостолов

Никита (?) возведен в 992 г.²¹

Никита²² / Стефан²³ упомянут под 1072 г.

Лука упомянут под 1089 г.²⁴

Никита поставлен в 1113 г.²⁵

Феодор упомянут под 1147 г.²⁶

Имя неизвестно Около 1166 г. автор поучения попам, написанного совместно с новгородским архиепископом Ильей (Иоанном)¹

¹ НПЛ. С. 270.

² Там же. С. 272-273.

³ Там же. С. 274.

⁴ Там же. С. 274.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Там же. С. 272.

⁷ Там же. С. 474.

⁸ Там же. С. 274-275.

⁹ Там же. С. 304.

¹⁰ Там же. С. 474.

¹¹ Там же. С. 304.

¹² Там же. С. 322-323.

¹³ Там же. С. 474.

¹⁴ Там же. С. 322-323.

¹⁵ Там же. С. 323.

¹⁶ Там же. С. 330.

¹⁷ Там же. С. 474.

¹⁸ Там же. С. 330.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 333.

²¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

²² Успенский сборник XII-XIII вв. М., 1971. С. 62.

²³ ПСРЛ. Т. 9. С. 99-100.

²⁴ Киево-Печерский Патерик. С. 395; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 278

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341-342.

Максим упомянут под 1187 г.² - 1190 г.³

Андреян поставлен в 1190 г.⁴

Олекса упоминается под 1231 г.⁵

Туровская епископия

Кафедральный собор Успения Богоматери

Райнберн возглавлял епископию при Владимире Святославиче⁶

Фома первый епископ согласно Уставной грамоте (XIV в.)⁷

Кирилл? поставлен в 1114 г.⁸

Симон имя епископа восстанавливаются на основании «Слова о Мартине монахе, что пребывал в Турове»⁹

Игнатий имя епископа восстанавливаются на основании «Слова о Мартине монахе, что пребывал в Турове»¹⁰

Иоаким (Аким/Яким) рукоположен в 1144 г.¹¹ - взят в плен в 1146 г.¹²

Георгий имя епископа восстанавливаются на основании «Слова о Мартине монахе, что пребывал в Турове»¹³

Кирилл (?)

Лаврентий упоминается под 1182 г.¹⁴

Последующие сведения о туровской епископской кафедре относятся к XIV в

Полоцкая епископия

Кафедральный собор св. Софии

Мина 1105 г.¹⁵ - 1116 г.¹⁶

Илья упомянут под 1120 г.¹

¹ Илья архиепискуп Новгородский исправил с Белгородским епископом. С. 221–224.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 659.

³ Там же. Стб. 667.

⁴ Там же.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457.

⁶ *Титмар Мерзебургский* Хроника. С. 162–163.

⁷ *Щапов Я.Н.* Туровские уставы XIV в. о десятине. С. 254, С. 258.

⁸ ПСРЛ. Т. 1: Стб. 290.

⁹ Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове... URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10110> дата обращения 25.02.2017).

¹⁰ Там же.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315.

¹² ПСРЛ Т. 1. Стб. 315.

¹³ Слово о Мартине монахе, что пребывал в Турове... URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10110> дата обращения 25.02.2017). Данный источник описывает явление страдающему от грыжи Мартину «мниху» святых заступников Бориса и Глеба.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 628.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292.

Кузьма поставлен в 1143 г.²

Дионисий упомянут в житии Евфросинии Полоцкой³ - преставился в 1183 г.⁴

Николай Гречин упомянут под 1183 г.

Без имени пришел из Царьграда в 1218 г.⁵

Смоленская епископия
(Выделена из Переяславской епископии)
Кафедральный собор Успения Богоматери

Мануил 1137 г.⁶ - упоминается в 1167 г.⁷

Константин упоминается в 1180 г.⁸

Симеон упоминается в 1197 г.⁹

Без имени упоминается в 1205 г.¹⁰

Игнатий упоминается в 1218-1220 гг.¹¹

Лазарь упоминается в связи с религиозным движением под руководством Авраамия Смоленского¹²

Афанасий упоминается в «Помяннике смоленских епископов XVI в»¹³

Иоанн упоминается в «Помяннике смоленских епископов XVI в»¹⁴

Пофирий упоминается в «Помяннике смоленских епископов XVI в»¹⁵

Фома упоминается в «Помяннике смоленских епископов XVI в»¹⁶

Пахомий упоминается в «Помяннике смоленских епископов XVI в»¹⁷

Юго-Западные епископии

Владими́ро-Во́лынская еписко́пия
Кафедральный собор Успения Богоматери

Стефан поставлен в 992 г.¹⁸

¹ Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10128>. [дата обращения 25.10.2018](#).

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 314

³ Там же.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 630–631.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441–442.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 301.

⁷ Там же. Стб. 528.

⁸ Там же. Стб. 616.

⁹ Там же. Стб. 702.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 7. С. 112.

¹¹ Житие Авраамия Смоленского. С. 30–65.

¹² Там же.

¹³ Помянник смоленских епископов XVI в. С. 224.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

Стефан упоминается в 1091 г.¹ - 1094 г.²

Амфилохий 1105 г.³ - 1122 г.⁴

Симеон 1123 г.⁵ - 1136 г.⁶

Феодор 1137 г.⁷ - упоминается в 1147 г.⁸

под 1223 г. упоминаются епископы «Асафъ..., Василеи..., Микифоръ прирокомъ Станило ... и потом Коузма»⁹

Юрьевская/Каневская епископия

Кафедральный собор св. Георгия

Михаил упоминается в 1072 г.¹⁰ и 1073 г.¹¹

Антоний упоминается в 1089 г. как епископ «пороський»¹²

Марин упоминается в 1091 г.¹³

1095 г. после разгрома города Юрьева половцами епископский центр был перенесен во вновь выстроенный город Святополч (Витичев)¹⁴

Даниил 1114 г.¹⁵ - 1122 г.¹⁶

Дамиан упоминается в 1147 г.¹⁷, 1154 г. упоминается как епископ «каневский»¹⁸¹⁹

Епископ «гюрговьский» упоминается в 1183 г.²⁰

Епископ «гюргевьский» упоминается в 1231 г.²¹

Перемышльская епископия

Кафедральный собор св. Иоанна Предтечи

Антоний переведен в Перемышль в 1220 г.¹

¹ Киево-Печерский патерик С. 126; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 211; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 202; ПСРЛ. Т. 9. С. 117.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 217; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 226.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 257.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 293; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286.

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 288.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 305.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 286; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 305.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 340.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 739-740.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171.

¹¹ Там же. Стб. 173.

¹² Там же. Стб. 199.

¹³ Там же. Стб. 202.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 202, 219; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 211, 229.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 291.

¹⁶ Там же. Стб. 293.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341-342.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341, 476; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 344.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 341, 476; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 344.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 634.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456.

«Владыка перемышльський» упоминается в 1241 г.²

Галицкая епископия

Кафедральный собор Успения Богоматери

Кузьма 1156 г.³ - упоминается в 1165 г.⁴

Артемий упоминается в 1236 г.⁵, 1241 г.⁶

Угровская/Холмская епископия

Кафедральный собор Успения Богоматери

Асаф (Иоасаф) «скочи на столь митрофоличь и за то свержень быѥ стола своего» в 1223 г.⁷

Иоанн упоминается в 1259 г.⁸

Северо-Восточные епископии

Ростовская епископия

Кафедральный собор Успения Богоматери

Федор поставлен в 992 г.⁹

Леонтий упоминается в послании епископа владимирского и суздальского Симона как первый вознесенный «на высоту святительских престолов»¹⁰

Исайя упоминается в 1089 г.¹¹

Ефрем упоминается в 1096 г.¹²

Нестор упоминается в 1149 г.¹³, изгнан с кафедры 1157 г.¹⁴

Леон поставлен в 1158 г.¹⁵, изгнан в 1159 г.¹⁶, преставился в 1183 г.¹⁷

Федор (Феодорец) изгнан в 1171 г.¹

¹ НПЛ. С. 261.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 793.

³ ПСРЛ. Т. 7. С. 66, 78; ПСРЛ. Т. 25. С. 63, 73.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524.

⁵ Там же. Стб. 777.

⁶ Там же. Стб. 793.

⁷ Там же. Стб. 740.

⁸ Там же. Стб. 846.

⁹ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

¹⁰ Киево-Печерский Патерик. С. 394.

¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 199. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 207–208.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 238.

¹³ *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков) Общее повременное обозрение. С палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863. С. 30.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 210–211.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492.

¹⁶ Там же. Стб. 494.

¹⁷ Там же. Стб. 630.

Леон преставился в 1183 г.²

Лука 1183 г.³ - 1189 г.⁴

Иоанн 1190 г.⁵. - отказался от кафедры в 1214 г.⁶

Пахомий 1214 г.⁷ - 1216 г.⁸

Кирилл поставлен в 1216 г.⁹, осужден в 1229 г.¹⁰, преставился в 1230 г.¹¹

Кирилл поставлен в 1230 г.¹², удалился на покой в 1261 г.¹³, преставился в 1262 г.¹⁴

Игнатий 1262 г.¹⁵ - 1288 г.¹⁶

Тарасий 1288 г.¹⁷ - 1304 г.¹⁸

Симеон поставлен в 1295 г.¹⁹, переведен во Владимир в 1297 г., переведен в Ростов в 1299 г.²⁰, преставился в 1311 г.²¹

Рязанская епископия
(выделена из Черниговской епископии)
Кафедральный собор Успения Богоматери

Безымянный епископ упомянут под 1206 г.²²

Арсений упоминается под 1207 г.²³, 1208 г.²⁴, 1212 г.²⁵

Ефросин упоминается под 1224 г.²⁶

Василий, перенес свою резиденцию из Муром в Переяславль-Рязанский преставился в 1295 г.²⁷

¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 241.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 391; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 631.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408.

⁵ Там же. Стб. 409.

⁶ Там же. Стб. 439.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Стб. 440.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 452.

¹¹ Там же. С. 455.

¹² Там же. Стб. 457.

¹³ Там же. Стб. 476–477.

¹⁴ Там же. Стб. 477.

¹⁵ Там же. Стб. 524.

¹⁶ Там же. Стб. 527.

¹⁷ Там же. Стб. 527.

¹⁸ Там же. Стб. 528.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Стб. 530.

²² Там же. Стб. 434.

²³ Там же. Стб. 432.

²⁴ Там же. Стб. 435.

²⁵ Там же. Стб. 438.

²⁶ *Лихачев Д.С.* Повести о Николае Заразском // ТОДРЛ. Л, 1949. Т. 7. С. 286.

²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

Владими́ро-Сузда́льская еписко́пия
(выделена из Ростовской епископии)
 Кафедральный собор Успения Богоматери

Симон 1214 г.¹ - 1226 г.²
 Митрофан 1227 г.³ - 1238 г.⁴
 Серапион 1274 г.⁵ - 1275 г.⁶
 Феодор 1276 г.⁷ - 1286 г.⁸
 Иаков поставлен в 1288 г.⁹
 Семен поставлен в 1295 г.¹⁰

Тверская епископия
(выделена из Полоцкой епископии)
 Кафедральный собор св. Косьмы и Дамиана

Симеон, переведен из Полоцка, упоминается в 1285 г.¹¹, преставился в 1289 г.¹²
 Андрей поставлен в 1289 г.¹³, упоминается в 1295 г. венчал князя Михаила¹⁴

Юго-Восточные епископии

Черниговская епископия
 Кафедральный собор св. Спаса Преображения

Неофит поставлен в 992 г.¹⁵
 Неофит (митрополит) упоминается под 1072 г.¹⁶
 Иоанн упоминается под 1089 г.¹⁷, 1091 г.¹⁸, преставился в 1111 г.¹

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 439.

² Там же. Стб. 448.

³ Там же. Стб. 449.

⁴ Там же. Стб. 518–519.

⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 151.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 526; ПСРЛ. Т. 25. С. 156.

⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 156.

¹⁰ Там же. С. 158.

¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; ПСРЛ. Т. 25. С. 156.

¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 157.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 9. С. 65.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171.

¹⁷ ПСРЛ. 1. Стб. 209 (Иоанн Черниговский ошибочно назван Исайей); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 200.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 212; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 203.

Феоктист 1113 г.² - 1123 г.³

Пантелеймон преставился в 1142 г.⁴

Онофрий 1143 г.⁵ – упоминается в 1147 г.⁶

Антоний Гречин упоминается в 1159 г.⁷ - изгнан в 1163 г.⁸

Перфурий (Порфирий) упоминается под 1187 г.⁹

Перфурий упоминается под 1230 г.¹⁰, 1239 г.¹¹

Переяславская епископия

Кафедральный собор св. Архистратига Михаила

Петр упоминается под 1072 г.¹²

Николай, упоминается в числе воспитанников Киево-Печерского монастыря¹³

Ефрем, упоминается под 1089 г.¹⁴

Лазарь 1105 г.¹⁵ - 1118 г.¹⁶

Силивестр 1118 г.¹⁷ - 1123 г.¹⁸

Марк (Маркел) 1126 г.¹⁹ - 1134 г.²⁰

Евфимий поставлен в 1141 г.²¹

Василий (Василиць)

1156 г. поставлен²²

Павел упоминается под 1198 г.²³

Симеон погиб в 1239 г.²⁴

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274.

² НПЛ. С. 20, 204; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 290; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 275.

³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 294. (назван Феоклистом); ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287–288.

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310.

⁵ Там же. Стб. 314.

⁶ Там же. Стб. 341.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 348.

⁸ ПСРЛ. Т. 9. С. 236.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 405–406.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 456.

¹¹ Там же. Стб. 470.

¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 171.

¹³ Киево-Печерский Патерик. С. 394.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 9. С. 117.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 281.

¹⁶ Там же. Стб. 292.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 294, ПСРЛ. Т. 2. Стб. 287.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 304. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 296.

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 309.

²² ПСРЛ. Т. 25. С. 89.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 415.

²⁴ Там же. Стб. 470.

С 1269 г. Переяславская кафедра входит в состав Сарской епископии

Сарская епископия
Кафедральный собор не известен

Митрофан 1261 г.¹ - 1269 г.²

Феогност поставлен епископом Русскому Переяславлю и Сараю в 1269 г.³

Измаил упоминается под 1296 г.⁴, 1312 г.⁵

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 476; ПСРЛ. Т. 10. С. 143.

² ПСРЛ. Т. 10. С. 147–148.

³ Там же.

⁴ ПСРЛ. Т. 4. С. 45; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.

⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 178.